

ВЪ ГОСТЯХЪ

У ЭМИРА ВУХАРСКАГО

В. В. КРЕСТОВСКАГО

СЪ ТРЕМЯ ПОРТРЕТАМИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издание А. С. СУВОРИНА
1887.

ВЪ ГОСТЯХЪ У ЭМИРА БУХАРСКАГО

36к1.

въ гостяхъ

у эмира бухарского

В. В. КРЕСТОВСКАГО

съ тремя портретами

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издание А. С. СУВОРИНА
1887

Эмиръ Бухарскій Музафаръ-Ханъ.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2

дозв. ценз. спб., 2 окт. 1886 г.

I.

Отъ Ташкента до Самарканда.

Посольство въ Бухару, причины его отправленія, его составъ и подарки эмиру Бухарскому. — Выѣздъ изъ Ташкента. — Дорога ташкентскими предмѣстьями. — Старый Ташкентъ и фортъ Чиназъ. — Переправа черезъ Сыръ-Дарью. — „Голодная степь“ и ея обитатели. — Степные курганы. — Станція Малекъ. — Орелъ-сторожникъ. — Цистерна Тамерлана. — Соленая вода и жизнь на степныхъ станціяхъ. — Ливень и морозъ. — Обмерзлые шакалы. — Городъ Джизакъ и укрѣпленіе Ключевое. — Джизакское ущелье и Тамерлановы ворота. — Яны-кургавъ. — Тешный вѣтеръ и буря. — Перекати-поле. — Ямщики-туземцы. — Каменный мостъ. — Заравшанская долина. — Абдуллаховы арки и переправа черезъ Заравшанъ. — Общий видъ города Самарканда. — Афросіабъ и самарканскія кладбища. — Легенды объ основаніи города и о происхожденіи имени Самарканда.

По приѣздѣ въ Ташкентъ, 5 октября 1882 года, М. Г. Черняевъ засталъ тамъ бухарского посланника, токсабу¹⁾ Рахметъ-Уллу, нарочно присланного эмиромъ, чтобы отъ лица бухарского властителя привѣтствовать нового ярымъ-падшаха²⁾, вручить ему собственноручное письмо эмира, исполненное вскихъ благихъ пожеланій и надеждъ, что дружба Россіи къ Бухарѣ не измѣнится и впредь, и поднести по-

¹⁾ Чинъ, соответствующій полковнику. Произносится токсаба, но пишется тугсаба (отъ слова тугъ, что значитъ знамя съ конскимъ хвостомъ, бунчукъ). Этому чину присваивается, какъ знакъ отличія, тугъ, возимый въ военное время и въ строю особымъ знаменосцемъ за токсабой.

²⁾ Такъ обыкновенно величаютъ туркестанскихъ генералъ-губернаторъ всѣ средне-азіатцы. Ярымъ-ладшахъ собственно значитъ половина государя и выражаетъ наивысшую степень власти, какою можетъ быть облечено подданный довѣріемъ своего монарха.

четную саблю и прочие подарки, которые повелитель Бухары посыпаетъ во свидѣтельство своей дружбы.

По азіатскому обычью, любезность необходимо требуетъ равносильного отвѣта. Поэтому въ Ташкентѣ было снаряжено особое посольство въ Бухару, въ составъ коего вошли: свиты Его Величества генераль-маіоръ свѣтлѣйшій князь Витгенштейнъ и подполковникъ Крестовскій въ качествѣ пословъ, маіоръ Байтоковъ въ качествѣ толмача, докторъ медицины Эрнѣ въ качествѣ врача посольства. Кромеъ этихъ лицъ, посольству сопутствовалъ хорунжій кавказской милиціи Асланбекъ Карамурзаевъ, какъ частный ординарецъ князя Витгенштейна. Двадцать два уральскихъ и оренбургскихъ казака съ урядникомъ и трубачемъ и десять вооруженныхъ джигитовъ составляли почетный конвой посольства, члены коего должны были передать эмиру отвѣтное письмо главнаго начальника края, вложенное въ сумку изъ дорогой шелковой матеріи, и отвѣтные подарки, состоявшіе изъ слѣдующихъ вещей:

- 1) Портретъ Государя Императора въ рамкѣ изъ серебра, сдѣланной въ видѣ фронтона русской избы.
- 2) Две больши хрустальные вазы въ роскошной серебряной оправѣ для фруктовъ.
- 3) Два хрустальныхъ кувшина въ серебряной оправѣ для шербетовъ и прохладительныхъ напитковъ.
- 4) Серебряная сухарница съ изваяніемъ на ней видомъ Московскаго Кремля.
- 5) Серебряный самоваръ массивной работы.
- 6) Полный обѣденный фарфоровый сервизъ на двадцать четыре особы.
- 7) Полный хрустальный сервизъ на то же число особъ.
- 8) Два куска роскошнаго бархата на халаты.
- 9) Кусокъ дорогого плюша.
- 10) Кусокъ парчевой, золотомъ затканой, матеріи.
- 11) Телефонъ системы Белля съ полнымъ приборомъ къ установкѣ его для дѣйствія.

Двѣнадцатымъ подаркомъ предполагались двѣ большія

фарфоровыхъ вазы, работы Александровскаго завода старыхъ временъ, съ превосходными рисунками, орнаментовкой и по-золотой; но, къ сожалѣнію, по вскрытии въ Ташкентѣ ящи-ковъ, въ которыхъ они лежали, обѣ вазы оказались разбитыми.

Подарочные вещи выѣхѣ съ конвойными казаками, джи-гитами и верховыми лошадьми членовъ посольства были от-правлены за нѣсколько дней до нашего выѣзда въ Самаркандъ, гдѣ и надлежало имъ дожидаться нашего прибытія.

Задержанное на нѣкоторое время тяжелою болѣзнью князя Витгенштейна, посольство выѣхало изъ Ташкента только 14 декабря къ вечеру.

Дорога до первой почтной станціи Нязбашъ, на протя-женіи девятнадцати верстъ, идетъ вдоль рѣчки Саларъ почти непрерывными садами, которые подступили къ ней съ обѣихъ сторонъ густыми аллеями пирамидальныхъ тополей, ка-рагача и тала.

Глинобитныя стѣнки, обрамляющія эти сады, сгороды и небольшія пашни, тянутся справа и слѣва почти непрерыв-нымъ рядомъ вдоль пути, придавая ему скорѣе характеръ улицы, чѣмъ дороги; да это, если хотите, и дѣйствительно улица, потому что широкое кольцо садовъ и огородовъ, охватившее Ташкентъ со всѣхъ сторонъ, является непосред-ственнымъ продолженіемъ самого города и составляетъ его своеобразный предметъ.

Вторая станція, въ 15 верстахъ отъ первой, называется Старымъ Ташкентомъ — Эски-Ташкентъ. Это не болѣе какъ обыкновенный сартовскій кишлакъ съ двумя-тремя караванъ-сарайми, предлагающими свое гостепріимство, за известную конечно плату, проходящимъ по пути караванамъ. Но когда-то, въ глубокой древности, какъ указываютъ сартовскія пре-данія, городъ Ташкентъ (ташъ — камень, кентъ — поселеніе) стоялъ здѣсь, на этомъ мѣстѣ, и только уже впослѣдствіи, постепенно занимая предметами и садами все новые и новые участки земли въ сѣверо-восточномъ направлениі, будто бы передвинулся незамѣтно въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ

на свое нынѣшнее мѣсто, оставивъ прежнему запустѣлому городищу одно лишь имя Старого Ташкента.

Ночь стояла тихая, съ легкимъ морозцомъ, и хатъ намъ было свѣтло, даже вдвойнѣ свѣтло: и отъ луны, и отъ снѣга, сверкашаго отраженными лучами. Снѣжныя поляны, озаренные полною луной, позволяли еще издали различать чернѣвшіеся почутиные предметы: мостки, насыпи арычныхъ ровъ, отдельно стоящія деревья, тамъ и сямъ киплаки въ сторонѣ отъ большой дороги, изрѣдка фигуру какого нибудь запоздалаго всадника-туземца верхомъ на конѣ или верблюдѣ. Благодаря этому свѣту, мы живо отмахали двадцать верстъ, проѣхали чрезъ сартовское мѣстечко Чиназъ, или вѣрнѣе чрезъ его базаръ, крытый сверху поперечными жердями и цѣновками, и въ третью часу ночи добрались до русскаго Чиназа, гдѣ и заночевали.

15 декабря, вмѣстѣ съ разсвѣтомъ, пара колокольчиковъ подъ русскою дугою дала намъ знать своимъ позвяканьемъ, что лошади уже запряжены, и мы тронулись далѣе. Русскій городъ Чиназъ если и представляетъ собою городъ, то развѣ въ зачаткѣ: пять-шесть глинобитныхъ домиковъ съ садиками гдѣ живеть нѣсколько служащихъ, казармы мѣстной команды, почтовая станція, церковка, снаружи похожая болѣе на провіантскій складъ, чѣмъ на церковь, кладбище, обнесенное глинобитною оградой, гдѣ торчать нѣсколько деревянныхъ крестовъ, и въ сторонахъ — укрѣпленіе, построенное русскими на сартовской ладѣ изъ глины, прямымъ, невысокимъ зубчатыми стѣнками,—вотъ и все, что носить имя Чиназа. Стоить онъ на совершенно открытой плоскости, верстахъ въ пяти отъ Сырь-Дарьи, чрезъ которую здѣсь существуетъ паромная переправа. Между городомъ и берегомъ рѣки раскинулось нѣсколько убогихъ киргизскихъ зимовниковъ, отчасти оживляющихъ видъ пустыннаго побережья. На переправѣ, у разработаннаго землянаго спуска къ пристани, торчать два фонаря и столбъ съ прибитою къ нему тавсой, а немногого въ сторонѣ — двѣ камышевые сторожки, смастеренные на подобіе

киргизскихъ юртъ и служащія жилищемъ паромному ста-ростѣ и нѣсколькимъ перевозчикамъ. Въ этомъ районѣ своего протяженія, Сырь-Дарья съ замѣчательною для степной рѣки быстротой катить свои мелкія мутно-синеватые волны по совершенно плоской, со всѣхъ сторонъ открытой равнинѣ. Оба ея берега падаютъ къ уровню воды невысокими, около сажени, отвесными обрывами, которые во время разливовъ совсѣмъ покрываются водой. Общий видъ довольно широкой рѣки и этихъ плоскихъ береговъ унылъ и однообразенъ, и лишь суетливая дѣятельность на переправѣ вносить на минуту въ эту монотонно-скучную картину нѣкоторое оживленіе.

Паромы были на томъ берегу, когда мы подѣхали къ переправѣ. Изъ камышевой сторожки тотчасъ же выбѣжало нѣсколько киргизовъ, и пока одни изъ нихъ, махая руками выкрикивали съ того берега паромъ, другіе живо принялись выпрягать лошадей изъ нашихъ тарантасовъ. Нагруженный развязанными верблюдами, которыхъ на томъ берегу оставался еще цѣлый караванъ, одинъ изъ трехъ паромовъ вскорѣ отвалилъ отъ пристани и быстро стала спускаться внизъ по теченію, такъ что гребцамъ видимо приходилось употреблять немалыя усилия, чтобы преодолѣть силу теченія и направить къ нашей сторонѣ свою неуклюжую посудину. Здѣшніе паромы, это просто плоскодонныя двуносныя барки по мѣстному „каюки“, поверхъ которыхъ положена досчатая настилка. Барка спускается внизъ по теченію, затѣмъ, когда наконецъ гребцамъ удастся подвести ее къ другому берегу, съ нея бросаютъ на берегъ конецъ каната, который тамъ прикрѣпляется къ лямкѣ, надѣтой на лошадь, и эта послѣдняя, понукаемая сидящимъ на ней киргизенкомъ, шажкомъ дотаскиваетъ паромъ до пристани. Съ праваго берега на лѣвый переправа уже значительно легче, такъ какъ пристань того берега расположена ниже по теченію, благодаря чему мы вмѣстѣ съ экипажами и лошадьми перебрались на ту сторону минутъ въ десять.

Здѣсь уже сразу пошла „Голодная степь“, вполнѣ оправ-

дывающая свое сурое название. Залегая между лѣвымъ берегомъ Сыра и Нуратинскимъ горнымъ хребтомъ, она тянется верстъ на двѣсти въ сѣверо-западномъ направленіи и сливается наконецъ съ Кизиль-кумами. Намъ предстояло въ этотъ день пересѣчь ее поперегъ, на протяженіи 120 верстъ отъ Чиназской переправы до города Джизака.

Лѣвый берегъ Сыра покрытъ высокими густыми камышами, заросли коихъ тянутся версты на полторы въ глубь степи. Камышъ этотъ съ виду щетиноватъ и растетъ какъ бы снопами, сплошь покрываю собой отдельные кочки, усѣзвшія все видимое пространство берега. За полосой камышей, вѣтво отъ дороги, на берегу болотистаго плеса или озера, называемаго Чибынтай, высятся развалины чего-то въ родѣ укрѣщенія съ изогнутыми круглыми башнями. На вопросъ, что это за развалины, ямщикъ-киргизъ, очень порядочно говорящій по-русски, объяснилъ, что въ народѣ мѣсто это называютъ Урумбай-курганъ, но что тутъ не было крѣпости, а просто лѣтъ пятьдесятъ назадъ одинъ богатый человѣкъ Урумбай построилъ себѣ такой дворъ въ свое удовольствіе.

Миновавъ Урумбай-курганъ, вы уже окончательно вступаете въ область Голодной степи. Напрасно взоръ вашъ, блуждая по ея пространствамъ, будетъ искать хотя малѣйшаго естественнаго возвышенія почвы, малѣйшаго деревца или кустика, малѣйшаго намека на человѣческое жилье,—ничего этого нѣтъ: все пусто, однообразно, мертво... Степь во всѣ стороны раскинулась идеально ровною гладью, словно море въ глубокій штиль, и какъ море же, она почти незамѣтно сливается съ чертой горизонта. Ёдешь чѣть, ёдешь два, и все будто на одномъ и томъ же мѣстѣ. Куда ни глянь—повсюду стелется предъ глазами безконечный коверъ изжелта-бураго и рыжеватаго цвѣта. Это засохшіе стебельки степныхъ травъ, торчащіе изъ-подъ снѣга. Говорятъ, что весной, во второй половинѣ апрѣля мѣсяца, эта самая Голодная степь чудо какъ хороша. Тогда она представляется сплошнымъ изумрудно-зеленымъ ковромъ, испещреннымъ безчисленными цвѣтами,

среди которыхъ первое мѣсто принадлежитъ тюльпану, подсъжнику и солянке; не мало встрѣчается и красивыхъ на видъ, но отвратительныхъ по запаху, толстыхъ стеблей асса-фетиды, покрытыхъ шарообразною шапкой зонтичныхъ изжелта-зеленовато-блѣлыхъ цветовъ,—растеніе, которое здесь почему-то прозвали „бухарскою капустой“. Наземныя черепахи (*Testudo*) разгуливаютъ тутъ въ это время цѣлыми тысячами; множество пѣвчихъ птицъ и блестящихъ насѣкомыхъ рѣбуть въ воздухѣ, оглашая пустыню своимъ щебетаньемъ, трескотней и жужжаньемъ. Это истинно весенний праздникъ, весенне ликованье Голодной степи, но увы! длится оно недолго. Едва пройдетъ двѣ недѣли, какъ немилосердно палящее солнце уже окончательно вытянетъ изъ земли всю влагу, скопившуюся въ ней за зиму, и превратить почву въ сухой камень; изумрудно-пестрый коверъ быстро начинаетъ блекнуть, желтѣть и едва минуютъ первыя числа мая, какъ степь уже умерла, вся ея растительность окончательно выгорѣла, иссохла и, глядя на жалкіе рыжеватые стебельки, уныло торчащіе, какъ щетинистая щетка, на пепельно-сѣрой поверхности почвы, трудно даже вѣрить, что не далѣе какъ дней десять назадъ все это здѣсь такъ энергично развивалось, росло, цвѣло, благоухало и живя жило съ такимъ, повидимому, богатымъ запасомъ жизненной силы. Однѣ только большія фаланги, красивые хамелеоны и иная мелкая и крупная ящерицы, въ аршинъ и болѣе длиной, разнообразныя змѣи (есть и большія, въ родѣ удавовъ) да отвратительные клещи остаются неизѣнными обитателями Голодной степи на все остальное время убѣйственныхъ жаровъ, продолжающихся при полномъ бездождїи почти до октября мѣсяца. Даже черепахи въ эту пору исчезаютъ въ своихъ норахъ и появляются сравнительно рѣдко. Между тѣмъ самая роскошь и изобиліе этой растительности видимо свидѣтельствуютъ, что почва степи сама по себѣ очень хороша и сторицей окупила бы труды земледѣльца, будь лишь въ достаточномъ количествѣ вода... Еслибъ удалось искусственнымъ путемъ, посредствомъ ли ариковъ, или посредствомъ

артезианскихъ колодцевъ, оросить хотя бы часть Голодной степи, то тутъ мы имѣли бы лучшія, можетъ быть, пашни этого края. Что орошеніе этой степи дѣло далеко не невозможное, о томъ свидѣтельствуютъ и понынѣ мѣстами замѣтные на ней слѣды и остатки древнихъ арыковъ. Когда-то энергіи человѣка удалось уже здѣсь побѣдить сопротивленіе природы и обратить мертвую пустыню въ населенный и цвѣтущій оазисъ, но это было въ очень отдаленной древности, и можно думать, что какія нибудь войны или нашествія иноzemенниковъ вынудили культурныхъ обитателей степи удалиться изъ нея, бросивъ на произволъ судьбы свои арыки и пашни, и съ тѣхъ поръ она снова обратилась въ „голодную“. Относительно этихъ древнихъ арыковъ, судя по сохранившимся слѣдамъ ихъ направленія, имѣются всѣ основанія думать, что одни изъ нихъ, и именно тѣ, что встрѣчаются въ восточномъ концѣ степи отъ Урумбай-кургана до станицы Малекъ, истекали изъ Сырь-Дарьи и въ нее же впадали, то есть были какъ бы ея искусственными рукавами; другіе же, орошившия степная пространства ближе къ ихъ центру, направлялись не отъ Сыра, а отъ горъ, со стороны Джизака, что и подтверждается слѣдами арычныхъ сооруженій, которые преимущественно попадаются въ южной и западной частяхъ степи, имѣющей въ общемъ пологій склонъ къ востоку, въ сторону Сыра. И вотъ почему было вполнѣ безполезно продолжать начатыя въ 1871 году гигантскія работы по сооруженію большого арыка для орошения Голодной степи со стороны Ходжента: казенныхъ денегъ и землеконнаго труда похоронено въ этомъ дѣлѣ цѣлая бездна, а результатовъ никакихъ, такъ что генералъ-губернаторъ нашелъ нужнымъ прекратить дальнѣйшее сооруженіе широко, но непрактично задуманнаго арыка. Не успѣшили бы опытъ съ артезианскимъ колодцемъ? Повидимому, сѣверо-восточные склоны Нуратинского хребта своею достаточной пологостью подаютъ надежду, что устройство артезианскаго колодца могло бы увѣнчаться полнымъ успѣхомъ. Будь лишь вода, и степь въ три-четыре года покрылась бы рос-

кошными садами, рощами и аллеями. Солнце здѣсь безъ воды убиваетъ; съ водой же оно въ самый непродолжительный періодъ времени, отъ трехъ до пяти лѣтъ, дѣлаетъ просто чудеса въ растительномъ мірѣ: глядя на иное дерево, въ родѣ напримѣръ павлоніи, и прикидывая въ нему глазомъ нашъ сѣверный масштабъ, вы думаете, что оно растетъ по крайней мѣрѣ лѣтъ тридцать, и не рѣшаетесь повѣрить, когда вамъ говорятъ, что вѣтъ еще и пяти лѣтъ, какъ оно посажено.

Но вотъ впереди на горизонтѣ прорѣзался силуэтъ высокаго кургана. Вѣнко отъ него, верстахъ въ трехъ, начинаетъ показываться другой, подобный же, еще лѣвѣ—третій. Это урочище извѣстно у кочевниковъ подъ именемъ „Учъ-Тюбе“, то есть три бугра; по нимъ ориентируются проходящіе караваны. Почтовая дорога пролегаетъ какъ разъ мимо крайняго кургана, такъ что я могъ осмотрѣть его довольно обстоятельно. Происхожденіе его, равно какъ и двухъ соседнихъ, несомнѣнно есть дѣло рукъ человѣческихъ: всѣ они искусственные, то есть насыщены, въ чемъ убѣждаетъ одинаковость основныхъ формъ не только этихъ трехъ, но и прочихъ кургановъ, встрѣчавшихъ намъ на дальнѣйшемъ пути до самой Бухары и далѣе. Вообще всѣ курганы, видѣнныя мною въ степяхъ Средней Азіи, мнѣ кажется, можно подраздѣлить на три рода: военные, могильные и молотильные (для молотьбы шеницы). Я еще не разъ буду имѣть случай возвратиться къ этому предмету, а потому, оставляя пока прѣчь о курганахъ могильныхъ и молотильныхъ, скажу нѣсколько словъ о военныхъ или стратегическихъ, къ числу которыхъ относятся и три кургана (Учъ-Тюбе) Голодной степи. Они, какъ и все прочіе военные курганы, имѣютъ продолговатую форму съ уклонами скатовъ около 45° , и у всѣхъ одинъ конецъ (въ данномъ случаѣ восточный) значительно возвышается въ видѣ четырехсторонней усѣченной пирамиды надъ остальной поверхностью кургана. Если вы начертите профиль обыкновенной полевой батареи съ нѣсколько болѣе возвышеннымъ брустверомъ, но безъ рва, то это будетъ типичнѣйший силуэтъ

здѣшнихъ боевыхъ кургановъ. Въ степи, гдѣ очень мало движенія и жизни, они сохранились лучше, чѣмъ въ мѣстахъ населенныхъ. Подъ Самаркандомъ, напримѣръ, и вообще въ непосредственномъ сосѣдствѣ густо населенныхъ мѣстъ и даже среди самыхъ селений Заравшанской и Шахрисябской долинъ, или подъ Бухарой, гдѣ на подобныхъ курганахъ и ребятишки играютъ, и скотъ пасется, и вообще происходит разныя отирания житейскаго осѣдлого быта, эта рѣзкая очерченность курганныхъ формъ, подъ вліяніемъ постоянной непосредственной близости человѣка, уже значительно скругляется и слаживается, такъ что во многихъ курганахъ вы встрѣчаете лишь два рядомъ стоящіе бугра, одинъ побольше, другой поменьше и подлиннѣе, которые соединены или спаяны между собою какъ бы возвышеннымъ сѣдлисъмъ перешейкомъ. Эту послѣднюю слаженную форму мы неоднократно доводилось встрѣчать въ нашихъ новороссийскихъ и бессарабскихъ степяхъ у многихъ изъ такъ называемыхъ „сторожевыхъ“ кургановъ, и это наводитъ меня на предположеніе, что происхожденіе тѣхъ и другихъ одинаково; быть можетъ даже, что и средне-азіатскіе и новороссийскіе курганы суть произведенія одного и того же народа. Фронтъ ихъ, то есть наиболѣе возвышенная часть, какъ уже сказано, обращенъ на востокъ къ Сырь-Дарье, а въ другихъ на юго-востокъ къ великой горной странѣ Центральной Азіи, и если они служили въ качествѣ сторожевыхъ и опорныхъ пунктовъ, то стало быть врагъ народа ихъ соорудившаго надвигался съ востока, отъ Памира, и оттеснялъaborигеновъ страны все дальше и дальше къ сѣверо-западу. Преданія мѣстныхъ жителей считаютъ всѣ эти курганы произведеніемъ рукъ человѣческихъ и относятъ ихъ происхожденіе къ глубокой древности, „много, много раньше Тимура“. И надо замѣтить, что, по тѣмъ же преданіямъ, курганы эти имѣли значеніе военное, въ чёмъ и самъ я, впрочемъ, имѣлъ случай отчасти убѣдиться на станціи Яны-курганъ, гдѣ на подобномъ же бугрѣ сохранились еще слѣды недавняго бухарского укрѣ-

пленія въ видѣ разрушенной глинобитной стѣны съ зубцами. Это послѣднее укрѣпленіе хотя и принадлежитъ новѣйшему времени, но основная начертанія и формы его, какъ и всѣ вообще формы жизни и быта Средней Азіи, остаются неизмѣнно все тѣ же, что и во времена глубокой древности.

Первая станція въ Голодной степи (20 верстъ отъ Сырь-Дары) называется Малекъ. Станционный домъ и дворъ съ постройками обнесены съ четырехъ сторонъ глинобитною стѣной, въ родѣ редута, который фланкированъ съ двухъ противоположныхъ по діагонали угловъ круглыми башнями съ бойницами внутри и съ зубчатыми стрѣльницами на кровляхъ. Хотя башни эти служатъ не болѣе какъ складочнымъ мѣстомъ для фуража и сѣна, но въ случаѣ надобности могли бы послужить и защитой противъ степныхъ хищниковъ, барантачей, которые еще нѣсколько лѣтъ назадъ хозяйствили около Мурза-Рабата, служившаго имъ притономъ, да и теперь не вполнѣ можно сказать, что пора ихъ безвозвратно миновала. Около того же Мурза-Рабата взять былъ ими въ плѣнъ покойный поручикъ Служенко, испытавшій въ Бухарѣ всѣ невзгоды клоповника; попадались одиночные казаки или солдаты, а особенно жутко приходилось обратнымъ ямщикамъ киргизамъ.

Подъѣзжая къ станціи, не далѣе какъ въ десяти шагахъ отъ жилья, замѣтили мы большого бурокрылого орла-стервятника съ неоперенными головой и шеей бѣлаго цвѣта, сидѣвшаго на кучѣ старого мусора и навоза. Общий видъ этой гологоловой птицы совершенно напоминалъ африканскаго грифа. Мы проѣхали мимо нея шагахъ въ пять не болѣе, но, къ удивленію, орель не выказалъ ни малѣйшаго беспокойства при видѣ нашего экипажа въ столь близкомъ отъ себя разстояніи и продолжалъ какъ ни въ чёмъ не бывало сидѣть на своемъ мѣстѣ, оглядывая насъ серьезными зоркими глазами. Мы было подумали, что онъ ручной и проживаетъ на здѣшней станціи, но изъ разспросовъ оказалось, что „вольный“ и что на Голодной степи живетъ ихъ много, равно

какъ и дудаковъ (дрофъ), а смѣлы они и довѣрчивы таѣ оттого, что никто ихъ не стрѣляетъ.

Вторая станція въ степи Мурза-Рабатъ безъ малаго въ 34 верстахъ отъ Малека, а третья Агачь-Та-Рабатъ въ 31 верстѣ отъ второй. Всѣ построены совершенно такъ же, какъ и Малекъ, то есть редутомъ съ фланкирующими башнями. За Агачь-Та-Рабатомъ въ 22 верстахъ, четвертая станція Учъ-Тюбе (Три Бугра), а за этой послѣдней въ 15 верстахъ укрѣпленіе Ключевое или Русскій Джизакъ, гдѣ и конецъ Голодной степи.

На половинѣ разстоянія между Малекомъ и Мурза-Рабатомъ высится близъ дороги круглое кирличное зданіе съ куполомъ. Въ общемъ оно имѣть форму кочевой киргизской кибитки и даже въ вершинѣ купола оставлено круглое отверстіе, какъ въ римскомъ Пантеонѣ, или все равно какъ тюндюкъ у кибитки.

Спускъ подъ стрѣльчатыми воротами ведеть во внутренность этой ротонды; семь стрѣльчатыхъ оконъ симметрично расположены по окружности массивной стѣны; но время наложило свою руку и на это прочное зданіе: въ куполѣ сквозить уже двѣ-три дыры, и около нѣкоторыхъ оконъ кирпичи сообились и повалились; но въ цѣломъ зданіе все-таки поражаетъ прочностью постройки, и въ особенности замѣтлень въ этомъ отношеніи куполь, съ основаніемъ и до вершины сложенный изъ безчисленныхъ кольцеобразныхъ рядовъ плоскихъ кирпичей квадратной формы, горизонтально положенныхъ рядъ надъ рядомъ такимъ образомъ, что кирпичъ каждого вышнейшаго ряда нѣсколько выдвигается внутрь купола надъ кирпичемъ подъ нимъ лежащимъ; въ цѣломъ весь этотъ куполь образуетъ собой какъ бы опрокинутую верхомъ внизъ лѣстницу круглого амфитеатра. Этотъ своеобразный способъ постройки, при всей его первобытности, болѣе всего удивляетъ именно своею прочностью. Въ то время какъ въ Европѣ, при всѣхъ усовершенствованныхъ средствахъ современной техники, провалъ куполовъ и сводовъ есть явленіе

далеко не рѣдкое, эти первобытные куполы средне-азіатскихъ пустынь стоять себѣ цѣлые вѣка нерушимо, да повидимому простоять и еще столько же. Впослѣдствіи намъ приходилось въ нашемъ странствіи по бухарскимъ владѣніямъ видѣть не мало совершенно такихъ же построекъ и съ точно такими же куполами, но ни одного изъ нихъ не нашли мы провалившимся. Эти стенные зданія извѣстны подъ именемъ „садоба“, что значитъ водовѣстилище, цистерна. И дѣйствительно, попутная намъ ротонда нѣкогда, и даже еще въ недавнее время, была большою цистерной съ глубокимъ колодеземъ, который былъ полонъ студеною хорошею водой. Колодецъ былъ обложенъ жженымъ кирпичемъ, такимъ же, изъ какого построена и вся эта ротонда, сооруженіе которой мѣстное преданіе приписываетъ самому Тимурленгу, что впрочемъ едва ли основательно, такъ какъ извѣстно, что большая часть степныхъ садобъ Центральной Азіи построены ханомъ Абдуллахомъ въ XVI столѣтіи нашей эры. Подобныя постройки разбросаны по всѣмъ безводнымъ степямъ нынѣшихъ и бывшихъ бухарскихъ владѣній, и главнымъ ихъ строителемъ дѣйствительно былъ Абдуллахъ-ханъ, который, если вѣрить преданію, построилъ на своемъ вѣку тысячу садобъ и тысячу работъ (убѣжищъ). На мѣстахъ своихъ путевыхъ приваловъ, онъ воздвигалъ садобы, а на мѣстахъ ночлеговъ — работы. Типъ этихъ садобъ вездѣ одинъ и тотъ же, и разнообразится иногда только тѣмъ, что съ сѣверной стороны къ ротондѣ примыкаетъ постройка, въ видѣ возвышенного параллелограмма, служаща порталомъ. Постоянная тѣнь и прохлада царствуютъ подъ высокими въ нѣсколько сажень каменными сводами, и какимъ утѣшеніемъ, какою отрадой служать они истомленному путнику въ знойное время года, а зимой являются убѣжищемъ отъ страшныхъ снѣжныхъ бурановъ.

Когда вы спуститесь внутрь такого зданія, то увидите, что окна, которые снаружи приходятся какъ разъ на уровни окружающей почвы, прорѣзаны на высотѣ около трехъ сажень отъ вымощенного дна цистерны, такъ что самая зала оказы-

вается вырытою въ землѣ. Этимъ объясняется необходимое присутствіе при каждой сардобѣ двухъ-трехъ насыпныхъ кургановъ. Такое углубленное устройство залы вызывалось тѣмъ обстоятельствомъ, что колодецъ самъ по себѣ не всегда въ состояніи удовлетворить большое количество каравановъ и служить для нихъ уже какъ бы послѣднимъ запасомъ живительной влаги. Надо быть жителемъ безводныхъ пустынь, чтобы вполнѣ постичь, какая драгоценность каждый глотокъ, каждая капля прѣсной воды, и потому понятна забота этихъ степняковъ, чтобы по возможности ни одна капля годной воды не прощадала у нихъ даромъ. Во время весеннаго таянія снѣговъ вся окрестная вода стекаетъ къ сардобѣ, проникая внутрь ея чрезъ порталъ и окна, для чего и старались всегда сооружать такие водоемы въ пологихъ котловинахъ, если только мѣстность представляла къ тому малѣйшую возможность. Если зима обильна снѣгами, то вешняя вода можетъ наполнить внутренность залы до высоты около двухъ саженъ; нѣсколько горизонтальныхъ, въ различной мѣрѣ сырьеватыхъ чертъ, идущихъ параллельно одна надъ другой внутри ротонды, на углубленной части ея стѣны, наглядно показываютъ вамъ какъ высока была вешняя вода въ водоемѣ за нѣсколько послѣднихъ годовъ; наиболѣе темная и сырья черта опредѣлить ея уровень въ послѣднюю весну.

Такова была и наша первая попутная сардoba. Вода въ ея колодцѣ, по разсказамъ, отличалась очень хорошими качествами и изобилиемъ; но въ 1866 году, когда русскій отрядъ шелъ на Джизакъ, эмиръ Бухарскій приказалъ засыпать колодецъ, и съ тѣхъ поръ ротонда служить только ночлежнымъ пріютомъ для проходящихъ каравановъ.

— Хотѣли русскихъ потопить безъ воды, объясняль намъ ямщики, — а русскіе все же дошли и Джизакъ взяли, хотя и безъ воды, а взяли... Божья воля на то была... А теперь сами же вотъ сарты плачутся, что нѣть въ степи воды хороншей.

И дѣйствительно, у всѣхъ здѣшнихъ станціонныхъ ста-

ростъ вы услышите одну общую жалобу на воду: болѣно ужъ солоновата на вкусъ, такъ что и люди, и лошади нерѣдко страдаютъ отъ нея желудкомъ. Между тѣмъ чай, поданный намъ на Мурза-Рабатѣ, не имѣлъ ни малѣйшаго солоноватаго вкуса.

— Какъ же это такъ? спрашиваю старосту. — Стало быть вамъ доставляютъ сюда изъ Чиназа не только фуражъ и продукты, но и прѣсную воду?

— Нѣть, говорить, — воды не доставляютъ, мы ее сами дѣлаемъ. Вотъ, какъ ежели дождикъ, сейчасъ кадушки да ведерки на дворъ, и вода готова. А нынче даль Богъ сѣважку. Какъ только его подвалило малость, мы сейчасъ на степь, кто съ кувшиномъ, кто съ ведеркой, кто съ чѣмъ, и давай сбирать снѣгъ, какъ можно больше, чтобы, значитъ, подолье хватило въ запасъ, и даже ледничекъ попадьемъ снѣгомъ вплотную. А потомъ по малости таемъ его и пьемъ, да вотъ и господамъ проѣзжающимъ чайкомъ угощаемъ.

Староста, мурза-рабатскій мужикъ, очень толковый, пожилой и хозяйство станціонное держитъ въ большомъ порядке.

— Скучно жить на степи-то? спрашиваю у него.

— И какъ же не скучно, сами посудите! Еще который староста женатый, ну баба тамъ, ребятишки, все же имъ веселье, всѣмъ-то вкупѣ, хотя и промежъ узбекскаго народа. А я вотъ холостой, одинъ какъ перстъ, самъ себѣ и кухарка, и прачка, и все что хочешь, да еще въ степи, на безлюдьи, какъ не соскучиться!

— Ямщики-то у васъ все киргизы что ли?

— Всакие, есть и русскихъ малость. Казаки вотъ тоже на станкахъ живутъ малыми командами; эти, значитъ, для сопровожденія почты, потому на степи иной разъ случается, что и грабить.

— По-каковски же, спрашиваю его, — объяснявшись ты со своими ямщиками, ежели который изъ сартовъ или киргизовъ?

— А по-ихнему, говорить, — завсегда по-ихнему. Потому какъ все мы, станціонные, живучи промежъ ихняго брата, поинаторѣли современемъ и теперь насчетъ разговору ничего себѣ, маракуемъ. Ну и они тоже по-нашему малость выучились. Такъ и объясняемся.

И дѣйствительно, сколько ни попадалось мнѣ потомъ ямщиковъ изъ инородцевъ, все они болѣе или менѣе сносно говорили по-русски.

Станція Мурза-Рабать лежитъ на половинѣ пути между Чиназомъ и Джизакомъ, стало быть почти въ центрѣ Голодной степи. Здѣсь есть точно такая же сардоба, какъ и вышеописанная, а сверхъ того неподалеку особо высится четырехстороннее зданіе, съ рядами сферическихъ куполовъ, на угольными башнями, высокимъ порталомъ и фронтомъ. Вся эта обширная постройка выведена изъ жженаго кирпича и никогда была украшена эмальированными узорчатыми кафлями. Внутри ея находится просторный дворъ, обрамленный арками крытыхъ галерей, подъ сѣнью которыхъ ются ряды комнатокъ. Теперь все это уже въ полуразрушенномъ видѣ, а лѣтъ двѣсти тому назадъ блестало истинно царскимъ великолѣпіемъ. Впрочемъ, зданіе это и нынѣ, какъ въ старицу, все еще продолжаетъ, пока не рухнуло, служить путевымъ дворомъ для шутешненниковъ и торговыхъ каравановъ, и подобныхъ построекъ, какъ уже сказано, немало разсѣяно по степнымъ дорогамъ бывшаго царства Бухарскаго. Строили ихъ и великие правители какъ Тимурленгъ, Улугъбекъ и Абдуллахъ-ханъ, строили и частныя лица, въ силу какого либо благочестиваго обѣта, на пользу общественную, ибо одна изъ самыхъ высокихъ добродѣтелей Востока — это дать безвозмездный пріютъ и покой страннику. Всѣ подобные дворы, которые приличіе было бы называть дворцами, носятъ название рабатъ, что значитъ пріютъ, убѣжище. Иногда къ слову рабатъ присоединяется название мѣстности, иногда имя благочестиваго строителя или же его званіе. Такъ напримѣръ, Мурза-Рабать значить убѣжище писца или грамо-

тѣя¹). Въ данномъ случаѣ строитель изъ скромности скрылъ свое имя, обыкновенно помѣщаемое въ числѣ узорчатыхъ надписей фронтона²). Зданіе это все болѣе и болѣе приходить въ упадокъ; пройдетъ еще десятокъ, другой лѣтъ и отъ него быть можетъ останутся лишь груды мусора, а это жаль, и нашему правительству стоило бы поддержать (хотя бы на суммы земскихъ сборовъ) не только какъ памятникъ прошлыхъ блестящихъ временъ, но и какъ убѣжище всегда необходимое для каравановъ, особенно въ такой непривѣтливой голой пустынѣ.

Слѣдующая за Мурза-Рабатомъ станція, какъ уже сказано, носить имя Агачъ-Та-Рабать или просто Агачъ-та. Въ переводѣ это значитъ „убѣжище, маленький садъ“. И дѣйствительно, говорять, что еще лѣтъ тридцать назадъ здѣсь почти на мѣстѣ нынѣшняго станціоннаго домика, находился небольшой, но тѣнистый садикъ, орошавшійся водой изъ Джизака посредствомъ арыковъ, которые и въ настоящее время еще врѣзаются на протяженіи около сорока верстъ въ степное пространство; стало быть вопросъ объ орошениі Голодной степи никакъ нельзя отнести къ числу неразрѣшимыхъ. Затратьте сюда сотню, другую тысячу — и менѣе чѣмъ черезъ десять лѣтъ вы вернете себѣ изъ этой почвы миллионы.

¹) Мурза по-киргизки, мырза по-татарски и мирза по-таджикски значитъ вполнѣ грамотный и письменный человѣкъ.

²) Впрочемъ, есть и иное объясненіе, почему такое название дано этому рабату. Покойный А. П. Хорошинъ говоритъ (стр. 67), что по темнымъ преданіямъ края, теперешняя Голодная степь была когда-то, въ особенности по южной окраинѣ своей, хорошо орошена и обработана. Она имѣла въ ту пору много скота и производила хлѣбъ, такъ что администрація непрѣшѣмъ находила высыпать въ степь своихъ агентовъ, въ лицѣ сборщиковъ податей, которые будто бы жили и писали, что имъ было нужно, въ мирза-рабатѣ. Можетъ быть оно и такъ, но противъ этого мнѣнія, мнѣ кажется, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что рабаты и сардобы обыкновенно являются только въ мѣстахъ безводныхъ, и что едва ли была надобность воздвигать такія обширныя и роскошныя палаты для жительства обыкновенныхъ зажетчей, для которыхъ, при тогдашней населенности степи, не могло быть недостатка въ помѣщеніи.

Уже давно свечеръло и погода стояла мягкая, теплая, такъ что не будь тутъ снѣгу, можно бы было подумать, что ѿдешь не въ декабрь, а въ концѣ апрѣля. Но вдругъ небо заволокло густыми тучами, и моментально хлынулъ сильный, совершенно лѣтній ливень, застлавшій всю окрестность мѣлочно-блескотымъ туманомъ. Черезъ четверть часа дождь прошелъ; зато тутъ же сразу хватилъ здоровый морозецъ, градусовъ въ десять по крайней мѣрѣ, и въ нѣсколько минутъ заледенилъ всю дорогу съ ея колеями и лужами, и фартухъ нашего тарантаса, и сбрую, и шерсть на коняхъ. Небо совершенно прояснилось, и полная луна засияла всѣмъ своимъ блескомъ. Удивительно быстрая и рѣзкая перемѣны температуры! Переходъ отъ теплой, почти лѣтней ночи къ десятиградусному морозу совершился менѣе чѣмъ въ полчаса, и надо думать, что такой неожиданный сюрпризъ подействовалъ удручающимъ образомъ даже на голодныхъ шакаловъ. Насъ предупреждали на станціи, что теперь ихъ появилось въ степи очень много и что иногда они даже рѣшаются нападать большою стаей на проѣзающихъ, а потому коли нѣть съ собою ружей, то не мѣшаѣтъ-де имѣть при себѣ на всякий случай револьверъ на-готовѣ. Мы изготовились въ ожидавіи, что авось-либо придется и поохотиться; но шакалы обманули наши ожиданія: они только заливались своеобразнымъ воемъ, напоминающимъ то истерический смѣхъ, то плачъ больного дитяти, а на насъ не напали. Одинъ изъ нихъ перебѣжалъ черезъ дорогу между экипажами, а трое или четверо другихъ, подпустивъ къ себѣ нашъ тарантасъ довольно близко, вдругъ сорвались съ мѣста и, поджавъ хвости, трусливо какъ-то, вихляво побѣжкой пустились удирать въ сторону отъ дороги. Хоть и привычный ко всяkimъ невзгодамъ звѣрь, а какъ заледенило въ сосульки мокрую шерсть, такъ видно очень не по себѣ пришло.

Въ пять часовъ утра вѣхали въ сартовскій городъ Джизакъ. Насколько можно судить въ темнотѣ, городъ, казись, немалый, улицы и площади довольно просторны, садовъ до-

статочно, лавокъ тоже. Въ особенности эффектны при лунномъ освѣщеніи были высокія зубчатыя стѣны и круглые башни прежней бухарской крѣпости. Русскій Джизакъ находится дальше, въ трехъ верстахъ за городомъ, у подножія Нуратинскаго хребта и въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ укрепленіемъ Ключевымъ, которое построено русскими послѣ взятія въ 1866 году Джизака. Это, такъ же какъ и Чиназъ, городъ пока еще въ зачаткѣ, и выйдетъ ли изъ него когда-что либо путное въ смыслѣ города — сказать трудно. По крайней мѣрѣ, за первыя пятнадцать лѣтъ его существованія ничего еще не вышло.

Почтовая станція, телографная станція, строющаяся церковка, прекрасныя хоромы начальника района, то есть помощника уѣзднаго начальника, построенные для него на казенный счетъ, и рядомъ тѣсная мазанка, гдѣ по вольному найму отъ себя ютится съ семьей воинскій начальникъ (онъ же и комендантъ), затѣмъ еще двѣ-три такія же убогія мазанки, изъ которыхъ въ одной помѣщается неизбѣжный „ренсовский погребъ“, вотъ и весь русскій Джизакъ. Невольно кидается въ глаза рѣзкая и даже странная разница между роскошнымъ казеннымъ помѣщеніемъ начальника района и вольнопонаемною лачугой коменданта. Что за причина такой разницы? Почему тамъ роскошь, а здѣсь убожество? Почему для одного все и ничего для другого? Объяснили мнѣ это тѣмъ, что военно-народное управление у высшей туркестанской администраціи, какъ ея созданіе и любимое дѣтище, всегда будто бы было въ „фаворѣ“, а строевая часть оставалась въ загонѣ, въ черномъ тѣлѣ, и потому-де для первого не жалѣли средствъ, благо они шли изъ народныхъ сборовъ, а у послѣдней усчитывали каждую копѣйку, такъ какъ отпуски на нее идутъ изъ общаго бюджета военнаго министерства. Не берусь судить, такъ ли оно или не такъ, но повторяю, разница между палаццо одного и мазанкой другого кидается въ глаза не только русскимъ, но и туземцамъ.

16 декабря.

Отдохнувъ на станці, тронулись въ одиннадцатомъ часу утра въ дальнѣйшій путь, къ горному ущелью, мимо русскаго кладбища, поддерживаемаго въ большомъ порядке.

Справа тянется Нуратинскій хребетъ; вершины его невысоки и большою частью совершенно голы; каменистая почва на склонахъ отличается черно-бурымъ цветомъ, отчего и произошло местное название сего хребта „Кара-тау“, то есть черные горы. По лѣвой же сторонѣ ущелья грозно и сурово вздымались къ небу скалистыя, зубчатыя вершины Мальгусара, одного изъ большихъ отроговъ хребта Туркестанскаго. Слоны Мальгусара въ нижней своей части казались сизыми, затѣмъ средняя часть ихъ была подернута хлощами блуждающими жемчужно-блѣлыхъ облаковъ, а заоблачныя, покрытыя снѣгами высоты блистали въ солнечныхъ лучахъ ослѣпительнымъ свѣтомъ.

Послѣ двухъ короткихъ и невысокихъ переваловъ, находящихся въ предгорьяхъ, мы втунулись въ ущелье, отдѣляющее Мальгусаръ отъ Кара-тау. По ущелью извивается быстрая горная рѣчка Санзарь, названная русскими Змѣйкой. Мѣстами она течетъ между отвесными и довольно высокими обрывами, мѣстами же въ совершенно плоскихъ пологихъ берегахъ, усыпанныхъ мелкою разноцвѣтною галькой. Дорога вѣсколько разъ пересекаетъ Змѣйку по неглубокимъ бродамъ, не выше какъ по ступицу.

Чѣмъ дальше, тѣмъ тѣнѣе становится ущелье. Горы, сдвигавшіяся вокругъ, состоять изъ сплошныхъ каменныхъ глыбъ аспидного и бурого цвета. Въ иныхъ мѣстахъ выщербившися и выѣтревшися камень имѣть видъ наваленныхъ въ кучу щепъ, досокъ и трухлявыхъ бревенъ; въ другихъ каменные плиты стоять торчмя, словно намогильные турецкіе памятники, въ третьихъ отвесы горъ представляются какъ бы остатками разрушенной гигантской стѣны, въ которой массивные пласти камня лежать одинъ на другомъ, въ родѣ кирпич-

ной кладки, почти правильными кубами. Общий видъ этихъ горъ отчасти напоминаетъ мнѣ суровыя скалы Адена: какъ тамъ, такъ и здѣсь, ни на вершинахъ, ни по склонамъ не замѣчается ни малѣйшей зелени, все голо и мертвенно-угрюмо, и тотъ же самый колоритъ лежитъ на скалахъ, тотъ же черно-бурый камень, какъ бы опаленный и закопченный дымящимися языками большого пламени. Но этимъ сходство и кончается. Въ Аденѣ смерть царить и на долинахъ, гдѣ точно такъ же какъ и по горамъ не встрѣтите вы ни малѣйшей травинки; здѣсь же, напротивъ, дно ущелья, вьющееся въ видѣ узкой долинки, представляетъ почти сплошь окопанные участки воздѣланной почвы, на которой торчатъ сухіе стебли сорго и остатки другихъ хозяйственныхъ растеній. Тамъ и сямъ ются подъ склонами горъ то небольшіе кишлаки, то отдалыя сакли; видна жизнь, и дѣятельный трудъ оказывается всюду, гдѣ лишь успѣль человѣкъ отвоевать у камня клочокъ удобной и доступной орошенію почвы.

Въ двѣнадцати верстахъ отъ Ключеваго съузившееся ущелье какъ бы совсѣмъ запираеть вамъ выходъ; но это только такъ кажется, а когда подѣдешь ближе, то видишь, что тутъ выступили впередъ, одна къ другой навстрѣчу, двѣ громадныя отвесныя скалы, толща коихъ состоитъ изъ одного сплошнаго камня. Здѣсь, очевидно, произошла нѣкогда грандиозная геологическая драма, когда единый горный кряжъ разорвался надвое, раздвинулся вѣсколько въ обѣ стороны и образовалъ узкій проходъ, орошаемый нынѣ Санзаромъ. Это и есть знаменитыя Тамерлановы ворота, носящія, по местному, довольно загадочное название „Илянъ-Оти“, что въ переводѣ значить: змѣя прошла.

Правая скала вѣсколько наклоняется надъ самою дорогой, такъ что когда стоишь подъ нею, то даже жутко становится, и невольно думаешь себѣ: „а ну какъ вдругъ въ этотъ самый моментъ хватить землетрясеніе и съ этой вершиной посыплются внизъ выѣтревшіеся осколки и еле-еле держащіяся пока отслойки въ вѣсколько сотъ пудъ вѣсомъ каж-

дан?...“ Вниау,-у подошвы скалы, валяются щёлые груды такихъ оторвавшихся отслоекъ и осколковъ, начиная отъ громадныхъ глыбъ и до мелкой щебенки; а каждое землетрясение подбавляетъ къ этимъ грудамъ все новые и новые камни. На высотѣ около полуторы сажени отъ подошвы правая скала скошливована, и въ этомъ мѣстѣ рельефомъ высѣчены рядомъ двѣ персидскія надписи, изъ коихъ болѣе древняя гласитъ:

„Съ помощью Господа Бога, великій султанъ, покоритель царей и народовъ, тѣнь Бога на землѣ, подпора постановленій Сунны и закона божескаго, государь всепомоществующій вѣрѣ, Улугъ-Бегъ-Гуруганъ (да продлитъ Богъ время его царствованія и его правленіе!) предиринялъ походъ въ страну Джеты¹⁾ и Монголовъ, и отъ того народа возвратился въ эти страны невредимымъ въ 828 новолунномъ году“²⁾.

Вторая надпись слѣдующаго содержанія:

„Да вѣдають проходящіе пустыни и путешествующіе по пристанищамъ на сушѣ и водѣ, что въ 979 году³⁾ здѣсь происходило сраженіе между отрядомъ Вмѣстилища калифата, Тѣни Всевышнаго, великаго хана Абдуллахъ-хана, сына Искандеръ-ханова, въ 30,000 человѣкъ боеваго народа, и отрядомъ Дервишъ-хана и Баба-хана и прочихъ сыновей. Сказаннаго отряда (было) всего: родичей султановъ до 50,000 человѣкъ и служащихъ людей всего до 400,000 изъ Туркестана, Ташкента, Фергана и Дешта-Килчака. Отрядъ обладателя счастливаго сочетанія звѣздъ одержалъ победу. Побѣдивъ упомянутыхъ султановъ, онъ изъ того войска предалъ столькихъ смерти, что отъ людей убитыхъ въ сраженіи и въ

¹⁾ Джетами, по толкованію Ваимбери, назывались тѣ турецкіе народы, которыхъ родина граничила съ собственными Монголіей и остатками которыхъ въ настоящее время считаются только Буруты, и теперь еще называемые Чете-Могулъ, то есть крайніе Монголіи, отъ турецкаго четь—край, сторона и Могулъ—Монголъ.

²⁾ 828 годъ у мусульманскаго лѣточисленія соответствуетъ нашему 1424 году.

³⁾ 979 годъ=1571 году.

плѣну въ теченіе одного мѣсяца въ рѣчѣ Джизакской¹⁾ на поверхности воды текла кровь. Да будетъ это известно!“

Итакъ обѣ надписи не имѣютъ съ Тимурленгомъ ничего общаго, хотя нѣтъ сомнѣнія, что и этотъ всемирный хромой завоеватель проходилъ, и быть можетъ даже неоднократно, черезъ Джизакское ущелье со своими полчищами. Название Иланъ-Оти, данное воротамъ, вѣроятнѣе всего перешло на нихъ отъ имени рѣчки, которую и русскіе, независимо отъ туземцевъ, тоже называли Змѣйкой, характеризуя тѣмъ ея извилистое и какъ бы змѣящееся теченіе. Что же касается названія „Тамерлановы ворота“, то оно дано русскими же, на основаніи разсказовъ туземныхъ жителей, которые уже издревле привыкли приурочивать многіе памятники своей старинѣ и достопримѣчательныя мѣстности къ имени своего наиболѣе популярнаго великаго государя. Спросите любого ямщика-узбека, какъ называется эта мѣстность, онъ едва ли отвѣтить вамъ „Иланъ или Джилианъ-Оти“, а вѣроятнѣе всего скажетъ „Тимуровы ворота“. Спросите его также, что такое гласить эти надписи, и онъ безъ запинки отвѣтить, „что здѣсь прошелъ де Тимурленгъ“. Такъ оно уже сложилось въ народномъ преданіи, быть можетъ оттого, что изъ всѣхъ своихъ царственныхъ династій и длиннаго ряда государей народъ удержалъ въ памяти одно лишь блестящее имя Тимура хромаго²⁾. Большинство русскихъ также убѣждено, будто надписи гласить, что здѣсь прошелъ Тамерланъ³⁾. Вѣроятно поэтому нѣкто, желая обезсмертить и свое имя рядомъ съ

¹⁾ Джизакская рѣчка это тогъ же Санзарь, или иначе Иланъ-Отк, а по-киргизски—Джеланъ-Ута.

²⁾ Тимуръ значить желѣзный, а ленгъ—хромой.

³⁾ Да не только русскіе, но и самъ Ваимбери убѣженъ почему-то, что болѣе древняя надпись была высѣчена по новелѣю Тимура, во время его прохода противъ Тохтамыша, хотя этотъ ученый решительноничѣмъ не подкрѣпляетъ своего мнѣнія. Точный переводъ обѣихъ надписей сдѣланъ лишь въ 1869 году и находится въ книгѣ Лерха „Археологическая поездка въ Туркестанскій край“. Спб., 1870.

Тимуромъ, нацарапалъ ножемъ ниже одной изъ надписей: „здесь и коллежский секретарь Пальчиковъ проѣхалъ“. Прелестно!

У самой подошвы лѣвой скалы катится звонкая Змѣйка, и прямо изъ ея мелкаго русла небольшой подъемъ приводить въ темной щели, пробитой природой въ толщѣ этой скалы. Щель служить входомъ въ довольно просторную пещеру, въ которой, по народному преданію, обиталъ какой-то змѣй или драконъ, будто бы побѣжденный все тѣмъ же Тимуренгомъ; но въ наши дни, въ ней иногда находятъ себѣ временной пріютъ караванщики въ бурныя ночи.

Послѣ Тамерлановыхъ воротъ, представляющихъ самое суровое и вмѣстѣ съ тѣмъ дико-величественное мѣсто ущелья, горы начинаютъ раздаваться и понижаться; долина становится просторнѣе. Толща праваго утеса воротъ тянется на некоторомъ разстояніи въ видѣ сплошнаго каменнаго кряжа, изборожденного глубокими морщинами и трещинами, наложенными на его поверхность атмосферическими вліяніями и временемъ. Не могутъ не остановить на себѣ вниманія темные, какъ бы маслянистые слѣды какихъ-то потековъ, выходящіе во множествѣ изъ поперечныхъ пластовыхъ разсѣливъ на различной высотѣ и ясно замѣтные на глыбахъ праваго кряжа.. Вѣроятно, это слѣды горнаго масла, а впрочемъproto знать специалистамъ горнаго дѣла.

Еще нѣсколько верстъ пути по ущелью, и вы, наконецъ, выѣзжаете на широкую заселенную долину, по которой протекаетъ все тотъ же Санзарь, вѣтвящійся на множество мелкихъ рукавовъ и доставляющій всей этой мѣстности изобиліе орошеніе. Горы со всѣхъ сторонъ отодвинулись на дальние планы, а среди самой долины замѣтень высокій курганъ искусственнаго происхожденія. Это Яны-курганъ, по имени которого называются близъ лежащее торговое сартовское мѣстечко и русская почтовая станція, гдѣ до взятія Самарканда стоялъ нашъ передовой отрядъ подъ командой полковника (нынѣ артиллеріи генераль-лейтенанта) Абрамова. На

этомъ курганѣ, какъ уже сказано раньше, сохранились слѣды укрѣпленія, въ видѣ разрушенныхъ глиняныхъ стѣнъ, и хотя онъ носить имя „Яны“, то есть новый, что прямо указываетъ на его относительно недавнее происхожденіе, тѣмъ для насъ замѣчательнѣе, что въ основныхъ его формахъ всецѣло сохраняется характеристический типъ древнѣйшихъ кургановъ Голодной степи. Стало быть, начиная со временъ незапамятныхъ и до времени, можно сказать, послѣдняго, нашего, небольшія степнныя укрѣпленія въ южной и среднихъ частяхъ Трансоксаніи сооружались по одному и тому же неизмѣнному типу.

Подъѣзжая къ станціи, мы испытали одно изъ не совсѣмъ для насъ обычныхъ атмосферическихъ явлений. Около полу часа уже тому назадъ горизонтъ сталъ покрываться желтовато-мглистыми тучами, которая вскорѣ заволокли все небо. Вдругъ съ юго-запада повѣялъ неровными, какъ бы судорожными порывами замѣчательно теплый, почти горячій и какъ бы влажный вѣтеръ, который чрезъ минуту смѣнился рѣзкимъ холодкомъ вѣтра восточнаго, но вслѣдъ затѣмъ повѣялъ опять, и опять уступилъ мѣсто восточному. Такъ продолжалось до трехъ разъ въ теченіе какихъ нибудь пяти минутъ, и вслѣдъ затѣмъ хлынула вдругъ ливень, и разразилась буря безъ грозы, но съ очень сильными порывами юго-западнаго вѣтра и продолжалась почти цѣлые сутки. Это былъ такъ называемый „гаримсель“, мѣстный теплый и гнилой вѣтеръ.

На Яны-курганской станціи староста объявилъ, что ему дано знать о предстоящемъ проѣздѣ начальника штаба Туркестанскаго военнаго округа, а кроме того ожидается еще и почта, слѣдующая въ Самаркандинъ, а потому лошадей онъ дать намъ не можетъ. Пришлось покориться обстоятельствамъ и скоротать на станціи почти цѣлые сутки.

17 декабря.

Въ шестомъ часу утра было легкое землетрясеніе, волнобразное и дрожащее, которое ощущалъ я очень ясно, про-

спувшись минутъ за десять до его начала. Выѣхали мы изъ Яны-кургана въ девятомъ часу утра, такъ и не дождавшись начальника штаба, который (какъ оказалось потомъ при встрѣчѣ съ нимъ на дорогѣ) ночевалъ по случаю бури на станціи Каменный Мостъ.

Въ часъ нашего выѣзда небо было совсѣмъ еще пасмурно, и задувалъ сильный, чисто штурмовой вѣтеръ, такъ что казалось и на весь нынѣшній день надо было ожидать продолженія вчерашней погоды. Слѣва высокія горы выказывали свои каменные склонныя выси, вырѣзывавшіяся въ небѣ гораздо выше ливіи быстро мчавшихся и клубившихся облаковъ, и эти выси очень эффектно были облиты сверкающими лучами невидимаго для насъ солнца.

Вскорѣ поднялись мы изъ котловины на приподнятое пространство земли, которое обыкновенно принято называть возвышенной плоскостью; но въ данномъ случаѣ это вовсе не была плоскость въ буквальномъ смыслѣ, и если могла называться таковою, то развѣ сравнительно — по отношенію къ окружавшимъ ее вдали съ трехъ сторонъ горнымъ краямъ. Это была обширная, весьма волнистая долина, съ пологими скатами и нерѣдко довольно глубокими падями, и на всемъ пространствѣ этой возвышенной долины, впродолженіи нашего пути, извѣстное „перекати-поле“ задавало намъ оригинальное зрѣлище отчаянной steeple-chase, въ которой принимали живѣйшее и какъ бы одухотворенное участіе мириады клубковъ этого растенія. По возвышеннымъ выпуклостямъ холмовъ просто рабило въ глазахъ отъ его быстраго и не-прерывнаго движенія съ запада къ востоку, а въ лощинахъ и придорожныхъ рвахъ съ подвѣтренной стороны клубки его задерживались громадными кучами, вровень съ краями лощинъ, имѣвшихъ нерѣдко до двухъ, трехъ и болѣе сажень глубины. Сколько ни странствовалъ по разнымъ степямъ южной Россіи, Молдавіи и Азіи, по никогда и нигдѣ еще не видывалъ я такого поражающаго множества „перекати-поле“. Это совсѣмъ не то, что въ нашихъ новороссійскихъ степяхъ,

характеризуя которая А. А. Фетъ, въ одномъ изъ своихъ за-душевныхъ стихотвореній, выразился:

Смотришь, черезъ поле
Перекати-поле
Прыгаетъ какъ мячъ.

Нѣть, это цѣлые легіоны, одухотворенные и пестрѣные, стремительно и бѣшено мчатся и прыгаютъ въ одномъ и томъ же направленіи, настигая и перегоняя другъ друга, какъ волны разыгрывшагося моря. И цѣпляются они одинъ за другой, другой за третій и т. д., чрезъ что образуются очень большия клубки, цѣлымъ гряды клубковъ, и мчатся такъ эти гряды, пока не скатятся въ ровъ или лощину, не заполнятъ ее собою до верху, и тогда новые легіоны, новыя волны и валы перекатываются черезъ нихъ какъ по ровному мѣсту. Для мѣстныхъ сельчанъ и полуосѣдлыхъ узбековъ это просто праздничный подарокъ: утихнетъ вѣтеръ, и они понайдутъ сюда со своими широкими, помѣстительными арбами со всѣхъ окрестныхъ кишлаковъ и зимовокъ, и насыбаютъ по лощинамъ этого „перекати- поля“ сколько душа пожелаетъ, павалить его на арбы цѣлымъ горы, и радостно посвоятъ домой на топливо, въ подсپорье мѣстному бурзану да полыни.

Ѣзда на почтовыхъ отъ Джизака до Сарайлыка просто отвратительна, благодаря тому, что здѣсь большинство ямщиковъ таджики, которые, надо отдать имъ справедливость, и понятія не имѣютъ о томъ, что значитъ править лошадьми и какова бываетъ настоящая Ѣзда. Тутъ ни ласковая просьба, ни понуканія, ни брань, ни даже обѣщаніе дать хорошо „на чай“, ничто не помогаетъ, ничто не расшевелить халатника-таджика, и онъ продолжаетъ себѣ флегматично трусить скучайшую мелкою, маленькою рысцей, безъ размашистаго движенія кнутомъ, безъ посвиста и поощрительного покрика на лошадей, безъ „разговора“ съ ними, такъ что, наконецъ, даже безъисходную тоску наведеть вами на душу. Перегонъ въ семнадцать верстъ отъ Яны-кургана до Сарайлыка волокли

нась ровно три съ половиной часа по прекраснейшей ровной и твердой дорогѣ.

Отъ станціи Сарайлыкъ до Каменного Моста (расстояніе пятнадцать верстъ) дорога идетъ все по той же всхолмленной плоскости, справа и слѣва ограниченной вдали горами. Этотъ послѣдній перегонъ везь русскій яицикъ и потому доставилъ нась въ одинъ часъ времени. Станція Каменный Мостъ получила свое название отъ действительного каменного моста, построенного русскими чрезъ одинъ изъ притоковъ Зарявшана, берущій свое начало въ горахъ Годунъ и протекающій близъ этой станціи въ глубокихъ, сильно рѣвистыхъ берегахъ. Здѣсь неподалеку находится русское укреплѣніе, построенное среди рѣвистыхъ излучинъ того же потока. Прежде оно служило для защиты моста отъ хищниковъ и бухарцевъ, но съ тѣхъ поръ, какъ наши границы значительно продвинулись впередъ, совсѣмъ покинуто за ненадобность, и глиняныя прямые стѣны его съ зубцами и бойницами представляютъ уже развалины.

Не дѣзжая верстъ четырехъ до Каменного Моста стоитъ на межѣ пограничный столбъ, отдѣляющій Сырь-Дарьинскую область отъ Зарявшанского отдѣла. Едва перѣхали вы эту границу, какъ сразу же замѣчаете, что вступили въ страну упорядоченную несравненно болѣе той, которую только что оставили за собою. Уже первое, что пріятно встрѣтить путнику, это верстовые столбы: видишь и знаешь по крайней мѣрѣ сколько проѣхали и сколько еще остается до слѣдующей станціи. Дорога достаточно расширена, уравнена, окопана канавами. Поля по сторонамъ ея изрѣзаны арыками и воздѣланы. Это такъ называемыя „ляльми“, поля засѣваемыя исключительно яровыми („кокъ“) ячменемъ и пшеницей. Нѣсколько арыковъ пересѣкаютъ и самую дорогу, но мости на нихъ исправны, такъ что вы ни на одномъ не рискуете провалиться въ канаву. Тамъ и сямъ видѣются вдали кишлаки, освѣннѣе фруктовыми деревьями и тополями.

Но вотъ на восьмой верстѣ за Каменнымъ Мостомъ воз-

вышенная плоскость, по которойѣхали до сихъ поръ, какъ-то сразу обрывается крутоватымъ спускомъ, и съ ея гребня вдругъ открывается предъ вами широкій и пріятный видъ на сокрытую до сего момента Зарявшанскую долину, съ ея сверкающими змѣйками многочисленныхъ ручьевъ и арыковъ, обсаженныхъ по берегамъ густыми и длинными рядами деревьевъ. Это Согдана древнаго міра, цвѣтущая страна, орошаемая водами Согда, называвшагося впослѣдствіи Коги-комъ, а нынѣ Зарявшаномъ, имя котораго въ буквальномъ переводеъ значить разсыпатель золота или златоносецъ. Долина эта покрыта рощами, садами, огородами, пашнями и луговинами, среди которыхъ бѣльютъ издали хутора и селенія. Долинныя пашни называются „оби“, и на вихъ, какъ на болѣе орошаемыхъ, сѣять осенью макъ, ленъ, марену и озимые хлѣба, а весною рисъ, просо, кукурузу, кундузъ, табакъ, хлопокъ и др. Система засѣва плодоперемѣнная; почва суглинистая. Дорога — прекрасное шоссе, устроенное русскими — весело идетъ все время длинною аллеей между четырьмя рядами высокихъ тѣнистыхъ деревьевъ, преимущественно таловъ, склоняющихъ свои вѣтви надъ журчащими съ обѣихъ сторонъ протоками. И такія же аллеи тянутся вдоль боковыхъ, проселочныхъ дорогъ. Тутъ перемѣшаны между собою тополь, таль (родъ вербы), шелковица (тутовое дерево), джыда (дикая маслина), чинаръ или платанъ, карагачъ (вязъ) и плодовыя: урюкъ, слива, яблоня и груша. Въ общемъ цейзажъ очень напоминаетъ благодатные уголки Малороссіи. Эта часть Зарявшанской долины составляетъ особый участокъ, сохранившій и донынѣ свое древнєе название Согдъ, измѣненное узбекскимъ произношеніемъ въ Согудъ или Сугудъ¹).

Первый встрѣчаемый по дорогѣ большой кишлакъ Зарявшанской долины, это Акъ-Тюбе (блѣлый бугоръ), гдѣ про-

¹) При Бухарскомъ правительстве Самаркандское бекство (губернія) дѣлилось на пять тумановъ или тюменей (участковъ), а именно: Шандаръ (куда причислялся и городъ Самаркандъ) и Анхоръ — по лѣвому берегу Зарявшана и Ширазъ, Согудъ и Африкендъ — по правому берегу той же реки.

изошло первое боевое столкновение русскихъ съ бухарскими войсками 1 мая 1868 года. Онь весь какъ бы тонетъ въ садахъ. Дворы и сакли, выходящія лицевою стороной на дорогу, ясно показываютъ зажиточность своихъ обитателей. Глинныя стѣны ихъ нерѣдко покрыты тиснеными и лѣниными узорами, въ видѣ розетокъ и бордюровъ; деревянныя колонки и карнизы на верандахъ и лавочныхъ навѣсахъ изукрашены рѣзьбой. Все это даетъ нѣкоторое понятіе не только о зажиточности, но и о степени изящнаго вкуса таджиковъ и осѣдлыхъ узбековъ. Въ селеніи замѣчается не мало лавочекъ и чайныхъ (нѣчто въ родѣ нашихъ харчевень), которыхъ торгуютъ довольно бойко, удовлетворяя потребностямъ мимохожихъ верблюжихъ каравановъ. Тутъ же ютятся кузнецы, сапожники, точильщики и баккалы (мелочные торговцы), и выставлены на продажу войлоки, верблюжьи и конскія сѣдла, подпруги, куржумы (переметныя сумки изъ ковровой ткани), маты, арканы и тому подобный товаръ, необходимый въ дорогѣ.

Слѣдующая за Каменнымъ Мостомъ станція Джамбай (расстояніе 200 верстъ) расположена среди садовъ торговаго и весьма зажиточнаго селенія Джамбай-Базарь, жители коего, между прочимъ, промышляютъ и рыболовствомъ. У многихъ изъ нихъ мы замѣчали у сакель и во дворахъ сачки, растянутые неводы и другія рыболовныя снасти. Самое зданіе станціи является вполнѣ благоустроеннымъ, чистенькимъ и даже, въ своемъ родѣ, красивымъ. А почтовыми станціями на всемъ протяженіи Сыръ-Даргинской области, надо замѣтить, мы далеко не избалованы. Поэтому невольно бросается въ глаза и разница между тѣми и этой станціей Зарявшанскаго округа.

За Джамбаемъ шоссе точно также идетъ между тѣнистыми аллеями, которыхъ прекращаются лишь въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога непосредственно подходитъ къ предѣльной чертѣ широкихъ периодическихъ разливовъ Зарявшана. Здѣсь надо перейхать въ бродъ черезъ правый или сѣверный рукавъ

рѣки, называемой по-узбекски Акъ-Дарья, а по-таджикски Дарья-Сафитъ, что одинаково значить Бѣлая Рѣка, и затѣмъ уже вѣдѣшь далѣе естественнымъ шоссе, по мелкимъ валунцамъ, составляющимъ грунтъ обширнаго русла разлива. Здѣсь съ обѣихъ сторонъ открылся видъ на горы: справа виднѣлся голый хребетъ Годунъ, а слѣва снежнѣя вершины Чумкаръ-Тау, Маріана и Ургута, принадлежащихъ къ системѣ хребта Зарявшанскаго. Обрамленный этими горами, пейзажъ становится очень красивымъ.

Ѣдучи по руслу разлива, мы приближались къ отдалѣно лежащей скалистой грядѣ Чупанъ-Ата¹), гдѣ на центральной вершинѣ стоитъ мавзолей, въ видѣ четырехъугольной часовни съ яйцеобразнымъ куполомъ, надъ могилой мусульманскаго святого Чупана²), покровителя барашнихъ пастуховъ, который, по мѣстному преданію, прилетѣлъ сюда вмѣстѣ съ этими высотами изъ Аравіи. Для русскихъ же высоты Чупанъ-Ата памятны штурмомъ ихъ 1 мая 1868 года, порѣшившимъ участъ Самарканда и съ нимъ всей древней Согдіаны въ пользу Россіи. У самой подошвы этихъ скалъ протекаетъ лѣвый рукавъ Зарявшана — таджикская Дарья-Сиобъ и узбекская Кара-Дарья, то есть рѣка Черная. Оба рукава, Акъ и Кара, раздѣляясь подъ Самарканомъ, у вачала высотъ Чупанъ-Ата, соединяются уже въ предѣлахъ Бухарскаго ханства, у города Хатырчи, образуя въ среднемъ теченіи Зарявшана обширный продолговатый островъ, известный подъ именемъ Міанкали, то есть Серединной земли, и сплошь покрытый прекрасною растительностью при наибольшей густотѣ узбекскаго населенія.

Надъ лѣвымъ рукавомъ, у самой подошвы сѣвернаго мыса Чупанъ-Ата, высится двѣ грандиозныя кирничныя арки, расположенные подъ прямымъ угломъ одна къ другой и соединенные между собою каменною перемычкой, въ видѣ стѣны

¹⁾ 2639 фут. надъ уровнемъ моря.

²⁾ Чупанъ или чапанъ то же что и южно-русскій чабанъ, значить пастухъ.

со ступенями. Одна арка прислонилась къ скалѣ, другая же смотрѣть своимъ пролетомъ на русло разлива. Это остатки древнаго моста Шадманъ-Маликъ, построенаго Абдуллахъ-ханомъ¹⁾. Изъ шестнадцати арокъ сего моста до нашихъ дней сохранились только двѣ, остальная же давнимъ-давно уже снесены безъ остатка напоромъ сильнаго теченія. Грандозный мостъ этотъ нѣкогда былъ перекинутъ поперегъ всѣхъ ручьевыхъ развѣтвлений рѣки, заполняемыхъ водой свыше своихъ обычныхъ береговъ во время разливовъ, когда всѣ эти развѣтвленія временно исчезаютъ подъ высокимъ уровнемъ одной сплошной массы стремительно несущейся воды, и вѣроятно строитель моста разсчитывалъ посредствомъ зигзагообразнаго расположения арокъ, подъ прямыми углами другъ ко другу, уменьшить силу напора разливныхъ водъ на все сооруженіе, подобно тому какъ достигается это въ наше время остроносими каменными быками-водорѣзами.

Невдалекъ отъ моста Шадманъ-Маликъ, Дарья-Сюбъ раздѣляется на нѣсколько побочныхъ постоянныхъ рукавовъ, чрезъ которые необходимо переправиться, чтобы достичь Самарканда. На мѣстѣ переправы, у крайнаго къ намъ рукава, стоитъ юрта и предъ нею два жестяные фонаря съ цветными стеклами на казенныхъ форменныхъ столбахъ, и здѣсь же постоянно присутствуютъ конные джигиты, обязательно служащіе проводниками почты и проѣзжающихъ. Ёдучи съ обѣихъ сторонъ на нѣсколько сажень впереди экипажа, джигиты выѣзжаютъ въ рѣку и указываютъ замъ-направление пути по водному пространству въ бродъ. И надо знать, надо изучить очень хорошо прихотливыя излучины этого брода, и кроме того имѣть весьма вѣрный глазъ, чтобы не ошибиться направлениемъ, которое приходится измѣнять въ водѣ нѣсколько разъ, а ошибиться такъ легко, благодаря дѣйствующей на глазъ стремительности теченія: свернуль шагъ или

¹⁾ Род. 940 (1538 года), царствовалъ съ 963 (1555), а какъ неограниченный государь всего Турана съ 986 (1578) года, умеръ въ 1006 (1597) году геджры

два въ сторону — и экипажъ рискуетъ опрокинуться на бокъ или застрять въ какой нибудь подводной яминѣ. Въ настоящее время года высота воды въ Зарайшанѣ не велика, около аршина съ четвертью, но стремительность теченія даже и при такой, относительно говоря, мелкости все же чрезвычайно сильна и поражаетъ своею быстротой. Во многихъ мѣстахъ вы видите, какъ играеть, булькаеть и кипитъ водная вѣбь, словно кипятокъ въ котлы надъ жаровней. Въ половодье же вода покрываетъ настилку очень высокихъ мѣстныхъ арбъ и достигаетъ лошадинъ до ушей, такъ что мѣстами имъ приходится плыть; поэтому нерѣдко переправа становится очень затруднительной, если не вовсе невозможна. Построить чрезъ разливъ деревянный мостъ было бы безполезно потому, что его будетъ сносить каждую весну, а сооружать каменный слишкомъ дорого; здѣсь, въ особенности при нашихъ инженерныхъ мѣстахъ, гляди, потребовались бы миллионы.

Переправясь, наконецъ, черезъ всѣ рукава, мы повернули направо, вдоль подножія Чуанъ-Атинскихъ высотъ, и вскорѣ поднялись на ихъ западный, болѣе пологій склонъ, гдѣ справа виднѣлись глиняныя стѣнки и сады какого-то подгороднаго селенія. Скоро съ одного изъ возвышенныхъ пунктовъ открылся предъ нами роскошный и, въ своемъ родѣ, единственный въ мірѣ видъ на яйцеобразные и дыневидные лазоревые купола мечетей съ гигантскими куфическими надписями вокругъ тамбуровъ, на высокіе мозаичные порталы и стройные, но стоящіе нѣсколько вѣкосъ, какъ бы падающіе минареты Самарканда. Всѣ эти полуразрушенные свидѣтели древняго величія и царственной роскоши города временъ Тимуридовъ и Шейбанидовъ подымались надъ цѣлымъ лѣсомъ старыхъ садовыхъ деревьевъ, роскошныхъ ивъ, пирамидальныхъ тополей, раскидистыхъ вязовъ и платановъ, изъ-за которыхъ проглядывали однѣ надъ другими плоскія кровли мусульманскіхъ глинобитныхъ жилищъ. И вся эта общая картина Самарканда впервые представлена намъ при косвенномъ, но яркомъ освѣщеніи золотисто-багрянными лучами заходящаго солнца.

Вокруг миновали мы сады съверного предмѣстя, примыкающаго къ крутому шоссированному спуску, что ведеть въ очень красивый, обильный растительностю оврагъ. Въ глубинѣ этого оврага, перейхавъ по хорошему мосту черезъ потокъ Сиобъ, одинъ изъ древнейшихъ въ мірѣ арыковъ, мы по неменѣе крутому подъему, просвѣченному въ толщѣ глинистаго массива, поднялись на Афросіабъ. Теперь это не болѣе какъ покинутое голое городище, около версты въ попечникѣ, а нѣкогда, въ съдѣй доисторической древности, тутъ былъ цѣлый городъ, отъ котораго лишь мѣстами уцѣлѣли нѣкоторыя развалины и остатки городскихъ валовъ, а подъ ними вся мѣстность Афросіаба изрыта на глубинѣ подземными ходами, пещерами и погребами. Городище и до нашихъ дней сохранило имя своего полуионического властителя, царя Афросіаба (современника сказочнаго иранскаго богатыря Рустема), царствовавшаго болѣе чѣмъ за 1700 лѣтъ до Магомета, стало быть почти за 3000 лѣтъ до нашего времени¹⁾. По словамъ мѣстной легенды, Афросіабъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи даже предметомъ обожанія въ религіозномъ кульѣ языческаго Турана и Миді подъ именемъ „змія Афросіаба“²⁾, столь великъ былъ и силой и ростомъ, что, сидя на стѣнѣ своего замка, полоскаль въ арыкахъ Сиобъ и Сиобчи свои гигантскія ноги. А замокъ царя Афросіаба вамъ укажетъ и теперь любой житель Самарканда: это холмъ вышинаю около 15 сажень, съ крутыми, почти отвесными боками. Тутъ же, на крутомъ берегу арыка Сиобъ, въ съверной части Афросіаба, укажутъ вамъ и другую гигантскую могилу, въ которой похребенъ библейскій пророкъ Даниилъ, по мѣстному произношенію Даниаръ³⁾. Въ срединѣ отвесной крутизны того же

¹⁾ По Тарихи Наръ-Шахи, время царствованія Афросіаба относится за 1700 лѣтъ до начала магометанской эры, а по зороастріческой Бунъ-Дехешъ, онъ, какъ современникъ иранскаго царя Миночеера, былъ современникомъ Моисея (1500—1460 до Р. Х.).

²⁾ См. г. Властова Священную лѣтопись, ч. I, 37 и ч. II, 126.

³⁾ Въ головахъ этой могилы выведенъ четырехъ-угольный фронтона,

берега, но нѣсколько болѣе къ западу, показываютъ отверстіе въ малый ростъ человѣка, служащее выходомъ изъ обширныхъ подземелій, существующихъ подъ бывшимъ дворцомъ Афросіаба. Русскіе не проникали въ нихъ далѣе двухъ или трехсотъ шаговъ по длинному коридору, гдѣ кромѣ змѣй и множества нетопырей они ничего не находили, опасаясь идти далѣе, по причинѣ спрятаго воздуха; туземцы же уверяютъ, что коридоръ этотъ приводить въ подземную залу, изъ которой будто бы двѣнадцать подобныхъ же ходовъ расходятся радиусами во всѣ стороны къ побочнымъ подземнымъ комнатаамъ, служившимъ кладовыми для сокровищъ царя Афросіаба, а въ центральной залѣ стѣны будто бы украшены рельефными изображеніями тигровъ, львовъ и многихъ другихъ животныхъ. Насколько все это справедливо — пока еще ничего сказать невозможно. Несомнѣнно лишь одно, что все городище Афросіабъ требуетъ серьезныхъ археологическихъ изслѣдований.

Во время пребыванія моего въ Самарканѣ познакомился я съ однимъ мусульманскимъ ученымъ, бывшимъ городовымъ казиємъ (судьей), по имени Низамъ-Эддинъ ходжа Абдуль-Аффаръ Ходжеевымъ, который, при посредствѣ самарканскаго судебнаго слѣдователя Николая Петровича Султанова, отчасти посвятилъ меня въ первобытное прошлое города Самарканда. Руководствомъ для Ходжеева служила при этомъ старая рукописная книга подъ заглавиемъ Самарія, то есть полезная или плодовитая, сочиненіе тюря ходжа Аглама.

около сажени вышиной, украшенный мараловыми, козыми и инными рогами; къ нему примыкаетъ съ задней стороны длинная кирпичная стѣнка, вышиной въ полчеловѣческаго роста и шириной около полутора аршина. Сначала длина ея простирилась до трехъ сажень, но года три тому назадъ какіе-то благочестивые рабѣтели удлинили ее еще сажень на четыре, и мѣстные моллы, хранители могилы и находящейся при ней мечети, непремѣнно будутъ васъ увѣрять, что длина могилы соответствуетъ гигантскому росту пророка. У фронтона вѣланъ дикій темно-серый камень съ какою-то надписью.

Тамъ, напримѣръ, приводятся слѣдующія свѣдѣнія объ основаніи города и происхожденіи имени Самарканда:

1) Въ книгѣ Бурханы-Батыгъ говорится, что въ глубокой древности нѣкто, по имени Самаръ, поселился въ данной мѣстности и первый изъ обитателей страны сталъ заниматься земледѣлемъ. Увлеченные благомъ его примѣромъ вскорѣ около него стали селиться и другіе люди, среди которыхъ Самаръ былъ старшиной, и отсюда пошло название селенія Самаръ-Кентъ, что на иранскомъ языке значитъ селеніе Самара; когда же арабы завоевали это мѣсто, то переинчили кентъ въ кандъ.

2) Въ книгѣ Маликуль Мамалюкъ (космосъ) неизвѣстнаго автора разсказывается, что властитель Ферганы и Кашгара, по имени Самаръ, прибылъ въ Согдъ со своимъ войскомъ и на данномъ мѣстѣ нашелъ большой, богатый и хорошо укрѣпленный городъ, который отказалъ ему растворить свои ворота. Тогда Самаръ, осадивъ городъ, подкопалъ его стѣны и такимъ образомъ взялъ его. На иранскомъ языке кандъ значитъ копать, а кандъ — вскопанный, и стало быть Самарканда въ буквальномъ переводе будетъ Самаромъ вскопанный.

3) Въ книгѣ Тарихи Табари (исторія Табари) повѣствуется, что основателемъ сего города былъ царь Самаръ, который поселилъ въ немъ тюркское племя Кандъ, отсюда-де и происходитъ название Самарканда.

4) Нѣкоторый человѣкъ, по имени Самаръ, приидя на мѣсто нынѣшняго Сюба, нашелъ подъ скалой родникъ, раскопалъ его (копать — канды), углубилъ и провелъ изъ него арыкъ, на которомъ и поселился, а близъ него стали селиться и другіе люди. По немъ получило название и поселеніе, обратившееся впослѣдствіи въ городъ.

5) Въ книгѣ Хафтъ-Иклімъ (семь частей свѣта) сказано, что Самаръ, родомъ изъ Ямана Іеменъ (въ Аравіи), царскаго происхожденія, пришелъ въ Согдъ со своимъ войскомъ, нашелъ тутъ древній городъ, отказавшійся впустить его въ во-

рота. Тогда Самаръ осадилъ этотъ городъ, взялъ его приступомъ, истребилъ его зданія и вскопалъ или срылъ городскія стѣны, послѣ чего основалъ на томъ же мѣстѣ новый городъ и назвалъ его Самаръ-Кандъ, то есть Самаромъ вскопанный¹⁾.

6) Великій „джемшидъ“ (патріархъ) Феридунъ имѣлъ трехъ сыновей: Тура, Сальму и Ираджа (или Иради), между которыми еще при жизни своей раздѣлилъ все свое царство. Туру отдалъ Туранъ (Туркестанъ съ Китаемъ и Монголіей), Сальму Румъ (Малую Азію), Магребъ (Африку) и Френгистанъ (Европу), а Ираджу — Ирапъ (то есть всю страну отъ Персидскаго залива до Инда) и при этомъ дѣлѣ опредѣлилъ границей между Тураномъ и Ираномъ рѣку Джи-гхунъ (Аму-Дарью²⁾), которую будто бы самъ и прокопалъ. Затѣмъ, желая для своего сына Тура укрѣпить какой-нибудь городъ, Феридунъ пришелъ на Зарявшанъ, гдѣ по близости нашелъ развалины какого-то древняго города, на которыхъ и основалъ Самарканда³⁾.

¹⁾ Самаръ-Яранъ Абу-Карибъ, современникъ персидскаго царя Дарія Іностасіа (529 лѣтъ до Р. Х.), покорилъ его и изъ Персіи пошелъ въ землю Синовъ (Монголію или Китай). Жители Согдіаны, окопавшись высокимъ валомъ, вздумали преградить путь победителю, но за эту дерзость были все перерѣзаны, а городъ ихъ разрушенъ. Въ память этого событія вся область Согдіаны была названа Самаръ-Кандомъ (разгромъ Самара). Герой, перешагнувъ черезъ трупи и развалины, вступилъ въ землю Синскую. См. Релягія древняго міра, соч. архимандрита Хрисанфа (т. IV, 286), который замечаетъ это сказаніе изъ Исторіи Араспа въ Персіи.

²⁾ Джи-гхунъ, джо-гхунъ и джай гхунъ въ туркестанскихъ народіяхъ употребляется въ значеніи міровой, всемірный, всесвѣтній. И у насъ въ Сибири джиганомъ называется бывалый бѣглый каторжникъ, въ смыслѣ пройди-свѣтъ. Относительно же Аму-Дары, ея древнійшее название Джигхунъ достаточно указываетъ на великое международное и, такъ сказать, міровое значеніе этой рѣки въ исторіи древнійшаго периода Азіи.

³⁾ О древности этого послѣдняго преданія можно судить уже по тому, что Феридунъ былъ шестой царь-патріархъ отъ сотворенія міра. По Зороастрійской космогонії (книга Бунъ-Дехешъ, начало которой писано самимъ Зороастромъ), первымъ царемъ міра и, разумѣется, Персіи былъ Кайоморотъ (сынъ персти), первозданный человѣкъ, жившій десять

7) Въ Тарихи Наръ-Шахи (исторія Бухары) сказано, что Самаркандъ былъ основанъ Кай-Коусомъ, сыномъ Кай-Кобада, и къ этому примѣшивается очень драматическая и трогательная исторія привлеченій Сіауша, сына Кай-Коуса,

столѣтій, изъ коихъ царствовалъ лишь послѣдній тридцать лѣтъ своей жизни, научивъ человѣчество земледѣлію, ткацкому мастерству и законопарадѣнію, и умеръ въ своемъ первопрестольномъ городѣ Балхѣ. Надо замѣтить, что Бунъ-Дехешъ ни единнымъ словомъ не упоминается о всемирномъ потопѣ и выводитъ первую династію персидскихъ царей (династія Песшадіановъ) непосредственно отъ первозданного человѣка, общаго прародителя. Вторымъ царствовалъ Гусшенкъ, внукъ Кайомортса, отъ сына его Сіамека, убитаго на войнѣ съ дивами (демонами), еще при жизни Кайомортса. Этотъ въ теченіе своего тридцатилѣтнаго царствованія научилъ людей кузничному и плотничному дѣлу и первый добылъ огонь посредствомъ удара кремнемъ о желѣзо (истати: Бунъ-Дехешъ не говоритъ ничего о бронзовомъ периодѣ, а открытие желѣза и пользованіе имъ относятъ, какъ видно изъ приведенного свидѣтельства, къ началу второго тысячелѣтія жизни человѣчества). Третьимъ царемъ былъ Тахмурасъ, сынъ Гусшена, прозванный Дивбеномъ (побѣдителемъ дивовъ). Онъ научилъ людей грамотѣ, первою юзѣмъ и вообще прирученію полезныхъ животныхъ, царствовалъ тоже тридцать лѣтъ. Четвертымъ царемъ цѣлыхъ семьсотъ лѣтъ былъ сынъ Тахмураса, Джемшидъ, основавший городъ Персеполисъ и учредивший первые оружейные заводы, ткацкія фабрики и бани. Онъ раздѣлилъ Персидскій народъ на четыре касты: жрецовъ, воиновъ, пахарей и ремесленниковъ и установилъ первый священный праздникъ весны „наурузъ“. То былъ золотой вѣкъ человѣчества. Но за обоготовленіе самого себя Джемшидъ подвергся нашествію иноземнаго царя Дзогака, который его казнилъ, послѣ чего царствовалъ въ Персіи цѣлую тысячу лѣтъ, введя въ ней новую религию (поклоненіе Баалу) и всячески тиранствуя надъ народомъ. Но народъ наконецъ возмущился подъ предводительствомъ кузнеца Кавеха и, свергнувъ Дзогака, возвелъ на престолъ Персіи Феридуна, князя изъ рода прежнихъ царей, Песшадіановъ, который отличался мудростю, правосудіемъ, военнымъ искусствомъ и любовью къ наукамъ, особенно къ медицинѣ и астрономіи, бывъ первымъ изъ насадителей въ Персіи. Отъ первой жены своей, дочери Дзогака, Феридунъ имѣлъ двухъ сыновей—Тура и Сальма, а отъ второй, знатной персіянки — Иради или, по-узбекски, Ираджа. По раздѣленіи между ними всего тогдашняго міра, Туръ и Сальмъ, позавидовавъ удѣлу любимица Феридуна, Иради, убили его, за что и были прокляты отцомъ своимъ. По смерти Иради, его любимѣйшая наложница, которую онъ оставилъ беременною,

который, женясь на дочери Афросіаба, принцессѣ Френгисъ, получилъ отъ тестя въ удѣль обширную область съ главнымъ городомъ Самаркандомъ, и этотъ городъ былъ имъ изукрашенъ дивными произведеніями архитектурнаго искусства. Персидскіе источники (Шахъ-Наме, Бунъ-Дехешъ и проч.), говоря то же самое, только еще пространнѣе, не сходятся съ

родила дочь, и эту дочь Феридунъ отдалъ замужъ за сына Турова, Песшенга. Отъ этого брака родился Миночееръ (по-узбекски—Манучиръ), воспитанный Феридуномъ въ чувствахъ ненависти къ убийцамъ Иради. Миночееръ отомстилъ Туру и Сальму, убивъ на войнѣ обоихъ, и тогда, получивъ благословеніе дряхлаго Феридуна, сѣлъ на престолъ Ирана. Но у Песшенга былъ еще одна супруга, отъ другой жены, его первенецъ—Афросіабъ, сидѣвшій на престолѣ Турана, который съ первыхъ же дней воцаренія Миночеера пошелъ на него войной, длившуюся десять лѣтъ, послѣ чего между Афросіабомъ и Миночееромъ былъ заключенъ мирный договоръ, по которому река Джи-хунъ (Аму-Дарья) признана границей между Ираномъ и Тураномъ. Затѣмъ войны Афросіаба противъ Ирана продолжаются съ некоторыми перерывами въ теченіе послѣдующихъ шести царствованій: Невдера, Зава, Гершасиа, Кай-Кобада, Кай-Коуса и Хосру (Кира), пока, наконецъ, не завершились казнью Афросіаба и совершеннымъ порабощеніемъ Турана Ирану. Но тутъ, мнѣ кажется, подъ Афросіабомъ надо понимать просто Туранъ (Трансоксанію), какъ государство. Думаю я такъ потому, что, по свидѣтельству Бунъ-Дехешъ, Персія, послѣ заключенія первого договора съ Афросіабомъ, наслаждалась миромъ и тишиной цѣлыхъ 35 лѣтъ подъ мудрымъ правлѣніемъ Миночеера, а на 36 году синъ умершаго царя Туранскаго (Афросіаба?) захватилъ у Миночеера нѣсколько областей, вслѣдствіе чего началась новая война, которая окончилась блестящимъ побѣдой Миночеера надъ врагами. Извѣстно, что Афросіабъ попалъ въ число божествъ туранской религіи, и что его столица, нынѣшній Самаркандъ, называлась Афросіабомъ. Все это, мнѣ кажется, могло служить поводомъ, въ особенности для народныхъ легендъ, записанныхъ Зороастромъ, къ отождествленію туранского государства съ личностю его наиболѣе блестящаго представителя. Теперь, что касается хронологіи изъ этихъ событий, то, по даннымъ Тарихи-Шаханъ (исторія Шаховъ), сообщеннымъ мнѣ почтеннымъ Хаджи-Юнусовымъ (за что приношу ему мою сердечную благодарность), изверженіе Дзогака и возведеніе на престолъ Феридуна относятся ко времени рождения Авраама, то есть къ 2075 году до Р. Х. Далѣе Тарихи-Шаханъ говоритъ, что Манучиръ (Миночееръ), внукъ Феридуна, былъ современникомъ Моисея

мусульманскими (туранскими) источниками лишь въ названіи удѣльного города Сіауша и называютъ его Шарсаномъ. Что же до Афросіаба, который является дѣйствующимъ лицомъ въ исторіи приключений Сіауша, то, по естественнымъ законамъ человѣческаго существованія, онъ уже не могъ быть въ живыхъ во времена Кай-Коуса, и очевидно, что народная легенда приписала своему любимѣйшему герою дѣянія совершеннія во времена уже значительно позднѣйшія какими-либо другими дѣятелями.

8) Затѣмъ авторъ Самаріи говоритъ, что по другимъ (?) источникамъ основателемъ Самарканда былъ царь Каршасбъ, открывшій здѣсь алебастръ, который онъ и приказалъ употреблять на украшенія городскихъ стѣнъ¹⁾). Про него же известуютъ, что онъ воздвигъ большую стѣну между городомъ Туркестаномъ и Маверо-ун-нагромъ²⁾.

9) Наконецъ покойный А. П. Хорошинъ³⁾ приводить (стр. 202) слѣдующія слышанныя имъ преданія о происхожденіи названія города: 1) „Жилъ-былъ царь; звали его Са-

(1500—1460 до Р. Х.), и что Афросіабъ пошелъ на него первою войной, когда Манучиру исполнилось уже шестьдесятъ лѣтъ. За сімъ Тарихи-Шаханъ, разсказавъ о заключеніи между Манучиромъ и Афросіабомъ мирнаго договора относительно разграничения Ирана отъ Турана рѣкой Джигхуномъ, прибавляетъ, что въ это время Богъ послалъ на землю пророка Ішуаібъ (Иисуса Навина?), а имя египетскаго Фараона того времени было Валидъ сынъ Мусааба.

Такимъ образомъ Афросіабъ, третій царь туранскій (Гурь Песшенгъ, Афросіабъ), какъ современникъ Минчеера и стало быть Монсаля, могъ жить и царствовать, самое позднѣе, за 1400 лѣтъ до Р. Х. Вотъ стало быть какова древность Самарканда, и притомъ древность уже несомнѣнная, такъ какъ городище и до сихъ поръ сохранило имя Афросіаба.

¹⁾ И дѣйствительно, на Афросіабѣ нерѣдко находять въ почвѣ, разрытой водомолнами, остатки лѣпныхъ орнаментовъ совершенно оригинальнаго стиля, сдѣланныхъ изъ алебастра.

²⁾ Арабскoе название Трансоксаны или собственно страны, лежащей между рѣками Аму и Сиромъ.

³⁾ См. его Сборникъ статей, касающихся до Туркестанскаго края. С.-Петербургъ, 1876 года.

маръ, а царицу звали Кандъ, и они основали Самаркандинъ^{4).} 2) „Жили-были два брата, Самаръ и Камаръ, люди добродѣтельные. Они подвизались въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь Самаркандинъ, и основали этотъ городъ, который и зовется по ихъ имени, а сами попали въ святыне, и могила ихъ досель находится въ Самаркандинѣ, въ медрессе Разинъ-Суфи^{5).} И дѣйствительно, самарканцы показываютъ въ данномъ мѣстѣ древнюю могилу, на которой читается имя Самара, начертанное куфическими письменами, и убѣждены, что тамъ похороненъ святой основатель ихъ города.

По объясненію моего ученаго знакомца, Абдулль-Аффаръ Ходжеева, слово самаръ, общее всѣмъ туранскимъ нарѣчіямъ, употребляется въ смыслѣ плодовитый, плодоносный, полезный, а кандъ, переименованное арабами въ кандъ, значить поселеніе, городъ, и такимъ образомъ Самаркандинъ или по-узбекски Самаркандинъ въ наиболѣе близкомъ переводе, будеть Плодоносный городъ, какъ Ташкентъ — Каменныій городъ, а Чимкандъ — Зеленый городъ, Яны-кандъ — Новый городъ и т. п. А. П. Хорошинъ тоже говоритъ, будто и по-арабски слово сямлръ значить плодъ, а кандъ — сладкій, сахарный, равно какъ и по-узбекски кандъ значить сахаръ. Мне кажется, что объясненіе Абдулль-Аффаръ Ходжеева, въ особенности если принять во вниманіе положеніе Самарканда близъ Міанкаля, плодоноснѣйшей части богатой Зарявшанской долины, будеть всего проще и всего ближе къ истинѣ, безо всякихъ царей или братьевъ Самаровъ, составляющихъ прямой продуктъ мѣстной легенды. Во всякомъ же случаѣ, несомнѣнно то, что Самаркандинъ есть одно изъ древнѣйшихъ въ мірѣ человѣческихъ поселеній, и уже во времена Александра Македонскаго, въ 329 году до Р. Х., находился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и теперь находится собственно мусульманскій городъ, а Миранда, или Мараканда грековъ, примыкала къ туземному городу съ западнаго и юго-западнаго конца его, то есть стояла тамъ, гдѣ теперь находится русская часть Самарканда. Въ этомъ убѣждаютъ и нѣко-

торые предметы греческого происхождения, находимые въ землѣ на русскомъ участкѣ, и свидѣтельство Тюра-Ходжа-Аглама въ его Самаріи, гдѣ говорится, что стѣна Кіаматъ-Диваль, существующая и понынѣ близь лагерного мѣста нашихъ войскъ, въ восьми верстахъ отъ сартовскаго города, составляла при владычествѣ грековъ крайнюю черту ихъ Мараканды. Да и самое имя „Мараканда“, мнѣ кажется, есть не что иное, какъ все то же восточное „Самаркандъ“, искашенное произношениемъ грековъ, подобно тому какъ и мы теперь, принаравливаясь къ особенностямъ своего выговора, искааемъ многія названія туземцевъ и передѣливаемъ, напримѣръ, Дизагхъ въ Джузакъ и т. п. Что же до древнаго Афросіаба, то есть основаніе предполагать, что уже во времена Александра Македонскаго онъ составлялъ либо одну изъ крайнихъ частей города, либо, еще вѣрнѣе, его сѣверное предмѣстье; иначе, конечно, не сохранилось бы и его имя, пережившее цѣлыхъ тысячелѣтія. Во времена же Тимура (XIV вѣкъ) Афросіабъ былъ тѣмъ же, что и теперь, то есть забытымъ пустыремъ и кладбищемъ.

Вообще, на основаніи даже тѣхъ немногихъ археологическихъ разслѣдованій, какія были произведены здѣсь русскими, можно со значительной долей вѣроятія сказать, что городъ давнимъ-давно, еще не на исторической памяти, передвинулся съ Афросіаба болѣе къ западу и къ югу, и что съ тѣхъ поръ Афросіабъ, въ своихъ южныхъ окраинахъ, уже много и много вѣковъ служитъ для Самарканда мѣстомъ похоронъ мертвыхъ. Да и весь нынѣшній Самаркандъ вообще стоитъ на сплошномъ великому кладбищѣ, гдѣ въ теченіе тысячелѣтій погребались и коренные обитатели города и наплыные, пришлии, въ числѣ коихъ уже на исторической памяти прошло столько разнохарактерныхъ, разноплеменныхъ завоевателей этого прелестнаго уголка, этого, по выражению восточныхъ поэтовъ, „рай земли“, который издревле служилъ одною изъ первыхъ станцій на пути великихъ переселеній первобытныхъ народовъ съ плоскихъ возвышеностей Пан-

мира, и къ которому испоконъ вѣковъ тянуло инстинкты завоевателей, благодаря его красотѣ и крѣпкому отъ природы положенію за грядой Чупанъ-Ата, съ одной и съ Шарсабизскимъ хребтомъ съ другой стороны, въ плодоноснѣйшей долинѣ Зарявшана.

Миновавъ пустыри и кладбища Афросіаба, мы снова спустились съ его возвышеностей уже въ настоящій городъ, мимо небольшой каменной часовни надъ могилой Хазрати-Хызы (Хозрой), покровителя и заступника всѣхъ странствующихъ и путешествующихъ, и мимо какой-то бѣлой мечети, расположенной справа на спускѣ, рядомъ съ какими-то большими, сложенными изъ кирпича саркофагами, надгробными плитами и мазарками¹). Но становилось уже темно; разматривать предметы было затруднительно, и потому пришлось умѣрить свое любопытство до завтра.

Въ шесть часовъ вечера мы подѣхали къ дому начальника самаркандскаго округа, генералъ-майора Н. А. Иванова, который радушно предложилъ намъ свое гостепріимство.

¹) Такъ называются въ Средней Азіи небольшія глянобитныя или кирпичная часовни-мавзолеи надъ чинами либо могилами. Въ киргизскихъ степяхъ такія мазарки, называемыя тамъ еще муллушки, служатъ для путниковъ опознательными пунктами въ дорогѣ.

сколько поверхностныхъ описаний современного Самарканда, изъ которыхъ лучшія и наиболѣе полныя сдѣланы цокойнымъ А. П. Хорошинымъ и г. Д. Ивановымъ. Самаркандъ еще ждетъ своего изслѣдованія и описанія, и эти достойныя задачи должны принадлежать, безъ сомнѣнія, русскимъ ученымъ. Скажу только, что когда я увидѣлъ вблизи и при дневномъ освѣщеніи всѣ эти остатки древняго величія столицы Тимура, то большая часть изъ нихъ, какъ напр., Гурь-эміръ, регистанъ съ его мозаично-узорчатыми медрессе Улугъ-бекъ, Тилля-кари и Ширъ-даръ, галлерей Кокъ-ташъ и проч. ¹⁾ показались мнѣ какъ будто старыми знакомыми, несмотря на то, что еще пятнадцать лѣтъ назадъ этотъ самый Самаркандъ представлялся воображенію, какъ нечто чутъ не сказочное, фантастическое, словно бы заколдовданое для всего цивилизованного міра по своей недоступности. И действительно, всѣмъ вамъ болѣе или менѣе знакомы теперь эти уцѣлѣвшіе остатки великолѣпныхъ сооруженій, если только вы имѣли случай любоваться ихъ воспроизведеніемъ на картинахъ В. В. Верещагина. Эти картины, — сама дѣйствительность, сама жизнь съ ея плотью и кровью, перенесенная на полотно, и ближе подойти къ ея правдѣ, къ ея краскамъ и воздуху, чѣмъ подошелъ нашъ художникъ, просто невозможно. Вспомните эти картины, и вы получите самое полное представление о наиболѣе выдающихся историческихъ достопримѣчательностахъ столицы Тимуридовъ.

Съ 18 по 25 декабря мы прожили въ Самарканѣ, по причинѣ возобновившейся болѣзни князя Витгенштейна.
Описывать этотъ городъ во всей подробности я не стану, во-первыхъ, потому, что семи дней, проведенныхъ нами въ его стѣнахъ, далеко недостаточно, чтобы хорошо осмотрѣть въ подробности всѣ его части, предмѣстія, зданія, развалины и историческая достопримѣчательности. Да еслибъ и принялся за ихъ описание какъ слѣдуетъ, то это потребуетъ цѣлаго тома, при чѣмъ пришлось бы вооружиться многоразличными и многоязычными (преимущественно арабскими и персидскими) учеными источниками, чего, по познакомству съ восточными языками, я и сдѣлать не могъ бы безъ посторонней помощи. А во-вторыхъ, въ нашей литературѣ уже есть чѣ-

¹⁾ Гурь-эміръ — прекрасный мавзолей надъ могилой Тимура, регистанъ — городская площадь, медрессе — мусульманскія высшія школы, университеты, Кокъ-ташъ — галлерея въ бывшемъ дворцѣ бухарскихъ эмировъ, находящемся въ Самарканской цитадели. Въ ней находится известный троицкий камень, кокъ-ташъ (синій камень), на который сажали бухарскихъ эмировъ при венчаніи ихъ на престолъ, какъ того требовалъ древній обычай коронаованія. Это обтесанная, въ видѣ плоскаго саркофага, глыба сырватаго ярамора, съ боками украшенными рельефно-узорчатою рѣзьбой. Сидя на кокъ-ташѣ, эмиры торжественно принимали отъ духовенства, войскъ, чиновниковъ и народа присягу на вѣриоцданство.

Самаркандъ — это Москва Средней Азии, „лицо земли“, „городъ святыхъ“, „садъ угодниковъ Божихъ“ — „чарбаги бузруконъ“. — И точно: этихъ святыхъ, погребенныхъ какъ въ городѣ, такъ и въ его ближайшихъ окрестностяхъ, насчитываютъ болѣе двухсотъ; но изъ нихъ наибольшимъ почитаниемъ пользуются трое ближайшихъ патроновъ „Вѣчнаго города“ Средней Азии. Это именно: Кусамъ, Хызръ и Ахраръ. О Хызрѣ я упоминалъ уже; объ остальныхъ же двухъ еще рѣчь впереди. Что же касается самарканскихъ достопримѣчательностей, то изъ нихъ менѣе прочихъ описана Хазрати Шахи-Зинда, хотя она, по своимъ художественнымъ достоинствамъ, полагаю, заслуживаетъ вниманія никакъ не менѣе, если не болѣе, прочихъ.

Въ Описаніи Бухарского ханства, изданномъ въ 1843 году нашимъ путешественникомъ Н. Ханыковымъ, Хазрати Шахи-Зинда названа дворцомъ Тимурленга. То же самое повторяетъ и Л. Ф. Костенко¹⁾, но это ошибочно: Шахи-Зинда (въ переводѣ — живой царь) вовсе не дворецъ и никогда дворцомъ не бывала. Это собственно мечеть, построенная надъ могилой Кусама (по-татарски Касимъ), сына Абу-Аббаса, двоюроднаго брата пророка Магомета. При мечети имѣется небольшой монастырекъ (шакахъ), гдѣ, между прочимъ, разъ въ недѣлю собираются для „радѣній“ ревущіе дервиши, и тутъ же находится рядъ великолѣпныхъ усыпальницъ, гдѣ похоронены иѣкоторые члены семейства Тимура, иѣсколько лицъ близко къ нему стоявшихъ и иѣкоторые его потомки. Была иѣкогда при этой же мечети и медрессе, построенная эмиромъ Улугъ-бекомъ, но въ стѣнахъ ея давно уже не раздается слово мусульманской науки. Все это вмѣстѣ взятое, то есть могила Кусама, мечеть, монастырекъ, бывшая медрессе и усыпальницы, составляетъ то, что известно подъ именемъ Хазрати Шахи-Зинда. Впрочемъ, Ханыковъ со-

¹⁾ Түркестанскій Край, т. I, стр. 439.

знается, что самъ не видѣлъ ея, а положился на слова своего спутника Лемана.

Я настолько заинтересовался художественною стороной этихъ усыпальницъ, что въ теченіе кратковременного пребыванія своего въ Самаркандѣ посѣтилъ ихъ три раза, въ сопровожденіи двухъ обстоятельныхъ переводчиковъ, рекомендованныхъ мнѣ И. А. Ивановымъ, и это подаетъ мнѣ иѣкоторую смѣлость остановиться вѣсколько подробнѣе на Хазрати Шахи-Зинда, какъ на одномъ изъ самыхъ изящныхъ и наиболѣе сохранившихъ памятниковъ Самарканда, тѣмъ болѣе, что въ извѣстныхъ намъ описаніяхъ города о ней почему-то упоминается менѣе, чѣмъ о прочихъ подобнаго рода зданіяхъ.

Хазрати Шахи-Зинда находится на сѣверо-восточной окраинѣ Самарканда, между Афросіабомъ и нынѣшнимъ городомъ, и занимаетъ своими зданіями подошву, юный склонъ и вершину небольшого холма, сплошь покрытаго древними могилами. Немощеная дорога, ведущая къ ней изъ города, проходитъ во второй своей половинѣ по узкой лощинѣ, среди древнихъ кладбищъ и, слѣдя по ней, вы мѣстами проходите, какъ бы коридоромъ, между двумя стѣнками, въ которыхъ проглядываютъ наружу, одни надъ другими, то уцѣлѣвшіе, то полуразрушенные отъ времени склепы, кирпичные стрѣльчатые и полукруглые своды и камогильныя плиты. Эти какъ бы наслонившіяся другъ на другъ кладбища уже сами по себѣ, мнѣ кажется, представляютъ не малый интересъ для археолога.

Но вотъ мы подходимъ къ Шахи-Зинда, которая уступами выится по лѣвой сторонѣ нашего пути. Главный фасадъ зданія, расположенный у подошвы холма, представляетъ въ своемъ центрѣ высокій, продлиноватый вверху четырехъугольникъ, въ которомъ, въ видѣ глубокой ниши, прорѣзанъ стройный стрѣльчатосводный порталъ. Къ нему примыкаютъ боковые пристройки, изъ коихъ правая, о трехъ большихъ узорно-рѣшетчатыхъ окнахъ, вмѣщаетъ въ себѣ бывшую боль-

шую аудиторию Шахи-Зинданской медрессе. Боковые бордюры фронтона и ниша портала украшены куфической вязью стиховъ и благочестивыхъ надписей, бѣльюющихъ среди мелкоузорчатыхъ пестрыхъ арабесокъ, и все это вмѣстѣ представляетъ хороший (но не изъ лучшихъ однако) образецъ мозаики изъ поливчатыхъ кафлей, гдѣ преобладающимъ цветомъ является лазорево-голубой, а затѣмъ слѣдуютъ въ разнообразныхъ сочетаніяхъ синій, охристо-желтый и зеленый. Не смотря на то, что всѣ красочные средства (мозаиста ограничивались только четырьмя колерами, подборъ цветовъ въ этихъ арабескахъ исполненъ съ большимъ вкусомъ, и въ общемъ рисунокъ они не только не докучаютъ глазу своею монотонностью (да позволено будетъ такъ выразиться), но напротивъ представляются произведеніемъ вполнѣ гармоничнымъ, пріятно оригинальнымъ и изящнымъ. И тоже самое должно замѣтить относительно всѣхъ вообще древнихъ кафельныхъ мозаикъ Средней Азіи. Среди такихъ-то арабесокъ, на одной изъ щекъ порталльной ниши, выставленъ годъ сооруженія—838 геджры, что соответствуетъ 1434 году христіанскаго лѣтосчислѣнія. Стало быть главный фасадъ нижняго зданія Шахи-Зинда былъ построенъ спустя 31 годъ послѣ смерти Тимурлена¹), въ царствованіе его внука Улугъ-бека, который оставилъ по себѣ память просвѣщеннѣйшаго и симпатичнѣйшаго между государами Средней Азіи.

Пройдя подъ нижнимъ порталомъ мимо чыхъ-то бунчуковъ и стяга, вы вступаете на мощенную плитами внутреннюю площадку съ предмечетнымъ айваномъ (родъ веранды), подъ навѣсомъ котораго, у рѣзныхъ деревянныхъ колонокъ и рѣшетчатой балюстрады, всегда сидятъ на цѣновкахъ, поджавъ подъ себя ноги, нѣсколько мулль и „дувана“²), погруженные въ благочестивое бездѣлье, если этимъ словомъ можно передать то, что въ совершенствѣ передается италий-

скимъ „dolce far niente“. Съ правой стороны площадки выходъ на небольшой квадратный дворикъ съ нѣсколькими деревцами и сухимъ, выложенными плитами бассейномъ по срединѣ, окруженному кельями (худжра), гдѣ помѣщается монашествующая братія, а налево изъ-подъ айвана входъ въ обширную залу, бывшей медрессе, гдѣ винѣ братья-ревуны совершаютъ свои благочестивыя, но далеко не благозвучныя радины подъ руководствомъ ишана Гайдеръ-ханъ-сеида и его брата Гассанъ-хана.

Съ этой площадки открывается красивый видъ на высокую и широкую каменную лѣстницу, ведущую на вершину Шахи-Зинданскаго холма, гдѣ она заканчивается другимъ стрѣльчатосводнымъ порталомъ, за которымъ начинается небольшой ширины проходъ, въ видѣ открытаго сверху корридора, обставлѣннаго съ обѣихъ сторонъ намогильными мавзолеями и ведущій къ мозаичной осьмиугольной ротондѣ (чаръ-тагъ), которая служитъ входомъ въ мечеть Кусама, называемую „Рауза“, и во внутренній верхній дворикъ Шахи-Зинда. Говорятъ, что нѣкогда эта лѣстница была облицована мраморомъ, котораго теперь и слѣдовъ на ней не осталось, а широкія и высокія ступени ея сложены изъ большихъ, ребромъ поставленныхъ, плитокъ жженаго кирпича. Съ правой стороны примыкаетъ она къ подымющейся уступами кирпичной стѣнѣ, тоже облицованной нѣкогда мраморомъ и служащей опорой вертикальному срезу холма, поверхность коего усыпана намогильными плитами³ и саркофагами, а съ лѣвой стороны лѣстницы высится два мавзолея, въ видѣ часовень или павильоновъ, украшенныхъ куфическими надписями вокругъ тамбуровъ, надъ которыми подымаются куполы, напоминающіе свою формой азіатскій шишакъ или наши древне-русскіе шеломы. На этихъ куполахъ еще видна кое-гдѣ лазоревая облицовка. Въ общемъ все это является чрезвычайно своеобразную, полную красоты и не лишеннюю даже нѣкотораго величія картину, на которую достаточно только взглянуть, чтобы никогда уже потомъ не относиться

В. В. Крестовский.

¹) Тимурленгъ умеръ въ 1405 году нашей эры (807 геджры).

²) Нищенствующіе монахи ордена Накшбенди.

свысока, съ самоувѣренною легкостью „цивилизованнаго“ европейца въ изящному вкусу и художественному гenю средне-азиатскихъ „варваровъ“.

Первый изъ упомянутыхъ мавзолеевъ, стоящий при самомъ началѣ подъема на лѣстницу, называется Ольджи-Инага и былъ воздвигнутъ Тимуромъ надъ прахомъ Ольджи-Аимъ, его кормилицы и нянки. Хальфа и мутевали (настоятель и экономъ монастыря), любезно предложившіе мнѣ свои услуги въ качествѣ путеводителей и пояснителей достопримѣчательностей Шахи-Зинда, обратили мое вниманіе на куполъ этого мавзолея: онъ выше остальныхъ настолько, что макушка его равняется съ макушками мавзолеевъ, стоящихъ на вершинѣ холма.

— Это для того, пояснилъ хальфа,—чтобъ ей (макѣ) не обидно было предъ тѣми, что покоятся выше ея. Для того ей и куполь высокій. Такъ повелѣлъ великий Тимуръ. Онъ чтилъ ее, какъ родную мать, за то, что Ольджи-Аимъ его вскорила и вынянила.

Черта во всякомъ случаѣ достойная вниманія въ характерѣ человѣка, имя которого для европейцевъ служить синонимомъ „кровожаднаго тирана“, „дикаго варвара“ и т. п.

Второй мавзолей слѣва, нѣсколько меньшихъ размѣровъ, находится уже на подъемѣ въ гору. Онъ воздвигнутъ надъ прахомъ молочной сестры Тимура, дочери Ольджи-Аимъ, по имени Биби-Зинѣтъ, и также украшенъ наружною мозаикой, а внутри расписанъ узорами *al fresco*.

Поднявшись по лѣстницѣ входимъ на верхнюю площадку. Здѣсь высятся одинъ противъ другого два мавзолея надъ могилами братьевъ Тимуровыхъ: слѣва Амиръ-Гассана, справа Амиръ-Хусейна¹⁾. Въ нихъ особенно замѣчательны боковыя

¹⁾ Слѣдуя оговориться: называя эмира Хусейна братомъ Тимура, я слѣдуя лишь показаніямъ моихъ путеводителей, хальфа и мутевали. Но точно ли у Тимура были родные братья Гассанъ и Хусейнъ, этого не видно изъ его исторіи, насколько она известна мнѣ по сочиненію Вамбери. О Гассанѣ, напримѣръ, названный историкъ не упоминаетъ вовсе.

колонны по красотѣ своего оригинального стиля и по изяществу рисунка изъ рельефныхъ кружевныхъ украшеній, залитыхъ лазорево-голубою поливой. Входы обѣихъ часовенъ замурованы, но, по словамъ настоятеля, ихъ внутренняя мозаичная отдалка великодѣлна. Куфическая надпись по бордюру второго мавзолея гласить: „Падишахъ эмиръ Хусейнъ“.

Что же до эмира Хусейна, то таковой действительно игралъ въ жизни Тимура немаловажную роль, только приходился ему не братомъ, а шуриномъ. Эмиръ Хусейнъ былъ внукомъ эмира Казгана и роднымъ братомъ принцессы Ольджи Турканъ-Хатунъ, первой по времени и любимѣйшей въ теченіе всей жизни жены Тимура. Вначалѣ великий другъ, союзникъ и сподвижникъ, а впослѣдствіи врагъ своего шурина, Хусейнъ былъ взятъ послѣднимъ въ пленъ при штурмѣ города Балха и казненъ по настоянию своихъ же партизановъ, перешедшихъ на сторону противника, въ Балхѣ въ 771 (1369) году. Мавзолей же Хусейна, какъ свидѣтельствуетъ его надпись, построенъ въ 788 (1386) году, когда Тимуръ воевалъ въ Персіи и Арабистанѣ. Титулъ „падишахъ-эмиръ“, которымъ та же надпись надѣляетъ Хусейна, могъ быть принадлежностью только государя царствовавшаго, какимъ и былъ дѣйствительно Хусейнъ въ Балхѣ и Бадакшанѣ. Но какъ совмѣстить годъ его смерти съ годомъ сооруженія мавзолея, если только мавзолей этотъ не принадлежитъ какому либо другому эмиру Хусейну, name неизвѣстному? Остается думать, что можетъ быть Тимуръ, долго не соглашавшійся на казнь шурина, впослѣдствіи, около семиадцати лѣтъ спустя, самъ воздвигъ ему эту памятникъ, приказавъ перенести прахъ покойнаго изъ Балха въ Самаркандъ. Вообще, при отсутствіи въ Шахи-Зинда своихъ собственныхъ метрикъ или лѣтописи, крайне трудно, не будучи специалистомъ, добираться по однѣмъ лишь надгробнымъ надписямъ, нерѣдко полуразрушеннымъ, до историческаго значенія лицъ, имена коихъ значатся на этихъ надписяхъ. Тутъ по большей части приходится полагаться на слова хальфа и мутевали компетентность которыхъ въ данномъ случаѣ можетъ еще подлежать большими сомнѣніямъ. Такъ, напримѣръ, здѣсь встрѣчаются отчастія въ надписяхъ, а отчастія въ устныхъ преданіяхъ имена эмировъ: Мусы (мусса—справедливый), Ассада, Абу-Тенги и Бурундуга, о которыхъ у Вамбери вовсе не упоминается. Поэтому я далеко не могу взять на себя отвѣтственность за точность сообщенныхъ мнѣ свѣдѣній, и если помышляю ихъ, то лишь въ надеждѣ, что авось либо впослѣдствіи они задутъ собою учеными специалистами какуюнибудь нить къ возстановленію или отверженію ихъ, согласно исторической истинѣ.

„Основанъ въ 788 (1386) году, въ мѣсяцѣ рамазанъ“, а въ нишѣ, въ ея срединѣ, изображены слова корана: „Скажи: толь есть Богъ единъ, безгрѣшный, нерожденный отъ человѣка, неимѣющій равныхъ себѣ, единій“; въ верхней же и въ нижнихъ частяхъ ниши: „Аль-Мулькъ-Алла“, т. е. „все (существующее въ мірѣ) есть достояніе Божіе“. Всѣ эти надписи куфической. На фронтонахъ же Гассана, кроме такихъ же изреченій, встречается еще слѣдующее: „Сократъ сказалъ, что земной міръ созданъ для муки, міръ же небесный для блаженства“.

Затѣмъ слѣдуютъ два мавзолея, также расположенные одинъ противъ другого. Въ лѣвомъ покоятся сестра Тимура, Джужукъ-Бика, и ея дѣти, а въ правомъ другая сестра его, дѣвица, Ширинъ-Бика-Ака. (Ака по-узбекски—дѣвица). Фронтоны обѣихъ часовенъ покрыты мозаикой. Бордюръ, окаймляющій первый изъ нихъ (лѣвый), составленъ изъ вази сульскихъ письменъ, а въ срединѣ фронтона, надъ входомъ, красуется куфическая надпись, которая гласитъ: „Не думай о жизни настоящей, земной; помыштай о будущей, загробной“. По бордюру же сульская надпись представляютъ слѣдующія изреченія: лѣвая—„Часы и минуты настоящей жизни дарованы намъ Богомъ для того, чтобы молиться Ему“; правая—„Пророкъ сказалъ: настоящая (земная) жизнь не принесетъ пользы, принесетъ ее будущая“¹⁾; верхняя: „Здѣсь покоятся блаженная, высокочтимая Джужукъ-Бика, дочь эмира Тургая-богадура“; подъ нею: „Сооруженъ ею самою для себя въ 773 (1371) году“; еще ниже: „Работа мастеровъ Шамоеддина и Зейнеддина“. Внутренность часовни, ея куполообразный потолокъ, весь составленный изъ мозаики, ея стѣны, облицованы рельефорѣзными узорчатыми кафлями значительной

¹⁾ То есть, другими словами, не заботясь о стражаніяхъ земныхъ, старайся „о небесныхъ“. Всѣ приводимые мною тексты шахи-зинданскихъ надписей переведены, по моей просьбѣ, членомъ Самаркандской археологической комиссии, поручикомъ султаномъ Баба-Галіевымъ, за что приношу ему мою сердечную благодарность.

величины, покрытыми разноцвѣтною эмалью; все это прекрасно сохранилось и поражаетъ васъ, какъ гармоничностю архитектурныхъ формъ, такъ и оригинальною прелестю общаго рисунка узорчатыхъ стѣнъ и купола.

На противоположномъ мавзолеѣ характеръ фронтонахъ надписей вѣсколько отличенъ отъ предыдущаго, а именно: въ срединѣ его находится куфическая надпись: „Нѣть Бога кромѣ Бога, Магометъ пророкъ Его“, надъ нею сульская: „Здѣсь покоятся блаженная, высокочтимая Ширинъ-Бика-Ака, дочь эмира Тургая-богадура“; ниже: „Сооруженъ ею самою для себя въ 787 (1385) году“, а по бордюрамъ—куфическая: „Достояніе Божіе“, идетъ вокругъ всего фронтона, вязью, повторяясь множество разъ. Внутренность часовни расписана al fresco.

Третій мавзолей справа представляетъ шестиугольную ротонду съ большими и широкими стрѣльчатыми окнами, что придаетъ ей видъ открытой сквозной бесѣдки, увенчанной иллюсковатымъ куполомъ, форма коего напоминаетъ расширенные шелками шапочки, что носятъ въ Бухарѣ молодыя девушки. Это могила одной изъ дочерей Тимура, умершей девственницей, въ ранней юности. „А потому ей и мавзолей открытый и куполь въ видѣ девичьей шапочки“, прибавилъ хальфа въ понясненіе.

— Что до купола, то это я понимаю, замѣтилъ я моему путеводителю:—но что именно означаетъ аллегорія открытости мавзолея?

— О тюря! ¹⁾ это значитъ, что внутренность покойной, то есть ея сердце, ея душа, ея помыслы, ея утроба такъ чисты, что насквозь свѣтятъ какъ эти окна, въ которыхъ ты, стоя здѣсь, видишь небо по ту сторону мавзолея.

Недурно и притомъ совершенно по-восточному.

Третій мавзолей слѣва воздвигнутъ однимъ изъ вчуковъ Тимура въ 765 (1363) году, но неизвѣстно которымъ, потому

¹⁾ Тюря—князь, знатный господинъ. Такъ въ Средней Азіи всегда величаютъ тѣхъ, кому желаютъ оказать почетъ и любезность.

что мраморная доска, где было высечено имя покойного, расстеснулась когда-то, и упавшая часть оной разбилась вдребезги; по преданию же мавзолей называется „Эмирь-Абу-Тенги“. Такъ по крайней мѣрѣ объясняютъ хальфа и мутевали. Мавзолей замѣчательенъ тѣмъ, что на мозаично-кафельномъ фронтонахъ его чрезвычайно изящные рисунки въ видѣ арабесокъ составлены не изъ фантастическихъ завитковъ и многоугольниковъ, а исключительно изъ куфическихъ надписей, сгруппированныхъ чрезвычайно искусно, такъ, что изъ нихъ выходитъ цѣлый узоръ, и узоръ очень красивый. Особенно искусно сдѣланы двѣ боковые круглые розетки, въ видѣ плоско-свернутой спирали (*rouleau*), изъ которыхъ каждая въ своемъ узорѣ представляетъ слѣдующее изреченіе: „Нельзя сказать, гдѣ именно находится Богъ, но можно сказать только, что Онъ есть, бессмертный, бдящій, сотворившій небо и землю. Людей Ему угодившихъ Онъ приближаетъ къ себѣ. Ему известно, что было и что будетъ. Доказательство силы Его то, что небо не падаетъ на землю“¹⁾). Надпись надъ входомъ: „Основанъ внукомъ эмира Тимура... для себя въ 765 году“. На правой колоннѣ портала сохранилась въ узорѣ надпись: „Работа устѣ (мастера) Али Мансура“. Надпись эта составлена изъ такихъ же буквъ-арабесокъ.

Четвертый мавзолей слѣва построенъ въ видѣ открытой съ фронта широкой ниши. Сводъ его уже рухнулъ, но настѣнныя мозаики сохранились прекрасно, и среди ихъ находится надпись: „Туманъ-Ака, дочь эмира Муссы“. Въ заднюю стѣну этого мавзолея-ниши вдѣланы стоямя двѣ продолжаватыя плиты съ высѣченными на нихъ надписями слѣдующаго содержанія: на правомъ отъ зрителя камнѣ:

„Сейдъ-Хатымъ-ходжа, бенъ²⁾ Сейдъ-богадуръ-ходжа.
Сейдъ-Богадуръ-ходжа, бенъ Сейдъ-Абдурахимъ-ходжа.
Сейдъ-Абдурахимъ-ходжа, бенъ Абдулъ-Кадыръ-ходжа.

1022 (1612) года“.

¹⁾ То есть ему известно прошлое и будущее и силу свою Онъ держитъ твердь небесную надъ землей.

²⁾ Бенъ по-арабски и бинъ по-узбекски значить сынъ.

На лѣвомъ отъ зрителя камнѣ:

„Абдуль-Сафа, бенъ Абдуль-Каюмъ.
Абдуль-Каюмъ, бенъ Шерифъ-Эддинъ.
Омаръ-Эддинъ, бенъ Шерифъ-Эддинъ.
Османъ, бенъ Шемседдинъ,
Шемседдинъ, Эмиръ-Магометъ“.

Кто эти лица, сказать довольно затруднительно, такъ какъ этого не могли объяснить намъ и хальфа съ мутевалиемъ, которыхъ, казалось бы, ближе всего можно было бы имѣть о нихъ какія либо свѣдѣнія. Судя по титуламъ „сейдъ“, видно, что тутъ погребены люди знатнаго происхожденія, ведшіе свой родъ отъ дочери пророка Магомета и его близайшихъ родственниковъ, но чѣмъ они были достопримѣчательны и почему удостоились чести быть погребенными въ усыпальнице Тимуридовъ, этого я не знаю, равно какъ не знаю въ исторіи Трансоксаніи и эмира съ именемъ Шемседдинъ-Магомета. Что же до первыхъ трехъ имёнъ, начертанныхъ на второмъ камнѣ, то можно догадываться: не погребены ли тутъ внукъ и два сына Шерифъ-Эддина, известнаго биографа Тимурлена.

Надъ этими двумя камнями, вверху, находится общая надпись въ стихахъ слѣдующаго содержанія: „Инето не сдѣляется великимъ, если своимъ долготерпѣніемъ въ скорбяхъ не заслужить себѣ благоволеніе Аллаха. Земная жизнь не принесетъ пользы—принесетъ ее жизнь будущая“.

Проходъ, идущій по плоской вершинѣ холма между рядами мавзолеевъ, приводить васъ, наконецъ, къ ротондѣ Чааръ-тагъ¹⁾, изъ которой входъ нальво ведетъ въ месджиди-джума (соборную мечеть), очень древнюю, съ высокими и весьма оригинально расположенными сводами, а входъ направо—въ мечеть и усыпальницу Шахи-Зинда. Поднявшись на пять мраморныхъ ступеней, вы изъ-подъ ротонды выходите въ ея среднюю арку на верхній продолговатый дворикъ, сплошь обрамленный арками.

¹⁾ Чааръ-тагъ — собственно: четыре лѣстницы; въ переносномъ же значеніи—бесѣдка. Не отсюда ли наше русское чердачъ?

ленный мозаичными мавзолеями, между которыми по лѣвой (западной) стѣнѣ въ особенности обращаеть на себя внимание одинъ, воздвигнутый надъ прахомъ принцессы или государыни, имя которой, составленное изъ кусочковъ мозаики, выщербилось отъ времени, а сохранились только слова: „Ша падиша... годъ 808 (1404 нашей эры)“. Первые два слова подаютъ поводъ въ заключенію, что здѣсь поконится прахъ женщины; устное же преданіе говорить, что это мавзолей дочери Тимура, Ходжи Тоглу-Текинъ. Рядомъ съ нимъ указываются на памятники какой-то принцессы Нуріи и эмира Бурундуда.

Всѣ надписи прекрасного мавзолея Тоглу-Текинъ сдѣланы арабскими письменами, за исключеніемъ бордюра, орнаментирующего вверху и внизу стройныя колонки по бокамъ входа, изъ которыхъ въ особенности хорошо сохранилась лѣвая. Въ этомъ бордюре, въ видѣ узора, изображено имя Магомета письменами магалинскими, но такъ, что вы съ первого взгляда и не подумаете будто это письмена, а не просто арабески. Верхняя надпись мавзолея подъ сталактитовымъ сводомъ ниши состоять изъ текста корана: „Всякому благочестивому открыты двери рая“, а затѣмъ, въ видѣ главной надписи, идутъ вышеупомянутыя слова, съ выщербившимся именемъ погребенной; вокругъ же нихъ читается по-арабски слѣдующее: „Магометъ рекъ: буде кто изъ правовѣрныхъ лишенъ возможности отправиться на поклоненіе его гробу, то достаточно если онъ поклонится гробу Хаттама, сына Аббаса¹⁾, и если бы послѣ меня положено было отъ Бога быть еще одному пророку, то это былъ бы Хаттамъ“. Магометъ рекъ: „Всякъ да замолитъ грѣхи свои, пока живъ. Если при этомъ (то есть при замоленіи грѣховъ) дарована человѣку долгая жизнь на семь свѣтѣ, то и въ будущей жизни блаженство его будетъ долгое“.

¹⁾ Эти слова объясняютъ отчасти почетный титулъ хаджи (паломника или паломница), приданый имени Тоглу-Текинъ. Вѣроятно она совершила странствованіе ко гробу Магомета или же гробу Хаттама.

Въ задней стѣнѣ, замыкающей дворикъ съ сѣверной стороны, устроена открытая ниша, въ которую вдѣлана мраморная доска съ рельефною арабескою надписью сульскими литерами: „Аллахумма Алгаккуналь Гакуни улла-кональ булагу би-кодри-саукиль агирате“, то есть: „Вознеси Господи душу мою въ обитель блаженства, сопричи къ твоимъ праведникамъ и сохрани на томъ свѣтѣ“. На бокахъ этой ниши, тоже рельефомъ въ видѣ узора, вырѣзаны по мрамору куфическая надписи, а самъ памятникъ воздвигнутъ надъ какимъ-то Ходжа-Ахметомъ, о которомъ думаютъ, что это сынъ Мирашаха, сына Тимурова, известный поэтъ, написавшій Книгу прелестей (Летафетъ-Намехъ).

Въ правой или восточной стѣнѣ дворика продѣлано въ лишѣ портала широкое окно, открывающее видъ на внутренность особаго мавзолея, сводъ и куполья котораго уже давно обрушились. Въ сталактитовидныхъ наугольникахъ стѣнъ и въ верхнихъ частяхъ настѣнныхъ нишъ этого мавзолея прекрасно сохранились рельефныя надписи на лазурно-голубыхъ поливчатыхъ кафляхъ, да и самъ рисунокъ этихъ кафелей, напоминающій своимъ глубоко врѣзаннымъ рельефомъ самое затѣйливое мелкоузорчатое кружево, просто очарователенъ по своей красотѣ и изяществу. Мавзолей этотъ носить название „Ша-араиъ“, вѣроятно вслѣдствіе мавританского стиля своихъ сталактитовидныхъ наугольниковъ¹⁾). Надпись надъ его окномъ, образующая надъ собою квадратный четырехугольникъ, равно какъ и всѣ прочія надписи этого мавзолея сдѣланы по

¹⁾ Ша-араиъ или ша-арафа и иракъ суть два стиля наиболѣе употребляемые даже и доселѣ при орнаментации настѣнныхъ панелей, цоколей, карнизовъ и наугольниковъ. Первый изъ нихъ мавританского происхожденія и представляетъ подобіе сталактитовъ, состоящихъ изъ выпуклыхъ, геометрически правильныхъ многогранниковъ; второй же происхожденія иранскаго и состоять изъ ряда углубленныхъ внутрь призмъ или многогранниковъ, расположенныхъ въ видѣ маленькихъ нишекъ, рядами, преимущественно въ шахматномъ порядке. Такимъ образомъ первый стиль всегда горельефъ, а второй—барельефъ и оба чрезвычайно изящны.

сульсъ-рейхонской системѣ письма, одной изъ древнѣйшихъ на Востокѣ. Надковонная надпись заключаеть въ себѣ толь же самыи текстъ, который мы читаемъ въ срединѣ входной ниши мавзолея Хусейна: „Скажи толь есть Богъ единъ“ и проч. По карнизу и бордюрамъ начертаны повторяющіяся имена величайшихъ подвижниковъ ислама въ такомъ порядке: „Абубекръ, Омаръ, Османъ и Али“, а вокругъ ниши: „Основанъ эмиромъ Тимуромъ въ 762 (1360) году, махрана (ноября) 13“.

Это самый ранній годъ изо всѣхъ, какіе встречаются на шахи-зинданскихъ надписяхъ, и я полагаю, что въ данномъ мавзолѣ, вѣроятно, была первая царственная усыпальница при гробѣ Кусама, воздвигнутая одновременно съ мечетью и часовней надъ самимъ гробомъ святого. Вообще, по всему видно, что Хазрати Шахи-Зинда, постоянно сохраняя назначеніе усыпальницы Тимуридовъ и близкихъ къ нимъ людей, создавалась постепенно, въ теченіе по крайней мѣрѣ 76 лѣтъ, пока не завершилась въ 838 (1434) году стоящими у подошвы холма зданіемъ бывшей медрессе.

Послѣ осмотра всѣхъ мавзолеевъ, мои путеводители пригласили меня въ мечеть „Рауза“, въ могилѣ Кусама. Я упомянулъ уже, что сюда ведеть изъ-подъ ротонды входъ съ правой стороны. Этотъ входъ закрытъ двусторчатыми, средней высоты дверами изъ цѣльнаго орѣха, которые представляютъ собою одинъ изъ драгоценнѣйшихъ въ художественномъ отношеніи и древнѣйшихъ въ Самаркандѣ памятниковъ искусствой рѣзьбы по дереву. Рисунки рельефныхъ узоровъ и надписей на этихъ дверяхъ такъ оригинальны и такъ изящны, что даютъ высокое понятіе о вкусѣ древнихъ самаркандскихъ мастеровъ и заслуживаютъ самого внимательного изученія. Хотя они уже срисованы В. В. Верещагинымъ на его известной картинѣ „Предъ дверями мечети“, тѣмъ не менѣе и на будущее время для художника и рѣзчика тутъ есть надъ чѣмъ поработать и чѣмъ позаимствовать. Бордюры этихъ дверей украшены инкрустациами изъ слоновой кости, а верх-

нія филенки—древними бронзовыми скобами, висящими въ видѣ сережекъ, тоже весьма красиваго рисунка.

Изъ ротонды (Чааръ-тагъ) къ часовнѣ Кусама ведеть полутемный коридоръ, къ которому съ правой стороны примыкаетъ мечеть, куда поднимаются по двумъ или тремъ ступенямъ, чрезъ широкую входную арку. Въ мечети настѣнныя панели, ниша меҳраба ¹) и стѣна вокругъ его облицованы узорчатыми изразцами и испещрены мозаикой арабскихъ надписей, заключающихъ въ себѣ молитвы и тексты Корана. Это произведение старыхъ исфаганскихъ мастеровъ, замѣчательное не только по красотѣ рисунка, но и по чистотѣ колеровъ эмали.

Пройдя коридоръ, входишь въ аванъ-залу часовни, просто высокую сводчатую комнату, оштукатуренную алебастромъ, безъ всякихъ украшеній, изъ которой оссбая входная арка ведеть также и въ мечеть, а въ правой стѣнѣ продѣланы двѣ низенькия одностворчатыя двери: правая отворяется для желающихъ спуститься въ чилля-хане—покаянное подземелье, а лѣвая всегда открыта для желающихъ подняться на одну или двѣ ступени въ часовню Кусама.

Часовня эта представляетъ собою небольшую квадратную залу, куда слабый свѣтъ проникаетъ сверху сквозь небольшія рѣшетчатыя окошки и тѣмъ придаетъ ей нѣсколько таинственный, мистический характеръ. Потолокъ образуетъ куполь, который русскіе, по занятіи Самарканда, нашли въ полуобвалившемся видѣ и вскорѣ затѣмъ реставрировали, придерживаясь его первоначального характера. Основаніе купола лежитъ на четырехъ настѣнныхъ изогольникахъ, имѣющихъ форму полукруглыхъ полуницъ, какъ бы нависающихъ сверху внизъ кристаллическими призмами и сталаклитами своихъ лѣпныхъ украшеній. Подъ куполомъ вокругъ цоколя идетъ рельефно узорчатый поясъ эмальированныхъ сульсскихъ надписей, а внизу стѣны облицованы мозаичными панелями

¹) Возвышенное място, обращенное въ сторону Мекки.

исфаганского стиля. Но со всемъ этимъ, дѣйствительно изящнымъ произведеніемъ строительного искусства, вовсе уже не вѣжутся намалеванныя на стѣнахъ розетки, цветы и букеты въ вазонахъ—грубое сартовское произведеніе позднѣйшаго времени. Русскіе убѣждали было мѣстныхъ муллъ соскоблить всю эту дрань и восстановить стѣны въ ихъ первоначальной алебастровой облицовкѣ, но ничего съ ними не подѣлаешь: находятъ, что такъ красивѣе. Поль также весьма неказисто устланъ простыми цѣновками и ситцевыми ватными одѣялами, но это по крайней мѣрѣ оправдывается хотя тѣмъ, что такъ удобнѣе для молящихся сидѣть на колѣнахъ. Вообще все, что внесено сюда мусульманствомъ новѣйшаго времени, до казанскихъ ксилографій съ изображеніемъ Каабы включительно, слишкомъ рѣзко дисгармонируетъ съ изяществомъ стиля древнаго мусульманства, воочию свидѣтельствуя объ упадкѣ эстетического вкуса у новѣйшихъ поклонниковъ пророка.

Войдя въ часовню, вы видите предъ собой въ противоположной стѣнѣ три двери. Изъ нихъ средняя, нѣсколько выше и шире боковыхъ, никогда не открывается, но сквозь нее можно видѣть самый гробъ святого: она вся прорѣзная и представляетъ образецъ превосходной ажурной работы изъ старого орѣха. Сочетанія ея геометрически правильныхъ угловъ и ломаныхъ линій образуютъ весьма затѣйливый, но красивый и стройный рисунокъ. Это тоже произведеніе временъ Тимура, выполненное по художественнымъ образцамъ первой средне-азіатской эпохи ислама.

Лѣвая дверка, около которой виситъ на высокомъ толстомъ древкѣ зеленое знамя святого съ конскимъ хвостомъ, ведеть въ маленькую каморку, чрезъ которую правовѣрные проникаютъ, по обычаю, не иначе, какъ на колѣнахъ въ среднюю камору—„Ханака“, къ самому гробу Кусама. Дверка увѣшана разноцвѣтными лоскутками и тряпицами, которые обыкновенно оставляются на ея оковкѣ благочестивыми поклонниками, въ память полученного ими при гробѣ святого чудодѣйственнаго исцѣленія отъ какихъ либо—преимущественно

глазныхъ—болѣзней. Эта дверка открывается только изрѣдка и то лишь для мѣстныхъ муллъ, да для особливо почетныхъ, либо особливо щедрыхъ мусульманъ—поклонниковъ и жертвователей; простые же смертные взираютъ на гробъ только чрезъ дверную решетку.

Подведя къ лѣвой дверкѣ новаго посѣтителя, хальфа или мутевали непремѣнно остановятъ его вниманіе на большомъ и весьма оригинальномъ замкѣ, привинченномъ къ ея верхней части. Желѣзная плоская скоба этого замка вырѣзана въ формѣ рыбы, чешуя которой разрисована золотомъ. У хвоста этой рыбы помѣщена другая, такая же рыбина, только маленькая и съ хвостомъ, загнутымъ нѣсколько кверху. Когда я спросилъ хальфа, почему придана замку такая странная форма, и выразилъ догадку, что, вѣроятно, съ нею соединено какое нибудь особое значеніе, то хальфа съ глубокомысленнымъ видомъ отвѣчалъ мнѣ на это:

— Такъ, тюря не ошибся. Замокъ этотъ запираетъ входъ въ могилу святого. Всемудрый Аллахъ лишилъ рыбу голоса и поселилъ ее въ глубинахъ водъ, гдѣ ея жизнь составляетъ непроницаемую тайну для живущихъ надъ водами, на сулѣ. Поэтому рыба есть символъ молчанія и тайны. Молчаніе и тайна запечатлѣваютъ покой усопшихъ, и вотъ почему явился этотъ символъ на двери гроба святого, тѣмъ болѣе, что святой нашъ хотя и умеръ, по видимости, но онъ живъ. Онъ живъ на землѣ, и въ этомъ сугубая тайна.

Я, что называется, положилъ въ ротъ палецъ изумленія.—Какъ, моль, такъ? Умеръ и живъ въ одно и то же время?

— Такъ, тюря, умеръ, но живъ. Поэтому-то и мѣсто ему посвященное называется Шахи-Зинда (живой царь). Развѣ тюря сомнѣвается во всемогуществѣ Аллаха? Развѣ Аллаху чудеса невозможны?.. Кусамъ живъ и скрывается до времени отъ людскихъ взоровъ здѣсь, по близости, въ подземельяхъ Афросіаба, быть можетъ даже гдѣ нибудь подъ этимъ самымъ священнымъ мѣстомъ. Придетъ часъ воли Божіей —

и онъ проявится воочию всѣхъ: но по грѣхамъ нашимъ честь эта, вѣроятно, не близокъ.

И затѣмъ хальфа пояснилъ мнѣ, что Кусамъ, сынъ Аббаса, двоюроднаго брата Пророка, да будетъ во вѣки благословенно его священное имя! — пришелъ съ правовѣрнымъ войскомъ водворять истинную вѣру въ Сугудъ, гдѣ тогда обитали гебры, нечестивые огнепоклонники, и войско его, претерпѣвши много всякихъ лишений, возроптало, наконецъ, на Аллаха, и Аллахъ, въ наказаніе за это, допустилъ нечестивыхъ гебровъ разбить армию правовѣрныхъ, вслѣдствіе чего Кусамъ, покинутый своими воинами, долженъ былъ спасаться бѣгствомъ, и бѣжалъ онъ именно въ эти мѣста, на Афросіабъ. Достигнувъ же холма, на которомъ нынѣ красуется Хазрати-Шахи-Зинда, лошадь святого отъ изнеможенія пала. Тогда Кусамъ бросилъ отъ горы свою нагайку на землю, и изъ ея черенка вскорѣ выросло дерево „камчинъ“, которое и по сей день благополучно растетъ во дворѣ около мечети, а самъ скрылся въ пещеру, которую тюрьма сейчасъ тоже увидѣть, и въ этой пещерѣ скрывался долгое время отъ гебровъ, пока Аллахъ, чрезъ своего святого ангела, не указалъ ему другое, еще болѣе удобное и укрытое подземелье, гдѣ онъ и теперь проживаетъ въ постѣ и молитвѣ¹⁾.

¹⁾ А. П. Хорошхинъ (см. его Сборникъ статей, касающихся Туркестанскаго края, стр. 187) разсказываетъ эту легенду нѣсколько иначе, а именно: „Въ первыя времена мусульманства въ этомъ краѣ, говорить онъ, какому-то потомку Аббаса, одного изъ ближайшихъ родственниковъ Мухамеда, распространвшему здѣсь исламъ, нѣвѣрные отрубили голову, но въ моментъ смерти праведникъ подхватилъ ее на лету и скрылся въ какой-то колодецъ, да тамъ и остался, благо наукъ заткнулъ отверстіе колодца паутиной, и никто не догадался туда заглянуть“. По свидѣтельству же „Самаріи“, сообщенному мнѣ Низамъ-Эддинъ-Ходжа-Абдулъ-Аффаръ-Ходжеевымъ, дѣло выходитъ нѣсколько проще, и такъ сказать историчнѣе. Въ „Самаріи“ говорится, что мать Кусама, дочь Хариса, была свояченицей Магомета, а Кусамъ при халифѣ Али былъ градоначальникомъ Мекки. Послѣ того какъ Али былъ убитъ, халифъ Маваія, сынъ Абу-Суфіана, послалъ Кусама и Саїда, сына Османова, въ

— Но тогда зачѣмъ же этотъ гробъ, если онъ не умеръ? спросилъ я.

— Гробъ, тюрьма, сооруженъ впослѣдствіи, много годовъ спустя послѣ того какъ правовѣрные окончательно покорили

Маверо-ун-негръ для обращенія нѣвѣрныхъ въ магометанство. Прочно утвердясь въ Бухарѣ, Саїдъ и Кусамъ напали на Сугудъ и заняли Самаркандъ безъ боя. Послѣ этого Саїдъ съ войскомъ отправился обратно въ Аравію, а Кусамъ оставилъ въ Самаркандѣ для наибольшаго укрѣпленія жителей онаго въ истинной вѣрѣ. Въ 54 (673) году самаркандцы возмущались противъ Кусама и поразили его стрѣлой, что случилось по одному преданію въ Намазгѣ (предмѣстье Самарканда, за Байкабанскими воротами), а по другому въ кишлакѣ Ширинкентѣ (въ Сугудскомъ тюменѣ). Кусамъ умеръ отъ раны и погребенъ на Шахи-Зинданскомъ холмѣ. Эмиръ Тимуръ, желая почтить память мученика, старался отыскать точную его могилу, для чего прибѣгъ къ помощи астрологіи. Извѣстное сочетаніе созвѣздій указало ему искомое мѣсто, и тогда Тимуръ построилъ на немъ мазаръ (нагробный мавзолей), который и понынѣ стоитъ надъ гробомъ Кусама.

Впослѣдствіи, познакомившись съ Сборникомъ статей Хорошхина, я понялъ, почему мой путеводитель хальфа выражалъ такую увѣренность, что Кусамъ рано ли, поздно ли проявится воочию всѣхъ, и скрушаются, что по грѣхамъ нѣвѣрныхъ мусульманъ честь эта, вѣроятно, не близокъ. Дѣло въ томъ, что пятьсотъ лѣтъ тому назадъ другой святой, Ходжа-Ахмедъ-Ясави или Есеви въ городѣ Туркестанѣ предсказалъ очень вѣрно пришествіе въ эти страны русскихъ, преподавъ въ томъ же пророчествѣ и утѣшеніе добрымъ мусульманамъ, что Шахъ-Зинда выйдетъ изъ своего подземелья и не пуститъ русскихъ въ Самаркандъ, и что онъ, то есть самъ предсказатель, тоже и со своей стороны не преминеть принять участіе въ изгнаніи кафыровъ (нѣвѣрныхъ). Вотъ это предсказаніе, написанное на старомъ узбекскомъ (чагатайскомъ) нарѣчіи стихами, въ русскомъ переводѣ А. П. Хорошхина:

Друзья, снажу вамъ будущее:

Мусульманамъ будетъ много горя:

Нѣвѣрные убьютъ много мусульманъ.

Въ 1281 (1864) году придутъ нѣвѣрные:

Они покорятъ окрестности Туркестана,

Они водворять свою власть,

Они принесутъ намъ много горечи.

Въ 1282 (1865) году они перейдутъ Дарью
И много городовъ возьмутъ въ рабство.

гебровъ, и когда гебры, познавъ, наконецъ, истинаго Бога, благополучно приняли исламъ. По указанію свыше, гробъ сооруженъ Тимуромъ, самимъ эмиромъ Тимуромъ, тюрь, надъ самою пещерой святого, въ память того, что на самомъ этомъ мѣстѣ Кусамъ въ послѣдній разъ видѣлъ надземный міръ и какъ бы разстался съ жизнью, то есть съ людскою жизнью, тюрь, съ ея заботами, печальми и радостями, и, уйдя въ подземелье, весь предался Богу, запечатлѣвъ себя молчаніемъ и тайной.

Выслушавъ это объясненіе, я заглянулъ чрезъ решетку средней двери въ помѣщеніе гроба. Это небольшая каморка, слабо освѣщенная сквозь маленькое оконце, продѣланное вверху, надъ изголовьемъ саркофага, который сложенъ изъ кирпича и, какъ говорятъ, облицованъ голубыми кафлями,

Только безумные будутъ имъ противиться.
 Воскресшій султанъ Ахмедъ (авторъ пророчества)
     Пройдетъ межъ людьми.
 Въ 1283 (1866) году вы патеритесь много страха:
     Невѣрные подойдутъ къ Самарканду.
 Шахъ-Зинда встанетъ изъ могилы и выйдетъ предъ невѣрныхъ.
 Въ 1284 (1867) году невѣрныхъ придетъ конецъ:
     Со всѣхъ сторонъ раздастся кликъ: „бей!“
     Правовѣрные будутъ славить Бога за одолѣніе невѣрныхъ.
 Въ 1285 (1868) году оживетъ султанъ Ахмедъ,
     Святые соберутся вокругъ него,
     Прочтутъ молитву и исчезнетъ и самъ слѣдъ невѣрныхъ.
 До 1867 года пророчество это совершило вѣро, если вы вспомните, что движение русскихъ къ Туркестану было предвидено въ 1864 году и что тогда же покорены города Аулі-ата, Туркестанъ и Чимкентъ, а въ слѣдующемъ 1865 году взяты Ташкентъ, и состоялось движение за Сыръ-Дарью. Въ 1866 году взяты за Сыромъ Ходжентъ, Ура-Тюбе и Джизанъ, послѣ чего русскіе, укрѣвшись у Линкургана, дѣйствительно стали въ виду Самарканда. Но дальнѣйшая часть пророчества не сбылась, и благочестивые мусульмане, по замѣчанію Хорошхина, говорятъ, что разнорѣчіе съ дѣйствительностью произошло будто бы оттого, что святые отступили отъ мусульманъ за нечестіе, и Богъ наказуетъ правовѣрныхъ рукой кяфировъ.

но разглядѣть ихъ невозможно, такъ какъ весь саркофагъ сверху до полу покрытъ множествомъ драгоценныхъ шелковыхъ, бархатныхъ и парчевыхъ тканей, давно уже утратившихъ отъ времени свои первоначальные краски. Покровы эти составляютъ, по большей части, приношенія бухарскихъ эмировъ, которые никогда не вѣзжали въ Самаркандъ, не поклонившись предварительно гробу Кусума.

Съ правой стороны, рядомъ съ решетчатою дверью, низенький сводчатый проходъ ведетъ въ свѣтлую каморку, не имѣющую непосредственного сообщенія съ среднею. Здѣсь у стѣны стоитъ бунчукъ Кусама,—конскій хвостъ на древѣ съ металлическою булавой,—обвѣшанный подобно рыбѣ-замку разноцвѣтными лоскутками и трапочкиами, большая часть которыхъ оставляется здѣсь бесплодными женщинами, разъ въ недѣлю молящими живаго царя о ниспосланіи имъ дѣтей. Чтобы проникнуть въ подземелье этого царя надо возвратиться въ авань-залу, гдѣ въ правомъ углу находится узкій и низенький спускъ въ такъ называемую „чилля-хана“, что собственно значитъ покоящая комната. Мутевали зажегъ свѣчу и подалъ мнѣ руку. Согнувшись насколько было возможно, я спустился вслѣдъ за нимъ по нѣсколькимъ крутымъ и высокимъ ступенькамъ. Затѣмъ мы повернули направо и столь же узкимъ коридоромъ спустились еще ниже по наклонной плоскости, но уже безъ ступеней. Деревянная дверка медленно захлопнулась за нами, издавъ протяжный хриплый скрипъ, точно стонъ умирающаго страдальца. Пройдя нѣсколько шаговъ мы очутились въ совершенно пустой комнатѣ съ низкимъ сводчатымъ потолкомъ. Въ ея противоположной стѣнѣ видѣлся узкій сводчатый проходъ въ другое подземелье, закрытый сверху до полу бѣлою завѣсой. Мутевали приподнялъ ее, и я невольно отшатнулся нѣсколько назадъ.

Свѣтъ свѣчи сразу упалъ на мертвенно-блѣдное, изможденное лицо человѣка въ бѣломъ одѣяніи, неподвижно сидѣвшаго противъ входа на полу посрединѣ подземелья. Не

только ни малъшаго движенья не сдѣлалъ этотъ человѣкъ, но даже взглѣдомъ не провелъ при появленіи предъ нимъ нежданыхъ посѣтителей. Словно мертвый или скорѣе какъ кукла сидѣлъ онъ по-восточному, скрестивъ подъ себѣ ноги, въ то время какъ вытянутыя руки лежали на его колѣньяхъ. Взоръ его былъ глубоко потупленъ, а общее выраженіе лица оставалось какимъ-то тупымъ, неопредѣленнымъ. На видъ ему можно было дать года двадцать четыре.

— Это подвижникъ, пояснилъ мутевали шопотомъ и не безъ нѣкоторой почтительности: — уже тринадцатыя сутки сидѣть въ постѣ и молитвѣ, а всего сидѣть ему сорокъ сутокъ¹⁾.

Я осмотрѣлся внимательнѣе. Первое подземелье представляло, какъ уже сказано, низкостводчатую, почти квадратную комнату съ оштукатуренными стѣнами и кирпичнымъ потолкомъ; второе же его отдѣленіе имѣло въ длину не болѣе трехъ, а въ ширину около двухъ шаговъ — ну совершиенная могила!.. Ни въ томъ, ни въ другомъ не было ни окна, но даже продушины, такъ что здѣсь должна всегда царить полнейшая темнота. Подвижникъ, очевидно погруженный въ религиозно-созерцательное состояніе, сидѣлъ на намазджаѣ²⁾, который и служилъ ему постелью; но для изголовья никакого приспособленія не было. Этотъ намазджай да кумганъ съ однай составляли тутъ единственная обиходная вещь.

Черезъ переводчика я замѣтилъ мутевали, что мы, казись, нарушаемъ здѣсь покой молитвы, а потому де не уйти ли лучше.

— О, нѣтъ, нисколько, отрицательно покачалъ тотъ головой: — онъ теперь глухъ и слѣпъ ко всему постороннему: весь смотрѣтъ внутрь себя, онъ весь тамъ (мутевали указалъ себѣ на то мѣсто, которое называется „подъ ложечкой“),

1) Кающіеся грѣшники и особенно ревностные къ религіи мусульмане обыкновенно подвергаютъ себя добровольному одиночному заключенію въ чилля-хана на срокъ отъ 10 до 14, 20 и 40 сутокъ.

2) Подстилка для совершения молитвы, обыкновенно плетеная изъ камыша.

весь тамъ, въ самомъ себѣ, тюря, и еслибы предъ нимъ упала даже громовая стрѣла, то и тогда онъ остался бы точно также неподвиженъ.

Я полюбопытствовалъ узнать, чѣмъ онъ питается и много ли есть? Оказалось, что каждый день ему приносить кумганъ со свѣжею водой, и черезъ день даются по одной „нанѣ“, то есть прѣсной хлѣбной лепешкѣ, — такъ онъ самъ для себя назначилъ и такъ будетъ продолжаться до конца искуса. Двадцать небольшихъ лепешекъ на шесть недѣль — это менѣе чѣмъ немного!

— О, тюря! съ улыбкой замѣтилъ мутевали: — за то по томъ онъ съ избыткомъ вознаградить себя вкусными палау и кебабами.

Оставивъ молодаго подвижника продолжать свое созерцательное самоуглубленіе, мы поднялись наверхъ, въ аванзалу и оттуда прошли въ смежную съ ней мечеть, где моллы показываютъ единственную послѣ исфаганскихъ мозаикъ достопримѣчательность — коранъ, писанный на большихъ пергаментныхъ листахъ и представляющій собою тетрадь гигантскихъ размѣровъ, чуть не въ квадратную сажень. Это даръ Насръ-Уллы Бахадуръ-хана, отца нынѣшняго Бухарскаго эмира, но древность его не простирается далѣе пятидесяти лѣтъ. Увѣряютъ также, будто часть его писана въ молодости рукой самого Насръ-Уллы, по это ничего не прибавляетъ къ весьма посредственнымъ каллиграфическимъ достоинствамъ рукописи.

По выходѣ изъ мечети, хальфа обратилъ наше вниманіе на знаменитое дерево камчинъ, растущее около стѣны, приходящейся какъ разъ надъ подземельемъ чилля-хана. Мнѣ оно показалось не особенно старымъ, но хальфа находчиво замѣтилъ на это, что первоначального дерева давно уже нѣтъ, а то, которое мы видимъ предъ собой, есть не болѣе какъ отпрыскъ древняго, вѣчно живаго корня, что на семь мѣстъ смынилось уже не одно поколѣніе такихъ отпрысковъ, такъ какъ, достигнувъ известнаго предѣла старости, стволъ кам-

чина начинает засыхать, но въ то же время новый отпрыскъ является какъ бы на смѣну отживающему, и такимъ образомъ камчикъ, чудодѣйственно возросшій изъ черенка на гайки Кусама, никогда не увядаетъ, корень его вѣчно живъ, какъ и самъ живой царь, его насадитель. Дерево это по-узбекски называется чилинъ-джида, а по-русски юба, латинское же его название, какъ мы сказывали, *zuzurhus sativa*. Это одинъ изъ видовъ дикой маслины; мясистый плодъ его снабженъ внутри продолговатою, очень твердою косточкой, въ видѣ нѣсколько мучнистъ и на вкусъ горько-вато-сладковатъ, но не особенно пріятель. Этимъ деревомъ закончился нашъ осмотръ достопримѣчательностей Хазрати Шахи-Зинда, и три рублевыя бумажки, въ знакъ благодарности врученныя мною на нижней площадкѣ хальфѣ, немедленно же, въ нашемъ присутствіи, послужили предметомъ распри и усобицы между нимъ и дувачами, бросившимися отнимать у него эти деньги.

Не останавливаясь на описаніи колоссальныхъ развалинъ мечети Биби-Ханымъ¹⁾), построенной женою Тимура, китайскою принцессой, на обширной площади близъ базара и носящей имя своей создательницы; скажу только одно, что арка ея главнаго портала, уцѣлѣвшая до нашихъ дней, поражаетъ своюю высотой и смѣлыми гигантскими размѣрами. Стоя подъ нею и глядя вверхъ на ея стрѣльчатый мозаичный сводъ, невольно испытываешь какое-то жуткое чувство: эти грандиозные размѣры, ширина и высота какъ бы совсѣмъ подавляютъ тебя, и самъ себѣ вдругъ начинаешь казаться такимъ маленькимъ, такимъ ничтожнымъ въ сравненіи съ колоссальнымъ величиемъ храма, который кажется еще выше, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ отъ контраста съ приземистыми домами и лавками сартовскаго города, отодвинувшимися отъ него въ стороны на почтительное разстояніе. Удивительнѣе всего

¹⁾ Биби — имя собственное, а ханымъ или ханымъ — знатная лада, госпожа.

то, что во всей этой постройкѣ, при всей ея обширности и высотѣ, вы нигдѣ не замѣтите никакихъ желѣзныхъ связей, перемычекъ и скрѣплений, такъ что Богъ ее знаетъ, на чёмъ и какъ вся эта масса держится въ теченіе свыше пятисотъ лѣтъ, несмотря на частыя и довольно сильныя землетрясенія, и опять-таки невольно отдаешь справедливую дань уваженія высокому искусству и знаніямъ этихъ *soi-disant* „варваровъ-строителей“.

То же должно сказать и о двухъ круглыхъ мозаичныхъ манарахъ (башняхъ-минаретахъ), красующихся по бокамъ главнаго фасада медрессе Улугъ-бека на Регистанѣ. Оба они построены по той же остроумной системѣ, какъ и знаменитая Пизанская падающая башня. Хотя нѣкоторые изъ русскихъ объясняютъ ихъ наклонное положеніе дѣйствіемъ землетрясеній, но я съ этимъ не могу согласиться уже потому, что углы отклонекъ праваго манара вправо и лѣваго влѣво отъ вертикальныхъ линій, представляемыхъ боками главнаго фасада медрессе, совершенно равны между собой, — обстоятельство, смѣю думать, достаточно убѣждающее въ томъ, что это никакъ не дѣло случая, а, напротивъ, результатъ строгаго математическаго расчета и архитектурнаго искусства строителей, тѣмъ болѣе, что въ Самаркандѣ изъ числа его шести, семи манаровъ нѣть ни одного прямаго, а всѣ наклонные. Глядя на любой изъ нихъ, вамъ такъ и кажется, будто онъ валится на васъ и вотъ-вотъ упадеть сю минуту. И опять-таки стоя подъ его наклономъ не можешь, хотя бы на мгновеніе, не испытать невольно жуткаго ощущенія. Но на такое-то впечатлѣніе, по словамъ свѣдущихъ туземцевъ, и разсчитывалъ строитель, тѣмъ паче, что на воображеніе азіатовъ, на ихъ эстетическое и нравственное чувство наиболѣе сильное дѣйствіе всегда производило и производить только то, что колоссально, что подавляетъ человѣческую душу величиемъ своихъ размѣровъ. Такъ, напримѣръ, по рассказу сultана Бабера, на порталѣ Меджиди-Шахъ (царской мечети), построенной въ Самаркандѣ все тѣмъ же „варваромъ“

Тимуромъ, находилось мозаичное изречеиie изъ корана, начертанное столь громадными буквами, что его можно было свободно прочесть съ разстоянія около двухъ миль (верве), а такой оптический фокусъ, согласитесь, былъ бы въ состояніи поразить и не одного простодушнаго средне-азіата. Вообще страсть къ величественнымъ и роскошнымъ постройкамъ въ Средней Азіи достигла высшаго своего развитія при Тимурѣ, который выписывалъ въ Самаркандъ лучшихъ и даровитѣйшихъ мастеровъ со всѣхъ концовъ своего обширнѣшаго царства, простиравшагося отъ Иртыша до Ганга и отъ степи Гоби до Мраморнаго моря. Искусные каменотесы изъ Индіи, знаменитые зодчие и мозаисты изъ Шираза, гончары изъ Кащана, лѣпщики и художники изъ Исфагани и Дамаска, щедро поощряемые Тимуромъ, обязаны были увѣко-вѣчивать въ архитектурныхъ памятникахъ каждый изъ его блестательныхъ военныхъ подвиговъ и каждое радостное или печальное событие его семейной жизни. Эти мастера положили основание цѣлой школѣ художниковъ-строителей въ Самаркандѣ, откуда ихъ искусство и знаніе, ихъ художественные идеи, завѣты и преданія распространились по всѣмъ культурнымъ районамъ Средней Азіи и долго еще потомъ, въ теченіе болѣе двухсотъ лѣтъ, до Абдуллахъ-хана включительно, жили и поддерживались все въ новыхъ и новыхъ блестящихъ образцахъ архитектурныхъ сооруженій, до сихъ поръ краснорѣчivo свидѣтельствующихъ о блескѣ и вкусѣ той великой и зиждительной въ художественномъ отношеніи эпохи. Путешествуя даже по мертвымъ степямъ Кизиль-Кумовъ, между Сыромъ и Аму, и встрѣчая въ нихъ тамъ и сямъ разбросанные на дальнихъ разстояніяхъ надгробные глиняные мавзолеи киргизовъ, я замѣчалъ въ ихъ зодческомъ рисункѣ варианты все того же самарканскаго типа, завѣщанного позднѣйшимъ временамъ художниками Тимуровой эпохи.

Большой интересъ представляютъ собою тѣ куфическія, сульсскія и магалинскія надписи, что украшаютъ куполы, фронтоны и колонны самарканскихъ медрессе и мечетей, а

равно и некоторые могилы. Неподалеку отъ Регистана мнѣ показывали одно изъ древнѣйшихъ здѣшнихъ кладбищъ, называемое Чиль-Духтарамъ, то есть царскимъ. Находится оно внутри развалинъ мавзолея-часовни и заключаетъ въ себѣ болѣе сорока царственныхъ могилъ, на коихъ надгробныя мраморныя плиты испещрены обширными надписями на арабскомъ и персидскомъ языкахъ, содержащими въ себѣ, какъ говорятъ, не только эпитафіи и священные изреченія, но нерѣдко и біографическія данныя о погребенныхъ подъ ними властителяхъ еще до Тимурова периода. Было бы крайне интересно разобрать эти надписи: быть можетъ въ нихъ открылось бы не мало данныхъ, способныхъ пролить вѣкоторый свѣтъ на наиболѣе темные и сбивчивые периоды истории этого края, относящіеся къ VII, VIII и IX столѣтіямъ христіанской эры. Въ Самаркандѣ проживаетъ въ настоящее время одинъ почтенный человѣкъ, нѣкто Мирза-Баратъ, сынъ моллы Касима, каллиграфъ и художникъ, одинъ изъ немногихъ людей въ краѣ, которые еще умѣютъ свободно читать куфическія письмена, и пока онъ живъ его знаніями слѣдовало бы воспользоваться чисто въ интересахъ науки. Онъ составляетъ альбомъ куфическихъ, сульсскихъ и магалинскихъ надписей, украшающихъ фронтоны, куполы и минареты самарканскихъ храмовъ. У него уже срисованы съ точнымъ соблюдениемъ красокъ надписи на минарѣ и вокругъ купола медрессе Ширъ-даръ, на аркѣ и контрафорсахъ мечети Биби-ханымъ, на могильныхъ плитахъ Абу-Сейдъ-хана и Абдулъ-Азиса, сына Кечкундаки-хана, 940 (1533) года надписи на стѣнахъ и на мавзолейныхъ входахъ въ Хазрати Шахи-Зинда, гдѣ, впрочемъ, остается еще богатое поприще для дальнѣйшей работы, надпись на мраморной плите, непосредственно покрывающей гробъ Тимура ¹⁾ въ склепѣ подъ

¹⁾ Прахъ Тимура поконится въ особомъ склепѣ, подъ мавзолеемъ Гуръ-эмре; въ самомъ же мавзолѣй, надъ мѣстомъ могилы, лежитъ знаменитый памятникъ Тимура изъ цѣльнаго чернаго нефрита, имѣющій форму

Гуръ-Эниромъ, и наконецъ обѣ надписи на скалѣ Тамерлановыхъ воротъ въ Джизакскомъ ущельѣ. Но все это только еще начало почтенного труда, предпринятаго Мирзой-Баратомъ.

Вообще ближайшія окрестности Самарканда, да и самій городъ, существующій уже не первое тысячелѣтіе, представляютъ одно изъ богатѣйшихъ въ мірѣ поприщъ для археологическихъ изысканій. Повторяю, этотъ городъ стоитъ на цѣломъ рядѣ наслонившихъ одно на другомъ кладбищъ, гдѣ въ теченіе тысячелѣтій погребались богатые остатки, воспринятыхъ и пережитыхъ имъ цивилизаций древне-иранской, индо-персидской, греко-бактрийской, китайской¹⁾, арабской и персидской. Всѣ эти изліянія прошли надъ нимъ не мимолетно: они здѣсь осаживались и укоренялись, пока, бывало, не похоронить ихъ подъ собой насыпь какихъ либо новыхъ пришельцевъ-завоевателей, вносившихъ съ собою и плоды своей собственной культуры. И вотъ теперь чуть не каждый врѣзокъ заступа при рытьѣ фундамента подъ какую-либо постройку сопряженъ съ какою нибудь археологической находкой, не имѣющею, впрочемъ, ни малѣйшей цѣны въ глазахъ невѣжественныхъ сартовъ, если только это не золотая или серебряная монета. Во время нашего пребыванія въ Самаркандѣ сол-

гоба. Этотъ памятникъ съ окружающей его прорѣзной бѣломраморной рѣшеткой изображенъ В. В. Верещагинымъ на его извѣстной картинѣ „Могила Тамерлана“.

¹⁾ Слѣды китайского влиянія явно сказываются на многихъ бронзовыx вещахъ, находимыхъ въ землѣ. Въ этомъ отношеніи въ особенности замѣчательна прекрасно сохранившаяся и весьма оригинальная по формѣ и орнаменту бронзовая ваза, случайно открытая на Афросіабѣ и украшающая нинѣ одну изъ комнатъ губернаторского дома въ Самаркандѣ. В. В. Григорьевъ (см. его Кабулистансъ и Кафирстанъ) говоритъ, что при династіи Тханъ, въ VII вѣкѣ по Р. Х., вся Средняя Азія до Каспійскаго моря и восточныхъ границъ Персіи считалась у китайцевъ поддѣлствиою имъ и потому въ этомъ качествѣ (независимо отъ восточнаго Туркестана, составлявшаго четыре особыя области) раздѣлена была на 16 большихъ губерній (фу), подраздѣлявшихся на 72 уѣзда (чжуеу), которые всѣ носили китайскія названія.

даты 3-го линейнаго баталіона, при какихъ-то домашнихъ землекопныхъ работахъ, за одинъ разъ нашли нѣсколько бронзовыx вещей, между которыми въ особенности были замѣчательны два двухрожковые свѣтильника совершенно греческаго типа. Одинъ изъ нихъ былъ украшенъ рѣзными украшениями грифовъ и сфинксовъ, другой же не носилъ на себѣ никакого орнамента. Находять также утварь, выточенную изъ мрамора и другихъ каменныхъ породъ, одинъ изъ образцовъ которой, въ видѣ кумгана, былъ приобрѣтенъ княземъ Витгенштейномъ и подаренъ М. Г. Черняеву; находять не мало и вещей изъ обожженої глины, орнаментированныхъ кирпичей и мраморныхъ плитъ съ куфическими письменами, но все это рѣдко и лишь случайно попадаетъ въ свѣдѣнія руки. Слѣдовало бы начать здѣсь правильныя раскопки и тогда, я не сомнѣваюсь, почва Самарканда представила бы археологическія сокровища, которая значительно обогатили бы и науку и искусство, внеся въ нихъ образцы совершенно новые, невѣдомые доселе. Если такие сравнительно маленькие городки, какъ Геркуланумъ и Помпея, уже столько лѣтъ привлекая къ себѣ вниманіе образованнаго міра, все еще до сихъ поръ далеко не исчерпаны, то что же въ состояніи дать обширный Самаркандъ, непрерывно существующій на одномъ и томъ же мѣстѣ около трехъ тысячелѣтій и воспріявшій въ свои нѣдра столько разнообразныхъ и самостоятельныхъ цивилизаций! Честь этихъ открытій, повторяю, ближе всѣхъ должна принадлежать русскимъ ученымъ.

я въ тарантасѣ и два конвойные казака, за мной экипажъ маюра Байткова, ѿхавшаго вмѣстѣ съ хорунжимъ Асланбекомъ Карамурзаевымъ и въ замкѣ—трое конвойныхъ. Остальная часть нашего казачьяго конвоя сопровождала посольский обозъ, съ которымъ и слѣдовала особо, сходясь съ нами только на мѣстахъ ночлеговъ.

Долго ѿхали садами самаркандскихъ предмѣстій, любуясь на роскошные, хотя и обнаженные отъ листьевъ, контуры высокихъ древнихъ чинаровъ и карагачей. Проѣхали мимо мозаичной медрессе Ходжа-Ахраръ, возлѣ которой находится и могила ея святого строителя, въ память коего медрессе сохранила въ своемъ названіи его имя. Могилу эту не трудно признать по развѣвающемуся надъ нею знамени съ конскимъ хвостомъ (тугъ), на высокомъ древѣ которого простирается къ небу бронзовая пясть человѣческой руки,—знаѣ, довольно часто встрѣчаемый на подобныхъ турахъ.

Объ этомъ святомъ Ходжа-Ахрарѣ мѣстная преданія, по обыкновенію начинающія каждое повѣствованіе чуть не отъ Адамовыхъ временъ, передаютъ, что нѣкогда появился въ Ташкентѣ выходецъ изъ Стамбула, шейхъ-Ауанди-Тауръ (чистый князь), умный, ученый, набожный, богъ-сый и благотворительный, вслѣдствіе чего былъ вскорѣ призванъ за святого и умеръ святымъ,увѣковѣчивъ свою память очень прочно въ названіи одной изъ четырехъ частей города Ташкента, которая и до сихъ поръ называется Шайхантауръ. Одинъ изъ его потомковъ, Ходжа-Ахраръ, избравшій „путь доброты“ своего знаменитаго предка, переселился на житье изъ Ташкента въ Самаркандъ и сдѣлался тамъ пиромъ, то есть духовнымъ наставникомъ отдѣльного кружка своихъ учениковъ, ради чего и построилъ особую медрессе, существующую и донынѣ. Ведя строгую жизнь и отправляя на свой счетъ толпы пилигримовъ въ Мекку, онъ тѣмъ самымъ распространилъ свою славу отъ Аравіи до Кашгара. Слава добродѣтелей Ахрара выросла, наконецъ, до того, что однажды мириды (ученики) его, возвратившись изъ Мекки, рассказали

III.

Отъ Самарканда до Шахрисебса.

Выѣздъ изъ Самарканда. — Нѣчто о сватомъ Ходжа-Ахрарѣ.—Даргамъ.—Древній лагерь.—Почетная встрѣча со стороны аксакаловъ.—Ночлегъ въ Сазанганѣ.—Достарханъ и обѣдъ изъ мѣстныхъ блюдъ.—Способъ отопленія въ юртахъ.—Путь до Джама.—Сухія русла.—Шарсабзскій горный кряжъ.—Видъ на бухарскія степи и на горы Акъ-тау.—Мѣстечко Джамъ и его мечеть.—Узбеки-сараевцы и ихъ нравы.—Бѣлый яракоръ.—За русскою границей.—Степные колодцы.—Обработка степныхъ полей.—Путь Александра Македонскаго.—Встрѣча съ посланцами эмира.—Экипажи его высокостепенства.—Посланцы чиракчинскаго бека.—Угощеніе и ночлегъ на урочищѣ Бишъ-Чешма.—Путь до города Чиракчи.—Русло Казганъ-бузаръ.—Роздыхъ у кишлака Кокъ-ташъ и новые посланцы-чиновники.—Долина Кашка-Дары и видъ на городъ Чиракчи.—Характеръ города.—Ночлегъ въ чиракчинскомъ замкѣ.—Беки, почетные посланцы отъ эмира.—Пріемъ у тюра-джана, бека чиракчинскаго.—Обыкновеніе взаимныхъ подарковъ.—Путь отъ Чиракчи до Шаара.—Характеръ страны, кургани, селенія и жители.—Завтракъ въ Урта-курганѣ.—Знакомство съ первыми сановниками эмира, перваначи и топчи-баши.—Бухарская конная гвардія и ел музыка.—Что такое Шахрисебсъ.—Торжественный вѣздръ посольства въ Шааръ.—Посольскій домъ и его устройство.—Условія мѣстнаго этикета.—Смѣна русскаго часового бухарскаго.—Казачья зоря и израульные сарбазы.

25 декабря.

Выѣхали мы изъ Самарканда въ самый день Рождества Христова, въ половинѣ одиннадцатаго часа утра. Князь Витгенштейнъ распорядился, чтобы поѣздъ нашъ постоянно слѣдовалъ въ извѣстномъ порядкѣ. Такъ, впереди скакали конные джигиты князя, за ними ѿхалъ самъ онъ выѣстѣ съ докторомъ въ боласѣ, сопровождаемый частью конвоя, затѣмъ

своему лиру, что были они гостями халифа (которымъ тогда былъ второй или третій преемникъ сultана Баязида-Ильдемира), что халифъ видѣлъ во снѣ его, святого Ходжу-Ахрара, и въ память этого прислалъ ему коранъ, писанный „святою рукой“ третьаго халифа Османа и обагренный его святою кровью. Ходжа-Ахраръ принялъ подарокъ и оставилъ его въ наслѣдіе своей медрессѣ. Коранъ этотъ долгое время пользовался уваженіемъ, хотя читать его никто не могъ ни прежде, ни теперь, такъ какъ писанъ онъ (на пергаментѣ) куфическими письменами, безъ гласныхъ буквъ и точекъ. Въ настоящее время рукопись эта, пріобрѣтенная у муллѣ медрессе Ахрара за 100 рублей, находится въ Петербургѣ, въ императорской Публичной библиотекѣ.

Въ числѣ преданий о богатствахъ Ходжа-Ахрара А. П. Хорошинъ передаетъ, что всѣ земли на югъ отъ Самарканда до горъ Шарсабизскихъ будто бы принадлежали этому святому мужу и что садамъ и стадамъ его не было счету. Нѣкто Мушрабъ-Дувана, современникъ Ходжа-Ахрара, юродивый, обладатель одного лишь осла, странствовалъ въ ту пору между Бухарой и Ташкентомъ, благословляя народъ и собирая милостыню. Однажды, подъѣзжая къ Самарканду, онъ увидѣлъ огромный гуртъ барановъ.

— Чьи это бараны? послѣ обычныхъ привѣтствій спросилъ дувана у чупановъ.

— Хазрета Ходжа-Ахрара, отвѣчали тѣ.

Дувана побѣжалъ далѣе, но чрезъ нѣсколько сотъ сажень въ садахъ ему попадается стадо рогатаго скота.

— Чьи коровы? спросилъ юродивый

— Хазрета Ходжа-Ахрара, отвѣчали падачи (пастухи).

Чрезъ нѣсколько времени дувана встрѣтилъ большое стадо верблюдовъ.

— Чьи верблюды?

— Хазрета Ходжа-Ахрара, отвѣчали тюячи (верблюжатники).

Дувана єдетъ далѣе и снова встречаетъ нѣсколько стадъ

барановъ, рогатаго скота и верблюдовъ; и все это оказывалось собственностью всѣ того же хазрета, Ходжа-Ахрара. Наконецъ гонять на встрѣчу дувана огромный табунъ ословъ.

— Чьи ослы? спросилъ онъ.

— Хазрета Ходжа-Ахрара, отвѣчали ишакчи (ослятники).

— Великъ Богъ! закричалъ дувана, спрыгнувъ со своего осла:— про что ни спросишь, все хазрета Ходжа Ахрара!. Такъ ступай же и ты въ его стадо! обратился онъ къ своему спутнику: только тебя и не доставало у хазрета Ходжа-Ахрара.

И дувана загналъ своего осла въ стадо.

Этотъ характерный анекдотъ невольно вспомнился мнѣ, когда мы проѣзжали мимо могилы сего популярнаго въ Средней Азии святого.

Наконецъ, миновавъ развалины какихъ-то старыхъ верковъ, выѣхали мы въ чистое поле и здѣсь, въ шести верстахъ отъ города, перебрались черезъ мостъ, что виситъ надъ глубокимъ и широкимъ арыкомъ Даргамъ, текущимъ съ быстротой по-рядочнаго потока въ отвѣсно крутыхъ высокихъ берегахъ. Арыкъ этотъ прокопанъ слишкомъ четыреста лѣтъ тому назадъ, па средства всѣ того же знаменитаго святого и богача Ходжа-Ахрара, по повелѣнію хана Абдуль-Азиса, и съ тепечениемъ времени самъ прорылъ себѣ столь глубокое русло. Длина его до впаденія въ Кара-Дарью (рукавъ Заравшана) слишкомъ семьдесятъ верстъ, а глубина воды въ узкихъ мѣстахъ до трехъ аршинъ. Въ прежнія времена городъ Самарканъ получалъ изъ него свое орошеніе.

На дальнѣйшемъ пути мы послѣдовательно пересѣкли три широкія сухія русла, наполненные галькой и довольно крупными валунами, а на двѣнадцатой верстѣ отъ города проѣхали въ виду урочища Ханъ-Чаарбахъ, которое представляетъ собою остатки стѣнъ, обрамлявшей нѣкогда станъ какого-то войска и имѣющей около версты протяженія по каждому изъ четырехъ фасовъ. Какому именно войску принадлежалъ этотъ лагерь, мнѣ не могъ объяснить сопровождавшій насъ кара-

ванъ-баши¹⁾ Массумъ-ходжа, сторожиль самаркандскій, да сказывалъ, что изъ нынѣшнихъ самаркандцевъ едва ли кто и знаетъ, когда и какъ появились эти стѣны. Оно и не мудрено: Самаркандъ на своеемъ вѣку подвергался безъ числа вражинъ нашествіямъ и вторженіямъ.

Впереди виднѣлись покрытые снѣгомъ абрисы Шарсабизскихъ горъ (Зарявшанскій хребетъ), къ которымъ мы и направлялись. По пути встрѣчалось много обработанныхъ полей какъ на равнинѣ, такъ и на взгорьяхъ, а въ горныхъ лощинахъ видна была порядочная растительность въ садахъ и рощахъ, окружающихъ кишлаки, пріютившіеся на днѣ между склонами. Силуэтъ горъ, не превышавшихъ 7,000 футовъ высоты надъ уровнемъ моря, чѣмъ дальше къ западу, тѣмъ становился все положе и ниже. На степи попадалось не мало кургановъ, но уже не прежней характерной формы, такъ что скорѣе можно назвать ихъ просто буграми. Почва равнинъ, твердый суглинокъ, слегка покрытый крупнозернистымъ пескомъ, вполнѣ пригодна для земледѣлія и засѣвается частію подъ орошеніе, а больше подъ дождь (богара), который, благодаря близости горъ, здѣсь не въ рѣдкость. На сихъ посѣдшихъ поляхъ сѣется преимущественно пшеница (богдай), ячмень (арпа), иногда кукуруза (джугарѣ).

Остановились мы на ночлегъ близъ кишлака Сазаганъ, въ двадцати семи верстахъ отъ Самарканда, куда прибыли въ часъ дня, одновременно съ посольскимъ обозомъ. Мѣстный аминъ или даха-аксакалъ (волостной старшина) съ сазаганскимъ кишлакъ-аксакаломъ (сельскимъ старостой) и нѣсколькими джигитами, въ своихъ форменныхъ почетныхъ халатахъ (сарпаз), съ жалованными медалями на груди, встрѣтили посольство на границѣ своего участка, и по обычаю, ради оказанія пущаго почета, дожидались на рубежѣ, слѣзши съ коней и сложивъ на животѣ скрещенные руки. Когда коляска послана остановилась предъ ихъ грудной, акса-

¹⁾ Начальникъ обоза.

камъ, подойди къ ней, отрекомендовались и первые съ простодушнымъ достоинствомъ протянули кнажу руки для пожатія, не дожидаясь съ его стороны почина. Таковъ обычай, потому что, вступая на ихъ землю, мы становились ихъ гостями, а они нашими хозяевами.

Ночлегъ былъ приготовленъ въ юртахъ, убранныхъ внутри коврами и ватными стегаными одѣялами, служившими какъ подстилки для сидѣнья и спанья. Но тамъ нашлись, впрочемъ, и сартовскія очень удобныя и эластичныя кровати, и столы, покрытые ярославскими цвѣтными салфетками, и даже нѣсколько гнутыхъ вѣнскихъ стульевъ. Въ зеленой, снаружи, бухарской палатѣ, подстеганной внутри симметрично скроенными и правильно расположеннымъ кусками разноцвѣтныхъ ситцевъ, кретона, адриса и шаниа¹⁾ и расшитой по бордюрамъ и фестонамъ узорами изъ шелковаго снура, былъ приготовленъ достарханъ, то есть встрѣчное угощеніе²⁾, состоявшее по обычаю изъ хлѣбныхъ лепешекъ, фруктовъ, каленыхъ фисташекъ, грецкихъ орѣховъ, кусковъ сахара, московскихъ леденцовъ въ маѣровыхъ цвѣтныхъ бумажныхъ обложкахъ со стишками на билетикахъ и т. п. Затѣмъ насъ угостили обѣдомъ, чисто въ мѣстномъ вкусѣ и мѣстного приготовленія, гдѣ фигурировали жареные куры съ лукомъ, пельмени, каурдакъ, кебабъ, шурпа и палау, въ томъ порядкѣ, какъ они здѣсь перечислены. Послѣднее блюдо, составляющее финаль каждого порядочнаго азіятскаго обѣда, полагаю, достаточно известно всемъ: это то, что у насъ въ Россіи называется пилавъ, только здѣсь оно приготавливается иначе, а именно рисъ варится не въ водѣ, а на растопленномъ бараньемъ жирѣ, въ плотно закрытомъ чугунномъ котлѣ, гдѣ онъ и доходитъ паромъ, послѣ чего приправляется кишмишемъ и развареною морковью, нарѣзан-

¹⁾ Адрисъ и шаниа—бухарскія полужелковыя и шелковыя матеріи съ зерни и крупными разводами.

²⁾ Достарханъ собственно значить скатерть, разостланная для угощенія, но въ перевѣсномъ значеніи этимъ словомъ опредѣляется и все вообще угощеніе, на ней поставленное.

кою тонкими и длинными тесьмами, какъ вермишель, и обкладывается кусками баранины.

Названія остальныхъ блюдъ, за исключеніемъ куръ и пельменей, для большинства читателей, вѣроятно, звучать чѣмъ-то совсѣмъ незнакомымъ, а потому позволю себѣ вкратцѣ объяснить, что это за сиѣди, тѣмъ болѣе, что впослѣдствіи намъ еще предстоитъ не разъ съ ними встрѣчаться.

„Каурдакъ“ или, по иному произношенію, „кавардакъ“ (вотъ откуда происходитъ известное словцо русскаго жаргона!..), это мелко нарѣзанные куски свѣжей баранины, которые жарятся въ котлѣ или на глубокой сковородѣ въ собственномъ соусу, съ приправой соли, перцу и иногда луку, подвергаясь во время обжариванія процессу безпрерывнаго потряхиванія и мѣшанія ложкой или лущинкой. „Кебабъ“—жаркое изъ воловья мяса, вырѣзаемаго изъ филейнаго куска отдѣльными пластинками, какъ бы ремешками; жарится оно на угляхъ и подается на столъ съ присыпкой изъ какого-то ароматическаго пряного порошка, приготовляемаго изъ сѣянья растенія, которое по мѣстному называется „сарыкъ“. Что же до „шурпы“, то это—бульонъ изъ баранины и домашней птицы съ приправой изъ лука и кореньевъ, подаваемый въ фарфоровыхъ ложечкахъ русской или китайской фабрикаціи, совершенно такихъ, какъ наши полоскателныя чашки. Всѣ эти кушанья, не смотря на свою, такъ сказать, примитивность, счень вкусны, а съ дороги показались намъ еще вкуснѣе. Роль напитковъ играли при этомъ чай и кумысъ. Въ ножахъ, вилкахъ и ложкахъ тоже не встрѣтилось недостатка: въ этомъ отношеніи мѣстные жители уже успѣли, если не всегда для собственнаго употребленія, то для своихъ русскихъ гостей, перенять европейскій обычай — есть съ помощью столовыхъ приборовъ. Были даже и салфетки изъ нарочно раскроенного для этой цѣли коленкору.

Съ закатомъ солнца въ воздухѣ значительно похолодѣло; но и противъ этого неудобства нашлась своя защита. Сноровистые узбеки, джигиты мѣстныхъ аксакаловъ, съ помощью

небольшого топорика вырубили въ землѣ посрединѣ юрты небольшую круглую ямку и, наложивъ на нее сухой полыни, прутьевъ, сучьевъ да щепочекъ, зажгли костерокъ. Ямка служила тутъ поддуваломъ, благодаря чему топливо занялось всесо и ярко и, спустя какія нибудь пять минутъ, дало уже столько тепла, что намъ пришлось раздѣтися. Если лежать въ юртѣ не на кровати, а на постели, постланной на землѣ, или сидѣть на корточкахъ, то ёдкій дымъ костерка, уходящій въ полуоткрытый вверху тюндюкъ¹), никакъ вѣсъ не беспокоитъ и не портить нижній слой воздуха. Можете совершенно свободно читать, курить, пить чай и вообще дѣлать, что вамъ угодно, только не подымайтесь на ноги. Джигиты, сидѣя по очереди, весь вечеръ и всю ночь сидѣли у костерка, поддерживая въ немъ, для ровности температуры равномѣрное горѣніе, и для нихъ это, кажется, дѣло не только привычное, но и одно изъ самыхъ любезныхъ занятій: сидѣть себѣ человѣкъ на корточкахъ, сосредоточенно смотрѣть прищуренными глазами на перебѣгающій змѣйками огонь, время отъ времени помѣшивая въ немъ палкой да подкладывая новый пучекъ полыни, а у самого на складистомъ лицѣ такъ и разливается широкая, лѣниво-тихая улыбка безмятежнаго довольства. Глядя на эту мирную картинку чисто мѣстнаго характера, подъ звуки казачьихъ пѣсенъ, раздававшихся въ обозѣ послѣ раздачи вечерней порціи водки, я тихо и хорошо заснула, испытывая, подобно истопнику-джигиту, такое же лѣнивое чувство безмятежнаго довольства.

26 декабря.

Изъ Сазагана выѣхали въ девять часовъ утра во вчерашнемъ порядкѣ; обозъ же отправился впередъ еще съ разсѣтіемъ.

¹) Круглое отверстіе, образуемое верхнимъ обручемъ юртоваго каркаса, которое въ случаѣ надобности можетъ быть сплюнта или отчасти закрываемо копмой.

Путь нашъ лежалъ вдоль сѣверныхъ предгорій Шарсабисского хребта, тянущагося съ востока на западъ, и во многихъ мѣстахъ пересѣкаль довольно широкія сухія русла, наполненные не только галькой, но и очень крупными каменьями, повидимому въ нѣсколько десятковъ и даже сотъ шудовъ вѣскомъ. Русла эти, называемыя „чашма“, берутъ свое начало въ каменистыхъ склонахъ Шарсабисскихъ горъ, и каждую весну, въ периодъ таянія снѣговъ, изобильно наполняются водою, которая устремляется на равнину съ такою силой, что, отмывая отъ кряжа эти громадные каменья, увлекаетъ и катить ихъ уже по равнинной части русла на довольно значительная разстоянія. А если зима отличалась особыннымъ обилиемъ снѣговъ, то весенняя вода бываетъ столь высока, что, выступая изъ береговъ, заливаетъ сплошь окрестныя поля, и вотъ почему на послѣднихъ мѣстами встрѣчаются значительные пространства, изобильно усыпанныя галькой и валунами.

Эти весенние потоки, даже въ лонѣ своего русла, порою бываютъ вовсе непроходимы въ бродъ, и для того, чтобы преравиться на другую сторону, путникамъ приходится ожидать предразсвѣтнаго часа. Дѣло въ томъ, что въ ночное время, съ прекращеніемъ таянія горныхъ снѣговъ, потоки значительно мелѣютъ и наиболѣе низкая вода бываетъ въ нихъ именно предъ разсвѣтомъ и въ первые часы утра; по затѣмъ, едва поднявшееся на извѣстную высоту солнце отеплить воздухъ, русла начинаютъ быстро наполняться водой все выше и выше, и къ началу десятаго часа утра переправа уже становится невозможна. Съ окончашемъ таянія снѣговъ кончаются и весенние разливы, и едва склонеть и всосется въ землю вода, на что въ здѣшнемъ климатѣ ей нужно очень немного времени, какъ русла, еще вчера столь бурливыя, становятся совершенно сухими на всю остальную часть года, и лишь по немногимъ изъ нихъ слабо просачивается скучная струйка, выдѣляемая горными ключами.

Шарсабисский кряжъ на протяженіи своемъ отъ Кара-Тюбинскаго ущелья до Джамекаго прохода остается подъ снѣ-

гомъ лишь въ зимніе мѣсяцы. Онъ имѣть характеръ сплошнаго массива, гдѣ залегаютъ породы разнообразныхъ песчаниковъ, пласти гипса и мрамора, кремнистые сланцы и граниты, а мѣстами обнаруживаются и каменноугольныя прослойки. Сѣверные и южные склоны хребта, все также какъ и въ болѣе восточной его части, прорѣзываются многочисленными ущельями, гдѣ среди садовъ залегаетъ не мало кишлаковъ, большую частью не обозначенныхъ на нашей картѣ¹⁾. Изъ этихъ селеній наиболѣе значительное Аксай, лежащее въ лощинѣ на высотѣ 2,730 футовъ противъ горы того же имени въ 6,990 футовъ. Отъ этого пункта, чѣмъ ближе ко Джаму, тѣмъ все положе и ниже становится горный массивъ, переходя западнѣе Джама въ песчаниковые холмы, сливающіеся, наконецъ, съ открытою ровною степью. Въ горы и поля воздѣланы весьма тщательно „подъ дождь“, и между ними многие земельные участки окопаны канавками и огорожены глинобитными стѣнками. Дорога, конечно, первобытная, грунтовая, но во многихъ мѣстахъ представляетъ собою прекрасное естественное шоссе. Камни, которыми кой-гдѣ усыпаны придорожныя поля, суть обломки розового гранита, кремни, шпатъ и кварцъ, известнякъ, бледноватый и изсиня-серый мраморъ (кохъ-ташъ); послѣдняго здѣсь въ особенности много.

Горизонтъ слѣва закрывался горнымъ кряжемъ; за то впереди, прямо передъ глазами, открывался широчайший и необозримый въ своемъ просторѣ видъ на бухарскія степи, которые изъ ближайшаго къ намъ желто-бураго оттѣнка постепенно переходили все болѣе и болѣе въ воздушно-синій колоритъ и, наконецъ, словно океанъ, незамѣтно сливались гдѣ-то въ очень большой дали съ окраиной безоблачно синяго неба. Относительно ихъ мы находились на высотѣ около 3,000 футовъ, и такъ какъ пологая мѣстность постепенно понижается въ направленіи къ западу, то горизонтальная по-

¹⁾ Издание военно-топографического отдеља Туркестанскаго военного округа въ сорокаверстномъ масштабѣ.

лосы этихъ степей казались намъ какъ бы нисходящими ступенями какой-то необозримой террасы.

Съ правой стороны открывался также очень красивый видъ на далекій, верстъ за 80 отъ насъ, отрогъ Нуратинскаго хребта, Акъ-тау. Эти изжелта-блѣдоватыя известняковыя вершины очень мягкихъ и изящныхъ очертаній, сквозь легкій воздушный туманъ тепло озаренный солнцемъ, въ общемъ очень напомнили мнѣ видъ на Сабинскія горы Римской Кампани, когда смотришь на нихъ съ площадки церкви Санъ-Пietro-inъ-Mонторio, что на вершинѣ Янкула.

Селеніе Джамъ находится отъ Сазагана въ разстояніи 32 верстъ въ юго-западу. Здѣсь назначено было намъ мѣсто ночлега, но не въ самомъ селеніи, которое лежитъ верстакъ въ двухъ лѣвѣ къ востоку отъ большой проѣзжей дороги, у подошвы Шарсабзскихъ возвышенностей, а въ котловинѣ, около глинобитной мечети, гдѣ обыкновенно останавливался Бухарскій эмиръ при проѣздѣ въ Самаркандъ изъ Шахри-себса. Мечеть обыкновенного сельского типа, то есть квадратная комната, высотой аршинъ въ восемь, къ которой во всю ширину и высоту передняго фасада примыкаетъ айванъ, открытая веранда, устроенная на глинобитной террасѣ и покрытая плоскою кровлей, подпирамою посрединѣ своего передняго края деревянною колонной со скромными рѣзными украшеніями. Въ мечетяхъ этого типа обыкновенно рѣзныя двусторчатыя двери, числомъ отъ одной до трехъ подрядъ, выходятъ изъ молельной комнаты на веранду, а надъ ними продѣланы, по числу дверей, небольшія окошки, снабженныя либо деревянными рѣзными, либо узорчато-лѣнными гипсовыми рѣшетками. Внутри мечети, въ стѣнѣ, обращенной къ Меккѣ, обыкновенно находится ниша мерабъ и затѣмъ никакихъ болѣе украшеній, если не считать нѣкоторыхъ изреченій изъ корана, начертанныхъ на штукатуркѣ внутреннихъ стѣнъ, что, впрочемъ, не безусловно обязательно. Поль необходимо устланъ чілми, то есть цѣновками изъ камышевой дранки,

а для вечернаго освѣщенія служить сальныя свѣчи, втыкаемые въ нарочно сдѣланныя для этого гнѣзда въ стѣнахъ.

Дворъ Джамской мечети обнесенъ глинобитною стѣной, изъ-за которой видныются нѣсколько урюковыхъ деревцевъ, единственный садикъ во всей этой мѣстности. Съ южной стороны близъ этого двора протекаетъ мутный и мелкій ручей, отдѣляя отъ мечети маленькой полуразвалившійся караван-сарайчикъ, построенный когда-то близъ небольшого хауза (прудка), осѣннаго тремя-четырьмя старыми ветлами. Подъ ихъ вѣтвями были теперь поставлены для насъ ночлежныя юрты. Не доѣзжая мечети, на склонѣ пологаго холма раскинулось довольно густо захороненное кладбище, рядомъ съ развалинами незначительного, давно покинутаго кишлака и укрѣпленія. До отхода къ Россіи, Джамъ служилъ мѣстомъ ссылки для опальныхъ сановниковъ эмира и тѣхъ изъ обычновенныхъ преступниковъ, которые, по благоусмотрѣнію хазрета¹⁾, не удостоились смертной казни. Дѣйствительно, трудно подыскать мѣсто, болѣе подходящее для ссылки — до такой степени глядѣть оно бѣдно и безотрадно, не говоря уже о нездоровомъ климатѣ. Возвышенности, окружающія джамскую котловину, невысоки и безжизненно голы. Весной, впрочемъ, они покрываются на короткое время хорошую травой и тогда служить пастбищемъ овечьимъ отарамъ. Поля, лежащія въ низинѣ между мечетью и селеніемъ, обнесены глинобитными стѣнками и служать для засѣва дженушки (луцерны), употребляемой въ кормъ для лошадей и домашней скотины. Большую часть полей мы видѣли затопленными водой. Вѣроятно это дѣлается искусственно, для размягченія почвы, но чуть ли не въ этомъ самомъ и заключается причина вредоносности здѣшняго климата, благодаря коему въ 1878 году мы лишились значительного числа людей во временно стояв-

¹⁾ Одинъ изъ титуловъ эмира, по значенію равный титулу „его величество“, а въ буквальномъ смыслѣ значить святѣшій.

шемъ тутъ отрядъ въ ожиданіи предполагавшагося движенія на Индію.

Въ окрестностяхъ Джама кочуютъ узбеки родовъ каранайманъ и сарай, пріѣзжающіе въ селеніе на базаръ по понедѣльникамъ. По замѣчанію Хорошина, они вполнѣ патріархальны и можно сказать даже дики настолько, что, напримѣръ, девушка, опоздавшая выходомъ замужъ и не подыскавшая себѣ джигита, который похитилъ бы ее изъ отцовской юрты, подвергается не только насмѣшкамъ, но почти гоненію со стороны родителей и родственниковъ. Тѣмъ не менѣе постоянные предметы спора между узбеками это—похищенная женщина и лошадь, и тогда узбеку ничего не стоитъ убить даже роднаго брата. Вообще каранайманы, подобно родичамъ своимъ каракалпакамъ, пользуются репутацией отъявленныхъ придорожныхъ разбойниковъ. Все богатство здѣшнихъ кочевыхъ узбековъ состоитъ исключительно въ скотоводствѣ, причемъ главная статья дохода у нихъ шерсть, войлокъ, выдѣлка подиругъ и куржумовъ (перемѣтныхъ сумъ) и продажа скота живьемъ на убой. Впрочемъ, особенно зажиточныхъ между ними не встрѣчается, такъ что 2,000 барановъ являются уже предѣломъ наибольшаго богатства.

Для русскихъ Джамъ могъ бы имѣть въкоторое стратегическое значеніе, какъ пограничный узель путей, куда сходятся дороги изъ Самарканда, Катта-Кургана, Бухары, Карши, Гузара, Чиракчи и Шахрисебса. И дѣйствительно, въ 1878 году до берлинского конгресса, когда предположено было военное движеніе къ границамъ Афганистана, то отрядъ туркестанскихъ войскъ собранъ былъ въ Джамѣ; отсюда же направлялись въ 1868 году генералъ Абрамовъ на Карши, противъ Катты-Тюра, мятежнаго сына эмира, а въ 1870 году отрядъ, взявший штурмомъ Китабъ. Джамская котловина лежитъ на высотѣ 2,050 футовъ, но климатъ ея, какъ уже сказано, неудоровъ, да и кромѣ того постоянная стоянка отряда бытъ неудобна по скучности водоснабженія и отсутствію топлива.

Массумъ-ходжа,ѣздившій сегодня за рубежъ узнать на счетъ приготовленій со стороны бухарцевъ для встречи посольства, возвратился къ вечеру и доложилъ князю, что лица, назначенные для почетной встречи, вмѣстѣ съ экипажами, высланными эмиромъ для посольства, уже ожидаютъ наѣхъ шести верстахъ отъ границы.

Въ семь часовъ вечера прогрубли зорю, и наши казаки хоромъ проѣхали при этомъ Царю Небесный, Отче нашъ и Спаси Господи люди Твоя. Тѣмъ часомъ, пользуясь яснымъ и теплымъ вечеромъ, пока еще не совсѣмъ стемнѣло, пошли мы съ докторомъ на прогулку къ ближайшей возвышенности и невольно обратили тамъ вниманіе на валявшиеся обломки мраморовъ, между которыми попадался и великолѣпный белый, безъ малѣшихъ прожилокъ. Вероятно гдѣнибудь въ горахъ по близости есть его залежи, и естается лишь пожалѣть, что въ минерологическомъ отношеніи эта местность и до сихъ поръ еще не изслѣдована какъ должно. Тутъ же встрѣчались намъ обломки розового гранита, сѣрий мраморъ и другихъ горныхъ породъ.

27 декабря.

Выступили въ девять часовъ утра вмѣстѣ съ обозомъ.

Поднявшись изъ Джамской котловины, спустились въ слѣдующую, Кизылъ-Кутальскую, гдѣ на противоположномъ гребнѣ стоять пограничный столбъ, отдѣлающій русскія владѣнія отъ бухарскихъ. Этотъ послѣдній гребень на высотѣ 3,150 футовъ и есть собственно Джамскій перевалъ, носящий, впрочемъ, у туземцевъ название Кизылъ-Куталь.

Итакъ мы уже за границей.

Мѣстность пошла волнистая, мѣстами овражистая и по всюду прекрасно воздѣлана. Количество обработанныхъ полей значительно болѣе, чѣмъ на нашей сторонѣ, у жителей подгорныхъ кишлаковъ, мимо которыхъ мы третьего дня и вчера пройзжали. Всѣ обработанные участки тщательно ограждены глиняными стѣнками покрытыми дерномъ, который рѣжется тутъ же. Величина каждого такого поля до

десати кунлюковъ, иногда и болѣе¹⁾). При самой дорогѣ, равно какъ и въ обѣ стороны оть пути, встрѣчается множество шуръ-кудуровъ, степныхъ колодцевъ, обнесенныхъ иногда овальною, иногда четырехугольною глинобитною стѣнкою, въ которой съ одной изъ сторонъ возвышаются даѣ глинобитныя же стойки, со всаженою въ нихъ деревянною катушкой, замѣняющею блокъ.

Всѣ эти колодцы очень глубоки, отъ 10 до 20 и болѣе саженъ. Вода изъ нихъ вытаскивается въ кожаныхъ ведрахъ на волосяной веревкѣ (чумбурѣ), пропущенной чрезъ катушку. Когда надо поить стада, пастухъ привязываетъ свободный конецъ чумбура къ лямкѣ, надѣтой на верблюда или лошадь, а чаще всего на ослика; затѣмъ, погрузивъ ведро въ глубину колодца, направляетъ животное по прямой линіи отъ вертящейся катушки, заставляя его такимъ образомъ вытаскивать ведро за ведромъ воду, которая сливается въ глиняный желобъ, окружающей колодезную стѣнку. По слѣдамъ животнаго съ теченіемъ нѣкотораго времени образуется торная тропинка, вдоль которой непремѣнно танется и желобъ, оставляемый волочащеюся по землѣ веревкой, по длини коего всегда безошибочно можно опредѣлить и глубину колодца. Дотянувшись до конца тропинки, привычный осликъ или верблюдъ останавливается, чтобы дать время пастуху вылить ведро въ водоемъ, и затѣмъ самъ возвращается мѣрнымъ шагомъ къ колодцу для продолженія своей работы. Но чтобы пользоваться водой этихъ колодцевъ, путешественникъ всегда долженъ запасаться собственнымъ ведромъ и чумбурами, такъ какъ пастухи никогда не оставляютъ этихъ вещей при колодцѣ на общую потребу. Почти каждое огороженное

¹⁾ Куилюкъ—земельная мѣра, содержащая въ себѣ около двухъ талаповъ. Танапъ же равенъ 900 квадратнымъ саженямъ или $\frac{3}{5}$ казенной десятинны. Танапомъ измѣряются только участки, отводимые подъ клеверъ, огорода, бахчи и сады; земли подъ прочими земледѣльческими производеніями измѣряются кунлюкомъ.

поле имѣть свой особый шуръ-кудукъ, а на большихъ участкахъ бываетъ ихъ и по два, и по три—на противоположныхъ концахъ поля и по срединѣ онаго. Въ большинствѣ колодцевъ вода довольно сносная, иногда солоноватая, но безъ противнаго вкуса, и при употребленіи не оставляетъ вредныхъ послѣдствій.

Селеній въ окружности очень мало. На протяженіи около двадцати четырехъ верстъ пути мы видѣли въ сторонахъ отъ дороги всего лишь два небольшіе кишлака, но тѣмъ-то и прозительнѣе это обильное количество пахотныхъ участковъ: рѣшительно вся степь, насколько хватаетъ глазъ, представляется прекрасно обработанною. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попадались пахари надѣ плугомъ, влекомымъ парой воловъ. Плугъ самого первобытнаго устройства: на одинъ конецъ деревянного лемеха насаженъ желѣзный рѣзакъ въ родѣ застуна съ ручкой, за которую держится пахарь, давая направленіе бороздѣ, а другой конецъ прикрепляется веревками къ ярму,— вотъ и все. Въ общемъ такой плугъ похожъ на большую мотыку.

Земля, по своей солонцеватости, прежде чѣмъ на ней сѣять, требуетъ здѣсь очень заботливой и неоднократной распашки. Обыкновенно проходить участокъ плугомъ по нѣсколько разъ и вдоль и поперегъ, пока почва не разрыхлится въ достаточной мѣрѣ; тогда на участокъ пускаютъ воду, и когда черезъ сутки почва совсѣмъ вбереть въ себя влагу, то смотрѣть въ какихъ мѣстахъ на поверхности проступила соль. Такія мѣста срѣзываютъ лопатами и заполняютъ землей, взятой съ мѣсть, гдѣ соли не оказалось, или же глиной изъ стѣнъ разрушенныхъ ветхихъ построекъ. Затѣмъ участокъ унаваживается весь равномѣрно и снова наполняется водой. Послѣ этого почва считается уже совсѣмъ готовою подъ засѣвъ. Работы же въ столь позднее время года объясняются тѣмъ, что земледѣлы спѣшащі разрыхлить степную почву въ ожиданіи зимнихъ снѣговъ, которые при весеннемъ таяніи сообщать ей большую влажность и тѣмъ облегчать послѣдующій трудъ пахаря. Земля эта готовится подъ яровое.

Дорога, по которой мы теперь ходили, составляла единственный колесный (арбяной) путь из Самарканда в Шахрисебз и Карши, но она такъ избита глубокими колеями и рыхлинами, что ходить по ней—своего рода пытка, а стоять свернуть съ колейной дороги и сколько шагов въ сторону, и вдешь прекрасно по твердому грунту, точно по шоссе. Между прочимъ, этот путь очень древенъ и даже имѣть историческое значеніе: по немъ шелъ Александръ Македонскій въ 329 году, по переправѣ чрезъ Оксусъ (Аму-Дарью), къ Самарканду. Хотя точныхъ указаний на то не имѣется ни у Арриана, ни у Квинта Курція, но по этимъ историкамъ известно, что движение на Самарканду было предпринято изъ Нанутаки, которую новѣйшие историки Александра пріурочиваютъ—одни къ Карши (Дройзенъ), другие (Герцбергъ) къ Кешу, то есть къ иначеестественному Шахрисебзу. Въ обоихъ случаяхъ единственный колесный и возможный для движения арміи путь къ Самарканду лежитъ на Джамъ, и что Александръ проходилъ именно этой дорогой, въ томъ, мнѣ кажется, убѣждаетъ сохранившіяся до нашихъ дней пріуроченные къ его имени названія искогорыхъ прилегающихъ къ ней мѣстностей. Такъ, здѣсь есть урочище Искандеръ, кочевые Искандеръ и холмъ (тюбе) Искандеръ¹⁾.

Веретахъ въ шести отъ границы, въ небольшой котловинѣ, встрѣтилъ насъ старый нашъ знакомецъ токсаба Рахметъ-Улла, посланный эмиромъ на встречу посольству для передачи намъ первыхъ привѣтствій его высокостепенства. Токсаба, въ бѣлой чалмѣ и парчевомъ халатѣ, опоясанный широкимъ поясомъ, съ висѣвшимъ на немъ кривою хорасанской саблей, сидѣлъ верхомъ на красивомъ аргамаѣ, впереди свиты

изъ разныхъ бухарскихъ чиновниковъ и джигитовъ. Нѣсколько въ стороны отъ этой красивой группы стояли две коляски, присланныя эмиромъ для посольства. При нашемъ приближеніи, токсаба съ бухарцами слѣзли съ лошадей и сдѣлали нѣсколько шаговъ къ намъ на встречу. Мы тоже вышли изъ экипажей и размѣнились обоядными привѣтствіями, которыхъ сопровождались освѣдомленіями о взаимномъ здоровье и благополучномъ путешествіи, а также о здоровье высокостепеніаго эмира и туркестанского генераль-губернатора. Токсаба объяснилъ, что ему поручено состоять при посольствѣ и сопровождать его до города Шаара, где въ настоящее время изволить имѣть свое благополучное пребываніе его хазретъ-падишахъ (святѣйший повелитель), и предложилъ намъ пересѣсть въ экипажи его высокостепенства. Нечего дѣлать, пришлось мнѣ разстаться со своимъ удобнымъ и уютнымъ трантасомъ и садиться вмѣстѣ съ княземъ въ эмирскую коляску, сидѣніе гдѣ было пышно застлано пунсовымъ шелковымъ одѣяломъ на ватѣ; въ ногахъ лежалъ лисий мехъ, на спинѣ большія бархатныя подушки-валики (мутаки). Сѣли и провалились въ пуховую мякоть. Фу, батюшки, хоть бы воротникъ разстегнуть или ременный поясъ распустить что ли, а то просто мочи нѣтъ съ непривычки въ этихъ пуховицахъ!.. Но ничего не подѣлаешь, надо покоряться. Хотя въ воздухѣ было вовсе нехолодно, тѣмъ не менѣе бережно и тщательно укутали насъ и мехами, и одѣялами, какъ того требовали условія мѣстнаго этикета,—ибо не подобаетъ „важнымъ людямъ“ ездить иначе,—нѣсколько разъ при этомъ освѣдомляясь, хорошо ли, удобно ли сидѣть, покойно ли спинѣ и бокамъ, тепло ли ногамъ, не поддуваетъ ли куда и т. д. Намъ оставалось лишь кланяться, благодарить иувѣрять, что все очень хорошо и даже черезчуръ ужъ удобно. Наконецъ, убѣдясь, что насъ сплели одѣялами, какъ младенцевъ, мѣйший нашъ токсаба приказалъ поѣзду трогаться.

Въ коляски были запряжены въ каждую по четвери, заѣданныхъ лошадей: пара въ дышилѣ и пара впереди, на ар-

¹⁾ Что предания объ Александрѣ Македонскомъ сохранились въ сихъ мѣстахъ довольно живо, видно, помимо названій различныхъ мѣстностей и пунктовъ, еще и изъ того, что многие изъ владѣтельныхъ бековъ, особенно въ горахъ верховой Аму-Дары, считаютъ себя его потомками. Насколько это основательно—другой вопросъ.

тиллерийскихъ уносахъ. На каждой лошади сидѣло по одному ъздовому въ чалмѣ и халатѣ, съ нагайками (такъ точно взять здѣсь и артиллерійскія орудія). Козлы оставались незанятыми и неѣмъ, ибо по мѣстному этикету считается въ высшей степени неприличнымъ, чтобы кто-либо могъ сидѣть въ одномъ экипажѣ спиной къ важнымъ людямъ. Но еслибы важные люди сами вздумали взобраться на козлы, то это, конечно, было бы для нихъ самое высокое въ исчетномъ смыслѣ мѣсто. Безъ насъ не рысью, а тѣмъ особенно скучнымъ аллюромъ, который называется маленькою трусцой, потому что ъздить иначе важнымъ людямъ опять-таки неприлично,—на то есть джигиты, чтобы скакать сломя голову; важный же человѣкъ, не желающій ронять свое достоинство, долженъ всегда спѣшить медленно. Такимъ образомъ мелкая трусца есть уже крайняя степень уступки, какая можетъ быть допущена важнымъ человѣкомъ ради поспѣшности.

Верстахъ въ двѣнадцати отъ границы ожидала насъ новая встрѣча. Тюря-джанъ¹⁾, бекъ чиракчинской, выслалъ привѣтствовать насъ одного изъ своихъ приближенныхъ чиновниковъ, Баубекъ-бія, почтенного бѣлобородаго старца со свитой мелкихъ чиновниковъ и джигитовъ. Опять взаимная привѣтствія и разспросы о добромъ здоровье генераль-губернатора и тюря-джана чиракчинскаго, посольства и встрѣчающихъ оное лицъ,—все какъ слѣдуетъ по этикету. Отсюда токсаба послакалъ впередъ, на мѣсто предстоявшаго намъ почлега, чтобы лично распорядиться достодолжнымъ пріемомъ, а вмѣсто себя оставилъ намъ Баубекъ-бія. Снова спеленали насъ ватными одѣялами и повезли прежнею трусцой. Впереди и по сторонамъ поѣзда неслась верхами пестрая кавалькада бухарскихъ чиновниковъ и джигитовъ, вооруженныхъ кривыми саблями, а иные кличами²⁾.

¹⁾ Тюря-джанъ въ буквальномъ смыслѣ — князь-душа, есть титулъ, присвоенный сыновьямъ эмира.

²⁾ Клыч — оружіе съ прямымъ клинкомъ, въ родѣ палаша или длиннаго ножа, которымъ можно и колоть и рѣзать.

Во вниманіе къ преклоненнымъ лѣтамъ Баубекъ-бія вязь предложилъ было ему сѣсть въ одинъ изъ нашихъ собственныхъ экипажей, но тотъ отказался, и надо было видѣть какимъ молодцомъ этотъ драхлый по наружности старецъ управлялся со своимъ горячимъ карабагиромъ и бодро гардовалъ все время пути, то выносясь впередъ, то проскакивая въ хвостъ растянувшагося поѣзда для какихъ нибудь распоряженій. Совсѣмъ другой человѣкъ на лошади,—вотъ что значитъ выработанная съ дѣтства привычка.

Къ мѣсту почлега, на урочище Бишъ-Чешме (пять километровъ), прибыли въ часъ дня. Здѣсь были намъ приготовлены двѣ юрты, поставленныя шагахъ въ двадцати одна противъ другой и соединенные между собой длинною цѣтной палаткой, гдѣ на широкомъ и длинномъ коврѣ каршинской работы¹⁾ накрытъ былъ большой столъ съ разными достарханомъ. Такимъ образомъ у насъ получилась какъ бы цѣлая квартира: столовая, она же и пріемная, и по бокамъ двѣ спальни или, если угодно, два кабинета. Юрты были уbraneы коврами и снабжены постелями и жаровнями. Вокругъ этого главнаго помѣщенія раскинулся цѣлый станъ изъ юртъ и палатокъ, гдѣ размѣстились остальные чины посольства, конвой, бухарскіе чиновники, прислуга, джигиты и погонщики.

Тотчасъ по прибытіи, едва мы сняли съ себя дорожное верхнее платье, любезный токсаба пригласилъ насъ къ завтраку, который начался съ чая и сластей, гдѣ фигурировали взбитые яичные бѣлки съ сахаромъ, морковь въ сиропѣ, очень вкусная халва изъ кунджутнаго сѣмени и фисташковое тѣсто въ конфектахъ. Затѣмъ подали въ китайскихъ чашкахъ шурпу, прекрасно отваренный бульонъ, затѣмъ жареную говядину съ лукомъ на гренкахъ, палау съ барапиной и палау съ куринымъ мясомъ, жареныхъ куръ, сладкую рисовую кашу на молокѣ и бараньемъ жирѣ и въ заключеніе снова чай. Ножи, вилки, ложки—все какъ слѣдуетъ, и даже коленкоровыя сал-

¹⁾ Городъ Карши славится выдѣлкой прекрасныхъ ковровъ.

фетки. Въ порядке подаванія блюда замѣчалась извѣстная постепенность, ближе подходившая въ русскимъ привычкамъ, что нужно приписать распорядительности и смѣткѣ токсабы, который неоднократно обѣдывалъ въ Ташкентѣ у начальника края и у разныхъ своихъ русскихъ знакомыхъ.

Послѣ завтрака, пожелавъ намъ пріятнаго отдыха, Рахметъ-Улла отправился въ свою кибитку писать донесеніе эмиру о прибытии посольства въ бухарскіе предѣлы.

Ѣдемъ мы не на Китабъ, какъ предполагали было, а везутъ насъ сначала на Чиракчи, къ беку тюря-джану, сыну эмира, и оттуда уже препроводить въ городъ Шааръ, къ самому эмиру. Такъ, говорять, соизволилъ указать его высокочестенство.

28 декабря.

Выѣхали съ ночлега въ девять часовъ утра, по вчерашнему въ эмирскихъ экипажахъ.

Спустясь съ небольшой высоты, слѣдовали сначала по равнинѣ, которую подковообразно окружали съ востока, съвера и запада невысокія пологія гряды возвышеностей; южная же сторона оставалась открытою. Твердый суглинистый грунтъ этой равнинны сплошь покрытъ густою мелкою травой, и потому здѣсь всегда пасутся огромныя стада барановъ. Мы пересѣкли западную вѣтвь подковообразной гряды, и отсюда пошла уже волнистая мѣстность, очень напоминающая характеръ мѣстности, что окружаетъ Плевну съ восточной стороны. Для довершеннія сходства недостаетъ только деревьевъ, которыхъ изрѣдка были разсѣяны по полямъ Плевны. По объясненію Массумъ-ходжи, проходимыя нами мѣста ссыпуть за „Голодную степь“, но въ этомъ позволительно усомниться, потому что окрестъ мы встрѣчали не мало огороженныхъ и распаханныхъ полей, равно какъ и колодцевъ.

Отѣхавъ около двѣнадцати верстъ отъ мѣста ночлега (Бишъ-Чешмѣ), пересѣкли по грудамъ валуновъ и мелкой гальки довольно углубленное, залегающее въ обрывистыхъ бе-

регахъ русло потока Казганъ-Бузарь¹). Въ это время года оно совершенно сухо, но въ периодъ таянія горныхъ снѣговъ изобильно наполняется на некоторое время водой исходящіе изъ него степные арыки. Когда же вода начинаетъ сбывать, хозяева прилегающихъ къ руслу земельныхъ участковъ спѣшно приступаютъ къ забойкѣ арычныхъ истоковъ, съ тою цѣлью, чтобы подольше сохранить въ арыкахъ набѣжавшую туда воду и темъ продлить возможность орошенія своихъ полей, пока это требуется условіями всхода зеленей. Въ некоторые годы вода удерживается такимъ образомъ въ арыкахъ до іюля мѣсяца, а это даже болѣе, чѣмъ нужно, ибо ишеница снимается съ корня уже въ іюнѣ.

По сторонамъ пути болѣе, чѣмъ вчера, попадалось кишлаковъ и кочевокъ, надъ которыми вздымались бѣлые дымки отъ топокъ. Кое-гдѣ при жилищахъ видѣлись и одиночныя урюковыя деревья. Среди этой волнистой мѣстности, близъ кишлака Кокъ-ташъ (серый камень), въ двадцати четырехъ верстахъ отъ ночлега, намъ былъ приготовленъ роздыхъ и завтракъ, состоявший изъ такихъ же блюдъ какъ вчера. Ярко узорчатая зала-палатка и юрты, разукрашенная внутри — все это было тоже по вчерашнему. Здѣсь встрѣтили насъ махрамъ-бashi и эсаулъ-бashi, посланные для привѣтствованія посольства отъ лица тюря-джана, бека чиракчинскаго²). Оба они

¹⁾ На картѣ не обозначено.

²⁾ Махрамъ или махрамъ — одно изъ придворныхъ званій, дѣлящееся на восемь разрядовъ, изъ коихъ: 1) самый младший есть автобачи. Лицо носящее этотъ чинъ обязано подавать эмиру воду во время омовеній. Затѣмъ слѣдуетъ въ возвышающемся значеніи: 2) бука-бардаръ — завѣдующій бѣльемъ и платьемъ эмира; 3) сагатъ-бардаръ — придворный часовщикъ; 4) китабъ-бардаръ — придворный библіотекарь; 5) музя-бардаръ — завѣдующій отдѣломъ обуви эмира; 6) шербетъ-бардаръ — то же что нашъ мундшнейтъ; 7) махрамъ-дахъ-бashi, и 8) панджъ-садъ-бashi — исполняющіе должность младшихъ адъютантовъ эмира, которыхъ онъ обыкновенно производить въ чинъ караулъ-беги, соответствующий нашему прaporщику. Эсаулъ-бashi — чинъ равнающій

были одеты въ шелковые халаты, отороченные выдровымъ мехомъ; изъ-подъ халатовъ видѣлись широкія, расшитыя шелками и блестками чембары¹⁾, тоже съ выдровою оторочкой. У маҳрамъ-бashi за широкимъ бархатнымъ поясомъ съ большими серебряными бляхами, въ видѣ розетокъ, былъ за-сунутъ инкрустированный золотомъ чеканной работы топорикъ (балта или табарь) съ серебряною рукоятью — знаѣтъ отличія его должности, а эсаулъ-бashi держалъ въ рукахъ длинный посохъ (ассія) краснаго цвѣта, тоже знакъ присвоенного ему достоинства²⁾. Между этими чиновниками и нами послѣдовалъ обычный церемонный обмѣнъ разспросовъ о здоровъ и

чашему поручику. Число этихъ придворныхъ чиновъ не опредѣлено: эмиръ въ знакъ награды или своей благосклонности можетъ возвести какого-либо чиновника или вообще кого бы то ни было въ придворное званіе маҳрама и затѣмъ оставить его при своей особѣ или же на прежнемъ мѣстѣ служенія.

¹⁾ Штаны изъ коаловой кожи.

²⁾ Эти посохи составляютъ второй знакъ отличія, установленный для чиновниковъ (первый заключается въ ярлыкѣ за печатью эмира, то есть въ жалованной грамотѣ или патентѣ на званіе чиновника) и бываютъ четырехъ родовъ: бѣлые, красные, разводѣнно-узорчатые и золотые. Третье отличіе — кардъ, большой ножъ въ серебряныхъ или золоченыхъ ножнахъ; четвертое — шамширъ, почтная сабля въ серебряныхъ или золоченыхъ, а иногда и въ чистыхъ золотыхъ ножнахъ и табарь изъ балта — топорикъ съ серебряною или золотою рукоятью; пятое — саутъ, бармы, шестое вальканъ — латы, седьмое — тульча шлемъ, жалуемый обыкновенно вмѣстѣ съ латами; восьмое — байдакъ, знамя; девятое — тугъ, бунчуки изъ конскаго хвоста и наконецъ десятое — небольшая лягавра, прикрѣпляемая съ лѣвой стороны къ передней лукѣ сѣдла и называемая тябла-ризл. Всѣ эти знаки отличія, кроме ярлыковъ, жалуются лицамъ служащимъ либо въ войсکѣ, либо при самомъ эмире. Ярлыки же бываютъ трехъ разрядовъ: 1-й съ печатью эмира и его секретаря (муниши); первая прикладывается на лицевой сторонѣ, а вторая на оборотѣ ярлыка; 2-й съ печатью эмира и инака (порядокъ приложения печатей такой же) и 3-й съ печатью одного эмира. Съ 1881 года учрежденъ еще и орденъ „Восходящей звѣзды Бухары“ въ честь Государя Императора Всероссійскаго.

благополучія акъ-падишаха и казретъ-эмира, ярымъ-падишаха и тюря-джана, нашемъ и ихъ, и затѣмъ обмѣнъ взаимныхъ комплиментовъ въ восточномъ вкусѣ, что могло бы продолжаться пожалуй и безъ конца, если бы предупредительный другъ нашъ токсаба не поспѣшилъ къ намъ на выручку съ приглашеніемъ къ поданному завтраку.

Послѣ завтрака, отдохнувъ около часа, посольство тронулось далѣе.

Отъ Кокъ-таша до Чиракчи считается одинъ ташъ разстоянія, то есть восемь верстъ, по нашему; но намъ показалось большие, быть можетъ потому, что теперь, подъѣзжая къ городу, насы для пущей важности везли уже не трусцой, а шагомъ. Пробѣхавъ около двухъ верстъ, спустились въ широкую равнину, гдѣ протекаетъ рѣка Кашка (Кашка-Дарья), при которой, на лѣвомъ берегу, стоитъ городъ Чиракчи, открывшій предъ нами съ шестиверстнаго разстоянія. Раіонъ, занимаемый имъ и наглядно обозначенный непрерывно полосой садовъ, довольно обширенъ, верстъ до восьми въ длину, а можетъ и болѣе; въ точности сказать это трудно, такъ какъ городскіе сады сливаются съ прирѣчными кишлаками. Городъ этотъ получилъ свое название отъ могилы святого Чиракчи (Чиракчи-атѣ), ремесленника, занимавшагося выдѣлкой изъ глины свѣтильниковъ, плошекъ¹⁾, который считается покровителемъ всѣхъ людей этого ремесла. Говорить, что въ Чиракчи и теперь живеть не мало плошечниковъ, преимущественно въ окрестностяхъ могилы ихъ патрона, занимающихъ своимъ мастерствомъ, по преданию, наслѣдственно. Но главное значеніе города составляетъ торговля вовсе не чираками, а хлѣбомъ, благодаря выгодному положенію на Кашка-Дарѣ между Карши, Шахрисебсомъ, Гузаромъ и хлѣбородными горными тюменями²⁾. Поэтому, будучи важнымъ хлѣбнымъ ба-

¹⁾ Чиракъ — значитъ: свѣтильникъ, плошка; чиракчи — плошечникъ, мастеръ выдѣлывающій чираки.

²⁾ Тюмень — округъ, соответствующій нашему уѣзду.

заромъ, особенно въ смыслѣ посредника между оазисомъ и кочевниками прилежащихъ степей, Чиракчи имѣть для государства весьма важное экономическое значеніе.

Предъ городомъ разбросано по степи нѣсколько древнихъ кургановъ боеваго характера, фронтъ коихъ обращенъ къ востоку, либо къ юго-востоку, а Кашка-Дары впереди ихъ служить какъ бы естественнымъ рвомъ. Когда подъѣхали къ правому рукаву этой рѣки, ограничивающему съ сѣверной стороны площадь ея разлива, то памъ открылся видъ на двухъ-этажное глинобитное здание, стоящее на той сторонѣ, надъ довольно возвышеннымъ береговымъ обрывомъ. Это дворецъ тюря-джана; остальная городская строенія лишь изрѣдка проглядываютъ кое-гдѣ изъ-за садовыхъ деревьевъ. Сады и предмѣстья, расположенные по правую (сѣверную) сторону рѣки, въ общемъ очень напоминаютъ болгаро-турецкія селенія подъ Плевной, какъ Порадимъ, Целишать и Сгалевице; даже прилегающая къ нимъ равнина покрыта точно такою же, какъ и тамъ, травянистою, пизенькою колючкой.

Слѣдя по руслу разлива, мы пересѣкли до семи рукавовъ Кашка-Дары, прежде чѣмъ взобрались на крутоватый подъемъ лѣваго берега, вводящій непосредственно въ самый городъ. На берегу стояла большая толпа народа и молча, солидно созерцала нашъ поѣздъ. Очевидно, что жители знали о предстоящемъ вѣзѣ посольства и вышли посмотретьъ на русскихъ гостей. Здѣсь вѣдь, при скучности развлечений, каждый подобный случай составляетъ уже предлогъ къ томашѣ, то есть публичному зрѣлищу.

Городъ Чиракчи, разумѣется, весь глинобитный. Кривыя, грязныя улицы обрамлены, большою частью, только стѣнками заборовъ. Рѣдкіе изъ домовъ глядятъ прямо на улицу, и это преимущественно такие, где помышляется какое нибудь ремесленное заведеніе. Мѣстность неровная, такъ что приходится не разъ круто спускаться и еще круче подыматься съ бугра на бугоръ, перебѣжая по жердямъ унавоженнымъ и очень неирочнымъ мостишкамъ черезъ ручьи и арыки, прежде чѣмъ

доберешься до урды, т. е. цитадели или замка, гдѣ живеть бекъ чиракчинскій. Замокъ этотъ окружено четырехстороннею глинобитною стѣной, съ наугольными круглыми башнями такой же вышины какъ и самая стѣна, то есть около трехъ сажень. Внутри этой ограды находится нѣсколько дворовъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другого саклями и невысокими стѣнками, но имѣющихъ между собою сообщеніе посредствомъ калитокъ и узкихъ проходовъ. На одномъ изъ этихъ дворовъ, квадратной формы, гдѣ размѣстилось посольство, предъ отведенными для насъ саклями, была разбита большая цвѣтная палата, и въ ней стоялъ столъ съ дистарханомъ, среди котораго выдѣлялась новинка: груда крашеныхъ въ сандаль яицъ, точно у насъ па Сытой недѣлѣ¹⁾. По лѣвой сторонѣ двора, подъ навѣсомъ, покрывающимъ широкую глинобитную террасу, стояли три палатки, соединенные между собою и открыты съ передней стороны. Снаружи они были зеленые, а внутри красные, узорчатыя, и въ нихъ постоянно толнилась шестрохалатная прислуга бека, попивая чай, то и дѣло вскипавшій въ мѣдныхъ кумганахъ надъ жаровней, и затягиваясь во всю грудь изъ одного общаго чилима²⁾. Среди этихъ челядинцевъ время отъ времени появлялись для отдачи какихъ-то приказаний и задаваній „распеканокъ“ все тѣ же махрамъ-бashi и эсаулъ-бashi, неизмѣнно вооруженные знаками своего достоинства. Остальные двѣ стѣны нашего двора заняты были копюшеными павѣсами и помѣщеніями для прислузы, а по

¹⁾ Впослѣдовѣніи красные яица являлись уже постоянной принадлежностью дистархановъ.

²⁾ Средне-азіатскій кальянъ. Дѣлается обыкновенно изъ особаго вида тики — чилимъ-каду, форма коей напоминаетъ продлинноватый грушевидный фляконъ. Такіе чилимы вставляются въ мѣдную оправу и носить на себѣ иногда очень изящная украшенія изъ бирюзы, гранита сердолика и серебряныхъ инкрустаций. Въ Шаарѣ впрочемъ вместо тики употребляются на выѣлку чилимовъ котельную мѣдь, сохрания имъ лишь грушевидную форму, и эти послѣднія издѣлія всегда украшены серебряными вкрапленными пластинками въ узорами чеканной работы.

срединѣ его находился хаузъ, обсаженный старыми ветлами. Сакли наши устланы коврами, окна въ нихъ завлеены тонкою бумагой и снабжены красными кумачевыми занавѣсками; но привести въ этихъ помѣщеніяхъ нѣсколько сутокъ сряду едва ли было бы возможно, не наживъ себѣ ревматизма,—до того велика въ нихъ сырость.

Только что мы приѣхали, какъ уже явилось къ намъ трое посланцевъ отъ самого эмира выразить посольству привѣтствіе отъ лица своего повелителя. То были бальджуанскій бекъ Рахметъ-Куль-датха, дарвазскій бекъ Магметъ-Мурадъ-бій и Шараулъ-Массумъ миrahуръ¹⁾). Всѣ трое были одѣты въ парадные форменные халаты изъ богато затканной золотомъ мелкотравчатой индійской парчи. Мы принимали ихъ въ палатѣ, гдѣ стоялъ достарханъ и, послѣ обычно церемоніаль-

¹⁾ Дахта — военный чинъ, соответствующій генералъ-майору, бій — родоправитель, титулъ, присвоеный старшему въ родѣ и составляющей принадлежность исключительно узбековъ; какъ чинъ, бій равняется бригадиру, по жалованью стали лишь въ недавнѣе время. Миrahуръ или правильнѣе, мири-ахуръ — придворный чинъ 2-го разряда, въ вѣдѣніи коего состоять конюшенная часть эмира. Начиналъ съ миrahura, всѣ по слѣдующему въ возышающейся градаціи чины пользуются правомъ вѣзжать въ ограду дворца верхомъ; всѣ же чины ниже его стоящіе обязаны сѣзгать съ лошадей на площади, за стѣной, и подыматься въ урху по лѣстницѣ пѣшкомъ. Званіе и должность бека соответствуетъ нашему губернатору, только съ несравненно большими полномочіями. Относительно администраціи эмиръ передаетъ бекамъ всѣ свои права, за исключеніемъ права жизни и смерти: въ случаяхъ, гдѣ смертная казнь является необходимой или же когда осужденный заслуживаетъ помилованія, бекъ спрашивается на то и другое повелѣніе эмира. Кромѣ того, онъ долженъ особо извѣщать эмира о всѣхъ важныхъ происшествіяхъ, случающихся въ его бекствѣ, и посыпать ему еженедѣльные отчеты о текущихъ дѣлахъ. Въ непосредственномъ подчиненіи беку состоятъ всѣ города и селенія его бекства, почему онъ завѣдываетъ въ своемъ районѣ какъ сборомъ хараджа (поземельная подать), такъ и сборомъ людей въ войско въ случаѣ военнаго времени, снабжая ихъ лошадьми и оружиемъ. Такимъ образомъ бекъ есть представитель не только гражданской, но и военно-административной власти въ своемъ бекствѣ.

ныхъ изѣвленій и разспросовъ, распили съ ними по стакану чаю.

Въ пять часовъ дня, по предложенію токсабы, посольство отправилось съ визитомъ къ тюря-джану. Пройдя какимъ-то узенькимъ закоулкомъ налево, очутились мы на смежномъ дворѣ, гдѣ предъ длинными крытыми воротами, образующими ичто въ родѣ коридора, стояло десятка три челядинцевъ, выстроенныхъ въ одну шеренгу, а въ воротахъ ожидалъ нась эсауль-баши, пакоско держа въ рукахъ свой красный посохъ, такъ, какъ, бывало, держала „на караулѣ“ въ пѣшемъ строю свои карабины кавалерія временъ императора Николая. Предшествуя намъ, этотъ чиповникъ вывелъ насть изъ-подъ воротъ на третій дворъ, обрамленный кирпичною террасой. Тутъ-то и находится дворецъ бека, который мы видѣли еще съ того берега рѣки.

Двое челядинцевъ распахнули предъ посольствомъ обѣ половинки дверей, и мы вошли въ приемную залу, гдѣ у самаго входа были встрѣчены тюря-джаномъ. Это худощавый молодой человѣкъ лѣтъ около двадцати, еще безусый и безбородый и очень похожій на своего младшаго брата Сейдъ-Миръ-Мансура, что воспитывается въ Петербургѣ, въ Пажескомъ корпусѣ. Только тотъ здоровый мальчикъ, а у этого какой-то понурый болѣзnenный видъ, вслѣдствіе того, что опь, какъ говорятъ, давно уже страдаетъ перемежающеся лихорадкой. Выраженіе лица его довольно симпатично и обличаетъ пѣкоторую привычку мыслить, а машера держать себя отличается простотой, безъ малѣйшаго желанія изобразить принца. Одѣть онъ былъ въ парчевый халатъ съ мѣховою оторочкой, затканый по бѣлуому полю золотыми травами и цветными букетами; пояса не было въ силу права, принадлежащаго принцамъ бухарскаго дома, которые обязаны быть подпоясанными только предъ лицомъ своего отца и государя; на головѣ пышно красовалась большая бѣлая чалма изъ индійской кисеи, затканной золотыми листьями.

На привѣтствіе князя Витгенштейна тюря-джанъ отвѣчалъ

быстро, скороговоркой и такимъ тономъ, словно бы читалъ по книжкѣ или выкладывалъ передъ учителемъ хорошо затверженній урокъ. Вообще и вся послѣдующія реплики его по тону своему были въ такомъ же родѣ.

Князь поочередно представилъ ему членовъ посольства, и тюря-джанъ при этомъ коротко и отрывисто, на англійскій манеръ, пожалъ каждому изъ насть руку, а затѣмъ всѣхъ пригласилъ къ достархану, занявъ място во главѣ стола, приготовленного съ угощениемъ въ этой же компатѣ.

Зала въ два съёта довольно высока для глинобитной постройки. Въ лѣвой (съверной) стѣнѣ находятся нѣсколько дверей, служащихъ въ то же время и нижними окнами, и выходящихъ на наружную террасу, съ которой открывается довольно красивый видъ на Кашка-Дарью и зарѣчную сторону. Надъ дверями въ той же стѣнѣ идетъ рядъ верхнихъ оконъ нѣсколько меньшаго размѣра, украшенныхъ ажурными глиссовыми рѣшотками, но безъ внутреннихъ стекольчатыхъ рамъ. Поль былъ застланъ сплошь, но не коврами, а шалассами¹⁾; деревянный потолокъ обивовенія средне-азіатскаго типа (рядъ балокъ съ положенными на нихъ поперечными и тѣсно одна къ другой примкнутыми жердочками) закрашенъ кубовою краской; стѣны же, начисто выбѣленыя, оставались безо всякихъ лѣпныхъ и живописныхъ украшений. Вообще обстановка и внутренній видъ этой залы были очень далеки отъ понятія о такъ называемой „восточной роскоши“; напротивъ, на этой простотѣ, переходящей почти въ бѣдность, лежалъ какой-то суровый оттѣновъ.

Намъ предложили чай, который мы поспѣшили поскорѣе допить, такъ какъ бѣдный тюря-джанъ видимо отдавался все болѣе и болѣе чувству неодолимой застѣнчивости. Самъ онъ, за исключеніемъ заученныхъ и уже произнесенныхъ имъ привѣтственныхъ репликъ, не предложилъ во время этого угощенія ни одного, такъ сказать, частнаго или посторонняго

¹⁾ Родъ ковровъ болѣе дешеваго сорта и не бархатистыхъ.

вопроса, предоставляемъ заботу выдумывать и предлагать ихъ на долю нашего князя, который, въ свою очередь, тоже не зналъ о чёмъ говорить съ нимъ. Такимъ образомъ рѣдкѣ и ничего не значащіе вопросы и замѣчанія, въ родѣ того, что Чиракчи, кажется, довольно большой городъ, а Кашка довольно быстрая рѣка, вызывали со стороны тюря-джана односложные утвердительные отвѣты, за которыми съ обѣихъ сторонъ слѣдовали довольно продолжительныя паузы. Наконецъ, допивъ стаканъ, князь заявилъ, что не смѣеть долѣе отрывать тюря-джана отъ его важныхъ дѣлъ, чему тотъ кажется очень обрадовался,—по крайней мѣрѣ монотонно безразличное выраженіе его физіономіи при этомъ нѣсколько оживилось—и мы откланивались снова, пожавъ ему по очереди протянутую намъ руку.

Какъ только посольство возвратилось въ свои помѣщенія, на нашъ дворъ привели подарочныхъ лошадей подъ богатыми попонами, въ уздечкахъ, украшенныхъ серебромъ, сердоликами и бирюзой. Князю, какъ старшему послу, было подведено двѣ лошади, оставлены по одной и, кроме того, вѣмъ членамъ посольства по связѣ халатовъ и множество всякаго достархана. Всѣ казаки, прислуга и посольские джигиты также получили въ подарокъ по адрисовому халату. Затѣмъ человѣкъ двадцать пять челядницевъ, слѣдя гуськомъ другъ за другомъ, церемоніально пронесли мимо посольской палатки большія блюда съ горячимъ палау для нашихъ казаковъ и прислуги.

Князь отвѣтилъ тюря-джану тоже подарками, въ числѣ коихъ находились: револьверъ, китайскій ящичекъ съ французскими духами, швейцарскіе часы съ кукушкой и коробка съ московскими конфектами отъ Сіу. Эти отвѣтные подарки были отправлены къ нему съ хорунжимъ Аслабекомъ Карамурзаевымъ въ сопровожденіи токсабы и эсаулъ-бashi.

Затѣмъ намъ принесли обѣдъ, и церемоніи на сей день были кончены. Въ концѣ обѣда возвратился токсаба и заявилъ, что тюря-джанъ очень благодаритъ князя за подарки, которые ему очень понравились, и беспокоится лишь объ одномъ: довольно ли посольство его скромнымъ пріемомъ, что оно ото

всей души радъ бы угодить намъ и больше, но, къ сожалѣнію, въ Чиракчи невозможно найти ничего лучшаго. Получивъ въ отвѣтъ заявленіе князя, что посольство довольно всѣмъ какъ нельзя болѣе, Рахметь-Улла, перевода разговоръ на интимную почву, замѣтилъ, что въ такомъ разѣ князь, вѣроятно, не откажеть при удобномъ случаѣ замолвить кстати объ этомъ высокостепенному эмиру, равно какъ и о благопріятномъ впечатлѣніи, какое произвелъ на него тюря-джанъ лично, такъ какъ отъ такого заявленія князя на много-де будетъ зависѣть степень дальнѣйшаго благоволенія эмира къ тюря-джану, который тогда авось-либо можетъ разсчитывать и на милостивое повышение въ должностіи, въ родѣ перевода на болѣе видное и выгодное бекство.

Надо замѣтить, что тюря-джанъ чиракчинскій не пользуется особенной любовью отца и причина тому, какъ кажется, заключается въ нѣкоторой излишней прямотѣ и рѣзкости его характера, благодаря которой онъ, минуя утонченно-вѣжливые приемы и восточно дипломатические „подходцы“ рѣчи, не стесняется иногда съ нѣсколько грубою откровенностью выскакивать своему отцу голую и не всегда пріятную для послѣдняго правду. Быть можетъ вслѣдствіе этого эмиръ показываетъ ему холодность и даже настолько, что проѣздомъ въ Шахрисебсь никогда въ Чиракчи не заѣзжаетъ. Вногодѣствіи князь Витгенштейнъ исполнилъ свое обѣщаніе, и при подходящемъ случаѣ замолвилъ эмиру доброе слово о тюря-джанѣ, но поправило ли это отношенія послѣдняго къ отцу — не знаю.

29 декабря.

Выступили изъ Чиракчи въ десятомъ часу утра. Намъ предшествовали конники въ баранныхъ шапкахъ, съ длинными тонкими тростями, заткнутыми подъ халатомъ за поясъ и торчавшими высоко вверхъ изъ-за пазухи. Это были эсаулы-баши, докладчики бековъ. Каждый бекъ имѣетъ такихъ по два человѣка и должность ихъ заключается въ исполненіи от-

части полицейскихъ, отчасти ординарческихъ обязанностей, въ докладѣ бекамъ поданныхъ прошений и въ передачѣ ихъ приказаний.

Непосредственно за частью казачьяго конвоя, слѣдовавшею позади посольскаго экипажа,ѣхали въ моемъ тарантасѣ бекъ бальджуанскій, бекъ дарвазскій и Шарауль-Массумъ миранхуръ. Послѣднему, полагаю, было не особенно удобно, за отсутствіемъ въ тарантасѣ передняго сидѣнья, примащиваться кое-какъ на насконо устроенному для него сидѣніи изъ лишняго платья и подушекъ. За тарантасомъ этихъ сановниковъ слѣдовали два казака въ почетномъ конвой, затѣмъ въ коляскѣ князя єхали токсаба Рахметь-Улла съ хорунжимъ Карамурзаемъ, тоже сопровождаемые двумя казаками; далѣе — въ эмирскомъ экипажѣ маиръ Байтоковъ съ докторомъ, и прочіе экипажи посольства, за коими въ замкѣ остальная часть казачьяго конвоя.

На выѣздѣ изъ города поѣздъ нашъ прослѣдовалъ мимо человѣкъ двадцати какихъ-то всадниковъ съ саблями, вѣроатно, мѣстныхъ городскихъ чиновниковъ, одѣтыхъ въ парчевые халаты и выстроенныхъ въ одну шеренгу. Всадники эти, стоя на мѣстѣ, отдавали посольству честь, приложивъ къ чалму, якобы „подъ козырекъ“, правую руку и затѣмъ, пропустивъ мимо себя весь поѣздъ, гурьбой повернули назадъ въ городъ.

Дорога отъ Чиракчи до Шаара идетъ по равнинѣ, гдѣ на разстояніи около версты слѣва видныются самыя ничтожныя возвышенности, тинущіяся въ родѣ какого-то вала. За то справа, верстахъ въ двадцати пяти, грандиозно высятся снѣжные хребты Ярчаклы и Хазретъ-Султанъ (послѣдній въ 15,000 футовъ высоты), съ особенно выдающимися вершинами Амма-Хронъ, Ташъ-Рабатъ, Ташъ-Курганъ и Хромъ-Тахти; а позади, за ихъ стѣной, въ дальнѣй перспективѣ, хребетъ Ханъ-Тахта гордо и грозно вздымаєтъ въ небеса свои отвесно-скалистые, скѣркающія лѣдомъ и спѣгомъ темно-сизыя кручи.

Вся долина Кашка-Дарьи усыана курганами, которые боль-

шюю частью относятся къ числу могильныхъ, то есть имѣютъ въ основаніи своеи либо круглую, либо элипсоидальную форму, при высотѣ отъ одной до трехъ саженъ. Но изрѣдка попадаются и боевые курганы, въ особяности ближе къ Шаару.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дороги видѣлось нѣсколько разсѣянныхъ по равнинѣ кишлаковъ съ фруктовыми садами и чинаровыми рощами. То были селенія Карслутъ, Маухине, Тизобкентъ и другіе. Аллеи тополей и рослого тала осѣняли прилегающіе къ этимъ селеніямъ арыки. Мѣстность довольно оживленная. На встрѣчу намъ попадалось множество чалмоносныхъ всадниковъ, направлявшихся отъ окрестныхъ селеній къ Чиракчи. Жхали они большою частью группами отъ восьми до десяти человѣкъ и не безъ оружія. У иныхъ висѣли за плечомъ фитильные „мултуки“¹⁾, у другихъ охотничьи двухстволки, видимо тульской работы, а одного встрѣтили мы даже съ берданкой. Сегодня въ Чиракчи базарный день, поэтому туда и направляется вся эта публика — одни їдутъ купить себѣ что либо, другие просто ради „томаші“, па людей посмотреть и себя показать, а при подходящемъ случаѣ пожалуй промѣнять или продать свою лошадь.

Пройхавъ большимъ шагомъ два таша (16 верстъ), мы пересѣкли въ бродъ два рукава рѣчки Тизобкентъ (иначе Чизобъ-Кинди), впадающей въ Кашка-Дарью и отдѣляющей территорію Шахрисебса отъ Чиракчинского бекства.

Не доехавъ около полутора верстъ до предмѣстія Шаара, шагахъ въ восьмистахъ отъ дороги вправо видѣются остатки земляныхъ окоповъ, гдѣ на выступающихъ углахъ выдаются впередъ круглые бугры, служившіе нѣкогда основаніемъ башенъ. По объясненію Рахметъ-Уллы, это остатки шаарскаго кремля временъ предшествовавшихъ Тимуру. Тамъ и лежатъ видны еще слѣды многихъ строеній.

Вскорѣ вѣхали мы въ Шаарское предмѣстіе Кара-ходжа,

¹⁾ Средне-азіатское ружье на развилкахъ, втыкаемыхъ въ землю для большей вѣрности прицѣливанія.

окруженное развалинами древней глинобитной стѣны и наполненное садами. Здѣсь, прослѣдовавъ по нѣсколькимъ узкимъ, закоулочнымъ улицамъ, въ одной изъ которыхъ на поперечномъ арыкѣ крякнула и сломался шкворневый кругъ въ нашей коляскѣ, мы взобрались по крутоватому подъему къ воротамъ одного изъ старыхъ шаарскихъ укрѣплений, называемаго Уртѣ-кургапомъ.

Тутъ, на высокомъ насыпномъ курганѣ, на мѣстѣ древней цитадели (урта или урда), нынѣшній эмиръ построилъ лѣтній домъ съ широкимъ крытымъ балкономъ, съ которого открывается прекрасный видъ на сады предмѣстія, на равнину, усеянную кишлаками и курганами, и на высокія свѣжныя горы. Въ этомъ домѣ постоянно живетъ амлакдаръ¹⁾, обязанный поддерживать въ немъ порядокъ, такъ какъ здѣсь обыкновенно останавливается на отдыхѣ, а иногда и на почлегъ самъ эмиръ, во время своихъ поездокъ изъ Бухары въ Шааръ и обратно. Въ виду такого назначенія этого дома, внутри его дворовъ находится достаточное число помѣщений для семейства и свиты его высокостепенства.

Насъ ввели въ довольно просторную залу въ два свѣта²⁾, съ высокимъ потолкомъ и парою дверей, выходящихъ на поганутый выше балконъ. Полъ этой залы сплошь былъ устланъ двумя богатыми длинными коврами каршинского производ-

¹⁾ Окружной сборщикъ поземельной подати хараджа и танана.

²⁾ Если и впредь будетъ встрѣчаться выраженіе „въ два свѣта“, то подъ нимъ всегда надо разумѣть нижнія окна (кои суть въ то же время и двери, выходящія на террасу съ сѣверной, сѣверо-восточной или же съ сѣверо-западной стороны) и соответственный имъ рядъ верхніхъ оконъ въ той же стѣнѣ. Эти послѣднія, почти всегда при одинаковой ширинѣ съ нижними, никогда не бываютъ равномѣрной съ ними длины, а всегда либо на половину, либо на дѣлъ трети ниже и иногда заканчиваются вверху стрѣльчатымъ сводомъ, будучи всегда снабжены либо рѣзною деревянною, либо узорчато-ажурною гипсовою рѣшеткою безъ стеколъ, которая на зиму въ иныхъ случаяхъ затягивается коленкоромъ или тонкою бумагой, въ родѣ китайской. Нижнія окна-двери всегда имѣютъ двусторчатая деревянная ставни, украшенныя рельефною рѣзьбой.

ства, а въ глубинѣ ея, между балконными дверями, стояла широкая софа, покрытая шелковыми одѣялами и бархатными мутаками¹⁾. Въ стѣнахъ, кромѣ той, что спабжена окнами, подѣлано много высокихъ нишъ стрѣльчатой формы. По средѣпѣ комнаты, предъ софой, по обыкновенію; накрытъ былъ столъ, уставленный разнообразнѣйшимъ достарханомъ, начиная отъ изысканѣйшихъ лакомствъ мѣстного производства до московскихъ мармеладовъ, бисквитъ и сахарныхъ печень; прекрасные свѣжіе и засахаренные фрукты, виноградъ, разнообразные орѣхи, шербеты, варенья, компоты, взбитыя слизки, взбитые бѣлки, и чего-чего тутъ только не было! Всего не перечесть и не вспомнить. Фарфоровая посуда и столовое серебро были исключительно русскихъ фабрикъ. Вокругъ стола стояли кресла, вѣнскіе стулья и обитые краснымъ кумачемъ зеленые табуреты.

Когда мы разсѣлись за этимъ столомъ, старшему послу доложили, что Остана-Куль перваначи²⁾, одинъ изъ приближенѣйшихъ царедворцевъ эмира, высланный его высокостепенствомъ на встрѣчу посольству, просить позволенія представиться. О томъ, что перваначи будетъ ожидать посольство въ Урта-курганѣ, посолъ уже былъ предувѣдомленъ Рахметъ-Уллою, къ которому съ этимъ извѣстіемъ, еще на пути сюда, прискакалъ нарочный.

Князь Витгенштейнъ послѣдній изъявилъ готовность сей-часъ же принять почтенѣйшаго перваначи,— и въ ту же минуту вошелъ къ намъ благообразный и дородный мужчина хорошаго средняго роста, лѣтъ за пятьдесятъ, въ богатомъ

¹⁾ Подушкы-валаны.

²⁾ Перваначи или ляруалачи въ военномъ смыслѣ равняется полному генералу. Обязанность его, между прочимъ, состоитъ въ объявлении чина получившему оный и въ затыканіи эмирскаго ярлыка за чалму его. Въ энѣ перваначи могутъ быть повышаемы только лица принадлежащія къ сословію ругъ-даръ, то есть родовитыхъ узбековъ, предки коихъ называли себя постоянной службой и усердіемъ бухарскимъ эмирамъ.

халатѣ, расшитомъ золотою и серебряною битью по темно-малиновому бархату. Затканая золотомъ бѣлая чалма и красивая хорасанская сабля дополняли его роскошный нарядъ. Вошелъ онъ свободною походкой, съ привѣтливою улыбкой въ лицѣ,— и во всей фигурѣ, во всемъ характерѣ его наружности какъ-то сразу сказывалось, что человѣкъ этотъ не только уменъ, но и знаетъ себѣ цѣну.

Началъ онъ рѣчь съ изъясненія, что посланъ высокостепеннымъ своимъ новелителемъ привѣтствовать отъ его лица высокихъ представителей Россіи, такъ какъ его высокостепенство очень озабоченъ узнать поскорѣе, все ли мы въ добромъ здоровьѣ и хорошо ли довезли насъ и достаточно ли заботились о насъ во время путешествія по его владѣніямъ.

На всѣ эти вопросы, конечно, послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ въ наилучшемъ смыслѣ, съ добавленіемъ, что мы очень рады познакомиться съ достопочтенѣйшимъ перваначи и надѣемся, что наше съ нимъ знакомство не ограничится лишь настоящимъ официальнымъ свиданіемъ.

При этомъ князь предложилъ ему садиться, и перваначи занялъ первое мѣсто, въ креслѣ по правую его руку.

Въ то же время на улицѣ раздались звуки баражановъ и кавалерийскихъ трубъ, игравшихъ пѣчто въ родѣ нашего „похода“.

Токсаба объяснилъ, что это почетный конвой, присланный высокостепеннымъ эмиромъ для сопровожденія посольства, отдаетъ должную по уставу воинскую честь только что прибывшему Али-Мадату топчи-бashi¹⁾, и музыканты играютъ ему „встрѣчу“.

Минуты двѣ спустя послѣдовалъ докладъ, что топчи-бashi просить позволенія представиться главѣ русского посольства, и вслѣдъ затѣмъ въ залу вошелъ худощавый мужчина лѣтъ пятидесяти, съ лицомъ персидскаго типа, въ довольно высо-

¹⁾ Топчи-бashi — начальникъ артиллеріи бухарской арміи.

кой бобровой шапкѣ и въ темно-фиолетовомъ бархатномъ сюртукѣ мундирного персидского покроя. Рукава, грудь и полы его были украшены серебрянымъ шитьемъ, изображавшимъ длинные листья лилій; вдоль груди шли два ряда (по шести) гладкихъ мѣдныхъ пуговицъ; на плечахъ — серебряные витые эполеты со штабъ-офицерскими кистями; на поясной серебрлной портулевѣ висѣла богатая кривая сабля въ золотыхъ ножнахъ, украшенныхъ бирюзой и сердоликами. Отрекомендовавшись князю, топчи-бashi заявилъ, что присланъ своимъ высокимъ повелителемъ сопровождать посольство при вѣзѣ въ Шааръ во главѣ почетнаго гвардейскаго конвоя.

Подали чай — членамъ посольства въ стаканахъ, вставленныхъ въ серебряные подстаканники русской чеканной работы, а бухарскимъ сановникамъ — въ китайскихъ фарфоровыхъ чащахъ безъ ушковъ и блюдечекъ, по мѣстному обыкновенію.

Занявъ второе мѣсто (подлѣ перваначи), топчи-бashi заявилъ, что высокостепенный эмиръ соизволилъ назначить намъ въ конвой сорокъ одного офицера изъ числа ротныхъ командировъ и двѣсти амальдоровъ, отборныхъ гвардейскихъ всадниковъ, въ чинѣ чора-бashi (подпрапорщиковъ), а при нихъ военный хоръ изъ дѣдцати музыкантовъ. При этомъ топчи-бashi со скромною улыбкой прибавилъ, что, конечно, это не то, что русская армія; что мы, безо всякаго сомнѣнія, привыкли къ виду далеко не такихъ войскъ, но... это-де все что есть у насъ лучшаго.

Князь послѣшилъ завѣрить его, что напротивъ, насколько онъ, князь, до сихъ поръ слышалъ о бухарскихъ войскахъ, вѣдь и всегда отзывались о нихъ съ большими похвалами, и что теперь, слыша звуки ихъ музыки, онъ выражаетъ полную свою увѣренность, что войска бухарскія всегда будутъ достойными соратниками войскъ русскихъ, если Богъ сведетъ ихъ противъ какого-либо общаго врага, — потому что враги у насъ могутъ быть только общіе, — но что никогда и ни въ какомъ случаѣ, конечно, русскія и бухарскія войска не встрѣтятся болѣе другъ противъ друга.

Этотъ отвѣтъ очень понравился всѣмъ присутствовавшимъ бухарцамъ, видимо произведя на нихъ наиболѣе ускокительное впечатлѣніе, не говоря уже о томъ, что онъ пріятно щекоталъ ихъ самолюбіе.

Допивъ свой чай, бухарскіе сановники вѣжливо поднялись съ мѣста, и въ лицѣ перваначи заявили, что не смытъ насъ долѣе безпоконть, такъ какъ мы, безъ сомнѣнія, хотимъ съ дороги закусить и пѣсколько отдохнуть; но что потомъ, когда намъ пожелается продолжать путь, они въ полномъ своемъ составѣ будуть къ нашимъ услугамъ.

И затѣмъ сановники очень любезно отклавались.

Воспользовавшись ихъ уходомъ, мы вышли на балконъ, чтобы взглянуть на амальдоровъ, и сверхъ всякаго ожиданія намъ представилось зрѣлище довольно красивое. У подошвы кургана, прямо предъ воротами старой цитадели, стояли выстроившись конные музыканты въ зеленыхъ мундирахъ и высокихъ барабашковыхъ шапкахъ. Между ними уморительны были только торчавшіе впереди всѣхъ два турецкія барабана, приспособленные какимъ-то образомъ поочерѣдъ сѣдла, такъ что барабанщикамъ приходилось сидѣть уже не въ сѣдлѣ, а на крупахъ своихъ лошадей. Изъ-за массивныхъ барабановъ едва лишь выглядывали ихъ островерхія шапки, да растопыренныя руки. Позади музыкантовъ стояла конная толпа офицеровъ, одѣтыхъ въ форменные чекмени, съ галунами и газырями на груди, покроемъ въ родѣ чашихъ конно-иррегулярныхъ казацкихъ. На всѣхъ красовались серебряные кованые эполеты русскаго образца со штабъ-офицерскими кистями. Въ цвѣтѣ этихъ мундировъ замѣчалась нѣкоторая нестрота: у однихъ черные, у другихъ темно-синіе, у тѣхъ красные, у этихъ бирюзовыя, зеленые, гороховые, сѣрые, чemu соотвѣтствовалъ и цвѣтъ тулы на высокихъ островерхихъ шапкахъ изъ черной мерлушкіи. Подъ всѣми были хорошия верховныя лошади, отличавшіяся, богатствомъ уборовъ, гдѣ не было недостатка въ набориоумъ серебрѣ, бирюзѣ, шелковыхъ кистяхъ и расшитыкъ блестками бархатныхъ попонахъ.

Позади, подъ прямымъ угломъ къ этой красивой группѣ, стояли два эскадрона амальдоровъ на легкихъ лошадахъ, преимущественно изъ породы карабагировъ. Эскадроны двухъ-шереножного строя съ замыкающими унтеръ-офицерами, подобно нашему, были выстроены въ дивизіонную колонну справа, и равненіе ихъ отличалось полной безукоризненностью. Карабины свои они держали въ правой руцѣ „на изготовку“, уперевъ пятку приклада въ бедро и наклонивъ конецъ дула впередъ, совершило такъ же, какъ держали у насъ свои винтовки горцы императорскаго конвоя. На правомъ флангѣ колонны были выстроены въ двѣ шеренги восемь трубачей въ зеленыхъ чекменяхъ и желтыхъ чебарахъ. Въ рядахъ же люди были одѣты въ белые чекмы съ алыми воротниками, погонами и нагрудными карманчиками; на ногахъ аллы чебары, заправленны въ голенища высокихъ сапоговъ нашего же военного образца; головной уборъ — баранья шапка такой же формы, какъ и у офицеровъ, съ алою тульей. Чтò же до вооруженія, то увы! — оно далеко не блестало не только единообразіемъ, но и исправностию. При помощи бинокля я разгляделъ, что большинство, въ особенности въ переднихъ шеренгахъ и въ замкѣ, было вооружено пистонными карабинами и въ заднихъ шеренгахъ попадались и кремневые, даже чуть ли не было фитильныхъ: что-то ужъ очень на нихъ смахивали мелькавшія кое-гдѣ огнестрѣльныя дубинки, ярко выкрашенныя сурикомъ. Одни изъ карабиновъ были длиннѣе, другіе короче; высовывались и просто длинныя семилинейныя ружья. Словомъ, тутъ былъ коллектированъ всякий арсенальный хламъ, случайно добытый съ разныхъ сторонъ и въ разное время. Замки на ружьяхъ тоже далеко не все въ исправности: виднѣлись и такие, что держались на своемъ мѣстѣ лишь при помощи ремешка или бичевки. Не было единобразія и въ холодномъ оружіи (каждый амальдоръ, кроме карабина, вооруженъ еще и саблей), между коимъ на половину встрѣчались кривые афганскіе и хорасанскіе клинки, на половину кличи, да попадались у иныхъ и англійскія, и русскія пѣхот-

ны, и кавалерійскія сабли, и казачьи шашки. Въ этомъ отношеніи всікъ молодецъ былъ на свой образецъ. Но единообразій нарядъ амальдоровъ, издали казавшійся очень красивымъ, ихъ прекрасная легкая лошадки съ огонькомъ и эта стройность равненія производили на первый взглядъ очень благоприятное военное впечатлѣніе, и тѣмъ досаднѣе было глядѣть на такое безобразно сбродное вооруженіе отборной гвардіи бухарской владыки. Впрочемъ, какъ картинка, съ художественной точки зрѣнія, въ общемъ все это являлось весьма красивымъ. Жаль только, что такому зрѣлищу не соответствовала погода: мелкій непрерывный дождь, начавшийся незадолго до прибытія нашего въ Урта-курганъ, немилосердно почилъ этихъ парядныхъ всадниковъ.

Вернувшись съ балкона въ залу, видимъ мы, что бухарскіе джигиты одинъ за другимъ таскаютъ къ памъ всякихъ достархана цѣлые вороха и горой наваленные подносы, которыми уже сплошь заставили цѣлый уголъ залы аршинъ въ семь длиной, да въ четыре шириной. Но увы, все это разные сладости, печенья да фрукты, а существеннаго, то есть обѣщаннаго завтрака все нѣтъ какъ нѣтъ. А есть между тѣмъ уже и очень-таки хочется.

— Когда же, наконецъ, завтракъ? Чего это они тамъ замышкались?

На это нашъ Асланбекъ заявляетъ, что завтракъ уже давно-давно готовъ, еще съ тѣхъ поръ, какъ только что мы сюда приѣхали.

— Такъ зачѣмъ же не подаютъ?

— Ожидаютъ, когда вашей свѣтлости угодно будетъ приказать. Дѣло только за вами.

— Да быть не можетъ! удивился князь.

— Могу васъ увѣритъ; я самъ слышалъ распоряженіе токсабы.

Хорошо, что выяснилось въ чемъ дѣло, а то мы, по недоразумѣнію, и Богъ вѣсть сколько времени заставили бы ихъ

прождать, между тѣмъ какъ тѣ, бѣдняки, стоять подъ дождемъ да мокнуть.

Чрезъ минуту джигиты внесли изобильный завтракъ: прекрасный бульонъ съ кореньями и мелкими говяжими катышками (фрикадель); паровой пловъ по-персидски, гарнированный молодою ягнятиной, курами, горными куропатками и фазанами; говяжы рубленыя котлеты по-персидски, на видъ въ родѣ польскихъ зразъ, изъ которыхъ каждая облѣпляетъ со всѣхъ сторонъ сваренное въ-крутую яйцо; каурдачъ, жареный барашекъ и еще, и еще, и еще что-то, чего ни съѣсть, ни перечислить! А въ заключеніе—зеленый чай. Наши почетные провожатые, сановники и всѣ офицеры эскорта въ это же время завтракали въ особомъ помѣщеніи.

Окончивъ эту черезчуръ уже изобильную трапезу, мы, согласно требованіямъ мѣстного этикета, выждали столько времени, сколько заранѣе было условлено съ Рахметъ-Уллой, то есть ровно часъ, и въ часъ по полудни стали облекаться въ свои дорожные костюмы. Въ это время трубачи на улицѣ заиграли „сборъ“, и когда мы вышли изъ воротъ къ экипажамъ, то нашъ почетный эскортъ уже успѣлъ растянуться шпалерой въ одну ширенгу вдоль пути справа. На лѣвомъ, ближайшемъ къ намъ, флангѣ сталъ хоръ музыкантовъ, затѣмъ корпусъ офицеровъ и, наконецъ, амальдоры. При полвленіи посольства раздалась команда топчи-бashi, по которой трубачи заиграли „встрѣчу“, а офицеры, бывшіе въ строю, отсалютовали саблями совершенно такъ же, какъ и у насъ; ротные же командиры, въ числѣ сорока одного человѣка, взяли, какъ говорится, „подъ козырекъ“, хотя у нихъ козырковъ и не полагается. Пройзная мимо, князь, въ свою очередь, отвѣталъ имъ отданіемъ чести, и тутъ мы замѣтили на нѣкоторыхъ изъ нихъ ордена: персидскій „Льва и Солнца“ и еще какія-то мусульманскія звѣзды. Можетъ статься, то были знаки новаго ордена „Восходящей звѣзды Бухары“.

Поѣзду нашему предшествовала цѣлая кавалькада пестрыхъ джигитовъ и десятка два эсаулъ-башей, въ бараньихъ шап-

кахъ и красныхъ чекменяхъ, съ высоко торчавшими изъ-за пояса тростями. То были ордиарды перваначи, топчи-бashi и вчерашнихъ бековъ. Въ первомъ экипажѣѣ хали оба послы, за ними часть казачьяго конвоя; затѣмъ въ коляскѣ князя сидѣль перваначи, а остальные слѣдовали верхами. Поѣздъ замыкался хоромъ музыкантовъ, кавалькадою ротныхъ командировъ и, наконецъ, дивизіономъ амальдоровъ въ колоннѣ справа по шести. Музыканты все время играли разныя восточные мелодіи, изъ коихъ нѣкоторыя не лишены были своеобразной красоты и пріятности, хотя, конечно, все это игралось въ унисонъ, ибо азіатская музыка, какъ известно, не знаеть гармонизаціи. Между прочимъ, въ числѣ этихъ мелодій попалась намъ и старая знакомая, обработанная Іоганномъ Штраусомъ, въ его известномъ „Персидскомъ маршѣ“; только здѣсь она явилась въ своемъ естественномъ видѣ, безъ прикрасъ европейской аранжировки, и нельзя сказать, чтобы отъ этого потеряла особенно много. Хоръ состоялъ изъ трубачей (кайнарчи), кларнетистовъ (сурнайчи), флейтистовъ (балабончи) и барабанщиковъ (нагорачи). У первыхъ были обыкновенныя сигнальныя трубы; инструментъ же вторыхъ—сурнай, собственно говоря, есть не совсѣмъ кларнетъ въ европейскомъ родѣ, а скорѣе дудка съ переборами, издающія нѣсколько рѣзкіе, но яснаго тона звуки. У нея имѣется особаго устройства деревянный амбушюръ, выточенный въ видѣ челночка и насаженный на тростинку, которая вставляется въ дудку; челночекъ во время игры плотно приставляется къ губамъ музыканта, совсѣмъ покрывая ихъ собою, и чтобы извлечь посредствомъ его изъ инструмента музикальный звукъ, надо дуть въ тростинку очень сильно, что есть мочи, насколько можно судить о томъ на глазъ по крайней степени напряженія надутыхъ щекъ музыкантовъ. Третій инструментъ—балабонъ, есть не что иное какъ чеканъ съ переборами и клапанами, сдѣланный изъ латуни и какъ по конструкціи, такъ и по характеру звуковъ довольно близко подходящій къ своему европейскому собрату. Что же до бара-

бановъ — нагорѣ, то тутъ были всякие: и турецкіе, и обыкновенные, длинные и короткіе, мѣдные и лубковые, и всѣ они составляли неизмѣнныи, но черезчуръ уже громкій акомпаниментъ ко всякой піесѣ.

Музыканты чередовались между собою, какъ у насъ гарнисты и хоръ. Въ первой очереди играли трубачи, во второй — сурны и балабоны, но злосчастнымъ нагорачамъ приходилось работать на своихъ барабанахъ и съ тѣми, и съ другими, безъ передышки.

Шесть верстъ хали мы медлительнымъ шагомъ садами предмѣстья, которое состоитъ изъ двухъ якобы городовъ — Урта-кургана и Шемотана, разграниченныхъ между собою только обыкновеннымъ арыкомъ. Но эти города хотя и имѣютъ каждый свою особую администрацію, въ сущности не болѣе какъ два участка одного и того же пригорода¹⁾. Точно такимъ же пригородомъ соединяется и городъ Шааръ съ городомъ Китабомъ, имѣющимъ свою особую городскую стѣну и цитадель, а все это выѣстъ, окруженнное нѣкогда одною общею стѣной, остатки коей сохраняются и понынѣ, составляеть то, что называется Шахрисебсомъ — „зеленымъ городомъ“, который съ прилежащими къ нему землями и кишлаками (всего приблизительно около 40 квадратныхъ миль) пользовался до вынѣшняго эмира правами особаго полуавтономнаго владѣнія, часто бунтовался и вѣль ивогда даже войны съ Бухарой.

Въ исторіи Средней Азіи Шахрисебсъ знаменитъ, какъ родина и наследственный удѣль Тимурленга.

¹⁾ Каждый городъ, по средне-азіатскимъ установлениямъ, сколько бы ни былъ онъ незначителенъ самъ по себѣ, обязательно долженъ иметь цитадель (акръ, урда) и кроме того глиняную стѣну. Все, что соединено въ предѣлахъ этой стѣны называется городомъ, а что выѣтъ ея, то — предмѣстья. Сверхъ того въ городѣ обязательно должны быть три мечети, изъ коихъ одна, главная, должна выѣщать въ себѣ все населеніе даннаго города и называется она джума или джамъ; въ ней обязательно совершается по пятницамъ чтеніе намазъ-джума.

Наконецъ приблизились мы къ высокой глиняной стѣнѣ съ зубчатыми бойницами, окружающей городъ Шааръ, и въѣхали въ одинъ изъ ея воротъ, называемыя Чираксинскими (Дарвазли Чиракчи). Ворота эти представляютъ собою двѣ круглые, усѣченно-конические башни, построенные изъ жженаго кирпича и соединенныя между собою въ верхней своей части промежуточною надстройкою съ узкими окнами, приспособленными къ оборонѣ подворотнаго пролета. Непосредственно за стѣной начинаются лавки одного изъ городскихъ базаровъ, чайные дома (чайна-хане), оштанныя курильни (кукваръ-хане) и съѣстныя заведенія, гдѣ на воздухѣ и варять, и пекутъ, и жарятъ, отчего на весь околотокъ распространяется смрадный чадъ кундуктнаго масла.

Несмотря на дождь, по сторонамъ улицъ и въ лавкахъ толпились массы зрителей, но то были исключительно мужчины. Изрѣдка лишь показывались кое-гдѣ у дверей дѣвочки отъ семи до девятилѣтняго возраста, но не старше; женщинъ же взрослыхъ вовсе не было среди этой толпы. Ихъ можно было замѣтить лишь за рѣшетками рѣдкихъ оконъ или въ глубинѣ темныхъ сѣней, по инымъ ухитрялись-таки украдкой выглядывать иногда въ полглаза изъ-за забора, да и то не иначе, какъ въ почтительномъ отдаленіи. Это, какъ видно, совсѣмъ не то, что наши ташкентскія сартянки, уже поприѣкшія къ русскимъ: тѣ въ подобныхъ случаяхъ общественной томации унизываютъ всѣ плоскія кровли своихъ домовъ и толпятся въ дверяхъ и даже па улицахъ, а которая хорошенькая, такъ возьметъ еще да будто бы нечаянно, забывшись, и отведеть съ лица свой „чимѣтъ“ и раздвинетъ полы „паранджи“¹⁾ — „на моль, кяфиръ, полюбуйся!“

Музыканты, чередуясь между собою, не переставали играть

¹⁾ Чимѣтъ — сѣтка изъ конского волоса, покрывающая лицо женщины. а паранджи — длинный, почти до земли, женскій халатъ, преимущественно синяго цвѣта, надеваемый на голову, безъ котораго ни одна сартянка не выйдетъ на улицу.

все время, пока мы хали по городскимъ улицамъ, и громкие звуки ихъ инструментовъ видимо привлекали на путь нашего слѣдованія все новыхъ и новыхъ любопытныхъ зрителей. Поэтому двигаться впередъ съ каждою минутой становилось затруднительнѣе, тѣмъ болѣе, что толпы мальчишекъ, заглѣдывая памъ въ лицо и рискуя при этомъ попасть подъ лошадей или подъ колесо, гурьбами бѣжали въ пріпрыжку со всѣхъ сторонъ рядомъ съ нашимъ экипажемъ. Словомъ, вышла „балшой томаша“, какъ говорятъ наши ташкентскіе сарты.

По такимъ улицамъ, гдѣ развороченные камни представляли собой яко бы мостовую, заставлявшую насъ въ экипажѣ испытывать жесточайшую тряску, привезли наконецъ наше посольство въ кварталъ Таки-Чинаръ, получившій свое название отъ древнаго и очень красиваго платана, произрастающаго въ центрѣ квартала. Это дерево оказалось какъ разъ за глино-битнымъ заборомъ отведенного намъ дома, такъ что его могучія раскидистыя вѣтви осѣняли и часть нашего двора. Помѣстили насъ въ посольскомъ домѣ (михманъ-ханѣ), который обыкновенно отводится подъ русскихъ гостей и посольства, когда таковыя приѣзжаютъ въ Шаарѣ.

Съ азіатской точки зрѣнія михманъ-ханѣ представляетъ достаточно комфорта и простора. Въ переднемъ или наружномъ дворѣ его (ташкери) помѣщается все, что относится къ мужскому хозяйству, какъ-то: конюшни, сараи, сѣновалы, амбары и мужская приемная, то есть то, что на Кавказѣ называется „кунацкая“. Во второмъ смежномъ дворѣ слѣва — кухни и сакли для прислузы, а также голубятни, курятникъ, сушильни для винограда, погребъ для зимнихъ запасовъ дынь, арбузовъ и разныхъ фруктовъ, — словомъ, это дворъ домохозяйствен-ный. Въ третьемъ или внутреннемъ дворѣ (ишкери) находятся чистыя помѣщенія, служащія обыкновенно для гарема, а въ заднемъ задворкѣ отведено място подъ складъ топлива и вообще для разнаго годнаго и негоднаго хозяйственнаго хлама. Ишкери со всѣхъ четырехъ сторонъ, кроме прохода ведущаго

въ наружный дворъ, обнесенъ широкими террасами, выпшиною около аршина, гдѣ въ лѣтнєе время разбиваются цветныя пазухи, а внутренняя часть его занята квадратнымъ прудкомъ (хаузъ), который, въ случаѣ надобности, наполняется водой изъ протекающаго черезъ дворъ арыка.

Наружныя ворота, ведущія съ улицы въ ташкери, образуютъ крытый проходъ, въ родѣ коридора, который съ половины своей длины заворачиваетъ во дворъ подъ прямымъ угломъ или, какъ говорится, „глаголемъ“ (Г) для того чтобы ничей посторонній нескромный глазъ не могъ, хотя бы даже случайно, подглядѣть съ улицы что у васъ дѣлается въ домѣ¹⁾. По всей длинѣ подворотнаго прохода тянутся вдоль стѣнъ глинибітныя скамейки, надъ которыми продѣланы довольно углубленныя ниши, служащія мястомъ почлега для караульныхъ сарбасовъ (солдатъ), такъ какъ здѣсь, подъ воротами, обыкновенно располагается почетный караулъ при офицерѣ, отбывающій свою очередь безсмѣшино, на все время пребыванія посольства въ Шаарѣ.

При вѣздаѣ напечь во дворъ, этотъ караулъ былъ выстроенъ на улицѣ у воротъ и, признаюсь, насъ очень удивило, когда его начальникъ, персиянинъ, весьма отчетливо скомандовалъ по-русски: „Смирно! на яле-чо!.. Слушай, на кра-уль!“ Но впослѣдствіи оказалось, что въ бухарскихъ войскахъ принято вся главнѣйшая командная слова произносить по-русски.

¹⁾ Такой способъ постройки наружныхъ входовъ принятъ въ среднезадѣтскихъ городахъ повсемѣстно, будучи освященъ стародавнимъ обычаемъ, имѣнно ради неприкосновенности домашнаго быта, которая уважается всѣми настолько, что ни одинъ обыватель никогда не позволитъ себѣ заглянуть черезъ заборъ или съ кровли своей сакли въ сосѣдскій дворъ, почитая это не только за верхъ неприличія, но и за дѣланіе прямо оскорбительное для сосѣда, за которое тогъ можетъ притянуть оскорбителя къ суду. Впрочемъ, правило это не касается женщинъ, которыхъ зачастую пользуются кровлями для разговора или перебранки съсосѣдками, если во дворѣ на эту пору нѣть ни одного мужчины.

Комнаты, отведенныя для посольства, отличались нѣкоторыми приспособленіями, видимо имѣвшими цѣль приблизить ихъ къ условіямъ той жизни, къ какой мы привыкли у себя дома. Такъ, въ каждой изъ нихъ стояло по одной маленькой переносной печкѣ изъ листового желѣза; верхнія окна затянуты были коленкоромъ, а въ нижнія вставлены тоненькия стекольчатыя рамы, чѣмъ, впрочемъ, никакъ не мѣшало холдному воздуху пропускать къ намъ извѣзъ сквозь ихъ незамазанныя щели; стѣны, вмѣсто обоевъ, были сплошь обиты ярко-цвѣтнымъ московскимъ ситцемъ съ такими оригиналными и красивыми рисунками, какихъ вы никогда не увидите въ Россіи, такъ какъ эти специальные сорты ситцевъ изготавливаются нѣкоторыми нашими фабриками исключительно для средне-азіатскихъ рынковъ; глиняные полы были сплошь застланы коврами: словомъ сказать, на всемъ замѣчалась забота придать этому помѣщенію какъ можно болѣе удобства и уютности. Въ приемной комнатѣ стоялъ изобильный достарханъ, перемѣнявшись потомъ чуть не каждое утро, и такъ какъ въ ней пришлось помѣститься князю, то она, по его выраженію, обратилась въ кондитерскую лавку, которая привлекала къ своимъ сластямъ множество мухъ, пробужденныхъ отъ зимняго оцѣненія, благодаря исправной толкѣ желѣзной печи. Это являлось очень большимъ неудобствомъ, но... ради этикета невозможно было отказаться отъ ежедневно подновляемаго достархана или приказать вынести его куда либо въ другое мѣсто: онъ неукоснительно долженъ былъ оставаться въ комнатѣ главнаго посла во все время пребыванія посольства въ этомъ городѣ.

Сопровождавшіе насъ сановники, введя посольство въ домъ, ради этикета разсыпались съ нами вокругъ достархана, но черезъ минуту послѣшли откланяться, отговариваясь тѣмъ, что послѣ такого утомительного пути дорогимъ гостямъ ихъ повелителя прежде всего нужно полное отдохновеніе.

Но на дѣлѣ отдохновеніе настало для насъ еще не скоро: не успѣли сановники удалиться со внутренняго двора, какъ

процессія джигитовъ, по вчерашнему, гуськомъ, уже направилась съ кухоннаго двора въ нашу приемную съ дымящимися блюдами, и двое приставовъ съ почтительною любезностью пригласили насъ откушать. Этикетъ на Востокѣ — прежде всего, и ради этикета сколько бы вы ни были сыты, но отказаться отъ ъѣды не имѣете права, а иначе покажете себя большой руки невѣжей. Но ъѣсть надо не скоро, не торопясь, а такъ сказать „съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой“, потому что быстрая ъѣда, все равно какъ и громкий разговоръ, опять-таки невѣжество, нарушение этикета. Здѣсь все надо дѣлать не торопясь, съ подобающею важностью и достоинствомъ. На этотъ разъ въ шепи обѣда фигурировали главнѣйшимъ образомъ разнообразные супы и похлебки: супъ съ фрикаделью, супъ съ капустой, супъ съ кореньями, пельмени въ бульонѣ, лапша, бульонъ говяжій, бульонъ куриный, шурпа изъ баранины, разварная ягнятина съ соусомъ изъ сметаны съ чеснокомъ (бырлю) и пр. Все это было очень вкусно, но каково было все это ъѣсть послѣ недавнаго завтрака, который самъ по себѣ стоилъ доброго обѣда! А ничего не подѣлаешь.

Во время обѣда, случайно взглянувъ въ окно, я увидѣлъ по дворѣ у насъ прелюбопытную сценку: казачій „приказный“ съ обнаженною шашкой рядомъ съ бухарскимъ дяхъ-бashi,¹⁾ за которымъ слѣдовала аляманъ (рядовой), и тотъ и другой съ ружьями на-плечо, шли смѣнѣть съ поста казака-часового, выставленнаго предъ входомъ въ помѣщеніе князя. Смѣна казака аляманомъ произошла по прѣемамъ нашего устава, который, какъ видно, довольно знакомъ бухарскимъ сарбазамъ. Съ этой минуты до дня нашего отѣзда изъ Шаара караульный посты на внутреннемъ дворѣ занимали исключительно сарбазы. Прочіе посты выставлялись отъ ихъ же караула: одинъ у вѣнчанихъ воротъ при помѣщеніи караульного

¹⁾ Приказный у казаковъ и дяхъ-бashi (десятникъ) у бухарскихъ сарбазовъ соответствуютъ чину ефрейтора.

взвода, другой на особомъ экипажномъ дворѣ и третій при кухнѣ.

Послѣ обѣда явился Рахметъ-Улла токсаба для перегово-ровъ насчетъ дня представленія посольства эмиру. Услови-лись, что представимся завтра.

Вечеромъ, въ девятомъ часу, казаковъ вывели въ строй къ „зорѣ“, которую протрубилъ имъ трубачъ, послѣ чего люди согласнымъ хоромъ пропѣли обычныя молитви. Караваны сарбазы издали съ живымъ любопытствомъ смотрѣли на эту церемонію, перекидываясь между собой какими-то замѣча-ніями; но чутъ лишь раздалось пѣвіе молитвъ, какъ они вдругъ замолкли и выслушали ихъ стоя, даже съ нѣкото-рымъ чувствомъ если не благоговѣнія, тоуваженія подоба-ющаго молитвѣ, кто бы ни произносилъ ее. Черта вовсе не выдающая въ здѣшнихъ мусульманахъ особенного религіоз-наго фанатизма.

IV.

Въ Шаарѣ.

Вѣсто аудіенція въ башнѣ.—Базарная публика.—Прелести восточныхъ башнѣ.—Верхомъ или въ коляскѣ? — Торжественное слѣдованіе посольства на „селянъ“ къ эмиру.—Придворные чины.—Первая аудіенція у эмира.—Музafferъ-Эддинъ Бегадуръ-ханъ, эмиръ Бухарскій, и его наружность.—Его тронъ и пріемная зала.—Его разговоръ съ первымъ посломъ.—Особенности мѣстнаго придворнаго этике-та.—Визитъ къ перваначи.—Разныи взаимныи подарковъ.—Нѣчто о жалован-ніихъ халатахъ и о царедворцахъ вообще.—(Томаша при возвращеніи посольства изъ дворца.—Театръ жаронетокъ и пляски батчей.—Цѣлебныя свойства гранат-наго сока.—Казнь скорпиона.—Переговоры относительно телеграфной линіи.—Визитъ къ беку Бальджуанскому.—Шаарскій базарь и нѣчто о нашей средне-азіатской торговлѣ.—Исчезновеніе токсабы.—Посѣщеніе бека Дарвазскаго.—Пу-тешествующіе стулья.—Скупщица подарочныхъ вещей.—Историческія досто-приятельности Шаара: могила Хасряті-Шейха и Акъ-Сарай Тимурлена.—Визитъ къ беку Кулябскому.—Во что обходится населенію посѣщенія различ-ныхъ бекствъ эмирополъ.—Глазная болѣзнь.—Юритланый концертъ.—Делеша М. Г. Черняева.—Вторая аудіенція у эмира и его рѣчъ.—Достарханъ и томаша въ зеркальной залѣ.—Придворные батчи и маскарабазы.—Муниципальная заря съ персонажемъ въ Шаарѣ.—Третья аудіенція у эмира.—Въ чёмъ заключается шаткость положенія бухарскаго владыки.—Отношеніе къ наимъ горожанъ-бухар-цевъ и евреевъ.—Бухарскіе евреи.—Лагерь бухарскихъ войскъ.—Ихъ одежда, вооруженіе, снаряженіе, продовольствіе, расквартированіе и способъ рекрутiro-ванія.—Визитъ къ топчи-баши.—Смотръ и ученье баталіона гвардейскихъ сар-базовъ.—Парадный выездъ эмира въ городскую мечеть.—Прощальная аудіенція у эмира.—Отъездъ посольства изъ Шаара.

30 декабря.

Утромъ, часовъ около девяти, пришелъ Рахметъ-Улла, ко-торому кнѧзь предложилъ осмотрѣть подарки, привезенные для эмира. Полюбовавшись на роскошныя ткани и серебря-ныя вещи и оставшись доволенъ ими какъ въ отношеніи изя-

щества и массивности, такъ и количества вещей, которое, очевидно, превзошло его ожиданія, Рахметъ-Улла откланялся, разумѣется, тотчасъ же побѣжалъ въ аркъ (дворецъ) доложить перваначи, что вотъ, моль, какіе подарки и сколько ихъ.

Чрезъ полчаса, когда мы были почти уже готовыѣхать на „селямъ“¹⁾, токсаба прибѣжалъ снова, съ очень озабоченнымъ видомъ, и заявилъ князю, что высокостепенный эмиръ просить посольство отложить, если возможно, представленіе ему до завтра.

— Но вѣдь завтра пятница, возразилъ князь: — высокостепенный эмиръ, безъ сомнѣнія, пойдетъ въ мечеть совершать свой пятничный намазъ?

— О, это ничего не значитъ! ничего не значитъ! поспѣшилъ завѣрить токсаба: — къ намазу хазретъ пойдетъ послѣ полудня, а посольство приметъ въ десять часовъ. А вамъ, прибавилъ онъ тономъ убѣждающей дружеской просьбы: — вамъ, дѣйствительно, надо отдохнуть съ дороги, и его высокостепенство предлагаетъ всѣмъ членамъ посольства, если угодно, познакомиться пока съ нашими баниами. Мы велимы, тотчасъ же приготовить для васъ самую лучшую.

Познакомиться съ настоящими восточными баниями, на мѣстѣ, въ глубинѣ Средней Азіи, въ резиденціи самого хазрета,—это казалось такъ любопытно, такъ заманчиво, что на предложеніе токсабы мы тотчасъ же отвѣчали полнымъ своимъ согласіемъ. А кстати сказать, потомъ дошелъ до ясъ такой слухъ,—не знаю, впрочемъ, насколько основательный,—будто хазрету нельзя представляться не омыть предварительно свое грѣшное тѣло, и что омовеніе это должно совершаться не иначе, какъ въ общественной банѣ, дабы вся правовѣрная базарная публика во-очію видѣла, что „урусь-клѣфы“ дѣйствительно омылись прежде, чѣмъ были допущены до лице-

¹⁾ Поклонъ, привѣтствіе, визитъ; относительно эмира — первая audience.

зрѣнія хазрета. Такъ ли это, не такъ ли, но выѣздъ нашъ въ баню, въ три часа дня, совершился даже не безъ нѣкоторой торжественности.

Началось съ того, что явился къ намъ одинъ изъ посольскихъ приставовъ, и съ подобающею важностью любезно заявилъ, что баня мѣтеть въ нѣгѣ своихъ горячихъ паровъ въ ожиданіи нашего счастливаго посѣщенія (попросту сказать, что башня готова) и верховныя лошади уже бѣуть во дворѣ копытомъ нетерпѣнія, въ чаяніи нашего благополучнаго выхода. Затѣмъ не обошлось безъ отданія почести со стороны почетнаго караула при выѣздѣ изъ воротъ, а по улицамъ нашей кавалькадѣ предшествовали двое эсаулъ-башей, указывавшихъ дорогу и водворявшихъ мимоходомъ порядокъ въ базарной толѣ, когда послѣдняя по своей тѣснотѣ и изъ любопытства цорой мѣшала свободному проѣзду. Тутъ уже нагайки нашихъ почетныхъ блюстителей общественнаго порядка безъ всякой церемоніи гуляли по правовѣрнымъ спинамъ и плечамъ, не возбуждая, впрочемъ, ни малѣйшаго ропота и протesta, кромѣ обыкновеннаго почесыванья,—напротивъ, и огрызые, и не огрызные даже пріятно осклаблялись другъ на друга, дескать: чтѣ, братъ, здорово отвѣдалъ? словно бы такъ тому дѣлу и быть надлежитъ. Грязь на улицахъ стояла невообразимая, густая какъ каша и вонючая до того, что даже и лошадямъ, повидимому, противно было ступать по ней. Послѣднюю часть пути проѣхали мы вдоль крытаго сверху базара, гдѣ мѣстные купцы-евреи, при видѣ русскихъ людей, изъявляли намъ знаки своей живѣйшей радости, прикладывали руку къ шапкѣ, кланялись въ поясъ и кричали по-русски: „здравствуйте! зздравствуйте!“ Мусульмане же держали себѣ болѣе сдержанно, степенно, и только нѣкоторые изъ нихъ, въ знакъ привѣтствія, слегка сгибаюсь въ поясницѣ, складывали на животѣ скрещенные ладони.

Тутъ же, въ крытомъ базарѣ, находится и баня. Противъ входа помѣстился цѣлый хоръ странствующихъ дервишь-дувана — въ своихъ островерхихъ колпакахъ и живописныхъ

лохмотьяхъ, съ тыквенными баклагами на поясѣ, точь-въ-точь такихъ, какъ на извѣстной картии В. В. Верещагина „Предъ дверьми мечети“. Они громогласно привѣтствовали насъ довольно дикимъ гортаннымъ пѣніемъ, сопровождая его судорожными кривляніями и беніемъ себя въ перси, причемъ около десятка деревянныхъ чашекъ протягивалось къ намъ за милостыней. Имъ подали горсть серебряной мелочи, и деревиши, въ знакъ живѣйшей благодарности, потряхивая головой и провода по щекамъ и бородѣ руками, прокричали намъ „Алла разы булсынъ!“ „Рахметъ!“ и еще какие-то комплименты.

По темному узкому коридору, гдѣ что ни шагъ, то рискуешь либо поскользнуться въ слякоти, либо оступиться на выбоинахъ кирпичного пола, привели насъ чуть не ощупью въ земной рай восточного человѣка, называемый баней. Мы очутились въ довольно просторной общей залѣ. Четыре высокія деревянныя колонны поддерживали ея переборчатый, закоптѣлый отъ времени, потолокъ, посрединѣ коего, между капителями колоннъ, служа единственнымъ здѣсь окномъ, находилась квадратная, около аршина, отдушина. Чрезъ нее падалъ сверху яркій столбъ солнечнаго свѣта, блестками дробившійся внизу на лужицахъ кирпичнаго, глубоко врытаго въ землю помоста, и мимолетомъ задѣявший часть разноцвѣтныхъ простынь, развѣшанныхъ для просушки между колоннами на протянутыхъ веревкахъ. На пространствѣ отъ цементированныхъ капитальныхъ стѣнъ со многочисленными стрѣльчатыми нишами до группы четырехъ срединныхъ колоннъ, зала обрамлена съ трехъ сторонъ возвышенной досчатою эстрадой съ рѣзными рѣшетчатыми перилами, отъ которыхъ спускаются внизъ къ кирпичному помосту деревянныя лѣсенки. А тамъ, внизу, зіаетъ въ стѣнѣ, какъ черная пастъ, дымящійся паромъ, сводчатый входъ въ горячую баню, по бокамъ котораго, на длинныхъ рундукахъ, идущихъ въ простѣнкахъ эстрады между лѣсенками, молча и неподвижно полумежать и сидѣть въ разныхъ позахъ, а болѣше все под-

жавъ подъ себя ноги, разнообразныя группы бритоголовыхъ мусульманъ, завернутыхъ въ простыни и вкушающихъ блаженное состояніе послѣбаннаго кайфа. Такія же группы, но уже въ болѣе комфорtabельномъ положеніи, возлежать и на эстрадѣ, на деревянныхъ диванахъ, застланныхъ пестрыми одѣялами и коврами. Одни изъ этихъ правовѣрныхъ еще находятся въ предвкушениі кайфа, то есть готовятся къ бани, другіе, уже вышедшие изъ нея, предаются ему въ полной мѣрѣ. „Чилимчи“¹), почтительно сгибаясь, подходить къ каждому изъ этихъ послѣднихъ съ раскуреннымъ чилимомъ и поочередно всовываютъ въ ротъ желающимъ прямой деревянный чубукъ для одной или двухъ затяжекъ табачнымъ дымомъ, сопровождаемъ пресмѣшнымъ бурчаньемъ воды внутри чилима, послѣ чего, прежде чѣмъ подойти къ слѣдующему, чилимчи непремѣнно оботретъ обмусленный конецъ чубука голою ладонью. А „самоварчи“ въ то же время то копошится около жаровни, на которой грѣются мѣдные кумаги и фарфоровые чайники, то подносить поочередно кайфующимъ сибаритамъ чашки съ зеленымъ чаемъ. Въ одномъ углу „сартараашъ“ (цирюльникъ) брѣть правовѣрному голову, а его товарищъ совершаеть надъ другимъ операцию подстриганія усовъ надъ губой, послѣ того какъ остригъ ему ногти и срѣзалъ мозоли. Въ третьемъ мѣстѣ, бродачій знахарь, съ окованымъ сундучкомъ подъ мышкой, предлагаетъ желающимъ разныя масла, мази, настои и пластыри отъ всевозможныхъ недуговъ, а по секрету и возбудительныя средства, выхвалия цѣлебныя достоинства первыхъ и чудодѣйственныхъ свойствъ послѣднихъ. У него же, кстати, продаются и какія-то благовонія, вмѣстѣ съ казанскимъ мыломъ. Наконецъ, еще одна особенность: въ дальнемъ угловѣ, среди кучки любопытныхъ слушателей, сидѣть на корточкахъ сказочникъ и декламаторъ и мѣрными, эпическимъ тономъ повѣстуютъ

¹) Слуга, завѣдующій чилимомъ (мѣстный кальянъ) и разносящий его для курешія посетителямъ.

имъ ибѣто, должно быть, скабрезно смѣшное,— судя по выражению ихъ физиономій, потому что порой изъ этого кружка раздаются взрывы сдержанного смѣха. Вообще, для художника въ родѣ Верещагина или Бенжамена Констана эта предбанная зала, съ ея оригинальной обстановкой и характерными группами, дала бы очень благодарный сюжетъ для жанровой картины.

На порогѣ залы церемонно встрѣтилъ насъ тучный сидѣтель бани и съ почтительными поклонами проводилъ въ особый уголокъ, завѣшанный, ради скромности, ковромъ, въ заранѣе приготовленнымъ для насъ диванамъ. Тотчасъ же около каждого изъ насъ, словно изъ земли, выросло по одному банщику, которые проворно помогли намъ раздѣтись, затѣмъ немедленно обернули вокругъ каждого такъ называемую „простыню скромности“ (лунги) и подсунули подъ ноги деревянныя сандалии. Послѣ этого, осторожно взявъ подъ руки и сведя внизъ, они проводили насъ въ темную, какъ бы подземную залу, гдѣ въ первую минуту, за густыми волнами горячаго пара, не видать было даже огоньковъ, теплившихся въ двухъ или трехъ настѣнныхъ чирахахъ. Но по томъ, когда мой глазъ попривыкъ къ этой полутьмѣ, я разгляделъ, что въ стѣнахъ залы подѣланы достаточно широкія и углубленныя ниши, съ каменными скамьями, которыя нагреваются снизу изнутри, чрезъ паровые трубы, и покрываются для большаго удобства посѣтителей копьмами и простынями. Въ этихъ нишахъ обыкновенно и моются. Кроме того, въ разныхъ мѣстахъ виднѣлись пизенѣкіе входы, ведущіе въ отдельныя и совершенно темныя каморки, въ родѣ могильныхъ склеповъ, устроенные для любителей наиболѣе сильнаго пара, гдѣ, однако, миѣ показалось до того горячо и душно, что я не могъ выдержать тамъ и полуминуты, рискуя или задохнуться, или умереть отъ удара. Съ этимъ миѣмъ мѣстечкомъ, составляющимъ верхъ наслажденій сего бухарского эдема, едва ли и нашъ всероссійскій человѣкъ можетъ сравняться. Къ счастью моему, банщикъ понялъ смыслъ того

тона, какимъ я проговорилъ ему: „яманъ, яманъ!“ (не хорошо, скверно) и ощупью послѣдилъ вывести меня въ залу, температура которой показалась мнѣ теперь весьма сносною. Здѣсь усадилъ онъ меня въ одну изъ нишъ, переставилъ поближе чирахъ и приступилъ къ своему дѣлу.

Не стану описывать вамъ въ подробности всѣхъ продѣланныхъ надо мною манипуляцій и тонкостей восточнаго массажа, но не могу воздержаться, чтобы не представить, такъ сказать, его общей программы. Начинается операциѣ съ потѣнья, и когда банщикъ найдетъ, что тѣло ваше уже достаточно распарилось, онъ принимается разминать и похлопывать васъ и надавливать плечи, ребра, бедра; тянуть и перебирать суставы, встряхивая вашъ руки и ноги, такъ что суставы взаправду, какъ говорится, трещать и похрустываютъ, но вамъ отъ этого не больно. Затѣмъ заставляетъ васъ нагнуться впередъ, чтобы подставить ему спину, и начинаетъ выколачивать по ней дробь, словно котлеты рубить ребрами вытянутыхъ ладоней, и тутъ же время отъ времени щекотываетъ зачѣмъ-то подъ носомъ и за ушами, а конецъ, въ довершеніе всѣхъ этихъ пыткообразныхъ удовольствій, внезапно вскакиваетъ вамъ на поясницу, упираясь колѣнами въ спину, затѣмъ садится на нее верхомъ и принимается по васъ ерзать и прыгать, умная кулаками ваши бока и лопатки и напряженно проводя большими пальцами вдоль становаго хребта, въ переборку между позвонками. При этомъ еще отъ усердія онъ все время сопитъ и кряхтитъ, и стонеть. Все это, однако, очень скоро мнѣ надоѣло — хорошенькаго понемножку — и потому я приказалъ ему мыть себя просто; но оказалось, что просто мыть онъ не умѣетъ, и видя, что искусство его не оцѣнено по достоинству невѣжественнымъ кафыромъ, послѣдилъ продолжать надо мною заключительный актъ восточной бани, состоящій въ троекратномъ обдаваніи пациента теплую водой изъ большой ложаны. Но послѣднее оказалось горше всего предшедшаго: первая вода, вылитая на мою голову, до такой степени при-

пахивала какою-то вонючую гнилью, что я решительно воспротивился повторению надъ собою послѣдней операциі, и съ брезгливымъ чувствомъ послѣшилъ выбраться изъ этого противного склепа на свѣтъ и воздухъ предбанной залы, тѣмъ болѣе, что по стѣнамъ ниши, въ довершенію всѣхъ преместей, ползали отвратительныя мокрицы.

Одаривъ тучнаго хозяина шелковымъ халатомъ, а мучителямъ наимъ выдавъ „силу“, по серебряному рублю на брата мы разстались съ „лучшею“ изъ шахрисебскихъ бани. Каковы же худшія!.. Не знаю, какъ на кого, но что до меня, то я въ бухарскія бани больше не ходокъ. Благодарю покорно!

— Нѣть, господа, справедливо замѣтилъ кто-то изъ нашихъ: — какъ хотите, но лучшія восточные бани, какія я знаю, это Воронинскія въ Петербургѣ.

На возвратномъ пути эсауль-бashi повели насъ уже другою, кратчайшею дорогой. По выѣздѣ изъ крытаго базара, въ сѣдельномъ ряду замѣтилъ я одну небольшую оружейную лавочонку, въ которой между разнымъ хламомъ, въ родѣ кремневыхъ и ударныхъ ружей и пистолетовъ, тульской работы, висѣло нѣсколько афганскихъ и хорасанскихъ весьма порядочныхъ клинковъ, двѣ металлическія літавры (табли-риза) и великолѣпный стальной щитъ старой хорасанской работы, украшенный вязевыми надписями въ медальонахъ и прекрасно-гравированнымъ узоромъ съ золотою насычкой по широкому бордюру. Эти три вещи съ четырьмя лучшими клинками были немедленно приобрѣтены мною для моей оружейной коллекціи.

Послѣ обѣда опять явился токсаба якобы узнать, были ли мы въ банѣ, но въ сущности вовсе не за этимъ: все заговаривалъ онъ, что вотъ погода, слава Богу, кажется, исправляется, а потому завтра улицы непремѣнно будутъ еще чище чѣмъ сегодня, что и теперь они уже значительно чище, чѣмъ были утромъ, а завтра и совсѣмъ будутъ чисты, такъ какъ для очистки ихъ уже наражено много „мардекеровъ“ (черно-

рабочихъ). Это онъ стороной приговаривался все къ тому, чтобы мыѣхали представляться эмиру не въ экипажѣ, а верхомъ. Ужасно какъ имъ хочется этого, и все для того, что если мы пойдемъ верхомъ, то этимъ въ глазахъ простонародья выражаемъ какъ бы болѣе почтительности къ хазрету; а въ коляскѣ будетъ очень ужь важно и независимо: одинъ хазрѣтъѣздить здѣсь въ коляскѣ, а всѣ прочіе, не исключая и первѣйшихъ сановниковъ, не иначе какъ верхомъ.

— Ну ихъ!.. Если погода будетъ хороша, пожалуй, пойдемъ верхомъ, согласился князь по уходѣ токсабы: — но только сдѣлаемъ это совершенно неожиданнымъ для нихъ сюрпризомъ.

31 декабря.

Въ 9¹/₂ часовъ утра къ намъ явились Раҳметъ-Улла и адъютантъ эмира, въ званіи миrahura. Токсаба былъ одѣтъ богато, но просто, въ прекрасный кашмирійский халатъ, а на миrahѣ красовался халатъ изъ русской парчи, затканной золотыми травами по малиновому полю. Оба должны были провождать насъ во дворецъ (аркъ) на „селямъ“ къ эмиру.

Ровно въ десять часовъ мы отправились процессіей въ слѣдующемъ порядке:

Во главѣ шествія — нѣсколько конныхъ эсауль-башей съ тростями; за ними посольские джигиты верхомъ, по два въ рядъ; за джигитами арбы съ подарочными вещами; за арбами токсаба и миrahуръ рядомъ, верхомъ; за ними частный ординарецъ князя Асланбекъ Карамурзаевъ; за Асланбекомъ послы въ коляскѣ. По сторонамъ коляски маіоръ Байтаковъ и докторъ Эрнъ верхомъ, а позади казачій конвой съ обнаженными шашками. За конвоемъ — засѣданные лошади по словъ въ заводи у конныхъ джигитовъ и, наконецъ, личная прислуга членовъ посольства и джигиты, приставленные къ посольству отъ бухарскаго правительства.

По городу слѣдовали шагомъ, причемъ ради всенародной томаши везли насъ не прямымъ, а дальнѣйшимъ путемъ, че-

рѣзъ болѣе людныя улицы, площади и базарные ряды. И дѣйствительно, томаша вышла большая: глазѣющаго народу было много; кучки мужчинъ толпились у воротъ и въ дверяхъ попутныхъ домовъ, и на перекресткахъ улицъ, а въ особенности на базарѣ. Грязь съ улицъ немного счищали, да и солнце ее подсушивало, тѣмъ не менѣе желаніе нашихъ приставовъ, чтобы мы вѣхали на „селянъ“ верхомъ, не могло быть исполнено: князь чувствовалъ себя недостаточно еще здоровымъ для этого.

Прямо съ базара выѣхали мы на „рагистанъ“, площадь окружающую дворецъ эмира, гдѣ толпилось множество народу. Предъ воротами былъ выстроенъ почетный караулъ. Глино-битная зубчатая стѣна со всѣхъ четырехъ сторонъ замыкаетъ и скрываетъ отъ непосвященныхъ изоровъ жилище эмира, и лишь двѣ гигантскія глыбы развалинъ бывшаго дворца Тимура грандиозно высится изъ-за нея, господствуя надъ всею окрестною страной. Это остатки знаменитаго нѣкогда Акъ-Сарай.

Предъ воротами, еще на площади, нась очень любезно попросили выйти изъ экипажа, на что князь снисходительно согласился. Не то, чтобы ворота эти были уже такъ узки, что подъ ними невозможно бы было проѣхать—тамъ, пожалуй, свободно прошли бы и двѣ коляски рядомъ—и не то, чтобы вѣзду экипажа во дворъ явился нарушеніемъ придворного этикета,—этого тоже нельзя сказать, ибо вѣзжаютъ же туда верхомъ, по праву, даже простые миражуры; но приставамъ нашимъ просто хотѣлось усилить впечатлѣніе томаша въ глазахъ базарной публики: дескать вотъ насколько нынѣ величъ и могутъ нашъ хазретъ, что даже русскіе послы, чого прежде никогда не бывало, не смѣютъ больше вѣзжать къ нему подъ ворота...

Въ длинномъ пролѣтѣ воротъ, съ обѣихъ сторонъ, за деревянными колонками, устроены въ нишахъ ночныхъ помѣщенія для дежурной части, закрытыя завѣсами изъ кошемъ и паласовъ; тамъ складываются на день пожитки карауль-

ныхъ сарбазовъ и висятъ на стѣнахъ ихъ ружья. Подъ воротами нась попросили снять верхнее платье, что было не совсѣмъ-то удобно, такъ какъ въ этотъ день дулъ очень рѣвкий сѣверный вѣтеръ, но и это опять-таки предлагалось не въ силу какой-либо этикетной необходимости, ибо при слѣдующихъ аудіенціяхъ мы проходили туда уже въ шинеляхъ, а все для той же томаши, ради пущаго воздействиа въ известномъ смыслѣ на базарную публику. Больше штуки мѣстры въ этомъ отношеніи „восточные человѣки“, такъ что безъ особенной опытности сразу и не догадаешься, на что они тебя поддѣваютъ. Нечего дѣлать, пришлось въ однихъ мундирахъ идти чрезъ два обширныхъ дворовъ, изъ которыхъ каждый по величинѣ не уступить весьма порядочной площади. Первый или наружный дворъ (ташкери) отдѣляется отъ второго (ишкери) развалинами Акъ-Сарай. Промежутокъ обѣихъ стѣнъ этихъ развалинъ уже въ позднѣйшее время заполненъ соединительной постройкой изъ жженаго кирпича, которая представляетъ собою обыкновенный кирпичный ворота съ продлинноватымъ пролетомъ и кажется очень мизерною въ сравненіи съ грандиозною громадой великолѣпныхъ развалинъ. Здѣсь стоять въ строю второй караулъ сарбазовъ, а подъ воротами были вытянуты въ шеренгу высшіе военные чины съ топчи-баши во главѣ, въ полной парадной формѣ, и чины придворные въ блестящихъ парадныхъ халатахъ. Нѣкоторые изъ нихъ держали айбалты (небольшіе топорики) съ красиво окованными ручками. Тутъ нась пріостановили на минутку чтобы учредить порядокъ шествія. Отъ шеренги придворныхъ чиновъ отдѣлились четыре человѣка, изъ коихъ первого токсаба отрекомендовалъ намъ Дурбинъ-иакомъ, въ должности шигаула, другого назвалъ дярбаномъ, а остальныхъ—удайчами¹⁾.

¹⁾ Дурбинъ — собственное имя, иакъ — чинъ, равный генераль-майору, шигауль — придворное званіе, съ коимъ сопряжена обязанность принимать посланниковъ и вообще иностранцевъ, представляющихся эмиру, и

Повели нась чрезъ второй дворъ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди шли рядомъ оба удайчи, неся позлащенные посохи наискосъ предъ собою; за ними и тоже рядомъ—шигауль и дарбантъ, въ почтительномъ согбеніи, сложивъ на животъ руки; затѣмъ—члены посольства, а позади ихъ токсаба съ миражуромъ.

Второй дворъ (ишкери), сплошь вымощенный кирпичемъ, представляетъ собою обширный квадратъ, сомкнуто обрамленный со всѣхъ сторонъ глинобитными одноэтажными флигелями, коихъ окна-двери выходятъ на широкую кирпичную террасу вышиной въ полчеловѣческаго роста. Тронная зала помѣщается во флигель противоположномъ акъ-сарайскимъ воротамъ. Поднявшись къ ней на террасу, сопровождавшая насъ лица тотчасъ же безшумными шагами отстѣнились вправо и влѣво, и лишь одинъ шигауль, въ знакъ величайшаго почтенія, согнувшись еще ниже, съ благоговѣйнымъ видомъ подошелъ на цыпочкахъ къ растворенной двери, чуть-чуть заглянувъ въ нее, сдѣлалъ предъ кѣмъ-то невидимымъ глубокій поклонъ и затѣмъ, отступивъ шага на два, пригласительнымъ жестомъ указалъ намъ на двери.

Одинъ за другимъ мы вошли въ обширную продлиноватую залу въ два свѣта, въ глубинѣ которой сидѣлъ на тронѣ Музafferъ-Эддинъ Богадуръ-ханъ, эмиръ Бухарскій. Одѣтъ онъ былъ очень просто и совсѣмъ не пестро, въ обыкновенный шаниновый халатъ темныхъ красокъ, подбитый мѣхомъ; на головѣ бѣлая чалма изъ кашмирской шали. Орденскіе знаки, пожалованные ему покойнымъ государемъ, почему-то отсутствовали, хотя казалось бы первый приемъ русскаго по-

---

вводить ихъ въ приемную залу; дарбантъ—тоже придворная должность, стоящая въ охраненіи дверей, ведущихъ изъ „Арзахане“ (дворъ, где принимаются прошенія) во внутренніе покоя эмира. Удайчи, коимъ, въ отличие ихъ званія, присваиваются длинные позолоченные посохи, обязаны предшествовать эмиру на его выходахъ и выѣздахъ, выкликая при этомъ слова молитвы: „да поможетъ Аллахъ хазрету эмиру при жизни изъ земли справедливости не выходить!“

сольства долженъ быть носить безусловно официальный характеръ. Лицо эмира сохранило остатки прежней красоты (въ настоящее время ему 54 года отъ роду). У него небольшая черная борода, тонкія брови, тонкие подстриженные надъ губой усы и большие черные глаза, которые онъ, вѣроятно по привычкѣ болѣе, оставляетъ слегка прищуренными, и только изрѣдка, вскидывая на кого-либо взоръ, раскрываетъ ихъ въ полную величину. Въ общемъ выраженіе этого лица весьма привѣтливо и даже настолько благодушно, что, глядя на него, никакъ не подумаешь, что на совѣсти этого человѣка лежитъ столько крови, столько казней, совершенныхъ единственно лишь въ силу случайного, минутнаго каприза. Борода у эмира, по персидской модѣ, нѣсколько подкрашена, отливая на свѣтѣ не то красноватымъ, не то какъ будто даже лиловато-бурымъ цвѣтомъ; щеки, какъ показалось мнѣ, были нѣсколько набѣлены и подрумянены, а брови и глаза какъ будто слегка подведены. Впрочемъ, можетъ статься, искусство тутъ и ни причемъ: можетъ, все это у него такъ отъ природы... Голова и руки повременамъ замѣтно трясутся, какъ у людей очень старыхъ или черезчуръ уже разслабленныхъ нервами.

Тронъ эмира представлялъ обыкновенный рундукъ съ низенькою спинкой и прямыми ручками, раскрашенный по золотому полю арабесками и травами; на сидѣнїи—малиновая бархатная подушка. Стоялъ этотъ тронъ не у стѣны, а посерединѣ комнаты, въ правой половинѣ залы. Стѣны этой залы обиты золотисто-желтою тканью, на видъ какъ будто парчей, но безъ узора, а верхнія окна затянуты желтою тафтой, вслѣдствіе чего во всей залѣ господствуетъ золотистый полусвѣтъ очень мягкаго и пріятнаго тона. Нижняя половина стѣнъ, въ родѣ панели, обрамлена сплошнымъ рядомъ продолговатыхъ зеркалъ въ деревянныхъ рамахъ, расписанныхъ въ персидскомъ вѣсѣ яичными красками по золотому полю, вслѣдствіе чего эта комната и носить название „айн-а-мима-хана“, то есть зеркальной приемной залы. Ея переборчатый высокій потолокъ тоже расписанъ въ средне-азіатскомъ стилѣ и при-

тому очень изящно, а полъ застланъ роскошными каршинскими и мерьскими (туркменскими) коврами. У стѣны, противоположной входу, близъ трона, поставлены были небольшой европейской диванъ, европейское кресло и три табурета, покрытые мѣховыми халатами, мѣхомъ вверхъ.

При входѣ, по церемоніалу, предложенному намъ къ руководству первымъ посломъ, мы сдѣлали послѣдовательно три поклона, производя ихъ чрезъ каждые три шага, какъ принято при европейскихъ дворахъ, на что эмиръ отвѣчалъ однимъ общимъ полупоклономъ, слегка привставъ съ мѣста, и затѣмъ сейчасъ же сѣлъ опять и протянулъ князю руку.

Вообще люди свѣдущіе и бывалые въ Бухарѣ замѣчаютъ, что для усиленія въ глазахъ подданныхъ своего престижа, въ смыслѣ независимаго и сильнаго государя, — престижа сильно поколебленаго политическими обстоятельствами съ 1868 года, — его высокостепенство въ послѣднее время пытается возвратить себѣ видъ самостоятельности хотя бы только въ манерѣ своего обращенія съ русскими. Такъ напримеръ, еще недавно онъ считалъ нужнымъ вставать и лично идти къ дверямъ на встрѣчу генераль-губернаторскимъ посланцамъ, хотя эти послѣдніе по большей части бывали весьма невысокаго, не всегда даже штабъ-офицерскаго чина. Отсюда же и всѣ эти попытки заставлять пословъ выходить изъ экипажа или сѣзать съ лошадей среди полной народомъ площади, проходить по дворамъ зимой въ однихъ мундирахъ и т. п. Но разумѣется, что подобнымъ аллюрамъ не слѣдуетъ давать потакки.

Послѣ пожатія руки, первый посолъ представилъ эмиру поочередно членовъ посольства, которымъ тотъ точно также слегка пожалъ руки и затѣмъ пригласилъ всѣхъ садиться, указавъ на стоящую близъ трона мебель. Маіоръ Байтоковъ, какъ tolmачъ, остался стоя противъ эмира и князя.

Разговоръ на первый разъ не выходилъ изъ рамокъ самой этикетной офиціальности. Князь объяснилъ его высокостепенству, что по Августѣйшей волѣ Его Императорскаго В-

личества, будучи назначенъ состоять въ распоряженіи туркестанскаго генераль-губернатора, онъ удостоился чести быть посланнымъ во главѣ почетной миссіи къ его высокостепенству, чтобы передать ему отвѣтное письмо генераль-губернатора и выразить отъ лица сего послѣднаго благодарность за любезное письмо и подарки, присланныя его высокостепенствомъ въ Ташкентъ, а равно и заявить тѣ чувства неизмѣнной дружбы, которыми одушевленъ генераль Черняевъ къ высокостепенному эмиру, въ недѣждѣ, что ихъ дальнѣйшая отношенія всецѣло послужатъ лишь къ наибольшему укрѣпленію этихъ добрыхъ чувствъ и взаимныхъ миролюбивыхъ интересовъ.

Эмиръ, глубоко потупивъ глаза, отвѣчалъ вполнѣ офиціальнымъ тономъ, что съ его стороны и не можетъ быть иныхъ чувствъ по отношенію къ представителю власти великаго Вѣлаго Царя и что онъ во всемъ, что лишь будетъ зависѣть отъ его доброй воли, всегда постараится поддержать на надлежащей высотѣ эти добрые чувства и отношенія. Затѣмъ освѣдомился о здоровье Государя Императора и, получивъ отвѣтъ, что, судя по послѣднимъ извѣстіямъ, Его Величество, благодаря Бога, находится въ совершенно добромъ здравіи, выразилъ упованіе, что Богъ на многіе и многіе еще годы сохранитъ его здравымъ и бодрымъ на счастье и радость не только его могущественной державы, но и для мирнаго процвѣтанія подъ его сѣнью преданныхъ ему сосѣдей.

Послѣ этого спросилъ онъ о здоровье генераль-губернатора, а затѣмъ и о томъ, хорошо ли мы доѣхали и всѣмъ ли остались доволыны. Получивъ на все это утвердительные отвѣты, эмиръ сказалъ, что онъ уже распорядился, чтобы намъ были предоставлены всевозможныя въ Шаарѣ удобства и удовольствія, и чтобы всѣ наши желанія были предупреждаемы; если мы захотимъ осмотрѣть городъ, базары, войска — намъ будутъ предоставлены къ тому всѣ средства. Послѣ этого онъ выразилъ надежду, что мы, вѣроятно, не откажемся поѣхать у него въ гостяхъ подольше, дабы доставить ему прі-

ятную возможность видѣться съ нами еще нѣсколько разъ и переговорить о кое-какихъ дѣлахъ, а пока пожелалъ намъ поболѣе веселиться и съ этими словами поднялся съ мѣста, давая тѣмъ понять, что аудіенція кончена.

Одновременно съ нимъ поднялись и мы всѣ разомъ и отдали ему поклонъ, послѣ чего поочередно подошли къ нему для пожатія руки, а затѣмъ послѣдовали вторичный поклонъ и общее отступленіе или, вѣрѣje сказать, пяченье затылкомъ къ дверямъ, гдѣ у самаго порога снова поклонъ, третій и послѣдній.

На террасѣ встрѣтили насъ съ радостно привѣтственными улыбками и безмолвными поздравленіями придворныхъ лица, оставшіяся при началѣ аудіенціи за дверями. Тутъ уже намъ не нужно было болѣе пятиться; но за то этотъ мудрый способъ отступленія (отъ котораго, замѣчу въ скобкахъ, русскіе послы, на основаніи прежнихъ примѣровъ, легко могли бы и освободить себя) сполна принали на сей разъ наши провожатые. И надо было видѣть съ какимъ неподражаемымъ искусствомъ и ловкостью всѣ эти удайчи, шигаулы и прочіе соскользнули, не оборачиваясь, съ довольно высокихъ ступеней террасы и какъ проворно, мелкими и быстрыми шажками, пятались они предъ нами чрезъ весь дворъ, сохранивъ свои почтительно согбенные позы со сложенными на животѣ руками, и время отъ времени сопровождая это отступленіе глубокими поклонами въ сторону пріемной залы, хотя ни на террасѣ, ни въ дверяхъ эмиръ вовсе не показывался. Но это все равно: по здѣшнему этикету достаточно уже его присутствія въ стѣнахъ дворца, чтобы подданные хазрета не смѣли удаляться съ „ишкери“ иначе, какъ „обративъ лицо и сердце туда, гдѣ находится незримое солнце“, то есть ихъ ловелтель.

Подъ акъ-сарайскими воротами, пожимая намъ руки, они еще разъ и теперь уже словесно поздравили насъ съ „благополучнымъ“ окончаніемъ селяма и съ „милостію“ хазрета. При такомъ курьезномъ поздравленіи на моемъ лицѣ нѣвольно

выразилось недоумѣніе, и я вопросительно взглянулъ на майора Байтокова—правильно ли онъ переводить? Какое же тутъ могло бы быть для насъ „неблагополучіе“? Но оказалось, что это не болѣе какъ обычна, хотя въ данномъ положеніи и вовсе неумѣстная форма любезности, употребляемая бухарскими придворными въ подобныхъ случаяхъ. Шутники, ей-Богу!...

Выйдя на передній дворъ, мы, по приглашенію токсабы, повернули налѣво въ особый дворикъ, гдѣ живетъ Остана-Куль, перваначи, онъ же и бекъ шаарскій. Вышелъ онъ къ намъ на встрѣчу въ роскошнѣйшемъ халатѣ изъ очень дорогой индійской парчи, подпоясанный кашмирской шалью, съ кашмирской чалмой на головѣ, и пригласилъ насъ въ свою „михманъ-хане“ (пріемную гостиную) къ достархану.

За завтракомъ разговоръ коснулся отчасти политики, а именно, перваначи выказалъ пожеланіе, чтобы дружба Россіи къ Бухарѣ оставалась неизмѣнною, такъ какъ маленькая Бухара очень нуждается въ покровительствѣ великой Россіи для спокойной жизни, и что никто, конечно, не осмѣлитъся занести на нее руку, если будетъ знать, что Россія всегда готова поддержать преданного ей маленькаго соѣда. „И друзья, и друзья у насъ могутъ быть только общіе“, прибавилъ онъ въ заключеніе.

По окончаніи завтрака на дворъ привели верховыхъ лошадей въ бирюзовыхъ уздечкахъ и подъ богатыми бархатными попонами, и принесли нѣсколько связокъ съ халатами въ даръ отъ эмира членамъ посольства. Князю подвели двухъ лошадей, поднесли почетную саблю въ золоченыхъ ножнахъ и нѣсколько связокъ; остальнымъ — по одной лошади и по одной связкѣ. Послѣ этого перваначи предложилъ и отъ себя подарки, заключавшіеся также въ богато убранныхъ лошадяхъ и въ связкахъ съ халатами.

Въ числѣ подарочныхъ вещей эмира каждый изъ насъ нашелъ и по одному мѣховому халату, въ которыхъ мы узнали тѣ самые мѣха, на какихъ сидѣли во время аудіенціи.

Дѣло оказалось вотъ въ чёмъ: на глаза хазрета никто не можетъ предстать иначе, какъ въ подобающемъ костюмѣ, то есть въ халатѣ, дабы непотребнымъ видомъ не оскорбить его священные взоры. Поэтому въ прежнія времена на представившихся ему пословъ приближенные его всегда накидывали жалованные почетные халаты, въ которыхъ послы и отбывали свою аудіенцію, и притомъ такой халатъ обыкновенно служилъ выражениемъ или синонимомъ милости хазрета, безъ чего, конечно, никто не могъ сподобиться и его лицезрѣнія. Уже самое допущеніе иностранца къ такому лицезрѣнію считалось актомъ величайшей къ нему милости, а видимымъ изъявленіемъ оной служилъ халатъ. Этотъ стародавній обычай именно на томъ и основанъ, что не подобаетъ де новелителю правовѣрныхъ лицезрѣть кафыра, одѣтаго въ неприличный костюмъ, а всякое одѣяніе, за исключениемъ халата, почитается здѣсь неприличнымъ. Обрядъ накидыванія на плечи почетнаго халата, въ началѣ русско-бухарскихъ спошений, послѣ покоренія Ташкента, пытались было здѣсь продолжать и съ нашими послами, пока высокостепенному эмиру не было выяснено, что на мундиръ и эполеты, пожалованные Императоромъ Всероссійскимъ не можетъ быть никакъ надѣто никакое постороннее украшеніе. Вследствіе такого заявленія *volens-nolens* пришлось отказаться отъ продолживанія халатной церемоніи. Но какъ въ то же время отказаться эмиру отъ древняго обычая, установленного этикетомъ, не роняя передъ подданными своего достоинства? Вотъ и придумали чѣмъ среднее, а именно, стали постилать почетные халаты на кресла и табуреты, на которыхъ должны сидѣть послы во время первой аудіенціи. При этомъ предполагается, что *toutes les apparences sont sauvees*, или какъ говорится, и овцы цѣлы, и волки сыты: жалованный халатъ не надѣвается на эполеты, но послы все же сидѣтъ на жалованномъ халатѣ, что и знаменуетъ, якобы халатъ надѣть на немъ. Вы скажете, что это совсѣмъ не одно и то же; но хитроумные персы, изъ коихъ состоять большинство придворнаго штата,

подведутъ вамъ такой рогатый силлогизмъ, что по ихнему выйдетъ будто послѣднее совершенно тождественно съ первымъ. Тутъ дѣйствуетъ у нихъ аргументъ вотъ какого рода: положимъ, говорять они, если бы на послѣ былъ надѣть халатъ, то сидѣлъ ли бы посолъ на нѣкоторой части этого халата, и именно на изнаночной, подбитой мѣхомъ? А если сидѣлъ бы, то въ данномъ случаѣ посолъ садится какъ разъ на то самое мѣсто мѣховой подкладки, которое пришлось бы подъ сидѣніемъ, если бы халатъ былъ надѣть на немъ. А если это такъ, то не все ли равно, будетъ ли халатъ дѣйствительно накинуть ему на плечи, или же только положить надлежащимъ образомъ на кресло? Тутъ все дѣло въ томъ, лишь бы былъ налицо фактъ сидѣнья на жалованномъ халатѣ, чѣмъ, съ одной стороны, щадится самолюбіе посла, а съ другой — удовлетворяется самолюбіе эмира. А эмирскіе публичные глашатаи все равно возвѣстятъ потомъ народу на базарахъ, что хазреть, волей Аллаха, тогда-то принялъ милостиво русскихъ пословъ и отпустилъ ихъ съ почетными халатами и другими дарами. Народъ и будетъ знать, что почетные халаты пожалованы, а это все, что нужно.

По окончаніи визита къ Остана-кулю, нѣкто изъ нашего посольства, между прочимъ, сдѣлалъ очень мѣткую характеристику этого человѣка: — „Знаете ли, сказаль онъ, — я замѣчаю, что всѣ царедворцы, гдѣ бы то ни было, въ сущности рѣшительно одинаковы. Посмотрите вы на этого перваначи: — важный, добродушно-простой, привѣтливый, но въ сущности равнодушный ко всему на свѣтѣ, кроме самого себя и своего государя, которому, очевидно, очень преданъ. У него даже такія же точно манеры, какъ и у нашихъ царедворцевъ: простыя, лѣнивыя, но излишни и всегда исполненные чувства собственнаго достоинства“.

Возвращались мы отъ перваначи уже не чрезъ ташкери, а чрезъ одинъ изъ боковыхъ дворовъ замка, такъ называемый „пушкарный“, гдѣ стоять шесть или восемь полевыхъ орудій старой конструкціи съ винградами и цамифами, на

неуклюжихъ деревянныхъ лафетахъ. Тѣла орудій покрыты сиццевыми чаклами, и вся батарея охраняется двумя часовыми изъ сарбазовъ.

Проводъ по улицамъ богато убранныхъ лошадей отъ дворца до посольского дома доставилъ новую „томашу“ для базарной и уличной публики, которая, въ ожиданіи ихъ появленія, стояла повсюду толпами. Но что замѣчательно, — толпы эти повсюду отличались своею, таѣмъ сказать, солидностю, своимъ въ высшей степени степеннымъ поведеніемъ: не только давни, но и ни малѣйшей суеты, ни гама, ни крика, ни ругани между собою (не то, что европейская толпа!). Исключеніе составляли только мальчишки, бѣжавшие рядомъ съ лошадьми; но мальчишки въ этомъ отношеніи повсюду и всегда совершенно одинаковы.

Вечеромъ у насъ дома тоже была томаша. Рахметъ-Улла распорядился устройствомъ во внутреннемъ нашемъ дворѣ театральной сцены, для чего терраса была устлана кошмами, а рядомъ съ нею раскинута цветная палата, отъ которой до домовой стѣны протянули завѣсу и весь дворикъ иллюминировали разноцвѣтными бумажными и стекольчатыми фонарями. Музыка состояла изъ трехъ бубновъ (дайра), на которыхъ очень искусно дѣйствовали ладонями и пальцами три пѣвца, аккомпанируя такимъ образомъ своему пѣнію. Народу на эту томашу, кромѣ своихъ, набралось пропасть и съ окрестныхъ дворовъ, такъ что сидѣть всей этой публикѣ приходилось на плечахъ другъ у друга. Но опять-таки замѣчательно, что даже и въ такой тѣснотѣ среди зрителей не происходило ни споровъ, ни суеты. Рѣшительно, солидность составляетъ самую характеристическую сторону азіатской толпы. Представленіе состояло изъ двухъ отдѣленій. Въ первомъ—разныхъ штуки клоуновъ, въ перемежку съ пѣніемъ и плясками „батчей“—мальчиковъ отъ десяти до четырнадцатилѣтнаго возраста, изъ коихъ некоторые были одѣты въ женскіе костюмы; а во второмъ — театръ марionетокъ, въ родѣ нашихъ „петрушекъ“. Всѣ эти клоуны, по мѣстному „маска-

рабазы“ или „машкарабазы“, равно какъ и батчи, и пѣвцы-бубенщики (дайранчи и дангарачи), и маріонетчики принадлежать къ составу придворной увеселительной труппы, во главѣ которой, въ качествѣ главнаго обучателя и директора, состоитъ какой-то русскій заѣзжій акробатъ и канатный плясунъ, приглашенный на эту должность его высокостепенствомъ и обучающій теперь избранныхъ эмиромъ мальчишекъ всѣмъ акробатическимъ фокусамъ, до хожденія по канату включительно. И говорить, что эмиръ не одинъ пользуется удовольствиемъ подобныхъ зрѣлищъ, но что нерѣдко, и въ особенности въ праздничные дни, онъ отправляетъ часть своей труппы на базарный чарь-су¹), подъ сводами коего батчи и маскарабазы даютъ въ послѣобѣднное время бесплатныя представленія народу.

Собравшаяся у насъ публика много смеялась остротамъ закулиснаго режисера, который, дергая за ниточки своихъ куколъ, подавалъ за нихъ и надлежащіе реплики съ соответственной перемѣной голоса, а подручнымъ ему въ этихъ разговорахъ, равно какъ и въ самомъ представлѣніи, служилъ одинъ изъ маскарабазовъ. Но, не зная языка, не могу сказать, въ чёмъ именно заключалась главная соль этихъ диалоговъ, только, видимо, дѣло тутъ было далеко не безъ наивно-цинической скабрезности. Немало смѣху возбуждали также шутовскія и не менѣе наивно-циническія ломанья, гримасы и разныя продѣлки двухъ клоуновъ. Но смотрѣть на все это мы могли только „понемножку“, урывками и какъ бы мимоходомъ, ибо, по здѣшнимъ понятіямъ, такимъ „важнымъ людямъ“ не подобаетъ показывать много вниманія къ „такимъ пустякамъ“, которыми могутъ увлекаться только базарные

¹) Каменный павильонъ, въ видѣ ротонды, съ полусферическимъ куполомъ, имѣющій четыре выхода (отсюда и пазваніе чарь-су, то есть четыре воды или четыре теченія) и всегда находящійся въ центрѣ базара. Безъ такого павильона не обходится ни одинъ базаръ хорошаго средне-азіатскаго города.

простолюдин да уличные „малайки“. А потому более подробное ознакомление съ развлечениями и зрѣлищами этого рода, равно какъ и ихъ описание, пришлось отложить до другого, болѣе удобнаго случая.

1 января 1883 года.

Въ ночь я почувствовалъ себя дурно: проявились жаръ и простудная потягота во всемъ тѣлѣ, и хотя докторъ тотчасъ же даль мнѣ приемъ хинъ въ десять гранъ, тѣмъ не менѣе жаръ и обнаружившееся воспаленіе зѣва продолжались цѣлые сутки. Въ концѣ концовъ благодѣтельнѣе подействовало питье изъ гранатнаго сока: не прошло и двадцати минутъ послѣ первой выпитой чашки, какъ жаръ словно рукой сняло, а чрезъ часъ я почувствовалъ уже и аппетитъ, и позывъ на куреніе табаку. По опытному замѣчанію бухарскихъ врачей-эмпириковъ, гранатный сокъ дѣйствуетъ наилучшимъ образомъ противъ всякаго внутренняго жара и вообще горячешаго состоянія. Я имѣлъ случай испытать его дѣйствіе на собственномъ опыте, а потому и позволяю себѣ рекомендовать нашимъ врачамъ это благодѣтельное средство. Сокъ на половину разбавляютъ прокипяченой остывшею водой, подмѣшиваютъ немного сахара и даютъ больному въ размѣрѣ чайной чашки или обыкновеннаго стакана.

Въ два часа пополудни наше посольство со вчерашнею помпой отправилось съ визитомъ къ сыну эмира (имени не помню), временно находящемуся при особѣ своего родителя, но я, по болѣзни, не могъ принять участія въ этомъ посѣщеніи.

Вечеромъ, лежа въ постели лицомъ къ стѣнѣ, я замѣтилъ, что по ней какъ разъ противъ изголовья что-то ползетъ. Я взялъ съ табурета свѣчу и увидѣлъ препротивнаго большаго скорпиона грязно-желтаго цвѣта съ зеленоватымъ отливомъ подобно цвѣту гнойно-нарывчатаго пузыря. Случившійся тутъ же сожитель мой, докторъ Эрнъ, тотчасъ прижалъ его къ мѣсту, случайно попавшему подъ руку бритвенной точил-

ой, въ которую тщетно пыталось гадкое животное нѣсколько разъ ударять своимъ хвостомъ, а я въ то же время произвелъ надъ нимъ при помощи перочиннаго ножа весьма существенную операцию отъятія ядоноснаго снаряда, находящагося въ послѣднемъ суставѣ хвоста, и затѣмъ „гуляйте гдѣ благоугодно!“

Нечего сказать, очень приятно жить въ горницѣ, которая хотя и обита московскимъ ситцемъ, но все же мрачностю своей напоминаетъ скорѣе могильный склепъ или древнюю катакомбу, и гдѣ чрезъ каждые полчаса удушливый чадный жаръ, отъ плохо устроенной и быстро выгорающей переносной печки, смѣняется зимнимъ холодомъ, провижающимъ въ двери щели и узенькия маленькия окна, защищенные вмѣсто стеколъ все тѣмъ же ситцемъ, и гдѣ, въ довершеніе всѣхъ этихъ удобствъ, гуляютъ по стѣнамъ скорпионы.

2 января.

Утромъ князь Витгенштейнъ открылъ переговоры съ Токсабою о томъ, какимъ бы образомъ склонить эмира къ устройству въ бухарскихъ предѣлахъ телеграфной линіи между Катты-Курганомъ¹⁾ и Бухарой, на бухарскія средства. Переговоры эти происходили „при закрытыхъ дверяхъ“ и безъ участія нашего присажнаго переводчика маіора Байткова, обязанность коего почему-то исполнялъ частный ординарецъ князя. Токсаба, какъ узнали мы потомъ, отвѣчалъ уклончиво, и, видимо не желая продолжать переговоры по этому дѣлу, заявилъ прямо, что если эмиру будетъ предъявлено насчетъ сего предмета формальное повелѣніе Русскаго Императора, то, конечно, ему не останется ничего, какъ только подчиниться безпрекословно Высочайшей волѣ.

Въ два часа дня посольство въ полномъ составѣ, по желанію эмира, сдѣлало визитъ Рахметъ-куль дахтѣ, беку Бальд-

¹⁾ Крайній пунктъ, до котораго доходитъ наша внутренняя телеграфная линія.

жуанскому, съ повторенiemъ вчерашней помы относительно конвоя и порядка слѣдованія.

Рахметъ-куль, если взглянуть снаружи, то есть съ улицы, живеть вовсе неказисто, такъ что домъ его ничѣмъ не отличается отъ массы обыкновенныхъ сартовскихъ построекъ; за то внутри его сейчасъ же сказываются довольноство и порядокъ: дворъ тщательно усыпанъ пескомъ, и на немъ, по пути нашего слѣдованія отъ воротъ къ приемной комнатѣ, настлана дорожка изъ аккуратно обрѣзанного камыша. Часть стѣнъ передняго двора убрана раскидными полами пестро-узорчатыхъ палатокъ, словно обоями, а небольшая приемная комната устлана роскошными коврами; ея стѣны и мавританская ниши аккуратно и тщательно облицованы алебастромъ цементомъ и потолокъ изящно расписанъ въ иранскомъ вкусѣ. Самъ Рахметъ-куль, мужчина лѣтъ за пятьдесятъ, отличается внушительно сановитою рослою фигурой, симпатично умнымъ выражениемъ спокойнаго лица и такими же лѣниво плавными манерами, какъ у Остана-куля перваначи.

Видно по всему, и даже по тому какъ былъ сервированъ дастарханъ въ приемной комнатѣ, что Рахметъ-куль человѣкъ со вкусомъ, съ чувствомъ изящнаго въ душѣ и понимаетъ достоинство хорошаго стола. Вообще всколько было можно замѣтить, онъ, кажется, немножко то, что называется *gentleman*. Такъ, напримѣръ, лакомства дастархана были у него болѣе тонки и изысканы чѣмъ, подававшіяся намъ гдѣ-либо доселѣ, а за завтракомъ подали превосходно приготовленныя и на вкусъ очень вѣжныя мелкія пельмени, не болѣе какъ въ ноготь величиной каждая; затѣмъ для желающихъ лѣнивы щи и чисто отваренный куриный бульонъ въ корниловскихъ фарфоровыхъ чашкахъ, потомъ паровой пловъ по-персидски и жаркое изъ горныхъ куропатокъ, о которыхъ бекъ заявилъ, что они были привезены сюда изъ Бальджуана живыми, цѣльны птичикомъ, и частію поднесены имъ, въ видѣ лакомаго гостинца, эмиру, а частію оставлены для собственнаго

употребленія. Рахметъ-куль отвѣдывалъ отъ каждого блюда понемножку, небольшой кусочекъ или маленькую щепотку, слѣдя въ такой скромной умѣренности чисто восточнымъ требованиямъ хорошаго тона; но по тому, какъ смаковались имъ эти кусочки, видно было, что онъ доставляетъ себѣ ихъ тонкимъ вкусомъ истинное гастрономическое наслажденіе. Затѣмъ, наконецъ, и чай у него намъ подали какъ должно, въ мѣру крѣпкій, то есть крѣпкій по-русски, а не перестоянныи и мутный, чтѣ тоже величайшая здѣсь рѣдкость. Очевидно, что вода для чая была у него предварительно пропущена чрезъ фильтръ. Застольный разговоръ тоже впервые не вергъся здѣсь исключительно на разспросахъ о взаимномъ здоровье да на увѣреніяхъ во взаимной дружбѣ Бухары и Россіи, хотя, конечно, вѣкоторая прилично умѣренная дань была отдана и этой, такъ сказать, казенно-этикетной темѣ. Но за то Рахметъ-куль разсказывалъ очень интересныя вещи о характерѣ высокихъ горъ, въ которыхъ залегаетъ его бекство, объ ихъ растительности, о способахъ зимняго по нимъ хожденія съ помощью особаго рода настежныхъ на обувь остроспицнныхъ подковъ, о горныхъ охотахъ на барсовъ, мараловъ и яковъ, вообще о породахъ мѣстныхъ горныхъ четвероногихъ и птицъ, между коими въ особенности замѣтны куропатки, какихъ мы имѣли случай только что отвѣдать, и дикия горныя индѣйки, по отзыву бека, тоже превкусныя и прекрасныя птицы. Наконецъ дошло дѣло до обѣна подарковъ, и когда подвели намъ маленькихъ, но красивыхъ и крѣпкихъ лошадокъ, подъ богатыми попонами, то Рахметъ-куль заявилъ, что это тоже специально горныя лошади бальджуанской породы, нарочно имъ самимъ выбранныи и приведенныя изъ Бальджуана, по распоряженію высокостепненнаго эмира, въ даръ давно ожидавшемуся русскому посольству. И дѣйствительно, по ближайшему разсмотрѣніи и испытаніи, оказалось, что это все лошади превосходныхъ качествъ и что при движеніи по горнымъ кручамъ онъ устойчивы, цѣлки и легки какъ козы.

Мы разстались съ Рахметъ-кулемъ, унося наилучшее впечатлѣніе о его симпатичной личности.

8 января.

Сегодня предстояло визитъ къ Мегметъ-Мурадъ-бю, беку Дарвазскому, но князь, чувствуя себя не совсѣмъ здоровымъ, отложилъ его до завтра.

Послѣ завтрака мы съ докторомъ и маюромъ Байтодо-вымъ, въ предствіи эсаулъ-бashi и въ сопровожденіи двухъ казаковъ, отправились верхомъ, ради прогулки, на мѣстный базарь. Торговая часть находится въ центрѣ города, начинаясь съ площади, на которой стоитъ главная городская мѣчеть, до площади окружающей дворецъ эмира. Ряды, прилегающіе къ послѣдней, всѣ крыты сплошь матами (чії) и цѣновками (барданъ), наброшенными на жерди и балки, перекинутыя съ кровли на кровлю поперегъ улицы. Это своего рода пасажи въ восточномъ вкусѣ. Тѣ же ряды что ближе къ городской площади, по большей части открыты, то есть представляютъ не пассажъ, а просто обыкновенную улицу, наполненную непрерывнымъ рядомъ лавокъ и лавочонокъ. Здѣсь между чайными и сѣстными лавками, окружающими городскую площадь, въ изобилии выставлены на продажу овощи, фрукты свѣжіе и сушечные, вяленая рыба, воловые и баранье мясо въ тушахъ и разная птица, преимущественно куры, индейка, рисъ, джугара, кунжутное сѣмя и масло, пресованная выжимки льянаго сѣмени, употребляемая въ кормъ верблюдамъ, хлѣбныя лепешки, всевозможная восточная слади, баранье сало, сальныя свѣчи и мѣстная гончарная издѣлія съ лаворевою, зеленою и коричневою поливой: тутъ вы найдете разнообразные кувшины, миски, чашки, тарелки и большія корчаги. Тутъ же продается и мѣстный табакъ въ крошечномъ и тертомъ видѣ — первый для чилимовъ, второй для держания во рту, что здѣсь въ большомъ употреблѣніи. Затѣмъ, уже собственно въ рядахъ, выставлены кожи и сафьянъ, ковры и паласы, яркія стеганныя на ватѣ одѣяла изъ ситцу

и адресу и подушки, бухарскій хлопокъ въ тюкахъ, бухарскій шелкъ въ моткахъ, крашеный и сырцѣ, бухарскія матеріи: шелковыя шапи, атласъ и канасъ и полушелковыя адрасъ и бикасабъ, бумажная матѣя и московскіе ситцы, кумачи, коленкоры, кисея и бумага, ковровые и головные платки, шарфы и шали съ пестрыми разводами, специально потрафленные на азіатскій вкусъ, русскія сукна, бархать, парчи, атласъ и тафта, русскій сахаръ въ маленькихъ головкахъ и въ леденицѣ, вяземскіе пряники и коврижки, ландриинскія карамели и пастыла въ жестянкахъ и лубкахъ, русскія стеариновыя свѣчи и мыло, оконныя стекла, зеркала, русское полосовое желѣзо, свинецъ и мѣдныя издѣлія, между которыми не послѣднюю роль играютъ разной величины самовары; большие и малые русскіе сундуки и шкатулки съ металлическою оковкой, русскія пепъковыя веревки и бичевки, русскій фарфоръ и фаянсъ, преимущественно въ видѣ чайниковъ и полоскательныхъ чашекъ, и русское стекло въ видѣ графиновъ, стакановъ, баковъ и т. п.

Сравнительно съ ташкентскимъ шаарскій базарь очень не великъ. Въ числѣ его лучшихъ туземныхъ произведеній надо отмѣтить, во-первыхъ, всѣ предметы верхового конскаго снаряженія: узбекскія сѣдла, инкрустированные костью и узорчато расписанные лаковыми красками по золотому фону, а въ особенности крытые замшой и расшитые по ней разноцвѣтными шелками войлочные подсѣдельники, попонки и чепрачки; во-вторыхъ, сапожное дѣло: всѣ эти ичики (мягкіе сапоги), калоши и обыкновеніе сапоги съ длинными голенищами шьются здѣсь превосходно и очень красиво на бухарскій и на русскій образецъ; въ-третьихъ, мѣдно-чеканное дѣло: кумганы, умывальники, блюда и подносы, чилимы, чайники и тому подобныхъ издѣлія здѣшнихъ мастеровъ отличаются изяществомъ стиля и тонкостью чеканки.

Что же касается англійскихъ издѣлій, то это преимущественно стальныя, въ видѣ ножей, топоровъ, серповъ, лопатъ, косъ и столярныхъ инструментовъ, отчасти суконный и бу-

мажно-мануфактурный товаръ, отчасти висея. Сюда же можно отнести, пожалуй, парчу индѣйского производства и кашмирскія шали, съ которыми, впрочемъ, очень успѣшио конкурируютъ шали русскаго издѣлія превосходной доброты и совершенно кашмирскаго рисунка, сравнительно очень дешевыя и изящныя, какихъ я, къ удивленію моему, никогда и нигдѣ не встрѣчалъ въ Россіи, а тутъ узналъ лишь по русскимъ фабричнымъ клеймамъ. Но въ массѣ рыночныхъ товаровъ англійскія издѣлія пока еще, можно сказать, тонуть въ подавляющемъ количествѣ русскихъ произведеній. Русскіе товары идутъ сюда давно уже протореннымъ караваннамъ чутѣмъ отъ Оренбурга на Казалу и отъ Казалы двумя вѣтвями, изъ коикъ главнѣйшая на Ташкентъ и Самаркандъ, а другая на Хиву, которая также снабжаетъ Бухару своимъ избыткомъ русскихъ произведеній, причемъ хивинскіе купцы относительно бухарскихъ играютъ роль посредниковъ, вслѣдствіе чего и товаръ, идущій изъ Хивы, вѣсколько дороже того, что приходитъ по Казала-Самарканскому пути посредственно изъ Россіи. Первый находитъ себѣ сбыть въ сѣверныхъ и отчасти западныхъ предѣлахъ бухарскаго ханства, а второй въ южныхъ и юго-восточныхъ, которые по густотѣ населенія, количеству городовъ и производительности почвы представляютъ несравненно болѣе широкое полѣрище для нашего сбыта чѣмъ степные окраины сѣверныхъ и западныхъ предѣловъ. Англійскія же издѣлія проникаютъ сюда тремя болѣе или менѣе затруднительными путями, а именно: 1) изъ Индіи чрезъ Афганистанъ (самый трудный путь; 2) изъ Персіи чрезъ Гератъ и 3) изъ Закавказья чрезъ Персію же, благодаря нашему безпошлиновому транзиту¹⁾. Но туземцы пока еще оказываютъ почему-то предпочтеніе русскому товару и вообще въ нихъ замѣчается какъ-то болѣе вѣры во все русское, да и на ихній вкусъ оно болѣе потрафляетъ. И это служить причиной, что русскіе товары, чрезъ посредство бухарскихъ и персидскихъ купцовъ,

¹⁾ Писано до отмѣны безпошлинового транзита. Ирик. ред.

проникаютъ далеко южнѣе предполагаемыхъ нами границъ, на рынки Афганистана и въ сѣверо-западные предѣлы Индіи.

4 января.

Какъ отклонилъ токсаба третьаго дня разговоръ насчетъ телеграфа, такъ съ тѣхъ поръ больше и не появляется. Сегодня утромъ по-вчерашнему прибыли въ посольство двое мурзъ юзъ-бashi¹⁾) съ извиненіемъ, что Рахметъ-кула токсаба опять де не можетъ быть у насъ по причинѣ очень важныхъ дѣлъ, требующихъ отъ него усиленныхъ занятій, а что вмѣсто него они двое останутся пока при насъ приставами. Если токсаба не отвѣливаетъ такимъ способомъ отъ возобновленія дальнѣйшихъ разговоровъ относительно телеграфа, то можно предполагать, что надѣ нимъ стряслась какая либо бѣда, въ родѣ ханской опалы. Но въ чемъ тутъ дѣло, отъ насъ, очевидно, скрываютъ.

Сегодня былъ сдѣланъ посольствомъ визитъ Мегмедъ-Мурадъ-бю, беку Дарвазскому. Говорить о характерѣ этого визита, значить буквально повторять то, что уже сказано по отношенію къ нашимъ прежнимъ визитамъ. Мегмедъ-Мурадъ человѣкъ еще молодой, на видъ лѣтъ тридцати двухъ-трехъ, не болѣе. Лицо умное и пріятное, манеры человѣка породочнаго тона, по-азіатски разумѣется, то есть заключающія въ себѣ умѣніе соединять съ естественною простотой естественное чувство самоуваженія и вѣкоторую степенную саловитость. Его домашняя обстановка проще чѣмъ у бека Бальджупскаго, но это и немудрено; Мегмедъ-Мурадъ здѣсь наѣзжай, временный гость, и потому нанимъ себѣ домъ какой попался, чтобы не выбирать долго; а такъ какъ онъ къ тому же и недавно еще назначенъ на бекство, то и не успѣлъ пока приобрѣсти собственнаго дома въ Шаарѣ. Горные беки

¹⁾ Мурза или мираз — письменный человѣкъ, писарь, въ данномъ случаѣ секретарь, а юзъ-бashi — сотникъ, чинъ, соответствующій капитану; зачинть прибывшіе къ намъ были секретари капитанскаго чина.

называют сюда только разъ въ годъ, обыкновенно осенью, мѣсяца на два, пригоняя свои прїезды такъ, чтобы они со-впадали со временемъ пребыванія въ Шахрисебѣ эмира. Здѣсь они представляютъ его высокостепенству собранныя годовая подати и годовые отчеты по управлению своими бекствами, равно какъ и записки о нуждахъ, потребностяхъ и общемъ состояніи ввѣренного имъ населенія.

При этомъ визитѣ нашемъ вмѣсто токсабы присутствовали оба мурзы юзъ-бashi, наши приставы. Кушанья за завтра-комъ были столь же изысканно хороши, какъ и у бека Баль-джуанского, видно даже, что приготовляла ихъ одна и та же умѣлая рука и вѣроятно бекъ Дарвазскій позаимствовалъ на этотъ случай поваромъ у своего товарища, гастронома.

Одна не безъинтересная особенность: я замѣтилъ, что каждый разъ, какъ только посольство выѣзжаетъ куда либо съ официальнымъ визитомъ, тотчасъ же иѣсколько мѣстныхъ, приставленныхъ къ намъ джигитовъ, забираютъ въ охапку всѣ находящіеся у насъ вѣнскіе стулья и табуреты и взвинуски, перегоняя другъ друга, пѣши и конно спѣшать въ тотъ домъ, куда предстоитъ намъѣхать, чтобы предупредить тамъ наше прибытие. И вотъ, когда мы входимъ, стулья и табуреты уже стоять въ надлежащемъ порядкѣ у достархана. При возвра-щеніи посольства домой повторяется та же исторія, такъ что, когда мы переступаемъ свой порогъ, стулья и табуреты опять, уже стоять на мѣстахъ, совершенно въ томъ же порядкѣ, какъ и до нашего выѣзда, словно бы ихъ и не трогали. И такимъ образомъ эта мебель путешествуетъ съ нами отъ самой русской границы, начиная съ первого привала.

5 января.

Утромъ явились оба мурзы, и на вопросъ о токсабѣ отвѣчали, что все еще занять важными дѣлами, такъ какъ ему поручена де экстренная ревизія чего-то. Но, кажется, все это вѣдорь, а дѣло въ томъ, если только вѣрины свѣдѣнія, доставленные намъ негласнымъ путемъ, что токсаба, по поводу ка-

вихъ, то писемъ, подвергся гнѣву эмира, и ему повелѣно от-юдь не показываться болѣе ни при дворѣ, ни въ посольствѣ. Но можно подозрѣвать, что и это неправда, а вѣryѣ всего, кажется, будетъ предположеніе, что ему просто не вѣльно по-казываться къ намъ, пока совѣтники эмира не придумаютъ сообща чего нибудь подходящаго (въ увѣрливомъ, разумѣет-ся, смыслѣ) въ отвѣтъ на предложеніе касательно телеграфа.

Сегодня, между прочимъ, наши мурзы юзъ-бashi привели покупщиковъ на подарочные вещи, въ которыхъ будто бы сильно нуждаются здѣшніе сановники и даже самъ эмиръ, по неимѣнію въ запасѣ на Шаарскомъ базарѣ подходящихъ вещей для подарковъ, а въ особенности халатовъ. Юзъ-бashi еще вчера обратились къ частному ординарцу князя съ дѣ-ликатнымъ подходцемъ, что для чего, молъ, это посольство медлитъ продажей полученныхъ подарковъ. И когда тотъ за-явилъ имъ, что ни князь, ни вообще кто либо изъ посольства, сколько ему известно, продавать дареныхъ вещей вовсе не предполагаютъ, то юзъ-бashi высказали по поводу сего боль-шое сожалѣніе, такъ какъ это-де ставить многихъ сановни-ковъ въ крайне затруднительное положеніе по невозмож-ности достать въ Шаарѣ приличные подарки.

— Вы сами видѣли, добавили они въ подтвержденіе сво-ихъ словъ:—для того, чтобы имѣть возможность сегодня у бека Дарвазскаго подвести князю порядочную лошадь, мы должны были обратиться къ вамъ же и отъ васъ позаимствовать уздечкой и попоной. Вообще, пояснили они:—у насъ принято, что лицо, получившее подарки отъ эмира, обыкновенно оста-вляетъ себѣ на память какую нибудь одну вещь, какая наи-болѣе понравится, а всѣ остальные сбываются немедленно.

Когда князю доложили объ этомъ, то, разумѣется, не же-лая ставить нашихъ гостепріимныхъ хозяевъ въ затрудни-тельное положеніе, онъ поручилъ своему ординарцу и маюру Байтокову передать мурзамъ, что, не зная о существованіи у нихъ такого обычая, мы, напротивъ, полагали, что, пустивъ вещи въ продажу, показали бы тѣмъ какъ бы иѣкоторое пре-

небреженіе къ ихъ значенію въ смыслѣ подарковъ отъ такого высокостепеніаго лица, но что если это нужно, то пусть юзъ-бashi присылаютъ добросовѣстныхъ цѣновщиковъ и покупщи-ковъ. И вотъ сегодня тѣ и другіе явились вмѣстѣ съ мур-зами, Асланъ-бекъ при Байтоковѣ сталъ имъ показывать для предварительной оцѣнки подарки, полученные княземъ. Но покупщики сразу стали предлагать за превосходицѣйшія вещи такія несообразно низкія цѣны, что надувательство сказалось тутъ слишкомъ ясно, а потому и продажа не могла состояться, тѣмъ болѣе, что покупщики эти, по свѣдѣніямъ нашего ка-раванъ-бashi, оказались просто базарными маклаками-перекупщиками. Подозрѣвая, что они хотятъ воспользоваться временнымъ затрудненіемъ казны для того, чтобы, купивъ за не-что, перепродать ей эти вещи въ три-дорога, и къ тому же сомнѣваясь, точно ли существуетъ такой «этикетъ», чтобы на-мѣстѣ и сейчасъ же продавать эмирскіе подарки, и не есть ли это просто выдумка или уловка со стороны нашихъ при-ставовъ, возможныхъ участниковъ въ дѣлѣ гешефта, чтобы побудить насъ спустить поскорѣе наши вещи за что ни по-пало,—Асланъ-бекъ поблагодарилъ обоихъ мурзъ юзъ-башей за ихъ любезныя хлопоты, а перекупщикамъ отказалъ въ ка-кой бы то ни было сдѣлкѣ, объяснивъ, что посольство не мо-жетъ допустить, чтобы вещи, подаренные эмиромъ, пошли гу-лять по рукамъ базарныхъ покупателей.

Нынѣшній день посвятилъ я осмотру историческихъ до-стопримѣчательностей города и началъ съ могилы Хазрати-Шейхъ, надъ которой еще уцѣльѣлъ тамбуръ улавшаго ку-пола, опоясанный вязью куфическихъ надписей изъ поливча-тыхъ изразцовъ. При гробѣ находится мечеть и медрессе въ память святого. Но во внутрь мавзолея меня почему-то не пустили, придумавъ насконо отговорку, что настоятель ушелъ де изъ дома и ключъ унесъ съ собою, а потому о внутрен-немъ расположениіи и украшениихъ мавзолея и могилы свя-того сказать ничего не могу. Судя же по виѣшности полу-

развалившагося и запущенного зданія, думаю, что и внутрен-ность его находится не въ лучшемъ состояніи.

Отъ Хазрати-Шейха проѣхалъ я съ караулъ-бashi къ Акъ-Сараю, развалинамъ знаменитаго дворца Тимурлена. Вышиной эти развалины будуть сажень до двѣнадцати, и какъ снаружи, такъ и со внутренней стороны покрыты мозаичными узорами и куфическими надписями изъ разноцѣт-ныхъ поливчатыхъ изразцовъ. Одна изъ этихъ надписей гла-сить, что «царь есть тѣнь Божія на землѣ», другія предста-вляютъ изречевія въ подобномъ же родѣ.

Акъ-Сарай (бѣлый дворецъ) былъ начатъ постройкой въ 781 (1379) году геджры, по поводу слѣдующаго обстоятельства:

Предпринявъ четвѣртую войну противъ Харезма (нынѣ-шей Хивы), Тимуръ получилъ отъ харезмійскаго владѣтеля Юсуфъ-Суфи письмо, въ которомъ тотъ писалъ ему, что долго ли міръ будетъ терпѣть муку и бѣдствія изъ-за само-любія двухъ человѣковъ и что ради блага страны и человѣ-чества, не лучше ли было бы этимъ двумъ просто выйти другъ противъ друга на поединокъ, и тѣмъ порѣшить споръ, чѣмъ подвергать обѣ арміи кровопролитной битвѣ. Тимуръ пришелъ въ восторгъ отъ такого предложения и, не взирая на просьбы приближенныхъ не рисковать своею драгоцѣнною жизнью, первымъ явился на мѣсто поединка и громкимъ го-лосомъ вызывалъ на бой противника. Но Юсуфъ-Суфи стру-силъ и не выѣхалъ къ нему, предпочтя въ послѣднюю ми-нуту рѣшить дѣло общимъ сраженіемъ, въ которомъ, однако, былъ разбитъ и вскорѣ умеръ, въ 781 (1379) году въ крѣ-пости Харезмъ, во время ея осады Тимуромъ. По взятии Ха-резма, побѣдителю достались громадныя сокровища, которыхъ вмѣстѣ съ искусствами ремесленниками и учеными онъ при-везъ въ свой родной городъ Кешъ (нынѣ Шааръ), гдѣ и ве-лья построить Акъ-Сарай въ память обѣ этой побѣдѣ. Вам-бери говорить¹⁾, что въ началѣ своей завоевательной карь-

¹⁾ Исторія Бухары, т. I, 229.

еры Тимуръ былъ особенно расположень въ Кешу и сдѣлалъ его духовнымъ центромъ средне-азіатскаго міра, почему этотъ городъ и получилъ титулъ „куббетъ уль ильмъ в'эль эдебъ“, т. е. „куполь науки и морали“. Профессора знаменитыхъ высшихъ школъ Харезма, Бухары и Фергани должны были поселиться въ его стѣнахъ, и Тимуръ имѣлъ намѣреніе сдѣлать его своею резиденціей, что, по мнѣнію Вамбери, достаточно доказывается построениемъ Акъ-Сарай. Этотъ дворецъ, строившійся болѣе двѣнадцати лѣтъ, былъ произведеніемъ исключительно персидскихъ архитекторовъ, которые остались вѣрны національному стилю до того, что на верху главнаго фронтона помѣстили гербъ „льва и солнца“, украсивъ такимъ образомъ жилище туранскаго завоевателя эмблемой князей иранскихъ¹⁾. Самую видную и великолѣпную часть этого дворца, какъ и всѣхъ прочихъ зданій того времени, составлялъ порталъ, или пишъ-такъ²⁾, высоко подымавшійся надъ всѣмъ остальнымъ зданіемъ и завершавшійся полукуполомъ, остатки коего видны и въ настоящее время. Пишъ-такъ

¹⁾ Въ настоящее время этого изображенія какъ и самого фронтона уже не существуетъ, но подобное можно видѣть въ Самаркандѣ, на главномъ фронтона медрессе Ширъ-Даръ, изображенномъ на одной изъ картинъ В. В. Верещагина. Что же касается герба Тимура, то онъ состоялъ изъ трехъ колецъ, расположенныхъ слѣдующимъ образомъ:

Девизъ его былъ „Русти-Расти“, то есть сила только въ справедливости. Вамбери объясняетъ, что по символическому значенію эти знаки указывали на господство Тимура въ трехъ поясахъ, именно: на югѣ, на сѣверѣ и на западѣ, но тутъ же прибавляетъ, что „кажется они позаимствованы изъ древне-иранской геральдики, потому что и на памятникахъ Сассанидовъ красуются кольца какъ символъ власти и единства“. Мне тоже кажется, что послѣднее заключеніе вѣрнѣе, а къ тому же прибавлю, что и на степныхъ мавзолеяхъ разныхъ узбекскихъ родоправителей мы случалось иногда встрѣчать подобныя кольца, очевидно въ какомъ-то символическомъ значеніи, которое, полагаю, ближе всего подходитъ если не въ древнейшей идеѣ вѣчности, то конечно къ идеѣ единства и власти.

²⁾ Пишъ-такъ по-персидски значитъ передъ кровлю.

быть снабжено фантастическими нишами и раздѣлался внутри на нѣсколько этажей, имѣвшихъ отдѣльные высокіе потоци, мозаично облицованные пестрыми изразцами, что отчасти сохранилось и понынѣ, а снаружи весь былъ покрытъ мозаичными цветами и арабесками бирюзоваго, синяго, золотаго, желтаго и другихъ колеровъ. Такіе изразцы выдѣлывались въ Кашанѣ, почему и до сихъ поръ еще носятъ название „кашан“¹⁾. По описанію Вамбери, не знаю, впрочемъ, откуда заимствованному, во дворцѣ находился цѣлый рядъ мозаичныхъ покоевъ, и женское отдѣленіе преизбило пышностью и великолѣпiemъ; а предъ обширною праздничною залою тянулся большой тѣнистый садъ и между цветочными его грядами струились, журча, „милые ручейки“, т. е., по просту сказать, арыки. Садъ существуетъ и теперь, только не предъ, а позади большой праздничной залы (а и я - ми-чахана), которая, впрочемъ, построена уже въ позднѣйшее время, и между его карагачами хотя и существуютъ очень старые, но возрастъ ихъ во всякомъ случаѣ едва ли достигаетъ пяти столѣтій.

6 января.

Въ часъ дня визитъ къ Кулябскому беку¹⁾. Это молодой человѣкъ лѣтъ около двадцати пяти, высокаго роста и очень красивый собой: большие тихіе глаза, матовый цветъ лица и прекрасная, шелковисто-черная борода; одѣтъ очень просто: въ обыкновенный адрасовый халатъ, на головѣ бѣлая кисейная чалма; но отсутствіе роскоши восполняется безукоризненною свѣжестью и чистотой всего его костюма. Говорить онъ только по-таджикски, и потому разговоръ во время визита шелъ при посредствѣ одного изъ нашихъ приставовъ,

¹⁾ Кулябъ или по тахрисебскому произношению Куабъ — одно изъ горныхъ восточныхъ бекствъ, въ сосѣдствѣ съ Каратепинскимъ хребтомъ, между рѣками Кчи-Сурхъ-Абъ и Ценджъ. На лѣвомъ берегу первой изъ нихъ стоитъ городъ Кулябъ.

который съ таджикского переводилъ маюру Байтакову на узбекскій языкъ, а Байтаковъ уже передавалъ кнѧзю по-русски. Но на вопросы кнѧзя, обращаемые къ беку, приставъ по большей части отвѣчалъ самостоительно, а бекъ скромно отмалчивался да улыбался пріятно. Такъ, между прочимъ, на замѣчаніе въ видѣ комплиманта, что пріятно, моль, видѣть, какъ цѣнить высокостепенныи эмиръ личныхъ достоинствъ и способности людей, если не затрудняется возводить на важный и отвѣтственный постъ бека человѣка столь молодыхъ лѣтъ, мурза юзъ-бashi поспѣшилъ отъ себя разъяснить, что нашъ амфитріонъ попалъ въ беки вовсе не по личнымъ заслугамъ и способностямъ, а исключительно въ силу правъ своего происхожденія, такъ какъ званіе и должность бека въ Кулѣбѣ всегда остаются наследственными въ его родѣ. Онъ же, на вопросъ о таджикскомъ языке, сообщилъ, что это въ сущности тотъ же персидскій языкъ, только вульгарный, грубый и сохранившій въ себѣ болѣе древнія формы, давно уже вышедшія изъ употребленія въ нынѣшнемъ литературно-обработанномъ, изысканномъ языке, какимъ объясняются при дворѣ эмира и въ ученыхъ кругахъ, но все же языкъ этотъ, или, вѣрнѣе сказать, куябское нарѣчіе, настолько близокъ къ персидскому, что, когда эмиру приходится объясняться съ бекомъ, то онъ обращается къ нему послѣднему по-персидски, а бекъ отвѣчаетъ на куябскомъ нарѣчіи, и оба превосходно понимаютъ другъ друга.

Чтобы не повторяться, не стану описывать нашего приема, угоженія и обмѣна подарковъ; скажу только одно: бѣдные беки!. Они принимаютъ насъ въ силу особаго приказанія эмира, не имѣя въ томъ, сами по себѣ, ни малѣйшей надобности, и для этихъ приемовъ принуждены расходоваться на угоженія и подарки, что въ совокупности составляетъ сумму не маленькую. Воображаю, какими пріятными элитетами награждаютъ они въ душѣ все наше посольство!. И добро бы хоть наши отвѣтные подарки вознаграждали ихъ вѣсколько за расходы, такъ и этого нѣть: ни одинъ бекъ,

до положенію, не имѣть права оставить у себя полученные имъ отъ кого бы то ни было дары, а обязанъ полностью представить ихъ въ распоряженіе эмира, который иногда возвращаетъ ихъ беку, а иногда оставляетъ себѣ, и послѣднее считается даже знакомъ особенной милости. Вообще, посѣщеніе его высокостепенствомъ какого либо бекства и беку, и обывателямъ въ особенности далеко не дешево. Н. А. Маевъ¹⁾ разсказываетъ, что сумма, расходуемая бекомъ на приемъ-казрета, достигаетъ 100,000 тенъговъ, что равняется 20,000 серебряныхъ рублей. Въ день пріѣзда эмира въ городъ бекъ подноситъ ему подарокъ, состоящій изъ одной кровной лошади въ драгоценномъ уборѣ и одного тюка (девятки) халатовъ; при отѣздѣ—четыридцать лошадей, четыридцать тюковъ (по девяти штука въ каждомъ) халатовъ и кожаный кошелъ (тартукъ) съ тенъгами отъ сорока до пятидесяти тысячъ, т. е. отъ восьми до десяти тысячъ серебряныхъ рублей. Кроме того, пока эмиръ гостить въ бекствѣ, ему ежедневно подается достарханъ изо ста пятидесяти блюдъ и лакомствъ, которыя онъ раздаетъ своимъ приближеннымъ, состоящимъ тоже на кормахъ у бека, а тѣ ежедневно перепродаютъ всѣ эти подачки мѣстнымъ торговцамъ, обязаннымъ *volens non volens* покупать ихъ у дворскихъ челядинцевъ по базарнымъ, спра-вочнымъ цѣнамъ. Да надо замѣтить, что, кроме придворного штата, эмира всегда сопровождаетъ въ его путешествіяхъ и разѣздахъ по краю еще почетный конвой, состоящій изъ сотни «куль-батчей»²⁾ и нѣсколькихъ батальоновъ сарбазовъ, которые точно также кормятся на счетъ бека. А такъ какъ дневной маршрутъ «высокаго гостя» въ рѣдкихъ слу-чаихъ превышаетъ полтора или два таша (12—16 верстъ),

¹⁾ Материалы для статистики Туркестанскаго края, выпускъ V, стр. 94.

²⁾ Куль-батчи, въ буквальномъ переводе значитъ: дѣти-рабы. Этогъ отрядъ рекрутirуется изъ плѣнныхъ мальчиковъ-праницевъ и изъ сыновей рабовъ, въ большинствѣ своемъ тоже иранскаго происхожденія.

то пребывание его въ предѣлахъ того или другаго бекства, даже самое краткосрочное, все-таки выходить довольно продолжительнымъ. Посчитать всѣ эти расходы—въ общемъ итогѣ набѣжитъ весьма и весьма почтенная сумма, за которую, конечно, приходится расплачиваться не столько беку, ибо бекъ все-таки наверстаетъ свое потомъ не мытьемъ, такъ катаньемъ, сколько торговому и землемѣрческому классамъ мѣстнаго населенія. Вотъ почему просто совѣтно становится принимать отъ бековъ всѣ эти подарки; а не принять невозможно въ силу коренного, извѣчного обычая, ибо это значило бы нанести не только ихъ самолюбію, но и самому эмиру величайшее оскорблѣніе.

Такси все еще не показывается.

Отъ спрятаго воздуха, недостаточности свѣта и, наконецъ, отъ копоти и юдкаго дыма, выбиваляемаго вѣтромъ изъ желѣзной печки въ нашей комнатѣ, докторъ и я начинаемъ страдать глазами: вѣки воспалены и слегка припухли, глаза слизаются и гноятся, опущается въ нихъ рѣзь и зудъ, словомъ, всѣ признаки начинающагося воспаленія. На дворѣ уже скоро сутки какъ идетъ дождь, смѣшанный со снѣгомъ. Слякоть неизобразимая.

Вечеромъ, гдѣ-то по сосѣдству, была томаша. Очень долго играли на сурнахъ и бубнахъ, а потомъ маскарабазы стали подражать собачьему лаю и реву ишаковъ (такой родъ коми-ческихъ представлений здѣсь въ большой модѣ), и производили это столь долго и съ такимъ совершенствомъ, что переполошили, наконецъ, въ околотѣ всѣхъ собакъ и ословъ, которые ревностно присоединились къ концерту клоуновъ и долго потомъ не могли успокоиться.

7 января.

Въ восемь часовъ утра термометръ Рейнеке показывалъ -9° , а къ полудню морозъ полегчалъ, и ртуть поднялась до $-7\frac{1}{2}^{\circ}$. Снѣгу навалило за ночь цѣлые массы, такъ что на узкихъ улицахъ образовались непроходимые сугробы.

Наши юзъ-баши³ обыкновенно являвшіеся къ девяти часамъ утра узнать отъ имени эмира о здоровьѣ и желаніяхъ посольства, сегодня не явились. Такой знакъ невниманія нѣсколько озадачилъ было князя, но вскорѣ оказалось, что нынче, по случаю пятницы¹), происходилъ торжественный выѣздъ эмира въ городскую мечеть къ большому богослуженію (намазъ джума), гдѣ должны были будто бы обязательно присутствовать и наши приставы, которые поэтому явились въ намъ позднѣе и то лишь послѣ того, какъ за ними послали по дѣлу. Еще до ихъ прибытія, вернулся изъ Самарканда нашъ гонецъ и привезъ отвѣтную депешу главнаго начальника Туркестанскаго края относительно телеграфнаго дѣла, гдѣ говорится, что для окончательныхъ переговоровъ по сему дѣлу будетъ впослѣдствіи присланъ особо чиновникъ по дипломатической части, о чемъ-де своевременно было заявлено токсабѣ еще въ Ташкентѣ. „Обязанность посла, говорится далѣе въ депешѣ, только предупредить объ этомъ эмира и заручиться согласиемъ“. Такимъ образомъ, эта депеша не только разъясняетъ, но отчасти и измѣняетъ сущность открытыхъ было переговоровъ.

8 января.

Еще вчера, пославъ за юзъ-башами, князь объявилъ имъ, что получилъ отъ генераль-губернатора депешу, по которой ему надлежить въ скорѣйшемъ времени объясниться съ санимъ эмиромъ. Юзъ-бashi доложили объ этомъ кому слѣдовало и сегодня утромъ явились сказать князю, что эмиръ готовъ принять посольство сегодня же, послѣ вечерняго намаза, для чего и поручено имъ, юзъ-башамъ, пригласить насть пожаловать во дворецъ въ $4\frac{1}{2}$ часа пополудни.

Мы нарядились вмѣстѣ съ конвоемъ въ полную парадную форму (казаки, впрочемъ, были въ шинеляхъ) и къ четыремъ часамъ были уже въ полной готовностиѣхать. Въ это время

¹⁾ Еженедельный праздничный день въ мусульманствѣ.

явились юзъ-бashi, сопровождая новое лицо, одѣтое въ форменный парадный халатъ изъ мелкотравчатой индійской парчи. Оказалось, что это тотъ самый Дурбинъ-инакъ, съ которымъ мы уже познакомились при первомъ представлении эмиру. Онъ бывшій главный казначей эмира, остающійся и понынѣ не безъ вліянія на финансовый дѣла ханства, а въ настоящее время въ качествѣ „шигаула“ (оберъ-церемоніимейстера) пользуется положеніемъ одного изъ самыхъ приближенныхъ лицъ къ эмиру. Это уже пожилой человѣкъ лѣтъ за пятьдесятъ, но очень еще бодрый, среднаго роста, нѣсколько худощавый, съ явно-выкрашенной въ темнокаштановый цвѣть окладистою бородой. Типъ лица иранскій; большие умные, живые глаза; выраженіе физіономіи кроткое, но не безъ того, что называется „себѣ на умѣ“; улыбка тихая, сладковата; манеры, очень живыя отъ природы, онъ не безъ успѣха старается сдѣлать плавными и сдержанными. Вообще, мы замѣчаемъ, что многимъ „европейцамъ“ стоило бы позаимствовать манерами и умѣньемъ держать себя у этихъ *soi-disant*, „дикарь-азіатовъ“.

Юзъ-бashi объяснили, что его высокостепенство нарочно прислалъ самаго близкаго къ своей особѣ человѣка, чтобы съ почетомъ сопровождать насъ на сегодняшнюю аудіенцію. Мы, въ лицѣ князя, конечно, отвѣчали, что вполнѣ цѣнимъ столь высокое къ намъ вниманіе.

Ровно въ половинѣ пятаго часа посольство тронулось со двора своимъ обычно-церемоніальнымъ порядкомъ. День былъ ясный, солнечный, но морозъ доходилъ до -18° R. Хорошо еще, что не было вѣтра. На нынѣшний разъ мы замѣтили во встрѣчномъ церемоніалѣ нѣкоторые отѣнки, какихъ въ прошлый не было. Такъ, у воротъ цитадели, противъ почетнаго караула, стояли два знаменосца, имѣя по бокамъ себѣ ассистентами двухъ панджа-башей¹⁾ и двухъ офицеровъ съ обнаженными саблями, а на вышкѣ боковыхъ воротъ, ведущихъ

¹⁾ Пятидесятникъ—чинъ, соответствующій унтер-офицеру.

въ пушкарный дворъ, куда мы теперь сверили по указанию Фхавшихъ впереди насъ бухарскихъ церемоніимейстеровъ, сидѣли придворные музыканты и играли намъ на сурнахъ, флейтахъ, торбанахъ и литаврахъ нѣчто очень чувствительное,— такъ по крайней мѣрѣ надо полагать по протяжнымъ заунывнымъ звукамъ.

Перваначи Остана-куль встрѣтили посольство за порогомъ своего внутренняго двора, у второго почетнаго караула, и проводилъ насъ къ себѣ въ приемную комнату, гдѣ, по обыкновенію, сервированъ былъ достарханъ и стояли вокругъ вѣнсіе стулья и табуреты, въ карьеръ перевезенные изъ нашей квартиры. За угощеніемъ присутствовали: Остана-куль въ качествѣ хозяина дома, Дурбинъ-инакъ, дарбанъ и удайчи, съ которыми мы познакомились въ прошлый разъ, и оба наши пристава. Здѣсь, ради этикета, пришлось намъ снять наши теплые шинели и остаться въ однихъ мундирахъ, и хотя подъ мундирями у насъ были надѣты двойные фуфайки, однако восемнадцатиградусный морозъ сильно давалъ себя чувствовать, тѣмъ болѣе, что въ этихъ промерзлыхъ насквозь парадныхъ комнатахъ съ ничѣмъ не защищенными окнами лютый холодъ ощущался гораздо сильнѣе, чѣмъ на совершенно открытомъ воздухѣ. Благодѣтельный чай помогъ было нѣсколько согрѣться, но увы! ненадолго, и минутъ чрезъ десять послѣ выпитаго стакана сталъ пробирать насъ такой „циганскій потъ“, что буквально зубъ на зубъ не попадалъ отъ сильной дрожи. Замѣтивъ, что всѣ мы очень озябли, хозяинъ дома, вмѣстѣ съ Дурбинъ-инакомъ (имъ-то хорошо — они были въ мѣховыхъ халатахъ), предложили наѣхъ шинели. Благодѣтельные люди!.. Безъ этого любезнаго предложенія мы рисковали бы скватить жесточайшую простуду.

Вскорѣ Дурбинъ-инакъ поднялся съ мѣста и сказалъ, что идетъ къ эмиру предупредить его высокостепенство о нашемъ прибытіи. Отсутствие его продолжалось болѣе получасу и, наконецъ, уже въ сумерки, возвратился онъ съ торжественнымъ

заявлениемъ, что хазреть окончилъ свой вечерній намазъ и ожидаетъ къ себѣ русское посольство.

Пришлось опять разстаться съ теплыми шинелями и идти чрезъ нѣсколько малыхъ дворовъ по заледенѣлымъ, но не посыпаннымъ пескомъ и потому страшно скользкимъ троекамъ. Рискуя на каждомъ шагу сломать себѣ если не шею, то руку или ногу, мы, кое-какъ балансируя, благополучно минули наконецъ эти предательскія троеки и чрезъ ниженькую комнату вышли на обширный парадный дворъ „ишкери“. Здѣсь наше шествіе продолжалось уже въ такомъ порядкѣ: впереди, попарно — удайчи съ жезлами, за ними — наши мурзы юзьбashi, за мурзами — дярбанъ, за дярбаномъ — перваначи Остана-куль рядомъ съ Дурбинъ-инакомъ, затѣмъ князь и члены посольства и, наконецъ, позади — нѣсколько придворныхъ чиновъ болѣе мелкихъ разрядовъ и нѣсколько дворцовыхъ служителей. Вообще, мнѣ показалось, что на этотъ разъ насъ принимаютъ гораздо параднѣе, чѣмъ при первомъ представлѣніи — быть можетъ оттого, что князь вчера далъ почувствовать юзьбашамъ нѣкоторое недовольство по поводу недостаточной внимательности двора къ посольству.

Нѣкоторые покои дворца были освѣщены, въ особенности зала „айна-мима-хана“, гдѣ эмиръ принималъ насъ въ прошлый разъ, и гдѣ теперь мы замѣтили множество зажженныхъ свѣчъ, отражавшихъ на стѣнныхъ панелей.

Поднявшись на террасу, предшествовавшіе намъ чины, какъ и въ тотъ разъ, сугубо согнувшись напередъ въ знакъ глубокаго почтенія, разступились на обѣ стороны предъ одною изъ растворенныхъ дверей, — и мы, по пригласительному жесту Дурбинъ-инака, вошли въ небольшую продолговатую комнату обѣ одномъ стекольчатомъ окнѣ, въ глубинѣ которой, въ правомъ углу, возсѣдалъ на тронѣ его высокостепенство. Какъ видно, тронъ этотъ, все равно, что и наши вѣнскіе стулья, свободно перетаскивается, когда и куда понадобится. Послѣдовали церемоніальныя рукопожатія въ порядкѣ постепенности нашихъ чиновъ и освѣдомленіе о здоровьѣ князя и

о моемъ, причемъ эмиръ сказалъ, что, услышавъ о моей болѣзни, онъ очень сожалѣлъ, а потому тѣмъ болѣе радъ, видя меня теперь на ногахъ, и спросилъ, хорошо ли я себя чувствую. Получивъ отъ меня удовлетворительный отвѣтъ съ выраженіемъ благодарности за его любезное вниманіе, онъ еще разъ выразилъ свое удовольствіе тому, что я здоровъ, и затѣмъ мы разсѣлись, по чинамъ, на креслахъ и скамьяхъ, поставленныхъ вдоль лѣвой отъ входа стѣны и покрытыхъ малиновымъ бархатомъ.

— Вы желали меня видѣть по поводу полученной вами вчера телеграммы генералъ-губернатора, я готовъ васъ выслушать, заявилъ эмиръ послѣ краткаго молчанія. Выраженія его лица почти невозможно было разглядѣть, такъ какъ комната слабо освѣщалась только двумя стеариновыми свѣчами, поставленными на низенькихъ табуреткахъ (сандалѣ) въ родѣ турецкихъ „софра“, въ двухъ противоположныхъ углахъ — одна въ правомъ отъ входа, другая въ лѣвомъ въ глубинѣ комнаты. Да при томъ по комнатѣ этой клубами ходилъ парь отъ дыханія шести человѣкъ, а въ раскрытую настежь дверь валилъ со двора морозный воздухъ, такъ что вокругъ насъ просто туманъ стоялъ.

Въ отвѣтъ на приглашеніе высказаться, князь изложилъ эмиру сущность своего порученія и распространился, въ мѣру необходимости, о взаимныхъ пользахъ и выгодахъ отъ телеграфа, какъ для торговыхъ, такъ и для дружественно-политическихъ сношеній Бухары съ Россіей.

Эмиръ выслушалъ все это не проронивъ ни одного слова, и пока князь говорилъ, а Байтовъ переводилъ фразу за фразой, онъ сидѣлъ неподвижно склонивъ нѣсколько на бокъ потупленную голову и сложивъ на животѣ руки. Когда же князь кончилъ, то Музafferъ-Эддинъ, какъ бы собравшись съ мыслями, весьма обстоятельно изложилъ намъ свой взглядъ на это дѣло приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ, причемъ маJORъ Байтовъ точно также переводилъ намъ отдельно каждую его законченную фразу.

— Еще при покойномъ генераль-губернаторѣ неоднократно подымался вопросъ объ этомъ же самомъ предметѣ, началь намъ Музаффаръ-Эддинъ свою отповѣдь,—не только моимъ посланцамъ говорилось объ этомъ въ Ташкентѣ, но и ко мнѣ присыпались нарочно съ этой цѣлью послы отъ русскаго правительства. Къ сожалѣнію, и нынѣ я могу повторить только то, что уже высказывалъ раньше. Неужели вы полагаете, что я не понимаю всей пользы телеграфа, въ особенности для торговыхъ сношеній? Разница очевидная: сносишься ли другъ съ другомъ въ теченіе одного-двухъ часовъ, или въ продолженіе шести-семи сутокъ, какъ идетъ это нынѣ. И я лично, и мои приближенные—всѣ мы очень хорошо со знаемъ выгоды и удобства быстрыхъ сношеній, и не только даже въ политическомъ отношеніи; потому что покорить себѣ мое ханство, или оказать мнѣ помощь противъ враговъ вы всегда сможете и безъ телеграфа, какъ было и прежде. И такъ, не столько въ политическомъ, говорю я, сколько въ коммерческомъ отношеніи былъ бы телеграфъ намъ съ вами полезнымъ. Купцы мои тоже отлично понимаютъ эту выгоду. Но, къ сожалѣнію, мои подданные состоять не исключительно изъ однихъ купцовъ; напротивъ, купеческий классъ людей у насъ весьма не великъ, большинство у насъ вовсе не торговое, а земледѣльческое, и вы очень ошибаетесь, если будете думать, что мнѣ, какъ безусловному повелителю моего ханства, достаточно лишь приказать, чтобы все тотчасъ же и было исполнено по моему слову. Положимъ, оно будетъ исполнено, я не спорю, но даже и въ моемъ положеніи я все-таки необходимо долженъ сообразоваться со взглядами и убѣждениями большинства. А на это большинство имѣютъ громадное влияніе, во-первыхъ, сеиды и ходжи¹⁾, а потомъ всевозможные муллы;

¹⁾ Сеиды и ходжи составляютъ первыя два сословія въ государствѣ, какъ бы его аристократію. Сеидами называются потомки Хазрата-Османа и Хазрата-Али-Ширин-Хода, происшедши отъ дочерей пророка Магомета. Ходжи же именуются всѣ потомки Абубекръ-Садыка и Омаръ-Ульфарука,

улемы и прочие подобные люди, смотрящіе на каждое нововведеніе исключительно съ религіозной точки зренія, и потому каждое нововведеніе, заимствованное у Европы, для нихъ уже глубоко противно: оно возмущаетъ ихъ религіозное чувство. Народъ вѣдь, вы знаете, въ массѣ своей всегда темный народъ, и надо очень много времени, пока онъ наконецъ со знаетъ пользу того или другаго нововведенія, пока воочию не убѣдится въ ней на опытѣ. По своей темнотѣ, народъ конечно будетъ болѣе вѣрить тому, что ему станутъ говорить его ходжи и муллы, чѣмъ тому, что скажу я моимъ повелѣніемъ вопреки убѣжденію этихъ ходжей. Поэтому вы поймите что въ моемъ положеніи, и именно ради сохраненія его высоты и достоинства въ глазахъ народа, я долженъ быть очень остороженъ.

Эмиръ замолкъ было на минуту и задумался, но затѣмъ, быстро поднявъ голову, заговорилъ вдругъ съ замѣтнымъ оживленіемъ:

— Не мысль сопротивленія вамъ руководить меня въ моемъ отказѣ, нѣтъ, не думайте такъ!.. Какое тутъ сопротивленіе!.. Да и можемъ ли мы сопротивляться, если вы и теперь владѣете изъ Самарканда водой наилучшей части моего ханства, моей столицы. Вамъ стоять запереть воду—и Бухара пропала. Если хотите, берите ее хоть сю минуту и тогда вводите все, что вамъ угодно. Тогда во всемъ ваша полная воля. Забирайте Бухару, если вамъ это нужно, я даже и сопротивляться не стану, куда мнѣ!.. Я уже старъ и немощенъ, мнѣ недолго остается жить... Какъ нибудь дотяну до смерти...

Эмиръ опять простоялъ на минуту, послѣ того какъ

а равно и вышенназванныхъ Османа и Али, но не отъ дочерей Магомета, а отъ другихъ женъ. Принадлежащіе къ этимъ двумъ сословіямъ должны имѣть письменные родословные документы (шаджаря), которые доказывали бы подлинность ихъ происхожденія отъ какого-либо изъ четырехъ названныхъ лицъ.

Байтоковъ перевелъ намъ эти послѣднія слова, и затѣмъ за-
говорилъ нѣсколько медленнѣе, отчетливымъ тономъ, какъ бы
взвѣшивая и оттѣняюще значение каждого своего слова:

— Но если вы, говорилъ онъ,— по своимъ политическимъ
расчетамъ находите нужнымъ удержать меня на моемъ мѣстѣ,
то принимайте въ соображеніе и мой мнѣнія, тѣмъ болѣе,
что они вовсе не слѣдствіе моей прихоти, а вытекаютъ изъ
крайней необходимости, преступить которую я не могу, не
пожертвовавъ достоинствомъ своего положенія въ глазахъ на-
рода. Это таѣ, прошу васъ вѣрить. Вы говорите, что для
окончательного соглашенія по этому дѣлу будетъ присланъ
особо дипломатическій чиновникъ. Это будетъ совершенно на-
прашно, потому что и ему я повторю то же самое, что выска-
залъ вамъ. Мне было бы очень приятно доставить удоволь-
ствіе генераль-губернатору, тѣмъ болѣе, что это, я понимаю,
было бы угодно и моему высокому покровителю, Бѣлому Царю,
но... къ несчастію, я не могу дать на это дѣло согласія не
возмутивъ своего народа, и потому, сколь не непріятно, буду
вынужденъ и впредь повторять все то же, что говорю теперь
и что неоднократно уже повторялъ и прежде.

Выраженія лица эмира во время этой рѣчи мы не могли
разсмотретьъ, но за то, на сколько можно было судить по вы-
раженію голоса, оноказалось дышащимъ полною искренни-
стю и глубокимъ убѣжденіемъ. Музafferъ-Эддинъ говорилъ
не безъ внутренняго волненія и видно было, что ему очень
тяжело высказать намъ свой отказъ; тѣмъ не менѣе сдѣлалъ
онъ это съ твердостію и достоинствомъ, хотя и въ самой
мягкой, деликатной формѣ.

Князь сказалъ ему на это, что его порученіе заключалось
только въ томъ, чтобы предупредить высокостепеніаго эмира
насчетъ желанія генераль-губернатора, не входя въ подроб-
ности дѣла по существу; что онъ свое порученіе считаетъ те-
перь законченнымъ и о результатахъ его въ подробности со-
общить генераль-губернатору; что же касается предполагае-
мого его высокостепеніемъ намѣренія Россіи „забрать Бу-

хару“, то онъ, князь, можетъ вполнѣ чистосердечно заявить
его, что такого намѣренія ни у кого въ Россіи нѣть и что
намъ забирать Бухару нѣть никакого расчета и ни малѣй-
шей выгоды; напротивъ, въ видахъ нашей политики какъ
можно больше и выше поддержать власть и значеніе эмира
въ глазахъ мусульманства, доказательство чему онъ можетъ
видѣть хотя бы въ милостивомъ принятіи Его Величествомъ
ордена Восходящей Звѣзды Бухары и въ отвѣтномъ по-
жалованіи его высокостепеніству ордена Св. Анны 1-й степени.

Эмиръ отвѣчалъ, что онъ очень чувствуетъ и высоко цѣ-
нитъ милости и вниманіе къ нему великаго Бѣлаго Царя, ко-
торому онъ всегда преданнѣйший другъ и союзникъ.

Но высказавъ это, Музafferъ-Эддинъ какъ-то грустно по-
вижъ головой и о чёмъ-то глубоко раздумался. Мне показа-
лось, что въ душѣ едва ли онъ вѣритъ искренности всѣхъ
разсыпанныхъ предъ нимъ увѣреній и что, несмотря ни на
что, сила рока, тяготѣющая надъ Средней Азіей съ сѣвера,
ясна предъ его внутренними очами...

Бѣдный старикъ! Мне почему-то вдругъ стало жаль его,
этого захудалаго потомка великаго Чингисхана, покорителя
и владыки полувселенной¹⁾). И невольно подумалось при этомъ,
что лѣтъ шестьсотъ назадъ, и даже менѣе, вѣроятно и наши
московскіе великие князья такъ же точно раздумчиво грустно
понуривъ голову сидѣли предъ какими нибудь высокомѣрными
посланцами предковъ этого самого эмира, предъявлявшими и
къ нимъ какія либо требования и домогательства, не вполнѣ
согласуемы съ достоинствомъ этихъ князей въ глазахъ на-
рода русскаго. Sic tempora mutantur!.. Съ теченіемъ вѣковъ
политическая роли перемѣнились. И все-таки мнѣ жалко этого
бѣднаго старика, такъ безпомощно поникшаго головой...

Выйдя, наконецъ, изъ своей глубокой задумчивости, Му-

¹⁾ Династія Мангітъ, сидѣвшая нынѣ на престолѣ Бухары, соста-
вляетъ боковую вѣтвь потомковъ Чингисхана (отъ его сына Чагатая), по
женской линіи, изъ фамиліи Джюджи.

заффарь-Эддинъ вдругъ поднялъ голову и, какъ бы очнувшись, тоюмъ любезнаго хозяина предложилъ намъ перейти въ теплую комнату погрѣться и развлечься.

Лучше и желательнѣе этого предложения въ данную минуту ничего и быть не могло. Представьте себѣ только то, что наша бесѣда, изложенная мною вкратцѣ, длилась по крайней мѣрѣ съ часомъ, и что въ маленькой пріемной эмира было гораздо холоднѣе, чѣмъ у первиачи. Тамъ хоть сколько нибудь согрѣвали комнату поставленныя около насъ жаровни съ пылающими угольями (мангалы) и хотя отъ этого мы рисковали угорѣть (а нѣкоторые и угорѣли-таки), но за то сколько нибудь чувствовали тепло; здѣсь же не было никакихъ теплотворныхъ приспособленій, а между тѣмъ студеный вѣтерокъ, порой врывавшійся къ намъ въ раскрытую дверь, приносилъ такой жестокій холодъ, что пребываніе въ этой комнатѣ обратилось для насъ въ чистѣйшую пытку. Поэтому можете представить себѣ, какъ всѣ мы въ глубинѣ души обрадовались предложенію эмира, и конечно тотчасъ же поспѣшили имъ воспользоваться.

Откланившись, едва переступили мы порогъ, какъ насъ встрѣтилъ Дурбинъ-инакъ и проводилъ въ большую зеркальную залу. Все время, пока длился наше разговаривание съ эмиромъ, этотъ царедворецъ, одинъ изо всѣй сопровождавшей насъ придворной компаніи, оставался съ наружной стороны у дверей пріемной, какъ бы охраняя входъ въ нее, и не измѣнялъ своей глубокоочтитительной согбенной позы, подобающей въ близкомъ присутствіи хазрета. Онъ, разумѣется, слушалъ и слышалъ весь разговоръ, но дѣлалъ это такъ, какъ будто вовсе не слушаетъ, а только все больше и больше преисполняется внутреннимъ благоговѣніемъ къ своему владыкѣ.

Зеркальная зала показалась мнѣ теперь болѣе эффектною, чѣмъ при дневномъ освѣщеніи. Посрединѣ ея былъ накрытъ большой широкій столъ на низенькихъ ножкахъ, красиво установленный множествомъ всевозможныхъ лакомствъ и

бронзовыхъ шандаловъ съ зажженными свѣчами, а по обѣ стороны отъ входа, вдоль боковыхъ стѣнъ, во всю длину ихъ, стояли трехъ-ярусныя горки, тѣсно установленныя еще большимъ количествомъ всевозможныхъ канделябровъ и даже бра, простыхъ и парныхъ шандаловъ и разнообразнѣйшихъ подсвѣчниковъ, отъ старинныхъ бронзъ рококо и египетскаго стиля до новѣйшихъ произведеній Кумберга, Штала и Шопена. Это была въ своемъ родѣ цѣлая выставка бронзъ, гдѣ высоко-изящныя художественные произведенія мѣшались какъ попало съ рыночными издѣліями, въ которыхъ недостатокъ вкуса восполнялся избыткомъ блеска. Но въ общемъ все это, переполненное горячими свѣчами, производило очень блестящій эффектъ, въ особенности благодаря сплошному ряду стѣнныхъ зеркалъ, гдѣ вся эта иллюминація отражалась цѣлыми миріадами огненныхъ клубковъ и букетовъ, вереницами искристыхъ гирляндъ и мигающихъ звѣздочекъ, и такъ какъ зеркала обрамляли собою сплошь всѣ четыре стѣны, то отраженія огней продолжались въ безконечность. Около горокъ все похаживалъ какой-то блѣдородный почтенный старикъ, держа въ рукахъ на жестяномъ лоточкѣ свѣчные щиццы, давно уже вышедшия изъ употребленія въ Россіи съ распространениемъ стеариновыхъ свѣчъ, но которые очень хорошо еще помнить наши бабушки и матери. Дѣло въ томъ, что иллюминація эта болѣе чѣмъ на половину состояла изъ сальныхъ свѣчей, которая быстро нагорали и оплавливались, заливая потоками сала великолѣпнѣйшія бронзы канделябровъ и шандаловъ, и обязанность почтенного чалмоноснаго старца состояла въ томъ, чтобы съ помощью щиццовъ снимать свѣчной нагаръ. Въ этой специальности и заключается вся его придворная штатная должность, функции которой, однако, не распространяются, повидимому, на содержаніе въ чистотѣ и порядкѣ самыхъ подсвѣчниковъ, ибо многія изъ этихъ прекрасныхъ бронзъ отъ долговременнаго засаленія уже покрылись ярью.

Четыре большія металлическия жаровни стояли на полу

по сторонамъ достарханного стола, распространяя приятное тепло и ароматъ отъ посыпаемаго на уголья древеснаго желтаго порошка «сумбуль», ароматъ очень своеобразный, но приятный, хотя и действующій на нервы нѣсколько одуряющимъ образомъ. Впрочемъ, послѣднее быть можетъ скорѣе надо приписать углемъ, чѣмъ сумбулю.

За достарханомъ присутствовали Османа-куль шерваначи, Дурбинъ-инакъ, дарбантъ, двое адъютантовъ эмира, двое удачи съ жезлами, оба наши мурзы юзъ-бashi и Джеллаль-Эддинъ, толмачъ эмира, изъ русскихъ татаръ, служившій нѣкогда переводчикомъ у генерала Абрамова, а потомъ у самарканскаго уѣзднаго начальника, маіора Арендаренко. Теперь, перейдя на службу къ эмиру, онъ носить чинъ ми-рахура и парчевый халатъ, надѣтый поверхъ русской под-девки. Лицо у этого парня смысленое, выразительное, но, Богъ его знаетъ почему—весь онъ со всѣми своими ухватками и ужимками ужасно напоминаетъ рутинный типъ все-российскаго нигилиста трактирного пошиба, сколь это ни странно казалось бы. Съ разбитною развязностью, въ родѣ московскихъ половыхъ или маркеровъ, подошелъ онъ къ князю Витгенштейну и, первый протянувъ руку, отрекомендовался ему по-русски, но въ тонѣ и манерѣ его проглядывало желаніе дать почувствовать, что теперь ему самъ чортъ не братъ и въ сущности на все наплевать, потому что и самъ онъ иначе большая особа. Совершивъ развязное рукопожатіе послѣдовательно всѣмъ членамъ посольства, Джеллаль-Эддинъ однако же вслѣдъ затѣмъ весьма скромно усѣлся, весь какъ-то съежась и сконфузясь, на самомъ краю стола, «на послѣднемъ мѣстѣ». Такая неожиданная метаморфоза произошла въ немъ сразу, вдругъ, послѣ того какъ перваначи, найдя вѣроятно его прыть совсѣмъ неумѣстную, строго посмотрѣли на него продолжительнымъ и пристальнымъ взглядомъ: дескать, «потише, любезный, потише! Знай свое мѣсто!»

Впрочемъ, и то сказать: какъ тутъ «знать свое мѣсто», когда при дворѣ эмира Бухарскаго, какъ нигдѣ уже кажись

въ настоящее время, слѣдя фортuna выкидываетъ иногда самые неожиданныя, невѣроятныя штуки. Здѣсь все зависитъ отъ благосклонной или немилостивой прихоти, отъ минутаго каприза его высокостепенства. Сегодня онъ можетъ приблизить къ себѣ первого встрѣчнаго арбакеша¹⁾ съ улицы, безо всякихъ со стороны того заслугъ и правъ, а только въ силу своего личнаго каприза, и степень этой приближенности, понятно, даетъ попавшему въ милость арбакешу право «задирать носъ» предъ старѣшими и достойнѣшими, заслуженными лицами. Но, приблизивъ къ себѣ человѣка сегодня, хазрету ровно ничего не значитъ завтра же отправить его на висѣлицу или подъ пожъ палача, который сейчасъ же и зарѣжетъ его, какъ барана. И такой финалъ можетъ послѣдовать безо всякой вины, безъ малѣйшаго даже повода со стороны казнѣмаго, точно такъ же, какъ безо всякихъ правъ и заслугъ могло бы вчера состояться его возвышеніе. Есть, говорить, у хазрета одинъ условный косой взглядъ из-подлобья, и горе тому человѣку, на котораго падеть этотъ «скромный» взглядъ его высокостепенства!. Ничего хазреть не скажетъ, ни единимъ звукомъ не обмолвится, только посмотритъ, и однимъ этимъ взглядомъ судьба человѣка решена безоворотно: завтра же утромъ (а коли не поздно, то и сейчасъ) палачъ поволочетъ его на веревкѣ, накинутой на шею, чрезъ весь городъ къ базарной площади, обыкновенно служащей мѣстомъ публичныхъ казней, и осужденный, во время этого шествія, обязательно долженъ будетъ громогласно, во всеуслышаніе, прославлять и превозносить высокую мудрость и неумытную справедливость хазрета, которая де臺灣ъ убѣдительнымъ и наилучшимъ образомъ имѣть此刻ъ вотъ проявиться надо мнѣ самимъ, еще столь милостиво осужденнымъ. Былъ, говорить, у эмира топчи-bashi, по имени Османъ-туря, или Османъ-урусъ, бѣглый фейерверкеръ западно-сибирской казачьей артиллеріи, Поповъ, который въ

¹⁾ Арбакешъ—ломовой извозчикъ.

должности начальника артиллерии былъ предмѣстникомъ наибѣшнаго точи-баши Али-Мадата. Самымъ близкимъ и довѣреннымъ человѣкомъ состоялъ этотъ казакъ Печовъ при его высокостепенствѣ двадцать три года, устраивалъ ему артиллерию и армію, вводилъ въ ней русскій строевой уставъ и команду по-русски, числился главнокомандующимъ всей этой бухарской арміи и былъ по своему вліянію и силѣ рѣшительно первымъ послѣ эмира лицомъ въ государствѣ. Хазретъ не стѣснялъ его даже въ дѣлѣ религіи, заявивъ ему однажды, что «дѣлай, моль, какъ знаешь: по-мусульмански ли, по-христіански ли станешь молиться, или и совсѣмъ не станешь—я буду смотрѣть на это сквозь пальцы». Поэтому Османъ только брилъ голову да носилъ чалму, а прочую одежду богато строилъ себѣ на русскій ладъ. Эмиръ постоянно осыпалъ его своими щедротами, благодаря которымъ на конюшняхъ Османа стояло множество бровныхъ лошадей и на каждую лошадь имѣлся драгоцѣнныи уборъ; чилины его были украшены серебромъ и золотомъ съ бирюзой и драгоцѣнными каменьями; сабли и кинжалы—точно такъ же; гаремъ его былъ переполненъ красивыми женщинами, а прислуга состояла изъ множества богато нарядныхъ джигитовъ и мальчиковъ. Всѣхъ первыхъ сановниковъ ханства Османъ безнаказанно третировалъ «en cavaille», въ особенности когда, бывало, напьется пьянъ; а вина онъ пилъ много,—словомъ, вся жизнь ему была не жизнь, а масленица, какъ вдругъ въ 1868 году дернуло его однажды отлучиться безъ спросу изъ Бухары. Эмиръ послалъ за Османомъ гонцовъ. Османъ возвратился, полагая, что его потребовали за какимъ нибудь дѣломъ и, ничто же сумнія, предсталъ предъ очи своего повелителя-друга. Но хазретъ вместо привѣтствія пристально взглянуль на него искоса—и Османъ-урусъ чрезъ нѣсколько минутъ всенародно былъ зарѣзанъ на базарной площади¹⁾.

¹⁾ Предполагаютъ также, будто, вида дружбу эмира съ русскими и опасаясь, что послѣдніе потребуютъ его выдачи, а эмиръ не посыпетъ

Еле-еле отогрѣлись мы въ зеркальной залѣ, благодаря жаровнамъ и горячему чаю. Во время изобильнаго угощенія подавали намъ разнообразныя шурины и кебабы, пловы и сладкія блюда, отъ которыхъ, въ силу этикета, мы только отвѣдывали по маленькой горсточкѣ, и то не торопясь, потому что не отвѣдывать, а есть, и тѣмъ болѣе есть быстро, значило бы выказать незнаніе свѣтскихъ приличій и „тонкаго обращенія“. Разговоръ происходилъ тоже медлительно, со значительными паузами и почти вполноголоса, чтѣ составляеть также одно изъ условій хорошаго тона.

Въ концѣ угощенія Остана-куль перваначи, вообще игравшій первую роль между остальными сановниками, предложилъ посольству „развлечься томашей“. По его знаку тотчасъ же явились откуда-то давгарачи (бубенщики), двое маскарабазовъ-люновъ и пятеро батчей, тѣ самые, которыхъ мы уже видѣли у себя во дворѣ, наканунѣ Нового года. Мальчики были одѣты въ легкіе ситцевые халатики краснаго цвѣта, а нѣкоторые въ бешметы и шальвары женскаго покроя, всѣ подпоясаны яркими шарфами и всѣ въ парчевыхъ „калляпушахъ“¹⁾, изъ-подъ которыхъ у тѣхъ, что были наряжены женщинами, ниспадали длинныя, мелко-заплетенные косицы изъ чёрнаго шелка, числомъ пять (по двѣ съ висковъ и одна сзади), на подобіе дѣвичьей прически, называемой „бишакуль“. Подъ аккомпанементъ трехъ бубновъ, батчи, ставъ всѣ въ рядъ, усердно распѣвали величанія и пѣсни своими рѣзкими, а на сей разъ отъ чрезмѣрнаго усердія даже не-пріятно-крикливыми голосами и распѣвшая подплясывали. Подпляска эта состояла въ томъ, что они семенили и слегка подпрыгивали босыми ножками (пляшутъ батчи всегда босикомъ),

иъ отказать, Половъ задумать уйти изъ Бухары въ Кашинъ къ мятежному сыну эмира Катты-Тюрѣ и будто хазретъ, подозрѣвая въ его отлучкѣ именно это намѣреніе, приказалъ его казнить на основаніи одного лишь своего подозрѣнія.

¹⁾ Ермошки такого же фасона, какъ у нашихъ казанскихъ татаръ.

да машинально побалтывали опущенными какъ плети руками, или спустя длинные рукава обмахивались ими, какъ бы отгоняя мухъ; порою пошмаргивали носомъ (но это не въ счетъ искусства), порою „дѣлали глазки“ и закатывали ихъ съ выражениемъ блаженства („рахать“), причемъ встрихивали длинными кудрями, ниспадавшими на затылокъ и плечи съ выбритой наполовину головы, кокетливо расправляя и пропуская ихъ иногда между пальцами. Затѣмъ они начинали одинъ за другимъ, въ тактъ Allegro, ходить по кругу, слегка согбая колѣна и выбрасывая руками жесты въ родѣ посланія воздушныхъ поцѣлуевъ; то вдругъ, подъ мелкую дробь бубновъ, принимались бѣженно кружиться въ присядку, какъ пятеро спущенныхъ волчковъ, то кувыркались черезъ голову и затѣмъ, безъ малѣйшей передышки, снова начинали пѣть еще болѣе дикими и надсаженными голосами, медлительнымъ темпомъ ударяя въ ладони, да покачивая въ ладъ головой и вмѣстѣ съ тѣмъ поводя бедрами и перегибаясь станомъ. Будь это женщины—оно, пожалуй, было бы и ничего себѣ, порою даже красиво. Маскарабазы гораздо занимательнѣе. Въ то время, какъ батчи пѣли, они, при наиболѣе чувствительныхъ или патетическихъ мѣстахъ, желая обратить внимание зрителей на выраженіе физіономіи того или другого пѣвца, подносили близко къ его лицу толстыя сальныя свѣчи съ двойной свѣтильней, совершенно такъ же, какъ дѣлается это на сценахъ китайскихъ и японскихъ театровъ, или же самымъ серіознымъ образомъ строили преуморительныя гримасы, долженствовавшія усиленно выражать то впечатлѣніе, которое должны производить слова пѣсни. Комизмъ ихъ, конечно, грубъ, въ родѣ того, напримѣръ, что одинъ, строя глупѣйшую рожу, показываетъ видъ будто ловить мухъ и ёсть ихъ, а другой борется съ палкой, закутанной въ женскій халатъ¹⁾, и никакъ не можетъ побороть ее, а, напротивъ, палка бореть

¹⁾ Такіе халаты (паранджи) женщины носятъ не иначе, какъ накинувъ на голову.

его самого; потомъ онъ мирится съ нею, начинаетъ ухаживать, ласкать и дѣлать ей комплименты, на что палка сначала отвѣчаетъ взаимностью, но кончаетъ почему-то вдругъ побоинами, причемъ скорчившійся въ три погибли и орущій благимъ матомъ клоунъ такъ ловко ухитряется изъ-подъ ноги дубасить资料 самого себя по спинѣ, что кажется будто бы палка бьетъ его самостоятельно. Потомъ оба скомороха вмѣстѣ даютъ звукоподражательное представление, изображая, напримѣръ, знакомство собакъ между собою, кота влюбленнаго въ кошку и двухъ котовъ соперниковъ, пѣтушій бой, квакающихъ лягушекъ, упрамаго осла и его погонщика и т. п. Все это выходитъ довольно смѣшно, тѣмъ болѣе, что типичныя ухватки, мимика и звукоподражаніе голосамъ животныхъ схвачены весьма вѣрно. Потомъ отъ животнаго эпоса дѣло переходитъ къ людямъ и клоуны разыгрываютъ какую-то базарную сцену между деревенскимъ простофилей, пріѣхавшимъ въ городъ на рынокъ, и городскимъ пройдохой и плутомъ „даллаломъ“¹⁾, который всячески дурачитъ и надуваетъ первого. Но при всей своей, такъ сказать, примитивной грубости, комизмъ этотъ, въ сущности нисколько не ниже комизма европейскихъ цирковыхъ клоуновъ,— напротивъ, и тотъ и другой даже очень схожи, какъ бы сродни другъ другу, и когда здѣсь одинъ маскарабазъ даетъ, напримѣръ, другому оплеуху, то получающій ее, точно такъ же, какъ и европейскій клоунъ, очень ловко подставляетъ подъ ударъ свою ладонь, вмѣсто того, чтобы получить его по щекѣ. Впрочемъ, надо замѣтить, что изъ уваженія къ мѣсту представления всѣ эти шутки маскарабазовъ и пляски батчей не очень выходили изъ границъ приличія, довольствуясь въ скабрезныхъ мѣстахъ лишь самыми легкими намеками, и наши бухарскіе сановники, глядя на нихъ, ни единимъ жестомъ, ни одной улыбкой не измѣнили солидной важности, подобающей ихъ положенію.

Представление длилось около получаса. Затѣмъ придворные

¹⁾ Даллалъ — базарный сводчикъ, маклеръ, фактотумъ и т. п.

служители внесли въ залу туки съ подарочными халатами для посольства отъ высокостепенного эмира. Низшіе чиновники развернули, а наши юзъ-бashi показали каждому члену предназначенный для него вещи, и затѣмъ всѣ эти туки были переданы съ рукъ на руки нашимъ джигитамъ.

Было уже болѣе восьми часовъ вечера, когда мы наконецъ расстроились съ перваначи и прочими сановниками и вышли въ сопровождениі ихъ на парадный дворцовый дворъ. Морозный воздухъ былъ необычайно чистъ и прозраченъ, и глубоко синее небо залито яркимъ, фосфорически зеленоватымъ свѣтомъ полной луны, которая дивно озаряла узорчатыя кафли на стѣнахъ двухъ великановъ — руинъ Акъ-Сарал, сообщая имъ призрачный характеръ чего-то волшебного, фантастического. Высоко возносясь надъ всѣмъ остальнымъ изъ окружающаго ихъ города и неясно рисуясь на фонѣ ночнаго неба своими массивными очертаніями, эти глыбы казались теперь еще выше, чѣмъ днѣмъ, еще грандіознѣе.

Перваначи съ инакомъ проводили насъ до воротъ цитадели, а дярбанъ съ юзъ-башами до самой нашей квартиры, гдѣ и откланились окончательно, предупредительно замѣтивъ, что послѣ дня, столь обильнаго впечатлѣніемъ, мы, конечно, хотимъ успокоиться.

9 января.

Каждый день, въ сумерки, мы постоянно слышали гдѣ-то военную музыку, которая играла каждый разъ около полу-часа, а затѣмъ часу въ девятомъ вечера подымался барабанный бой, продолжавшійся минутъ десять, и послѣ того мѣрные удары въ плоскій барабанъ ночныхъ сторожей возвѣщали городскимъ жителямъ прекращеніе всякой уличной дѣятельности. Любопытствуя знать, по какому поводу бываютъ ежедневно эта музыка и этотъ бой, я узналъ, что музыка играетъ въ урдѣ (цитадели) въ то время, какъ идетъ водопой въ сотни куль-батчей, эмирскихъ тѣлохранителей, и дѣлается это по приказанию хазрета для развлечения сарбазовъ, а барабанный

бой происходить на городской площади предъ разводомъ ночныхъ полицейскихъ патрулей и знаменуетъ собою, такъ сказать, муниципальную зорю съ церемоніей. Послѣднее очень меня заинтересовало, и потому сегодня, около восьми часовъ вечера, я отправился съ однѣмъ изъ приставленныхъ къ намъ эсаулъ-башей на городскую площадь и вотъ что тамъ увидѣлъ:

Среди площади былъ разложенъ большой костеръ, въ который постоянно подкидывали то камышъ, то солому, чтобы ярче горѣло. Къ этому костру, какъ къ извѣстному центру, сходились съ разныхъ сторонъ „курбаси“ — полицейские стражники, избираемые изъ числа городскихъ обывателей и вооруженные кто батикомъ¹), кто скирой (ай-балта), кто саблей, а большинство особаго рода оружіемъ, которое представляетъ собою длинный, аршинъ около двухъ, четырехгранный штыкъ, насаженный на короткое древко, служащее ему рукоятью, длиною около аршина. Оружіе это называется „курбашемъ“, то есть полицейскимъ. Къ костру собирались конные и пѣшие стражники, между которыми виднѣлось не мало людей съ плоскими барабанами въ родѣ бубновъ, обтянутыхъ съ обѣихъ сторонъ шкурой. Одѣты всѣ они были совсѣмъ на военный ладъ, то есть въ халатахъ, заправленныхъ въ кожаныхъ „чембары“²) съ широкимъ ременнымъ поясомъ и на головѣ вместо чалмы баражковая шапка. Но вотъ съ окрестныхъ манарокъ³) раздался протяжный призывъ муззиновъ къ „намази-хутянъ“, вечерней молитвѣ, и едва замолкъ въ воздухѣ послѣдній отголосокъ высокой теноровой ноты ихъ, какъ съ плоской кровли полицейской сборной сакли (курбаси-хана) загудѣли глухіе удары двухъ громадныхъ турецкихъ барабановъ, перешедшіе

¹⁾ Мѣдный кистень съ бугристыми зубцами, надѣтый на деревянную палку.

²⁾ Широкія шаровары желтаго или кармазинового цвѣта, расшитыя шелковыми узорами.

³⁾ Вышки и башенки при мечетахъ.

вскръ въ громоподобные раскаты мелкой дроби. Это усердствовали тамъ какіе-то два человѣка, одѣтые въ красныя чалмы и красные халаты. Кровли саляй, окружающихъ площадь, тог-чась же унизались закутанными фигурами женщинъ и головками дѣтей, преимущественно дѣвочекъ, вышедшихъ посмотретьъ на разводъ курбашей. Съ тою же цѣлью повысыпали ко входамъ освѣщенныхъ свѣчами и фонарями лавочкъ и чайныхъ ихъ посѣтители, сидѣльцы и хозяева; набралась откуда-то и гурьба мальчишекъ, все тѣспившихся поближе къ курбашамъ, не смотря на то, что ихъ оттуда поминутно шугали и отгонали. Костеръ запылалъ еще ярче, и вскорѣ на площадь выѣхали, въ сопровожденіи нѣсколькихъ конныхъ джигитовъ, двое чалмоносныхъ всадниковъ въ блестящихъ парадныхъ халатахъ, на лошадяхъ, покрытыхъ бархатными пономи въ блесткахъ. То были „реисъ“ и „миршабъ“, изъ коихъ первый въ этотъ моментъ кончалъ, а послѣдній начинать отправление своихъ служебныхъ обязанностей¹⁾). Тог-чась же всѣ курбashi разбились на патрульныя команды и выстроились предъ костромъ съ трехъ сторонъ площади во-коемъ. Отъ каждой команды выступило впередъ во одному барабанщику, которые разомъ сошлись къ костру и окружили его большимъ кольцомъ, расположась въ разстояніи двухъ шаговъ.

¹⁾ Обязанность реиса состоять въ надзорѣ за нравственностью жителей города, равно какъ за чистотой и безопасностью онаго. Онъ обыкновенно два раза въ день, поутру и предъ вечеромъ, обѣзжаетъ городъ и базары и въ это время имѣть право остановить каждого прохожаго мусульманина и прозкзаменовать его, заставивъ читать наизусть „фарзегани“ — извѣстную главу изъ Корана, и если экзаменуемый не знаетъ ее или даже отвѣтить не совсѣмъ удовлетворительно, то реисъ можетъ приказать своимъ джигитамъ тутъ же на мѣстѣ отрубасить его палками, но не свыше 39 ударовъ. Реисъ обыкновенно набирается изъ числа духовныхъ лицъ и имѣть двухъ помощниковъ. Ночью же полицейскую часть обязанностей реиса исполняетъ миршабъ или, правильнѣе, миришабъ, особый чиновникъ, въ вѣдѣніи коего состоять тюрьмы и городская стража. Онъ наблюдаетъ, чтобы послѣ намази-хуфтянъ никто не шатался по улицамъ и чтобы вообще все было тихо и безопасно въ городѣ.

говъ другъ отъ друга, а было ихъ всего человѣкъ двадцать слишкомъ. Тогда барабаны на кровлѣ курбashi-хана замолкли, и вмѣсто ихъ стали бить въ свои инструменты барабанщики, собравшіеся вокругъ костра. Исполняли они это очень своеобразно, а именно: деража лѣвою рукой барабанъ за ременную ручку, барабанщикъ начиналъ дѣлать имъ широкіе плавные размахи сзаду напередъ, и когда инструментъ, описавъ въ воздухѣ полукругъ, вздыпался надъ его головой, то въ этотъ самый моментъ правая рука, вооруженная короткою палкой съ шаровиднымъ набалдашникомъ, ударяла въ него разъ, и такъ какъ производилось это одновременно всѣми двадцатью человѣками, строго соблюдавшими кадансъ размаха и тактъ ударовъ, то въ общемъ это выходило очень красиво. Послѣ извѣстнаго промежутка времени медлительные размахи начали все болѣе и болѣе учащаться и перешли наконецъ въ тактъ скораго марша. Между тѣмъ миршабъ въ это время повѣрялъ разсчетъ людей въ патруляхъ и когда исполнилъ это, то и барабанщики кончили свой болѣе гимнастическій, чѣмъ музыкальный концертъ, завершивъ его тремя быстрыми и короткими ударами, повторенными съ нѣкоторою паузой три раза, что служило у нихъ сигналомъ „отбоя“. Послѣ этого они разошлись по свѣсимъ мѣстамъ, и патрули съ барабаннымъ боемъ прошли церемоніальнымъ маршемъ предъ реисомъ и миршабомъ, расходясь въ разныя стороны по улицамъ и переулкамъ своихъ районовъ. Каждый патруль состоялъ изъ барабанщика и трехъ или четырехъ курбашей, въ числѣ коихъ одинъ несъ въ руѣ зажженный фонарь, и изъ одного конника, сѣдовавшаго въ замкѣ¹⁾.

Вся эта площадь съ куполами, порталами и вышками ее медрессе и мечети, эти плоскія кровли, унизанные дѣтскими и женскими головками, эти пестрыя группы вооруженныхъ

¹⁾ Такие „разводы съ церемоніей“ происходять не въ однихъ лишь бухарскихъ городахъ, но и у насъ въ Ташкентѣ, въ центрѣ туземной части города.

курбашей, этот кругъ барабанщиковъ и потомъ церемоніальный маршъ, расходящихся патрулей, все это зрѣлище ярко озаренное высоко взвившимся пламенемъ костра, подъ покровомъ залитаго луннымъ блескомъ неба, представляло очень характерную и до того эффектную картину, что прямо бери и цѣликомъ переноси ее въ любой балетъ или оперу изъ восточной жизни.

По окончаніи этой „муниципальной“ зари съ церемоніей огни лавокъ, харчевень и чайныхъ тотчасъ же были погашены, и правовѣрные зрители стали расходиться по домамъ. Вскорѣ вся площадь совершенно опустѣла, остатки потухшаго костра дежурный курбаш залилъ водой, и воцарилась надъ городомъ ночная тишина,—только вдали съ доносившимся изъ разныхъ концовъ разливистымъ лаемъ собакъ глухо раздавались порою звуки патрульныхъ барабановъ, выбивавшихъ совершенно тотъ же бой, что не разъ приходилось мнѣ слышать въ буддійскихъ пагодахъ Китая и Японіи, это именно одинъ долгій и два короткія удара въ каждомъ ритмѣ: разъ—разъ-два, разъ—разъ-два, и т. д.

Слѣдя доброму примѣру мусульманъ; я тоже поворотилъ своего коня къ дому, весьма довольный всѣмъ, что сейчасъ довелось видѣть.

10 января.

Утромъ эмиръ прислалъ чрезъ юзъ-башей сказать князю, что онъ жалалъ бы еще разъ переговорить кое о чёмъ по поводу телеграфа. Вслѣдствіе этого въ полдень князь отправился въ аркъ одинъ, въ сопровожденіи своего личнаго ординарца Карамуразаева, который служилъ ему на сей разъ переводчикомъ. По возвращеніи же отъ эмира, около двухъ часовъ дня, князь сообщилъ намъ сущность своей сегодняшней бесѣды. Эмиръ заявилъ, что ему крайне грустно отвѣтить на предложеніе генераль-губернатора безусловнымъ отказомъ, что, понимая пользу и выгоды этого дѣла и искренно желая имъ воспользоваться, онъ думалъ и самъ съ собою и

совѣтовался со своими приближенными насчетъ того, какимъ бы образомъ ввести у себя телеграфъ, не ошеломляя этимъ нововведеніемъ умы народа, и порѣшилъ, что по возвращеніи мнѣнія сеидовъ, ходжей и улемовъ въ пользу телеграфа, а затѣмъ, если не съ ихъ помощью, то по крайней мѣрѣ безъ ихъ сопротивленія, постарается подготовить къ тому же и умы народа. И когда народъ окажется уже достаточно подготовленнымъ, то онъ, Музafferъ-Эддинъ, не преминеть самъ увѣдомить о томъ генераль-губернатора и будетъ просить его содѣйствія къ устройству этого дѣла.

На мой взглядъ, это все, безъ сомнѣнія, тогъ же отказъ, только въ болѣе уклончивой и мягкой формѣ. Намъ за эти дни удалось узнать отъ вѣрныхъ людей кое-что о дѣйствительномъ положеніи эмира, да онъ и самъ былъ сегодня настолько откровененъ, что не скрылъ въ своей бесѣдѣ съ княземъ, до какой степени пародъ недоволенъ имъ уже и въ настоящее время. Причина этого неудовольствія и ропота, возбуждаемыхъ главнѣйшимъ образомъ ходжами и улемами, заключается въ томъ, что эмиръ будто бы сталъ черезчуръ уже „русскимъ“ и не въ мѣру угодливымъ и покладливымъ на всякое русское требованіе, чего дѣ ему, по положенію верховнаго главы мусульманства, совсѣмъ не подобало бы. Сеиды и ходжи не хотятъ и знать того, что Бухара не въ силахъ сопротивляться русскимъ и что ея единственная выгода — это быть другомъ и безусловнымъ союзникомъ Россіи; религіозный фанатизмъ, славная традиція временъ давно прошедшихъ, мусульманская народная гордость и аристократическое чванство собственнымъ своимъ происхожденіемъ отъ „благородной крови пророка“ преобладаютъ въ ихъ узкихъ умахъ надъ соображеніями какой-то тамъ «высшей политики». И къ тому же они дѣйствуютъ такъ же безъ тайного вліянія со стороны враговъ эмира, которымъ очень хотѣлось бы видѣть его свергнутымъ и поруганнымъ¹⁾. Ходжи и улемы не соображаютъ

¹⁾ Къ числу такихъ враговъ припадлежитъ вся таъ называемая

того, что подобный переворотъ принесъ бы Бухарѣ много не-счастій, стоить бы много брови и отягчилъ бы донельзя эко-номическое положеніе народа. Они, по выраженію эмира, суть орудія скрытой интриги, которая нерѣдко поддерживаетъ ихъ извѣнѣ и денежными средствами (очевидно новый намекъ на Катты-Тюрь, хотя имя его эмиромъ и не произносилось); каждый шагъ, каждое сношеніе съ Ташкентомъ становится де эмиру въ строку, и то обстоятельство, что младшій сынъ его Сейдъ-Миръ-Мансуръ воспитывается въ Петербургѣ, въ Пажескомъ корпусѣ, служить для ходжей наиболѣе яр-кимъ доводомъ, что хазретъ де и самъ обрусьль и дѣтей сво-ихъ тянетъ на русскую сторону, да и всю будущность Бу-хары предаетъ въ русскія руки, что онъ де и теперь уже по-корнейшій и безусловный слуга Россіи и, безъ сомнѣнія, тѣжко отвѣтить предъ Богомъ за тотъ великий свой грѣхъ противъ мусульманства, что предалъ на обрусьніе своего родного сына, изъ котораго конечно выйдетъ «кляфыръ», невѣрный. Такъ разсуждаютъ ходжи и всѣ враги эмира, и не со вчераш-шаго лишь дня: еще болѣе десяти лѣтъ назадъ, извест-ный Вамбери, котораго ужъ ни въ какомъ случаѣ не запо-дозришь въ благосклонности къ Россіи и въ русскимъ, писалъ, что Музаффаръ-Эддинъ послѣ ирджарской катастрофы¹⁾ дол-женъ былъ терпѣть самыя глубокія оскорблѣнія отъ своихъ подданныхъ, отъ своихъ сипагіевъ (чиновниковъ), даже отъ своихъ собственныхъ родственниковъ. На базарѣ и регистанѣ совершилъ открыто и свободно упрекали его въ трусости предъ врагомъ, приписывая ирджарскую катастрофу лишь его поспѣшному бѣгству. Его обвиняли въ расхищении госу-дарственной казны, такъ какъ онъ, крайне нуждаясь въ депь-

¹⁾ „каршинская партія“, то есть партія (довольно многочисленная) сторон-никовъ Катты-Тюри, старшаго сына Музаффаръ-Эддина, возмутившагося въ 1869 году противъ своего отца и нынѣ проживающаго на англійскій счетъ въ Индіи.

¹⁾ Дѣло подъ Ирджаромъ, гдѣ впервые бухарская армія была раз-биты русскими, происходило въ 1866 году.

гахъ, принужденъ былъ прибѣгнуть сперва къ валютѣ, а по-томъ къ древнимъ имуществамъ духовенства (вакуфамъ), и наконецъ на него была взведена страшная клевета, будто бы онъ, прежній «князь правовѣрныхъ», находится даже въ тай-номъ союзѣ съ невѣрными и уже получаетъ плату за продан-ную имъ «благородную Бухару». Чтобы избѣгнуть оскорблѣ-шій черни, возбужденной моллами, и проклятій женщинъ, онъ рѣшался только по почамъ или переодѣтый оставлять свой дворецъ. «Кто не зналъ Бухары, до безумія много о себѣ думавшей, замѣчаетъ Вамбери, невѣжественной и фанатиче-ской Бухары, тотъ съ трудомъ пойметъ, какое смущеніе, ка-кое неистовое бѣшенство вызвали на Заревшапъ разбитыя русскими оружіемъ мечты о величії».

Не вѣрить Вамбери въ данномъ случаѣ мы не имѣмъ никакихъ оснований, такъ какъ и наши собственные офи-циальные свѣдѣнія того времени, въ общихъ чертахъ, не рас-ходятся съ нарисованною имъ картиной, и если дѣло стояло такъ шестнадцать лѣтъ назадъ, то съ тѣхъ поръ не особенно много нравственныхъ шансовъ прибавилось въ пользу Музаффаръ-Эддина въ глазахъ невѣжественного большинства его подданныхъ. Истинное положеніе Бухары относительно Россіи понимаютъ тамъ еще и теперь весьма немногіе, то есть толь-ко высшіе сановники, по необходимости знакомые на дѣлѣ съ сущностью этого положенія, да нѣкоторые купцы, ведущіе торговлю съ Россіей и въ ней бывавшіе; все же остальное продолжаетъ упрямо думать, что Бухара — «этотъ цвѣтъ и опора Ислама» — сама по себѣ могущественная и непобѣди-ма, и все было бы въ ней прекрасно, кабы не проклятая дру-жба хазрета съ кляфрами.

По нашимъ послѣднимъ свѣдѣніямъ оказывается, что эмиръ живеть въ Шаарѣ вовсе не потому, что его вынуждало къ тому долговременное ожиданіе русского посольства. Ожиданіе это было не болѣе какъ предлогъ, которымъ всего удобнѣе объяснялось шаарское сидѣніе хазрета для базарныхъ тол-ковъ. Но и на базарахъ врядъ ли это сомнѣвается, что тутъ

вовсе не посольство, а иная более вѣская причина заставляетъ его уже столько мѣсяцевъ безвыѣздно сидѣть въ этомъ городѣ. Дѣло въ томъ, что Музаффаръ-Эддинъ, благодаря усилившимся, какъ сышно, поискамъ Катты-Тюри и наускиваньямъ черни со стороны ходжей и улемовъ, просто не рѣшаетсяѣхать въ свою столицу, выжидая пока тамъ поуляжется поднятая противъ него, во время его отсутствія, агитация. А отсутствіе это продолжается уже болѣе года.

Есть основанія предполагать, что тамъ легко можетъ всѣхъ нуть возмущеніе, а войскъ въ цитадели Бухары всего лишь 1,400 человѣкъ, да и тѣхъ эмиръ не считаетъ вполнѣ надежными. Кроме того, какъ шепчутъ здѣсь на ухо, въ Шаарѣ живеть хазретъ еще и потому, что отсюда всего лишь нѣсколько часовъ єзды до русской границы, за которую, въ случаѣ чего, быть можетъ онъ и переберется. Да надо еще принять во вниманіе и то, какъ онъ живеть въ Шаарѣ, городишкѣ съ незначительнымъ населеніемъ: изъ цитадели, кромѣ какъ разъ въ недѣлю въ мечеть, никуда не показывается, и самая цитадель-то эта съ трехъ сторонъ окружена лагеремъ, гдѣ расположено семь тысячъ сарбазовъ, да семь тысячъ расквартированы въ самомъ городѣ по обычательскимъ дворамъ, и всѣ ворота цитадели охраняются сильными караулами. Такимъ образомъ въ Шаарѣ, вокругъ эмира, собрано 14,000 его собственныхъ войскъ, состоящихъ въ большинствѣ изъ персіянъ, афганцевъ, черкесовъ, курдовъ, хивинцевъ и нашихъ татаръ, но не изъ бухарско-подданныхъ узбековъ. И только опираясь на силу этого, чуждаго коренному населенію, войска, его высокостепеніство можетъ съ относительнымъ спокойствіемъ за свою личную безопасность проживать даже въ ничтожномъ городишкѣ Шахрисебса. Такова-то сущность его положенія, и понятно, что введеніе у себя телеграфа, какъ новое, очевидное для всѣхъ и каждаго доказательство его угодничества русскимъ, легко можетъ стать для него тою послѣднею каплей, которая наконецъ переполнитъ сосудъ мусульманского фанатизма сеидовъ, ходжей,

духовенства и софть, учащихся въ медрессахъ, то есть всѣхъ тѣхъ элементовъ, кои составляютъ здѣсь, если возможно такъ выразиться, національную партію, на которую главнѣйшимъ образомъ и опирается въ своихъ поискахъ Катты-Тюри изъ-за границы.

Какъ неограниченный властитель, Музаффаръ-Эддинъ безпрепятственно можетъ рѣзать и вѣшать сколько ему угодно своихъ правовѣрныхъ подданныхъ: это въ порядкѣ вещей и ни у кого не вызоветъ ни малѣйшаго протеста, ни малѣйшей претензіи, ибо въ томъ его „священное право“, но абсолютизмъ его необходимо долженъ всегда опираться на поддержку сильно вліятельного духовенства, безъ чего каждый мусульманскій деспотъ легко можетъ кончить свою жизненную карьеру тѣмънибудь въ родѣ пресловутыхъ ножницъ Абдуль-Азиса. Исторія средне-азіатскихъ ханствъ, а Бухары въ особенности, испоконъ вѣковъ полна возмутительнейшими примѣрами захвата власти и сверженій съ престола, причемъ обыкновенно убиваются не только братъ брата, но нерѣдко и родной сынъ насильственно отправляется къ предкамъ своего дражайшаго родителя. Неудавшееся, благодаря русскимъ штыкамъ, каршинское возмущеніе Катты-Тюри было, уже на нашихъ глазахъ, послѣднею пока попыткой этого рода. Но временная неудача не уменьшила и не охладила ни его партіи, ни его намѣреній: они теперь выжидаютъ.

11 января.

Їздили опять на базаръ. Какъ пообжились мы тутъ да поблагодарились, такъ и замѣчаемъ, что при проѣздѣ по улицамъ и въ особенности при посѣщеніи базарныхъ рядовъ, привѣтствія, адресуемыя намъ въ видѣ поклоновъ и криковъ „здравствуй“, приходится встрѣчать исключительно со стороны мѣстныхъ евреевъ, которые собственно и составляютъ въ Бухарѣ такъ называемую „русскую партію“. Остальной же народъ — узбеки и таджики, вообще именуемые въ качествѣ городскихъ жителей сартами — не изъявляетъ намъ при встрѣчахъ

никакихъ знаковъ, выражавшихъ привѣтствіе, а глядѣть на „урусовъ“ съ самымъ равнодушнымъ любопытствомъ; но среди мусульманской толпы приходится иногда подмѣтать и взгляды явно враждебные, исполненные затаенной ненависти и не рѣдко сопровождаемые словомъ „кяфыръ“ и тому подобной бранью, въ которой впрочемъ упражняются преимущественно уличные мальчишки. Хотя девять десятыхъ изъ тѣхъ, что смотрятъ на насъ враждебно, принадлежатъ къ сословію духовенства и вообще къ „ишанамъ“ (книжникамъ, начетчикамъ), тѣмъ не менѣе изо всѣхъ нашихъ наблюдений можно пока сдѣлать одинъ безошибочный выводъ: что вообще никакого расположенія къ Россіи и русскимъ въ народѣ вѣдьшиемъ мы не замѣчаемъ. Да и съ чего бы, впрочемъ, быть ему въ намъ расположеннымъ? Что же до расположенія евреевъ, которое простирается даже до желанія, чтобы русскіе поскорѣ забрали себѣ всю Бухару, то оно вполнѣ попытно: такое присоединеніе значительно расширило бы ихъ торговыя и имущественные права и избавило бы личность еврея отъ унизительного положенія, въ какое онъ поставленъ теперь, подъ мусульманскимъ режимомъ. Дѣйствительно, это положеніе во всѣхъ отношеніяхъ крайне тяжелое. Начать съ того, что евреи обязаны оплачивать громадною пошлиной свое право жить въ городахъ на бухарской территории, а внѣ городовъ имъ нечего дѣлать, такъ какъ всѣ они живутъ исключительно торговлей, преимущественно шелкомъ; во-вторыхъ, каждый „зажетчи“¹⁾ въ каждомъ евреѣ видѣтъ какъ бы свою законную дойную корову, взимая съ него за право торговли очень высокий и большую частью совершенно произвольный „закеть“. Но и оплативъ право жизни и право торговли, еврей все-таки не можетъ жить и торговать въ средѣ правовѣрныхъ: лавы еврейскія обыкновенно выдѣляются въ особый рядъ, а еврейскіе дома — въ особый кварталъ, за предѣлами коего онъ уже не имѣетъ права на недвижимую собственность. Но это еще

¹⁾ Сборщики торговыхъ и таможенныхъ пошлинъ.

вѣ все: евреи не смѣютъ носить чалму, имъ дозволена только черная шапка съ узенькою мерлушковою оторочкой; не смѣютъ носить иныхъ халатовъ, какъ только изъ черной или темно-коричневой алачи; не смѣютъ подпоясываться широкими платками, а тѣмъ болѣе шалами, такъ какъ единственно дозволенный имъ поясъ — это простая веревка, и для того, чтобы они не могли скрыть сего послѣдняго „знака отличія“, имъ строго воспрещается носить неподпоясаный халатъ сверхъ подпоясанаго нижняго. Затѣмъ не смѣютъ евреи ездить въ предѣлахъ города верхомъ не только на лошади, но и на осѣ, что особенно чувствительно въ здѣшнихъ городахъ, при ихъ огромныхъ разстояніяхъ и при этихъ улицахъ, зачастую послѣ небольшаго дождя не только непроходимыхъ, но и непрѣздныхъ отъ ужасающей грязи. Кроме того, законъ не признаетъ свидѣтельства еврея противъ мусульманина, и мусульманинъ не отвѣчаетъ предъ закономъ не только за какое бы то ни было оскорблѣніе еврея, но даже и за убийство его, лишь бы оно было совершено вѣтъ черты города. Что же касается предоставленныхъ евреямъ льготъ, то они, кроме окунаемыхъ правъ жизни и торговли, заключаются главнейшимъ образомъ въ томъ, что евреи, впервые попавшиеся въ какомъ нибудь преступлѣніи, не казнятъ смертью, а заставляютъ выкупить себѣ жизнь свою перемѣнной религіи, и если преступникъ соглашается на это условіе (что всегда бываетъ), то его тотчасъ же выдворяютъ изъ еврейскаго квартала, разводятъ съ женой, если онъ женатъ, и затѣмъ весьма долго и строго наблюдаютъ — точно ли исполняетъ онъ всѣ правила корана, и за малѣйшее отступленіе отъ нихъ наказываютъ смертью. Вообще евреевъ здѣсь и ненавидятъ, и презираютъ. Казалось бы за что? Какъ религія, мусульманство ближе къ еврейству, чѣмъ христіанство, и не имѣть съ нимъ тѣхъ старыхъ счетовъ, какіе могло бы имѣть послѣднее. Но тутъ, какъ и въ Европѣ, причины этихъ чувствъ въ евреевъ заключаются не въ религіозной, а въ экономической и соціальной сторонѣ ихъ жизни: еврей и здѣсь тотъ же

злостный ростовщикъ, тотъ же маклеръ, перекупщикъ и гешефтмахеръ, тотъ же содержатель тайныхъ притоновъ разврата и контрабандный продавецъ запрещенныхъ кораномъ вина и водки, хотя и торгуется, повидимому, однимъ только шелкомъ. Словомъ, и здѣсь мы узнаемъ всѣ тѣ же характерныя, искони вѣковъ присущія еврейству черты, которыхъ такъ знакомы намъ у себя, "дома". Понятно, почему здѣшніе евреи ждутъ не дождутся, когда-то наконецъ русскіе заберутъ Бухару. Приходъ русскихъ избавилъ бы ихъ отъ унизительныхъ условій существованія и развязалъ бы имъ руки для излюбленныхъ ими профессій, безъ страха смертной казни за ихъ практикованіе.

Съ базара проѣхали мы Урдинскою площадью въ Чиракчинскія ворота и, свернувъ мимо цитадельной стѣны направо, взяли путь вдоль лагеря бухарской пѣхоты. Лагерь этотъ, какъ уже сказано выше, окружаетъ цитадель съ трехъ сторонъ и занимаетъ пространство въ нѣсколько сотъ танаповъ, огражденное глинобитною стѣпкой, которая, въ случаѣ надобности, можетъ служить и для обороны, такъ какъ высота ея выведена въ полчеловѣческой груди. Поперечные внутреннія стѣнки дѣлятъ лагерное мѣсто на три части, безразлично служащія для помѣщенія сарбазовъ. Это не есть лагерь въ европейскомъ смыслѣ, и напрасно было бы искать въ немъ правильного разбитія палатокъ, правильного расположенія обозовъ, кухонь и проч. Это не болѣе какъ таборъ, где палатки сарбазовъ, землянки панджабашей (урядниковъ) и техниковъ, глинобитныя сакли офицеровъ и командировъ, кухни, коновязи и обозы перемѣшаны въ очень большомъ и, пожалуй, живописномъ беспорядкѣ; по все же это таборъ настолько организованный, что въ немъ каждая воинская часть съ ея хозяйствомъ расположена въ совокупности и обладаетъ возможностью быстрого сбора по тревогѣ. Для этой послѣдней цѣли, при наружной стѣнкѣ, у нѣсколькихъ воротъ выставлены особые караулы при баталіонныхъ значкахъ, къ которымъ люди и собираются (баталіонное знамя помѣщается

особо и всегда при саклѣ команда). Эти ворота или, вѣрнѣе, выходы, смотря по удобству мѣстности, устроены не только для баталіоновъ, но и для ротъ, такъ что въ случаѣ выступленія, каждая рота имѣетъ свое опредѣленное мѣсто сбора, а на случай обороны — опредѣленный участокъ защиты вдоль наружной стѣнки.

Одежда сарбазовъ состоитъ изъ краснаго суконнаго полукафана съ отложнымъ воротникомъ желтаго, синяго, бѣлаго или зеленаго цвета, смотря по баталіону, и съ нагрудными кармашками для пистоновъ; швы полукафана оторачиваются бѣлою тесьмой. Полы полукафана выпускаются наружу только при полной парадной формѣ, во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ остаются заправленными подъ чѣмбары изъ желтой кожи, которые заправляются въ голенища высокихъ, доходящихъ до колѣнь, сапогъ русскаго покрова. Головной уборъ состоитъ изъ бараньей шапки вдвое выше, чѣмъ русскаго послѣдняго образца. Рубаха, исподнее бѣлье, портапки и суконный бурый армякъ, на случай непогоды, дополняютъ обмунидрованіе сарбаза. Амуниція очень несложна: кожаная патронная сумка и кожаныя штыковые ножи на ременномъ кушакѣ, да холщевой мѣшокъ для провіанта — вотъ и все. Вообще снаряженіе пѣхотинца является довольно практическимъ. Урядники (амальдоры, панджа-бashi и чора-бashi) носятъ вмѣсто красныхъ полукафтановъ бѣлые длиннополые чекмени съ красными воротниками, погонами и обшлагами, а вмѣсто ружья — саблю, и кроме того имѣютъ трость, какъ знакъ своего достоинства. Въ остальномъ снаряженіе ихъ сходно съ рядовыми. Офицерскіе чекмени обшиты серебряными гаунами и, смотря по чинамъ, бываютъ синяго, горохового, коричневаго, голубаго, зеленаго и краснаго цвета. Шапка баранья и тоже съ отличіями: либо остроконечно высокая афганскаго образца, либо выдровая или кунья, въ родѣ русскихъ, съ цветнымъ бархатнымъ верхомъ, который перекрещенъ серебрянымъ позументомъ. Вооруженіе офицеровъ — пистолеть или револьверъ въ кабурѣ и сабля, всегда очень хорошаго

достоинства. Чембары, отороченные выдровымъ мѣхомъ и узорчато расшитыя шелками, носять офицеры всегда на выпускъ.

Кормятся люди на счетъ бека, то есть въ сущности на счетъ мѣстнаго населения, пока эмиръ находится въ предѣлахъ давнаго бекства, и —насколько могли мы видѣть въ лагерныхъ кухняхъ при совершенно случайномъ, никакъ не ожиданномъ посѣщеніи— кормятся прекрасно: въ чугунныхъ казанахъ варились шуриа съ баракиной и пловъ, а это все, чего лишь можетъ желать себѣ азіатъ. Имѣть каждый день шурпу и пловъ съ баракиной, морковью и кишмишемъ —это идеаль житейского благополучія для каждого азіата, и такой идеаль, повидимому, достигнуть въ обиходѣ шаарскаго отряда. Помѣщаются рядовые люди въ палаткахъ, изъ коихъ одни приближаются къ русскому, а другія къ турецкому образцамъ. Вмѣстимость каждой палатки разсчитана на десять человѣкъ, которые и дѣйствительно размѣщаются въ нихъ не свыше этого числа, и съ достаточнымъ просторомъ. Вокругъ серединнаго подвороочнаго шеста устроено приспособленіе для установки ружей пирамидой. За пирамидой вырыта небольшая плоская ямка для угольевъ, замѣняющая мангаль, гдѣ люди кипятятъ свои чайники. Полъ каждой палатки устланъ паласами, сверхъ коихъ, на каждого человѣка особо, имѣются бѣлые кошмы для постельной подстилки.

Внутреннее пространство лагеря дренируется проточными канавками. Для лошадей устроены глиновитныя ясли, раздѣленные иногда на два, на три, на четыре отдѣленія. Ясли эти имѣютъ видъ барабана съ небольшимъ углубленіемъ для всыпки ячменя и кладки клевера (дженушки). Иногда надъ ними устраивается, для предохраненія засыпанного фуража отъ дождя и снѣга, глиновитный навѣсъ въ видѣ нашей иоттской кибитки, куда лошадь свободно можетъ просунуть морду. Вообще все это устроено просто, безразжирно, но въ высшей степени практично. Въ этомъ лагерь часть шаарскаго отряда проводить и зимнее время, чередуясь въ известные

сроки съ тѣми частями, что расположены въ городѣ, на обывательскихъ квартирахъ, и такимъ образомъ лагерь бываетъ занятъ постоянно. Поэтому во внутреннемъ его районѣ правительство допустило въ извѣстномъ количествѣ устройство необходимыхъ лавочекъ и чайныхъ домовъ, замѣняющихъ для сарбазовъ наши солдатскіе клубы. Урядники и техники въ родѣ оружейниковъ, сапожниковъ, портныхъ и т. п. помѣщаются особо отъ рядовыхъ, въ небольшихъ глиновитныхъ будочкахъ или, вѣрѣ, крытыхъ гнѣздахъ (иного названія не придумаешь), вмѣстимостью на одного, иногда на двухъ человѣкъ, гдѣ на внутреннихъ стѣнкахъ да вокругъ угольной ямки ютится все ихъ неприхотливое хозяйство и боевое снаряженіе, да еще съ предметомъ развлеченія, которымъ обыкновенно служить какая нибудь птица въ самодѣльной клѣткѣ. То же самое и въ палаткахъ сарбазовъ, гдѣ мы встрѣчали въ клѣткахъ очень красивыхъ горныхъ рыбчиковъ (по преимуществу излюбленная здѣсь птица), куропатокъ, дроздовъ и перепеловъ. Послѣднихъ обыкновенно стравливаютъ на бой между собою, причемъ всегда составляются пары между хохловыми бойцовъ и зрителями. Но кроме этихъ птицъ у некоторыхъ ротныхъ артелей воспитываются галчата, вороны, ястреба и соколы, привязанные на шнурахъ къ шестамъ съ попечинами. Не знаю для какихъ цѣлей служатъ галки съ воронами, но ястребовъ и соколовъ здѣсь дрессируютъ для охоты, и хорошо пріученная птица нерѣдко стоять до пяти сотъ тенговъ, т. е. до ста рублей серебряныхъ. О собакахъ ничего и говорить,—ихъ тутъ съ удовольствиемъ прикармливаютъ, но вообще мы замѣтили особенную любовь сарбазовъ къ птицамъ.

Встрѣчали насъ люди въ этомъ лагерь весьма радушно—не то, что на городскомъ базарѣ, и это, вѣроятно, оттого, что большинство сарбазовъ, какъ уже сказано, персы и афганцы. Часовые очень исправно брали намъ ружья на караулъ, а люди, не занятые службой, прикладывали правую руку къ своимъ баальнымъ шапкамъ для отданія чести, причемъ

очень добродушно улыбались; многие предлагали осмотреть ихъ помѣщенія и попробовать пищу, иные приносили на пробу хлѣбныхъ лепешки, кишмишъ и угощали зеленымъ чаемъ. Вообще, какъ кажется, эмирскимъ сарбазамъ живется недурно.

12 января.

Говорятъ, что на завтра назначенъ, ради насъ, большой смотръ бухарскимъ войскамъ. Посмотримъ. Это должно быть очень интересно. Сегодня ничего замѣчательнаго. Морозы со вчерашняго дня значительно уменьшились, и теперь Реомюръ показываетъ только — $1\frac{1}{2}^{\circ}$.

13 января.

Въ $10\frac{1}{2}$ часовъ утра отправились мы верхомъ къ Али-Мадату топчи-бashi, который, по приказанію эмира, долженъ былъ показать намъ бухарскія войска. Али-Мадатъ живеть въ ци-адели, иѣхать къ нему надо въ тѣ же ворота, что и въ перваначи, только къ послѣднему надо повернуть съ пушкарнаго двора въ особыя ворота нальво, а къ этому — направо. Здѣсь предъ воротами былъ растянутъ узорчатый на-метъ, подъ которымъ встрѣтилъ насъ самъ Али-Мадатъ со своими „махрамами“ (адютантами). На площадкѣ пушкарнаго двора былъ выстроенъ баталіонъ сарбазовъ, со знаменемъ и музыкой на правомъ флангѣ, отдавшій посольству воинскую почесть, когда мы приблизились на нѣсколько десятковъ шаговъ къ его фронту.

Топчи-бashi, приправляя свою рѣчь иранскими любезностями, выразилъ крайнее сожалѣніе, что по причинѣ глубокаго снѣга, покрывающаго военное поле, онъ лишенъ возможности и удовольствія представить намъ всѣ войска шаарскаго отряда, но что по экзерціямъ этого баталіона мы легко можемъ составить себѣ понятіе и объ остальныхъ, такъ какъ вся бухарская пѣхота обучена совершенно одинаковымъ образомъ. Послѣ этого предисловія топчи-бashi лично произвелъ ученіе собраннымъ сарбазамъ.

Въ строю находился баталіонъ № 1. Подборъ людей съ физической стороны сдѣланъ въ немъ очень обстоятельно: это все здоровый, рослый и плечистый народъ, одѣтый и вооруженный какъ описано выше. Форма одежды музыкантовъ — синіе чекімени съ желтою басонной тесьмой по швамъ, желтые чебары и барабаны шапки. Хоръ находился подъ командой баталіонного адютанта (орда-махрамъ) на которомъ красовались русскія оберъ-офицерскія эполеты какого-то изъ туркестанскихъ лицейныхъ баталіоновъ. Въ составѣ этого хора входили три турецкія барабана, штука восемь барабановъ обыкновенного размѣра, два металлическихъ треугольника, нѣсколько мѣдныхъ флейть-чекановъ и нѣсколько деревянныхъ азіатскихъ кларнетовъ (сурнай). Восемь ротныхъ горністовъ находились также при хорѣ, на его правомъ флангѣ, но въ музыкальномъ исполненіи маршей участія не принимали, а лишь проиграліи намъ вмѣстѣ съ остальными музыкантами „встрѣчу“. Баталіонное знамя, при двухъ ассистентахъ, во время ученія находилось не въ рядахъ, а при хорѣ, и держалъ его чора-бashi (подпрапорщикъ). Оно представляло собою просто кусокъ красной матеріи (чуть ли не ситцу), съ желтыми узорчатыми разводами, прикрепленный къ зеленому копейному древку, украшенному подъ копьемъ двумя металлическими рогульками въ видѣ верхней половины буквы Ж. Въ рядахъ же, на правомъ флангѣ 1-го взвода, находился значокъ баталіонного командира, просто квадратный кусокъ бѣлаго коленкора безо всякихъ украшений, на зеленомъ же копейномъ древѣ съ копьемъ, но безъ рогулекъ.

По словесной командѣ производились только ружейные приемы; всѣ же движения, повороты, ломка фронта и построенія исполнялись исключительно по сигналамъ, которые подавалъ штабъ-горнистъ, вызванный къ топчи-бashi изъ фронта. Этотъ маленькій, немножко пузатенький человѣчекъ вытрубливалъ звуки сигналовъ съ такимъ усердіемъ и увлеченіемъ, что въ этой работѣ принимали у него участіе не только губы и

легкія, но и плечи, и животъ, и поясница, и даже колѣнки. Всѣми сими частями и суставами своего тѣла добрая старался какъ бы дополнить смыслъ сигнала, придать ему наибольшую выразительность. Стремленіе конечно, похвальное, и что же дѣлать, если, благодаря его коротенькой фигурѣ, оно выходило нѣсколько комично.

Всѣ командныя слова тѣ же, что и у насъ и произносятся исключительно по-русски, причемъ должис замѣтить, что произношеніе ихъ совершенно нѣправильно, съ небольшимъ кое-гдѣ акцентомъ. Такъ, вмѣсто „слушай на краулъ“, у нѣкоторыхъ командировъ выходитъ „слышай па крауль“, по я только. Сигналы частію заимствованы тоже отъ насъ, а частію свои оригинальные, и подаются вполнѣ отчетливо. Что же до хоровой музыки, то о ней я упоминалъ уже прежде, и могу лишь повторить, что хотя она у нихъ немножко и варварская, въ томъ отношеніи, что любитъ много шума, звону и треску, но не лишена мелодіи и даже нѣкоторой пріятности, и играютъ музыканты во все продолженіе ученья, за исключеніемъ тѣхъ только слушають, когда командующему потребуется подать какую нибудь словесную команду; тогда, по его знаку, хоръ на минуту замолкаетъ; но чуть лишь команда прината въ исполненію, сурны и флейты тотчасъ же зализваются снова.

Началось ученье съ ружейныхъ приемовъ, въ число которыхъ входили уколы штыкомъ и отбивы противъ всадниковъ. Все это заимствовано прямо изъ нашего „устава“ и видимо усвоено съ показу какихъ нибудь нашихъ дезертировъ, которые, надо полагать, внесли сюда и русскую команду, и нѣкоторые сигналы. Послѣ ружейныхъ приемовъ люди продѣляли нѣсколько гимнастическихъ упражненій, въ полной амуниціи и съ ружьями, и тоже недурно, а затѣмъ топчібашъ подалъ сигналъ „къ церемоніальному маршу“, по которому ротные командиры скомандовали „слушай на краулъ“, что и было исполнено довольно отчетливо. Тогда баталіонный командиръ, по типу лица изъ кавказскихъ горцевъ, далъ

одну за другою нѣсколько русскихъ командъ: „пovzводно направо маршъ“, „прямо, равненіе налѣво“, „правое плечо впередъ“, „прямо, равненіе направо“, — и баталіонъ подъ звуки чего-то въ родѣ „персидскаго марша“, повзводно пропарандировалъ мимо насъ, продолжая на ходу держать ружья на караулъ, чтѣ повидимому нѣсколько не стѣсняло людамъ свободу ихъ шага.

Послѣ церемоніального марша начались ломка фронта и различныя построенія. Люди безъ замѣшательства мѣняли фронтъ на заднюю шеренгу для маневрированія и огня противъ непріятеля, по предположенію, показавшагося съ тылу, и затѣмъ послѣ нѣсколькихъ эволюцій опять быстро переходили въ нормальный порядокъ фронта на переднюю шеренгу. Быстрая перемѣна фронта на заднюю шеренгу и открытие съ нея огня въ особенности удобно для нихъ потому, что въ бухарскомъ пѣхотномъ строю вовсе нѣть замыкающихъ унтеръ-офицеровъ. Не всѣ, конечно, формы построений отличаются надлежащою быстротой и пригодностью къ дѣлу, такъ напримѣръ, построеніе баталіоннаго каре изъ колоннъ по отдѣленіямъ исполняется настолько сложно и медленно, что, безъ сомнѣнія, даже посредственная конница успѣеть схватить и уничтожить этотъ баталіонъ ранѣе, чѣмъ онъ успѣеть принять для ея встрѣчи надлежащую форму строя, и надо думать, что сказанная эволюція составляетъ самобытный продуктъ измышенія бухарскихъ тактиковъ. Но въ числѣ самобытныхъ ихъ приемовъ, по всей справедливости, должно отмѣтить и такие, которые въ дѣлѣ могутъ имѣть свое, пожалуй, и не безполезное примѣненіе. Такъ напримѣръ, хотя бы вотъ это: баталіонъ стоитъ развернутымъ фронтомъ; вдругъ на его правомъ флангѣ внезапно появляется атакующая конница. Ни перестраиваться въ каре, ни даже загнуть атакуемый флангъ уже нѣть времени: поздно. Что же дѣлаетъ бухарский баталіонъ? Командиръ подаетъ быстрый сигналъ, по которому первая шеренга дѣлаетъ полуоборотъ направо, а сдѣянія, повернувъ налѣво кругомъ, становится въ полоборота

налѣво; и обѣ немедленно же открываютъ огонь въеромъ противъ фронта атакующей конницы. При подобной же атакѣ лѣваго фланга употребляется приемъ обратный. Кромѣ того, здѣсь практикуется и стрѣльба обѣихъ шеренгъ залпами изъ развернутаго фронта, съ предварительнымъ поворотомъ людей въ полуоборота въ ту или другую сторону. Баталіонный огонь сопровождается непрерывною мелкою дробью барабановъ, съ прекращенiemъ коей прекращается и огонь.

Какъ оригиналъ же продуктъ бухарской тактики замѣчательно, но непрактично по своей сложности, наступлениe перекатнымъ разсыпнымъ строемъ прямо изъ баталіонной ротной колонны, хотя на показанномъ ученыи этотъ кунстштокъ былъ продѣланъ людьми довольно отчетливо. Состоитъ онъ въ томъ, что по соотвѣтствующему сигналу, изъ передней шеренги 1-й роты выбѣгаютъ на извѣстное разстояніе впередъ нумера: 1, 4, 7 и 10-й и т. д. Затѣмъ, въ слѣдующей очереди идутъ той же шеренги нумера: 2, 5, 8 и 11-й и т. д., которые, пройдя мимо нумеровъ первой очереди, перебѣгаютъ далѣе впередъ, па такое же разстояніе, на какое отдѣлились отъ фронта колонны первоочередные. За ними слѣдуетъ все той же шеренги нумера: 3, 6, 9 и 12-й и т. д., перебѣгающіе далѣе нумеровъ второй очереди. Послѣ этого въ томъ же порядкѣ нумеровъ наступаетъ очередь второй шеренги, одновременно съ чѣмъ начинаютъ дальнѣйшее движение впередъ первоочередные нумера первой шеренги, очищая такимъ образомъ свои мѣста для первоочередныхъ нумеровъ второй шеренги, а сами проходя мимо стоящихъ выше нумеровъ второй и третьей очереди, снова занимаютъ первое мѣсто впереди разрѣженного строя. Когда же все это послѣдовательно будетъ продѣлано всѣми нумерами второй шеренги, наступаетъ очередь первой шеренги 2-й роты и т. д. А движение впередъ между тѣмъ продолжается все время непрерывнымъ образомъ, сопровождаясь пальбой нумеровъ находящихся впереди прочихъ. Я полагаю, что господинъ Мариусъ Петипа остался бы очень доволенъ, еслибы могъ внести въ какой ни-

будь изъ своихъ балетовъ подобную хореографическую эволюцію. Что же до чисто-военной стороны дѣла, то показанное намъ ученье, повидимому, достаточно наглядно выяснило, что въ бухарскомъ пѣхотномъ уставѣ есть много сложнаго и бесполезнаго въ практическомъ смыслѣ, но есть въ то же время вещи, которыхъ могутъ быть примѣнены къ дѣлу съ полнымъ удобствомъ и цѣлесообразностію. Къ числу такихъ, между прочимъ, относится все то, что заимствовано изъ русскаго устава и, право, въ этомъ отношеніи дезертиrovъ нашихъ можно назвать вовсе не дурными инструкторами.

14 января.

Сегодня пятница, Джумакынъ—день еженедѣльно посвящаемый у мусульманъ молитвѣ, или, какъ говорятъ въ Ташкентѣ наши солдаты, „сартовское воскресеніе“. Поэтому эмиръ долженъ имѣть сегодня торжественный выѣздъ въ городскую мечеть для совершенія намаза.

Еще вчера возвратясь отъ толчи-бashi, я заявилъ нашимъ приставамъ, что желалъ бы видѣть эту церемонію, но, въ удивленію, встрѣтилъ съ ихъ стороны довольно уклончивый отвѣтъ, что въ этомъ де пѣть ничего достойнаго любопытства, все де очень просто, обыкновенно, такъ что я напрасно только потеряю мое время.

Но я замѣтилъ, что оба они, прежде чѣмъ нашлись дать такой отвѣтъ, видимо замялись какъ-то, словно я моимъ заявлениемъ поставилъ ихъ въ не совсѣмъ ловкое положеніе. Не пытаясь, что могло бы это значить, но желая вывести и ихъ, и себя изъ взаимнаго недоразумѣнія, я объяснилъ имъ, что въ Константинополѣ миѣ неоднократно доводилось видѣть пятничные выѣзды султана Абдулъ-Гамида въ ту или другую мечеть, и что тамъ эта церемонія, обставленная очень торжественно, вполнѣ доступна какъ зрѣлище не только для мусульманъ, но и для всѣхъ иновѣрцевъ безразлично, а потому изъ этого примѣра я де заключаю, что присутствіе иновѣрнаго зрителя при такой церемоніи не нарушаетъ никакихъ религіозныхъ мусульманскихъ постановленій.

Юзъ-бashi поспѣшили завѣрить меня, что, конечно, никакого подобного нарушенія здѣсь вѣтъ и быть не можетъ, но что для удовлетворенія моего желанія надо бы, по ихъ мнѣнію, написать „арзъ“, то есть ходатайствовать объ особымъ разрѣшеніи у эмира.

Я возразилъ имъ, что это слишкомъ длинная и сложная процедура и что не вижу надобности беспокойить его высокостепенство по такому пустяшному дѣлу, тѣмъ болѣе, что я, какъ и всякий другой, могъ бы видѣть эту церемонію случайнымъ образомъ.

— То есть какъ это? спросили они съ нѣсколькою тревожнымъ недоумѣніемъ.

— Очень просто: я каждый день выѣжаю верхомъ на прогулку по городу и, стало быть, могу совершенно нечаянно попасть на городскую площадь, какъ разъ въ то время, когда хазреть будетъ проѣзжать по ней.

Успокоенные юзъ-бashi согласились, что это конечно дѣло вполнѣ возможное, но прибавили, что мнѣ, какъ одному изъ представителей русского посольства, необходимо было бы предоставить особое почетное мѣсто для зрелица, потому что нельзя же смыться съ простымъ народомъ, и что вотъ собственно поэтому и надо бы было доложить его высокостепенству.

Я со своей стороны поспѣшилъ увѣрить ихъ, что еслиъ и пришлось мнѣ попасть на площадь (хотя не знаю попаду ли, такъ какъ не знаю поѣду ли), то я попалъ бы туда никакъ не въ качествѣ одного изъ русскихъ пословъ, а просто частнымъ человѣкомъ, какъ попадаю туда каждый день, ѻдучи на базарь или съ базара, и что въ такомъ случаѣ я нарочно постарался бы стать гдѣ нибудь за народомъ, такъ, чтобы совсѣмъ не обращать на себя ничьего вниманія.

Юзъ-бashi повидимому совсѣмъ удовольствовались такимъ объясненіемъ и на томъ мы покончили.

Сегодня, въ одиннадцатомъ часу утра, по обыкновенію, я приказалъ осѣдлать себѣ лошадь и поѣхалъ за городъ, а въ

полуднью возвращаясь домой разсчиталъ такъ, чтобы быть на базарѣ, у площади, къ тому времени, какъ по ней будетъ слѣдоватъ шествіе эмира. Мне удалось это какъ нельзя лучше.

Городская площадь полнымъ-полна была и пѣшимъ, и коннымъ народомъ, столько же по причинѣ праздничнаго дня, сколько и по случаю предстоявшей церемоніи. Отъ урды (цитадели) до самой мечети, вдоль пути слѣдованія, разставлены были шпалерами войска Шаарскаго отряда съ оружиемъ и знаменами.

Въ три четверти двѣнадцатаго въ сторонѣ урды раздалась военная музыка — знакъ, что его высокостепенство уже выѣхалъ изъ дворца, а минутъ чрезъ десять процессія показалась и на базарной площади. Открывали шествіе двое удаичи въ парчевыхъ халатахъ со своими жезлами, ѻхавшіе рядомъ на красиво-убранныхъ горячихъ жеребцахъ. Чередуясь одинъ съ другимъ, они мѣрнымъ полураспѣвомъ провозглашали установленную для подобныхъ случаевъ молитву: „хазреть эмиринъ исандик-ля-ригѣ худа туафики гадалать берсинъ“, то есть „да поможетъ Господь хазрету-эмиру во вси дни его не преступать закона справедливости“. И вся масса чалмоноснаго народа, низко склоняя головы и синны, благоговѣйно отвѣчала на это: „Омены! омены!“ (да сбудется!). За удаичами ѻхалъ, одѣтый въ столь же блестищій халатъ, придворный чинъ „селямъ-агасы“, непосредственно предшествовавшій эмиру. Кланяясь вмѣсто своего повелителя направо и налево народу, онъ повторялъ за хазрета при каждомъ поклонѣ привѣтствіе: „алейкумъ асселямъ“, въ чёмъ и состояла вся его должностъ.

Самъ же эмиръ, въ блескѣнной чалмѣ и въ простомъ шаниновомъ халатѣ темныхъ красохъ, являя разительный контрастъ съ яркостью и блескомъ своихъ залитыхъ въ золотую папчу царедворцевъ, ѻхалъ на статномъ ворономъ аргамакѣ, опоясанный кривою саблей, но ѻхалъ молча, неподвижно, съ какимъ-то застывшимъ, какъ бы каменнымъ выражениемъ лица и большою частью съ потупленными изъ-подъ сумрач-

ныхъ бровей глазами. Но порой какъ бы усталыя вѣки его медлительно подымались, и тогда безразличный взглядъ хазрета, мимо всѣхъ и вся, устремлялся куда-то въ даль, въ неопределенное пространство...

Я понимаю, что такое появление хазрета своему народу должно производить на его подданныхъ впечатлѣніе страха, смѣшанного съ благоговѣніемъ, что такъ наглядно выражалось въ этомъ всеобщемъ преклоненіи головъ и въ сдержаннѣхъ, глухо произносимыхъ всѣмъ народомъ откликахъ „оменъ! оменъ!“

Непосредственно за эмиромъ слѣдовала въ строю конная сотня его тѣлохранителей кулъ-батчей, въ алыхъ чекменяхъ съ галунами, а за сотней, подъ предводительствомъ шигаула Дурбинъ-инака, вадомъ валила блестающая золотомъ, лазурью и пурпуромъ пестрая кавалькада всякихъ царедворцевъ, сановниковъ, чиновниковъ, бековъ, бievъ, почетныхъ лицъ и, наконецъ, тутъ же скакали всѣ не находившиеся въ строю офицеры, разраженные въ свои разноцвѣтные форменные костюмы съ русскими коваными эполетами.

По мѣрѣ того какъ эмиръ проѣзжалъ мимо своихъ батальоновъ, музыка играла ему „встрѣчу“, знамена и значки преклонялись, строевые офицеры одною рукой салютовали саблями, а другою прикладывались къ шапкамъ и кланялись, сарбазы по командѣ брали ружья на „караулъ“, почтительно потупляя въ то же время свои головы, и народъ, какъ писа, колеблемая вѣтромъ, низко нагибался впередъ, проводя по бородамъ ладонями, и замиралъ въ своеѣ глубоко-почтительномъ согбеніи. Одно только „оменъ! оменъ!“ какъ глухой рокотъ морского прибоя проносилось надъ его привикшими волнами.

Но вотъ приблизился хазреть къ мечети, и вдругъ, предъ я порталомъ, на встрѣчу ему грянулъ оглушающій ревъ громадныхъ жестяныхъ трубъ. Одна изъ нихъ, сажени въ подторы, коли не двѣ длиной, имѣли совершенно прямую форму съ конически-ширяющимся раструбомъ, въ родѣ пе-

тербургскихъ пастушьихъ рожковъ; другія такой же длины, сгибались посерединѣ двойнымъ прямоугольнымъ колѣномъ. Уставясь своими зѣвами прямо въ небеса, трубы эти изрыгали все одну и ту же ревущую ноту, насколько лишь хватало силы въ легкихъ у изнатужившихся до-нельзя дударей, и ихъ жестокій монотонный ревъ, съ которымъ трудно сравнить что либо, покрывалъ собой всѣ остальные звуки площади.

Я полагаю, что эти трубы если не тѣ же самыя, то наѣрное съ-родни тѣмъ, отъ звука которыхъ нѣкогда пали стѣны іерихонскія.

Хазреть оставилъ въ мечети около получаса, и затѣмъ такимъ же порядкомъ возвратился въ аркѣ. Войска съ музыкой разошлись по квартирамъ, нарядные офицеры, блестящіе чиновники, біи, казіи и почетные лица, въ сопровожденіи своихъ джигитовъ, разѣхались въ разныя стороны, а пѣшій и конный народъ, гуторя и двигаясь волнами, долго еще наполнялъ базарную площадь.

15 января.

Сегодня, въ четыре часа пополудни, состоялся съ обычными церемоніями нашъ прощальный „селямъ“ у эмира. Музаффаръ-Эддинъ просилъ князя засвидѣтельствовать генеральному губернатору его неизмѣнно дружественныя чувства и надежду на дальнѣйшее сохраненіе добрыхъ отношеній Россіи къ Бухарѣ. Затѣмъ, осѣдомясь, хорошо ли мы провели время въ Шаарѣ и всѣмъ ли довольны, онъ пожелалъ намъ счастливаго пути и сказалъ, что съ его стороны уже сдѣлано распоряженіе, чтобы на время пребыванія посольства въ бухарскихъ предѣлахъ, какъ въ пути, такъ и во время остановокъ по городамъ, памъ были предоставлены всѣ возможныя удобства. Откланявшиэ эмиру, мы по приглашенію Дурбинъ-инака, перешли въ помѣщеніе первачи Остана-куля, где были приготовлены прощальный достарханъ и подарки отъ эмира всѣмъ членамъ посольства. Вернулись домой въ шестомъ часу вечера.

А Рахметъ-Улла-токсаба такъ и не показался намъ больше, словно въ воду сгинулъ.

16 января.

Выѣздъ нашъ изъ Шаара назначенъ былъ въ девять часовъ утра, но за раздачей прощальныхъ подарковъ едва управились къ началу одиннадцатаго. Одарены были отъ лица нашего оба пристава мурзы юзъ-бashi и офицеръ, безсмѣнио державшій почетный караулъ при посольскомъ домѣ, и весь взводъ его сарбазовъ, и эсаулъ-бashi со своими курбашами, и всѣ состоявшіе при нась бухарскіе джигиты,— всѣмъ досталось по хорошему халату, соответственно ихъ чинамъ и общественному положенію, а чиновникамъ и офицеру, сверхъ халатовъ, еще и по серебряной вещи, въ родѣ часовъ, портсигаровъ и чарокъ — „на память“. Не забыли и маленькаго сынишку эсаула-бashi, общаго нашего любимца и пріятеля, которому достались картинки изъ объявленій объ изданіи иллюстрированныхъ журналовъ, а главное весь изобилій остатокъ достархана со всѣми его разнообразными сластями. Князь Витгенштейнъ, какъ старшій представитель посольства, все время лично присутствовалъ при этой раздачѣ и благодарили чиновниковъ за ихъ усердіе и предупредительное вниманіе ко всѣмъ надобностямъ посольства. Между прочимъ, когда хорунжій Карамурзаевъ хотѣлъ было, по принятому здѣсь обыкновенію, накинуть халатъ на плечи караульному офицеру, то послѣдній, вѣжливо уклоняясь отъ этой чести, со всею деликатностью свойственою персамъ, заявилъ князю, что онъ просить извинить его, но на эполетѣ, пожалованные его высокостепенствомъ надѣть халатъ никакъ не можетъ, а потому просить позволенія принять столь лестный для него даръ просто изъ рукъ въ руки. Это было до того прелестно и неожиданно, что намъ стоило большаго труда воздержаться отъ веселой улыбки. И въ самомъ дѣлѣ, подумайте только: въ Бухарѣ начинаютъ понимать значеніе эполетъ и пытаются платить намъ тою же монетой!

Въ Урта-Курганѣ, гдѣ, восемнадцать дней тому назадъ, мы впервые познакомились съ перваначи, топчи-бashi и корпусомъ бухарскихъ офицеровъ, сопровождавшихъ насъ при выѣздѣ въ Шааръ въ почетномъ конвой, былъ теперь приготовленъ для насъ первый путевой завтракъ. Здѣсь мы рас прострелились съ нашими юзъ-бashiами, которые представили намъ нового пристава, караулъ-беги-зякетчи ¹⁾, долженствовавшаго, по приказанію эмира, сопровождать насъ въ дальнѣйшемъ пути до города Карши.

Часу въ четвертомъ дня проѣхали мимо города Чиракчи, гдѣ по случаю базарнаго дня собралось множество народу, и на встречу намъ высыпала щѣлая толпа любопытныхъ всадниковъ. А везли насъ все съ прежней помпой, въ эмирскихъ коляскахъ, четверней на уносахъ, въ предшествіи и въ сопровожденіи конныхъ джигитовъ, но къ счастью уже менѣе черепашьимъ шагомъ, хотя и далеко не полною рысью.

Отъ Чиракчи до мѣста ночлега, сказывали намъ, будто всего только два таша (16 верстъ), но въ действительности оказалось около четырехъ, благодаря тому, что повезли насъ, Богъ вѣсть зачѣмъ, какимъ-то кружнымъ путемъ, такъ что на почлегъ прибыли мы уже въ потьмахъ, часу въ девятомъ вечера. Высланные на дорогу люди встрѣчали насъ съ фонарями и свѣчами, указывая путь въ мѣстечко Кара-бахъ (черный садъ), гдѣ и помѣстились мы, наконецъ, продрогшіе и проголодавшіеся, въ путевомъ дворцѣ эмира.

¹⁾ Сборщикъ торговыхъ и караванныхъ пошлинъ.

вера и, напротивъ, ограждение его Гиндукушемъ съ юга производить то, что приливъ холодныхъ струй воздуха изъ съверныхъ странъ постояненъ, и такъ какъ Гиндукушъ представляетъ имъ неодолимую преграду для перемѣщенія на югъ, то онъ, согрѣваясь, необходимо должны поглощать значительную часть теплоты, присущей этой странѣ по ея географическому положенію—между 37-ю и 43-ю параллелями съверной широты. Въ-третьихъ, сильная солонцеватость почвы также не мало способствуетъ суровости климата. Въ-четвертыхъ, богатые запасы льдовъ и снѣговъ, залегающіе въ горахъ Аксъ-тау, Карагату и Заревшанскомъ хребтѣ постоянно и непрерывно охлаждаютъ воздухъ ханства, а наконецъ и самое возвышенное положеніе Бухары (1.200 футовъ по Борису) надъ уровнемъ океана должно быть принято въ соображеніе при объясненіи холдовъ посѣщающихъ здѣшня страну. Не смотря на все это, говорить Ханыковъ, климатъ Бухарского ханства долженъ быть названъ жаркимъ, потому что съ половины марта и до конца ноября температура постоянно стоитъ очень высокая, а лѣтомъ дѣлается нестерпимою. И дѣйствительно, здѣшний зной, въ зависимости отъ раскаляемыхъ солнцемъ песковъ Кизиль-кума и туркменскихъ зааму-даринскихъ степей, несравненно хуже и невыносимѣе зноя тропическихъ странъ, где онъ нѣсколько умѣряется влажностью воздуха, приносимаго съ близкихъ къ нимъ морей и океана. Разница между наибольшою температурой лѣтомъ ($+56^{\circ}$ R.) и наименьшою зимой (-25° R.) достигаетъ здѣсь 81° , и это, по моему мнѣнію, такое обстоятельство, которое заставляетъ меня отнести климатъ Бухары прямо къ числу суровыхъ, потому что 56-ти градусный зной, при страшной сухости воздуха—какъ хотите—составляетъ не менѣе суровое условіе для существованія, чѣмъ 30-ти градусный холдъ. И, право, я затрудняюсь сказать, которая изъ этихъ двухъ крайностей хуже?

Въ $2\frac{1}{4}$ часа ночи было довольно сильное землетрясеніе, продолжавшееся около одной минуты. Колебанія почвышли медленно и мѣрно, съ промежутками до двухъ секундъ на каждое, и

V.

Отъ Шахрисебса до Карши.

О бухарскомъ климатѣ и морозахъ. — Землетрясеніе на почлагъ. — Еще нечто по поводу хорошихъ манеръ и гостепріимства азіотовъ.—Гнилая вода.—Розыѣ въ Чимъ-курганѣ.—Стенные хутора.—Степь и Кашкинскій оазисъ.—Наше неужѣше путешествовать съ восточною важностию.—Неудачная переправа.—Каршинская степь.—Городъ Карши.—Его ковровыя фабрики, хѣдиочеканыя и ткацкія издѣлія.—Посольский домъ.—Политиканская продѣлка жѣстинъ чиновниковъ.—Нѣсколько словъ по поводу обычая дѣлать взаимные подарки.—Каршинскій бекъ и его визитъ въ посольство.—Характеръ города.—Мостъ на Кашка-Дарьѣ.—Каршинскія предѣстѣя.—Мазаръ Ишанъ-Шанды и городское кладбище.—Какъ относятся гнѣвѣши сарты къ своимъ могиламъ.—Похоронные обряды у сартовъ.

17 января.

Холодъ страшный. Еще вчера съ девяти часовъ вечера стала такой морозъ, какого мы здѣсь ни разу пока не испытывали. Н. Ханыковъ въ своемъ „Описаніи Бухарского ханства“¹⁾ говоритъ, что оно по южному положенію своему должно бы пользоваться весьма жаркимъ климатомъ, но что многія обстоятельства стекаются здѣсь вмѣстѣ, дабы не только умѣрить его, но даже и охладить. Во-первыхъ, континентальное положеніе ханства въ центрѣ Азіи оказываетъ на него хладотворное вліяніе, тѣмъ болѣе, что въ окружающихъ его земляхъ отношение обработанной части къ необработанной такъ ничтожно, что нисбѣлько не смягчаетъ суровости ихъ климата. Во-вторыхъ, совершенно открытое положеніе ханства съ сѣ-

¹⁾ Издание 1843 года, С.-Петербургъ.

сила ихъ дѣйствія сказывалась тѣмъ, что въ нашей комнатѣ трещали потолочные жерди; по къ исходу первой полминуты они постепенно становились все слабѣе и медленнѣе, пока не затихли вовсе. Однакоже послѣ сеяніи, восьмисекунднаго затишья землетрясеніе возобновилось, только пришло совсѣмъ другой характеръ. Теперь это были уже быстрыя, волнообразныя колебанія съ дрожью почвы, въ направленіи съ юго-запада къ съверо-востоку. Явленіе, въ особенности въ своей первой половинѣ, сопровождалось глухимъ подземнымъ гуломъ, который напоминалъ собою мѣрный, густой звонъ большого колокола¹⁾. Колебанія почвы и трескъ потолка разбудили меня почти въ самомъ началѣ землетрясенія, и въ первыхъ двѣ, три секунды я даже не понималъ, не могъ сообразить въ чёмъ дѣло; когда же все окончательно затихло, нарочно вышелъ на дворъ посмотретьъ что дѣлается. Ночь, озаренная мѣсяцемъ, была ясна и жестоко морозная. Вѣтви деревъ, терраса, стѣны, все было запущено густымъ сверкающимъ ишеемъ, и снѣгъ сильно хрустѣлъ подъ ногами. Термометра со мной не было, но на ощущеніе морозъ, мнѣ кажется, значительно превышалъ 20 градусовъ Рейнера, и въ тихомъ воздухѣ чувствовалась такая острота и сухость, что затруднялось даже дыханіе. Въ комнатѣ нашей, при ея весьма просторныхъ размѣрахъ, тоже было очень холодно, тѣмъ болѣе, что мы приказали унести изъ нея два мангала (жаровни), отъ которыхъ распространялся въ неї очень тонкій, но чувствительно дѣйствовавшій на голову угаръ, послѣдствія коего вскорѣ обнаружились на князѣ. Словомъ, холодъ даже въ

¹⁾ Въ Бухарѣ землетрясенія случаются преимущественно въ марѣ и въ первой трети апрѣля, но иногда сильные жары и сильные морозы также сопровождаются этимъ явленіемъ. Здѣсь, между прочими, существуетъ старое повѣрье, что предъ каждымъ новымъ годомъ, который у бухарцевъ считается со дня весеннаго равноденствія, непремѣнно должно быть землетрясеніе, и чтобы въ этомъ убѣдиться, они въ ночь наканунѣ новогодняго дня втыкаютъ въ землю ножикъ, и когда онъ упадетъ отъ сотрясенія почвы, то съ той минуты считается и начало нового года.

комнатѣ былъ такой, что рано утромъ мы проснулись съ ледяными сосульками на усахъ.

Обозъ нашъ еще съ вечера сильно отсталъ, а потому, князь рѣшилъ дождаться его прибытія; но такъ какъ арбы пришли только сегодня во второмъ часу пополудни, и лошади оказались крайне измученными, то намъ поневолѣ пришлось иродневать въ Карабахѣ.

Жить зимой въ туземныхъ домахъ безъ привычки невыносимо: глиняные стѣны промерзаютъ насквозь, глиняный полъ тоже; окна безъ стеколъ и большую частію не защищены ровно ничѣмъ; наружныхъ дверей въ комнатѣ много, не менѣе трехъ, но створы ихъ никогда не запираются вилотную, и потому изо всѣхъ щелей тянется сквознякъ ужасный. Благодаря всему этому, зимой во время морозовъ внутри бухарскихъ саклей гораздо холоднѣе, чѣмъ на открытомъ воздухѣ, и мы не разъ бывали выходили на дворъ, чтобы согрѣться. Потой же причинѣ порѣшили мы съ княземъ перебраться въ юрту, и не имѣли причинѣ сожалѣть о такомъ перемѣщеніи: въ юртѣ, гдѣ весь день поддерживался огоньъ костеркѣ, положительно было удобнѣе и несравненно теплѣе, тѣмъ въ комнатѣ—надо только лежать, чтобы дымъ не ёль глазъ—да и воздухъ по крайней мѣрѣ не былъ здѣсь отраженъ угаромъ.

Въ качествѣ походнаго метрѣ-д'отеля (достарханчи) сопровождалъ насъ, по назначенію бухарскаго правительства, одинъ эзауль-бashi, всегда лично вносившій и ставившій предъ княземъ почетное блюдо плова и распоряжавшійся во время стола остальную прислугой. Джентльменскій видъ, манеры и вообще умѣніе держать себя просто, но изящно и всегда съ чувствомъ собственного достоинства, сказывались въ этомъ азіатѣ такъ рельефно, что не могли не обратить на себя наше вниманіе. По этому поводу произошелъ у насъ съ княземъ разговоръ, начавшійся съ высказаннаго мной удивленія, откуда эти азіаты, люди, которыхъ въ Европѣ считаютъ варварами, полудикарями, усваиваютъ себѣ такъ тѣкъ и пол-

ния благородного изящества манеры. Мысли, высказанные въ отвѣтъ на это княземъ, очень понравились мнѣ своею оригинальностью, и мнѣ кажется, что его выводы вовсе не парадоксальны, напротивъ, въ нихъ чувствуется нѣчто основательное; сущность ихъ сводится вотъ къ чему:

Азія искони была и остается доселѣ истинною родиной хорошихъ манеръ, и европейцы вовсе не могутъ считаться иихъ самостоятельными изобрѣтателями: эти манеры, равно какъ и большую часть родовъ нашего спорта, Европа заимствовала у Востока еще съ эпохи Крестовыхъ походовъ. Нѣть надобности приводить примѣры необузданной грубости и даже дилогии общественныхъ и семейныхъ нравовъ, какими отличалась феодальная Европа до этой знаменательной эпохи: примѣры эти достаточно известны. Съ эпохи Крестовыхъ походовъ являются труверы, трубадуры, миннезингеры, воспѣвающие не только бранные подвиги рыцарей, но и благородство, изящество и нѣжность чувствованій, въ чёмъ они очень сходствуютъ съ поэтами Востока, въ особенности съ арабскими; является турниръ, точно также вынесенный съ Востока, турниръ съ его утонченными формами вѣжливости между противниками, что впослѣдствіи преемственно перешло и въ дуэлии¹⁾. Но заимствовавъ эти формы у Востока, Европа присоединила къ нимъ уже вполнѣ самостоятельно еще одинъ новый и невѣдомый на Востокѣ элементъ, какимъ явилась женщина,— женщина предметъ нѣсонойній трубадуровъ и миннезингеровъ, женщина царица турнира, и ея присутствіе еще болѣе облагородило и какъ бы освятило формы вѣжливости и изящество манеръ, вынесенные рыцарями изъ Азіи. Съ присутствіемъ женщины прежний безобразно разгульный пиръ превращается въ баль, въ раутъ; участіе женщины въ обществен-

¹⁾ Годфридъ Прель первый установилъ правила и законы турнира. Что же касается поединковъ, то правила „Pandectae triumphales“ были изданы въ 1586 году. Послѣдній турниръ, достопамятный тѣмъ, что на немъ Монгомери смертельно ранилъ французского короля Генриха II, былъ въ 1559 году, и съ тѣхъ поръ турниры замѣнились паруселами.

ной жизни, смягчая нравы, внося въ эту сферу изящество, красоту и грацію, поддерживало на извѣстной высотѣ и изящество манеръ, и формы вѣжливости, не давая забывать ихъ, и такимъ образомъ эти формы мало-по-малу сдѣлались обычными формами общежитія, вошли въ плоть и кровь порядочнаго общества. Но ничто не вѣчно подъ луной... Истинно хорошия манеры погибли въ Европѣ со временемъ первой французской революціи, когда, подъ видомъ спартанской простоты и презрѣнія къ аристократизму, водворилась утрированная грубость взаимныхъ отношеній, то же что мы видимъ въ нынѣшнемъ нигилизмѣ. Теперь сохранились только юночки и обрывки прежняго, но и тѣ, подъ вліяніемъ разныхъ новѣйшихъ доктринъ и теченій, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе утрачиваются, вмѣстѣ съ изяществомъ выражений разговорнаго языка, даже и въ салонахъ „порядочнаго общества“, гдѣ бульварный и закулисный жargonъ все шире захватываетъ себѣ права гражданства. И вотъ почему, когда здѣсь, въ глубинѣ Азіи, мы сталкиваемся съ истинными ея сынами, ихъ манерами, полныя изящества, простоты и благородства, вдругъ напоминаютъ намъ нѣчто, какъ будто свое старое, хорошо когда-то знакомое, но давно уже забытое, какъ забывается иногда какая-нибудь поэтическая баллада или старый мотивъ, знакомые намъ когда-то въ далекомъ дѣствѣ, и мы начинаемъ недоумѣвать и удивляться: откуда все это. Да ли откуда; оно тутомное, искони тутъ было и есть, не позабытое, всецѣло сохранившееся. А это только мы позабыли. И потому-то, повторяю, многимъ „европейцамъ“ далеко не мѣшало бы поучиться хорошимъ манерамъ у азіатовъ¹⁾.

¹⁾ Не выключая изъ ихъ числа даже и киргизъ, въ подтвержденіе чего я разскажу слѣдующій фактъ: 18-го марта 1883 года выѣхали мы въ сантъ М. Г. Черниева изъ Перовска въ Аму-Дарьинскій отдель. На лѣвомъ берегу Сыра, какъ разъ противъ Перовска, находится хуторъ, принадлежащий почтенной старухѣ Кунъ-Сары, вдовѣ почетнаго стечника киргиза Уткуль-бая. По переправѣ чрезъ Сыръ, М. Г. Черниевъ, желая

Еще характерная черта.

Понадобилось намъ для выкуовъ кошмы и веревокъ. Послали на базаръ, гдѣ всего этого добра нашлось вдоволь. Отбрали наши посланцы сколько было нужно и спрашиваютъ, что стоять.

— Ничего.

— Какъ такъ ничего?

— Ровно ничего не стоитъ. Вы наши гости, вы въ до-

почтилъ ее, зайхать къ ней на хуторъ. Тамъ уже заранѣе все было готово къ приему. На обширномъ дворѣ стояли большія юрты — лѣтніе цѣмѣщіе владѣлицы и ея семейства (зимой они живутъ въ сырцово-кирпичномъ домѣ, построенному по образцу русскихъ домовъ этого края). Сама старуха, въ богатомъ киргизскомъ нарядѣ темныхъ цветовъ, встрѣтила гостя у воротъ и осипала его по обычай нѣсколькими горстями золотыхъ и серебряныхъ монетъ; позади ея стояли всѣ члены ея семейства. Между послѣдними находились три или четыре женщины, изъ которыхъ дочь старухи, Райханъ, девушка лѣтъ двадцати, и невѣстка ея, Чаръ-Гуль, были замѣтально хороши собой въ своихъ парчевыхъ нарядахъ и собольихъ шапочкахъ, разитѣльно напоминавшихъ костюмъ русскихъ бояръ XVI и XVII столѣтій. Въ юртѣ, гдѣ былъ накрытъ большой столъ для завтрака, установленный великодѣйнымъ фарфоромъ, хрусталемъ и серебромъ, старуха представила Михаилу Григорьевичу всѣхъ женщинъ своего многочисленного семейства. Когда же былъ поданъ гость завтракъ, то всѣ женщины, за исключеніемъ хозяйки дома, должны были удалиться изъ юрты въ силу киргизского этикета. Къ этому-то моменту и относится весь мой разсказъ. Надо было видѣть съ какою естественною граціей и достоинствомъ и какъ ловко отступали они одна за другой, пятясь къ дверямъ и черезъ каждые три, четыре шага, дѣлалъ по одному плавному поклону. Мы чуть не ахнули отъ изумленія. Эта манера отступленія и характеръ поклона, повторяемаго въ силу этикета три раза, были всесовершенѣйшимъ подобіемъ тѣхъ отступательныхъ реверансовъ придворныхъ дамъ, какие приняты при всѣхъ европейскихъ дворахъ при откланиваніи высочайшимъ особамъ. А вѣдь этихъ самобытныхъ степиачекъ такому искусству никто не училъ; это уже у нихъ свое, врожденное, привитое обычаемъ, съ незапамятныхъ временъ существующимъ. Подобный же обычай искони существуетъ и у монголовъ. Кто-же отъ кого его заимствовалъ: Азія ли отъ Европы, или Европа отъ Азіи? Въ послѣднемъ, мнѣ кажется, не можетъ быть сомнѣнія.

рогѣ; вамъ въ пути понадобилась вещь, вы ее спрашиваете; мы вамъ даемъ ее потому, что вы наши гости. Мы ничего взять съ васъ за это не можемъ.

— Однако, все же...

— И не спорьте, все равно не возьмемъ.

Нечего дѣлать, пришлось принять необходимое намъ въ подарокъ и отплатить купцамъ халатами. Положимъ, получить халатъ гораздо выгоднѣе, чѣмъ базарную цѣну за такой нехитрый товаръ; но вѣдь купцы не могли же разсчитывать наѣвріяка на то, что наша прислуга доведетъ до свѣдѣнія главнаго посла о нежеланіи ихъ получить за уступленный товаръ плату; естественіе съ ихъ стороны было бы предложеніе, что прислуга покажетъ товаръ купленнымъ, а деньги положить себѣ въ карманъ. Стало быть, тутъ уже прямо проявляется древній азіатскій обычай относительно правъ и обязанностей гостепріимства, обычай подтверждаемый Кораномъ.

Въ Карабахѣ, между прочимъ, впервые довелось мнѣ на опѣтъ познакомиться съ отвратительными качествами стоячей воды, свойственными большинству средне-азіатскихъ „хаузовъ“. Хаузъ, это небольшой прудокъ, выкашываемый посерединѣ двора и обыкновенно осѣняемый нѣсколькими старорослыми ветлами. Безъ подобныхъ хаузовъ не обходится здѣсь ни одна мечеть, равно какъ и большая часть медрессе. Вода, проводимая въ нихъ изъ арыковъ, освѣжается рѣдко, а между тѣмъ служить къ удовлетворенію всѣхъ домашнихъ надобностей, отъ питья и варки до обязательныхъ омовеній. Утромъ я захотѣлъ было помыться, но чуть поднесъ къ лицу пригоршню воды, какъ меня ошибло ея отвратительнымъ запахомъ органической гнили, смѣшанной съ тухлыми яйцами. Пришлось оставить всякую дальнѣйшую попытку къ умыванью, тѣмъ болѣе, что на требование мое перемѣнить воду мнѣ отвѣчали, что другой воды неѣть во всемъ мѣстечкѣ и что эту самую мы употребляли и въ пицѣ, и въ чай. Чай однако же былъ бѣзъ всякаго запаха, равно какъ и шурпа. Оказалось, что въ прокипяченомъ видѣ эта вода утрачиваетъ свой запахъ; но признаюсь, чув-

ство брезгливости послѣ собственнаго опыта уже отбило у меня всякую охоту и къ карабахскому чаю.

18-го января.

Выступили съ ночлега въ семь часовъ утра, при сильномъ морозномъ туманѣ, который совершенно скрывалъ не только всю окрестную мѣстность, но и джигитовъ, скакавшихъ шагахъ въ тридцати впереди поѣзда. Путь въ молочно-блѣлонъ туманѣ продолжался на разстояніи $2\frac{1}{2}$ ташей (20 верстъ), до селенія Чимъ-курганъ, гдѣ, по распоряженію сопровождавшаго насъ караулъ-беги, назначенъ былъ часовой роздыхъ и завтракъ въ домѣ, уступленномъ для этой цѣли какимъ-то очень зажиточнымъ обывателемъ, который встрѣтилъ насъ предъ своими воротами. Завѣса изъ разноцвѣтныхъ полъ большой палатки, протянутая вдоль айвана (террасы), гдѣ былъ накрытъ достарханъ, а во дворѣ согрѣтыя юрты и зеленныя палатки для нашихъ людей, и тамъ же цѣлый рядъ дымившихся котловъ съ различными снѣдями, все это указывало на богатую радушіемъ встрѣчу. Въ комнатѣ, устланной коврами, вокругъ накрытаго для завтрака стола, стояли даже стулья бухарского издѣлія, покрытые зеленою краской и обтянутые одни алымъ сукномъ, а другие пестрымъ бухарскимъ бархатомъ. Эти стулья потомъ, по обычной манерѣ, надѣтые на руки верховыхъ джигитовъ, были мчими въ карьеръ мимо нашего поѣзда, по дорогѣ въ слѣдующему пункту роздыха. За завтракомъ, въ качествѣ новыхъ блюдъ, обращали на себя вниманіе вкусная похлебка съ мелкокрошенымъ мясомъ и сладкая каша или соломата коричневаго цвѣта, изъ пшеничной муки, заваренная, какъ клейстеръ или какъ молдаванская ма-малыга, но не на водѣ, а на одномъ только бараньемъ жирѣ. Не дай Богъ, однако, человѣку страдающему сколько нибудь желудочнымъ катарромъ попробовать хотя чайную ложку этой снѣди: послѣдствіемъ будетъ жесточайшая изжога, не поддающаяся ни содѣ, ни Боткинской карлбадской смѣси, ни пепсину. Тѣ изъ насъ, которые рѣшились отвѣдать этой кашки, проклинали потомъ цѣлый день ея жирно-сладкую память.

Въ $10\frac{1}{2}$ часовъ утра, по выѣздѣ изъ Чимъ-кургана, туманъ нѣсколько порѣдѣлъ, такъ что явилась возможность разглядѣть кое-что на разстояніи шаговъ трехсотъ. Тутъ мы замѣтили одну особенность въ устройствѣ владѣльческихъ хозяйствъ, или дворовъ, расположенныхъ на степи, нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги. Они не составляютъ сплошнаго селенія, не ются хозяйство къ хозяйству, какъ тѣ, что тянутся вдоль самой рѣки, а раскинуты по окрестности, каждый дворъ самъ по себѣ, отдельно отъ прочихъ, на извѣстномъ разстояніи, такъ что представляются чѣмъ-то въ родѣ нашихъ хуторовъ, почему и самое название ихъ „чарбахъ“ соответствуетъ хутору. Каждый изъ такихъ дворовъ непремѣнно обнесенъ стѣной, и даже довольно высокую, нерѣдко съ зубцами, въ томъ же родѣ, какъ и караванъ-сараи, такъ что издали они имѣютъ видъ какъ бы отдельныхъ фортовъ, взаимно другъ друга оборошающихъ; но это не караванъ-сараи, а именно обширные, степные хозяйственныя дворы, чарбахи.

Прирѣчная мѣстность заселена очень густо. Въ продолженіе всего пути, почти ыплоть до Карши, справа виднѣются непрерывною лентой сады, среди которыхъ тянется непрерывный рядъ селеній вдоль по теченію Кашка-Дарьи, составляющихъ въ сущности одинъ безконечный кишлакъ, лишь подраздѣленный на различные наименованія. Селенія эти, слѣдуя изгибамъ рѣки, теряются подъ конецъ пути изъ виду, но нѣсколько времени спустя, темная полоса ихъ садовъ снова выступаетъ на горизонтѣ, подходитъ все ближе и ближе и, наконецъ, слигается непосредственно съ самимъ городомъ. Дорога отъ самого Шаара идетъ не сквозь прибрежные кишлаки, а пролегаетъ по возвышенной степной плоскости (чуль), за воздѣланной полосой, или, лучше сказать, по задамъ земельныхъ участковъ, огороженныхъ глинянитными стѣнками, а каждый изъ такихъ участковъ занимаетъ въ длину, считая отъ рѣки къ чулю, протяженіе версты въ три (такъ по крайней мѣрѣ казалось на глазъ). Въ лѣвую сторону отъ дороги идеть уже голая степь, служащая пастищемъ для овчихъ отаръ,

кое-гдѣ прорѣзанная съ юга на югъ большими арыками, которые пересѣкаютъ дорогу крайне неудобно для проѣзда, потому что окопаны съ обѣихъ сторонъ высокими земляными насыпями, образующимися постепенно при ежегодной чисткѣ арыковъ, когда весь иль и наносный песокъ, выгребаемый со дна, сбрасывается тутъ же на насыпь, и такимъ образомъ по величинѣ этой последней всегда можно приблизительно определить, какъ давно арыкъ существуетъ. Эти степные арыки несутъ воду къ дальнимъ кишлакамъ, чтѣ виднѣются южнѣ, у подножія незначительной пологой гряды, составляющей послѣдній изъ отроговъ Ярчаклыскаго хребта.

Чѣмъ ближе къ Карши, тѣмъ все болѣе степная мѣстность перерѣзывается подобными арыками, но тутъ уже они идутъ и вдоль и попрекъ степного пространства, и встречаются между ними какъ большие, такъ и малые, и глубокіе, и мелкіе; на нѣкоторыхъ настланы прочные, хорошо содржимые мостики, безъ перилъ, во достаточной ширинѣ, такъ что широкоходная арба можетъ по нимъ пройти совершенно свободно.

Пройхали еще $2\frac{1}{2}$ таша и остановились на нѣсколько минутъ у селенія Каратегинъ, чтобы дать вздохнуть лошадямъ. Карапуль-беги тотчасъ же подѣхалъ съ предложеніемъ остановиться и здѣсь для отдыха и достархана, но мы предпочли немедленно жеѣхать далѣе. Поехали; но поехали въ видимому удивленію и даже неудовольствію нашихъ провожатыхъ и мѣстнаго аксакала: „Какъ, такой длинный путь и вдругъ не желаютъ отдохнуть и подкрепиться! Совсѣмъ ни на что не похоже!“

Но вотъ сдѣлали еще около двухъ ташей; подѣхжаемъ къ селенію Чакай, куда выѣхали двое какихъ-то чиновниковъ, высланныхъ изъ Карши для встрѣчи посольства. Здѣсь опять то же самое предложеніе остановиться, закусить и отдохнуть. Но когда и на этотъ разъ, не внявъ любезнымъ приглашеніямъ, мы велѣли вести себя дальше, то и карапуль-беги, и чиновники, и аксакалы окончательно уже „поверглись въ пу-

чину недоумѣнія“ и стали между собою переговариваться: „Да чтѣ-жъ моль это наконецъ такое?!.. Какие же это важные люди! Гдѣ такие виданы?..“ Въ Бухарѣ важные люди путешествуютъ медленно, съ роздыхомъ, съ остановкой, и чѣмъ важнѣе лицо, тѣмъ медлительнѣе должно оноѣѣхать. Да и куда спѣшить въ самомъ дѣлѣ? и зачѣмъ... Для спѣху существуютъ моль джигиты, — ну ужъ у тѣхъ и назначеніе такое, — а то вдругъ важные люди, и тоже по-джигитски! „Ай-ай, яманъ, яманъ! не хорошо!..“

Конечно, эти добрые люди мѣрятъ на свой аршинъ: такъ напримѣръ, эмиръ никогда не проѣзжаетъ въ сутки болѣе одного таша, но для насть, въ виду экстренности поѣздки, а главное въ виду зараженіе заявленнаго нами желанія, количество ташей было болѣе, чѣмъ удвоено и именно накинуто на каждую станцію по полтора таша (12 верстъ), но когда и при этомъ мы отказались отъ предлагаемыхъ остановокъ и сопряженныхъ съ ними кормленій жирными и сладкими снѣдями, то понятно, что бухарцы наши должны были наконецъ „положить въ ротъ палецъ изумленія“. Шутка ли сказать, пропустить вдругъ цѣлый дѣлѣ остановки и дѣлѣ кормежки! Но еслибы слѣдовать желанію этихъ добраяковъ, то намъ отъ Шаара до Карши, вместо двухъ перегоновъ, понадобилось бы идти, а еслиѣѣхать по-эмирски, то разстояніе отъ Шаара до Бухары въ 31 ташъ (248 верстъ) пришлось бы проѣзжать цѣлый мѣсяцъ. Разумѣется, бухарскіе чиновники должны были наконецъ безнадежно махнуть на насть рукой, каѣь на людей окончательно не умѣющихъ путешествовать съ надлежащою важностію.

Послѣ каждого отказа въ остановкѣ насть, на дальнѣйшемъ пути, нагоняли и опережали джигиты, мчавшіеся бѣженными карьеромъ съ надѣтыми на руки зелеными стульями, сидя безъ стремянъ на выюныхъ кожаныхъ коробкахъ, наполненныхъ столовыми приборами и достарханомъ. А замѣчательно въ самомъ дѣлѣ, какъѣѣздятъ въ Средней Азіи верхомъ на выюкахъ: чѣмъ тяжелѣе до известной степени выюкъ, тѣмъ

считается лучше; меньше будет врзать и стало быть для лошади менѣе риску набить себѣ спину. Человѣкъ же садится между двумя коробами и кладетъ на нихъ ноги, вытянувъ ихъ горизонтально впередъ, причемъ нижняя часть ноги, начиная отъ колѣна, болтается у него безъ опоры на воздухъ, около лошадиной шеи. Такая поза безъ привычки крайне неудобна, но говорить, что именно она-то тутъ и требуется, потому что человѣкъ будто бы становится отъ этого увѣистѣ и тѣмъ дополняетъ усидчивость выючной поклажи.

На пути отъ Чаукая къ Карши не обошлось-таки безъ приключенія. Протекаетъ тутъ какая-то рѣчонка, сама по себѣ вполнѣ ничтожная, особенно въ эту пору года; но течеть она въ довольно глубокихъ и большему частію круто обрывистыхъ берегахъ. Рѣчка затянулась тонкимъ льдомъ, по которому двинулся было выючный джигитъ съ цѣлью проложить дорогу поѣзду; но едва выѣхалъ на середину, какъ ледъ подъ нимъ рухнулъ и джигитъ провалился, растерявъ свою поклажу. Кое-какъ однако удалось ему выкарабкаться на ледъ и вытащить свою лошадь; но подходя къ противоположному берегу бѣднага провалился снова, и на этотъ разъ даже серьезнѣе первого, потому что лошадь упала подъ нимъ на бокъ и окунула его съ головой. Впрочемъ, все обошлось благополучно, безъ ранъ и ушибовъ, а упавшій выюкъ былъ пойманъ другими джигитами. Освободясь изъ-подъ лошади, узбекъ поднялъ ее на ноги и вытянулъ за поводъ на берегъ, гдѣ, раза два встражнувшись, легъ на спину и задралъ кверху ноги, чтобы выплыть изъ сапогъ воду, а затѣмъ вскочилъ въ сѣдло, вѣшилъ пару горячихъ нагаекъ своему скакуну и минуту спустя уже пропалъ изъ виду, умчавшись по направлению къ городу. По пути, проложенному, или вѣрнѣе проломленному джигитомъ перешла наша казачья команда справа по три, чтобы еще болѣе разбить ледъ и уширить проѣздъ, а затѣмъ была пущена арба, которая впрочемъ такъ въ водѣ и застряла, ни впередъ, ни назадъ. Русло рѣченки было изборождено глубокими и крутыми рытвинами, благодаря кото-

римъ переправа въ этомъ мѣстѣ оказалась окончательно невозможна. Нечего дѣлать, пришлось поворачивать оглобли иѣхать назадъ, въ обходъ, въ какомъ-то другому броду, у которого спускъ хотя и гораздо круче первого, но за то русло мелкое и ровное. Здѣсь перебрались мы уже безъ всякихъ приключений, и карауль-беги объявили, что отъ этого мѣста до Карши остается всего одинъ ташъ.

Послѣдніе отроги Ярчаклійскаго хребта, въ видѣ глинисто-песчаниковыхъ бугровъ, перерѣзанныхъ водомоинами, кончаются у селенія Чаукай, не доходя верстъ десяти до города. Но здѣсь это уже совсѣмъ ничтожная возвышенность, отъ подошвы коихъ мѣстность переходитъ въ совершиенную равнину, гдѣ лишь изрѣдка попадаются неглубокія пади и пологія котловинки.

Отъ Чиракчи до Чаукая степные курганы встрѣчались намъ довольно рѣдко, но начиная отъ этого послѣдняго пункта вся степь, прилегающая къ Карши, усыана ими. Это все курганы могильного характера, довольно высокіе, и на двухъ изъ нихъ видны были слѣды недавнихъ раскопокъ, но разумѣется не съ научною цѣлью. Въ здѣшнихъ курганахъ, какъ и вездѣ впрочемъ, копаются кладоискатели, а еще больше — просто сосѣдніе земледѣльцы, которые выбираютъ съ нихъ жирную, пропитанную органическимъ перегноемъ землю для своихъ огородовъ и плантацій.

Городъ Карши стоитъ на совершенно открытой равнинѣ и служить главнымъ этапнымъ пунктомъ для всѣхъ торговыхъ каравановъ, идущихъ въ Бухару съ востока и юго-востока, и главнымъ рынкомъ для всей окружающей его степи, обитаемой кочевыми туркменами. Послѣ Бухары, Карши считается лучшимъ городомъ во владѣніяхъ эмира, и это, можно сказать, единственный въ русскихъ предѣловъ среднеазіатской городъ, который не пребываетъ въ состояніи косности, а постоянно продолжаетъ расти и развиваться, благодаря своему торгово-промышленному значенію, въ особенности въ качествѣ первостепенного транзитнаго пункта. Число жите-

лей его определить трудно, такъ какъ оно ускользаетъ отъ вѣдѣнія даже и мѣстной администраціи, но известно, что въ самомъ городѣ находится болѣе тысячи жилыхъ дворовъ, принадлежащихъ частнымъ владельцамъ, шестнадцать мечетей, три караванъ-сарая и двѣнадцать медрессе. Между послѣдними замѣчательны двѣ: медрессе Голи и медрессе Бикей; первая въ 65 комнатъ, построена въ царствование эмира Хайдара, въ началѣ XVI столѣтія, изъденіемъ простой молочной торговки, а вторая, въ 50 комнатъ—простымъ узбекомъ Бикеемъ, котораго Абдуллахъ-ханъ¹⁾ возвелъ въ званіе бія за то, что Бикей, встрѣтивъ его, заблудившагося на охотѣ, вывелъ на настоящую дорогу и окказалъ ему гостепріимство, не зная съ вѣмъ имѣть дѣло. Какъ кто ни смотри, на какой европейской аршинѣ не мѣрь „полуварварскую цивилизацию“ этихъ „туранцевъ“, но тотъ фактъ, что въ средѣ ихъ являлись простыя торговки и простые по нашему мужики, на собственныя средства и по собственному побужденію воздвигшіе университеты, гдѣ до сихъ поръ раздается слово мусульманской науки, такой фактъ самъ говорить за себя достаточно краснорѣчиво. Не все же, стало быть, господствовалъ здѣсь такъ называемый „мракъ невѣжества“; напротивъ, были времена, когда сильно проявлялось въ этомъ обществѣ и уваженіе къ знанію, и стремленіе къ распространенію науки и цивилизациі. Остатки древнихъ арыковъ въ Голодной степи и въ другихъ, нынѣ совершенно мертвыхъ пустыняхъ, величественные степные работы и монументальный сардобы, астрономическая обсерваторія Улукъ-бека, мозаичные дворцы, мавзолеи, медрессе и мечети, до нашихъ дней продолжаютъ свидѣтельствовать, что были свои „золотые времена“ и для Средней Азіи.

Судя на глазъ, городъ Карши со своими садами кажется будто раскинулся на значительное разстояніе по теченію

¹⁾ Родился въ 940 (1538), вступилъ на престолъ въ 963 (1555), умеръ въ 1006 (1597) году. Это былъ величайший изъ государей династіи Шейбанидовъ.

Кашки, но въ сущности самый городъ, то есть часть окруженнаго стѣной, не особенно великъ. Въ подробности описывать его наружность было бы излишне: это все то же, что и въ Чимкентѣ, и въ Ташкентѣ, и въ Шаарѣ, словомъ, повсюду въ Средней Азіи, и если вы видѣли хоть одинъ среднеазіатскій городъ, то можно сказать, что вы видѣли ихъ всѣ; отличія между тѣмъ или другимъ изъ нихъ будутъ не особенно значительны и касаются болѣе географическаго, чѣмъ этнографическаго характера. Урда (цитадель), обыкновенно стоящая на возвышеніи и обнесенная глинобитною зубчатою стѣной съ башнями, то же, что наши древніе кремли, обыкновенно составляетъ центръ города; въ урдѣ, аркѣ, то есть дворецъ эмира или бека, тоже обнесенный зубчатою стѣной и служащий для цитадели какъ бы редюитомъ; затѣмъ въ урды, противъ ея главныхъ воротъ, регистанъ, четырехсторонняя городская площадь, окруженная зданіями главныхъ медрессе и главной городской мечети „намазъ-джума“; къ регистану же съ трехъ сторонъ примыкаетъ базарь со своими караванъ-сараями, крытыми рядами и ротондой чаръ-су, всегда составляющею центръ главнаго городского базара, а затѣмъ во всѣ стороны, какъ паутинная сѣть, расходятся кривые и косые узенькие улицы и переулки, обрамленные глинобитными заборами, за которыми въ глинобитныхъ сакляхъ, среди закрытыхъ дворовъ и садовъ, копошится жизнь городскихъ обывателей. Здѣсь время отъ времени попадается какой нибудь хаузъ, осѣненный ветлами, и рядомъ небольшая мечеть или могила какого нибудь святаго съ развѣвающимся на высокомъ шестѣ бунчукомъ или знаменемъ. Тамъ и сямъ улица пересекается журчащимъ арыкомъ и нерѣдко упирается въ стѣну, гдѣ нѣть даже и калитки, или въ захороненное кладбище съ тѣсными рядами кирпичныхъ саркофаговъ, оштукатуренныхъ гипсомъ. Иногда такая улица въ одномъ изъ своихъ уголковъ оживится какимъ нибудь маленькимъ базарчикомъ съ тремя, четырьмя лавочками, и непремѣнно съ чайна-хане и съѣстною, около которыхъ обыкно-

венно ются и нѣсколько ремесленныхъ заведеній, а тамъ оять пошли глиняные заборы да плоскія кровли, вплоть до самой городской стѣны такого же типа, какъ и стѣна урдинская, съ нѣсколькими воротами, выводящими на разныя дороги. За воротами, начиная отъ вѣнчайшей окружности стѣны, идутъ уже сплошною полосой на нѣсколько верстъ вокругъ города его предмѣстія, наполненные садами, плантациами и кладбищами. И вотъ вамъ обыкновенный типъ всякоаго среднеазіатскаго города. Одинъ будетъ менѣе, другой больше, одинъ холмистѣе, другой равниннѣе, и въ этомъ почти вса разница. Таковъ же точно и Карши, такова и преславная „благородная Бухара“, „оплотъ вѣры и главный столъ ислама“ съ ея 365 мечетями.

Впрочемъ, относительно Карши можно прибавить, что его улицы, по крайней мѣрѣ тѣ, по которымъ насы провозили, значительно шире и чище содержаны, чѣмъ въ Шаарѣ; арыковъ достаточно, равно какъ и внутреннихъ садовъ въ городѣ; базаръ весьма значителенъ и давно уже выдвинулся частью своихъ рядовъ за предѣлы старой городской стѣны, бывшей еще во время Ханыкова (1840 годъ), но пынѣ не существующей. Славится Карши своими коврами, которые выдѣлываются въ подгородномъ кишлакѣ Камаши. Нанесли ихъ къ намъ во дворъ на продажу цѣлыми десятками тюковъ; но такие ковры, каршинской же работы, всегда можно купить у насы въ Ташкентѣ вдвое дешевле, чѣмъ здѣсь на мѣстѣ, гдѣ сразу заломили съ насы ни съ чѣмъ несообразныхъ цѣнъ, быть можетъ въ разсчетѣ на то, что у посольства должно быть денегъ много и что, не зная цѣнъ, оно не станетъ торговаться. Оружейныхъ порядочныхъ лавокъ въ Карши вовсе нѣть (Шааръ въ этомъ отношеніи куда богаче!), красивыхъ сѣдельныхъ при надлежностей тоже не найдете; за то въ большомъ ходу выдѣлка выючныхъ сѣделъ, и оно понятно: здѣсь такъ и быть тому надлежитъ, какъ въ центральномъ караванно-транзитномъ пункѣ. По количеству тутовыхъ плантаций можно было разсчитывать, что въ Карши вы найдете богатое шел-

ковое производство. Между тѣмъ на дѣлѣ это вовсе не такъ, и шелковые ткани встречаются на базарѣ, въ лавкахъ, только привозныя изъ Бухары, Шахрисебса, Самарканда (въ особенности) и отчасти чрезъ Гиссаръ изъ горныхъ бекствъ; а мѣстный шелкъ продается только въ моткахъ у евреевъ. За то въ большомъ ходу сбыть шерсти и шерстяныхъ издѣлій, въ видѣ ковровъ, паласовъ, куржумовъ, подпругъ, попонъ, большихъ мѣшковъ и т. п., что находится въ прямой зависимости отъ производительности богатыхъ овечьими стадами туркменъ, жителей окрестныхъ степей, для которыхъ Карши, какъ уже сказано, служить главнымъ сбытовымъ рынкомъ. Кроме того, здѣсь выдѣлывается „алача“, сильно проклейпая ткань, въ родѣ джутовой, идущая для лѣтнихъ костюмовъ; но она очень жестка и, какъ говорятъ, не безопасна въ отношеніи огня: чути попадеть на нее искра, алача быстро загорается, такъ что человѣку, имѣющему привычку курить, весьма рискованно носить ее, да притомъ и дорога она непомѣрно, если судить по тѣмъ цѣнамъ, какія съ насы запрашивали. Затѣмъ Карши производить много табаку, который расходится отсюда по бухарскимъ владѣніямъ, какъ въ листахъ и въ крошевѣ для куренія, такъ и тертымъ въ видѣ порошка для жеванья¹⁾; вообще каршинскій табакъ считается въ Средней Азіи лучшимъ. Но болѣе всего, наравнѣ со своими коврами, славится Карши еще и мѣдночеканными издѣліями. Въ качествѣ образцовъ для своей среднеазіатской коллекціи я купилъ здѣсь два кувшина съ умывальными чашками современной работы. Въ своемъ родѣ эти вещи очень недурны, но въ сравненіи съ такими вещами старого стиля и старой чеканки кажутся слишкомъ претенціозными, манерными, затѣлливыми, слишкомъ бьють на эффектъ серебряныхъ инкрустаций и украшений изъ поддѣльной бирюзы и хрустальныхъ quasi-аметистовъ, рубиновъ, сапфировъ и проч. Въ нихъ уже нѣть того благо-

¹⁾ Большинство узбековъ любятъ табакъ жевать, закладывая его подъ языки, или между щекой и десной. Вместо табакерокъ употребляются маленькие флакончики изъ тыквы.

простотѣ формъ, какія встрѣчаются въ старыхъ вещахъ этого рода ширазской, ташкентской и кашгарской работы. Два образца древнихъ кумгановъ, найденные мною на Шаарскомъ базарѣ, настолько лучше этихъ и по изяществу стиля и по чеканной работѣ, что послѣднѣе не выдерживаютъ съ ними никакого сравненія, да при томъ же они ужасно дороги: за пару я заплатилъ двѣсти тенговъ, то есть сорокъ серебряныхъ рублей на наши деньги. Наконецъ, кромѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ производствъ, судя по изобилию мастерскихъ и лавочонокъ, встрѣчавшихся намъ на попутныхъ улицахъ, здѣсь процветаетъ столярное и плотничное дѣло, впрочемъ въ формахъ очень грубыхъ сравнительно съ рѣзными столярными издѣліями Ура-тюбе, Ходжента и Самарканда.

Прѣѣхали мы въ Карши въ половинѣ четвертаго часа по полудни и остановились въ посольскомъ домѣ, который въ случаѣ надобности всегда называется бухарскимъ правительствомъ для посольствъ у какого-то мѣстного куида. Архитектурный стиль этого дома, въ выходящихъ на внутренній дворъ двухъэтажныхъ постройкахъ съ ажурными балюстрадами и мавританскими арками и колонками, поддерживающими два яруса галлерей, могъ бы называться очень изящнымъ, еслибы сооруженіемъ этого дома руководила болѣе умѣлая архитектурно-художественная рука. Впрочемъ, широкій айванъ главнаго корпуса въ своемъ родѣ очень красивъ, благодаря расписному карнизу, лѣпной работѣ стѣнъ и рѣзнымъ колоннамъ средне-азіатскаго стиля. Внутреннія стѣны приемной залы также украшены лѣпными узорами и вязевыми надписями изъ Корана и персидскихъ поэтовъ, а потолокъ расписанъ мелкими арабесками.

На должности бека сидеть въ Карши Остана - Куль-бій, двадцатилѣтній юноша, внукъ кушъ-беги¹⁾). Этотъ юный бекъ

¹⁾ Кушъ-беги или визирь—звание, соответствующее должности первого министра и государственного канцлера.

не только не встрѣтилъ посольство въ домѣ, но даже не прѣѣхалъ къ князю, когда ему уже было доложено о нашемъ прибытіи, хотя исполнить это онъ былъ бы обязанъ въ силу предварительного распоряженія эмира о приемѣ русскаго посольства. Вместо себя молодой человѣкъ прислалъ къ намъ двухъ своихъ советниковъ, изъ коихъ одинъ, сѣдобородый, былъ необычайно важенъ, гораздо важнѣе самого первенца и всѣхъ видѣнныхъ нами доселѣ сановниковъ, какъ и подобаетъ впрочемъ третьестепенному чиновнику, которые, какъ видно, повсюду одинаковы. Эти господа советники, послѣ обычныхъ разспросовъ о здоровье и о томъ, хорошо ли мы доѣхали до ихъ благополучнаго города, объявили, что бекъ будетъ у князя завтра утромъ, а сегодня де очень занятъ важными государственными дѣлами.

Князь замѣтилъ на это, что очень радъ видѣть бека послѣдний и завтра, хотя надѣялся встрѣтить его здѣсь сегодня; но принимая во вниманіе его занятія и прочее, а также и собственную свою усталость со дороги, окончательно отложилъ свиданіе до слѣдующаго утра.

Совѣтники послѣ этого, заявивъ, что одинъ изъ нихъ, а именно сѣдобородый, назначенъ сопровождать насъ отъ Карши до Бухары, удалились съ такою же важностію, какъ и пришли вначалѣ.

19 января.

Сегодня утромъ, въ восемь часовъ, явились двое новыхъ чиновниковъ отъ бека. Одинъ изъ нихъ тоже сѣдобородый и еще важнѣе, чѣмъ вчерашній, но должно быть не совсѣмъ-то строго блюдетъ законъ Магомета: носъ у него багровый и голосъ сильно хрипитъ, словно съ перепоя. Посланцы эти заявили маюру Байтокову, что они присланы передать посольству приглашеніе бека къ нему на достарханъ сегодня послѣ полуденного намаза, то есть въ часъ дня.

Это уже выходило что-то очень странное: вчерашніе заявили, что бекъ самъ будетъ у насъ сегодня, а эти о визитѣ бека уже ни гу-гу, а только насъ къ нему приглашаютъ.

В. В. Крестовский.

Князь поручил Байтокову передать чиновникамъ, что сей-часъ онъ ихъ принять не можетъ, а просить несколько обождать. Усѣлись чиновники, несмотря на свою важность, на дворѣ, на лѣсенкѣ айвана, и ждутъ, и долго ждутъ,—болѣе двухъ часовъ ждали. Наконецъ князь смиловался и приказалъ позвать ихъ въ приемную, куда пригласилъ къ этому времени и всѣхъ членовъ посольства.

Чиновники вошли видимо недовольные тѣмъ, что ихъ заставили простоять столь долго и потому напустили на себя еще больше важности.

При взаимной рекомендациѣ, напримѣръ, когда князь называлъ имъ каждого изъ насъ поочередно, сѣдобородый храпунъ даже не всѣмъ членамъ посольства протянулъ свою руку, да и тѣмъ, кого удостоилъ этой чести, подать ее полу-нѣхотя, какъ бы вскользь, и то лишь чуть-чуть прикоснувшись кончиками пальцевъ, а прочимъ и головой не кивнулъ. „Ого, думаемъ, какіе важные! Такихъ еще мы и не видали“. Становилось любопытно, чѣмъ это все кончится.

Усѣлись. Крякнули, помолчали. Не сразу же начинать, надо прежде съ мыслями собраться, какъ того требуетъ важное ихъ положеніе. Вообще замѣтно было, что всѣмъ своимъ поведеніемъ чиновники желають „взушить“ намъ что-то, „дать почувствовать“, но что и ради чего все это, было пока неиз-нятно. Наконецъ, сѣдобородый началъ съ обычнаго вопроса о здоровье и о томъ, что бекъ, молъ, спрашиваетъ, всѣмъ ли мы довольны.

Князь отвѣчалъ, что какъ гости эмира, мы вполнѣ довольны тѣмъ вниманіемъ и любезностію, какая до сихъ поръ оказывала намъ его высокостепенство.

Снова помолчалъ сѣдобородый и снова крякнулъ, а затѣмъ, отчетливо формулируя каждое слово, заявилъ, что бекъ ожидаетъ къ себѣ князя и прочихъ его сопровождающихъ, и что будетъ принимать всѣхъ насъ вмѣстѣ, въ часъ дни, послѣ полуденного намаза, о чёмъ де они, совѣтники, и посланы заявить намъ заранѣе.

Замѣтьте этотъ оттѣнокъ: не „просить“, а „ожидаетъ“, какъ будто посольство испрашивало у него аудіенцію. Вообще весь тонъ этого сообщенія былъ какой-то странный, совсѣмъ неподходящій.

Князь нарочно сдѣлалъ видъ, какъ будто даже не понялъ того, что ему сказано, и переспросилъ чрезъ переводчика въ чемъ дѣло.

Сѣдобородый повторилъ свое заявленіе въ той же формѣ, слово въ слово, какъ бы давая этимъ чувствовать, что онъ ни мало не ошибается ни въ смыслѣ, ни въ тонѣ своего по-рученія.

Тогда князь объявилъ вотъ что:

— Передайте беку, сказалъ онъ,— что я сегодня занять и потому не располагаю выходить изъ дома, а буду прини-мать бека завтра у себя въ восемь часовъ утра, такъ какъ съ половиной девятаго мы уѣзжаемъ.

Сказано это было совершенно спокойнымъ, серьезнымъ то-комъ, какъ ультиматумъ, не допускающій никакихъ возраже-ній, ниже сомнѣнія въ томъ, что онъ можетъ быть не исполненъ,— и надо было видѣть, какъ мгновенно послѣ этихъ словъ вытянулись лица чиновниковъ, какія опѣшеннѣя фи-зіономіи они себѣ устроили! Всю важность ихъ какъ рукой сняло; оторопѣлые, явно смѣшавшись и уже не дерзая не только вскользь, но и вовсе протягивать кому либо руку, они удалились съ очень низкими и почтительными поклонами, бормоча, что передадутъ слова князя своему беку.

Но черезъ часъ тѣ же лица появились снова у насъ на дворѣ и прошли маюра Байтокова передать князю, что бекъ намѣренъ сдѣлать ему визитъ завтра, согласно заявленному княземъ желанію, но только не въ восемь часовъ, такъ какъ это слишкомъ рано, а немного попозже, часовъ въ десять напримѣръ, и потому нельзѧ ли, молъ, посольству повреме-нить своимъ отѣздомъ и даже остаться въ Карши еще на сутки.

Князь чрезъ своего ординарца выслалъ имъ сказать, что

его рѣшеніе имъ уже известно, что въ 8^{1/2} часовъ утра онъ выѣзжаетъ непремѣнно и просить къ этому времени прислать проводника, а если проводникъ не будетъ присланъ, то посольство уѣдетъ и безъ него.

— Хобъ! хобъ! (хорошо, слушаемъ) проговорили чиновники, поматывая головами и прикладывая руку къ сердцу.— Высокія слова послы передадимъ беку дословно. Аманъ-буль.. До свиданья!

А черезъ полчаса послѣ этого у насть на дворѣ появилось уже четверо: двое сегодняшнихъ да двое вчерашихъ посланцевъ бека. Пришли они объяснить Байтокову, для передачи князю, что бекъ де потому не встрѣтилъ посольства и не былъ у князя съ визитомъ, что не имѣлъ на этотъ счетъ никакихъ приказаний отъ эмира, но что вчера онъ нарочно отправилъ въ Шааръ гонца съ цѣлью спросить, какимъ образомъ будетъ ему приказано встрѣтить и принять проѣзжающихъ русскихъ гостей, и такъ какъ гонецъ ранѣе послѣ завтра возвратиться не можетъ, то не обождеть ли посольство до его возвращенія.

Байтоковъ отвѣчалъ, что этого уже и передавать князю не станетъ, такъ какъ всему посольству изъ устъ самого хазрета было заявлено при прощальномъ селамъ, что онъ, хазреть, заранѣе послалъ беку насчетъ нашего приема даже особое приказаніе, и что посольство во всякомъ случаѣ выѣдетъ въ дальнѣйшій путь въ назначенное княземъ время, а кроме того князь, весьма вѣроятно, обо всей этой исторіи сегодня же напишетъ самому эмиру.

Услышавъ такую отповѣдь, чиновники уже въ конецъ переполошились, словно тараканы, посыпанные бурой, и спѣшно поскакали къ беку.

Въ четыре часа дня прїѣзжаетъ верхомъ, въ полномъ парадѣ, самъ бекъ со свитой, въ составѣ которой находились и его сѣдобородые совѣтники. Подѣхалъ къ воротамъ посольского дома и послылали спросить князя, можетъ ли этотъ послѣдній принять его посѣщеніе.

Князь выслалъ ординарца сказать беку, что принять его сегодня не можетъ, а примѣтъ завтра, какъ уже сказано, и бекъ уѣхалъ, что называется, несолено похлебавши.

По точнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ нашими людьми изъ ташкентскихъ и самаркандскихъ туземцевъ, подкладка всей этой странной исторіи заключается вотъ въ чемъ:

Наусъкали юнаго бека на такой образъ поведенія все тѣ же его сѣдобородые совѣтники: можно де принять и отпустить посольство, не роняя своего бекскаго достоинства, то есть не только не выѣзжать къ нему въ домъ для встрѣчи, но и вовсе не дѣлать визита. Русскіе де такихъ тонкостей не понимаютъ, а нужны имъ только подарки, за подарками они и ёдутъ, въ подаркахъ-то и вся сила, а потому давай мы тебѣ оборудуемъ это дѣло, такъ что и русскіе будутъ довольны, и народъ увидитъ, какой ты въ самомъ дѣлѣ важный человѣкъ и какъ относишься къ русскимъ. Положись на насть, мы все это устроимъ тебѣ наилучшимъ образомъ. Мальчишка поддался ихъ совѣтамъ, а теперь и струсили и не знаетъ, какъ быть ему, тѣмъ болѣе, что весь базарь (а базарь — это здѣсь народъ) видѣлъ, какъ онъ, Остана-Кульбай, бекъ каршинскій, внукъ преславнаго кушъ-беки, перваго послѣ эмира человѣка во всемъ ханствѣ, „наѣлся грязи“, повернувъ ни съ чѣмъ коня отъ воротъ посольского дома. Но отчаяніе сѣдобородыхъ совѣтниковъ и того еще болѣе.

Проводивъ бека въ урду, они возвратились къ посольскому дому и уныло сидѣть теперь вчетверомъ на завалинѣ у воротъ, не зная, какими судѣбами исправить бы всю эту глупость, затѣянную ими же самими, тѣмъ болѣе, что эмиръ какъ узнаетъ, шутить съ ними не будетъ...

Но во всей этой исторіи, даже въ томъ, что она оказалась возможной, есть и другая сторона, не лишенная поучительности уже для насть самихъ: это именно увѣренность бухарскихъ чиновниковъ, что намъ, русскимъ, нужны де не тонкости приема и не уваженіе, а только подарки, побольше подарковъ, за которыми насть собственно въ Бухару и посы-

лаютъ. Почему у нихъ могло сложиться такое убѣжденіе? Нѣтъ ли тутъ доли нашей собственной вины? Не сами ли мы давно уже подали имъ первый поводъ думать о насъ такимъ образомъ?

Увы! мы въ этомъ отношеніи далеко не безупречны...

Для достоинства русского имени было бы очень хорошо, если не вовсе воспретить посламъ въ принципѣ всякий приемъ какихъ бы то ни было подарковъ, то хотя бы ограничить или регулировать какимъ либо способомъ это щекотливое дѣло, установивъ положимъ, что подарки могутъ быть принимаемы только отъ одного эмира и ни отъ кого болѣе, и то лишь для того, чтобы не нарушать обычая, освященного вѣками. А то въ нынѣшнемъ положеніи этого дѣла выходитъ вотъ что: насъ теперь въ составѣ посольства пять человѣкъ, изъ коихъ четыре младшіе члена, при каждомъ явленіи на селлѣмъ къ эмиру или при посѣщеніи кого либо изъ бековъ получаютъ отъ нихъ въ подарокъ по одной лошади съ парчевою попоной и наборною уздечкой и по одному тюку халатовъ, а старшій посолъ—по двѣ лошади подъ бархатными попонами, расшитыми серебромъ и шелками, и девять тюковъ халатовъ, итого каждый разъ шесть лошадей и тринацдцать тюковъ, въ которыхъ въ общей сложности заключается 117 халатовъ, приблизительно на сумму до 2,000 рублей. Мы же въ лицѣ старшаго посла, въ состояніи отдарить бека только однимъ, правда, очень хорошимъ халатомъ изъ какой либо европейской матеріи, съ прибавкой какихъ нибудь пустячковъ, въ родѣ револьвера, золотыхъ карманныхъ часовъ или часовъ съ кукушкой, конфектъ да духовъ, что въ совокупности не превышаетъ какой нибудь сотни, много двухъ сотенъ рублей. Отдаривать же равноцѣнными вещами у насъ въ состояніи только одинъ туркестанскій генераль-губернаторъ, которому для этого и отпускается отъ казны особая экстраординарная сумма, но ужъ никакъ не лица подначальный. Эти послѣднія, при отправленіи ихъ въ Бухару къ качествѣ пословъ, хотя и снабжаются некоторымъ количествомъ подарочныхъ

вещей, но далеко не въ такихъ размѣрахъ, чтобы уравновѣсить ихъ съ массой и цѣнностію подарковъ, подносимыхъ имъ бухарскими сановниками. Да на такое уравновѣшіе при нашей нынѣшней экономіи и въ особенности при частыхъ отправкахъ посольствъ къ эмиру пришлось бы казнѣ дѣлать слишкомъ большія непроизводительные затраты. И выходить, что мы такъ или иначе принимаемъ отъ бухарцевъ подачки. И это получаетъ тѣмъ болѣе неблаговидный характеръ, что тѣ же бухарскіе чиновники не стѣсняются приставать къ намъ съ просьбами о распродажѣ полученныхъ вещей, чтобы получить возможность поднести ихъ намъ же вторично, то есть, другими словами, суютъ намъ подачки деньгами. Какъ ни верти, а сущность дѣла вѣдь такова и никакъ не становится красивѣе отъ того, что даютъ намъ эти деньги не прямо, а заставляютъ принимать ихъ черезъ продажу подарковъ. Среди бухарцевъ разсказываютъ даже такія, казалось бы, невѣроятныя вещи, будто одинъ изъ нашихъ пословъ не особенно отдаленаго времени, будучи лакомъ до сметанного соуса съ чеснокомъ, подаваемаго къ ягнятинѣ и молодой конинѣ, приказывалъ бухарскимъ приставамъ ежедневно поставлять къ его столу по восемнадцати крынокъ свѣжей сметаны, изъ которыхъ на его собственная надобности шла только одна крынка, а остальная семнадцать съ каждое утро чуть не лично продавалъ базарнымъ торговцамъ, призывающимъ для этого на посольскій дворъ, и это до такой степени возмутило наконецъ бухарскихъ властей, что онъ, желая дать понять русскому послу все неприличіе его поведенія, однажды заставили крынками всю террасу предъ его окнами. Но того эта колкая шутка не проняла и онъ пресловойно въ тотъ же день всѣ эти крынки сбылъ на базарь, да еще будто бы потребовалъ, чтобы и на будущее время ему постоянно поставляли такое же количество крынокъ. Всему этому вѣрится съ крайнимъ трудомъ, даже и тогда, когда обѣ этомъ говорятъ Суворовъ русскіе свидѣтели столь недостойныхъ выходовъ. Су-

дите же сами, насколько такія отношенія сообразны съ честью русскаго имени и достоинствомъ его представителей.

А все-таки любопытно, чѣмъ-то вся эта сегодняшняя исторія окончится завтра?..

20 января.

Съ добородые совѣтники бека еще съ разсвѣтомъ были уже у нашихъ воротъ и не безъ внутреннаго томленія ожидали момента, когда имъ будетъ можно доложить старшему послу, что бекъ непремѣнно прибудетъ въ назначенное время. Поэтому они чуть не каждую четверть часа обращались съ вопросами то къ Байтокову, то къ Асланбеку: проснулся ли князь, скоро ли проснется, приметъ ли ихъ и какъ скоро приметъ, когда встанетъ съ постели. Тѣ отвѣчали, что ничего опредѣлительного на этотъ счетъ сказать имъ не могутъ, что все де будетъ зависѣть отъ доброго желанія князя: захочетъ приметъ, не захочетъ — откажеть, но что бека вѣроятно приметъ, если только тотъ не запоздаетъ своимъ прѣздомъ.

Совѣтники грустно вздыхали, потряхивая чалмоносными головами, и каждый разъ послѣ подобнаго отвѣта снова усаживались на завалинку, съ покорностю сложивъ на животъ руки, пока усилившееся томленіе не подмоетъ опять кого-либо изъ нихъ на какой нибудь новый вопросъ такого же рода. Томленіе ихъ было понятно, потому что если бы князь бека не принялъ, то гнѣвъ эмира разразился бы главнѣйшимъ образомъ надъ ихъ головами, какъ вѣроятно на ихъ же головы пролился бы и „елей благоволенія съ ароматомъ похвалы“ изъ устъ того же эмира въ томъ случаѣ, еслибы затѣянная ими продѣлка вполнѣ удалась. А гнѣвъ хазрета не шутка, ибо онъ сразу раздавливаетъ человѣка. По меньшей мѣрѣ, лишили бы этихъ совѣтниковъ не только ихъ должности и всѣхъ достоинствъ, приобрѣтенныхъ службой, но и всего ихъ имущества, которое неизбѣжно подверглось бы конфискаціи въ пользу казны, за исключеніемъ одного лишь носильного адресоваго халата, и пришлось бы

имъ либо идти къ кому нибудь въ джигиты, либо поступать сидѣльцами въ чью нибудь лавку, а то и просто побираться съ рукой, буде не окажется сострадательныхъ и состоятельныхъ родственниковъ, которые призвѣли бы ихъ въ несчастіи. Сидя на завалинкѣ, совѣтники дрожали отъ утреннаго холода, и чѣмъ дальше, тѣмъ все больше страдали нравственно отъ неизвѣстности, каково-то будетъ рѣшеніе послы. Когда же наконецъ Байтоковъ, выйдя отъ проснувшагося князя, объявилъ имъ, что бекъ будетъ принять, какъ сказано, то люди эти просто ожили, воскресли; для нихъ это было проблескомъ надежды, что не все еще потеряно, что хотя со стороны высшаго правительства и ждетъ ихъ жестокая головомойка за глупые совѣты, но все же имущество, а можетъ и служебное положеніе, останется при нихъ безъ ущерба. Теперь все дѣло въ томъ, какъ бы бекъ не опоздалъ со своимъ визитомъ, и потому совѣтники поскакали въ урду торопить его.

И вотъ ровно въ восемь часовъ утра Остана-Куль-бій изволилъ къ намъ пожаловать въ сопровожденіи многочисленной конной и пѣшой свиты. На немъ былъ форменный халатъ изъ индійской мелкотравчатой парчи, и белая кашмирская шаль въ видѣ чалмы пышно обвивала его голову. Это очень еще молодой человѣкъ, не только весьма красивой, но и пріятной наружности, съ небольшою темною бородкой, здоровымъ и матовымъ цвѣтомъ лица, открытую улыбкой и добрыми карими глазами. Въ типѣ лица — ничего тюркскаго, на-противъ, это чистѣйшій иранскій типъ, и нѣть сомнѣнія, что перенеси судьба этого юношу въ Европу, вотъ такъ, какъ онъ есть, въ этомъ самомъ костюмѣ, онъ пользовался бы громаднымъ успѣхомъ у женщинъ. Намъ же достаточно было взглянуть на это юное, чистосердечное лицо, чтобы убѣдиться окончательно, что самъ Остана-Куль ровно ни причемъ въ прошедшемъ недоразумѣніи, что онъ тутъ не болѣе, какъ жертва политикаства своихъ совѣтниковъ, черезчуръ уже переточившихъ дипломатические фокусы восточной политики.

Князь, протянувъ ему руку, очень любезно пригласилъ его

садиться, а советники остались стоя у дверей, гдѣ и пребывали все время въ нѣсколько согбенныхъ позахъ, сложивъ на животъ руки, что по восточному этикету выражаетъ высокую степень почтительности.

Бекъ началъ прямо и просто съ извиненія въ своей ошибкѣ, за которую онъ принимаетъ всю вину исключительно на себя, и прибавилъ, что князь вѣроятно будетъ къ нему снисходителенъ, если приметъ во вниманіе, что онъ, Остана-Куль, не могъ еще усвоить себѣ надлежащей опытности въ дѣлахъ этого рода, потому что еще таъ недавно посаженъ на бекство и къ тому же ни разу доселъ не имѣлъ дѣла съ представителями иностранныхъ государствъ, но что онъ всегда привыкъ чтить въ душѣ великую сосѣднюю державу и т. д., словомъ, просить простить ему сдѣланную неловкость.

Князь отвѣчалъ, что съ той минуты, какъ онъ видѣлъ Остана-Куль-бія у себя, въ его сердцѣ не остается къ нему ничего кромѣ искреннихъ чувствъ расположения и пріязни.

Молодой человѣкъ поблагодарилъ, но замѣнилъ при этомъ, что его тревожитъ одно обстоятельство, а именно: какъ посмотреть на все это дѣло хазреть и кушъ-беги, когда оно дойдетъ до ихъ свѣдѣнія.

Князь утѣшилъ его и въ этомъ отношеніи, сказавъ, что если кушъ-беги спросить, то онъ ему заявить, что не считаетъ самого Остана-Куль-бія виновнымъ въ происшедшемъ недоразумѣніи, и что такое заявленіе въ сущности ни мало не будетъ противорѣчить его собственному внутреннему убѣженію, а потому еслибы понадобилось, то готовъ въ этомъ же смыслѣ ходатайствовать за него особымъ письмомъ и предъ высокостепеннымъ эмиромъ.

Когда маюръ Байтоковъ переводилъ эти слова, видно было какъ съ лица молодого человѣка слетаетъ послѣднее облако тревоги и сомнѣй. Но за то, Боже мой, какъ снова испуганно вытянулись и поблѣднѣли лица сѣдобородыхъ советниковъ!.. Почтительное согбеніе ихъ дошло при этомъ до высшей степени своей выразительности, а въ глазахъ чита-

лась тоскливо тревожная мольба о щадѣ. Замѣтивъ это, князь прибавилъ, снисходительно скользя поnimъ взглядомъ, что вообще если понадобится, то онъ попросить, чтобы все случившееся осталось для всѣхъ безъ особено печальныхъ послѣствій, такъ какъ не желаетъ быть причиной ничѣго горя.

Физиономіи советниковъ успокоились; у каждого изъ нихъ вырвалось изъ души по одному вздоху облегченія, и лишь позы почтительного согбенія остались безъ перемѣны.

Послѣ этого со стороны бека послѣдовалъ вопросъ, вѣдь ли мы довольны, хорошо ли намъ у него угожаютъ и проч.

Отвѣтъ на это былъ оттѣненъ княземъ въ томъ смыслѣ, что и сегодня, какъ вчера, онъ можетъ лишь повторить одно: какъ гости эмира, мы повсюду встрѣчаемъ, въ силу распоряженія о томъ его высокостепенства, столько вниманія, предупредительности и радушія, что можемъ только быть ему чрезвычайно признательными за все это.

Тутъ бекъ обратился къ князю съ просьбой замедлить нѣсколько отѣздъ посольства, чтобы сдѣлать ему честь своимъ посыщеніемъ. Но князь ему отказалъ, со всемъ впрочемъ любезностю, какая лишь была возможна въ данномъ случаѣ. И хотя бекъ послѣ того еще дважды принимался повторять свою просьбу, такъ какъ для него послѣ вчерашняго „наѣданья грязью“ было бы въ глазахъ „базара“ чрезвычайно важно наше посыщеніе, тѣмъ не менѣе князь остался при своемъ любезномъ, по твердомъ отказѣ и подалъ беку знакъ, что пора кончить аудіенцію.

При выходѣ изъ приемной комнаты, Остана-Куль-бію были поднесены подарки и, между прочимъ, атласный халатъ зеленаго цвета, особо почитаемаго въ мусульманствѣ, какъ цвѣть Пророка, а трезъ нѣсколько минутъ бекскіе джигиты привели во дворъ очень хорошихъ лошадей подъ богатыми попонами и ответные подарки, заключавшіеся по обыкновенію въ тюкахъ съ халатами. И вдругъ — верхъ предупредительности и любезности! — тутъ же является одинъ изъ сѣдобородыхъ советниковъ!

родыхъ советниковъ и заявляетъ съ обычными жестами высокой почтительности, что его достойно уважаемый бекъ желалъ бы лично сопровождать посольство и ожидаетъ на этотъ предметъ приказаний князя. Но посолъ приказалъ поблагодарить бека за его любезное предложение, замѣтивъ, что не видеть никакой надобности причинять ему лишнія хлопоты.

Ровно въ половинѣ девятаго часа утра, какъ и было назначено, посольство выѣхало со двора. Поѣзду нашему до самой границы городскихъ предмѣстій предшествовало верхами нѣсколько мѣстныхъ, городскихъ и бековскихъ чиновниковъ, изъ коихъ двое назначены были сопровождать насъ до Бухары, и одинъ изъ этихъ двухъ, съ добородымъ хрипуномъ, именно и стоялъ во главѣ неудачныхъ советниковъ юнаго бека.

Отъ посольского дома, находящагося въ нѣсколькихъ шагахъ отъ базара, то есть почти въ центрѣ города, мы сѣдѣли не менѣе пяти верстъ, пока доѣхали до послѣднихъ городскихъ строеній. Улица, по которой слѣдовала нашъ поѣздъ, достаточно просторна и содержитится довольно чисто. Попадалось на ней не мало двухъэтажныхъ домовъ съ балконами и, что въ особенности оригинально, съ наружными каминами, расположеннымъ у входовъ, на верандахъ нижнихъ этажей. Но такие камини, впервые замѣченные нами только въ этомъ городѣ, являлись по большей части принадлежностью или чайныхъ домовъ и харчевень, или вообще какихъ нибудь ремесленныхъ заведеній. Отдѣльные строенія нерѣдко перемежались участками садовъ и плантаций, гдѣ воздѣлываются тутъ (шелковица), табакъ и хлопчатникъ, а между деревьями преобладаютъ фруктовыя, въ особенности урюкъ, но есть не мало и тополей, карагачей, чинаровъ и талу.

Собственно городъ, въ базарномъ смыслѣ, кончается у берега Кашка-Дарьи, до которой отъ посольского дома около двухъ верстъ. Въ рѣкѣ замѣтны два быстрыя теченія: одно направляется вдоль лѣваго, другое вдоль праваго берега; середина же рѣки мелководна, и теченіе тамъ значительно тише. Ширина рѣки, въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы черезъ нее пе-

реѣхали по мосту, равняется приблизительно саженямъ пятидесяти. Мостъ этотъ, на деревянныхъ сваяхъ о девати пролетахъ, напоромъ весеннихъ водъ сносить ежегодно; причемъ береговые жители обязательно ловятъ бревна и прочій строительный материалъ и сдаютъ его въ казну, а казна ежегодно на счетъ каршинскихъ жителей приступаетъ къ постройкѣ моста съ полнымъ уѣждениемъ, что онъ весь, за исключениемъ свай, непремѣнно будетъ снесенъ въ слѣдующую весну. Примѣръ замѣчательно упорной настойчивости, ибо въ сущности гораздо дешевле стоило бы построить разъ навсегда прочный каменный мостъ, на болѣе высокихъ устояхъ, чтобы вода не достигала настилки, чѣмъ ежегодно тратить на него и деньги, и обязательный трудъ населенія, причемъ городъ въ теченіе шести, восьми недѣль не имѣть сообщенія съ зарѣчною стороной иначе, какъ въ бродъ, для чего нужно дѣлать очень дальние объезды. За мостомъ городъ еще продолжается, но уже утрачиваетъ торговый характеръ. Здѣсь пошли главнѣйшимъ образомъ сады, среди которыхъ тамъ и сямъ виднѣются жилища. Это уже, собственно говоря, предмѣстіе, но заселенное довольно густо. Аркы въ достаточномъ количествѣ изрѣзываютъ весь районъ городской осѣдлости; нѣсколько изъ нихъ пересѣкало нашъ путь, а одинъ, обсаженій молодымъ таломъ, долго танулся вдоль той улицы, по которой мы вѣхали. Мѣстами любопытный народъ собирался вдоль стѣнъ и заборовъ въ небольшія толпы и степенно глядѣлъ на нашъ поѣздъ; многие въ знакъ почтенія прижимали къ животу сложенные руки.

Оставивъ наконецъ позади себя городское предмѣстіе, мы съ верстуѣхали рисовыми полями. Дорога вела мимо небольшаго бугра, на которомъ высился кирпичный мавзолей съ мавританскимъ фронтономъ и тюбетейкообразнымъ куполомъ, осѣненный тремя бунчужными знаменами и украшенный на верхнемъ карнизѣ фронтона цѣлою коллекціей мараловыхъ, туриыхъ, бычьихъ, козьихъ и бараныхъ роговъ. На Востокѣ, совершенно противоположно европейскому Западу, рога слу-

жать эмблемой силы, достоинства и величия, такъ что здѣсь назвать кого-нибудь рогоносцемъ (зульварнайнъ) значить оказать ему величайшую любезность. Подъ этимъ прозвищемъ до сихъ поръ извѣстенъ здѣсь Александръ Македонскій. Мавзолей, мимо которого мы теперь проѣзжали, построенъ надъ могилой святаго Ишанъ-Шаида; за нимъ начинается городское кладбище, и надо замѣтить, что это только въ Карши оно вынесено достаточно далеко за предѣлы предмѣстій, а то обыкновенно кладбища въ средне-азіатскихъ городахъ помѣщаются въ чертѣ самого города, среди наиболѣе скученного населенія. Но что за жалкій видъ! Кромѣ мазара Ишанъ-Шаида, лишь на пяти, шести могилахъ вокругъ него замѣтили мы узенъкія надгробныя плиты изъ сѣраго камня, казалось мраморныхъ; все же остальное, на пространствѣ нѣсколько-
кихъ десятина по обѣимъ сторонамъ дороги, представляетъ поле, тѣсно и беспорядочно покрытое голыми земляными бугорками, безо всякихъ надъ ними знаковъ родственной или дружеской памяти и вниманія. Я не видалъ народа, который менѣе чтилъ бы своихъ покойниковъ, чѣмъ эта помѣсь узбеко-таджикского племени, населяющая подъ именемъ сартовъ города Средней Азии. Здѣсь нигдѣ не встрѣтите вы чалмоносныхъ бѣломраморныхъ памятниковъ-столбовъ и стоячихъ узорчатыхъ плитъ, среди кустовъ розъ и вьющихся плющей и павоевъ, подъ темною зеленою вѣковыхъ кипарисовъ и кара-гачей, какъ на кладбищахъ турецкихъ, что придаетъ этимъ послѣднимъ столько поэзіи, столько элегической прелести. Сарты, какъ видно, народъ совсѣмъ прозаической.

Но вотъ, напримѣръ, степные кочевники киргизы, несмотря на всю скучность и однообразіе окружающей ихъ природы, умѣютъ выбирать болѣе приглядныя мѣста степи и на нихъ воздвигаютъ изъ сырцового кирпича мазарки и муллушки надъ прахомъ своихъ почившихъ родичей, и эти ихъ мавзолеи нерѣдко весьма красивы; да и вообще обѣлка самой бѣдной киргизской могилы, въ видѣ гробницы съ полукруглымъ или заостреннымъ продольнымъ сводомъ, явно указываетъ вамъ, что этотъ на-

родъ свято чтитъ память своихъ мертвыхъ. Сарты же торопливо выносятъ мертвѣца на кладбище, бросаютъ его въ не-глубокую яму, кое-какъ засыпаютъ землей и затѣмъ всѣ отношенія къ нему, всякое чествованіе его могилы, да важдись и самая память о немъ навсегда кончены¹⁾). Исключенія очень рѣдки и то большою частю въ пользу какого-нибудь богача или святаго мужа, а изъ обыкновенныхъ горожанъ рѣдкій силь обложить кирпичемъ могилу своихъ родителей. И это вовсе не изъ-за бѣдности или недостатка любви и уваженія къ почившимъ, а просто потому, что вышло изъ обычая. Глядя на старыя кладбища здѣшнихъ городовъ, видишь, что прежде это было иначе, что когда-то память мертвыхъ здѣсь уважалась, и это сказывается въ надгробныхъ мраморныхъ плинтахъ съ рельефными надписями и узорами, и въ тѣхъ кир-

¹⁾ А. П. Хорошгинъ, описывая сартовскіе обычай и обряды (ст. 125), говоритъ, что „обыкновенно въ день смерти уведомляются знакомые и родственники, которые и навѣщають покойного. Осиrotѣвшія женщины, заѣзжая гдѣнибудь въ углу, царапаютъ себѣ лицо и причитаютъ на разные лады. Къ плачущимъ родственницамъ присоединяются соседки, дѣти, и стоять стоять надъ домомъ покойника. По обычаяу всѣ женщины должны плакать: хоть насильно, а плачь. По большей части на другой день тѣло весутъ въ мечеть, читаютъ надъ нимъ Коранъ и хоронятъ на кладбищѣ. Покрою дѣлать между собою родные и знакомые. Нижнимъ и юродивымъ, которые сбѣгаются со всѣхъ сторонъ, подаютъ милостыню. Послѣ похоронъ идутъ въ домъ покойника и слушаютъ тамъ Коранъ, причемъ получаютъ иногда по лепешкѣ. На утро снова сходятся въ домъ умершаго, снова бываетъ чтеніе и раздача лепешекъ. Послѣ утренняго намаза, въ слѣдующій затѣмъ день, прямо изъ мечети отправляются на поминки. Опять слушаютъ Коранъ и, пойзвъ, расходятся. Поминки повторяются черезъ 7 и черезъ 10 дней. Въ годовые праздники Руза-Айтъ и Курбанъ-Айтъ женщины на кладбищахъ поминаютъ умершихъ страшными воплями и милостыней“. Этотъ древній обычай дѣйствительно еще сохраняется; женщины сходятся на кладбище просто какъ на гулянье и голосятъ; но нельзя сказать, чтобы каждая группа плакальщицъ голосила именно на родной имъ могилѣ, по той простой причинѣ, что при отсутствіи какихъ-либо особыхъ отличительныхъ знаковъ, ее и не узнаешь чрезъ годъ въ беспорядочномъ лабиринтѣ бугорковъ, рѣшительно ничѣмъ не отличающихся одинъ отъ другаго.

личныхъ гробницахъ съ полукруглымъ или мавританскимъ сводомъ, какими усыпны древняя городскія кладбища. Но почему это такъ измѣнилось въ позднѣйшіе вѣка, я не съумѣю съ точностью отвѣтить. Можетъ быть и потому, что сарты слишкомъ уже усвоили себѣ меркантильный торгашескій характеръ и въ сущности индифферентны ко всему, даже къ самой религіи, не говоря уже о патріотизмѣ, которымъ никогда не отличались. Все, что не касается прямымъ образомъ ихъ карманнаго интереса, не имѣеть для нихъ ни малѣйшей важности. Но замѣтите, я говорю это только о сартахъ, то есть о жителяхъ городовъ, представляющихъ собою помѣсь различныхъ племенъ и, несмотря на все ихъ презрѣніе къ евреямъ, имѣющихъ въ своемъ характерѣ много живовскаго. Кочевые же и полуосѣдлые узбеки совсѣмъ не то: у тѣхъ вся жизнь слагается на крѣпкомъ родовомъ началѣ; и отсюда проистекаетъ и ихъ уваженіе къ памяти своихъ почившихъ родичей, сохраняемой какъ въ надгробныхъ степныхъ мавзолеяхъ, такъ и въ стенныхъ пѣсняхъ и былинахъ о бывшихъ батыряхъ. У сартовъ же и пѣсень-то, кажется, никакихъ нѣть, кроме батчебазныхъ.

VI.

Отъ Карши до Бухары.

Характеръ мѣстности за Карши, по дорогѣ въ Бухару. — Развалины древняго города Шулюкъ. — Опять курганы. — Кишлакъ Касанъ. — Лютый холодъ. — Въ забиринѣ арыковъ и въ бездорожной степи. — Кишлакъ Ходжа Муборакъ. — Уирающій верблюдъ. — Овчынія стада и степные коши. — Урошице Куль-Маганъ. — Позелѣ въ степномъ дворцѣ на урошицѣ Какыръ-сардоба. — Волнистая степь. — Кошь-сардoba и ея дворецъ. — Караваъ-рабатъ. — Къ чому иногда приводить „государственная экономія“. — Каменистая степь. — Переваль Мама-Джурчаты и видъ съ него на Зареншанскій оазисъ. — Кишлакъ Зироватъ. — Встрѣча съ бухарскими сановниками. — Магомедъ-Шерифъ иакъ и Абдуль-Гаффаръ первыя. — Окрестности Бухары и Каганское предмѣстье.

Продолженіе 20-го января.

Нашъ сегодняшній путь длился $3\frac{1}{2}$ таша (28 верстъ), и на всемъ его протяженіи, отступя на нѣсколько верстъ въ обѣ стороны отъ дороги, тянулись непрерывныя ленты садовъ и ряды селеній вдоль по теченію Кашка-Дарьи и на исходящихъ изъ нея арыкахъ.

Проѣхавъ около одного таша, миновали мы развалины древняго города Шулюкъ. Въ настоящее время городище это представляется въ видѣ двухъ концентрическихъ четырехстороннихъ поясовъ, образуемыхъ бугристыми валами, въ разстояніи около четырехсотъ шаговъ одинъ отъ другого. На углахъ валовъ бугры болѣе возвышены, вѣроятно здѣсь нѣ-

когда были башни, а самые вали, безъ сомнѣнія, суть остатки стѣнъ. Судя по расположению валовъ, этотъ древній городъ былъ выстроенъ по обще-азіатскому типу, то есть внутренній поясъ составлялъ ограду цитадели, а вѣнчній городскую стѣну; строенія же горожанъ и базарь ютились въ тѣсномъ пространствѣ между тою и другою.

Невдалекѣ отъ этого городища, влѣво отъ нашей дороги, началось длинное селеніе Шулюкъ, которое сливается съ селеніемъ Нидру-Мудунъ, а это послѣднее со своими садами и огородами тянулось вдоль нашего пути непрерывно, на разстояніи по крайней мѣрѣ полутора таша (12 верстъ). Параллельно Нидру-Мудуну, съ обѣихъ сторонъ отступая на нѣкоторое разстояніе, тянулись подобные же кишлаки, а поля, разстилавшіяся въ промежуткѣ между ними и дорогой, были покрыты сѣтью малыхъ арыковъ и пересѣчены множествомъ глиниобитныхъ стѣнокъ, отдѣлявшихъ одинъ владѣльческій участокъ отъ другого. Вся мѣстность имѣеть степной равнинный характеръ, прекрасно культивирована и заселена очень густо. Лишь въ двухъ мѣстахъ встрѣчаются невысокие и совершенно голые кражи, протяженіе коихъ, судя приблизительно, на глазъ, отъ двухъ до пяти верстъ; ничтожны ами по себѣ, кражи эти нанесены на нашу карту. По всей равнинѣ разсыпано много различной величины кургаповъ, изъ коихъ малые отличаются преимущественно кругло-конической, а болѣе крупные эллипсоидальною формой.

Ночлегъ нашъ былъ назначенъ въ селеніи Кассанъ, куда прибыли мы въ половинѣ первого часа пополудни, при ясной и тихой погодѣ. Морозъ не превышалъ двухъ градусовъ Реомюра, и на солнцѣ было очень тепло, даже прискакло.

21 января.

Изъ Кассана выѣхали въ восемь часовъ утра и долгоѣхали улицей этого мѣстечка. Очень много лавокъ и чайхане, и видно, что торговля идетъ тутъ бойко. У большинства лавокъ, на наружной стѣнѣ, съ боку у входной двери,

придѣланы по двѣ алебастровыя полочки, одна надъ другою. Въ чайныхъ тутъ выставляется цѣлая коллекція блестящихъ зѣдныхъ кумгановъ и фаянсовыхъ чашекъ, а въ остальныхъ кладутся напоказъ тѣ или другіе товары. Въ мѣстечкѣ замѣтили мы двѣ или три мечети и много двухъэтажныхъ домовъ, такихъ же какъ и въ Карши, съ верхними и нижними айванами на рѣзныхъ колоннахъ. Въ обѣ стороны отъ главной улицы идутъ удобопроѣзжіе переулки; слѣва на большомъ курганѣ высится стѣна замка (аркъ), гдѣ живетъ кассанскій амлакдаръ, собирающій съ жителей подати, отчисляемыя сполна „на достарханъ“ каршинскому беку. Крытый базарь достаточно великъ. Вообще это скорѣе хороший торговый городъ, чѣмъ кишлакъ, хотя на нашихъ картахъ и обозначенъ бишлакчнымъ кружкомъ. Кассанскіе сады долго еще, на цѣлые полташа (4 версты), тянутся вдоль дороги и затѣмъ отходятъ отъ нея въ сторону.

Утро было жестоко морозное. Судя по скрипучей музыкѣ сѣга подъ колесами и по тому, что отъ холода просто духъ захватывало, надо думать, что этотъ морозъ достигалъ болѣе 20° Реомюра. Вокругъ солница, при совершенно безоблачномъ небѣ, виденъ былъ большой радужный кругъ. Птицы, за исключеніемъ воронъ, все исчезли куда-то, попрятались отъ стужи, да и вороны повидимому чувствовали себя не особенно благополучно: подвернувъ подъ себя лапки, многія изъ нихъ припадали къ землѣ, просто ложились на нее полубочкомъ и такимъ образомъ старались отогрѣваться на снѣгу свои коченѣющіе члены. Такого лютаго холода мы еще не испытывали за эту поездку, и хорошо еще что въ воздухѣ не было ни малѣйшаго вѣтерка, а то просто бы смерть!

Оставивъ за собою кассанскіе сады, выѣхали мы на открытую степь, изрѣзанную въ разныхъ направленіяхъ арыками. Вдали виднѣлись разбросанные кое-гдѣ небольшие кишлаки, но ихъ было немного: Курганы за Кассаномъ на степи уже не попадаются. Очевидно, районъ ихъ распространенія не идетъ далѣе предѣловъ осѣдлой населенности страны.

Съ выездомъ на открытую степь, нашъ карауль-беги, данный посольству въ провожатые бекомъ каршинскимъ, за благоразсудилъ почему-то свернуть съ прямой проѣзжей дороги въ сторону, въ дальний обѣзъдъ; но на этомъ обѣзъдномъ пути, кромъ вьющейся пѣшеходной тропки, не оказалось ровно никакой дороги, и вскорѣ мы попали въ цѣлый лабиринтъ пересѣкающихъ другъ друга арычныхъ рвовъ и насыпей, перѣездъ черезъ которыхъ былъ сопряженъ съ величайшими затрудненіями и рискомъ поломать всѣ экипажи. Наконецъ, предъ одною изъ насыпей, прикрывавшею глубокую канаву, лошади стали, такъ какъ здѣсь уже окончательно не оказалось возможности проѣхать. Стоимъ четверть часа, стоимъ полчаса, ни взадъ, ни впередъ. Карауль-беги вертятся, скачутъ и пригаютъ вокругъ на своей верткой лошадкѣ, совсѣмъ задергалъ ее, затянулъ удила и, должно быть, съ досады то и дѣло хлещетъ ее нагайкой; то взберется онъ на насыпь и язмѣритъ взглѣдомъ канаву, то нагнетъся посмотрѣть на оси и колеса, то въ морды лошадямъ заглянетъ, и галдитъ, галдитъ безъ конца съ окружающими насъ джигитами. Видно, что совѣтовъ подается много, да ни одинъ не оказывается пригоднымъ къ дѣлу. Наконецъ Богъ послалъ къ намъ на выручку какого-то доброго человѣка, гнавшаго чрезъ поле двѣ пары осликовъ, до-нельзя навьюченныхъ громадными связками бурьяну, изъ подъ которыхъ чуть видѣлись только ихъ короткія мордочки. Карауль-беги послалъ джигита перенять этого человѣка и привести его къ намъ на помощь. По его приказанію ослики были развязаны и канава закидана бурьяномъ, по связкамъ котораго мы и перебрались на ту сторону. Однако не прошло и минуты какъ предъ нами опять подобное же препятствіе. Но на сей разъ Провидѣніе уже не посыпало намъ никакого доброго человѣка съ бурьяномъ. Пришлось спѣшиться всѣмъ конвойнымъ казакамъ, вырѣчь лошадей и перетащить экипажи на рукахъ. Къ сему послѣднему способу прибѣгали казаки и на всѣхъ дальнѣйшихъ препятствіяхъ подобного рода, и та-

кимъ-то образомъ часа два, по крайней мѣрѣ, проплутали мы въ этомъ проклятомъ арычномъ лабиринтѣ, прежде чѣмъ выбрались на ровную, ничѣмъ не пересѣченную степь и побѣхали по дѣвственной цѣлинѣ. Но и тутъ немногимъ легче оказалось: дороги нѣть и признака, почва кочковатая, мелко барханистая, покрытая кустиками степныхъ растеній, песокъ да камень. Можете себѣ представить, какіе тутъ пошли толчки, тычки и встрѣхиванья.

Прошло часа четыре, пока наконецъ удалось намъ выѣхать на проѣзжую дорогу. На вопросъ, ради чего было съ нея свертывать, карауль-беги, глупо оправдываясь, отвѣчали, что на прямомъ пути случился разливъ, вслѣдствіе прорыва какого-то арыка. Аллахъ его знаетъ, что это за изобилующій водой арыкъ, и какой это разливъ могъ не замерзнуть до дна при такомъ адскомъ морозѣ! Арбакеши и караулъ-бashi нашего обоза, слѣдовавшіе все время прямую дорогой, сказывали потомъ, что никакого разлива нигдѣ они не встрѣчали. Оказалось такимъ образомъ, что карауль-беги не только плохой совѣтникъ, но и плохой проводникъ, и что разливъ присутствовалъ лишь въ одномъ его воображеніи, вѣроятно разгоряченномъ излишнею дозой запретной водки или мусселяса. Но такъ какъ нѣть на свѣтѣ человѣка безъ какихъ либо достоинствъ, то во имя справедливости должно сказать, что этотъ сѣдобородый хрипунъ хороший церемоній-мейстеръ.

Ровная, хорошо убитая дорога идетъ прямо на сѣверо-западъ и по удобству єзды, по крайней мѣрѣ въ это время года, поспорить съ любымъ европейскимъ шоссе. Во второмъ часу дня приѣхали въ степное мѣстечко Ходжа-Муборакъ, лежащее отъ Кассана въ разстояніи четырехъ ташей (32 версты), и благодаря нелѣпому обѣзъду, не видали находящихся по прямому пути кишлаковъ Майманакъ и Кара-Кумъ и развалинъ древняго города Майманака.

Ходжа-Муборакъ — маленькое, ничтожное мѣстечко, почти безо всякой растительности, что придаетъ ему грустный, без-

жизненный видъ. Торчать только тамъ и сямъ, около глиняныхъ стѣнокъ, пять или шесть тощенькихъ деревьевъ, казаць, юрковыхъ, поливаемыхъ изъ колодца, и въ этомъ все его растительное богатство. Проточная вода почему-то проведена не въ самое мѣстечко, а направляется на сосѣднее поле, въ извѣстномъ отъ него разстояніи, особымъ арыкомъ изъ Кашка-Дарьи, которая въ окрестностяхъ Ходжа-Муборака уже окончательно истощается, вся разойдясь по степнымъ канавамъ. Далѣе идетъ ея сухое русло, обводняемое только весной, въ періодъ таянія снѣговъ. Мѣстечко служить исключительно привальнымъ пунктомъ для каравановъ, и потому въ немъ находится нѣсколько караванъ-сараевъ и базарь, специально приготовленный къ дорожнымъ потребностямъ и достаточно снабженный сѣтствыми и чайными лавочками. Здѣсь однако есть хорошая кирпичная мечеть съ мавританскимъ куполомъ, въ надворныхъ флигеляхъ которой мы и помѣстились на кратковременный отдыхъ для завтрака.

Въ дальнѣйший путь отправились въ половинѣ третьаго часа, и въ верстѣ разстоянія отъ мѣстечка пересѣкли сухое русло Кашка-Дарьи; оно неглубоко, нешироко и довольно полого. Отсюда пошла уже совсѣмъ голая, безводная пустыня, покрыта песчаными барханами съ рѣдкою и чахлою растительностью. До ночлега оставалось намъ еще четыре таша. Въ этой мертвѣй стени, не помню уже на которой верстѣ, еще издали завидѣли мы громадную стаю воронья, чернѣвшую цѣлымъ островомъ на самой дорогѣ. Подѣбѣжали ближе и видимъ, что все воронье собралось вокругъ издыхающаго верблюда, брошенаго за болѣзни въ степи, и жадно ожидало момента его смерти. Несчастное животное, завида нашъ приближающейся поѣздѣ, собрало послѣднія усилия и шатаясь поднялось на ноги. Это былъ страшный живой скелетъ обтянутый кожей, и чуть всталъ онъ во весь свой высокий ростъ, какъ полчища голодныхъ воронъ мгновенно отпрѣнули во всѣ стороны и разлетѣлись со зловѣщимъ карканьемъ; но, отлетѣвъ лишь на нѣсколько шаговъ, снова опустились

на землю и принялись не то чистить, не то острить свои клювы, жадно наблюдая за своей жертвой. И едва обезсиленный верблюдъ, рухнувъ на землю, повалился на бокъ, воронье въ ту же минуту опять слетѣлось къ нему и нагло разсыпалось на немъ, покрывъ и шею, и голову. Грустная картина. А каково же таѣ-то воть умирать въ этой самой степи одиокому путнику и въ предсмертныя мгновенія видѣть какъ тебѣ смотрятъ въ глаза эти черные птицы, нетерпѣливо ожидающая твоего послѣдняго вздоха!

На степи пасется много овчихъ стадъ, для которыхъ здѣсь устроены многочисленные коши, или загонные дворы, виднѣющіеся тамъ и сямъ въ сторонѣ отъ дороги. Такъ какъ стада остаются на подножномъ кормѣ и всю зиму, добывая его изъ-подъ снѣга, то въ эти коши загоняютъ ихъ на ночь и во время бурановъ. Кошъ устраивается обыкновенно изъ глины, въ видѣ кольцеобразной стѣнки, вышиной нѣсколько болѣе человѣческаго роста, съ плетневыми или жердинными воротами. Со внутренней стороны по стѣнѣ иногда идутъ навѣсы; но это уже роскошь, такъ какъ лѣсъ вообще здѣсь не дешевъ и надо везти его издалека. Тутъ же всегда имѣется либо юрта, либо небольшая саклюшка для пастуховъ и стойла для ихъ лошадей. На кровляхъ наѣсовъ и саклюшки высятся цѣлые скирды бурьяну, употребляемаго пастухами на топливо, и сухой люцерны, которая идетъ въ кормъ овцамъ во время продолжительныхъ бурановъ или гололедицы, когда они не въ состояніи пробивать копытами ледяную кору, покрывающую степные пространства. При каждомъ стадѣ необходимо имѣться своя собачья команда, отправляющая обязанности сторожевой службы. И это дѣйствительно сторожевая служба, потому что собаки держать вокругъ стада формальную цѣль ведетовъ, выдвигаясь смыми впередъ на разстояніе около полуверсты отъ стада. И никогда собака не выйдетъ въ цѣль одна, а всегда попарно, звенѣями, и сторожать онѣ обыкновенно такимъ образомъ, что одна лежитъ, отдыхаетъ, а другая, сидя рядомъ, смотрѣть

впередъ или бродить гдѣ нибудь около, то и дѣло нюхай воздухъ. Отъ четырехъ до шести такихъ звеньевъ совершенно охраняютъ даже очень большое стадо. Рослыя, лохматыя собаки эти съ виду похожи на волковъ, но онѣ самые жестокіе, заклятые враги сего звѣря, и рѣдко какому хищнику удается безнаказанно проникнуть за цѣль ихъ ведетъ. Но кромѣ того, умные псы простираютъ свою заботливость и на то, чтобы ни одна овца не отбивалась отъ стада: чуть замѣтать гдѣ заблудившуюся или отсталую, сейчасъ же одинъ изъ сторожевыхъ бѣжитъ къ ней и съ лаемъ гонить въ стару; а если случится это съ совсѣмъ маленькимъ ягненкомъ, то собака бережно береть его зубами за загривокъ и доставляетъ по назначению. Такъ по крайней мѣрѣ разсказываютъ бухарцы.

Встрѣтили на пути одну цистерну (саидоба) съ обвалившимся на половину порталомъ. Наружный видъ ея такой же, какъ и у нашихъ на Голодной степи, истроена она, равно какъ и вся прочія подобныя же сооруженія на Каршинско-Бухарской дорогѣ, все тѣмъ же знаменитымъ Абдуллахъ-ханомъ, этимъ истиннымъ благодѣтелемъ степей, память котораго еще много вѣковъ будуть съ благодарностью вспоминать всѣ, кого судьба заброситъ путникомъ въ эти мертвыя пустыни. Жаль только, что нынѣшнее правительство не поддерживаетъ такихъ полезныхъ сооруженій. Они еще исполняютъ свое назначеніе, но безъ ремонта съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе разрушаются.

Въ разстояніи двухъ ташей отъ Ходжа-Муборака мѣстность начинаетъ представлять ряды невысокихъ песчаныхъ бархановъ, изъ коихъ одни покрыты колючкой, гребенцомъ (тамарисъ) и бурьяномъ, и слѣдуютъ грядой въ сѣверо-западномъ направлѣніи, другіе совершенно голы. Почва—песчано-глинистая. Здѣсь видны какія-то давно разрушенныя сооруженія, въ видѣ невысокихъ прерывающихся стѣнокъ, близъ которыхъ есть колодецъ и при немъ одинокая сакля. Мѣсто или уроцище это носить название Куль-Магіантъ, а

по другому произношенню Куль-Май, что значитъ Рыбное озеро, и тянется оно на разстояніи около таша, а затѣмъ синѣть идетъ ровная гладкая степь. Заинтересовавшись, почему это уроцище носить такое странное, совсѣмъ уже не подходящее къ мѣсту название, я узналъ, что оно и въ дѣйствительности бываетъ иногда озеромъ, которому гряды бархановъ служатъ берегами: внутри ихъ цѣпи находится не глубокая котловина, до которой иногда доходить по сухому руслу воды Кашка-Дарьи во время весеннаго половодья, если зима была особенно обильна снѣгами. Въ этомъ случаѣ котловина заполняется вся и, вмѣстѣ съ водой, въ нее набирается множество рыбы. Но такъ какъ почва котловины—мелкій смычай песокъ, то влага всасывается въ него очень скоро, и озеро быстро мельчетъ и высыхаетъ, а рыба, которой еще въ началѣ обмелѣнія уже отрѣзанъ возвратъ въ рѣку, конечно, дохнетъ на днѣ, покрывая его сплошь своею массой, и тогда на все лѣто окрестность заражается такимъ ужаснымъ запахомъ, что караваны принуждены бывать дѣлать огромный обходъ, забирая далеко въ сторону, въ совершенно безводную пустыню. Здѣсь тогда великое раздолье воронамъ и грифамъ-стервятникамъ; но и эти единственныя дезинфекторы степи мало помогаютъ, и вонь прекращается лишь въ срединѣ лѣта, когда нестерпимо жгучее солнце окончательно иссушитъ остатки рыбы.

За три версты до мѣста ночлега выѣхали въ намъ на встрѣчу двое чиновниковъ, посланныхъ отъ кушъ-беки и, слѣзши съ коней, поздравляли насъ съ благополучнымъ странствованіемъ.

Мѣсто сегодняшняго ночлега называется Какыръ-Сардоба¹⁾

¹⁾ Какыръ происходитъ отъ слова „какъ”—лужа, а называется какыромъ совершенно ровное, глянцевито-гладкое, какъ паркетъ, пространство глинистой почвы, образуемое вслѣдствіе высыханія обширныхъ лужъ, остающихся послѣ дождей или весеннаго таянія снѣговъ. Глина какыра обыкновенно бываетъ чрезвычайно нѣжна, жирна и, высыхая отъ дѣйствія солнца, трескается на куски, которые коробятся въ полуцилиндръ, отдѣляясь отъ нижней почвы тонкими, равномерной толщины слоями.

и находится въ трехъ съ половиной ташагахъ (28 верстъ) отъ Ходжа-Муборака. Прибыли мы туда уже по закатѣ солнца, въ седьмомъ часу вечера, и неожиданно нашли тамъ близъ каменной цистерны прекрасное четырехстороннее зданіе изъ обожженного кирпича. Высокій мавританскій порталъ вводить въ просторныя стрѣльчато-сводныя галлерей, окружающія внутри все это зданіе; три или четыре выходные коридора ведутъ съ галлереи на внутренній мощенный плитами дворъ съ низенькими террасами, на которыхъ выходить много дверей изъ отдѣльныхъ комнатъ и кладовыхъ. Эти послѣднія наполнены запасами необходимой для ночлега рухляди: подушками-валиками (мутаки), толстыми ватными одѣялами и коврами. Отдѣльныя же комнаты служать спальнями, а въ закрытыхъ галлереяхъ находятся помѣщенія и для лошадей. Это прекрасное, прочно сохранившееся зданіе воздвигнуто Абдуллахъ-ханомъ среди совершенно пустынной степи и служить путевымъ дворцомъ на случай остановокъ эмира во время его „священныхъ шествованій“ изъ Бухары въ Шахрисебсь и обратно. Но и въ этихъ экстраординарныхъ случаевъ опорадушно раскрываетъ свои широкія двери всякому путнику, кто бы онъ ни былъ, съ однимъ лишь обязательствомъ: при отѣздаѣ убирать прочь изъ занимаемыхъ комнатъ ненужные остатки своей Ѣды и прочаго, а изъ конюшенныхъ коридоровъ—лометь своихъ выочныхъ животныхъ, и такимъ образомъ зданіе это постоянно поддерживается въ чистотѣ и порядкѣ. Когда мы подѣхали къ Какырь-Сардобѣ, то тамъ уже ожидала насъ цѣлая толпа народа, не знаю откуда павшаяся. Предъ порталомъ были раскинуты большія зеленныя палатки на узорчатомъ подбоѣ, и ярко пыпало нѣсколько большихъ костровъ. Роскошный достарханъ и ужинъ ожидали насъ въ высокосводной алебастровой залѣ, устланной сплошь большими коврами и убранной вдоль стѣнъ наложенными въ нѣсколько рядовъ одно на другое ватными одѣялами и бархатными мутаками, что вполнѣ замѣняло турецкія оттоманки.

22 января.

Всю эту ночь мы съ княземъ мерзли и глазъ не сомкнули отъ морознаго холода, стоявшаго въ нашей комнатѣ. Но ужъ лучше мерзнуть, чѣмъ угорѣть до безчувствія отъ этихъ проклятыхъ мангаловъ¹), которые тѣмъ опаснѣе, что вредный газъ ихъ почти неуловимъ для обонянія. Остальные члены нашего посольства въ эту ночь чуть было не отправились за тогъ свѣтъ отъ мангального угара, и хорошо еще, что Асланбекъ сохранилъ сознаніе настолько, чтобы доползти до дверей и толчкомъ распахнуть ихъ настежь, а безъ того едва ли обошлось бы у насъ безъ жертвъ бухарского гостепріимства. Но что за косній народъ, въ самомъ дѣлѣ! Какъ это изжитъ цѣлый рядъ вѣковъ и не додуматься до существенной необходимости строить въ домахъ хотя бы каминъ, тѣмъ болѣе, что климатъ здѣшній всегда отличался сuroвостью. Вамбери въ своей „Исторіи Бухары“ нерѣдко упоминаетъ годы замѣчательные своими жестокими зимами, вслѣдствіе которыхъ не только останавливались военные или промышленные предприятия, но и гибли сады, посѣвы, стада, вычуны животныхъ и даже цѣлые арміи. Сошлиются на недостатокъ лѣса, но вѣдь жгутъ же бухарцы ежегодно нѣсколько десятковъ миллионовъ пудовъ саксаула исключительно на уголь для мангаловъ; да и кромѣ того, здѣсь растетъ множество камыша, есть торфъ и каменный уголь; объ изобиліи кизяка уже и говорить нечего, и все-таки не додумались люди до каминовъ! Семь мѣсяцевъ въ году чуть не задыхаться отъ налища зноя и пять мѣсяцевъ ходить угорѣлыми отъ мангаловъ,— по истинѣ ужасное существованіе!..

Выступили съ ночлега ровно въ семь часовъ полудни. Сначала утро было сильно морозное, но тихое и ясное, а къ десяти часамъ, отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, морозъ полегчалъ, и установилась даже очень пріятная температура,

¹) Мѣдныя жаровни.

стало почти тепло. Степнымъ воздухомъ дышалось, по выражению поэта, „свѣжо и емко“.

Вскорѣ гладко-равнинная мѣстность приняла полого-волнистый характеръ, при которомъ невысокія волны возвышеностей расходились отъ плоскихъ вершинъ своихъ широко и плавно. Такова бываетъ иногда въ океанѣ мертвая зыбь на третій день послѣ бури; но неподвижная волна степной мѣстности несравненно обширнѣе зыбкой волны океана, и ея подошвенную окружность надо брать версты въ три по крайней мѣрѣ. Чѣмъ дальше съ волны на волну къ сѣверо-зааду, тѣмъ замѣтнѣе повышалась эта мѣстность, но въ общемъ подъемъ ея былъ довольно умѣренный и постепенный. Въ правой сторонѣ, въ очень большой дали, на востокѣ чуть-чуть синѣли Зерабулакскія и Каттакурганскія высоты. Тамъ, за ихъ переваломъ, уже начинается Россія... Но до нихъ болѣе ста верстъ.

Въ разстояніи полутора таша отъ Какыръ-Сардобы, среди совершенно голой пустыни, висятъ кирпичные стѣны большаго караванъ-сарай и цистерна Кошъ-Сардобы, покрытая кирпичною шапкой. Кошъ-Сардобскій караванъ-сарай представляетъ обширное высокостѣнное зданіе изъ обожженаго кирпича, строенное редутомъ, на четыре угла, съ башенными выступами и высокимъ четырехъугольнымъ фронтономъ, въ которомъ пробиты, въ видѣ стрѣльчатосводной ниши, очень высокія ворота. Сквозныя башенки вѣнчаютъ собою купола наугольныхъ башень передняго фаса; каждый же изъ боковыхъ фасовъ украшенъ семью сферическими куполами, которые высятся надъ широкими просторными коридорами внутри караванъ-сарада, служащими пріютомъ для лошадей и вьючныхъ верблюдовъ. Въ концентрѣ этихъ коридоровъ находится внутренній мощеный дворъ, куда выходятъ окна-двери большой залы и нѣсколькихъ комнатъ, гдѣ останавливается на отдыхъ эмиръ во время своихъ путешествий.

Остановка нашего поѣзда для завтрака и кормежки лошадей послѣдовала ровно въ девять часовъ утра, на уроціи

Караулъ-Базарь, находящемся въ разстояніи двухъ ташей отъ Кошъ-Сардобскаго караванъ-сарада. На половинѣ разстоянія между этими пунктами есть еще одна каменная юртообразная цистерна, съ примыкающими къ ней съ двухъ боковъ кирпичными полуортами, для укрытия караванщиковъ на ночлегѣ и во время бурановъ¹⁾), но она осталась нѣсколько въ сторонѣ, влѣво отъ нашего прямаго пути, и мы туда не забѣжали.

Караулъ-Базарь расположенъ среди голой мелкодонной котловины съ широко и полого расходящимися подъемами. Тутъ находится такой же путевой дворъ, какъ и на Какыръ-и Кошъ-Сардобахъ, только размѣры караванъ-сарада еще шире, выше и вообще грандиознѣе. Оно, впрочемъ, и не мудрено, такъ какъ зданіе этостроено знаменитымъ Абдуллахъ-ханомъ, что и безъ поясненій со стороны туземцевъ вы сразу же угадываете по его широкимъ размѣрамъ, по общему величественному характеру постройки и по мозаичной облицовкѣ, кое-гдѣ еще уцѣлѣвшей на верхнихъ частахъ стѣнъ, фронтопахъ и карнизахъ. Клочки и обрывки вязевыхъ арабскихъ надписей и разноцвѣтныхъ арабесокъ даютъ еще нѣкоторую возможность представить себѣ это изящное произведеніе строительного искусства въ томъ видѣ, въ какомъ оно красовалось тутъ лѣтъ за двѣсти до нашего времени. Но увы! его прелестные узоры, его дивная мозаика, сохранившая всю свѣжесть своихъ красокъ, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе выщербливается и отпадаютъ кафля за кафлей, и уже недалеко время, когда отъ нихъ не останется ничего, такъ какъ со временемъ Абдуллахъ-хана уже никто и никогда больше не заботился о поддержаніи подобныхъ построекъ. А глядя на нихъ, даже и въ нынѣшнемъ полуразрушенномъ, жалкомъ ихъ состояніи, вы все-таки воочію видите, что значитъ зиждительный гений и вкусъ великаго человѣка. Но тѣмъ оскорбительнѣе кажется это пренебреженіе послѣдующихъ

¹⁾ На нашихъ картахъ цистерна эта не обозначена.

поколѣній къ великимъ памятникамъ прошлаго. Невольно рождается вопросъ: какъ и почему, вслѣдствіе, какихъ причинъ было допущено такое пренебрежительное запущеніе зданій, которыхъ, казалось бы, должны составлять одинъ изъ предметовъ національной гордости? Отвѣтъ будетъ очень куріозенъ: допущено все это изъ-за „государственной экономіи“.

Дѣло въ томъ, что такие великие государи какъ Тимуръ, Улугъ-бекъ и въ особенности Абдуллахъ, понимали, что экономическое благосостояніе Трансоксаніи главныйшимъ образомъ заключается въ ея центральномъ положеніи между Китаемъ и Индіей, съ одной стороны, и между западною Азіей и Европой, съ другой, и что вся транзитная торговля между этими странами неминуемо должна была направляться чрезъ трансоксанскія степи. Поэтому названные государи старались болѣе всего о благосостояніи своихъ путей сообщенія. Съ этого цѣлію они разрабатывали дороги въ горахъ и ущельяхъ, строили прочные каменные мосты, въ орошенныхъ мѣстностяхъ обсаживали дороги тутовыми и иными широковѣтвистыми деревьями, чтобы доставить путнику въ знайную пору благодатную тѣнь, а въ безводныхъ мѣстахъ сооружали цистерны и караванъ-сараи. По свидѣтельству Тарихи-Мекимъ-хани, при Абдуллахѣ всѣ дороги въ Трансоксаніи были снабжены помильными столбами (ташъ), и сообщеніе производилось въ широкихъ размѣрахъ посредствомъ правильно и хорошо устроенныхъ почтъ (ямъ); степные пути оберегались воинскими командами, располагавшимися при сардобахъ и рабатахъ, и на обязанности этихъ отрядовъ лежало конвоирование каравановъ и защита ихъ отъ туркменскихъ хищниковъ. Такимъ образомъ безопасная торговля и международные сношения распространили въ то время во всѣхъ слояхъ бухарского народа населенія давно невиданное благосостояніе, не говоря уже о томъ, что правительство постоянно получало хороший доходъ отъ сбора (заяетъ) съ проходящихъ каравановъ за пользованіе цистернами и караванъ-сарами.

Къ сожалѣнію, послѣдующіе государи изъ дома Айттарханидовъ и первые изъ нынѣ властствующей въ Бухарѣ династіи Мангытъ не находили нужнымъ поддерживать „роскошь“ построекъ „расточительного“ Абдуллахъ-хана. Они искали себѣ популярности совсѣмъ другими путями и думали взять во мнѣніи народа только своимъ ханжествомъ да публичнымъ смиреніемъ предъ высокопоставленными муллами и юродствующими дервишами, паломничествомъ въ Мекку и стремлениемъ къ полной замкнутости государства и къ совершенной обособленности восточного мусульманства не только отъ кяфыровъ Китая и Индіи или шітовъ Персіи, но даже и отъ западнаго мусульманства Турецкой имперіи. Въ главную доблесть всѣмъ и каждому вмѣнялись уже не занятія науками, искусствами, ремеслами и торговлей, а только ханжество и изуверство, основанное на чисто вицѣнческомъ исполненіи религіозныхъ требованій. Это направление дошло наконецъ до своихъ геркулесовыхъ столбовъ въ лицѣ зелотствовавшаго эмира Маассума, первого хана изъ дома Мангытъ¹), который одѣвался въ рубище, ъѣль только самую грубую шину, ъаздилъ на худой клячѣ, сократилъ до нельзя придворный штатъ и содержаніе военныхъ и административныхъ чиновъ, жилъ въ грязи и могъ проводить цѣлые дни въ убогой палаткѣ на дырявомъ ковришкѣ, погрузясь въ религіозное созерцаніе. Замѣчательнѣе всего, что всѣ эти юродства продолжались „изъ принципа“, ради государственной экономіи и осмѣянія земного блеска, чemu первый примѣръ Маассумъ возжелалъ показать на себѣ самомъ.

Но что же въ концѣ концовъ изо всего этого вышло?

Вышло то, что съ прекращеніемъ отпуска денегъ на поддержание полезныхъ общественныхъ учрежденій, а главное придорожныхъ сардбъ и рабатовъ, всѣ эти прекрасныя зданія пришли въ крайній упадокъ, колодцы засорялись, заносились пеожами и потому либо изсякали, либо вода ихъ ста-

¹) Царствовалъ съ 1199 (1784) по 1217 (1802) годъ.

новилась негодною къ употреблению. По свидѣтельству Сеида Ракима, Самаркандъ и Бухара еще въ 1030 (1620) году были усѣяны великолѣпными зданіями, сооруженными въ по-слѣднихъ вѣкахъ, но вскорѣ затѣмъ, по нерадѣнію прави-тельства о необходимыхъ починкахъ, зданія эти совершенно развалились и погибли. Такъ погибали медрессе, богадѣльни, мосты и даже многіе оросительные каналы. Воинскія конвоир-ныя команды, ради экономіи, были сняты со степныхъ по-стовъ—и движеніе по дорогамъ стало не только затрудни-тельнымъ по отсутствію путевыхъ удобствъ, но и крайне опаснымъ отъ разбойничихъ нападеній, въ которыхъ теперь отличались не одни уже туркмены, но и собственная бухар-ская сволочь. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ торГОвО-кара-ванное движеніе сократилось до минимума, попутные города и мѣстечки, жившіе торговлей съ проходящими караванами, пришли въ упадокъ, многія населенные мѣстности превра-тились въ пустыри, и въ настоящее время только слѣды арыковъ да придорожныя развалины цѣлыхъ городовъ безмолвно свидѣ-тельствуютъ путешественнику о былыхъ временахъ процвѣтанія и богатства этого края. Въ концѣ концовъ, общее обнищаніе и даже уменьшеніе народонаселенія, общая косность, полный упадокъ искусствъ и ремесль, даже до окончательного заб-венія вѣкоторыхъ изъ нихъ, были естественными слѣдствіями этой своеобразно понятой „государственной экономіи“. Заго-ння подобную экономію на гротахъ, не позволяя себѣ тра-тить на себя болѣе одной тенги (20 коп.) въ день и болѣе одного верблюжьаго халата въ годъ, эмиръ Маассумъ ничѣмъ инымъ, какъ только своими экономическими принципами вко-нецъ подрывалъ самые существенные источники народнаго и государственного благосостоянія. И что же? Никогда адми-нистративный развратъ, воровство, казнокрадство, взяточни-чество и вымогательство не достигали до такой наглой не-обузданности, несмотря на всѣ клоповники, канчуки и даже смертныя казни, какъ въ „благополучное“ правленіе Маас-сума. Въ то время, какъ самъ онъ подъ дырявою палаткой

всенародно ъѣлъ изъ грязной миски какое-нибудь плохое ва-рево, его офицеры и придворные на сторонѣ щеголяли въ богатѣйшихъ шелковыхъ и парчевыхъ платьяхъ, носили разу-крашенное оружіе, ъли и пили изъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, осыпанныхъ драгоцѣнными камнями. И хотя рейсъ-и-шаріатъ (охранитель религіознаго закона, должность воз-становленная Маассумомъ въ то именно время, когда во всемъ мусульманствѣ уже забыли о ней) отправлялъ свои обязан-ности со всею сурвостью¹⁾), тѣмъ не менѣе пьянство, куре-ніе опіума и развратъ нравственный достигли своего апогея и вѣились въ общественные нравы даже до такой степени, что наемъ батчи (*juvenis imberbis*) или споръ изъ-за него между двумя соперниками разрѣшился публично на судѣ казіевъ.

Таковы-то были разностороннія послѣдствія „государствен-ной экономіи“ Аштарханидовъ и Мангитовъ, и хотя нынѣ властующій эмиръ пытался сооружать общественные зданія въ подражаніе древнимъ, но все это выходило не болѣе, какъ жалко и неумѣло пародіей на великія произведенія.

Желая осмотрѣть поближе караванъ-сарай на Кауаль-Базарѣ, я прошелъ на его внутренній дворъ и, Боже мой, въ какомъ отвратительно-запущенномъ состояніи пришлось

¹⁾ Въ правленіе Маассума, рейсъ-и-шаріатъ былъ обязанъ ежедневно обходить улицы въ сопровожденіи своихъ онбашей (десантниковъ), воору-женныхъ четырехвостными плетками, и подвергать встрѣчныхъ людей всенародному испытанію въ знаніи религіи. Кто не могъ сказать по-арабски нѣсколько обязательныхъ молитвъ или фарзегайнъ и прочесть наизусть известные стихи Корана, того тутъ же на мѣстѣ жестоко драли плетками, либо сажали въ клоповникъ на болѣе или менѣе продолжи-тельное время, смотря потому, какую сумму могли предложить въ подарокъ рейсу родственники потерпѣвшаго. За неисправное посвященіе мечети или же опущеніе обязательныхъ часовъ молитвы виновные на первый разъ подвергались тѣлесному наказанію, а на второй—смертной казни. Подоб-нымъ же образомъ поступали съ пьющими вино и курающими табакъ или опіумъ; прелюбодѣя же прямо передавались палачу, и лишь одно батче-базство не влекло за собой никакого наказанія.

его увидѣть!... Груды мусора и массы верблюжьаго и конскаго навоза наполнили какъ самый дворъ, такъ и стрѣльчато-сводные коридоры, еще сохранившіе кое-гдѣ остатки изящныхъ лѣпнинъ и извѣянныхъ орнаментаций; но всѣ онѣ были черны какъ сажа отъ копоти разводимыхъ тутъ костровъ. Внутренній дворъ имѣетъ форму нѣсколько продолговатаго четырехъугольника со срезанными углами, такъ что начертаніе его въ планѣ является собственно неравностороннимъ оваловиднымъ осьмивольникомъ. Стѣны его украшены тремя мозаичными фронтонами съ большими порталами въ видѣ стрѣльчатыхъ нишъ; но одинъ изъ нихъ уже рухнула, равно какъ обрушились и многіе куполы и своды. Кое-гдѣ, но уже въ очень немногихъ мѣстахъ еще уцѣльла мраморная облицовка настѣнныхъ панелей и низкихъ карнизовъ, состоящая изъ тонкихъ плитъ съ рельефно высѣченными арабесками и вязевыми надписями. Все это такъ изящно, такъ красиво, такъ роскошно по своему матеріалу и грандиозно по размѣрамъ, и увы! все это стоитъ въ руинахъ, въ навозѣ, накопленномъ въ теченіе двухъ вѣковъ, запущенное, заброшенное... Вотъ ужъ гдѣ именно Авгіевы конюшни не въ переносномъ смыслѣ! Даже и глядѣть-то грустно и противно...

Дѣятельность путеваго привального пункта сосредоточена теперь въ двухъ рядахъ глинобитныхъ саклей, образовавшихъ небольшую уличку предъ главнымъ наружнымъ фронтомъ караванъ-сарай. Здѣсь есть колодецъ съ бассейномъ, сбитымъ изъ глины и камней; здѣсь же помѣщается „чайна-хане“ и лавочонка, гдѣ продаются салныя свѣчи, кунжутное масло, баранье сало и мясо, спички, веревки, кошма, чай, сахаръ и тому подобные не хитрые, но часто необходимые въ дорогѣ продукты. Тутъ же юится и семья надсмотрщика, подъ вѣдѣniемъ котораго состоить этотъ пунктъ. Должность его отъ правительства, такъ какъ на Каравуль-Базарѣ находится и путевой дворецъ эмира. Осмотрѣли мы и это послѣднее „здание“, которое, судя по окружающей его сомнѣннымъ кольцомъ глинобитной стѣнѣ, я сначала принялъ было за овчий

загонъ (кошъ), и только рѣзная входная дверка, да ведущія въ ней три высокія алебастровыя ступени застали меня усомниться въ первоначальномъ предположеніи. Внутри этой загородки, противъ входа прислонилась къ стѣнѣ тѣсна, низенькая сакля, къ которой черезъ круглый дворикъ ведеть кирничная панель,—вотъ и все, и весь „дворецъ“ тутъ. А рядомъ—это дивное, три столѣтія разрушающееся величие...

Подъ „дворца“ стоять обширная цистерна подъ высокимъ куполомъ, относимая еще ко временамъ Тимура. Большая и широкая каменная лѣстница изъ-подъ стрѣльчатаго портала цистерны ведеть въ ея глубину, на самое дно. Круглый бассейнъ ея, сажень около семи въ поперечникѣ и сажени въ три глубиной, стоитъ теперь безъ воды, и сѣрая, изсохшая почва дна дала по всѣмъ направленіямъ глубокія трещины. Надъ горизонтомъ водной черты, въ уровень съ варуженнымъ основаніемъ цистерны пробито нѣсколько большихъ стрѣльчатыхъ оконъ, расположенныхъ симметрично. Время однако попадило эту „садобу“ болѣе караванъ-сарай: все въ ней еще такъ массивно и прочно, что по всей вѣроятности продержится она еще долго яркимъ свидѣтельствомъ того, какъ строили при Тимурѣ.

Съ весной на Каравуль-Базарѣ обыкновенно комантируются изъ Бухары нѣсколько ротъ сарбазовъ, которая отъ себя посыпаютъ по одной ротѣ на Какыръ-Сардобу и въ Ходжа-Муборакъ для охраны степи отъ туркменскихъ шаекъ. Такимъ образомъ нынѣшній эмиръ въ этомъ отношеніи восстановилъ древній порядокъ; но никому уже не удастся восстановить въ полномъ объемѣ и значеніи былой транзитъ, проложившій себѣ два вѣка назадъ новые пути,—вместо Средней Азіи къ приморскимъ портамъ Индіи и Китая.

Давъ лошадямъ часть на отдыхъ, мы послѣ изобильнаго завтрака тронулись далѣе.

Все та же волнистая мѣстность, только глинисто-песчаная почва сдѣмалась болѣе каменистою. Камень этотъ—песчаникъ, и его крупными осколками усыана вся дорога. Внѣ-

реди виделся горный кряжъ, протяженiemъ около пяти верстъ, не высокій самъ по себѣ, но все же значительно превышавшій волнистыя возвышенности окружающей мѣстности. Коричневая лента дороги, слегка извиваясь, шла прямо на перевалъ этого кряжа, у подножія коего по сю сторону стоять вправо отъ дороги небольшія развалины караванъ-сараи Мама-Джурчата, до которыхъ отъ Кауаль-Базара считается два таша (16 верстъ).

У этихъ развалинъ встрѣтили насъ три чиновника, объявившіе послѣ обычныхъ привѣтствій, что они высланы сюда для встречи посольства сыномъ досточтимаго кушт-беки Магометъ-Шерифъ-инакомъ, который и самъ тоже выѣхалъ на встречу высокимъ русскимъ гостямъ и ожидаетъ ихъ за переваломъ.

Темя Джурчатынского перевала очень каменисто, благодаря чему перѣездъ черезъ него въ экипажѣ не особенно пріятенъ; но за то съ высоты кряжа открылся предъ нами широкій видъ на равнину города Бухары, усеянную кишлаками, садами и арычными аллеями. Непрерывная полоса садовъ синѣлась вдали, распространяясь и вправо, и влево куда-то вдаль за черту горизонта, такъ что казалось и конца ей нѣтъ. Прямо предъ нами эта полоса была какъ будто въ гуще, и темнѣе,—тамъ Бухара, то есть то, что можно назвать ядромъ этого обширнаго города, если считать въ его составѣ всѣ предмѣстія, состоящія изъ множества кишлаковъ, соединенныхъ между собой садами и тутовыми плантациими. Обозначенный на нашей картѣ окружный селенія Митанъ, Мургабъ, Саманчикъ, Джандоръ, Гурбукъ и городокъ Баэдинъ, въ сущности говоря, составляютъ пригороды одного и того же большаго города на протяженіи болѣе двадцати верстъ въ попечникѣ.

Противоположный скатъ перевала и не длиненъ, и очень отлогъ, такъ что спускаешься съ него въ равнину Бухары почти незамѣтно. Поэтому, судя конечно на глазъ, мнѣ кажется, что равнина Бухары лежить выше котловинъ Мама-

Джурчата, Кауаль-Базара и прочихъ прослѣдованныхъ нами степныхъ мѣстностей.

За переваломъ, глядимъ, на встречу намъ юдуть верхомъ еще три чиновника, которые по обычаю, не доѣзжая насъ, слѣзли съ лошадей. Когда князь приказалъ пріостановиться, чтобы ихъ выслушать, то чиновники объявили, что они тоже посланы съ привѣтствіемъ отъ Магометъ-Шерифъ-инака, который де поджидастъ насъ близъ озера Кунджа, на Зирватскомъ путевомъ дворѣ его высокостепенства. Поблагодарили за вниманіе и тронулись далѣе, а отъ свиты чиновниковъ отдѣлились два джигита и что есть духу поскакали впередь дать знать Магометъ-Шерифу, что юдуть, моль, юдуть.

Отъ спуска съ перевала до кишлака Зирватъ, съ котораго уже начинается культивированная мѣстность, оставалось версты четыре, и разстояніе это проѣхали мы довольно быстро. Въ Зирватѣ, какъ уже сказано, находится послѣдній предъ Бухарой путевой дворъ, гдѣ останавливается эмиръ для ночлега. Предъ его воротами и близъ сосѣдней чайнахане стояла толпа празднично разодѣтыхъ джигитовъ, а у коновязей было привязано до полустоти верховыхъ лошадей подъ парчевыми и бархатными попонами. Послѣднія были расшиты серебромъ, золотомъ, шелками и блестками. Лошади жевали подброшенную имъ люцерну (дженушка), причемъ многие жеребцы горячились, злобно ржали и дрались между собой, а джигиты тѣмъ часомъ прескокойно покуривали изъ одного общаго чилима и попивали зеленый чай (аевъ-чай) изъ уемистыхъ фаянсовыхъ чашекъ, разсѣвшиись на корточкахъ вокругъ жаровень и большихъ сартовскихъ самоваровъ. При нашемъ приближеніи, вся ихъ пестро-нарядная толпа быстро вскочила на ноги и почтительно скрестила на животѣ руки, а изъ воротъ путеваго двора парадно выступили на встречу намъ трое сановниковъ, въ парчевыхъ халатахъ и кашмирскихъ чалмахъ, съ кривыми саблями на замшевыхъ портупеяхъ, украшенныхъ бирюзовыми булавами и золотыми пряжками. Первый изъ нихъ, худощавый старикъ съ длинною,

съдоватою и щегольски расчесанною бородой, выступилъ впередъ, отрекомендовался намъ, назвалъ себя Абдуль-Афаромъ, перваначи-командующимъ войсками въ округѣ Бухары и представилъ остальныхъ двухъ своихъ товарищей. То были: сынъ кушъ-беги, Магометъ-Шерифъ-инакъ, главный зякетчи и въ то же время губернаторъ города Бухары, а другой—датха, состоящій въ распоряженіи кушъ-беги, но имени его я не упомню.

Послѣ первыхъ взаимныхъ привѣтствій, они провели нась дворомъ, гдѣ было раскинуто нѣсколько цвѣтныхъ палатокъ, въ путевой дворецъ, котораго приемная комната была заставлена изобильнымъ достарханомъ. Здѣсь послѣдовали опять неизбѣжный чай и завтракъ, состоявшій изъ самыхъ изысканныхъ блюдъ бухаро-персидской кухни и поданный намъ на русскомъ и китайскомъ фарфорѣ.

Прѣдъ завтракомъ, когда мы уже разсѣлись за столомъ, Магометъ-Шерифъ началъ объяснять князю, что отецъ его, Кушъ-беги, очень сожалѣть и извиняется, что не могъ лично выѣхать къ намъ навстрѣчу, такъ какъ по званію верховнаго коменданта эмирскаго дворца онъ въ отсутствіе эмира не имѣть по закону права выходить за черту дворцовой цитадели, но что взамѣнъ себя онъ выслалъ его, какъ своего сына и губернатора города, вмѣстѣ съ двумя высшими изъ чиновъ, находящихся въ округѣ Бухары.

Магометъ-Шерифъ, красивый мужчина лѣтъ уже за сорокъ, высокаго роста, съ большими, серіозными, но добрыми глазами и окладистою черною бородой. Въ немъ замѣтно большое фамильное сходство съ его сыномъ, молодымъ бекомъ Каршинскимъ. Что же до тахти, то это плотно-коренастый рыжебородый узбекъ, постоянно улыбающійся своими слегка прищуренными глазками и постоянно желающей сказать всѣмъ что нибудь пріятное. Надо прибавить, что дѣлаетъ онъ это довольно естati и далеко не глупо. Видъ у него добродушный, но въ то же время и себѣ на умѣ — дескать, мы тоже не лыкомъ шиты и хотя, такъ-сказать, варвары, но виды ви-

дали всякие, и нась на кривой не обѣдешь. Такое выражение нерѣдко можно встрѣтить у русскихъ матерыхъ купцовъ и лабазниковъ знающихъ себѣ цѣну. Наконецъ, перваначи Абдуль-Афаръ, наружность котораго уже описана выше, отличается плавными манерами и говорить мягкимъ тихимъ голосомъ, слегка закатывая иногда глаза — персидская особенность, служащая, между прочимъ, признакомъ хорошаго воспитанія,—а когда слушаетъ другаго, то время отъ времени медленно и благосклонно киваетъ головой, тогда какъ по лицу его блуждаетъ полуразсѣянная меланхолическая улыбка. Вообще все трое являются людьми въ высокой степени пріличными и съ большимъ тактомъ.

Завтракъ продолжался недолго, да и сѣли-то мы за него совершенно сытые, ради одной лишь официальной церемоніи, обойти которую невозможно не нарушая здѣшняго этикета, а потому тотчасъ же вслѣдъ за послѣднимъ блюдомъ наши временные хозяева всѣ втроемъ поднялись съ мѣстъ и удалились, объяснивъ, что идутъ сдѣлать распоряженія для дальнѣйшаго нашего слѣдованія.

Узнавъ, что они прибыли сюда верхомъ и что до городской стѣны еще остается два таша, князь предложилъ имъ свою коляску¹⁾. Бухарские сановники охотно приняли это предложеніе, но предупредили, что могутъ воспользоваться экипажемъ только до черты города, а далѣе должны, по обычаю, слѣдовать уже верхомъ.

Пять минутъ спустя, предшествуемыйъ болѣшою, празднично-пестрою кавалькадой чикновниковъ и джигитовъ, нашъ поѣздъ двинулся далѣе.

Начиная отъ Зировата, мѣстность и самая почва рѣзко меняютъ свой характеръ. Снѣгъ почти исчезъ, и тѣ незначительныя залежи его, которыхъ еще виднѣлись кое-гдѣ по канавамъ, были покрыты черною пылью²⁾. Мертвая песчано-

¹⁾ Самы ун, съ минуты вѣзда въ бухарскія владѣнія, постоянноѣздили въ экипажахъ эмира.

²⁾ Эта пыль является слѣдствиемъ такъ называемыхъ сухихъ тума-

глинистая пустыня осталась позади, а предъ глазами потянулись теперь все сады да сады, обрамленные глинобитными стѣнками, канавы обсаженныя аллеями бородавчатыхъ тутовъ, поля разбитыя на правильные участки, причемъ на ихъ межахъ торчать ряды всѣ тѣхъ же тутовыхъ деревьевъ; на этихъ участкахъ виднеются тамъ и сямъ разбросанные хутора, отдалъные сакли; то вдругъ потягнется цѣлый кишлакъ, то опять сады да плантациі. Вообще, сразу, какъ-то вдругъ сказалась культура, жизнь, и жизнь большая, плодоносная, хотя для того, чтобы быть плодоносною ей приходится серьезно бороться съ наденгающимися песками и развиваться на непельно-сырой солончаковой почвѣ.

Одять пошли курганы, и между ними одинъ, высокій, былъ сплошь отъ подошвы до макушки усыянъ сартовскими могилками. Такие курганы-кладища встрѣчаются подъ Бухарой довольно часто. Они въ теченіе многихъ вѣковъ росли постепенно и медленно, пока не достигли своей нынѣшней высоты, которая однако не останавливается для нихъ предѣльною: съ теченіемъ времени курганы эти, безъ сомнѣнія, стануть на много выше, если только не перестанутъ служить кладищами. Будучи и внутри своей толщи захоронены такъ же какъ снаружи, они образовывались по мѣрѣ наслоенія новыхъ могильныхъ пластовъ, на своей поверхности.

По движению встрѣчного люда, пѣшаго и коннаго, а больше все верхомъ на ишакахъ и нерѣдко даже по два человѣка

Въ осеніе и зимніе мѣсяцы, преимущественно въ ноябрѣ и февралѣ, когда въ степяхъ господствуютъ бураны, силой вѣтра сметаетъ съ песчаныхъ бархановъ сначала сухой снѣгъ, а затѣмъ и песокъ, который подымается въ верхніе слои атмосферы и переносится воздушными течениями на очень далекія разстоянія, осѣдалъ на землю только съ наступлениемъ тихой, безвѣтрой погоды, причемъ эта мельчайшая песчаная пыль опускается медленно какъ темный туманъ, заслоняя собой даже яркое солнце, сквозящее изъ-за нея въ видѣ тукало кроваво-багроваго диска. Налетъ этой пыли на снѣгъ бываетъ иногда столь силенъ, въ особенности послѣ нѣсколькихъ съ небольшими промежутками повторявшихся бурановъ, что снѣгъ кажется почти совершенно чернымъ.

на одномъ ишакѣ, и по этимъ большимъ верблюжьимъ караванамъ, следовавшимъ туда и обратно, въ разныхъ направленияхъ и, наконецъ, по изобилію всѣхъ этихъ чайна-хане, карчевень и караванъ-сараевъ похожихъ снаружи скорѣе на военные форты, чѣмъ на постоянные дворы, вы чувствуете, что подъѣзжаете къ большому центру, къ столицѣ, къ сердцу своеобразнаго государства. Да, это, дѣйствительно, большой центръ, хотя вы и не встрѣчаете здѣсь ни высокихъ фабричныхъ трубъ, ни стука и грохота машинныхъ колесъ, ни изобилия кабаковъ и портерныхъ, ни бросающихся въ глаза отребьевъ нищеты и порока, ни вообще всего того, что составляетъ необходимый и самыя характерныя принадлежности форшатовъ въ большихъ городахъ европейскихъ. Тутъ, конечно, ничего подобнаго и тѣли нѣть, а между тѣмъ все-таки чувствуется, что втягиваешься въ центральный первый узелъ весьма дѣятельной жизни. И замѣчательно еще вотъ что: вы видите движение большое, но нѣть въ немъ ни малѣйшей суетливости и той лихорадочности, какая свойственна опять-таки европейскимъ фабричнымъ предмѣстямъ. Здѣсь весь трудъ человѣка въ землѣ-кормилицѣ, и оттого-то, дунается мнѣ, и уличное движеніе этого народа идетъ стѣнно, неторопливо, уверенно и какъ бы спокойно-дѣловымъ образомъ. Миновавъ кишлаки и плантациі и одинъ изъ большихъ загородныхъ садовъ эмира, что долго тянулся за глинобитную стѣнную съ правой стороны дороги, мы ёдемъ наконецъ, повидимому, настоящимъ городомъ, по очень лѣдной, широкой и торговой улицѣ, сплошь застроенной одно-и-двухъэтажными глинобитными домами и лавками. Но это еще не городъ, каковымъ почитается въ Азіи лишь мѣсто обнесенное зубчатою стѣной съ башнями и нѣсколькими воротами,—это пока еще все тягнется Каганское предмѣстье, или кишлакъ Каганъ; пока мы ёдемъ его длинною улицей, можно вдосталь наглядѣться на возвышающейся слѣва изъ-за садовыхъ раний лазоревый куполь мавзолея Хазрати-Шейхъ-Алямъ, увѣличанный на самой маковѣй своей высокимъ вѣковымъ гнѣздомъ аиста.

Каганская улица наконецъ привела насъ къ Каршинскимъ воротамъ, известнымъ болѣе подъ названіемъ Кауля-дарвази. Тутъ поѣздъ нашъ на минуту простоялъ, чтобы дать время сопровождавшимъ насъ сановникамъ пересѣсть изъ коляски въ сѣдла.

VII.

Въ Бухарѣ.

Ворота Кауля и городская стѣна съ ея оборонительными приспособленіями.— Городскія улицы и характеръ уличной толпы.— Факиры и нищіе.— Бухарскія мужскія моды.— Евреи, парсы, индузы, киргизы, каракалпаки, цыгане, русскіе татары, афганцы, туркмены, узбеки и персіяне.— Бухарскія женщины, ихъ моды и косметическая средства.— Насколько средне-азіатцы дѣйствительно добрые мусульмане.— Ихъ обрядовый формализмъ.— Привилегія нищихъ женщинъ.— Посольскій дворъ и пожаръ въ посольскомъ домѣ.— Визитъ къ кушъ-беги.— Значеніе и функции его должности.— Путь ко дворцу эмира.— Регистанъ и его зданія.— Дворецъ эмира въ цитадели и его подворотный музей.— Кушъ-беги Мулла-Магометъ-бій.— Особенности его пріемной.— Разговоръ о политикѣ и о каршинскомъ бекѣ.— Обмынь подарковъ и наше заключеніе о личности Мулла-Магометъ-бія.— Бухарскіе базары и предметы ихъ торговли.— Оружейные лавочки и мѣдио-чеканила утварь.— Встрѣча съ батчю и вѣчто по этому поводу о здѣшнихъ общественныхъ правахъ.— Визитъ къ Магометъ-Шерифъ-инаку и разговоръ съ нимъ о торговлѣ Бухары съ Индіей.

Продолженіе 22 января.

Я тѣмъ временемъ рассматривалъ городскую стѣну и ворота Кауля. Стѣна, по туземному чимъ, въ родѣ нашихъ кремлевскихъ, только глинобитная и съ зубцами скругленными въ своей вершинѣ: ворота же въ ней строены изъ жженаго кирпича и фланкируются по бокамъ двумя кирпичными круглыми башнями усѣченно-конической формы, изъ коихъ каждая снабжена узкими стрѣльницами и увѣнчана куполкомъ въ видѣ полушарія. Между башнями находится соеди-

нительная надстройка, висящая надъ проезднымъ пролетомъ и приспособленная къ оборонѣ воротъ съ фронтона. Самая же стѣна, какъ вправо, такъ и влево отъ воротъ, отойдя на нѣкоторое разстояніе, заходить впередъ подъ угломъ, въ родѣ бастіона, вѣроятно для того, чтобы доставить имъ съ фланговъ усиленную оборону перекрестнымъ огнемъ. Около воротъ справа, примыкая почти къ самой стѣнѣ, находится большое кладбище, тѣсно усыпанное памятниками, въ обычной формѣ двускатныхъ гробницъ, опуткатуренныхъ алебастромъ.

Первоначально стѣна, окружающая городъ, была построена въ 215 (830) году Геджры, при калифѣ Мегди, и поводомъ къ ея сооруженію послужили тогда безпрестанные набѣги и грабежи сосѣднихъ турокъ; при эмирѣ Измаилѣ (изъ дома Самаидовъ) она была значительно расширена и укрѣплена, а въ 1220 году нашей эры совершенно разрушена Чингисханомъ, и затѣмъ, уже при его преемнике Чагатай, около 1234 года вновь возстановлена почти въ своемъ нынѣшнемъ видѣ. Имѣя въ вышину до четырехъ и въ толщину при основаніи до двухъ саженъ, она окружаетъ собою площадь въ 1,739 талановъ (1.564,875 кв. саж.) на протяженіи безъ малаго двѣнадцати верстъ¹⁾. Въ ней устроено одиннадцать воротъ, всѣ болѣе или менѣе въ вышеописанномъ родѣ, изъ коихъ двое находятся въ сѣверной, двое въ восточной, трое въ южной и четверо въ западной ея части. Кромѣ того, на всемъ своемъ протяженіи стѣна снабжена полуокруглыми выступами, въ родѣ башенъ, известными здѣсь подъ именемъ бурджей, которые впрочемъ не превышаютъ высоты самой стѣны и служатъ, въ количествѣ 131 бурджа, для фланговой обороны ея участковъ, заключающихся между сими выступами. Но длина такихъ промежуточныхъ участковъ не вездѣ одинакова (отъ $13\frac{1}{3}$ до $105\frac{5}{9}$ саж.) и зависитъ отъ степени протяженія того или другаго фронтона по прямой линіи, а главное отъ степени его важности въ оборонительномъ отно-

шеніи: чѣмъ фронтъ доступнѣе для атаки, тѣмъ больше и число его бурджей. Еще въ 1840 году нашъ ученый путешественникъ Н. Ханиковъ замѣтилъ, что вся стѣна Бухары хотя и кажется снаружи въ довольно хорошемъ состояніи, но со внутренней стороны часто осыпается и ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить надежною защитой городу. Если же таковою была она слишкомъ сорокъ лѣтъ назадъ, то при нынѣшихъ средствахъ артиллерійской техники и подавно не можетъ представить атакующему никакихъ серьезныхъ препятствій. Таковы, впрочемъ, и всѣ средне-азіатскія стѣны.

Наконецъ мы вѣхали въ действительный, то есть застѣненный городъ и двинулись вдоль узкой улицы, застроенной почти сплошными рядами домовъ, то кирпичныхъ, то глинобитныхъ, но большей частью все двухъэтажныхъ. Намъ и здѣсь предшествовала все та же огромная, празднично пестрая кавалькада чиновниковъ и джигитовъ, во главѣ которой торжественно выступали на кровныхъ жеребцахъ, изукрашенныхъ блестящими уборами, трое нашихъ сановниковъ. Городскіе жители вѣроятно были предувѣдомлены о предстоящемъ вѣздѣ русскаго посольства, потому что, несмотря на пятницу, праздничный день, джумая, который мусульмане обыкновенно проводятъ дома, громадные толпы молчаливыхъ зрителей степенно стояли на всемъ протяженіи нашего городскаго пути, а путь этотъ былъ далеко не изъ короткихъ. Везли наѣзъ и по широкимъ и по узкимъ улицамъ, и переулкамъ, и мимо кладбищъ съ древними алебастровыми гробницами, и мимо старыхъ мечетей и мавзолеевъ съ могилами того или другого святаго мужа или праведника-ишана¹⁾; признакомъ коихъ и здѣсь, какъ въ Самарканѣ и Ташкентѣ, обыкновенно служитъ длинная жердина, съ высоко болтающимся на ней конскимъ хвостомъ или тряпцей, увѣнчанная бронзовымъ изображеніемъ простертой въ небо человѣческой пласти, или узорчато-сквознымъ копьемъ въ родѣ никоваго туза. Вхали мы

¹⁾ Ишанъ—ученый, книжникъ, законовѣдъ.

¹⁾ Ишанъ—ученый, книжникъ, законовѣдъ.

и по разнымъ крытымъ базарамъ, и мимо открытыхъ разнообразныхъ мастерскихъ, лавокъ, съѣстныхъ, чайныхъ и караванъ-сараевъ, и мимо обширныхъ каменныхъ медрессе съ высокими порталами и минаретами, и по набережной канала Шахрирудъ, обсаженной раскидистыми талами и бородавчатыми тутами, и вездѣ, вездѣ встрѣчали нась всѣ тѣ же молчаливые толпы степенныхъ мужчинъ съ почтительно сложенными на животъ руками. Одни только странствующіе каландари¹⁾ да дувана (юродствующіе) монашескаго ордена Навшбенди въ своихъ высокихъ, остроконечныхъ шапкахъ, туго подбитыхъ ватой, съ длинными посохами въ рукахъ и съ чупъ-каду²⁾ съ боку на поясъ, да разные скрученные калѣки и уродцы, то сидящіе на пяткахъ, то ползущіе на четверенькахъ, съ подаянною чашкой въ протянутой изсохшей или изъязвленной рукѣ, да нѣсколько женщинъ-сартянокъ съ совершенно открытыми лицами—привилегія, принадлежащая исключительно нищенкамъ—отчасти нарушили общую тишину всѣй остальной толпы,—первые своимъ нескладнымъ пѣніемъ, очень похожимъ на то, когда начнуть горланить пѣсни наши пьяные мужики, а послѣднія своимъ поющимъ речитативомъ, который, кажись, совершенно одинаковъ у нищихъ всѣхъ странъ и народовъ. Иногда кое-какіе мальчишки порывались забѣгать впередъ, чтобы съ живѣйшимъ любопытствомъ заглянуть намъ въ лицо, или взапуски бѣжали наряду съ наѣмъ экипажемъ, перегоняя и толкая другъ друга и тѣмъ рискуя попасть либо подъ колесо, либо подъ лошадей. Но

1) Каландари—родъ монашескаго коммунистического братства. Вступающіе въ него отрываются отъ рода и племени, отъ супружеской жизни и собственности; живутъ милостыней, которую дѣлать между собой по-ровну, также какъ и все прочее свое имущество. Эти люди—квинтъ-эс-секція мѣстного мусульманскаго фанатизма.

2) Такъ называется тыква, имѣющая форму бутыли съ широкимъ основаниемъ, узкимъ горломъ и маленькою головкой, обыкновенно употребляемая какъ сосудъ для храненія воды и составляющая необходимую принадлежность всѣхъ странниковъ вообще, а дувана и каландарей въ особенности.

бдительные курбаси тотчасъ же вѣушали имъ достодолжную степенность, для чего этимъ блюстителямъ уличнаго благочинія стоило только пригрозить своею нагайкой, и рѣзые мальчишки сконфуженно останавливались или въ разсыпную паровили юркнуть изъ-подъ занесенной на нихъ руки куданибудь въ сторону.

Толпа въ Бухарѣ очень пестрая, и хотя въ ней мѣшается разные оттѣнки колеровъ синихъ, коричневыхъ и сѣрыхъ, но преобладаютъ все же цвѣта самые яркие: желтый, зеленый, голубой, зеленый, фиолетовый, и нерѣдко вы встрѣчаете ихъ на одномъ и томъ же адресовомъ или шаниновомъ халатѣ въ самыхъ оригинальныхъ, но всегда красивыхъ сочетаніяхъ. Вообще для палитры художника здѣсь найдется множество разнообразнѣйшихъ тоновъ и оттѣнковъ, которые однако въ общемъ нисколько не рѣжутъ вашъ глазъ, а только веселятъ его и развлекаютъ. На головахъ же правовѣрныхъ, надо всему этому пестротой одеждъ, царить почти исключительно цвѣть бѣлый, преобладающей въ головныхъ уборахъ. Рѣдко когда мелькаетъ между чалмами красная или синяя, и то большую частію у какихънибудь забѣжихъ афганцевъ или деревенскихъ простолюдиновъ; горожане же бухарскіе отдаютъ предпочтеніе снѣжно-бѣлому цвѣту, какъ самому модному и элегантному.

Здѣсь тоже вѣдь есть свои моды и своя элегантность. Въ Бухарѣ даже бараныхъ шапокъ немного. Баранья шапка—это принадлежность захолустья и степи, а здѣсь столица, гдѣ въ силу моды и хорошаго тона всесословно господствуетъ снѣжно-бѣлая чалма весьма почтенныхъ размѣровъ, да еще какая!—тильечъ, то есть сорокаоборотная,—значить, чтобы окрутить ее сорокъ разъ вокругъ головы, полотнище должно имѣть въ длину 36 аршинъ по крайней мѣрѣ. Нерѣдко на головахъ зажиточныхъ горожанъ вы встрѣчаете настоящія тончайшія шали Кашмира. И какъ умѣютъ они ихъ носить, какія изящныя придаютъ имъ формы, съ какимъ искусствомъ свиваютъ изъ тильчеча толстый жгутъ и располагаютъ на немъ.

красивыя складки! Хорошо повязать тильпечь—это вѣдь цѣлаа наука. Кроме того, по формѣ чалмы вы можете приблизительно узнать сѣ ємъ и мѣтѣ дѣло. Такъ, беки, духовные и суды (муллы и кази) повязываютъ чалму плоско, но широко, и чѣмъ шире ложится она вокругъ головы, тѣмъ значить важнѣе и сановнѣе особы; военные (сипайи) носятъ чалму болѣе высокую и нѣсколько съуженную кверху; купцы же (саудигеры) и разночины (фукара) придерживаются наиболѣе красивыхъ, то есть пропорціональныхъ размѣровъ, пуская въ ходъ свою фантазію только въ расположениіи узловъ, концовъ и складокъ. Носить же головной уборъ двухъ первыхъ формъ имъ воспрещается закономъ.

Совсѣмъ не смыаютъ носить чалму только евреи, для которыхъ, подъ страхомъ смертной казни, установленъ закономъ особаго покрова четырехъугольный колпакъ изъ люстрина или проклейнаго коленкора, и притомъ не иначе, какъ чернаго цвѣта, отороченный узкою мерлушкой и напоминающій своимъ видомъ отчасти іезуитской клобукъ, отчасти польскую конфедератку. Не носятъ чалму также карсы-огнепоклонники и буддисты-индусы, но эти уже не по принужденію, а по собственному нежеланію. Парсы ходятъ въ войлочныхъ или соломенныхъ плетеныхъ клобучкахъ, а Индузы въ суконныхъ съ мѣховою оторочкой шапкахъ, въ родѣ схимнической скуфы, и всегда какого нибудь темнаго цвѣта. Даже степнякъ-киргизъ, привыкшій зимой къ своему подбитому волчьимъ мѣхомъ, высокому, остроконечному малахату съ назатыльникомъ, который закрываетъ ему не только уши и шею, но и щеки, и бороду, и тотъ, попавъ въ столичный городъ Бухару, въ этотъ „благоухающій цвѣтникъ ислама и просвѣщенія“, тотчасъ же иоровитъ купить себѣ на базарѣ кусокъ московскаго миткалю или панджи¹⁾ и спѣшить неумѣло обернуть имъ себѣ голову. Изъ мусульманъ, одни только каракалпаки

¹⁾ Панджа—широкая бѣлая бумажная ткань, идущая на чалмы и халатныхъ подкладки.

остаются всегда и вездѣ, даже въ самой „благородѣйшей Бухарѣ“, вѣрны своей высокой, расходящейся кверху, длиннорунной папахѣ, которая своею формой напоминаетъ нашу прежнюю медвѣжью шапку лейбъ-гусаровъ. Цыганы же, известные вѣдь подъ прозвищами джуговъ, мазанговъ и люли, носятъ что попало, заботясь не о модѣ, а лишь о томъ, гдѣ бы половчѣе стащить все, что лежитъ плохо. Обѣ остальныхъ принадлежности костюма не говорю, такъ какъ у всего этого разномлеменного люда онѣ общія, то есть халатъ (тунъ, сарпай), надѣтый поверхъ ситцевой или миткалевой рубахи-халата (яхтакъ), съ тою лишь особенностью, что евреи не смыаютъ носить халаты яркихъ и пестрыхъ цвѣтовъ и подпоясывать ихъ платками или шалями, а обязаны подпоясываться веревкой, причемъ однакоже нѣкоторые изъ нихъ покупаютъ себѣ право замѣнять послѣднюю сыромятнымъ ремнемъ. Не носятъ халатовъ только наши новолжскіе татары, которыхъ насчитываютъ тутъ человѣкъ до двадцати, живущихъ въ качествѣ торговыхъ прикащиковыхъ или учащихся въ здѣшнихъ медрессе. Какъ въ Петербургѣ и Москвѣ, такъ и здѣсь они остаются вѣрны своему традиціонному косоворотому бешмету и высокимъ, русскимъ сапогамъ, равно какъ въ большинствѣ случаевъ продолжаютъ носить и свои низенькия, мерлушковыя шапочки. Слѣдуетъ замѣтить, между прочимъ, что все эти татары бойкій и терпкій народъ, хорошо говорятъ по-русски, а иные и пишутъ, не прочь подчасъ побахвалиться тѣмъ, что мы де „российскіе“, „образованнѣе“, а это де что? орда азіатская! Но относясь въ душѣ къ туземцамъ сверху внизъ, они въ то же время большой руки дипломаты и отлично знаютъ кому въ какую дудку подыгрывать. Вообще, званіе русскихъ подданныхъ ставить ихъ тутъ съ семидесятыхъ годовъ въ независимое и какъ бы привелигированное положеніе, чѣмъ они конечно и пользуются для своихъ коммерческихъ предприятій.

Представителей всѣхъ этихъ народностей узнаете вы на улицахъ сразу, съ первого взгляда. Еврей непремѣнно щего-
в. В. Крестовский.

ляетъ свою „красой Израиля“, то есть длинными пейсами. Индусъ — ярко-желтою или красною трехъугольною мѣткой на лбу между бровями, и томно смотритъ на васъ нѣсколько изподлобья, какъ бы ушедшимъ куда-то въ глубь, большими, грустными глазами. Всегда самодоволъный царсь зачесываетъ виски за уши и ходить съ низко-лежащими на шеѣ и ровно подстриженными волосами. Цыганъ вскложенъ, вовсе не заботится ни о бородѣ, ни о костюмѣ. Скуластый киргизъ бойко смотритъ на васъ умными, зорко прищуренными глазами. У туркменъ — продолговатое лицо съ рѣзко очерченными и приподнятыми на наружныхъ краяхъ бровями, тонкія губы и клинообразная бородка. Афганцы глядятъ мужественно, умно и нѣсколько строго, а что касается сартовъ¹⁾ и персіянъ, то у этихъ почти всегда вы встрѣчаете умныхъ, открытыхъ лица, съ большими, хорошо поставленными глазами и добро-душною улыбкой, въ которой однако нерѣдко мелькаетъ что-то плутоватое, что называется „себѣ на умѣ“, готовое при малѣйшей надобности перейти въ подобострастную льстивость. Въ костюмѣ у здѣшнаго сарта всегда замѣчается большая опрятность и даже щеголеватость; голова у него тщательно выбрита, усы надѣ верхнею губой ровно подстрижены, борода расчесана и надушена, а иногда и подкрашена въ темный, буро-красноватый цвѣтъ съ какимъ-то даже лиловатымъ оттенкомъ; видъ вполнѣ приличный. А персіянинъ-купца или чиновника узнаете вы между ними по нѣкоторому изяществу не только манеръ, но и самаго выраженія физіономіи.

Что до женщинъ, то ихъ попадалось намъ очень мало, да и тѣ при встрѣчѣ заблаговременно отвертывались къ стѣнѣ, вовсе не любезно оборачиваясь къ намъ спиной. Таѣль, впрочемъ, должна поступать каждая добронородочная мусульманка при встрѣчѣ съ кафыромъ; но предосторожность эта,

¹⁾ Сарты представляютъ помѣсь узбековъ съ таджиками, то есть туркменскаго элемента съ иранскимъ; вообще же сартомъ называется осѣдлый и преимущественно городской житель.

въ сущности, совершенно излишняя, потому что вы все равно ничего не разглядите у нея изъ-подъ густой черной волосаной сѣтки (чиметъ), покрывающей все лицо, и подъ накинутымъ на голову сѣро-синимъ, пари-пашевымъ¹⁾ халатомъ со спущенными, длинными чуть не до земли рукавами. Эти рукава, очень широкіе въ плечѣ, постепенно все болѣе и болѣе суживаются къ запястью; обыкновенно ихъ сшиваются на-крестъ за спиной, на подолѣ параджи. Концы рукавовъ нерѣдко расшиваются въ узоръ разноцвѣтными шелками. Этотъ халатъ — параджи, или иначе фаранджа — окутываясь макушки до пятокъ всю фигуру женщины, придаетъ ей такой некрасивый, неуклюжій видъ, что такъ и кажется, будто несчастная попала въ длинный мѣшокъ, да въ немъ и бродить чуть не ощупью.

И здѣсь, точно такъ же какъ при вѣзѣ пашемъ въ Шаарь, изъ дверей и оконъ (послѣднія, впрочемъ, въ частныхъ домахъ довольно рѣдко выходятъ на улицу) любопытно выглядывали на насъ однѣ быстроглазыя, чернавыя девочки не старше девятилѣтняго возраста, въ расшитыхъ яркими шелками низенькихъ, плоскихъ шапочкахъ, съ длинными, узорчатыми назатыльниками, изъ-подъ которыхъ выбивались наружу черные волосы, заплетенные въ нѣсколько мелкихъ косичекъ²⁾. За ними видѣлись иногда и лица взрослыхъ женщинъ; но чуть кинешь на нихъ случайный взглядъ, они моментально отираются въ глубину комнаты какъ ужаленные. Впрочемъ, насколько можно было замѣтить, къ этому цѣломудренному маневру прибѣгаютъ только некрасивыя или старухи, а тѣ, которыхъ знать, что Аллахъ не обѣдилъ ихъ „благоуханіемъ красоты“, пресловато остаются себѣ въ глубинѣ оконъ у дверей, какъ бы по разсѣянности, через-

¹⁾ Пари-паша — полушелковая, а также и шелковая матерія, преимущественно сѣро-синаго цвѣта, съ узенькими продольными полосками, идущая исключительно на женские халаты (паранджа).

²⁾ Специальна девичья прическа, называемая бишъ-какуль, то есть пять косъ.

чуръ уже предавшись Евгинову любопытству при видѣ „урусъ-кафыровъ“.

Складъ и характеръ лица у этихъ женщинъ тотъ же, чѣмъ и у сартовъ-мужчинъ, но, какъ мы кажется, значительно болѣе склоняется къ арійскому, чѣмъ къ туранскому типу. Глобъ у нихъ прямой, широкій и вѣсколько низковатый, глаза большие, открытые, преимущественно агатово-чернаго цвѣта, хотя встрѣчаются также и сѣрые, и поставъ ихъ совершенно правиленъ; носъ умѣренный, прямой или съ небольшою горбинкой и большою частію суховатый; скулы вѣсколько широки, но не на столько, чтобы можно было назвать этихъ женщинъ скуластыми; губы очерчены красиво, хотя и довольно круто, съ оттенкомъ вѣкоторой чувственности, а въ общемъ — выраженіе физіономіи открытое и добродушное. Молодыя любятъ небольшую прядку волосъ съ надлобного мыска закручивать на лбу круглымъ завиткомъ, смочивъ ее предварительно какимъ-то клейкимъ составомъ, такъ что она, довольно плотно приставая къ кожѣ, не теряетъ разъ данной ей формы. Это тоже своего рода мода. Волосы они чешутъ съ проборомъ посерединѣ, оставляя небольшие виски, которые зачесываются напередъ, легкимъ полукругомъ, и заплетаются пряди волосъ — дѣвушки и молодыя вдовы въ чисть, а замужнія въ двѣ косы, приплетая къ нимъ ленты, монеты и амулетки (тумаръ). Очень любятъ украшать себя серебряными браслетами, серьгами и ожерельями изъ монетъ, бусъ, стекляруса, янтаря и коралла, вообще называемыми „марджанъ“. Вѣ большинствѣ сартовскія женщины отличаются хорошимъ среднимъ ростомъ, при совершенно нормальномъ развитіи торса и стана. Вообще же лицъ и фигуръ сухощавыхъ и сангвиническихъ между ними встрѣчается несравненно болѣе, чѣмъ полныхъ и лимфатическихъ. До двадцати пяти лѣтъ они красны, а съ тридцати, по большей части, начинаютъ блекнуть и стариться; но таковъ уже общий удѣлъ восточной женщины. Къ сожалѣнію, они портятъ свою естественную красоту тѣмъ, что очень ужъ мажутся и раскрашиваютъ себѣ

разными косметическими снадобьями собственного домашняго издѣлія. Такъ, большинство изъ нихъ черпить себѣ зубы, и все вообще красятъ на рукахъ и ногахъ ногти въ желто-красный цвѣтъ, „подводятъ“ глаза и въ особенности любятъ разрисовывать себѣ брови, соединяя ихъ надъ переносцемъ темно-синею чертой, такъ что издали кажется будто надъ парой нерѣдко прелестныхъ, хотя и „подведенныхъ“ глазъ протянулась одна большая толстая бровь, и отъ такого украшенія не избавлены у нихъ даже дѣвочки, едва начиная юность ¹⁾). На европейскій взглядъ, это черненіе, почитаемое

¹⁾) Ташкентскій аптекарь г. Краузе сдѣлалъ очень интересное изслѣдованіе тѣхъ материаловъ, изъ которыхъ приготавливаются косметические средства для туземныхъ женщинъ. Средства эти одни и тѣ же для всей Средней Азіи и заключаются въ слѣдующемъ:

1) Усма (*Xanthium tinctoria*), разводимая въ садахъ и служащая для окрашиванія бровей въ черный цвѣтъ. Чтобы получить краску, берутъ свѣжіе листья усмы и выжимаютъ изъ нихъ сокъ на дно чайной чашки. Сокомъ этимъ, съ помощью тростинки, замѣняющей кисточку, маѣтъ брови и междубровье. Сдѣланная такимъ образомъ черта имѣеть сначала грязновато-зеленый цвѣтъ, который чрезъ вѣсколько минутъ переходитъ въ темно-синій (индиго). Краска держится на бровяхъ недолго и потому окрашиваніе ихъ повторяется чуть ли не черезъ день.

2) Сурьма (*Antimony stibium*), черный порошокъ, употребляемый женщинами и взрослыми дѣвушками для „подведенія“ глазъ. Операция производится слѣдующимъ образомъ: въ порошокъ сурьмы погружаютъ до половины небольшую спичку и затѣмъ вкладываютъ ее въ глазъ, который, естественно, при этомъ закрывается, вслѣдствіе чего одновременно окрашиваются въ черный цвѣтъ обѣ вѣки. Операция происходитъ весьма быстро, и самое вкладываніе спички дѣлается такъ ловко, что нисколько не вредитъ глазу. Впрочемъ, сурмленіе глазъ въ Бухарѣ въ ходу и между мужчинаами: главный перемоніймейстеръ (шигауль) его высокостепенства, Дурбинъ-инакъ, да и самъ эмиръ, насколько я замѣтилъ, не пренебрегаютъ этого рода кокетствомъ.

3) Упа — обыкновенная свинцовыя бѣлки, употребляемыя какъ пудра для бѣлизны лица, но только лишь тѣми женщинами, у которыхъ кожа на лицѣ отличается значительной желтизной.

4) Эйлѣкъ — красная вата, приготавливаемая изъ корня одного растенія изъ семейства Boragineae (название самого растенія еще неизѣстно) слѣдующимъ образомъ: сначала настаиваютъ этимъ корнемъ воду, пока она

у туземцевъ за лучшее украшение женщины, очень некрасиво, но... такова уже всесильная мода, заимствованная, какъ и все вообще здѣшнія моды, изъ Персіи, и знаменуетъ она собой якобы жгучую страсть темперамента, на томъ де основаніи, что естественно сросшіяся брови будто бы служатъ прямымъ признакомъ оной. Такъ, по крайней мѣрѣ, намъ объяснили.

Вообще, что касается модъ и свѣтскихъ приличій, то для Бухары законодательницей ихъ служить Персія, а Бухара, не приметъ розовый цветъ, и тогда опускаютъ въ нее для окраски вату, которая употребляется всѣми безъ исключенія туземными женщинами, не исключая и маленькихъ девочекъ, для румяненія щекъ.

5) Тышъ-калы—сѣро-бурый порошокъ, состоящій, по разсказамъ сартовъ, изъ нарости на листьяхъ фисташника. Нарость эта, называемая бызгунджъ, превращаютъ въ порошокъ, прибавляя къ нему окалины, которые берутся въ кузницахъ изъ-подъ наковальни. Оба эти вещества смѣшиваются въ извѣстной пропорціи и составленій такимъ образомъ порошокъ служитъ для черненія зубовъ.

6) Хениа (*Impatiens balsamina*). Изобильно разводимое въ садахъ ради украшенія, растеніе это употребляется для окраски ногтей, что производится слѣдующимъ образомъ: истолокши листья и цветы хениа, прибавляютъ къ нимъ самую маленькую дозу квасцовъ, и полученнную изъ этой смѣси массу прикладываютъ на тряпкахъ къ пальцамъ руки и ногъ, которые вслѣдъ затѣмъ забинтовываются на ночь. Спустя нѣсколько часовъ, ногти получаютъ желто-красный цветъ.

Помады для волосъ туземныхъ женщинъ не употребляютъ вовсе; но для очистки, укрѣпленія и рощенія волосъ употребляется ими кислое молоко (катыкъ). Сначала они намазываютъ волосы катыкомъ, а потомъ промываютъ ихъ горячую водой, и результаты этого средства удивительны: волосы у сартовокъ вообще чрезвычайно густы, длинны и мягки. Чтѣдо косметическихъ мыль сартовскаго изѣлїя, въ видѣ маленькихъ плинтокъ, то ихъ два сорта: черное и желтое. Приготавливаются они изъ про-стаго мыла съ примѣсью, вмѣсто духовъ, измельченной въ порошокъ гвоздики. Духовъ у туземцевъ не дѣлается, а вмѣсто нихъ женщины и мужчины употребляютъ душистое масло, преимущественно розовое, и еще какое-то подъ названіемъ атыръ, или же пропитываютъ свои уборы запахомъ душистыхъ травъ и цветовъ, которые кладутъ въ сундуки между платьями. Въ наибольшемъ употреблѣніи рейтханъ (*Ocimum basilicum*) и роза. Изъ рейтхана также выдѣлывается ароматическое масло.

въ свой чередъ, распространяетъ все это далѣе къ востоку, до предѣловъ Кашгара, гдѣ начинается уже китайское царство. Такимъ образомъ шітская Персія для суннитской Бухары и Средней Азіи является почти тѣмъ же, чѣмъ Парижъ для Европы. При этомъ въ особенности замѣчательно, что, заимствуясь отъ Персіи культурой, модами и законами общежитія, узбеки, а по нимъ, разумѣется, и бухарскіе сарты, признаютъ за собою какое то превосходство надъ персіянами и презираютъ послѣднихъ даже настолько, что любой придворный или административный сановникъ, если только онъ изъ персовъ, непремѣнно старается скрывать свое происхожденіе и выдастъ себя за узбека. Тутъ, миѣ кажется, кромѣ религіозной антипатіи суннита къ шіту, играетъ роль еще и то обстоятельство, что большинство здѣшнихъ рабовъ были все персіяне, захваченные въ илѣнъ туркменами и проданные на бухарскихъ рынкахъ, и что поэтому узбеки привыкли относиться къ нимъ сверху внизъ, какъ господа къ своимъ слугамъ. Для нихъ слова персъ и рабъ суть синонимы, узбекъ же, по самой этимологіи этого слова, значить—самъ себѣ господилъ, вольный, независимый человѣкъ.

Надо, впрочемъ, сказать, что средне-азіаты вообще довольно плохіе мусульмане, въ томъ смыслѣ, что по природѣ своей они вовсе не фанатики, а только религіозные формалисты, и далеко не прочь при случаѣ вкусить отъ плодовъ запрещенныхъ Кораномъ, хотя бы даже въ компаніи съ приятельски-знакомыми „кляфырами“, разумѣется, потихоньку, негласно, а въ особенности любятъ здраво выпить¹⁾). Рели-

¹⁾ Насколько пьянство распространено между сартами, это мы видимъ въ каждый изъ большихъ мусульманскихъ праздникъ въ Ташкентѣ, когда туземцы, паташувшись у себя хмѣльной бузы, цѣлыми компаніями отправляются въ русскую часть города специально съ цѣлью догуливать на «Пьянномъ базарѣ», и напиваются они какъ бузой, такъ и водкой не хуже нашихъ «православныхъ», но во хмѣлю не буйны и только любятъ иногда погорланить свои пѣсни. Впрочемъ, это явленіе въ сартовскомъ быту вовсе не новость, хотя иные и склонны приписывать его русскому

гіозный же фанатизмъ встречается между ними только въ сослужащихъ ходжей и сеидовъ, между каландарами, муллами, да отчасти среди ишановъ. Но если слаба въ нихъ внутренняя или нравственная сторона суннитскаго мусульманства, за то тѣмъ строже и педантичнѣе простирается требовательность

власти. Дѣло въ томъ, что исторія Трансоксаніи полна сашкомъ частными примѣрами самого безобразнаго пьянства, которому были подвержены даже эмиры, эти святѣйшие представители власти Пророка. Такъ, еще въ IV вѣкѣ Геджры (Х вѣкъ по Р. Х.) Эбу-Али, по свидѣтельству Мирхонда, «разбилъ о стекло винного стакана зданіе воздержанія, казавшееся твердымъ какъ камень». Самъ великий Тимуръ не чуждался вина, и во дни мира на его пирахъ происходили обильныя попойки, какъ свидѣтельствуютъ о томъ его биографъ и апологетъ Шерифъ-Эдинъ и дочь Рюи-Гонзалесъ де-Клавихо, посланный къ Тимуру исланскимъ королемъ Генрихомъ III съ предложениемъ дружбы. Въ Тимуровыхъ пирахъ участвовали даже и женщины, его родственницы и гаремныя дамы, и даже съ открытыми лицами, и пивали не хуже мужчинъ, въ особенности принцесса Ханзадѣ, супруга сына Тимурова Мираншаха. Сами принцессы задавали виры и попойки, на которыхъ приглашались мужчины и даже христіанскій посланикъ. По словамъ Вамбери, „употребленіе спиртныхъ напитковъ, бывшее у магометанъ уже издавна въ ходу, достигло во времена господства монголовъ высшей степени вредности. Уже при Харезмійцахъ предавались пьянству заиболѣе выдающіяся личности, а при Чингисидахъ и Тимуридахъ самою обыкновенною болѣзнью была *delirium tremens potatorum*“. Изъ записокъ сultана Бабера также можно составить себѣ понятіе, до какой сильной степени распространенъ былъ въ его время порокъ пьянства во всей мусульманской Азіи. Благочестивѣйшій сultанъ Ахмедъ-Мирза Аладжа обыкновенно по двадцати и по тридцати дней предавался „благочестивому пьянству“, ибо и въ пьяномъ видѣ, среди оргий, не забывалъ каждый день творить пять разъ установленныя молитви. Но за то братъ его, сultанъ Махмудъ, наследовавшій послѣ него престолъ Бухары, всю жизнь свою проводилъ среди безпрерывныхъ оргий, пренебрегая молитвами и не уважая вовсе религіи. Баберъ-Мирза, сынъ эмира Байсонкура, умеръ въ ранней молодости отъ чрезмѣрнаго употребленія спиртныхъ напитковъ. Изъ династіи Шейбанидовъ, Бурханъ-ханъ своею распутною жизнью и безпробуднымъ пьянствомъ успѣлъ даже возбудить къ себѣ всеобщее отвращеніе и презрѣніе. Изъ династіи Аштарханидовъ, Бекъ-Мегмедъ-ханъ тоже прославился какъ добродушный пьяница и распутникъ. Полагаю, что достаточно и этихъ примѣровъ (хотя ихъ можно бы было продолжить на многихъ странахъ) для нагляднаго доказательства, что средне-азіаты никогда не были строгими мусульманами по духу; за то на почвѣ вѣнчияго религиознаго формализма по части обрядностей и проч. они безупречны, и если можно назвать ихъ фанатиками, то только развѣ фанатиками вѣнчияго формализма, да и то далеко не всесословно.

бухарскаго правительства и духовныхъ властей на его вѣнчанію, обрядовую и, такъ сказать, улично-показную сторону. Поэтому ни одна взрослая женщина, кроме киргизокъ, которые всегда и вездѣ ходить съ открытымъ лицомъ, словно бы и знать не хотятъ предписаній Корана, никогда и ни въ какомъ случаѣ не дерзнетъ показаться на улицѣ иначе, какъ съ густою черною сѣткой на лицѣ и въ строго условномъ костюмѣ. Здѣсь на этотъ счетъ куда строже Стамбула, гдѣ турецкія дамы очень кокетливо слегка прикрываютъ снизу свои лица прозрачною бѣлою вуалеткой.

Привилегіей или правомъ пребывать въ публичныхъ мѣстахъ съ открытымъ лицомъ, какъ уже сказано, пользуются наравнѣ съ киргизками и маленькими девочками только нищенки, между которыми я замѣтилъ нѣсколько молодыхъ женщинъ. Мне объяснили, что это бѣдныя вдовы, не имѣющія близкихъ родственниковъ и не нашедшія пока охотниковъ взять ихъ вторично замужъ. Поэтому, при незнаніи ремесль и нежеланіи идти въ чай-либо гаремъ въ качествѣ домашней прислуги, этимъ вдовамъ ничего болѣе не остается какъ сидѣть поджавъ подъ себя ноги гдѣнибудь на перекресткѣ людныхъ улицъ, у моста или близъ мечети и протягивать къ проходящимъ за подаяніемъ „чашку милости“. Мало-мальски недурачные собой вдовушки обыкновенно не засиживаются подолгу въ такой непріглядной роли, такъ какъ, увидя на улицѣ ихъ красоту, вскорѣ находятся и охотники на нихъ жевиться, и вотъ почему право не носить чимета является для молодой неимущей вдовы весьма существеннымъ преимуществомъ: это лучшее средство выйтти вторично замужъ. Но для этого необходимо быть профессиональною нищей.

Въ началѣ шестаго часа вечера, послѣ долгаго „шествованія“, что средне-азіаты никогда не были строгими мусульманами по духу; за то на почвѣ вѣнчанияго религиознаго формализма по части обрядностей и проч. они безупречны, и если можно назвать ихъ фанатиками, то только развѣ фанатиками вѣнчанияго формализма, да и то далеко не всесословно.

вания" по разным улицамъ, прибыли мы наконецъ на посольский дворъ, находящійся въ юго-западномъ концѣ города, между каракульскими и шаргерянскими воротами, въ сосѣдствѣ съ медрессе Накибъ и царскимъ кладбищемъ (Мазаръ Ишанъ-Имля), близь базара Хюбанъ, проѣзжая коимъ мы замѣтили среди толпы туземцевъ нѣсколько русскихъ чуекъ и "спинжаковъ", опривѣтствовавшихъ насъ поклонами. То были прикащики и артельщики мѣстной конторы транспортнаго товарищества братьевъ Каменскихъ. И такъ странно для глаза, но пріятно для сердца было увидѣть вдругъ эти россійскія православныя чуйки среди чуждой намъ массы разнообразныхъ бухарскихъ халатовъ.

Посольский дворъ состоитъ изъ трехъ соединенныхъ между собою отдѣлений, изъ коихъ первое, представляющее довольно обширный дворъ, обстроено конюшнями и вавъсами для экипажей; во второмъ, значительно меньшемъ отдѣлении, помѣщаются сѣновалы и амбары для фуража, а третье состоитъ изъ квадратнаго, сплошь вымощеннаго кирпичемъ и плитой двора, по серединѣ коего находится выложенный плитой четырехъугольный бассейнъ. Этотъ послѣдний дворъ обрамленъ съ трехъ сторонъ широкою кирпичною террасой, въ вышину около аршина, на которую выходятъ окна и двери жилыхъ помѣщеній. Собственно домъ или дворецъ посольской (михманъ-хане) стоитъ въ глубинѣ этого послѣдняго двора противъ входа, и фасадъ его представляетъ собою широкую крытую веранду на террасѣ (айванъ), простирающуюся во всю длину зданія и поддерживаемую спереди двумя деревянными колоннами на мраморныхъ пьедесталахъ. Эти высокія, стройныя колонны иранскаго стиля украшены рельефною рѣзьбой въ видѣ виноградныхъ листьевъ, изъ-подъ которыхъ видны мелкія арабески. Небольшая прихожая дѣлить домъ на двѣ равныя половины, представляющія собою двѣ залы, въ четырнадцать аршинъ длины и въ семь аршинъ ширины каждая. Гладко покрытыя бѣлыемъ алебастровымъ цементомъ, стѣны этихъ залъ имѣютъ болѣе восьми аршинъ

вышины и снабжены рядами довольно глубокихъ стрѣльчато-сводныхъ нишъ, приспособленныхъ къ тому, чтобы ставить и класть въ нихъ разныя вещи. Потолки въ обѣихъ залахъ, выкрашенные въ крапово-красный цветъ, составлены изъ плотно примкнутыхъ одна къ другой жердочекъ, которые лежать на поперечныхъ толстыхъ балкахъ, отчасти украшенныхъ рѣзьбой и расписанныхъ пестрыми узорами. Обѣ залы въ два света. Въ каждой изъ нихъ три стрѣльчатыя окна съ узорчатыми алебастровыми рѣшетками, которые прорѣзаны въ верхней части фасадной стѣны надъ тремя нижними двусторочатыми окнами-дверями. Такимъ образомъ зданіе дворца имѣеть по фасаду семь верхнихъ оконъ и семь выходящихъ на айванъ дверей, изъ коихъ средняя ведетъ въ прихожую. Ради зимняго времени, а главное изъ угощенія русскимъ привычкамъ, окна-двери въ обѣихъ залахъ были снабжены тонкими рамами съ большими стеклами, но эти послѣднія прикрѣплялись къ переплетамъ не замазкой, а проволочными штифтами, и къ тому же бухарцы, по незнаніюству съ дѣломъ, не скомѣли приладить какъ должно рамы къ косякамъ, вслѣдствіе чего изъ щелей дуло не хуже чѣмъ въ Шаарѣ. Пришлось пожертвовать чистотой и приказать плотно замазать всѣ щели алебастромъ. Но что дѣйствительно являлось великолѣпіемъ, такъ это большие длинные ковры богатой каршинской работы, которыми сплошь были затянуты полы въ обѣихъ залахъ. Кроме того, вдоль стѣнъ были постланы въ рядъ адрисовыя, толсто подбитыя ватой одѣяла. Сложенія вдвое, они замѣняютъ бухарцамъ мебель для сидѣнья и лежанья. Во всей Бухарѣ это, кажется, единственный домъ, который снабженъ тремя печами русской системы, чemu въ первую минуту мы было очень обрадовались, но увы—ненадолго.

Посидѣвъ у князя за достарханнымъ столомъ, не успѣли наши сановники откланяться съ пожеланіемъ намъ пріятнаго съ дороги сна, какъ вслѣдъ за ихъ уходомъ потянуло изъ прихожей сильнымъ запахомъ тлѣвшаго дерева. Надо замѣ-

тить, что все печи были очень жарко натоплены, что однажде не мешало температурѣ нашихъ залъ стоять чуть не на точкѣ замерзанія. Сначала на запахъ гари никто не обратилъ вниманія, но вскорѣ овъ такъ усилился, что явилось подозрѣніе—ужь не горить ли что у насъ въ домѣ?

И дѣйствительно горѣло. По незнакомству съ практикой печного дѣла, мѣстные сарты устроили въ прихожей печь о-бовъ съ основными деревянными устоеми и сложили ее не изъ жженаго кирпича, а просто изъ глины, которую и обльшили устои, да вдобавокъ еще не достаточно толстымъ слоемъ. Печи ни разу не ремонтировались и, разумѣется, давнымъ-давно не тошились и трубы не прочищались. Ссохшаяся глина еще лѣтомъ дала трещины, и вотъ, теперь, какъ затопили „во вся“, устои и затѣлись, а затѣмъ загорѣлась и сажа. Пожары такое рѣдкое, исключительное явленіе въ Средней Азии вообще, что сарты почти и понятія не имѣютъ, что и какъ надо дѣлать въ такихъ случаяхъ. Поэтому мѣстная прислуга посольского дома переполошилась ужасно и принялась плескать въ печку водой, чтѣ, конечно, не препятствовало угоямъ горѣть себѣ да горѣть. Надоумили ихъ наконецъ, что надо ломать печку. Это дѣло они исполнили живо, и хотя за водой надо было бѣгать на соседній арыкъ и носить ее оттуда въ турсукахъ¹⁾, что составляло процедуру довольно мѣшкотную, тѣмъ не менѣе дальнѣйшій пожаръ кое-какъ удалось прекратить. Но послѣ этого решено было русскихъ печей не топить уже во-все, а поставить маленькия переносныя печки изъ листового жалѣза, которыя, на наше счастье, нашлись гдѣ-то въ городе и на другой день были наложены въ обѣихъ залахъ. За то первую ночь въ Бухарѣ пришлось мнѣ провести среди такого ледника, что руки и ноги коченѣли до одеревенѣлости, и несмотря на три сартовскія одѣяла, я не могъ ни на минуту заснуть отъ холода. Оно, впрочемъ, будетъ понятно, если прибавить, что верхнія окна моей залы были затянуты

¹⁾ Кожаный мѣшокъ изъ цѣльной шкуры, снятой съ козла или барана.

даже не бумагой, а прозрачною кисеей (это ради большаго изящества и роскоши), тогда какъ ночной морозъ на дворѣ опять усилился до 20 градусовъ Реомюра. Хорошо еще, что натура у меня крѣпкая, такъ что дѣло и на сей разъ обошлось безъ простуды.

23 января.

Въ честь дня посольство въ полномъ своемъ составѣ, предшествуемое бухарскими джигитами и чиновниками и въ сопровождѣніи казачьяго конвоя, верхомъ отправилось въ аркъ къ кушъ-беги съ визитомъ.

Но сначала надо дать понятіе о томъ, что такое кушъ-беги. Это есть первый чинъ двора и первое послѣ эмира лицо въ государственной іерархіи, соответствующее великому визирю оттоманскѣхъ турковъ или государственному канцлеру европейскѣхъ державъ. Несмотря на столь высокое положеніе этого званія, въ кушъ-беги могутъ быть возводимы лица, принадлежащія къ сословію шакырдъ-шишѣ, и это, мнѣ кажется, одно уже доказываетъ, что древніе законодатели и организаторы государственной власти Бухары, предоставляемая высшую послѣ самихъ себя власть людамъ достойнымъ ея не въ силу однихъ лишь преимуществъ своей родовитости, но прежде всего въ силу ума, способностей и личныхъ достоинствъ, обладали совершенно правильнымъ взглядомъ на государственное дѣло¹⁾. Понятно, что, стоя на такой высотѣ,

¹⁾ Послѣ сеидовъ и ходжей, которые въ качествѣ потомковъ Магомета составляютъ во всѣхъ мусульманскихъ государствахъ два первыя почетныя сословія, слѣдуютъ еще сословія ругъ-даръ и шакырдъ-шишѣ. Къ первому изъ нихъ относятся всѣ вообще узбеки, какъ люди родовые, предки коихъ означаютъ себѣ постоянной службою и усердiemъ бухарскіхъ ханамъ; ко второму же—всѣ таджики, переселившіеся въ Бухару персіане, освобожденные рабы и вообще люди низкаго происхождѣнія. Духовенство (муллы), къ которому въ силу полученнаго образования могутъ принадлежать безразлично люди всѣхъ сословій, поставлено совершенно отдельно и самостоятельно. Евреи же и кяфыры всѣхъ наименованій стоять въ сословій, они только терпимы, но права не имѣютъ, ибо права принадлежать только мусульманину. За исключеніе

кушь-бери по своему положению является ближайшимъ со-
вѣтникомъ и довѣренѣйшимъ лицомъ эмира, и въ качествѣ
таковаго, нынѣшній кушь-бери, Мула-Магометъ-бій, по сло-
вамъ знающихъ людей, имѣеть на Музafferть-Эддина почти
неограниченное влияніе. Обязанности его званія весьма много-
образны: онъ хранитель личной печати эмира, которая въ
Бухарѣ замѣняетъ печать государственную; онъ же вѣдаетъ
сношенія съ иностранными землями, племенами и государ-
ствами, въ его же рукахъ находится высшее завѣдываніе
финансовою частью, такъ какъ ему поручается собираніе
всѣхъ таможенныхъ пошлинъ (зажетъ), какъ со внѣшней,
такъ и со внутренней торговли, и для сбора этихъ пош-
линъ онъ употребляетъ приставовъ-чиновниковъ, выборъ ко-
торыхъ зависитъ исключительно отъ него¹⁾. Раздача амл-

кіемъ духовенства, правовѣрные всѣхъ вышенназванныхъ сословій дѣлается
на синайевъ и фукарѣ, то есть служащихъ и неслужащихъ.

¹⁾ Въ Бухарѣ въ каждомъ караванъ-сарайѣ находится по два пристава,
въ прочихъ же мѣстахъ по одному въ каждомъ городѣ. Они обязаны до-
носить кушь-бери о приходѣ каравановъ, сгруженныхъ свои товарные
тюки въ подвѣдомственныхъ имъ караванъ-сарайахъ, равно какъ о коли-
чествѣ и содержаніи тюковъ, причемъ на ихъ же обязанности лежитъ
строгое наблюденіе за тѣмъ, чтобы до таможенного осмотра ничто изъ сгру-
женныхъ тюковъ не было продано. Въ наиболѣе важныхъ случаяхъ осмотръ
производится самимъ кушь-бери, въ обыкновенныхъ же—старшимъ зя-
кетчи, который тутъ же оцѣняетъ товары, изъ коихъ лучшіе отбираются
для эмира либо въ счетъ пошлины, либо за условную, но не всегда вы-
годную для купца плату. Спустя нѣсколько дней послѣ осмотра, ка-
раванъ-сарайный приставъ объявляетъ купцу количество слѣдуемой съ него
пошлины и, по полученіи таковой, выдаетъ ему квитанцію за печатью
кушь-бери. Для сбора же пошлинъ по внутренней торговлѣ находятся
при каждомъ базарѣ особые приставы, также назначаемые приказомъ
кушь-бери. Эти послѣдніе чиновники обязаны взимать сороковину съ
тѣхъ произведеній, которыхъ не подвергались караванному досмотру. По-
шлины собираемыя какъ съ каравановъ, такъ и со внутреннихъ торгов-
цевъ сдаются приставами диванъ-бери (казначею), который выдаетъ имъ
росписки въ полученіи и ежедневно въ началѣ вечера докладываетъ кушь-
бери о количествѣ поступившихъ въ казну денегъ, а этотъ послѣдній какъ
въ приходѣ, такъ и въ расходованіи пошлининыхъ суммъ даетъ отчетъ

ковъ¹⁾ зависить также отъ кушь-бери, равно какъ и сборъ съ
нихъ годового оклада (хираджъ), чрезъ посредство особыхъ
чиновниковъ, амлакдаровъ, постоянно живущихъ во вѣрныхъ
имъ культурныхъ районахъ. Сверхъ того, ему же порученъ
главный надзоръ за безопасностью эмирскаго дворца въ Бу-
харѣ, въ которомъ поэтому онъ и живеть постоянно, и чуть
лишь его высокостенчество выѣзжаетъ изъ дворца, кушь-бери
обязанъ тотчасъ же занять особо для него устроенное мѣсто
въ воротахъ онаго и сидѣть тамъ, пока хазретъ не возвра-
тится²⁾. Къ нему же ежедневно приносятся на храненіе
ключи ото всѣхъ воротъ (числомъ одиннадцать), которыхъ
обыкновенно засираются на ночь послѣ вечерняго намаза, а
поутру, предъ открытиемъ, привратные приставы (дарвазай-
бashi) снова являются къ нему за ключами. Наконецъ, по
отношенію къ городу и округу Бухары³⁾ онъ пользуется
правами бека, хотя по сложности своихъ занятій и передаетъ
ближайшее управление городомъ своему помощнику, каковымъ
въ настоящее время является его же сынъ, Магометъ-Шерифъ.

самому эмиру, но не постоянно, а каждый разъ по особому на то пове-
дѣнію хазрета.

¹⁾ Амлакомъ называется земля, обложенная податью въ пользу казны.

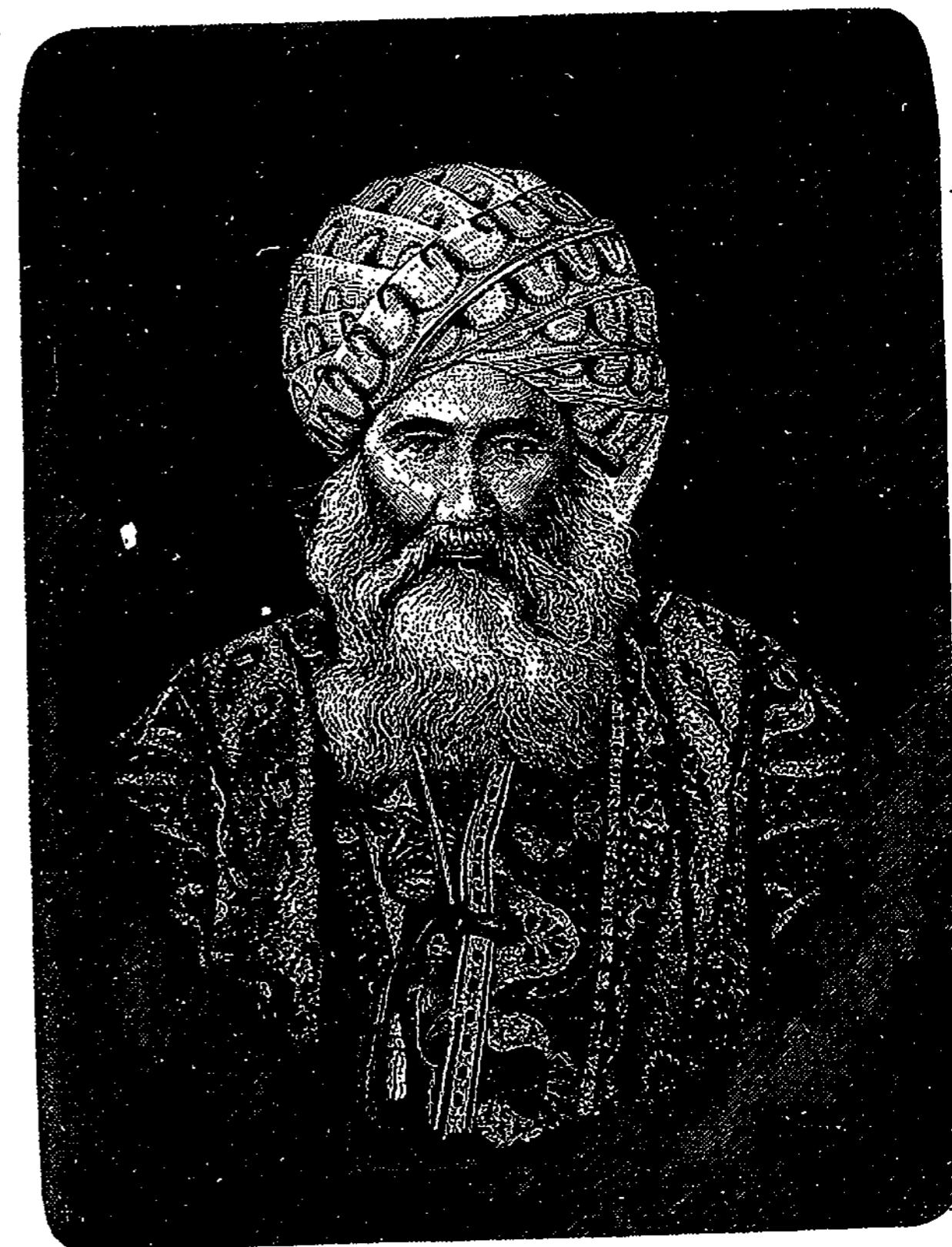
²⁾ Если же кушь-бери по какимъ либо причинамъ не можетъ исполнить
этой обязанности, то вместо него садится въ воротахъ его помощ-
никъ, топчи-бashi, въ вѣдѣніи коего находится вся дворцовая артиллерія.
Обыкновенно топчи-бashi сидѣть и въ тѣхъ случаяхъ, когда эмиръ уѣз-
жаетъ изъ города въ другія бекства на болѣе или менѣе продолжитель-
ное время. Кушь-бери, по званію бека Бухары, имѣеть правоѣздить
вездѣ въ предѣлахъ города, но не за чертой онаго.

³⁾ Къ району города причисляются и его пригороды: Богуэддинъ,
Каганъ, Митанъ, Шехри-Исламъ, Турканъ и Мири-Кулель, а къ округу
или бекству Бухары, который простирается со стороны Каршинской стени
до Каракуль-Базара, а со стороны Катта-Кургана до кишлака Куюкъ-Ма-
заръ, принадлежащий мѣстечки Варданци (нынѣ все болѣе и болѣе засы-
паемое песками), Вафкендъ, Ромншанъ (тоже полузасыпанный въ 1868
году), Вангазъ и Хайрабадъ, не считая многихъ кишлаковъ другихъ на-
именований.

Такъ вотъ еъ какой важной особѣ предстояло намъѣхать съ визитомъ.

По выѣздѣ изъ воротъ посольского дома, путь нашъ лежалъ мимо хауза (пруда) Миръ-Дустумъ, по улицѣ Кушъ-медрессай, на которой, кроме сосѣдней съ нашимъ домомъ медрессе-Хіабанъ, находятся еще двѣ великолѣпныя медрессе: первая—Мадари Абдуллахъ-хани и вторая—Кушъ-медрессе-и-Абдуллахъ-ханъ, то есть матери Абдуллахъ-хана и высшая самого Абдуллахъ-хана, названныя такъ по именамъ своихъ создателей, а отъ послѣдней получила свое название и самая улица—въ переводѣ, стало быть, высшечилищная. Украшенные величественными порталами, медрессе эти находятся одна напротивъ другой и обѣ очень красиво облицованы мозаикой и разноцвѣтными кафлями. Миновавъ эти зданія, мы сейчасъ же перѣѣхали чрезъ каналъ Шахри-рудъ по древнему каменному мосту очень прочной постройки, который называется Сары-шули Ошиконъ, и слѣдовали далѣе по улицѣ Мирджанъ-Али къ регистану—главной городской площади. Протяженіе всего пути занимало съ небольшимъ двѣ версты.

Самаркандинский регистанъ, окруженный съ трехъ сторонъ своими величественными мозаичными зданіями медрессе Улугъ-бека, Тилля-кари и Ширь-дара, съ ихъ наклонными минаретами и лазоревыми куполами, въ цѣломъ представляетъ собою какъ бы художественное произведение, строго выдержанное въ извѣстномъ стилѣ, и настолько красивѣе бухарскаго регистра, что между ними не можетъ быть и сравненія. Но этотъ послѣдній гораздо обширнѣе самаркандинскаго и оставляетъ кругозору больше простора, даетъ возможность сразу обнять взглядомъ общій видъ арка и бѣскоѣко мечетей и медрессѣ, окружающихъ площадь. Тутъ находятся съ южной стороны мечети: Устархи и Пайонда-аталыкъ и медрессе Шади-бика, а съ сѣверной медрессе: Гусфандъ или иначе Сеидъ Абдулла-Азиса-хана и Дарь-уль-Шифа. Изъ нихъ нѣкоторыя украшены высокими и полусферическими куполами. Площадь же, вѣчно кишашая толпой, вся занята

Кушъ-беги Бухарскій Мулла-Магометъ-Бай.

подвижными лавочками зеленщиковъ и фруктовыхъ торговцевъ, среди которыхъ остаются свободными только нѣсколько проѣздовъ для движенія всадниковъ и верблюжьихъ каравановъ.

Самый аркъ, окруженный зубчатыми стѣнами съ бурдюками, высится на искусственно насыпанномъ четырехъугольномъ холмѣ сажень въ семь или восемь высоты. Надъ главными воротами, къ которымъ прямо съ регистана ведетъ широкій подъемъ съ каменными парапетами, между двумя круглыми башнями, фланкирующими высокій порталъ, въ верхней части фронтона красуется большой бѣлый циферблать съ часами европейскаго устройства. Эти часы, еще при покойномъ Насрулла-Багадуръ-ханѣ, отцѣ вышеннаго эмира, были устроены на-диво всей Бухарѣ какимъ-то пѣтннымъ русскимъ татариномъ, а Музafferъ-Эддинъ, какъ мы сказывали, нарочно для нихъ содѣржитъ на жалованыи особаго придворнаго часовщика изъ нѣмцевъ, который обязанъ заводить всѣ вообще часы во дворцѣ, до карманныхъ самого эмира включительно, но — главное — долженъ наблюдать, чтобы надворотные куранты неукоснительно исполняли свою обязанность, возвѣщая горожанамъ время боемъ колокола. А въ тѣхъ случаяхъ, когда куранты вдругъ заупрямятся, нѣмецъ обязанъ самъ садиться на вышку и отбивать въ колоколь часы и четверти до тѣхъ поръ, пока не исправить что нужно въ механизмѣ. Не знаю, правда ли.

Когда нашъ кортежъ вступилъ на регистанъ, площадь была залита народомъ, который высыпалъ сюда въ такомъ необычайномъ количествѣ очевидно для того, чтобы поглазѣть па парадное шествіе русскаго посольства.

Не дойдя нѣсколькихъ шаговъ до подъема ко дворцовымъ воротамъ, свѣтлѣйший князь Витгенштейнъ еще на площади слѣзъ съ лошади, скинувъ съ себя пальто, и въ блестящемъ своемъ свитскомъ мундирѣ пѣшкомъ поднялся на гору. Остальные члены посольства, разумѣется, обязаны были послѣдовать примѣру главнаго посла, который оказалъ этимъ

достопочтенному кушъ-беги такую чрезвычайную любезность, какой до сего раза со стороны прежнихъ русскихъ пословъ никогда еще не случалось. Кушъ-беги, вѣроятно, долженъ былъ оцѣнить ее по достоинству, ибо хорошо знаетъ, что по законному праву не только къ нему, но и къ самому „святѣйшему“ эмиру могутъ вѣзжать во дворцовые ворота верхомъ не то что представители русского правительства, а даже простые миражуры, то есть по-нашему — конюшенные офицеры маюрского ранга¹⁾. Онъ долженъ былъ оцѣнить такую безпримѣрную любезность тѣмъ больше, что все это оканчивалось было продѣлано нами на глазахъ у всей базарной публики, очень чуткой ко всяkimъ подобного рода отѣнкамъ и выводящей на основаніи ихъ свои собственныя заключенія.

Предъ воротами, на небольшихъ площадкахъ парапетовъ, сложены трофеи прежнихъ войнъ повелителей Бухары съ соседними ханствами, заключающіеся въ чугунныхъ и бронзовыхъ пушкахъ разной величины и формы, а въ самомъ пролѣтѣ воротъ помѣщается на стѣнахъ единственная въ своемъ родѣ коллекція оригинальныхъ достопримѣчательностей, не безъ остроумія названная Н. А. Маевымъ²⁾ национальнымъ бухарскимъ музеемъ.

Тутъ на первомъ мѣстѣ виситъ чудовищная плеть, около сажени величиной, ременный хвостъ которой, словно хвостъ боа-конструктора, толщиной въ добрый кулакъ, при хорошемъ ударѣ, безъ сомнѣнія, можетъ сразу перешибить пополамъ человѣка. Мы было сочли его за внушительный символъ власти бухарского владыки, но оказалось, что это легендарная нагайка богатыря Рустема и что такихъ нагаекъ въ прежнія времена висѣло здѣсь цѣлыхъ семь штукъ, по благочестивый родитель нынѣшняго эмира приказалъ оста-

¹⁾ См. Н. Ханыкова Описание бухарского ханства, стр. 184, оправахъ и обязанностяхъ чина мири-ахура.

²⁾ Ежегодникъ Туркестанскаго края, т. V, 119.

вить изъ нихъ на память только одну, а всѣ остальные разрѣзать на части и раздать какъ святыню разнымъ монастырямъ (ханкахъ) и дервишамъ. Рядомъ съ нагайкой виситъ гигантская деревянная булава, вѣроятно тоже Рустемова, и змѣевидный посохъ какого-то святого, а на другой сторонѣ громадный бубенъ, разныя балтасы (сѣкиры) и мултуки (фитильныя ружья). Тутъ же находится узловатый корень съ частью ствола какого-то дерева, привезенного въ даръ эмиру изъ Мекки. Къ сожалѣнію, предметы этой коллекціи пришлось осматривать мелькомъ, на ходу, и потому, вѣроятно, я многое еще пропустилъ безъ вниманія.

Миновавъ ворота, мы были встрѣчены на довольно узкомъ проходномъ дворѣ караульнымъ взводомъ гвардейскихъ сарбазовъ въ барабанныхъ шапочкахъ, красныхъ суконныхъ чекменяхъ съ отложными синими воротниками и въ бѣлыхъ миткалевыхъ шароварахъ, заправленныхъ въ голенища высокихъ сапоговъ. Выстроясь въ видѣ шеренги, взводъ, по командѣ красиваго, рослаго офицера, взялъ ружья на караулъ, но безъ музыки и барабанного боя, а самъ этотъ офицеръ, разряженный въ фюлетеый бархатный кафтанъ съ богатымъ золотымъ шитьемъ, отсалютовавъ саблей, пошелъ навстрѣчу князю, по вмѣсто строеваго рапорта неожиданно и предобродушно протянулъ ему для пожатія свою руку.

Слѣдя далѣе, мы проходили мимо двора аудіевцій (арзяхане), гдѣ разъ въ недѣлю эмиръ, сидя на руандукѣ подъ деревяннымъ балдахиномъ, самолично принимаетъ прошенія и выслушиваетъ устныя жалобы своихъ подданныхъ, а также творить судъ и расправу надъ приводимыми изъ тюрмы преступниками, рѣшая, кого изъ нихъ отдать палачамъ на прирѣзъ, кого посыпь нагайками, кого запрятать въ яму, а кого и помиловать. Проходили мы также мимо стѣнъ двухъ действительно замѣчательныхъ зданій: налево была стѣна Абъ-ханѣ, а направо Канѣ-ханѣ. Въ первомъ изъ нихъ, въ совершенно темныхъ камерахъ сохраняется въ лѣтніе жары вода для питья эмира и сюда же обыкновенно сажаютъ онъ

подъ арестъ высшихъ своихъ сановниковъ, а во второмъ помѣщается знаменитая подземная темница, наполненная множествомъ искусственно разведенныхъ клаещей и клоповъ, отъ которыхъ она получила и свое название. Когда въ ней не оказывается заключенныхъ, то клаещамъ заботливо бросаютъ туда каждый день по нѣсколько фунтовъ сырого мяса и требуху, чтобы эти милые животныя не переводились. Кромѣ этихъ зданій, въ цитадели помѣщаются три мечети, дворецъ и гаремъ эмира, домъ кушъ-беги и квартиры топчи-баши, шигаула, дѣфтардара и многочисленной дворской прислуги.

Наконецъ мы повернули налево по небольшому проходу и очутились на маленькомъ закрытомъ дворикѣ дома кушъ-беги, куда вышелъ навстрѣчу къ намъ самъ радушный хозяинъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ Магометъ-Шерифомъ. Это коренастый, довольно плотный и очень еще бодрый старикъ, на видъ лѣтъ около шестидесяти, съ длинно-широкою сѣдою бородой, масистымъ носомъ и небольшими, старчески выцвѣтшими, табачно-каряго цвета глазками, въ которыхъ свѣтятся умъ и добродушіе. Лицо вполнѣ арійского типа и свидѣтельствуетъ объ иранскомъ происхожденіи Мулла-Магомета-бія, хотя онъ и выдаетъ себя за узбека¹⁾. Одѣтъ онъ былъ въ темнозеленый бархатный халатъ съ рельефно-вышитыми золотыми узорами, причемъ, въ знакъ его высокаго положенія, халатъ оставался не подложеннымъ, а на головѣ его пышно красовалась чалма изъ бѣлой индійской кисеи, заткнанной золотыми полумѣсцами.

Взаимное представленіе наше послѣдовало тутъ же, среди дворика, вымощенного квадратными кирличными плитками и окруженнаго съ трехъ сторонъ невысокою террасой, послѣ

¹⁾ Мулла-Магометъ-бій родомъ персіанинъ, изъ бывшихъ рабовъ. Возвѣшеніемъ своимъ, кромѣ личныхъ способностей, обязалъ онъ еще и тому обстоятельству, что по волѣ своего повелителя долженъ быть жениться на одной изъ отставныхъ женъ самого эмира. Сынъ его Магометъ-Шерифъ женатъ точно такимъ же образомъ.

чего Мулла-Магометъ-бій пригласилъ насъ войти подъ свою кровлю.

Домикъ у него маленький, одноэтажный, со стекольчатыми окнами и дверями, выходящими на террасу, и въ общемъ кажется очень уютнымъ. Небольшая приемная, гдѣ накрыть былъ достарханный столъ, отличается тѣмъ, что надъ ея внутреннею дверью, ведущую въ другіе покоя, находится на нѣ-которой высотѣ темное окно, какого до сего раза нигдѣ еще мы не встрѣчали. Впослѣдствіи мы объяснили по секрету, что благодушный кушъ-беги, по слабости къ своимъ гаремнымъ дамамъ, соглашаясь иногда доставить имъ лишенное певинное развлеченіе въ ихъ монотонной, замкнутой жизни, разрѣшаетъ имъ незримо присутствовать при нѣкоторыхъ своихъ торжественныхъ приемахъ иностранныхъ пословъ и вообще знатныхъ иностранцевъ, — пускай де посмотрять, какихъ курьезныхъ людей терпить Аллахъ на свѣтѣ. Для этой-то цѣли и велѣлъ онъ пробить на темной антресоли окошко, чрезъ которое дамы удобно могутъ видѣть все, что происходитъ въ приемной, оставаясь сами незамѣтными. Другая особенность этой приемной заключается въ цѣлой коллекціи столовыхъ часовъ, поставленныхъ рядомъ въ одной изъ нишъ, словно въ магазинѣ. Говорятъ, что старикъ очень любить слушать разнозвучный бой ихъ, и ужъ не знаю, по этой ли причинѣ собралъ онъ самъ себѣ такую коллекцію или же составилась она случайно изъ разновременныхъ подарковъ ему отъ разныхъ пословъ, только несомнѣнно то, что нѣмцу возня съ ними не малая, потому что Мулла-Магометъ-бій, услаждаясь боемъ, требуетъ, чтобы часы били не всѣ разомъ, а съ извѣстною систематичностью и именно таѣ, что чуть кончать одни, сейчасъ же начинали бы другие.

Услыхались мы за достарханный столъ, и тутъ во время угощенія пошелъ разговоръ съ обычныхъ разспросовъ о здоровье Акъ-падшака, Ярымъ-падшака и нашемъ. Когда же князь освѣдомился о собственномъ здоровье Мулла-Магометъ-бія,

то старикъ отвѣчалъ, что благодаря милости Аллаха для своихъ лѣтъ чувствуетъ себя недурно.

— А лѣта мои не малыя, прибавилъ онъ даже съ нѣкоторою бодрающею похвалой:—семьдесятъ одинъ годъ уже прожилъ на свѣтѣ, внукъ уже бекомъ сидѣть, но работаю еще безъ очковъ, стрѣлять могу мѣтко изъ лука да и горячаго жеребца взмылю подъ собою.

Затѣмъ разговоръ перешелъ на политику, вращаясь около знакомой уже намъ темы о томъ, какъ счастлива Бухара, что великий Бѣлый Царь дарить ее своимъ высокимъ покровительствомъ и насколько для маленькой Бухары необходима дружба великой Россіи.

— Намъ, пояснилъ онъ,—надо держаться за Россію снизу, какъ держится малый и слабый за полу платья большого и сильного человѣка. Мы это всѣ хорошо теперь понимаемъ, и даже еще предъ послѣднею войной вашею съ турками, когда изъ Стамбула было прислано къ моему святѣйшему повелиителю письмо съ предложеніемъ союза для взаимныхъ дѣйствий противъ Россіи, то хазреть въ отвѣтѣ своемъ преподалъ султану Абдуль-Гамиду благой совѣтъ не ссориться съ великимъ Акъ-падшахомъ, а искренно искаль его союза, удовлетворивъ для этого всѣ его справедливыя требованія и что тогда ему нечего было бы страшиться ни явныхъ, ни тайныхъ враговъ своихъ, а главное избавился бы онъ отъ своихъ фальшивыхъ друзей съ Запада. Къ сожалѣнію, султанъ пренебрѣгъ тогда этимъ совѣтомъ—ну, а послѣствія сами вы знаете. Мы люди маленькие, мы какъ кустикъ, въ сторонѣ ото всѣхъ живемъ и пьемъ свою росу рядомъ съ большимъ раскидистымъ кара-гачемъ, тѣнь котораго прикрываетъ и насъ, а затѣмъ и знать себѣ никого не хотимъ, кромѣ этого большаго дерева! прибавилъ онъ въ заключеніе съ добродушнымъ старческимъ смѣхомъ.

Послѣ этого Мулла-Магометъ-бій перевѣлъ бесѣду съ политики на своего внука, каршинскаго бека, сразу придавъ своему тону оттѣновъ дружеской откровенности. Магометъ-

Шерифъ, отецъ юноши-бека, уже трижды пытался было наводить разговоръ на эту тему, но кунѣ-бегъ, какъ бы не замѣчая его попытокъ, все перебивалъ его разными посторонними сему дѣлу вопросами, обращая ихъ то къ князю, то къ кому-либо изъ прочихъ членовъ посольства. Видимо, старый дипломатъ находилъ, что удобная минута для такого разговора еще не наступила и внутренно, казись, даже досадовалъ на нетерпѣніе своего сына; когда же призналъ ее подходящую, то самъ первый заговорилъ о внукѣ и о томъ непріятномъ недоразумѣніи, что вышло между нимъ и старшимъ посломъ изъ-за визита. Кунѣ-беки искренно и тепло просили извинить молодаго человѣка, объясняя его поступокъ неопытностью и нѣкоторымъ заносчивымъ самолюбиемъ, свойственнымъ юношамъ, неожиданно попадающимъ на такой видный постъ не ради своихъ собственныхъ заслугъ, а въ уваженіе къ заслугамъ ихъ старшихъ родственниковъ.

— Когда хазреть соблаговолилъ назначить его на это мѣсто, я тогда же почтительно заявилъ, что нахожу его слишкомъ еще молодымъ для такой должности и вижу, что быть нѣправъ. Могу увѣритъ васъ, прибавилъ старикъ,—что извѣстіе объ этомъ непріятномъ случаѣ крайне огорчило и меня и его отца, и мы просимъ васъ еще разъ извинить его.

Князь отвѣчалъ, что какъ только увидѣлъ молодаго бека, то сейчасъ же понялъ, что этотъ добрый и милый юноша тутъ ровно ни при чемъ, а все дѣло вышло изъ-за усердія не по разуму его человѣкъ-совѣтниковъ и что, напротивъ, съ первой же встрѣчи съ нимъ князь почувствовалъ къ нему полное благорасположеніе и въ настоящее время, не питая въ душѣ своей ни малѣйшаго неудовольствія противъ кого бы то ни было, просить въ свой чередъ и кунѣ-беки, и Магометъ-Шерифа просто предать все это дѣло забвенію.

Услышавъ такой отвѣтъ, дѣдушка благодушно, съ большими чувствомъ пожалъ князю руку, а отецъ просто пропалясь отъ удовольствія. Видно, что оба они очень любятъ своего юношу.

Въ концѣ угощенія князь подалъ знакъ, по которому наши джигиты, съ хорунжимъ Карамурзаевымъ во главѣ, внесли въ комнату подарки, предназначенные для кунѣ-беки отъ генералъ-губернатора и состоявшіе изъ массивныхъ серебряныхъ вещей въ видѣ кубковъ и кувшиновъ работы Овчинникова, большихъ золотыхъ карманныхъ часовъ съ эмалевымъ государственнымъ нашимъ гербомъ на верхней крышкѣ и съ массивною золотою лѣпниной, хрустальной плоской вазы въ серебряной оправѣ и нѣсколько кусковъ дорогихъ матерій на халаты.

Любаясь на всѣ эти вещи и прося князя передать его благодарность генералу Черняеву, старикъ замѣтилъ, что до сихъ поръ туркестанскіе генералъ-губернаторы ни разу еще не присылали ему такихъ щедрыхъ и богатыхъ подарковъ. Онъ видимо всѣмъ этимъ былъ очень польщенъ и доволенъ. Минуту спустя, его собственніе джигиты внесли въ приемную отвѣтныя подарки, состоявшіе изъ тюковъ съ халатами и положили у ногъ каждого изъ насы по тюку, а затѣмъ Мулла-Магометъ-бій пригласилъ послѣдство выйти на дворъ и полюбоваться на выводку верховыхъ лошадей подъ богатыми попонами, предназначенными въ подарокъ для насы же. Самъ онъ при этомъ избралъ для себя кратчайшій путь и согнувшись выпелъ на террасу прямо чрезъ окошко. Лошади были очень недурны, а бирюзовыя уздечки и бархатныя попоны, расшиты золотомъ, серебромъ, блестками и шелками, весьма эффектны и даже изящно красивы. Словомъ, одарилъ насы кунѣ-беки такъ, что хотя бы и самому эмиру впору.

Здѣсь же, во дворикѣ, мы съ нимъ простились, причемъ онъ лично проводилъ послѣдство до главнаго прохода, гдѣ стоялъ почетный караулъ. Общее впечатлѣніе, вынесенное нами изъ знакомства съ кунѣ-беки, было вполнѣ въ его пользу. Это очень пріятный, сердечно веселый старикъ, видимо спокойнаго, нездобиваго нрава и притомъ умѣеть держать себя просто, но съ достоинствомъ, говорить съ тактомъ и

чувствомъ мѣры, крѣпко жметъ руку, но не притворнымъ, а честнымъ пожатиемъ.

По возвращеніи домой отъ кунѣ-беки я переодѣлся и верхомъ отправился съ маюромъ Байтоковымъ знакомиться съ наиболѣе замѣчательными изъ городскихъ базаровъ. Большинство ихъ группируется въ восточной части городского центра, близъ набережной Шахри-руды. Весь вообще торговый рынокъ Бухары подраздѣляется на караванъ-сараи, тмы, чаръ-су и собственно базары. Первые изъ нихъ служатъ для склада исключительно привозныхъ заграничныхъ товаровъ и строятся обыкновенно четырехъугольнымъ, а еще чаще квадратнымъ корпусомъ со внутреннимъ дворомъ, въ томъ же родѣ, какъ и медрессе: нижний этажъ занимаютъ лавки и кладовыя, а въ верхнихъ отдаются внаимъ помѣщенія для пріѣзжихъ купцовъ. Въ городѣ всего насчитываютъ тридцать восемь караванъ-сараевъ, изъ коихъ двадцать четыре каменные и четырнадцать деревянныхъ. Девять каменныхъ принадлежать казнѣ, которая сдаетъ ихъ на откупъ, причемъ размѣръ годовой платы отъ 100 до 300 тиллей¹⁾ находится въ зависимости отъ величины и вмѣстимости зданія, равно какъ и отъ мѣста его находженія. Остальные караванъ-сараи принадлежать частнымъ лицамъ и благотворительнымъ и образовательнымъ учрежденіямъ въ качествѣ вакуфовъ, то есть неотчуждаемой собственности, доходы съ коей поступаютъ въ пользу учрежденія. Общее же число караванъ-сараевъ, какъ специально торговыя, такъ и служащіе въ качествѣ забѣжихъ постоянныхъ дворовъ и гостиницъ, въ городѣ и его пригородахъ доходитъ до полутораста.

Тимъ или тимъ — это продолговатые, деревянные или каменные сараи, гдѣ торговля мѣстными и заграничными мануфактурными изделиями производится съ открытыхъ прилавковъ, которые въ видѣ общихъ непрерывныхъ наръ тянутся

¹⁾ Золотая монета цѣнностью въ 4 руб. 20 коп. (бухарская) и въ 3 руб. 80 коп. (ковандская).

посерединѣ и вдоль внутреннихъ стѣнъ тима; надъ прилавками устроены деревянныя полки, наполненныя сверху до низу матерчатыми товарами. Иногда въ центрѣ каменнаго тима, какъ напримѣръ, въ тимахъ Абдуллахъ-хана, находится просторная ротонда съ высокимъ куполомъ, гдѣ обыкновенно группируются на показъ лучшіе товары и идетъ самая бойкая торговля. Тимовъ здѣсь девять, изъ коихъ пять каменныхъ.

Чарь-су, какъ я уже описывалъ раньше, представляетъ собою отдельно стоящій каменный павильонъ въ видѣ ротонды, съ полусферическимъ куполомъ и четырьмя противоположными выходными арками, отъ чего происходит и самое название чарь-су, то есть четыре воды или теченія, подразумѣвая тутъ, по свойственной Востоку склонности къ метафорѣ, движение базарной толпы. Каждый доброорядочный средне-азіатскій городъ непремѣнно имѣеть свое чарь-су, обыкновенно составляющее центръ базара; въ Бухарѣ же ихъ не сколько и наиболѣе изъ нихъ замѣчательно Заргерянитарь-су, построенное болѣе трехсотъ лѣтъ назадъ Абдуль-Азисъ-ханомъ¹⁾.

Наконецъ, собственно базары представляютъ собою или ряды, крытые сверху цѣновками, нѣчто въ родѣ восточныхъ пассажей, или же просто площадной торгъ подъ открытымъ небомъ. Такихъ базаровъ въ Бухарѣ до 50, считая тутъ же и конскій, находящійся за городскою стѣной, въ полутора верстахъ къ сѣверу отъ Самаркандинскихъ воротъ, да 22 базара въ пригородныхъ и ближайшихъ окрестностяхъ, гдѣ торгъ происходитъ въ известные дни недѣли²⁾.

¹⁾ Изъ династіи Шейбанидовъ, царствовалъ съ 948 (1541) по 958 (1551) годъ.

²⁾ Въ самомъ городѣ находятся: 3 базара хлѣбные, 1 мучной (онъ же для ячменя и джугары), 1 базаръ отрубей, 2 мясные, 1 рыбный, 1 соляной, 1 дровянной, 3 свѣчные, 3 угольные, 2 главные базара для продажи сушеныхъ фруктовъ, не считая множества мелкихъ базарчиковъ и отдельныхъ лавокъ съ тѣми же продуктами, 2 свѣжефруктовые (гранаты, груши, яблоки, сливы, фиги, виноградъ, фисташки, миндаль, гречкѣ

Изъ этого краткаго перечня не трудно усмотрѣть, что Бухара представляетъ собою одинъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ центровъ Средней Азіи. Но главное мѣсто въ ея торговой дѣятельности остается все же за привозными и транзитными товарами, въ чемъ и заключается торговое значеніе Бухары, основанное на ея географически центральномъ положеніи, какъ главнаго узла путей между Индіей чрезъ сѣверный Афганистанъ съ одной стороны, восточными провинціями Персіи съ другой, и Россіей съ третьей. Вообще, это главный центръ между рынками Нижегородскимъ и Пешаверскимъ. Торговля же на мѣстѣ собственными произведеніями далеко не такъ значительна какъ можно бы думать, судя по изобилію лавокъ и лавченокъ. Обороты виѣшней торговли Бухарского ханства, по словамъ главнаго закетчи, Магометъ-Шерифъ-инака, простираются отъ 35 до 40 миллионовъ рублей металлическихъ въ годъ. Что же до внутреннихъ оборотовъ, то мнѣ не удалось узнать ихъ точную цифру.

Относительно базаровъ города Бухары и предметовъ ихъ торговли пришлось бы повторять то, что уже было сказано мною при описаніи базара въ Шаарѣ, съ тою лишь разницей, что здѣсь все это сосредоточено въ гораздо большихъ размѣрахъ. Какъ тамъ, такъ и тутъ преобладаютъ русскіе товары. Мы проѣхались почти по всѣмъ базарамъ и встрѣчали множество русскихъ ситцевъ, шерстяныхъ матерій, парчей и бархатовъ, русскій сахаръ и стеариновая свѣчи, русское стекло,

орѣхи и проч.), 2 арбузные и дынные, 2 личные, 6 молочныхъ, 2 масляные, 1 лѣкарственный и москателный, 5 саложныхъ, изъ коихъ на трехъ продаются исключительно мягкие козловые салоги, такъ называемые ичиги, 1 юфтяній, 1 бязевый (мѣстной бумажной ткани), 2 хлопковые, 1 ковровый, халатный и мѣховой (преимущественно мерлушка), 1 мѣдный и вообще металлическихъ издѣлій, 2 кожевые, 1 канатный и веревочный, 1 куржумный (переметныхъ сумокъ), попонный и конскихъ уборовъ, 1 конскій и 1 неволиничій, нынѣ уже уничтоженный по договору съ русскими. Кромѣ того, здѣсь не упоминаются глиняно-посудные и стѣстные базарчики и лавки, разбросанные по всѣмъ частямъ города, точно такъ же, какъ свѣже- и сушено-фруктовые.

фаянсъ и фарфоръ, русскую юфть, желѣзо и чугунъ (въ котельныхъ издѣліяхъ), русские окованные сундуки съ музикально-звонкими замками и мѣдные самовары, даже русскія „кашмирскія шали“ превосходной тонкой работы, по 40 и 50 тенговъ штука¹), что является просто баснословною дешевизной!

На съѣстномъ базарѣ, гдѣ скучено множество харчевень и чайныхъ, среди неисходного чада отъ жаренаго кунджутнаго масла, мы съ трудомъ пробирались между продавцами жареныхъ пирожковъ, кебабовъ, хлѣбныхъ лепешекъ (кульчанъ), кунджутной халвы и всевозможныхъ лакомствъ. Здѣсь всякий молодецъ на свой образецъ громогласнымъ крикомъ выхваливаетъ прелести и вкусъ своего съѣстнаго товара. На базарѣ Саррафанъ²), напротивъ, господствуетъ возможно полная тишина: тамъ задумчивые индузы изъ Ширкапура, иначе называемые мультанами³), рядомъ съ мѣстными евреями сидятъ на собственныхъ пяткахъ или на корточкахъ за низенькими мѣдяльными столиками и прилавками, на которыхъ разсыпаны кучки мѣдныхъ пуль⁴) и серебряныхъ тенговъ, и отъ нечего дѣлать, въ ожиданіи спроса на размѣнъ, перекладываютъ эти кучки съ места на место, словно карты въ пасьянсѣ, или между собою играютъ въ четь и печеть.. Всѣ эти индузы жесточайшиe ростовщики, даже гораздо хуже евреевъ, и хотя смотрѣть такими покорными тихонями, что, кажется, даже малый ребенокъ ихъ обидѣть можетъ, а сами они и воды не замутятъ, но не дай Богъ никому попасть въ когти къ этимъ смиреннымъ вампирамъ! Заргерянскій чаръ-су переполненъ всевозможными калапушами (тюбетейками) и шапками, ко-

торыя тѣсно и ярко-пестро висятъ на деревянныхъ колышкахъ по его внутреннимъ стѣнамъ снизу до верху; здѣсь же продаются разныя бусы, четки и ожерелья, ленты и шелковыя кисти, шелковые и бархатные пояса (бильбау), унизанные металлическими бляхами и снаряженные замшевыми кошельками для денегъ (халамданъ), да парой кривыхъ ножей (чакъ) въ красивыхъ ножнахъ, нерѣдко сплошь покрытыхъ бирюзовою инкрустацией¹).

Къ одному изъ выходовъ этого чаръ-су примыкаетъ сѣдельный рядъ со всеми принадлежностями конскаго снаряженія, а его продолженіемъ является рядъ желѣзный, гдѣ я нашупилъ для своей оружейной коллекціи нѣсколько старинныхъ ай-балтовъ (сѣкирокъ) съ гравюрами и серебряною пасѣчкой, нѣсколько бронзовыхъ батиковъ (кистеней) и курбашей²). Затѣмъ мы посѣтили оба тима Абдуллахъ-хана. Подъ высокую ротондой первого, построеннаго въ 990 (1582) году, продаются шелковыя матеріи, адрасы, шаппы, бикасабы, каиваусы, бархатъ, парчу, сукна и шали, а во второмъ—воленкоръ, кисею, алачу и вообще бумажныя и шерстяныя ткани. Въ обоихъ тимахъ сталкиваются произведения фабрикъ русскихъ, самарканскихъ, кокандскихъ, бухарскихъ и индійскихъ. Издѣлія послѣднихъ носятъ общее название кабули, то есть кабульскихъ, хотя нерѣдко онъ Кабула, какъ говорится, и въ глаза не видали, а пошли сюда чрезъ Герать изъ англійскихъ складовъ.

Въ трехъ тимахъ Таниига идетъ торговля шелкомъ въ моткахъ, сырцовыми и крашенными. Колера отличаются своею чистотой и яркостью и притомъ они довольно разнообразны.

¹⁾ Тенгъ или коканъ равняется 20 металлическимъ копѣйкамъ; въ серебряномъ рубль пять тенговъ.

²⁾ Отъ слова саррафъ, что значитъ мѣнило.

³⁾ По имени города Мультана, который здѣсь почтается метрополіей всего Индустана.

⁴⁾ Чула—мелкая, но довольно яѣская мѣдная монетка. Въ одной тенгѣ (20 коп.) считается 64 чулы.

¹⁾ Кроме кошельковъ и пары ножей, къ такимъ поясамъ съ лѣвой стороны нерѣдко прикрѣпляются еще точильный брускъ (кайракъ), шило (бигисъ), небольшая ножница (дукерпъ) для подстригания ногтей, усовъ и бороды, огнivo (чакмакъ) и роговой или деревянный гребень (тарракъ).

²⁾ Такъ называется пика съ короткимъ толстымъ древкомъ и длиннымъ штыкообразнымъ копьемъ.

Эта послѣдняя торговля сосредоточена преимущественно въ рукахъ мѣстныхъ евреевъ.

Въ тимъ Дараи продаются мужскіе и женскіе ичики — иначе называемые масы, предпочтительно зеленаго цвѣта, изъ мягкаго шагреневаго сафьяна, съ тиснеными узорами, безъ каблуковъ и на мягкой подошвѣ. Тутъ же можно найти и калоши (кауши) и высокіе сапоги, тоже зеленые и тоже изъ шагреневой, но только толстой и грубой конской кожи, извѣстной подъ названіемъ сауръ; послѣдніе бываютъ съ загнутыми вверхъ острыми носками, на концѣ которыхъ болтается небольшой ремешекъ, и нерѣдко съ остроконечными рогообразными каблуками почти двухвершковой длины, имѣющими легкій загибъ внутрь, къ подошвѣ. Въ этой оригинальной обуви безъ особенной спаровки не только ходить, но и долго стоять на мѣстѣ невозможно, не рискуя каждую секунду потерять равновѣсіе и слепнуться на землю. Тѣмъ не менѣе она въ большой модѣ въ особенности между кочевыми узбеками, которые находятъ, что для верховойъ Ѣзды ничего лучше не придумать.

Специально оружейного базара, къ которому я такъ стремился, здѣсь не оказалось. Существуетъ только не болѣе трехъ-четырехъ лавочекъ, разбросанныхъ по разнымъ мѣстамъ, гдѣ можно найти кое-какой оружейный хламъ, между которымъ иногда случайно попадается вещь достойная вниманія. Все, что можно было прикупить тамъ для пополненія моей азіатской оружейной коллекціи, я конечно купилъ, но этого всего оказалось очень немногого: три бунчука, два фитильные карабина, одна кольчуга со стальнымъ шишакомъ, старый щитъ съ серебряными буквами, сдѣланный изъ твердой толстой кожи, и древнія стальныя досчатыя латы, орнаментированные по бордюрамъ арабесками очень тонкой работы, пройденными гравюрой и золотою насѣчкой, — да вотъ и все. Лучшія вещи находятся не въ лавкахъ, а въ частныхъ рукахъ, и некоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ нѣсколько хорасанскихъ и гиссарскихъ клиновъ да два древнія шлема

были потомъ привезены ко мнѣ на домъ при посредствѣ мѣстныхъ коміssіонеровъ, и послѣ продолжительного торга наконецъ куплены мною. Но они вообще не дешевы, въ особенности старые хорасаны, и бухарцы знаютъ имъ цѣну.

Въ заключеніе нашей прогулки проѣхались мы на базарь мѣдно-чеканныхъ издѣлій. Два противулежащіе ряда лавочекъ, примкнувшихъ одна къ другой стѣна обѣ стѣнъ и совершенно открытыхъ спереди, образовали собою улицу шаговъ въ двѣнадцать ширинъ, прикрытую сверху барданами и чіями. Въ этихъ лавочкахъ, тутъ же, гдѣ выставлены на продажу ихъ издѣлія, находятся и самыя мастерскія, такъ что вы съ улицы можете видѣть весь постепенный ходъ работы, подъ акомпанементъ непрерывнаго стука сотенъ молотковъ и визга пилокъ и терпуговъ, съ помощью которыхъ листовая желтая и красная мѣдь превращается въ очень красивыя чашки, блюда, миски и кумганы. Искусные чеканщики и граверы снабжаютъ изготовленныя вещи очень изящною орнаментацией, состоящею изъ фантастическихъ узорчатыхъ сочетаній завитковъ, линій, листиковъ, звѣздочекъ, крестиковъ, точекъ и т. п. Какъ рисунки, такъ и самыя формы этихъ произведеній очень изящны и разнообразны. Тутъ же можно достать и стариныя вещи этого рода, и не только мѣстной, но и персидской, и афганской, и индійской работы, съ гравированными изображеніями людей и животныхъ въ красивыхъ медальонахъ и со священными изреченіями или стихами Гафиза и Саади въ чеканныхъ бордюрахъ, среди которыхъ, кромѣ того, нерѣдко можно встрѣтить вырѣзанное имя мастера, годъ производства и имя владѣльца вещи, по заказу коего она была сдѣлана.

Замѣтись, что я обращаю вниманіе преимущественно на стариныя вещи этого рода, ко мнѣ сбѣжались съ ними продавцы со всего базара, и каждый, тискаясь впередъ, на пе-ребой предъ другими старался показать мнѣ свою и какъ можно громче выхвалить ея достоинства. Увидавъ себя въ тѣсной блокадѣ и чуть не угрожаемый штурмомъ, я объя-

виль имъ чрезъ переводчика, что кто хочетъ продать, пускай приходитъ ко мнѣ въ посольский домъ, тамъ я разсмотрю все въ подробности и сторгуюсь. Всльдъ за такимъ рѣшеніемъ, вся эта орава тѣтчашъ же отхлынула и, давъ намъ возможность тронуться съ мѣста, немедленно направилась вмѣстѣ съ нами къ посольскому дому.

Въ лабиринтѣ всѣхъ этихъ базаровъ новому человѣку до крайности трудно, почти невозможно ориентироваться—до такой степени все это перепутано разными полутемными и узкими улками, переулками и закоулками, и все кишитъ самой пестрой пѣщью и конною толпой, среди которой тѣснота зачастую доходитъ чуть не до давки, особенно когда въ какомъ нибудь узкомъ проходѣ застраниуть двѣ встрѣчныя арбы или два встрѣчные каравана нагруженныхъ верблюдовъ. Да впрочемъ, чего тамъ верблюды!—достаточно, чтобы какой нибудь муль или ишачокъ, заупрямясь, стала поперегъ переулка, глубокомысленно уставясь въ одну точку лбомъ, чтобы прекратить на нѣсколько минутъ по этому переулку всякое движеніе. Тутъ уже на бѣднаго ишака сыплются тычки, пинки и удары со стороны ближайшихъ къ нему прохожихъ, а онъ ни съ мѣста, пока не возьмутся за него—одни за поводъ, другіе съ заду—и не пролихнутъ его насильно на нѣсколько шаговъ впередъ. Но непріятнѣе всего бываетъ, когда въ такой давкѣ остановленные и скученные верблюды начинаютъ злиться. Тутъ, и безъ того уже недобрые глаза этого животнаго очень выразительно загораются гнѣвомъ, а въ глоткѣ у него начинаетъ при этомъ глухо клокотать слюна, смѣшанная съ отрыгнутой жвачкой, которая все больше и больше скапливается на его мягкихъ отвислыхъ губахъ клубками грязной, вонючей пѣни, пока наконецъ не плюнетъ онъ въ какого нибудь прохожаго. Хуже такого сюрприза на азиатскомъ базарѣ ничего уже и быть не можетъ. Запахъ этой густой липкой слюны такъ противенъ, что лучше сразу бросить облитое ею платье, чѣмъ дожидаться, пока онъ выйдетъ. Подобный плевоѣть достался одному изъ нашихъ провожатыхъ

казаковъ; бѣдняга не зналъ куда дѣваться и всю дорогу только чертыхался да отплевывался.

Тысячеголосый гомонъ и говоръ снующей взадъ и впередъ толпы, разнообразные возгласы и причитанія разносныхъ торговцевъ, рѣзкие звуки увеселительной зурны какого нибудь странствующаго артиста, ноющій речитативъ нищихъ и безобразное пѣніе каландарей и дуванѣ, глупый до смѣшнаго, истерически рыдающій вопль ишаковъ, визгъ и вой шныняемыхъ ногами бездомныхъ собакъ, капризный ревъ и вздыхающіе стоны усталыхъ верблюдовъ, вся эта масса нестройныхъ, дикихъ звуковъ шумно стоитъ подъ навѣсами крытыхъ базарныхъ рядовъ, гдѣ спертый воздухъ пропитанъ то чадомъ кунджутнаго масла и разныхъ снѣдей, то пряннымъ запахомъ москателей, испареніями сырого свѣжеубойнаго мяса, сухой рыбы и вяленыхъ дынь и фруктовъ, то верблюдами и кожами, то наконецъ навозомъ и воину никогда не просыпающей солонцовской грязи, которую снаружи лишь пробираетъ ночной морозъ, а къ полуночи она уже оттаиваетъ. Чѣмъ дѣлать! со всѣмъ этимъ приходится мириться ради своеобразной красоты восточного базара, его пестрыхъ лохмотьевъ и оригинальныхъ яркихъ красокъ, какія только на Востокѣ и можете вы встрѣтить.

Во время этой прогулки чуть не вышло у насъ комичное, но не совсѣмъ пріятное qui pro quo. Выдя изъ ротонды Абдуллахъ-хана, мы сѣли на своихъ верховыхъ лошадей и только что тронулись далѣе, какъ видимъ, навстрѣчу намъѣдетъ на богато убранномъ жеребцѣ какой-то женственно красивый мальчикъ лѣтъ четырнадцати, въ бѣлой кисейной чалмѣ и лазоревомъ парчевомъ халатѣ, подпоясанный богатымъ поясомъ съ бирюзовымъ наборомъ. Его окружала конная свита взрослыхъ и болѣе скромно одѣтыхъ людей, большую частію уже почтеннаго, а иные даже старческаго возраста, и было ихъ человѣкъ восемь. Двое изъ нихъ очищали предъ мальчикомъ путь, разгоняя толпящихся зѣвакъ, а остальные съ подобострастно выжидавшимъ вниманіемъ ви-

димо старались ловить каждое слово, каждый взглядъ его, какъ бы для того, чтобы спѣшно предупреждать малѣйшій его капризъ, малѣйшее желаніе. Многіе изъ базарной публики, широко осклабляясь, дружески кивали ему головой и дѣлали рукой привѣтственное движеніе, какъ бы посыпая воздушные подѣлуи.

— Должно быть принцъ какой ихній, ваше высокоблагородие, замѣтилъ мой слуга Сайфуддинъ Фаткулинъ, бывшій гвардейскій кирасиръ изъ казанскихъ татаръ, который въ случаѣ надобности всегда служитъ мнѣ довольно хорошоимъ переводчикомъ въ моихъ частныхъ сношеніяхъ съ туземцами.

Я и самъ въ первую минуту подумалъ, что принцъ, даже совсѣмъ было изъ головы вонъ, что у эмира въ настоящее время въ самой Бухарѣ нѣть ни одного сына. Всѣ мы уже приготовились было къ тому, чтобы посторониться и взять ему подъ козырекъ, какъ тотъ же Сайфуддинъ, перекинувшись двумя-тремя словами съ сопровождавшимъ насъ эсаулъ-бashi, поспѣшилъ предупредить насъ.

— Не извольте беспокоиться, ваше высокоблагородие! Это совсѣмъ не принцъ, а такъ себѣ, сказалъ онъ съ какою-то странною усмѣшкой.

И дѣйствительно, оказалось, что это не принцъ, а просто батча, окруженный своими поклонниками, изволилъ выѣхать на прогулку. Чортъ знаетъ что такое. И вотъ поклонники и вѣдьхатели повезли его на базаръ, чтобы побаловать разными подарками и тѣмъ заслужить его благосклонность. Чего бы ни пожелалъ онъ, все тотчасъ же является въ его услугамъ. Приглянулся ему богатый халатъ, чрезъ минуту кто-нибудь изъ свиты уже заплатилъ за него деньги и почтительно преподносить завернутый въ бумагу тючекъ; понравилась кашмирская чалма, сейчасъ чуть не вся свита на перебой другъ предъ другомъ стремится пріобрѣсти ее своему любимцу. Одинъ предлагаетъ ему халву, другой кишмишъ, третій московскія конфекты отъ Сіу и всевозможныя лакомства, тотъ дорогія матеріи, этотъ золоченое ожерелье и разныи

бездѣлушки, московскіе духи, помаду, мыло, всякие косметики; словомъ, всѣ эти почтенные съ виду люди, безо всякаго зазрѣнія совѣсти, зря швыряютъ бѣшеные деньги и всенародно тратятся на смазливаго мальченку, какъ тратятся въ Европѣ на извѣстныхъ коботовъ. Оказывается, что этотъ батча, въ своемъ родѣ, тоже мѣстная знаменитость, какъ пѣвецъ и танцовщикъ, и что въ источниѣ такого баловства его главную роль играетъ нестолько страсть, сколько личное тщеславіе его поклонниковъ: желають, чтобъ о нихъ поговорили на базарѣ, а здѣшній базарный толкъ, это все равно, что наша ежедневная „печать“. Но замѣчательнѣе всего тотъ наивный, даже несознавающій себя цинизмъ, съ какимъ публично продѣлываются здѣсь подобныя оказательства, а продѣлываются они постоянно: это заурядное явленіе, которымъ, очевидно, никто не стѣсняется и никто не находить въ немъ ничего зазорнаго. Замѣчательно еще то, что все это происходитъ въ тѣ самые часы и на томъ же самомъ базарѣ, гдѣ правительственный реисъ-и-шаріатъ, сей присяжный блюститель неукоснительного отправлѣя религіозныхъ требъ и цензоръ общественной нравственности, лупить канчуками какого нибудь первого встрѣчнаго арабакеша, который не съумѣлъ сказать ему наизусть „фарзегаинъ“ со всею точностью¹⁾). Знающіе люди увѣряютъ, будто тотъ же реисъ-и-шаріатъ, при встрѣчѣ на базарѣ съ тѣмъ же батчей, и не подумаетъ спросить у него, какъ, моль, читается первая сурѣ Корана, а очень любезно пошлетъ ему воздушное привѣтствіе рукой²⁾.

Здѣсь батчи составляютъ какъ бы особое, избранное и

¹⁾ По-арабски фазръ-уль-айнъ значить главная обязанность, которая для каждого мусульманина заключается въ точномъ знаніи нѣсколькоихъ обязательныхъ молитвъ и изречений Корана. Бухарское фазре-гайнъ есть то же самое фазръ-уль-айнъ, искаженное мѣстнымъ произношеніемъ.

²⁾ Какъ курьезъ, и притомъ весьма характерный, можно вспомнить, что при покореніи русскими города Чымкента, батча тамошняго казія (судьи) самъ отправлялъ должностъ реисъ-и-шаріата.

привилегированное общество. Они тратят большія деньги, причемъ нерѣдко третируютъ *en canaille* своихъ взыхателей, тогда какъ эти послѣдніе, словно особенной чести, добиваются знакомства съ ними и возможности проѣхаться публично съ такимъ батчей по базару. Изъ-за нихъ нерѣдко происходятъ цѣлые драмы, разстраивается семейное счастіе, люди состоятельный впадаютъ въ нищету... Кончается нерѣдко и трагедіей, когда въ порывѣ ревности соперники пырнутъ одинъ другаго ножами. Муллы-проповѣдники въ мечетяхъ, конечно, гремятъ противъ батчебазства громами своего краснорѣчія, но поэты и пѣвцы посвящаютъ и поютъ батчамъ сладкіе мадригали, которые потомъ списываются, переписываются, заучиваются наизусть и далеко распространяются въ народѣ. Не всѣ, конечно, во избранные, то есть особенно удачливые или особенно популярные батчи роскошно живутъ и щеголяютъ на счетъ своихъ поклонниковъ въ парчахъ и бархатахъ, держать кровныхъ лошадей, посѣшаютъ другъ друга и принимаютъ гостей у себя. Ихъ обществомъ, иногда втихомолку, не брезгаютъ даже высшіе сановники Бухары, причемъ эти мальчишки нерѣдко оказываютъ тому или другому чиновнику даже покровительство по службѣ и берутъ съ нихъ за это хорошія взятки. Когда мы ёхали кортежемъ къ кушьбеки, намъ показали на одномъ изъ балконовъ въ улицѣ Куньмадрессии трехъ такихъ влиятельныхъ батчей, залитыхъ золотомъ и пурпуромъ парчи, когда они развлекали себя зрѣлищемъ нашего шествія. Говорить, что не мало ихъ есть и въ придворномъ штатѣ. Вообще быть замѣчательнымъ батчей, по здѣшнему, значитъ сдѣлать себѣ хорошую жизненную карьеру. Самые неудачливые изъ нихъ становятся впослѣдствіи клоунами, маскарабазами, обучателями батчей или дангарачами, а кто успѣлъ составить себѣ нѣкоторый капиталъ, тотъ къ двадцати или двадцати-двухлѣтнему возрасту женится, открываетъ какую либо торговлю и становится купцомъ; иные же проскаакиваютъ въ чиновники, въ офицеры, даже въ сановники, а впослѣдствіи доходять иногда и до высшихъ степеней го-

сударственной іерархіи. Имъя какихъ нибудь двадцать лѣть отъ роду, они получаютъ, въ награду за свою „службу“, какое нибудь придворное званіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ принимаютъ въ завѣданіе и какую-либо часть дворцоваго управления или хозяйства, или же назначаются въ провинціальные города беками и какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ получаютъ благоволенія, чины, награды и вообще преуспѣваютъ, быстро двигаясь впередъ по лѣстницѣ карьеры и отличій.

По возвращеніи съ прогулки домой, мы нашли у себя во дворѣ цѣлый базаръ. Сюда собрались барышники и маклаки-сводчики (даллалы) и привели съ собою верховыхъ лошадей съ цѣллю продать или промѣнять ихъ на нашихъ дареныхъ; другіе притащили каршинскіе и туркменскіе ковры и узорныя вышивки разноцвѣтными шелками по черной замшѣ для туфлей и подушекъ, третьи разложили свертки шелковыхъ матерій, канасы, адрасы и бикасабы. Явились и мѣнялы съ русскими полуимперіалами, хотя и не знакомые съ берлинской биржей, по отлично знающіе курсъ русскихъ бумажекъ. Явились и продавцы древнихъ монетъ съ изображеніями Искандерна-Зулькарнайнъ¹⁾ и разныхъ греко-бактрійскихъ царей; продавцы необдѣланной бирюзы и драгоцѣнныхъ камней, довольно вирочемъ подозрительныхъ; продавцы оружія, перстней, печатокъ, ожерелій и разныхъ мелкихъ серебряныхъ вещицъ филигранной работы. Не обошлось и безъ „рѣдкостей и древностей“, въ числѣ коихъ фигурировали: китайскій и русскій фарфоръ, инкрустированный индійскія шкатулки и бронзовый пастушокъ изъ-подъ канделябра. Къ довершенію этого базара привалила и толпа нашихъ кумганщиковъ изъ мѣдно-чеканного рада. У этихъ послѣднихъ я выбралъ себѣ нѣсколько действительно замѣчательныхъ вещей, какъ по ихъ старинѣ, такъ и по красотѣ формы и по изяществу гравюры и чекана.

¹⁾ Зулькарнайнъ значить двурогій. Рогъ — выражение высшей степени силы и могущества. Этотъ эпитетъ обыкновенно придается въ Средней Азіи Александру Македонскому.

Сравнительно съ оружиемъ, эти вещи стоять здѣсь не особенно дорого, но все-таки мой замшевый тартукъ (кошелъ) наполненный серебряными тенгами значительно пооблегчился. Вообще купцы запрашиваютъ и торгуются довольно долго и скучно, и все увѣряютъ при этомъ, что не смѣютъ запросить ни единой лишней копѣйки, такъ какъ за такой запросъ имъ по закону будуть „голову рѣзать“. При этомъ они, закрывая глаза, очень выразительно чиркаютъ себя указательнымъ пальцемъ по горлу. Однако же нашъ эсауль-бashi, еще бѣдущи на базаръ, предупредилъ насъ насчетъ этого обычного маневра здѣшнихъ торговцевъ и объяснилъ, что божась и увѣряя будто имъ за запросъ рѣжутъ головы, они тутъ-то именно и запрашиваютъ вѣ-три-дорога, но до сихъ поръ никто еще не рѣзалъ ихъ за это, хотя, по увѣренію все того же эсауль-бashi, иные изъ нихъ и стоили бы такой операции.

— Все это, говорилъ онъ, — одна только пустая уловка, вѣ томъ разсчетъ, что, думаетъ себѣ, коли, моль, скажу про голову, то иностранный покупатель сейчасъ и повѣритъ и не станетъ больше торговаться. „Ложь полезна при спорѣ; но вредна для души“, философски заключилъ онъ морально известной узбекской пословицы.

24 января.

Мягкая погода. Легкій морозецъ умѣряется теплотворными лучами яркаго солница.

Въ часъ дня посольство со вчерашнею помпой отправилось съ визитомъ къ сыну кушъ-беги, Магометъ-Шерифъ-инаку, который занимаетъ видный постъ главнаго зякетчи и казначи самого эмира, то есть въ его рукахъ сосредоточивается главное управление по государственному сбору торговыхъ и караванныхъ пошлинъ, и числится онъ помощникомъ кушъ-беги по финансовой части и по административному управлению городомъ, да кромѣ того онъ же и личный казначай его высокостепенства, вѣдающій всякия экстраординарные расходы.

Наши пристава на сей разъ провели посольский кортежъ

кружными путями, по базарамъ и наиболѣе люднымъ улицамъ, и даже заблаговременно предварили насъ, что намъ предстоитъ довольно длинная прогулка. Хотя гораздо проще было бы проѣхать кратчайшую дорогой, но цѣль приставовъ заключалась въ томъ, чтобы побольше народу видѣло и толковало потомъ, что вотъ, моль, русское посольство єдетъ на селянь и къ нашему Магометъ-Шерифъ-инаку, вотъ, моль, какой онъ у насъ важный! Приставамъ очевидно хотѣлось угодить инаку такою „тонкою политикой“ вѣ томъ разсчетъ, что это вѣроятно пощекочетъ пріятнымъ образомъ его тщеславіе — черта чисто персидская, и такъ какъ желаніе ихъ было довольно невиннаго свойства, то и не было причины отказать въ немъ.

Живеть инакъ близъ урды¹), вѣ улицѣ Арке-Баста, по той причинѣ, какъ объяснилъ онъ, что ему часто, иногда даже по чѣскольку разъ въ день приходится ходить туда съ докладомъ. Арке-Баста пролегаетъ какъ разъ подъ стѣнами урды и здѣсь очень удобно можно воочію убѣдиться въ искусственномъ происхожденіи холма, на которомъ она построена: въ его обсыпахъ обнаруживается мѣстами цѣлая система деревянныхъ скрѣплений и бревенчатыхъ подпорокъ съ лежащими на нихъ продольными и поперечными балками, концы которыхъ торчатъ наружу изъ-подъ толщи кургана. Извѣстно, что еще въ глубочайшей древности дворцы и замки восточныхъ властителей какъ бы обязательно воздвигались, по выражению Библии, „на высокихъ“, то есть на естественныхъ или искусственныхъ возвышеніяхъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда природная мѣстность представляла собою гладкую равнину, какъ напримѣръ въ Вавилонѣ, строители прилагали къ искусственному возведенію холма, что и видимъ мы досель не только въ урдинскомъ холмѣ Бухары, но и въ большинствѣ равнинныхъ замковъ этого ханства. Значить, не только идея, но вѣроятно и самый способъ постройки оста-

¹) Урда — крѣпость, окружавшая дворцовыи замокъ, аркъ.

лись здесь и доныне, по нерушимому преданию старины, все тѣ же, что и въ отдаленнѣйшіе вѣка.

Инакъ принялъ насъ въ высшей степени радушно. Столъ у него очень изысканный — по восточному, разумѣется — и разнообразный; кушанья приготовлены были преимущественно по рецептамъ персидской кухни; самъ же хозяинъ большой говорунъ и любить побесѣдоватъ. Разговоръ нашъ за завтракомъ вращался почти исключительно на вѣнчайшей торговлѣ Бухарского ханства, причемъ Магомемъ-Шерифъ сообщилъ намъ нѣсколько не безинтересныхъ свѣдѣній.

Больше всего заинтересовали насъ торговые сношенія Бухары съ Индией, и по этой части мы узнали, что страны эти сносятся между собою главнѣйшимъ образомъ чрезъ Афганистанъ, откуда, по спускѣ съ горъ Баміанскихъ проходомъ, караваны слѣдуютъ на Мазари-Шерифъ и Балхъ къ Келифу, гдѣ караванній путь переходитъ на правый берегъ Аму-Дары, а отъ Келифа чрезъ Карши въ Бухару. Главнымъ предметомъ ввоза изъ Индіи служить, такъ называемый, аль-чай, то есть бѣлый, известный впрочемъ у насъ подъ названіемъ зеленаго чая, который въ большомъ употреблении не только между бухарцами, но и во всемъ туземномъ населеніи Средней Азии. Затѣмъ предметами ввоза являются: кубовая краска, идущая чрезъ Бухару въ Россію; и вообще красильные вещества, лекарственные растенія и москателный товаръ, а изъ мануфактурныхъ произведеній, носящихъ общее название „кабули“, хотя бы они вовсе и не относились къ произведеніямъ самаго Кабула, идутъ: кисея, кинкабъ, парча, кашмирскія шали для халатовъ, чалмы и поясовъ и нѣкоторыя издѣлія англійскихъ фабрикъ, преимущественно стальныя. Вывозить же изъ Бухары въ Афганистанъ и Индію шелкъ-сырецъ и овечьи шкуры, въ особенности мерлушку, а также и русскіе товары, между коими видную роль играетъ фарфоръ въ видѣ чайниковъ особой формы¹⁾ и большихъ чашекъ,

¹⁾ Чайники эти имѣютъ продолговатую, яйцеобразную форму и разрисовываются букетами по темно-голубому или темно-малиновому фону. Во-

какія у насъ называются полоскательными; затѣмъ самовары, сундуки съ оковкой, прутовое и полосовое желѣзо, чугунные котлы, папиросы и спички — послѣднія преимущественно двухъ фабрикъ: Ворожцовъ въ Ирбитѣ и Гезена и Митчинсона въ Москвѣ. Вывозятся также, хотя и въ меньшемъ сравнительно съ познанными товарами количествѣ, наши мануфактурные издѣлія, въ особенности клѣтчатая шерстяная и пеньковая чалмы, а также чалмы кисейные, вышитыя по концамъ золотою битью. Тѣ и другія какъ здѣсь, такъ и въ Афганистанѣ очень нравятся и раскупаются предпочтительно предъ прочими привозными издѣліями сего рода, не исключая и англійскихъ. Причина, какъ уже говорилъ я и раньше, заключается въ томъ, что наши фабриканты до сихъ поръ еще умѣютъ болѣе европейскихъ угодждать азіатскому вкусу и сопротивляться съ потребностями тамошняго мусульмана. Насколько это важно, примѣромъ служить, между прочимъ, одинъ фактъ, замѣченный еще въ 1840 году Н. Ханыковымъ и не забытый въ Бухарѣ даже до настоящаго времени. Въ то время навезли туда изъ Пешавара чрезъ Месхедъ много малевыхъ чалмъ и поясовъ англійского издѣлія, и именно глаузовскихъ фабрикъ, но всѣ эти издѣлія рѣшительно не пошли въ продажу, несмотря на всю свою добротность и красоту, тогда какъ наши клѣтчатыя чалмы раскупались отлично. Въ чемъ же дѣло? А въ томъ, что на глаузовскихъ шаляхъ были вышиты птицы; мусульманинъ же, по закону, не можетъ во время молитвы имѣть на себѣ никакихъ изображеній изъ мира животнаго. Съ тѣхъ поръ за нашими клѣтчатыми шалями установилась въ Бухарѣ такая прочная репутація, что въ теченіе слишкомъ сорока лѣтъ ничьи усиленія не могли

обще какъ по формѣ, такъ и по исполненію рисунка они довольно изящны и проникаютъ далеко въ глубину Индіи. Можетъ быть случайно, но однажды изъ подобныхъ экземпляровъ мнѣ довелось встрѣтить въ 1880 году даже въ Сингапурѣ. Тогда я обратилъ на него вниманіе за этотъ прекрасный темно-голубой цветъ, но только въ то время никакъ не думалъ, что предо мной русское произведеніе.

поплатнуть ее. Другой примеръ, замѣченный тѣмъ же Ханыковымъ, представляетъ нашъ сахаръ въ маленькихъ головкахъ, какія въ самой Россіи вы рѣдко гдѣ встрѣтите, тогда какъ здѣсь ихъ сколько угодно. Дѣло въ томъ, что при достарханѣ подарить почетнаго гостя сахаромъ считается у азіатовъ выраженіемъ, такъ сказать, du haut genre; но дарить кусками отрубленными отъ головы—это уже неприлично; надо дарить цѣлую голову, а это убыточно, въ особенности при здѣшней дороговизнѣ сахара. Наши заводчики смекнули въ чемъ тутъ суть и стали отливать специально для Средней Азіи маленькия головки отъ двухъ до пяти фунтовъ — и съ тѣхъ поръ дѣло ихъ даже до сего дна проходитъ здѣсь отлично. Вся штука въ томъ, чтобы во-время умѣть приоровиться не только къ потребителямъ, но и къ самимъ прихотямъ потребителя.

Афганистанъ по вѣнчайшей торговлѣ отчасти является экономическимъ данникомъ Бухары, такъ какъ ему приходится значительно приплачивать ей за вывозъ. Это обыкновеніе въ томъ случаѣ, если верблюдъ, привезшій изъ Кабула въ Бухару акъ-чай или москатели, въ среднемъ количествѣ до 16 пудовъ¹⁾, нагружается для обратного слѣдованія въ Кабулъ такимъ же количествомъ пудовъ шелка, который составляетъ главнѣйший предметъ вывоза изъ Бухары въ Индію. Для нагляднаго сравненія — вотъ цѣны:

Пудъ привозной кубовой краски обыкновенно стоитъ 6½ тиллей (27 р. 30 к. металл.), пудъ акъ-чая, въ четырехъ 10-ти-фунтовыхъ ящикахъ, 20 тиллей (84 р. металл.). Пудъ бухарского сырцового шелка отъ 28 до 32 тиллей (117 руб. 60 к.—134 р. 40 к. металл.), пудъ бухарского обработанного шелка отъ 40 до 48 тиллей (168 руб.—201 руб. 60 к. металл.).

Стало быть разница въ пользу Бухари на каждомъ пудѣ

¹⁾ Хорошіе, сильные верблюды, какъ напримѣръ бухарскій наръ, поднимаются отъ 18 до 20 пудовъ клади.

названныхъ товаровъ будетъ: минимальная въ 41½ тиллей (174 руб. 30 коп. металл.), а максимальная въ 53½ тиллей (222 р. 60 к. металл.). Годовой же грузъ акъ-чая, ввозимаго въ Бухару, подымается на 5,000 верблюдахъ, чѣдь составляетъ 80,000 пудовъ, на сумму 6.720.000 р. металл. Для Бухары, изъ которой этотъ продуктъ расходится уже по всей Средней Азіи, не исключая и нашихъ степей, оно конечно выгодно; но нельзя не замѣтить, что англичане, благодаря этому ввозу своего зеленаго чая, съ которымъ вмѣстѣ проникаютъ сюда въ известномъ количествѣ и китайские черные чаи, совершенно вытеснили со средне-азіатскихъ рынковъ русскую чайную торговлю, которая въ старые годы была здѣсь весьма значительна, а теперь если и держится еще кое-какъ въ нашихъ собственныхъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ, то только для потребностей южнаго русскаго населенія.

Съ прочими предметами отпускной торговли бухарскіе купцы въ Индію сами неѣдятъ, а добѣжаютъ только до Балха или до Мазари-Шерифа, гдѣ ихъ товары принимаютъ уже купцы кабульскіе (преимущественно) и индійскіе.

Индусы (Мультані), живущіе въ Бухарѣ, кромѣ ростовщичества, занимаются еще торговымъ коміссионерствомъ и оптовою скучкой шелка, хлопка, риса, пшеницы и ячменя, каковые продукты и держать въ своихъ складахъ въ ожиданіи неурожайнаго года въ Бухарѣ ли, въ Афганистанѣ или Индіи, и тогда сбываются свои запасы по сильно возвышенной цѣнѣ туда, гдѣ въ нихъ оказывается наиболѣе настоятельная потребность. Въ обыкновенное же время, чтобы товаръ излишне не залеживался, они спускаютъ его по нормальной цѣнѣ, освѣжая по мѣрѣ надобности свои склады новыми запасами.

Въ настоящее время, по словамъ Магометъ-Шерифа, особенно много каравановъ идетъ изъ Россіи: каждый день прибываютъ въ Бухару все новые и новые ихъ партии, но привозъ этотъ въ громадномъ большинствѣ случаетъ совершаются не русскими, а бухарскими купцами, которые для этого нарочно сами ежегодноѣдятъ въ Хиву, Оренбургъ, Нижній и

Москву, и съ нихъ, какъ съ мусульманъ, взимается только $2\frac{1}{2}\%$ пошлины, тогда какъ съ немусульманъ 5% .

По возвращеніи отъ Магометъ-Шерифа, мы застали у себя на айванѣ нѣсколько покушиковъ, желавшихъ приобрѣсти вещи, полученные нами въ даръ отъ эмира и его бековъ. Такъ какъ съ заявлениемъ о желаніи сбыть ихъ частный ординарецъ князя обращался къ нашимъ приставамъ еще вчера, то по ихъ докладу Магометъ-Шерифъ прислалъ сегодня къ намъ присяжнаго цѣновщика, по имени Маассумъ, и съ нимъ нѣсколько чиновниковъ для контроля, а Маассумъ отоѣхалъ подъ рукой о предстоящемъ торгѣ нѣсколькихъ своихъ пріятелей, которые и явились теперь въ роли покушиковъ. Но всѣ эти господа, не исключая и контролеровъ, настолько оказались въ стачкѣ между собою, что явно гнали со двора всякаго не принадлежащаго къ ихъ компании конкурента изъ базарныхъ купцовъ, узнавшаго стороной о предстоящемъ торгѣ и явившагося сюда безъ приглашенія, помимо Маассума. А такихъ набралось съ десятокъ, и хотя курбаси отгоняли ихъ прочь, по съ помощью всесильного селяу (подачки), сунутаго тайкомъ въ руку того или другого полицейскаго, инымъ изъ нихъ все-таки удавалось проскальзывать къ айвану, где съ чиновничьею важностью неторопливо шла оцѣнка. Съ одной стороны на подостланныхъ коврикахъ усѣлись полукругомъ покушики, а напротивъ ихъ частный ординарецъ князя, хорунжій Асланбекъ Карамурзаевъ, съ помощью двухъ княжескихъ джигитовъ, раскладывалъ предъ ними блестящія попоны, бирюзовыя уздечки, кашмирскія шали, свертки дорожихъ матерій, богатые ковры, и сортировалъ по категоріямъ вороха и туки халатовъ, начиная съ роскошныхъ бархатныхъ рельефно расшитыхъ чистымъ серебромъ и золотомъ и продолжая дивными кашмирскими, затѣмъ просто бархатными, атласными, парчевыми, шаиновыми и наконецъ адресовыми. Нѣсколько въ сторонѣ, между нимъ и покушиками сидѣли на корточкахъ цѣновщикъ Маассумъ и чиновники-контролеры,

которые все что-то записывали на листахъ бумаги, положенныx къ себѣ на колѣни. Этотъ Маассумъ, длинный и тонкій какъ жердь, съ угловатыми плечами и локтями, съ уклончивымъ, никогда не глядящимъ прямо и жесткимъ взглядомъ маленькихъ глазъ невольно производилъ своею наружностью впечатлѣніе самой продувной бестіи. Каждую развернутую предъ нимъ вещь онъ подозрительно оглядывалъ со всѣхъ сторонъ, переворачивалъ на изнанку, рассматривалъ на свѣтъ, словно въ числѣ этихъ подарковъ могла быть какая-нибудь ветошь, и затѣмъ со скромною, почти іезуитскою манерой, тихо и кротко, безапелляціоннымъ тономъ изрекалъ ей оцѣнку, и контролеры тотчасъ же спѣшили записать произнесенный имъ приговоръ. Покушики же въ это время молчаливо сидѣли, не перемѣнявъ своихъ позъ да попивая изъ колоска-тельныхъ чашекъ зеленый чай, выставленный для нихъ нашими приставами, и тихо какъ гипсовыя котики поматывали головами, когда Маассумъ объявлялъ цѣну той или другой вещи. Для художника-жавриста это была бы очень характерная и яркая по своимъ краскамъ картинка изъ восточного быта. Вся эта комедія тянулась довольно долго, а монотонное теченіе ея на минуту нарушалось оживленнымъ споромъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда Асланбекъ, озадаченный черезчуръ уже низкою оцѣнкой какой либо вещи, явно несообразною съ ея достоинствомъ, заявлялъ свой протестъ Маассуму. Въ этихъ случаяхъ покушики, прикладывая руку къ сердцу, все въ одинъ голосъ начинали божиться и уверять, что, напротивъ, оцѣнка эта самая добросовѣстная, даже щедрая, даже гораздо выше рыночной цѣны, да иначе и быть не можетъ, потому что въ противномъ случаѣ всѣмъ имъ головы будутъ рѣзать. Къ спору присоединялись наконецъ и сами контролеры, заявляя, что въ ихъ присутствіи не можетъ выйти никакой фальши, такъ какъ они нарочно затѣмъ и сидѣть здѣсь, чтобы запускать цѣны и повѣрять какъ цѣновщика, такъ и покушиковъ, и что всѣ ихъ записи обязательно должны быть представлены потомъ на просмотръ самому эмиру, который

за малъшую неисправность всѣхъ ихъ будеть казнить безъ пощадно, всѣмъ головы рѣзать. Одинъ только Маассумъ даже и въ эти минуты оставался невозмутимо спокойенъ, и деревяннымъ своимъ тономъ отчеканивалъ разъ уже сказанную цѣну. Но что всѣ они лгали самымъ бессовѣстнымъ образомъ, въ силу правила, по которому рука руку моетъ, чтобы обѣ чисты были, въ томъ можно было убѣдиться тутъ же, не уходя съ посольского двора, такъ какъ въ это же самое время другіе, такъ сказать, посторонніе покупщики, недопускаемые на айванъ, но успѣвшіе пробраться на конюшій дворъ, предлагали за тѣ же вещи болѣе выгодную цѣну. Такъ напримѣръ, за адресовые халаты они давали нашимъ казакамъ и джигитамъ по 30 тенговъ за каждый, тогда какъ Маассумъ назначалъ за нихъ только по 24 тенги. Равнымъ образомъ, въ его же одѣніи, парчевые халаты пошли у Асланбека по двѣнадцати рублей, тогда какъ на базарѣ аршинъ русской парчи стоять $2\frac{1}{2}$ р. металлическихъ, а идетъ ее на халатъ 12 аршинъ; — значитъ одинъ матеріаль стоять 30 р., не считая адресовой подкладки, аграманту и проч. Вследствіе этого они оцѣнили Асланбеку вещи всего лишь въ 7,000 руб., тогда какъ действительную стоимость ихъ надо класть по крайней мѣрѣ въ 15 тысячъ. Понятно, что контролеры могли писать въ своихъ отчетахъ какія имъ угодно цифры, если только отчеты эти действительно представляются эмиру, какъ понятно и то, что покупщики, получивъ товаръ за столь выгодную цѣну, не оставили, конечно, безъ хорошаго вознагражденія труды Маасума и контролеровъ.

Предлагали было эти господа и мнѣ продать имъ свои вещи, но я поблагодарила ихъ, объяснивъ, что моихъ вещей вовсе не таѣ много, чтобы онѣ могли представить собою для покупщиковъ какой либо существенный интересъ. Да и кромѣ того, все что было у меня лучшаго, я еще раньше рѣшилъ оставить у себя, для обстановки своего азіатскаго кабинета, а все излишнее мой Сайфуддинъ продалъ впослѣдствіи, при

подходящемъ случаѣ, частнымъ покупщикамъ, сравнительно за гораздо большую цѣну.

Думали мы, что кушъ-беги сегодня отплатить намъ визить, однако же этого почему-то не случилось.

Вечеромъ приходили къ князю съ заявлениемъ своихъ пуждъ проживающіе въ Бухарѣ русскіе коміssionеры и прикащики нашихъ купцовъ, но въ чемъ эти нужды — пока еще не знаю.

25 января.

Сегодня утромъ князь сказалъ мнѣ, что ему надо еще переговорить на счетъ телеграфа съ Магометъ-Шерифомъ, но что при этомъ онъ желалъ бы на сей разъ устранить нашего официального переводчика маюра Байтокова отъ необходимости присутствовать въ своей роли при этомъ свиданіи, долженствующемъ носить совершенно интимный конфиденціальный характеръ, и думаетъ обойтись для экспликацій съ однимъ своимъ частнымъ ординарцемъ. Поэтому князь предложилъ мнѣ вѣхать осматривать достопримѣчательности города и взять съ собою маюра Байтокова, который, кстати, предваренъ уже о томъ, что не пойдетъ съ княземъ, а отправится со мной. Такъ какъ телеграфный вопросъ, въ особенности послѣ столь категорического рѣшенія его самимъ эміромъ еще въ Шаарѣ, уже не представлялъ (по крайней мѣрѣ для меня) никакого больше интереса, да и не былъ спеціально порученъ мнѣ генералъ-губернаторомъ, то я съ величайшимъ удовольствіемъ воспользовался столь любезно и такъ кстати предоставленной мнѣ возможностью осмотрѣть столицу Бухарскаго ханства.

Выѣхали мы съ маюромъ въ десять часовъ утра. Сопровождали насъ два эсауль-бashi, въ качествѣ проводниковъ, да и сколько конвойныхъ казаковъ и джигитовъ.

Но прежде, чѣмъ приступлю къ описанію осмотрѣнныхъ нами достопримѣчательностей, мнѣ хотелось бы отчасти познакомить читателя съ некоторыми, далеко не безъинтересными свѣдѣніями о судьбахъ этого города. Тутъ будетъ немножко географіи, немножко статистики и кое-что изъ исторіи.

Городъ Бухара лежить подъ $39^{\circ}46'$ съверной широты, то есть почти на одной параллели съ Неаполемъ, съверной Испаніей, Синсінати, Філадельфіей и Пекіномъ. Въ немъ считается 360 улицъ и переулковъ, шириной отъ полутора аршина до трехъ сажень, и столько же мечетей — по одной на каждую улицу, — такъ по крайней мѣрѣ увѣряютъ бухарцы. Число городскихъ жителей опредѣляется приблизительно въ 70,000 человѣкъ; но судя на-глазъ, по уличному и площадному движению, надо думать, что ихъ гораздо больше. Я полагаю, что цифра около 100,000 будетъ наиболѣе близкою къ истинѣ¹⁾. Городъ лежить въ сторонѣ отъ Зеравшана, на искусственно проведенномъ изъ этой рѣки каналѣ Шахри-рудѣ, который втекаетъ въ его застѣнную часть съ восточной стороны, между Каршинскими и Мазарскими воротами, а вытекаетъ изъ оной у воротъ Талипачъ, на западномъ фасѣ стѣны, раздѣляя городъ на двѣ почти равныя между собою части, съверную и южную. Въ чертѣ города ширина Шахри-руды не вездѣ одинакова: гдѣ пять, гдѣ семь сажень; но за предѣлами стѣнъ онъ уширяется вскорѣ до десяти, а мѣстами до двѣнадцати сажень, глубина же его вообще не превышаетъ семи футовъ. Не считая читаемыхъ имъ загородныхъ арыковъ, орошающихъ множество окрестныхъ садовъ и плантаций, изъ него въ чертѣ самаго города истекаетъ въ разныхъ направленіяхъ много побочныхъ канавъ и канавокъ, проводящихъ воду въ городские пруды (хаузы), которые въ числѣ 83 разсѣяны по разнымъ частямъ и кварталамъ Бухары, преимущественно же въ ближайшемъ сосѣдствѣ иѣкоторыхъ медрессе и мечетей. Но вода впускается въ Шахри-рудѣ изъ Зеравшана не постоянно, а лишь по мѣрѣ надобности — зимой не болѣе двухъ, а лѣтомъ четырехъ разъ въ мѣсяцъ для освѣженія хаузовъ и побочныхъ арыковъ²⁾. Поэтому вода въ городѣ не только пеблагопріятна,

¹⁾ Относительно собственно застѣнного города. Пригороды и подгородные кишлаки въ этотъ разсчетъ не входятъ.

²⁾ При истокѣ Шахри-руды устроена плотина, отдѣлающая его отъ Зеравшана. Всякий разъ, что надо впустить свѣжую воду, плотину эту про-

но даже прямо вредна для здоровья и служить специальною причиной ришли, особенной болѣзни, которою страдаютъ мѣстные жители и о которой будетъ сказано ниже. Но, кроме плохой воды, на гигіеническія условия городской жизни, вѣроятно, не остается безъ вліянія и то обстоятельство, что здѣсь внутри самого города находится семнадцать больѣ или менѣе значительныхъ кладбищъ, не считая тѣхъ, что примыкаютъ къ его стѣнамъ съ наружной стороны, и тѣхъ, что разсѣяны въ ближайшихъ окрестностяхъ. Изъ городскихъ кладбищъ наиболѣе замѣчательны Хазрати-Ишани-Имля или царское, находящееся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ нашимъ посольскимъ домомъ, и Аспъ-Гарданъ, неподалеку отъ урды, въ съверо-западномъ концѣ города. Послѣднее славится въ особенности тѣмъ, что имѣть будто бы свойство исцѣлять больныхъ лошадей; поэтому около него всегда можно встрѣтить нѣсколько убогихъ и хромыхъ клячъ, понуро стоящихъ или водимыхъ за поводъ около могилокъ.

О количествѣ городскихъ базаровъ и каравань-сараевъ говорилось уже выше, а теперь, чтобы покончить съ городскою статистикой, скажу вкратцѣ, что главныхъ мечетей или такъ называемыхъ месджиди-джумая здѣсь находится 8, медрессе 103, изъ коихъ 60 считаются главными, а начальныхъ школъ или мектебовъ, говорятъ, будто бы столько же, сколько и мечетей, то есть 360. Наконецъ, общественныхъ бань, которая считаются лучшими — 16; но съ насть довольно уже было знакомства и съ шаарскою „лучшею“ бани, чтобы не продолжать его съ бухарскими. Вотъ и все, что пока известно намъ о статистикѣ города, а потому перейдемъ къ его истории.

У бухарцевъ до сихъ поръ сохранились не только устныя,

кальваютъ и затѣмъ, напустивъ воды сколько нужно, тотчасъ же снова забиваютъ хворостомъ и землей. Для присмотра за этими работами и регуляціи орошения существуетъ особый чиновникъ, мирабъ, въ вѣдѣніи коего находятся нѣсколько помощниковъ и рабочие люди, содержимые на счетъ правительства.

В. В. КРЕСТОВСКИЙ.

но и письменные предания о томъ, что на мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ городъ Бухара, въ древности было большое озеро, широко поросшее вѣругъ береговъ камышами. Наршахи въ своей Книгѣ новостей бухарскихъ (Китабъ-и-Абхаръ-и-Бухара), ссылаясь на Хезаинъ Ульгулюмъ (Сокровища Мудрости), сочиненіе Абдурахмана Нишабури, разсказываетъ, что „площадь, занимаемая нынѣ городомъ Бухарой, была водоемомъ и покрывалась частію камышами, частію лѣсомъ и кустарниками, а въ иныхъ мѣстахъ и верблюдъ не могъ перейти въ бродъ“. Происхожденіе этого водоема Абдурахманъ Нишабури объясняетъ тѣмъ, что „въ сторонѣ Самарканда (то есть въ восточной) тающіе горные снѣга образовали большую рѣку, которая и находится близъ Самарканда, и ее называли Мазафъ. Воды въ ней было много, и вода эта увлекала съ собою много глины, которая и наполнила котловину названного выше водоема, скопляясь въ ней все болѣе и болѣе съ каждымъ наплывомъ весеннихъ водъ, пока наконецъ не заполнила ее всю доверху. Тогда земля выровнялась, и вода высохла, а мѣсто это назвалось Бухарой; рѣка же получила название Согда“ (нынѣшній Зеравшанъ). Далѣе Наршахи разсказываетъ, что первые обитатели сихъ мѣстъ были пришедшие съ запада таджики, которые нашли здѣсь болото, покрытое густыми камышами и служившее логовищемъ для разныхъ дикихъ звѣрей. Эти таджики впервые начали обрабатывать берега названного болота, которое въ тѣ времена еще настолько было богато водой, что въ избыткѣ давало ее для орошения ихъ полей и садовъ. Естественно, что чѣмъ больше проводилось оросительныхъ каналовъ, тѣмъ меньше становился въ котловинѣ запасъ воды, пока наконецъ не осушилось такимъ образомъ все болото, и очень возможно, что озеро Кунджа (Кунджа-куль), еще и донынѣ сохранившееся въ юго-восточныхъ окрестностяхъ Бухары, близъ Каршинской дороги, равно какъ и тѣ камышевые заросли, что встрѣчаются тамъ и сямъ въ городскихъ предмѣстьяхъ, въ особенности въ ихъ южной части, суть не иное чѣмъ, какъ остатки того первобытнаго озера, о

которомъ повѣствуютъ Абдурахманъ Нишабури и Наршахи. Да и самая глинисто-солонцеватая почва города и его окрестностей отнюдь не отвергаетъ, а скорѣе подтверждаетъ справедливость древняго преданія.

Организовавшись въ осѣдлое общество, жители сего мѣста вскорѣ выбрали себѣ изъ своей же среды старѣйшину-правителя (бія), по имени Аберци, который жилъ въ городѣ Бійкендѣ¹), такъ какъ Бухара въ то время еще не существовала. Построилъ же ее, по преданію, разсказанному у Наршахи, Сіаушъ, сынъ Иранскаго царя Кайкоуса, который, бѣжавъ отъ гнѣва своего отца изъ Ирана за рѣку Джигхунъ (Аму-Дарью), явился къ царю туранскому Афросіабу. Этотъ послѣдній оказалъ ему большой почетъ и даже женилъ его на своей дочери, за которой далъ въ приданое удѣль. Желая оставить по себѣ память, Сіаушъ построилъ на территории этого удѣла замокъ и городъ, назвавъ его Бухарой. Что касается этимологии этого слова, то у кара-киргизовъ Бухарой называется простой народъ, чернь; по-монгольски же Бухара значитъ городъ храмовъ²).

Древній иранскій религіозный кульпъ впослѣдствіи уступилъ здѣсь мѣсто зороастризму, который прекрасно уживался въ Средней Азіи съ буддизмомъ, проникшимъ сюда гораздо раньше Зороастрова ученія, какъ ужился впослѣдствіи и съ христіанствомъ Несторіанскаго толка. Буддизмъ оказывалъ свое влияніе на Турانъ еще въ очень раннія эпохи, что находилось въ прямой зависимости отъ всегдашихъ сношеній Турана съ Тибетомъ и Китаемъ³). Весьма значительная часть

¹⁾ Бій или бей значить старшина, родоправитель, князь, а кендѣ — поселеніе, городъ.

²⁾ По-монгольски словомъ бухаръ называется всякий буддійскій храмъ и монастырь.

³⁾ Эти сношения, о которыхъ свидѣтельствуетъ Шахнаме (Книга Царей), фактически подтверждены нашими самаркандскими раскопками 1883 года на древнемъ городище Афросіаба: китайскіи монеты были найдены нами въ глубокихъ слояхъ первобытныхъ человѣческихъ поселеній этого мѣста.

туранского населения послѣ смерти Кай-Хосру (Кира) уже исповѣдывала буддизмъ¹⁾. Поэтому очень возможно, что название „Бухара“ имѣетъ монголо-буддійское происхожденіе. Весьма вѣроятно, что въ ней было нѣсколько буддійскихъ храмовъ и монастырей (бухаровъ), каѳь впослѣдствіи были и христіанскія церкви²⁾.

¹⁾ См. Eranische Alterthumskunde, профессора Фр. Шлигеля, стр. 663.

²⁾ Что касается христіанства, то надо сказать, что до покоренія Средней Азіи въ VI вѣкѣ арабами оно дѣлало здѣсь значительные успѣхи. Голямы изъ Византіи честоріане уходили все далѣе и далѣе на востокъ, проникая до береговъ Окса и Яксарта (Сыръ-Дары) и повсюду пріобрѣтая себѣ новыхъ послѣдователей. Въ 334 году по Р. Х. уже существовала архіепископская каѳедра въ Тусѣ и Мервѣ, а съ 420 года Мервъ сдѣлался мѣстомъ постояннаго пребыванія митрополитовъ среднеазійскихъ. Въ Трансоксаніи же центромъ христіанства былъ Самаркандъ, гдѣ, по свидѣтельству спрѣйскихъ источниковъ, епископія существовала съ 411 года. Есть также свидѣтельства (Косма и Наршахи) о христіанахъ на берегахъ Окса въ VI вѣкѣ нашей эры, и Наршахи между прочимъ разсказываетъ, что арабы, покоривъ городъ Бухару, пашли въ немъ кешкуацовъ (кешкуацъ значитъ странникъ) и что люди тѣ были не изъ туземцевъ, равно и не арабскаго происхожденія, а по религії не принадлежали ни къ магометанству, ни къ огнепоклонству; пришли же они нѣкогда изъ западныхъ странъ и поселились въ Бухарѣ, гдѣ занимались торговлей и пользовались всеобщимъ уваженіемъ. Когда арабскій военачальникъ Кутейбе-бенъ-Муслимъ; по взятіи Бухары, приказалъ мѣстнымъ жителямъ уступить его воинамъ половину своихъ домовъ, то у кешкуацъ велиль онъ отобрать все ихъ городское имущество. Вслѣдствіе этого они выселились за городъ, въ ближайшія его окрестности, и вскорѣ развели тамъ прекрасные сады, настроили себѣ домовъ и кюсковъ, но впослѣдствіи, при окончательномъ изгнаніи ихъ арабами, у нихъ и это имущество было отнято и продано за дорогую цѣну. Въ III вѣкѣ Геджры значительная христіанская община удержалась только близъ Самарканда, въ мало доступныхъ горныхъ глыбахъ, среди скалистыхъ ущелій и трущобъ Зардегирда. Но въ восточныхъ частяхъ Туркестана христіане держались еще до конца XIII столѣтія и жили спокойно, не подвергаясь преслѣдованіямъ при владычествѣ буддистовъ-монголовъ. По разсказу Наршахи, въ 279 (892 — 93) году эмиръ Измайлъ, изъ династіи Саманидовъ, по вступленіи на престолъ, въ знакъ благодарности халифу Багдадскому за утвержденіе его въ самѣи эмира, предпринялъ священную войну противъ христіанскаго Таваза, ко-

Въ самый ранній періодъ исторической жизни Бухары мы уже встрѣчаемъ тамъ женщину на политическомъ поприщѣ, въ роли правительницы. По словамъ Наршахи, то была вдова владѣльчаго князя бухарскаго Бендуна, по имени Хатунъ, правившая сначала за малолѣтствомъ своего сына, а потомъ и послѣ его совершеннолѣтія. Наршахи разсказываетъ о ея необыкновенной красотѣ, мудrostи, правосудіи и великолѣпіи ея двора. Правленіе ея продолжалось болѣе пятидесяти лѣтъ и было ознаменовано первымъ появлѣніемъ въ ея государствѣ завоевателей-арабовъ, съ которыми она вела продолжительную войну, пока наконецъ эти пришельцы не сломили упорное сопротивленіе бухарцевъ. Этюю женщиной оканчивается фактическое господство первыхъ династій Бухары: слѣдовавшіе за нею князья получали отъ магометанскихъ завоевателей только титулъ, но не власть правителей. Насильственно обращенные въ исламъ, они придерживались его только наружно, а втайне продолжали исповѣдывать прежнюю свою зороастрическую религію. Долго не прививался насильственно вѣдромъ исламъ къ Центральной Азіи и вначалѣ повсюду былъ встрѣченъ въ ней крайнею непріязнью. Долго не поддавалась и Бухара религіозной пропагандѣ арабовъ. Четыре раза склоняясь предъ силой вторгавшихся въ нее завоевателей,

торый лежалъ на сѣверной границѣ его царства, гдѣ находится городъ Хазрати-Туркестанъ — нынѣ нашъ уѣздный городъ. Покоривъ его, Измайлъ обратилъ въ мечеть его большую церковь, существующую и понинѣ. Послѣ того, еще въ X — XI вѣкѣ между югурами (туркское племя), жившими въ окрестностяхъ города Туркестана, было много христіанъ. Туркскія племена найманъ и канглы также исповѣдывали христіанство, о чёмъ находятся положительныя свидѣтельства у Джувейни въ его сочиненіи Джиганкунъ, и были они христіанами еще въ 1336 году; но рядъ религіозныхъ войнъ повелъ къ насильственному обращенію ихъ въ мусульманство и съ теченіемъ времени истребилъ всѣ корни христіанства въ Средней Азіи. Въ Ташкентскомъ музѣй находится нѣсколько предметовъ, въ томъ числѣ одна мечеть, съ христіанскими изображеніями, крестами и т. п., найденныхъ близъ Самарканда, Исыкъ-Куля и въ другихъ мѣстностяхъ.

она каждый разъ по виѣшности подчинялась ихъ религії, но затѣмъ при первой малѣйшей возможности отпадала отъ нея и возвращалась къ древнему огнепоклонству. Даже и послѣ четвертаго разгрома войсками Кутейбе-бенъ-Мусліма въ 91 г. Геджры (709 по Р. Х.) населеніе Бухары, опять насильственно обращенное въ исламъ, тѣмъ съ болѣшимъ усердіемъ продолжало собираться для служенія древнему своему культу по ночамъ, въ глухихъ мѣстахъ, въ тайникахъ и подземельяхъ. Въ Бухарѣ даже и по сей день существуетъ подземный храмъ, сохранившій еще отъ тѣхъ временъ название мечети огнепоклонниковъ — месджиди Моганъ. Борьба двухъ культовъ была упорна и продолжительна. Въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій поселившіеся въ Бухарѣ арабы не могли показываться на улицахъ и въ мечетяхъ иначе, какъ въ полномъ вооруженіи, въ полной готовности къ бою, несмотря на то, что туземцы съ самаго начала были поголовно обезоружены побѣдителями и долго еще послѣ своего обращенія въ магометанство не смѣли ни носить, ни хранить у себя дома никакого оружія. Тѣмъ не менѣе между арабами и новообращенными бухарцами безпрестанно происходили кровавыя уличныя драки и жаркія схватки, пока наконецъ завоеватели не отняли у туземцевъ всю ихъ недвижимую собственность и не подѣлили весь городъ съ его окрестностями между собою. Тогда-то были обращены въ мечети и подземный храмъ огнепоклонниковъ, и христіанская церковь въ загородной части Бухары. Такъ же было поступлено и съ Самарканомъ.

Послѣ четвертаго разгрома Бухары, политическія и религіозныя замѣшательства въ ней во время господства арабовъ длились еще болѣе полутора столѣтія. Но наконецъ исламъ одолѣлъ, и вотъ, при эмирѣ Измаилѣ, человѣкѣ иранскаго происхожденія, изъ династіи Саманидовъ¹⁾, мы уже видимъ Бухару „благороднѣйшею опорой ислама“, хотя и не въ араб-

¹⁾ Умеръ въ 295 (907) году, на 61 году жизни, послѣ 34-хъ-лѣтнаго правленія.

скомъ, а въ иранскомъ духѣ, все-таки сохранившемъ въ себѣ живую струю зороастрическаго міросозерцанія. Въ эпоху Измаила Бухара сдѣлалась центромъ духовныхъ стремленій и дѣйствій, одушевлявшихъ тогда восточную часть магометанскаго міра. Древнюю свою репутацію „столицы наукъ“ она сохранила за собою и въ это время, но дѣятельность ея ученыхъ была теперь направлена преимущественно въ теософическую сторону, въ силу чего городъ не только прославился своими религіозными знаменитостями, но и сдѣлался предметомъ зависти для прочихъ центровъ ислама, какъ въ центральной, такъ и въ западной Азіи, а гробницы этихъ знаменитостей еще и теперь составляютъ въ Бухарѣ предметъ всеобщаго почитанія¹). Эмиръ Измаилъ предпочелъ Бухару Самаркану и сдѣлалъ ее своею столицей именно за ея „святость“. По свидѣтельству его историковъ, онъ привлекъ къ себѣ ученыхъ даже изъ отдаленнѣйшихъ мусульманскихъ странъ и щедро оплачивалъ ихъ труды, представляя имъ полныя удобства къ занятіямъ въ роскошно построенныхъ медрессе и кира-хане (читальныхъ залахъ). Иранскій языкъ, подвергавшійся въ теченіе болѣе двухсотъ лѣтъ преслѣдованіямъ со стороны арабовъ, при Измаилѣ сталъ опять развиваться, очищаясь отъ прымѣси арабскихъ словъ и оборотовъ рѣчи, и наконецъ достигъ полнаго блеска въ произведеніяхъ Фирдуси. Количество медрессе въ городѣ Бухарѣ при эмирѣ Измаилѣ было больше, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ городахъ Средней Азіи, а изъ числа его сооруженій въ томъ же городѣ его историки называютъ дворецъ на регистанѣ, который хотя и существовалъ на томъ же мѣстѣ и въ до-магометанскій періодъ, но Измаилъ значительно его расширилъ и украсилъ. Затѣмъ онъ же построилъ Сараи-Мозланъ, роскошный дворецъ съ садами, цветниками и фонтанами, на берегу канала того же имени. Кроме того, онъ много забо-

¹⁾ Въ Бухарѣ и ея окрестностяхъ покоятся нѣсколько сотъ святыхъ, исчисленныхъ въ книгѣ Цихри-Улема-и-Бухара, изъ коихъ большая часть жила во времена правленія Саманидовъ.

тился о водопроводахъ, и въ его время Шахри-рудъ былъ выложенъ камнемъ, но нынѣ отъ этой каменной облицовки уже и слѣдовъ не осталось.

Въ 615 (1218) году монгольской полчища Чингисъ-хана изъ глубины Гобійской степи наводнили собою многія мусульманскія страны Средней Азіи, а годъ и нѣсколько мѣсяцевъ спустя дошла очередь и до Бухары. Причиной этого нашествія было то, что Султанъ-Магометъ, властитель Бухары, спѣяну велѣль казнить 490 монгольскихъ купцовъ, заподозривъ въ нихъ соглядатаевъ Чингисъ-хана, а затѣмъ казнилъ и посла, отправленного къ нему Чингисомъ специально для разъясненія этого дѣла.

Чингисъ подошелъ къ городу въ первые три дня магарема¹⁾ 617 (1220) года и расположился становъ подъ его стѣнами. Бухара, располагавшая всего лишь 20,000 воиновъ, рѣшилась защищаться, но вылазка бухарского гарнизона окончилась такимъ пораженіемъ, что лишь немногимъ удалось вернуться въ городъ. Тогда устрашенные обыватели отправили къ Чингису почетныхъ лицъ молить его о пощадѣ, и монгольский джигангиръ²⁾ въ сопровожденіи ихъ торжественно вступилъ въ городъ. Здѣсь прежде всего обратилъ онъ вниманіе на великолѣпное зданіе большой соборной мечети, построенной еще эмиромъ Измаиломъ, и спросилъ, не дворецъ ли это хана. Ему отвѣчали, что это „домъ Божій“. Тогда Чингисъ сошелъ съ лошади, поднялся на пантерь и возгласилъ оттуда сопровождавшимъ его монгольскимъ полкамъ: „Лугъ склоненъ, кормите вашихъ коней!“ Эти слова были какъ бы сигналомъ къ неистовой рѣзѣ и грабежу всего, что нашлось въ городѣ. Историки этого погрома, Джувейни, Ибнъ-уль-Аттаръ и другие изображаютъ его яркими и ужасными красками. „Не только всѣ дома и всѣ сундуки были разбиты и похищены изъ нихъ всѣ сокровища, говорить Джувейни, но

не были пощажены даже священные предметы, ни по виду, ни по достоинству своему не представлявшіе рѣшительно никакой цѣнности въ глазахъ грабителей. Такъ, кораны были изорваны и разбросаны подъ ноги вьючнымъ животнымъ вместо подстилки, а лари, въ коихъ хранились священные книги, обращены въ ясли для корма лошадей. Самые почтенные шейхи и муллы, свѣтила мудрости и учености, должны были прислуживать бражничавшимъ ратникамъ въ качествѣ шербеть-бардаровъ¹⁾ и убирать за ихъ ишаками, какъ конюхи“. Пробывъ въ городѣ вѣсомъ часовъ, Чингисъ выѣхалъ на Масаллу, открытую загородную площадь, служившую для общественныхъ молитвъ, куда уже заранѣе было сognано все городское населеніе, и велѣль представить себѣ самыхъ знатныхъ и богатыхъ обывателей, которыхъ набралось здѣсь 280 человѣкъ и въ томъ числѣ 90 иноземныхъ купцовъ. Обратясь къ нимъ, онъ сказалъ: „Знайте, люди, что вы совершили тяжкіе грѣхи, въ которыхъ болѣе всѣхъ виноваты ваши правители“ (память на Султанъ-Магомета). „Вы недоумѣваете, кто это такъ говорить съ вами? Такъ знайте же, что я — бичъ Божій. Не согрѣши вы, Богъ не послалъ бы меня для своей кары надъ вами“. Приставивъ къ выборнымъ города охранную стражу, Чингисъ занялся при ихъ посредствѣ приведеніемъ въ извѣстность земельныхъ участковъ и количества получаемыхъ съ нихъ доходовъ. А тѣмъ временемъ остатки войскъ Султанъ-Магомета, скрывавшіеся въ урдѣ, еще не взятой приступомъ, не переставали тревожить его станъ мелкими почными нападеніями. Чингисъ потребовалъ ихъ выдачи, чего выборные, конечно, не могли исполнить, тѣмъ болѣе, что населеніе оказывало своимъ войскамъ тайную поддержку. Тогда Чингисъ велѣль сжечь городъ и разрушить до основанія его стѣны. Нѣсколько дней горѣла Бухара, пока вся не обратилась въ груду мусора, а гарнизонъ въ урдѣ все еще не сдавался. Монголы нѣсколько разъ пытались было

¹⁾ Мѣсяцъ Магаремъ, съ котораго начинается новый годъ мусульманъ.

²⁾ Джигангиръ — всемирный завоеватель, міропотрясатель.

¹⁾ Шербеть-бардаръ — мундшеникъ, виночерпій.

брать ее приступомъ и заставляли горожанъ-бухарцевъ лѣзть впереди себя на штурмовыя лѣстницы, но гарнизонъ продолжалъ держаться. Наконецъ цитадель была взята только тогда, когда трупы людей и животныхъ, заполнивъ ровъ, образовали собою какъ бы гору, примкнутую къ стѣнѣ, и по этой-то горѣ поднялись на верхъ стѣны безчисленные толпы монгольскихъ ратниковъ. Гарнизонъ весь былъ вырѣзанъ, и вмѣстѣ съ нимъ та же участъ постигла и 30,000 горожанъ, казненныхъ чрезъ палача на площади, а остальные, безъ различія званія, кромѣ стариковъ и слабосильныхъ, были уведены въ неволю и разсѣяны въ разныя стороны. Ибнъ-уль-Атиръ повѣствуетъ, что „въ тотъ ужасный день только и слышались стоны и вопли мужей, женъ и дѣтей, разлучаемыхъ наявѣки. Монголы насиловали женщины и девицѣ предъ глазами ихъ мужей, отцовъ и братьевъ, которымъ въ ихъ безсиліи оставались оружіемъ однѣ слезы, и многие изъ таихъ, предпочитая смерть столь возмутительному зрѣлищу, бросались на оскорбителей и погибали въ неравной борьбѣ“.

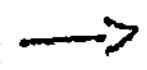
Послѣ Бухары та же участъ постигла и Самаркандъ, который, такъ же какъ и цитадель его, былъ сравненъ съ землей а жители, лишенные всего имущества, уведены въ рабство. Словомъ, всѣ цвѣтущіе города Средней Азіи были обезлюжены и обращены въ груды развалинъ. Трансоксанія обращена въ одну изъ провинцій громадной Монгольской имперіи подъ именемъ Чагатайскаго ханата, и властовать въ ней остался родъ Чагатая, втораго сына Чингисова, династія котораго продержалась съ небольшимъ перерывомъ на бухарскомъ престолѣ до самаго появленія на политическомъ попришѣ Тимурленка.

Чагатай всячески старался возстановить благосостояніе разгромленной страны и строго правилъ въ духѣ справедливости и равноправія всѣхъ религій и народностей своего государства. Онъ ввелъ умѣренную поголовную подать отъ одной до семи тенгровъ, смотря по состоянію плательщика, за исключеніемъ духовенства всѣхъ религій, которое было

освобождено отъ всякой подати. Вслѣдствіе такого направления внутренней политики, жизнь въ Бухарѣ вскорѣ вошла въ свою прежнюю колею, и на пожарищахъ воздвигались новые постройки, а въ 632 (1234) году, спустя четырнадцать лѣтъ послѣ разгрома, уже до тысячи человѣкъ шагирдовъ (студентовъ) учились въ медрессе, учрежденныхъ Мессудъ-бекомъ и Серкути-бекомъ. „Но, замѣчаетъ Вамбери, уже не существовало въ нихъ прежнихъ свѣтиль наук, профессоровъ, либо разогнанныхъ, либо перебитыхъ во время общихъ избиеній, либо угнанныхъ на чужбину, да и книгохранилища прежнія были уничтожены. Вмѣсто живой науки воскрѣсъ ея призракъ въ видѣ казуистики“.

Такъ какъ восточная часть тюркскихъ племенъ явилась союзницей монголовъ въ ихъ нашествіи на культурныя страны Средней Азіи, то съ тѣхъ порь вообще туранскій элементъ въ этихъ странахъ начинаетъ преобладать надъ иранскимъ. Пока потомки Чингисъ-хана обладали дѣйствительною силой, тюрки или узбеки были ихъ покорѣйшими слугами; но какъ только началось паденіе Чингисидовъ, они вездѣ старались занять място своихъ прежнихъ господъ. Такимъ образомъ, когда монархія Чагатая распалась на части, то на югѣ ея, а именно въ Кепѣ и Нахшебѣ (Шахрисебѣ и Карши), возникло независимое владѣніе подъ властью узбекскаго дома Бырласъ, отъ одной изъ вѣтвей котораго произошелъ въ 736 (1333) году Тимуръ-бекъ, впослѣдствіи названный Тимурленкомъ, знаменитый джигантиръ (завоеватель міра), равнаго коему, кромѣ Чингисъ-хана, не знаетъ исторія Средней Азіи.

При Тимурѣ городъ Бухара не игралъ никакой выдающейся политической роли, такъ какъ любимѣйшімъ място-пребываніемъ джигантира сдѣлался поэтическій Самаркандъ, украшенный имъ дивными произведеніями зодчества; но блескъ его щедрости и великолѣпія тѣмъ не менѣе падалъ и на оставленную столицу. Извѣстно, что самою дорогую частью добычи въ каждой покоренной странѣ Тимуръ считалъ ея

зодчихъ, художниковъ, ученыхъ и искусственныхъ ремесленниковъ, которыхъ переселялъ къ себѣ въ Самаркандъ и поощрялъ ихъ дѣятельность царски щедрою рукой. Поэтому, въ блестящій periodъ его царствованія развилась такая роскошь въ сооруженіи религіозныхъ, благотворительныхъ и ученыхъ учрежденій, что ея слѣды и памынѣ останавливаютъ на себѣ внимание, какъ въ Самаркандѣ, такъ и въ Бухарѣ. Тимуръ самъ подавалъ тому первый примѣръ, а отдѣльные члены его семейства, равно какъ визири и прочие богачи, соперничали между собою въ устройствѣ и обезпеченіи цѣнными вакуфами своихъ медрессе, читальныхъ домовъ, больницъ и мечетей. Изъ наслѣдниковъ Тимура болѣе другихъ замѣчательнѣ были въ этомъ отношеніи его внукъ Улугъ-бекъ, сынъ Шахрухъ-Мирзы, который въ благородномъ стремленіи къ просвѣщенію превзошелъ своего отца и дѣда. Это онъ создалъ въ Самаркандѣ знаменитую въ свое время обсерваторію и составилъ въ 841 (1437) году Кюреенскія астрономическія таблицы, исправившія времячисление Птоломея, а самаркандская и бухарская медрессе, носящія его имя, до сихъ поръ остаются великоклѣпными памятниками его щедрости и эстетического вкуса. Время его довольно продолжительного правленія считается въ Средней Азіи золотымъ вѣкомъ Тимуридовъ и сравнивается только съ эпохой великаго Саманида Измаила. Вообще, потомки Тимура унаследовали отъ него не военный талантъ, а его вкусъ и склонность къ изящному, вслѣдствіе чего при Тимуридахъ вновь процвѣли мусульманское искусство и наука. Цѣлый рядъ грамматиковъ той эпохи установилъ грамматическія и синтаксическія правила узбекскаго языка, изложенные въ учебникахъ, по которымъ и нынѣ учатся въ школахъ многихъ мусульманскихъ странъ. Законовѣды и богословы того времени установили не только многія изъ обрядовыхъ и догматическихъ особенностей среднеазіатскаго ислама, но своими толкованіями привели въ ясность и законченный видъ многіе юридические тезисы Шаріата. Исторія, астрономія, математика и поэзія этой эпохи пред-

ставляютъ цѣлый рядъ имёнъ, пользующихся и теперь знаменитостью не только въ мусульманскомъ, но и въ европейскомъ ученоемъ мірѣ ¹⁾). Изъ искусствъ, кроме зодчества, въ особенности процвѣтали каллиграфія и рисование. Лучшія композиціи настѣнныхъ мозаикъ и извѣяній, равно какъ лучшіе инициалы, заголовки и виньетки, встрѣчающиеся въ мусульманскихъ книгахъ, относятся къ этому periodу. Тимуриды хотя и были ревностными суннитами, но не стѣснялись снабжать свои книги цветными иллюстраціями и украшали многія изъ своихъ зданій картинами альфреско, на которыхъ были изображены не только арабески и неодушевленные предметы, но и портреты знаменитыхъ правителей, полководцевъ и даже святыхъ ²⁾). И если Бухара, какъ уже сказано, не

¹⁾) Таковы, между прочими, улемъ Тиффани — знаменитый какъ богословъ, правовѣдъ, грамматикъ и экзегетъ; Ахметъ Керманн — авторъ „Тимуръ-намеха“ (исторіи Тимура); Джезери — составитель самого полнаго арабскаго лексикона; Мевлана Муайшъ пэръ Ферраха — біографъ Магомета и „главный столицъ Ислама“; Шерифъ-эддинъ — біографъ Тимура и Абдуръ-Ресланъ — историкъ династіи Тимуридовъ; Джами и Васифъ — географы и этнографы, въ особенности Индіи и Китая; Гелали — авторъ поэмы „Шахъ у Дереншъ“ (Царь и Націй), Миръ-Али-Ширъ — авторъ „Меджалисъ эль Нефасъ“ (изящная собранія), поэтъ Ходжа Исметъ-Бухари и мн. др. Кроме того, въ самой фамиліи Тимуридовъ было немало писателей, каковы, напримѣръ, поэтъ Шахрухъ-Мирза, Халиль-Мирза, султанъ Искандеръ Ширази, Сиди-Ахмедъ-Мирза, сынъ Мираншаха, авторъ „Дивана“ (собранія) стихотвореній и поэмъ подъ заглавіемъ „Летафетъ-намехъ“ (книга прелестей), и наконецъ Баберъ-Мирза, основатель династіи Могола въ Индіи и авторъ знаменитыхъ Записокъ о своемъ времени.

²⁾) Султанъ Баберъ-Мирза въ своихъ Запискахъ („Баберъ-намехъ“) разсказываетъ, что султанъ Эбусандъ велѣлъ украсить дворецъ Баберъ-Мирзы скульптурами, а стѣны его расписать изображеніями разныхъ сраженій. Героическая поэма Мегмедъ-Салиха „Шейбани-намехъ“ была покрыта прекрасными цветными изображеніями сраженій, осадъ и пиршествъ. Въ числѣ самаркандскихъ построекъ Улугъ-бека Султанъ-Баберъ называетъ павильонъ тронной залы, Керенюшъ-ханѣ, построенный изъ большихъ мраморныхъ плитъ. Въ саду этого зданія находилась картина галлерея, Чини-хане, стѣны которой были покрыты живописью альфреско, произведеніями художниковъ нарочно написанныхъ изъ Китая.

играла при Тимурѣ политической роли какъ столица, за то въ его же эпоху она славилась на Востокѣ какъ знаменитѣйшая школа живописи, и эта слава удержалась за нею и при его преемникахъ. Исторія того времени сохранила намъ имена знаменитыхъ живописцевъ Бехзаде и Шахъ-Музаффара, каллиграфа Султанъ-Али, архитекторовъ Мегмѣдъ Себса и Кавамъ-Эддина. Музыканты и композиторы того времени тоже были въ немаломъ почетѣ, такъ какъ придворныхъ ширшства не обходились безъ музыки, пѣнія и танцевъ. По свидѣтельству Султанъ-Бабера, въ особенности пользовались известностью Ходжа-Абдуллахъ-Мурваридъ, Куль-Магометъ-Уди, Хуссейнъ-Уди и Шейхъ-Нейи, изъ коихъ одни отличались игрой на арфѣ, другие на гусяхъ, треты на гитарѣ, а Миръ-Шади, Миръ-Газу и Гуламъ были известны какъ композиторы. Въ качествѣ же танцовщика и балетмейстера отличался Сейдъ-Бедръ, сочинившій много новыхъ танцевъ, изъ которыхъ „герати“ остается въ Бухарѣ и до нашего времени однимъ изъ самыхъ любимыхъ.

Произведеніями зодчества послѣ Тимура въ особенности были богаты правленія Шахрухъ-Мирзы, Улугъ-бека, Эбусаида и Мирзы Хуссейна, которые и въ Бухарѣ оставили по себѣ память нѣсколькими капитальными зданіями. Но—увы!—безпрерывная междуусобная войны, эта вѣчная исторія захвата власти побочными родичами у законныхъ наследниковъ, вѣчная борьба изъ-за власти, сопряженная съ преступленіями, казнями, рѣзней и разрушениемъ, и въ то же время беспрестанные набѣги дикихъ узбекскихъ ордъ и непремѣнно сопровождавшіе ихъ разгромы цѣлыхъ областей мало-по-малу снесли съ лица земли большую часть этихъ величественныхъ

Къ сожалѣнію, она безслѣдно погибла во времена одного изъ набѣговъ на Самаркань дикихъ узбекскихъ ордъ, когда, какъ разсказываетъ Абдуръ-Ресакъ, „мозаичныя картины, выписанныя изъ Китая, были вдребезги раздроблены дубинами узбековъ и сбиты со стѣнъ Чини-хане; богатая изолота ея залъ была сдрапана и произведенія искусства многихъ лѣтъ уничтожены въ нѣсколько часовъ“.

и изящныхъ зданій, такъ что теперь лишь по ихъ рисункамъ да по немногимъ кое-гдѣ уцѣльвшимъ образцамъ еще можемъ мы судить о величиіи и изящномъ вкусѣ той зиждительной въ культурномъ смыслѣ эпохи. Въ концѣ концовъ эти братоубийственные войны повели къ тому, что ханъ Шейбани-Мегметъ, чингисидъ изъ рода Джюджи, нахлынулъ съ ордой своихъ отважныхъ узбекскихъ наездниковъ на раздробленную и обезсиленную страну, овладѣлъ въ 905 (1499) году Самарканомъ и положилъ конецъ господству Тимуридовъ, истребивъ за одно ужъ и всѣхъ приверженцевъ ихъ династіи. Такимъ образомъ власть перешла къ династіи Шейбанидовъ, которые для того, чтобы истребить въ народной памяти всѣ преданія эпохи Тимура и его преемниковъ, снова перенесли столицу государства въ Бухару и отвергли обрядъ возведенія при вступлениі на престолъ на самарканскомъ ковѣтѣ ¹⁾.

Изъ династіи Шейбанидовъ самымъ замѣчательнымъ и даже великимъ государемъ былъ знаменитый Абдуллахъ-ханъ благодѣтель своего народа ²⁾). Несмотря на частыя войны, которымъ онъ вынужденъ былъ вести, у него находилось достаточно времени, чтобы заниматься и внутренними дѣлами страны, ея благоустройствомъ. Имя сего государя уже неоднократно приходилось мнѣ упоминать, такъ какъ о немъ и доселѣ свидѣтельствуютъ повсюду разбросанныя его постройки—мосты, цистерны, великолѣпные работы, базары, караванъ-сараи, медрессе, горныя дороги и прочія сооруженія для общаго блага и пользы. Вамбери приводитъ о немъ слѣдующее, весьма характеристическое преданіе: однажды спросили у архитектора этого государя, какъ велико число зданій, которыхъ онъ построилъ по повелѣнію Абдуллаха. Тотъ отвѣ-

¹⁾ Обрядъ этотъ въ прежнемъ своемъ значеніи при церемоніи вступленія на царство былъ возстановленъ только при Аштарханидахъ (1597—1680). Нынѣшній эмиръ быть послѣднимъ изъ хановъ Бухарскихъ, которому довелось исполнить эту церемонію.

²⁾ Родился въ 940 (1538), скончался въ 1006 (1597) году.

чалъ, что число медрессе, мечетей, хаузовъ, бань, больницъ, караванъ-сараевъ, цистернъ и мостовъ простирается до 1,001, хотя въ то время протекла еще только половина его царствованія. Эти многочисленныя постройки мулла Мушфіки снабжаль подобающими надписями въ стихахъ, которые кое-гдѣ и доселъ еще красуются на карнизахъ и фронтонахъ. Изъ построекъ его времени собственно въ Бухарѣ сохранилась, во-первыхъ, медрессе его имени, потомъ большая мечеть Миръ-Арабъ, медрессе Кукольташъ, базары и тмы его же имени, и при немъ же реставриранъ бывшій подземный храмъ огнепоклонниковъ.

Сто-сорокалѣтній періодъ правленія Аштарханидовъ¹⁾ былъ уже временемъ упадка. При нихъ погасъ и послѣдній лучъ того блеска и политического величія, въ какомъ являлась Трансоксанія при Тимуридахъ, и того народнаго благосостоянія, какимъ отличалась она въ правление Абдуллахъ-хана. Архитектурнымъ памятникомъ той эпохи являются мечеть и медрессе, построенные въ Бухарѣ въ 1020 (1611) году богачемъ Насромъ Диванъ-беги на берегу Шахри-руды; но эти постройки уже не отличаются изяществомъ прежняго стиля.

Что до династіи Мангітъ, то о ней я говорилъ уже раньше по поводу „государственной экономіи“, своеобразно понатой эміромъ Маассумомъ, и потому неѣть надобности возвращаться къ ней снова.

¹⁾ Съ 1597 по 1737 годъ.

VIII.

Въ Бухарѣ.

Осмотръ городскихъ достопримѣчательностей.—Царское кладбище.—Медрессе Заргерянъ и Иръ-Назаръ (императрицы Екатерины II).—Начальная школа (мектебъ).—Мечети: Баландъ, Миръ-Арабъ и Каланъ.—Столъ Манари-Каланъ.—Кварталъ прокаженныхъ и болѣзни, свойственные Бухарѣ.—Чего наль показать не хотѣли.—Отношенія къ русскимъ бухарскимъ чиновникамъ и завѣтное желаніе проживающихъ тутъ русско-подданныхъ.—Прощальный визитъ.

Итакъ, на осмотръ города выѣхали мы съ маюромъ Байтоковымъ въ десять часовъ утра.

Въ сосѣдствѣ съ посольскимъ дворомъ находится Хазрати-Ишани-Имля, царское кладбище¹⁾. Въ противность самаркандскому Шахи-Зинда, оно вовсе не блещетъ своими мавзолеями, а представлять лишь тѣсные ряды двускатныхъ гробницъ обыкновенной узбекской формы, оптуватуренныхъ алебастромъ. Камень, вдѣланый въ головную часть гробницы, гласить объ имени и годѣ кончины погребенного подъ нимъ человѣка, съ прибавленіемъ какого нибудь стиха изъ Корана или, иногда, стихотворной эпитафіи. А у многихъ даже и этого неѣть. У некоторыхъ могиль сложены въ изголовья рога мараловъ, туровъ и сайгаковъ, а то и просто бараны; кое-гдѣ торчатъ высокіе шесты съ тряпичами или конскими хвостами надъ

¹⁾ По плану примѣженному къ сочиненію Н. Ханыкова Описаніе Бухарскаго ханства (Сиб. изд. 1843), въ данной мѣстности показано кладбище Гурнстанн Джубарь; но наши приставы утверждаютъ, что это не Джубарь, а Ишани-Имля.

гробницами особено прославившихся благочестивыхъ мужей, да вотъ и все. По правдѣ сказать, мы ожидали отъ царскаго кладбища гораздо болыше изящества и поэтичности. Хоть бы развесистые платаны и вязы освѣняли мѣстами эти могилы, такъ и того нѣтъ: просто площадка, обнесенная кое-гдѣ полуразрушенной стѣнкой и довольно скучно обсаженная вдоль этой стѣнки ветлами и тутами.

Наши пристава предложили намъ осмотрѣть медрессе Заргеранъ и Ирь-Назарь, послѣднюю потому, что она была основана на деньги, пожертвованныя императрицею Екатериной II; Заргеранъ же могъ дать намъ съ наивыгоднѣйшей стороны понятіе о лучшихъ медрессахъ Бухары, такъ какъ многія изъ нихъ построены по его образцу. Начали съ Заргеряна. Это дѣйствительно величественное двухъэтажное зданіе съ высокимъ порталомъ (шишъ-такъ) и двумя минаретами по угламъ передняго фасада. Въ глубинѣ портальной арки, подъ ея стрѣльчатымъ сводомъ красуются вѣсколько стрѣльчатыхъ нишъ-балконовъ съ узорчатыми балюстрадами. По переднему фасаду—шесть широкихъ нишебразныхъ стрѣльчатыхъ оконъ, по три съ каждой стороны, вправо и влѣво отъ портала. Все это роскошно покрыто узорчатыми изразцами, мозаикой и вазевыми надписями. Узкая площадка, на которую выходитъ передній фасъ этого зданія, тѣсно заставлена верблюдами и ишаками, навьюченными топливомъ, въ видѣ хвороста, вязанокъ стеннаго буряна и колючк, тонкихъ таловыхъ и урюковыхъ полѣшекъ. Здѣсь главный изъ дровяныхъ базаровъ города, и пробраться сквозь всю эту вьючную силу было не легко: прилегшіе на землю верблюды, понукаемые своими тюячами, которыхъ, въ свою очередь, понукали наши пристава, весьма неохотно подымались на ноги, и неудовольствіе свое выражали то жалобными стонами, то озлобленнымъ ревомъ, а для ишаковъ не было иного средства кромѣ пинковъ и тычковъ, разсыпаемыхъ направо и налево нашими усердными путеводителями. Но вотъ мы поднялись на паперть и здѣсь неожиданно встрѣтились съ новымъ препятствиемъ:

порталь во всю ширину свою былъ загороженъ высокимъ барьеромъ, въ видѣ толстаго бревна, утвержденаго на двухъ стойкахъ, а по сю сторону его тѣснились на паперти ишаки, нагруженные колючкой. Пришлось опять протискиваться между ослами и затѣмъ подлѣзать подъ барьеръ, такъ какъ по своей высотѣ онъ не представлялъ иного способа перелаза. Тяжель, какъ видно, доступъ во святилище мусульманской науки и исполненъ живыхъ и мертвыхъ препятствій, но мы самоотверженно преодолѣли ихъ и очутились наконецъ во внутренней галерѣ зданія, предъ большимъ окномъ, находящимся противъ входной двери и открывающимъ видъ на внутренній дворъ медрессе. Окно это снабжено чугунной решеткой очень красиваго восточнаго рисунка, которую въ лѣтнее время обвивають побѣги винограда.

Внутренній дворъ представляетъ собою мощенную квадратную площадку съ выложеннымъ плитой мелкимъ бассейномъ посрединѣ, который теперь былъ сухъ, но по веснѣ, съ наступленіемъ жаровъ, вѣроятно наполняется проточною водою. По краямъ бассейна и кое-гдѣ около стѣнъ площадка была обсажена нѣсколькими деревьями и виноградомъ, побѣги коего мѣстами поднимались на стѣны и свѣшивались съ балконовъ. Дворъ со всѣхъ сторонъ замыкается высокими стѣнами каменнаго зданія, которыя ограждены двумя этажами высокихъ и глубокихъ нишъ, огражденныхъ въ видѣ балкончиковъ сквозными деревянными и желѣзными решетками. На стѣнахъ и въ нишахъ кое-гдѣ сохранились еще слѣды и остатки красивой мозаичной облицовки. Двухъэтажное снаружи, зданіе это со двора представляется четырехъэтажнымъ вслѣдствіе того, что въ каждой изъ нишъ прорѣзано одно надъ другимъ по два оконца съ деревянными рѣзными створками, открывающими выходъ на балкончики. Верхніе ряды этихъ оконъ принадлежать антресолямъ, и всѣ четыре этажа раздѣлены на особыя комнаты или келіи (худжра), служащія квартирами для учащихся. Изъ нѣкоторыхъ оконъ любопытно выглядывали на насъ чалмоносныя головы шагир-

довъ¹⁾), а съ решетокъ нѣкоторыхъ балконовъ свѣшивались пестрые ковры и халаты, вынесенные на воздухъ для пропитыванья.

Насъ пригласили войти въ одну изъ такихъ квартирокъ, чтобы посмотреть какъ живутъ бухарскіе студенты. Это была полутемная комната шаговъ въ восемь длиной и въ шесть шириной, снабженная на три четверти своей длины кирпичнымъ помостомъ вершковъ въ десять вышины, который былъ застланъ копмой и коврикомъ. Свѣтъ проникалъ въ окошко, служившее въ то же время и дверью, такъ что зимой работать здѣсь не порта зѣниа можно только при огнѣ. На помостѣ стоялъ продолговатый низенький столикъ въ родѣ китайского; на немъ—нѣсколько книгъ, погашенный чиракъ и мѣдный приборъ для чернильницы (калямданъ) съ письменными принадлежностями. Въ одномъ углу прислонился къ стѣнѣ тыквенный кальянъ (чилимъ) и небольшой котелокъ (казанъ), въ другомъ стоялъ глиняный кувшинъ съ водой и жаровня (мангалъ). Въ стѣнахъ находятся три небольшія ниши (чахчи). Въ одной изъ нихъ устроена печурка съ таганцемъ для кипяченія чайника и варки пищи, въ другой сложены запасъ овощей и дынь, а въ третьей помѣщается маленькая библіотечка въ видѣ горки разномѣтровыхъ фоліантовъ и книгъ, переплетенныхъ въ старинные кожаные переплеты. Тутъ же, около книгъ, стояли мѣдно-чеканный кумганъ, фарфоровый чайникъ и двѣ чайныхъ чашки, а на стѣнѣ красовалась раскрашенная сурикомъ, охрой и синькой печатная картинка казанскаго изданія, изображающая храмъ въ Меккѣ со священною Каабой. Въ каждой такой келейкѣ помѣщаются по два шагирда, которые кроме квартиръ получаютъ отъ медрессе еще и стипендию изъ вакуфнаго капи-

¹⁾ Шагирдъ—то же что софта, учащийся высшимъ наукамъ студентъ. Это ихъ обыкновенное название; на ученомъ же офиціальномъ языке вместо „шагирдъ“ употребляется „талибуль-ильмъ“, что значить домогающійся знаній.

тала¹⁾. Въ Заргерянѣ всѣхъ келій 93, изъ нихъ 90 заняты шагирдами въ количествѣ 180 человѣкъ, а остальные три профессорами и мударисъ-мутеваліемъ, главнымъ наставникомъ и начальникомъ заведенія; эти послѣднія помѣщенія нисколько не отличаются отъ студенческихъ, развѣ только книгъ да ковровъ въ нихъ побольше, и такая суровая обстановка введена въ бухарскихъ медрессѣ еще издревле, для того чтобы наставники своею жизнью являли ученикамъ примѣръ стойческаго довольства лишь самимъ необходимымъ, дабы тѣмъ болѣе и цѣльнѣе посвящать себя богоугоднымъ цѣлямъ мусульманской науки.

Зато какой разительный контрастъ съ бѣдностью келій представляютъ роскошныя залы аудиторій, такъ называемыя дархѣ или оглѣ! Это дѣйствительно храмы науки, и не въ метафорическомъ смыслѣ, а настоящіе храмы, то расписанные *al fresco*, то инкрустированные по стѣнамъ и карнизамъ мозаикой, то облицованные сверху до низу бѣломраморными плитами, по которымъ, словно мелкое кружево, фантастически раскинулись изваянныя узоры арабесокъ.

Въ каждой такой залѣ, а ихъ обыкновенно бываетъ отъ двухъ до четырехъ, вместо потолка непремѣнно высокій и

¹⁾ Обыкновенно вновь поступающіе шагирды покупаютъ себѣ право на келію у своихъ окончившихъ курсъ и выбывающихъ предшественниковъ, платя имъ отъ 2 до 35 тиллей, смотря по размѣру получаемой ими стипендіи, которая не вездѣ одинакова и зависитъ отъ степени богатства вакуфовъ, находящихся въ пользованіи той или другой медрессе. Такъ, шагирды Заргеряна получаютъ стипендию по $5\frac{1}{2}$ тиллей, а шагирды Ходжа-Джуйбари-Калыча по 20-ти тиллей въ годъ. Равно и жалованье муллѣ (преподавателей), мударисовъ (профессоровъ) и мударисъ-мутевалія (ректора) опредѣляется также степенью богатства вакуфа, отъ 150 до 700 тиллей въ годъ. Кроме того, надо замѣтить, что шагирдъ, купившій себѣ право на келію, можетъ оставаться въ ней хоть весь вѣкъ, если онъ рѣшается посвятить себя наукѣ и отказаться отъ брачной жизни, такъ какъ совместная жизнь съ женами въ медрессѣ не допускается. Кроме пансионеровъ, въ каждой медрессѣ могутъ быть еще и приходящіе, вольнослушатели, которые проживаютъ въ городѣ на собственныхъ квартирахъ.

глубокий куполъ, въ которомъ, словно нависшіе сталактиловые кристаллы, въ геометрически правильныхъ, но грациозно красивыхъ сочетаніяхъ призмъ и многогранниковъ, группируются глубоко-рельефныя украшенія, выточенныя изъ мрамора въ стилѣ ша-арань. Свѣтъ падаетъ въ залу сверху изъ подъ купола сквозь кружево прорѣзныхъ рѣшетокъ мавританскихъ оконъ и, пронизывая воздухъ косыми полосами солнечныхъ лучей, дробится мелкою стѣской на стѣнахъ и шашкахъ мраморного пола. Все это, вмѣстѣ взятое, такъ цѣльно выдержано въ одномъ характерѣ, полно такого эстетического вкуса и въ сочетаніи своихъ архитектурныхъ линій съ детальными украшеніями является такую чарующую глазъ гармонію красоты и силы строгаго величія, что вы, не ожидая ничего подобнаго, невольно остановитесь иахнете въ изумленіи и восторгѣ предъ дивнымъ произведеніемъ „варварскаго“ искусства, которое словно вдругъ перенесло васъ въ какой-то волшебный чертогъ изъ „Тысячи и одной ночи“...

Конечно, вся эта прелестъ не блещетъ свѣжестью и яркостью красокъ вчерашняго дня; напротивъ, время въ лицѣ нѣсколькихъ столѣтій положило на нее тусклый, матовый тонъ почтенной древности, но она отъ этого нисколько не теряетъ, а еще выигрываетъ въ силѣ впечатлѣнія своей красоты и идеи. А идея дѣйствительно грандіозная: создать для науки храмъ вполнѣ ея достойный. И что это все создавалось именно ради науки, изъ чувства религіознаго благоговѣнія къ ней, въ томъ наглядно убѣждаетъ васъ самый контрастъ между студенческими келями, съ одной стороны, и аудиторіями, съ другой стороны. Тамъ—все приспособлено для суроваго подвига на трудномъ поприщѣ науки, здѣсь—все для торжества ея проповѣди. Въ сравненіи съ этими аудиторіями всѣ дворцы эмира просто никуда не годятся, и если можно сравнивать съ ними что либо, то развѣ самарканскій мавзолей надъ гробомъ Тимура.

Когда мы вошли въ одну изъ такихъ аудиторій Заргерана, тамъ шла лекція. Шестеро слушателей, поджавъ подъ себя ноги и сидя на собственныхъ пяткахъ, расположились

полукругомъ на коврѣ противъ профессора среднихъ лѣтъ, предъ которымъ на низенькомъ инкрустированномъ пюпитрѣ лежала раскрытая книга. При нашемъ входѣ всѣ они встали съ мѣстъ, принявъ слегка согбенныя позы и скрестивъ; въ знакъ почтенія, на животѣ свои руки, а профессоръ весьма любезно привѣтствовалъ нежданыхъ гостей и, на вопросъ Байтокова о предметѣ лекціи, сообщилъ, что онъ объясняетъ своимъ слушателямъ комментаріи Шейхи-Заде на „Тяфсирѣ“, которая сама есть толкованіе точнаго смысла Корана.

Изъ Заргерана препроводили насъ въ Иръ-Назаръ. Эта послѣдняя медрессе находится въ центрѣ города, почти рядомъ съ мечетью Шахсанемъ и въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ одной стороны съ базаромъ Паястанъ, а съ другой—съ громадною медрессе Кукольташъ. Къ сожалѣнію, крытые цыновками ряды базара, примыкающіе къ самому зданию Иръ-назарской медрессе, не даютъ возможности разсмотрѣть какъ слѣдуетъ характеръ фасада и особенности его наружныхъ украшеній. Видно только, что сводъ ниши портика выточенъ въ стилѣ ша-арань изъ бѣлаго мрамора. Когда мы подѣхали, изъ подъ этого портика валила на улицу толпа шагирдовъ, между которыми я замѣтилъ немало слушателей весьма солиднаго возраста; впрочемъ, присутствіе такой многочисленной толпы объяснилось тѣмъ, что сегодня здѣсь происходилъ учений диспутъ, привлекшій въ стѣны медрессе немало и постороннихъ любителей. Лекціи уже кончились, тѣмъ не менѣе насъ привлѣсили въ аудиторію. Тутъ встрѣтилъ насъ самъ мударисъ-мутевали, высокій, худощавый пожилой мужчина, съ мыслящимъ и, такъ сказать, вполнѣ интеллигентнымъ лицомъ, въ безукоризненно бѣлой, пышно и тщательно повязанной чалмѣ (особый шикъ ученаго сословія) и въ бѣломъ суконномъ халатѣ съ мѣховою оторочкой.

Просторная аудиторія, по изяществу своей отдѣлки, опять-таки является достойнымъ храмомъ науки. Она вся бѣлая, съ плоскоголовымъ куполомъ, и сплошь покрыта узорами очень тонкой лѣпной работы изъ алебастра.

Мударисъ-мутевали объяснилъ намъ, что въ его медрессе имѣется шестьдесятъ студенческихъ келій, и что каждый ша-гирадъ получаетъ стипендію въ $2\frac{1}{2}$ тилли.

Понятно, что настъ болѣе всего интересовало, какимъ образомъ и по какому случаю создательницей этой коллегіи явилась вдругъ наша императрица; но, къ сожалѣнію, относительно сего предмета мударисъ не могъ сообщить намъ никакихъ точныхъ свѣдѣній. Сказалъ только, что медрессе существуетъ уже 101 мусульманскій годъ — стало быть, съ 1784 года — и что насчетъ ея основанія есть двѣ легенды. По одной изъ нихъ, ишанъ Иръ-Назаръ, будучи самъ очень бѣденъ, задался мыслю построить хорошую медрессе и всю жизнь свою посвятилъ этой завѣтной цѣли. Переписывая книги, проповѣдуя и прося милостию, онъ въ теченіе долгихъ лѣтъ успѣлъ наконецъ собрать пѣкоторую сумму и началь постройку; но денегъ этихъ далеко не хватило на ея окончаніе. Тогда императрица Екатерина, случайно узнавъ отъ бухарского посла объ ишанѣ Иръ-Назарѣ и о благомъ стремленіи, которому была посвящена вся жизнь этого человѣка, но которое все же не могло вполнѣ осуществиться, рѣшила помочь бѣдному ученому и послала ему бочонокъ золота. На эти-то деньги и была устроена медрессе. Другая же легенда говорить, что по вступлениіи на престолъ Бухары эмира Маасума, въ шабадѣ мѣсяцѣ 1199 (1784) года, онъ, желая заручиться союзомъ Россіи противъ Персіи, отправилъ Иръ-Назара въ Петербургъ въ качествѣ своего посла, а императрица Екатерина, желая со своей стороны закрѣпить дружескія связи Россіи съ Бухарой и тѣмъ открыть болѣшій просторъ русской торговлѣ, пожертвовала, между прочимъ, капиталъ на построеніе и содержаніе медрессе, зная, что это будетъ весьма пріятно набожному эмиру. Но которая изъ двухъ легендъ ближе къ истинѣ и, вообще, насколько обѣ онѣ справедливы, я не могу решить, не имѣя подъ рукой вѣрныхъ источниковъ. Положительно известно только, что императрица Екатерина принимала участіе въ сооруженіи этой медрессе, о чёмъ

упоминаетъ и Н. Ханыковъ въ своемъ Описаніи Бухарского ханства (стр. 86), говоря прямо, что „Иръ-Назарь построена императрицей Екатериной“. Вотъ все, что намъ известно въ точности.

Благодаря любезности мудариса, мы узнали кое-что, разумѣется въ самыхъ общихъ чертахъ, о характерѣ и объемѣ преподаванія наукъ въ бухарскихъ медрессахъ.

Медрессе для мусульманина-азіята то же, что университетъ для европейца, такъ какъ въ программу ея преподаванія входятъ всѣ науки, допускаемыя магометанскимъ закономъ, причемъ свобода диспутовъ пользуется широкими правами и самымъ существеннымъ образомъ входитъ въ систему преподаванія. Сфера допускаемыхъ наукъ дѣлится на три факультета: 1) Шаріѣ — богослово-юридический, 2) Арабіѣ — филологический по отношенію къ арабскому языку и 3) Хикеміѣ — житейской мудрости.

На богослово-юридическомъ факультетѣ преподаются: 1) Тяфсиръ — толкованіе смысла Корана; 2) Хадисъ — собраніе рѣчей Магомета, слышанныхъ имъ отъ самого Аллаха; 3) Фикгъ — законоположенія, относящіяся до физической природы человѣка и до содержанія въ чистотѣ его тѣла, а равно о дозволенномъ и недозволенномъ изъ предметовъ, не упомянутыхъ въ Коранѣ (Кыясъ); 4) Усуль-и-Фикги — изложеніе метода толкованія Корана; 5) Ильми-Калемъ — догматическая метафизика; 6) Ильми-Фероизъ — наука о правилахъ наслѣдства и 7) Ильми-Киро'атъ — декламаторская часть при чтеніи Корана, то есть изъясненіе, гдѣ нужно дѣлать ударенія и повышенія или пониженія голоса, какие слоги произносить протяжно, какіе кратко и т. п. Кромѣ того, конечно, изучается Шаріатъ — законовѣданіе со множествомъ толкованій на оный¹⁾.

¹⁾ Шаріатъ состоитъ изъ книгъ: Фикги-Кидани, Мухтасаръ-Вакія, Шурх и-Вакія и Хидая, то есть законы нравственные и семейные, уставы благочинія, полицейскіе и уголовные.

На факультетѣ Арабіѣ первую роль играетъ Лугатъ—полный лексиконъ арабскаго языка; 2) Ильми-Сарфъ—арабское словопроизводство и словосочиненіе; 3) Ильми-Нахвъ—правила произношенія окончаній арабскихъ словъ; 4) Ильми-Урузъ—стихосложеніе; 5) Ильми-Кофіѣ—наука о созвучіяхъ и риѳмахъ; 6) Фени ме'онъ—наука о благозвучіи словъ арабскаго языка, которая подраздѣляется на Фени бейонъ и Ильми-бедигъ; первое изъ этихъ подраздѣленій трактуетъ о благозвучіи окончаній словъ, а второе учитъ ораторскому искусству, то есть какъ соблюдать благозвучіе и красоту рѣчи приличнымъ расположениемъ въ ней словъ и выраженій, и 7) Ильми-Теварихъ—науки исторической, по части всеобщей и бухаро-мусульманской истории; сюда же входитъ и географія.

На факультетѣ Хикеміѣ преподаются: 1) Мантикъ—логика; 2) Табигійѣ—естествознаніе и въ томъ числѣ астрономія и медицина; 3) Ильми-Хисабъ—математика; 4) Илягійѣ—метафизика; 5) Ріазійѣ—философія или собственно наука объ отвлеченныхъ понятіяхъ и, наконецъ, 6) Ильми-Мулазерѣ — искусство поддерживать и правильно вести диспуты.

На всѣ вышесчисленныя науки есть по нѣскольку классическихъ руководствъ и еще болѣе комментаріевъ на эти руководства, тоже не менѣе классическихъ, и толкованій на толкованія. Во всемъ этомъ царить, конечно, строгое сколастический методъ и чтобы поглотить всю суть мусульманской премудрости, пройти полный курсъ ея, надо употребить отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ усидчиваго изученія въ нѣсколькихъ медрессе. Это уже, въ нѣкоторомъ родѣ, самоотверженіе, но такихъ любителей между шагирдами находится немало. Лекціи читаются каждый день, начинаясь по восходѣ солнца, послѣ утренней молитвы (намазъ баумдатъ) и могутъ продолжаться до заката солнца, но обыкновенно кончаются часа въ три дня, причемъ шагирды въ полдень пользуются часомъ отдыха для обѣда. По четвергамъ и пятни-

дамъ лекціи не читаются. Каждый курсъ оканчивается къ началу лѣта и открывается вновь лишь съ началомъ осени; лѣтомъ же, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, учащіеся пользуются каникулами (тегатиль).

Шагирды обыкновенно раздѣляются на три разряда или курса: пясть-кадамъ, міанѣ и пишъ-кадамъ, въ зависимости отъ проходимаго ими цикла факультетскихъ наукъ, съ чѣмъ соединяется иногда и возвышеніе стипендій. Такъ, если первокурсники (пясть-кадамъ) получаютъ по $2\frac{1}{2}$ тилли, то второкурсные—три тилли, а пишъ-кадамамъ выдается и до пяти тиллей. Но такое распределеніе стипендій не обусловлено какимъ-либо точнымъ законоположеніемъ, а зависитъ отъ усмотрѣнія общаго совѣта муллъ-преподавателей и почетныхъ попечителей, жертвователей и благотворителей учрежденія, подъ предсѣдательствомъ мударисъ-мутевалия. При этомъ надо замѣтить, что въ одной только Бухарѣ, во 103 городскихъ медрессе числится до 10,000 шагирдовъ, которые, считая въ среднемъ выводѣ по пяти тиллей на человѣка ¹⁾, получаютъ въ годъ въ видѣ стипендій 50,000 тиллей или 210,000 рублей металлическихъ. Да безъ малаго въ такую же сумму обходится содержаніе мударисъ-мутевалиевъ ²⁾, не говоря уже о жалованья преподавателямъ. Но дѣло высшаго образования въ ханствѣ далеко не ограничивается этими цифрами, такъ какъ не только столица, а и каждый городъ имѣть по нѣскольку своихъ собственныхъ медрессе. По одной медрессе

¹⁾ Есть медрессе, где шагирды получаютъ по 8, по 9, по 12, по 16 и по 20 тиллей въ годъ; таковы, напримѣръ, Галимъ-Джанъ, Гау-Кушанъ-Гали, Давлетъ, Калланъ и др.

²⁾ Считая въ среднемъ по 400 тиллей на мудариса, ибо младшіе преподаватели получаютъ отъ 80 до 200, а старшіе отъ 200 до 700 тиллей жалованья. Должность мутевалия (занѣдущаго хозяйственнюю частію) не всегда впрочемъ соединяется со званіемъ главнаго мудариса. Иногда она бываетъ наследственна въ родѣ основателя медрессе, иногда же просто по назначенію со стороны высшихъ духовныхъ властей, и тогда мутевалии получаетъ въ видѣ жалованья одну десятую часть вакуфныхъ доходовъ.

встрѣчается даже въ иѣкоторыхъ мѣстечкахъ. Все это содер-жится на процентахъ съ вакуфовъ, пожертвованныхъ когда-либо на содержаніе каждой медрессе особо, и на средства, доста-вляемыя время отъ времени разными жертвователями и благо-творителями. Да кромѣ того эмиръ иногда жертвуетъ въ раз-дѣль между всѣми медрессе излишкомъ закета, остающійся отъ годового бюджета за покрытиемъ всѣхъ дворскихъ и государ-ственныхъ надобностей.

Проехжая по улицамъ, въ особенности по тихимъ ули-цамъ, иѣсколько въ сторонѣ отъ базарной сутолоки, мы очень часто слышимъ шумъ и гомонъ многочисленныхъ дѣтскихъ голосовъ, громко и скоро, со всеусердiemъ выкрикивающихъ что-то нараспѣвъ, и притомъ каждый по своему и каждый самъ по себѣ отдѣльно, вслѣдствіе чего изъ этихъ разнообраз-ныхъ, скрещивающихся между собою речитативныхъ звуковъ образуется самый нестройный концертъ, бьющій по уху сво-ими дикими диссонансами, въ родѣ жидовскаго гама и гвалта. Торопливый потокъ какихъ-то словъ и изречений, словно ба-рабанная дробь, трещить и каскадомъ льется изъ иѣсколь-кихъ десятковъ дѣтскихъ устъ, старающихся перекричать другъ друга. Вы слышите этотъ шумъ еще издали, и онъ служить вѣрнѣйшимъ признакомъ, что тутъ гдѣ-нибудь по близости находится мечтебъ — начальная мусульманская школа. Желая ознакомиться и съ этими учрежденіями, мы остановились передъ однимъ изъ мечтебовъ и вошли туда.

Школа помѣщалась въ нижнемъ этажѣ небольшаго двухъ-этажнаго дома, стоявшаго на углу двухъ улицъ. Входная дверь и пара открытыхъ, снабженныхъ желѣзными рѣшет-ками оконъ выходили прямо на улицу, а не внутрь двора, какъ принято здѣсь въ большинствѣ домовъ частныхъ оби-вателей. За порогомъ двери стояли на полу иѣсколько де-сятковъ паръ дѣтскихъ галошъ (кауши), обыкновенно счи-маемыхъ при входѣ въ комнату. У стѣны, противоположной входу, на полу, покрытомъ кошмами и старенькимъ коври-

комъ, возсѣдалъ на собственныхъ пяткахъ пожилой, малень-каго роста учитель въ громадной бѣлой чалмѣ, съ круглыми китайскими очками на сухомъ крючковатомъ носу, и дер-жалъ въ одной рукѣ раскрытую книгу, тогда какъ другая съ вытянутымъ указательнымъ перстомъ была поднята кверху. Эти монументальные очки придавали добряку какое-то со-венное выраженіе. Предъ нимъ стоялъ маленький низенький столикъ, на которомъ лежала розга — грозная эмблема его учительской власти; но въ самой фигурѣ почтеннаго педа-гога, въ этомъ его несообразно большомъ тюрбанѣ, несо-образно большихъ очкахъ и въ поднятомъ узловатомъ пер-стѣ было иѣчто неудержимо комическое, иѣчто напомина-ющее отчасти огородное пугало, и я увѣренъ, что несмотря на розгу многие изъ болѣе бойкихъ школьниковъ не отказы-ваютъ себѣ порой въ удовольствіи подстраивать ему изпод-тишка какія нибудь штуки.

Тѣсная толпа мальчугановъ въ пестрыхъ тюбетейкахъ и халатикахъ, отъ пяти до двѣнадцатилѣтнаго возраста, со всѣхъ сторонѣ окружала своего наставника, и было нати-сано этой тутъ дѣтворы словно пчель въ ульѣ или сельдей въ боченкѣ. Всѣ они, сидя на пяткахъ и раскачиваясь всѣмъ корпусомъ сзаду напередъ, на разные голоса твердили на-изусть заданные уроки, повторяя безъ конца одну и ту же фразу или даже одно какое нибудь слово, выхваченное изъ фразы, чтобы покрѣпче вдолбить его себѣ въ память. Иные продѣливали это совершенно машинально, съ полнымъ от-сутствиемъ какого либо смысла и пониманія того, что они дол-бятъ; другие, чтобы ничѣмъ не развлекаться, зажмуривали себѣ глаза и затыкали пальцами уши, а иѣкоторые даже мѣрою и не безъ ожесточенія колотили сами себя въ лобъ и въ темя костылькомъ указательного пальца, всесѣло отда-ваясь своей долбѣ съ выражениемъ какой-то отчаянной без-надежности и скучи. На розовыхъ лицахъ мальчугановъ болѣе всего выражалось томительное нетерпѣніе — скоро ли кончится несносный урокъ и наступить толь счастливый мо-

ментъ, когда ихъ отпустятъ домой или хоть выпустятъ всемъ гурьбой побѣгать по двору. У иныхъ на рѣсницахъ сверкали слезы и лица куксились въ плаксивую гримасу, тогда какъ на другихъ физиономіяхъ въ заднихъ рядахъ расплывались веселыя плутовскія улыбки отъ какой нибудь удачно подстроенной продѣлки надъ розиной-сосѣдомъ, въ родѣ не замѣтно пришипленной ему на спину бумажки. Наиболѣе прилежные, очевидно любимицы учителя, сидѣли около него ближе прочихъ и видимо старались напускать па себя степенность и послушливую скромность. Но какъ тѣ, такъ и эти до такой степени были погружены въ свои занятія, то въ первую минуту на нашъ приходъ никто не обратилъ даже вниманія, и благодаря этому мы совсѣмъ мгновеній могли любоваться на очень милую и не лишенную комизма картинку бухарской школы. Но вслѣдъ затѣмъ всѣ головы съ живѣйшимъ любопытствомъ обернулись въ нашу сторону, и видно было по глазенкамъ, что всѣ эти мальчуганы очень обрадовались неожиданному перерыву своихъ монотонныхъ занятій.

Поднявшійся съ мѣста учитель, шагая прямо черезъ плечи твоихъ мальчугановъ и при этомъ, чтобы не потерять равновѣсія, опиралась пальцами на ихъ головы, подступить къ намъ съ вопросительной миной. Когда же нашъ приставъ объяснилъ ему кто мы такие и зачѣмъ пришли, то онъ очень любезно, но преважно — вѣроятно для того, чтобы не уронить собственный престижъ въ глазахъ учениковъ — протянулъ намъ руку и сказалъ, что очень польщенъ любезнымъ вниманіемъ, оказаннымъ столь высокими гостями именно его скромной школѣ. Онъ оказался немножко кривобокимъ и горбатенькимъ, но предобрѣйшимъ человѣкомъ, и съ полной готовностью сообщилъ намъ совсѣмъ свѣдѣній по интересовавшему насъ предмету. Отъ него узнали мы, что въ городѣ по крайней мѣрѣ вдесaterno болѣе мѣхтебовъ, чѣмъ медрессе, таѣмъ какъ, кроме мечетей, каждый околодокъ и почти каждая улица имѣть свой собственный мѣхтебъ. Строятся и содер-

жатся эти школы по большей части въ складчину всѣми жителями улицы или околодка, а иногда на счетъ какого нибудь состоятельного ревнителя, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ школа навсегда сохраняетъ его имя въ своемъ названіи. Каждый мѣхтебъ имѣеть не болѣе одного учителя (мулла), который избирается и приглашается на должность самими обывателями околодка, а еще чаще желающій учительствовать самъ обходитъ обывателей, прося уступить ему школу на сходныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ, которыхъ главнымъ образомъ заключаются въ томъ, что онъ обязуется брать не свыше извѣстной платы съ родителей за обученіе и бесплатно обучать пеимущихъ. Правительство въ школьнаго дѣла обыкновенно не мѣшается и только въ томъ крайне рѣдкомъ случаѣ, когда на открывшуюся вакансію не находится выборнаго или панятаго охотника, духовная власть сажаетъ на мѣсто своего собственнаго кандидата. Разъ, что учитель избранъ, зданіе школы отдается въ полное его распоряженіе на все время, пока онъ занимаетъ свою должность, и онъ пользуется всѣми правами домохозяина, за исключеніемъ лишь права продажи и вообще отчужденія каѣмъ самаго зданія, такъ и принадлежащей оному земли.

Годовая плата за обученіе мальчика обыкновенно бываетъ не менѣе одной и не свыше трехъ тиллей, но при вступлении новаго ученика въ школу родители его, въ силу коренного обычая, обязаны сдѣлать учителю „силяу“ — подарокъ, состоящій изъ одного почетнаго халата (сарпай) шелковаго, адрасового или бикасабоваго, смотря по ихъ средствамъ, каннаусовой или ситцевой сорочки, панталонъ¹⁾ и ичиговъ съ

¹⁾ Сорочки, покроемъ какъ у русскихъ татаръ, съ гладкой грудью и завязками на плечахъ, носятъ здѣсь только муллы и кази, и называются такія сорочки куйлюкъ или куйнекъ, въ отличие отъ яхтаѣ, рубахи въ видѣ халата, длиною ниже колѣй и съ завязкою на груди подъ ложечкой, цвѣту носятъ люди всѣхъ остальныхъ сословій. Панталоны (штанъ) безъ прорѣхи, носятся вмѣсто нижнаго бѣлья; служащіе и бѣдящіе поверхъ ихъ надѣваютъ кожаные чѣмбары. Бѣлье у сар-

каушами. Эти подарки непременно сопровождаются достарханомъ, подносимымъ на большомъ подносе и состоящимъ, кромѣ обычныхъ лакомствъ, изъ девяти хлѣбныхъ лепешекъ (кульчананъ), фунта якъ-чаю и головки сахара, причемъ сахаръ иногда замѣняется сахарнымъ леденцемъ въ деревянной коробкѣ. Затѣмъ, тоже въ силу обычая, каждый ученикъ въ четвергъ¹⁾ приносить своему учителю гостинецъ, состоящий изъ одного кульча-вана, и этихъ четверговыхъ лепешекъ обыкновенно набирается столько, что мулла можетъ съ избыткомъ питаться ими цѣлую недѣлю; ему стоять лишь подержать лепешку нѣсколько минутъ надъ паромъ или горячими угольями, чтобы скушать ее въ совершенно мягкому и рыхлому видѣ, какъ бы только что испеченную. Болѣе состоятельные родители прибавляютъ къ лепешкамъ еще и дыню, которая между продуктами питания занимаетъ въ Бухарѣ весьма видное мѣсто. Когда ученикъ, благополучно кончивъ азбуку, переходитъ къ изученію Корана, родители его въ ознаменование столь счастливаго события опять несутъ учителю силиу, состоящей изъ достархана и одного халата, и то же самое повторяется съ ихъ стороны послѣдовательно при переходахъ къ изученію Фарзегайна, Чааръ-Китаба²⁾ и

тотъ шьется изъ русскихъ или мѣстныхъ бумажныхъ тканей, а у богатыхъ и изъ шелковыхъ, преимущественно изъ канавса.

¹⁾ Четвергъ (шешамбе) у мусульманъ по своему значенію соответствуетъ нашей субботѣ, какъ канунъ, джума, еженедѣльного праздника. Занятія въ четвергъ продолжаются только въ утренніе часы. Предъ полуднемъ, отпуская учениковъ по домамъ, учитель осматриваетъ предварительно, чисты ли у нихъ ногти и если вѣтъ, то бьетъ за это по кончикамъ пальцевъ линейкой, затѣмъ даетъ имъ наставленіе, какъ слѣдуетъ вести себя благонравному мальчику дома и на улицѣ и оканчиваетъ общую молитвой (фатиха). Ученики мечтеба, кроме четверговъ и пятницъ, освобождаются отъ ученія только въ праздники Рамазана, Курбанъ-байрама и на Новый Годъ; каникуль же для нихъ не полагается.

²⁾ Чааръ-Китабъ — четверокнижіе, заключающее въ себѣ объясненіе именъ Бога и правилъ религіи (Хакъ), познаніе вѣры (Биданъ), познаніе преданія (Калинъ-наби) и возвеличеніе Бога (Хамдехадъ); изложеніе на таджикскомъ языке.

прочихъ книгъ, входящихъ послѣ Чааръ-Китаба, въ числѣ четырехъ сочиненій, въ курсъ начальной школы¹⁾, равно какъ при началѣ обученія письму и при благополучномъ окончаніи онаго, а богатые родители дарятъ по халату даже за каждую хорошо пройденную и выученную наизусть главу Корана (сурѣ). Такимъ образомъ труды учителя оплачиваются очень хорошо, даже роскошно, если взять въ соображеніе неприхотливыя условія мѣстной жизни, и можно сказать, что родители учениковъ, сверхъ дароваго крова и жалованья, еще и кормятъ его, и поятъ, и одѣваютъ, и обуваютъ, да и самое званіе учителя кромѣ того пользуется здѣсь большимъ почетомъ.

Каждый учитель имѣеть у себя одного или двухъ помощниковъ (халифе) изъ старшихъ учениковъ, которые занимаются съ остальными во время его отсутствія, приглядываютъ за порядкомъ и репетируютъ съ маленькими заданными имъ уроками. Эти халифе избираются изъ лучшихъ, окончившихъ курсъ учениковъ, которые продолжаютъ свои занятія въ мечтебѣ только ради практики въ каллиграфіи, но репетиторами они служать, такъ сказать, изъ чести, не получая за это никакого вознагражденія.

Полный курсъ мечтеба продолжается семь лѣтъ, и въ теченіе этого срока всѣ книги, входящія въ составъ сего курса, должны быть твердо выучены учениками и не иначе, какъ наизусть, „слово въ слово и буква въ букву“. Пока это не достигнуто, мальчикъ не можетъ покинуть школу. Часто ученики не понимаютъ изъ заученного ни единаго слова, въ особенности Корана, который проходится по-арабски; но пониманія отъ нихъ и не добиваются, въ томъ соображеніи, что поймутъ-де и послѣ, когда подростутъ и станутъ умнѣе, а пока надо-де стараться только, чтобы то, что входитъ въ главнѣйшія основы мусульманскаго вѣроученія, навѣки твердо

¹⁾ Въ числѣ этихъ книгъ находится и сборникъ стихотвореній Газииза.

запечатлѣлось въ ихъ памяти. Обыкновенно поступаютъ въ школу дѣти съ пятилѣтнаго возраста, причемъ наиболѣе одаренные памятью кончаютъ курсъ на тринадцатомъ или четырнадцатомъ году жизни, послѣ чего переходить въ медрессе. Учатся всѣ въ одной комнатѣ, не подраздѣляясь на классы. Да при такой системѣ преподаванія оно и ненужно, такъ какъ тутъ главная задача не въ послѣдовательномъ развитіи способностей ребенка, а въ томъ, чтобы заставить его выдолбить изъустъ положенное число книгъ. Поэтому они и долбятъ всѣ вкуль, по каждый свое, самостоятельно.

Годы мухтеба, можно сказать, самые тяжелые въ жизни учащагося мусульманина, потому что проводя за книгой каждый день отъ баумдата до шамъ¹⁾, эти дѣти освобождаются отъ ученія только по пятницамъ и, какъ уже сказано, не пользуются даже каникулярнымъ временемъ. При такой тяжелой системѣ ученія можно только удивляться, какъ они ее выдерживаютъ!

Кромѣ мухтебовъ, здѣсь есть еще начальные школы и для дѣвочекъ, называемыя биби-халифе или бивсатунъ, гдѣ обучаются преимущественно дочери состоятельныхъ родителей. Система обученія та же, что и въ мухтебахъ, но съ тою разницей что здѣсь главное вниманіе обращается на обученіе грамотѣ по-таджикски и по-узбекски, какъ на наиболѣе необходимое въ практической жизни, затѣмъ на изученіе Гафиза и другихъ поэтовъ; религіозная же сторона обученія ограничивается нѣсколькими необходимыми сурѣ Корана, затѣмъ Фарзегайномъ и Чааръ-Китабомъ.

Начальные школы очень распространены во всемъ Бухарскомъ ханствѣ. Не только города, но каждый кишлакъ, и даже

¹⁾ Намазъ-баумдатъ — утренняя молитва по восходѣ солнца, намазъ-шамъ — молитва предъ заходѣніемъ солнца, часовъ въ пять пополудни. Мусульмане въ теченіе дня обязаны творить пять молитвъ. Кромѣ двухъ поминутыхъ остальныхъ суть: намазъ-пишень — полуденная, намазъ-дигеръ — въ два часа дня и намазъ-хуфтани — послѣ заката солнца.

самый бѣдный, непремѣнно имѣть свой особый мухтебъ, а чуть селеніе побогаче, то и два и три мухтеба, и такимъ образомъ въ среднемъ выводѣ приходится по десяти начальныхъ школъ на одну медрессе. Кромѣ того, каждый городъ имѣть не менѣе двухъ-трехъ школъ для дѣвочекъ.

Желая видѣть главную городскую мечеть, я предварительно спрavился о ней въ книжкѣ Н. Ханыкова и на приложеніи къ лей планѣ города. Тамъ, при перечисленіи мечетей-джумма, такъ сказать, соборныхъ, въ числѣ восьми, главною изъ нихъ, подъ номеромъ первымъ, названа Баландъ и при этомъ (стр. 84) сказано: „сіи послѣднія (то есть мечети-джумма) всѣ каменные и кромѣ первой ни одна не можетъ исполнить того, что законъ требуетъ отъ такой мечети¹⁾ первую же можетъ помѣстить тысячъ до десяти человѣкъ, если не всѣхъ внутрь, то по крайней мѣрѣ такъ, что имъ всѣмъ будутъ слышны слова намаза“. Основываясь на этомъ свѣдѣніи, мы просили нашего пристава показать намъ месджиди Баландъ, на что онъ отвѣтилъ полной готовностью.

Долго вели наѣзъ разными улицами и переулками, тишину коихъ, нарушая время отъ времени только дѣтской шумъ въ мухтебахъ, но ни торговли, ни бойкаго движенія не замѣчалось. Это служило прямымъ указаніемъ, что мы все болѣе и болѣе удаляемся отъ городского центра. Но вотъ наконецъ прохожатые наши остановились предъ каменнымъ заборомъ, въ которомъ находилась двустворчатая деревянная дверь, и объявили: „здѣсь!“

Мы слѣдали съ лошадей и, пройдя въ дверь, очутились предъ небольшою мечетью, двѣ стѣны коей охватывала широ-

¹⁾ Законъ требуетъ, чтобы главная мечеть города, мѣстечка или селенія могла вмѣстить въ своихъ стѣнахъ всѣхъ жителей онаго, дабы всѣ они одновременно могли совершать общій намазъ и слышать священные слова Корана. Понятно, что для большихъ городовъ это дѣло физически невозможно, и потому въ нихъ допускается совмѣстное существование нѣсколькихъ главныхъ мечетей.

кая крытая веранда (айванъ) на рѣзныхъ деревянныхъ колоннахъ, окаймленная решетчатою балюстрадой.

Мулла-мутевали, который жилъ на томъ же дворѣ въ отдельной мазанкѣ, отперъ намъ одну изъ тяжелыхъ узорчато-рѣзныхъ дверей и мы вошли въ роскошно отдѣланную свѣтлую мечеть, гдѣ мѣхрабъ (горнѣе мѣсто), каѳедра, куполь, потолки и стѣны были покрыты мѣлкими арабесками и надписями изъ отлично сохранившейся мозаики. Поль и настѣнныя панели, составленныя въ шашку изъ осьмиугольныхъ большихъ и четырехугольныхъ меньшихъ каѳель синяго (ультрамаринового оттѣнка) и темнозеленаго цвѣтѣвъ, блестали своею свѣжестью, словно бы только вчера вышли изъ-подъ руки мастера. А между тѣмъ вся эта прелесть существуетъ уже третье столѣtie и, что всего удивительнѣе, не въ примѣръ прочимъ ускользающими судьбами сполна сохранилась въ своемъ первоначальномъ видѣ, а это здѣсь величайшая рѣдкость. Подборъ мозаичныхъ колеровъ и сочетаніе узоровъ съ архитектурными линіями таковы, что ничто не рѣжетъ въ нихъ глазъ, ничто не выдается, не кричитъ, а между тѣмъ въ цѣломъ является собою какой-то мягкий успокоительный колоритъ, назвать который въ точности я не умею: это нѣчто мечтательное, неопределеннное, но необычайно пріятное для глаза. Таково по крайней мѣрѣ было мое первое впечатлѣніе, выпесенное изъ непродолжительного общаго осмотра. Чтобы въ точности определить краски и характеръ деталей, надо было бы разсматривать все это отдельно и подробно; мы же оставались въ мечети не болѣе десяти минутъ. Но я не жалѣю обѣ этомъ: я не знаю ея подробностей, за то цѣльное сохранилось у меня ея общее впечатлѣніе, полное неуловимой гармоніи. Десяти тысячъ человѣкъ однакоже мечеть никоимъ образомъ не могла бы совмѣстить не только внутри, но и на всей прилегающей мѣстности. Я думаю, что едва ли бы помѣстилась въ ней и тысяча. Эта очевидная несообразность навела нась на сомнѣніе, точно ли показали намъ Баландъ, а не какую-либо другую месджиди. Но приставъ, да и всѣ присут-

ствовавшіе удостовѣряли, что это именно и есть месджиди Баландъ, и что другой такого же наименованія въ Бухарѣ не имѣется.

— Но гдѣ же тутъ умѣщается десять тысячъ народу?

— Нигдѣ, да и не можетъ столько умѣститься.

— Но вѣдь это ваша главная городская мечеть?

— Которая? эта?... Нѣть, главную мы давно уже проѣхали.

Оказалось, что та въ центрѣ города и называется месджиди Калянъ (великая), или иначе Кокъ-гумбезъ (голубой куполь).

Тутъ только разъяснилось наше недоразумѣніе, и мы пустились въ обратный путь ко главной, или великой мечети. Пришлось возвращаться почти къ самому Заргеряну, въ сопѣствъ съ коимъ она находится.

Какъ разъ напротивъ главнаго портала месджиди Калянъ высится порталъ обширной медрессе Миръ-Арабъ. Оба зданія стоятъ на продлиноватой площади; но весьма широкая и высокая кирпичная терраса, что разстилается предъ порталомъ Миръ-Араба и тянется во всю длину площади, служитъ эту последнюю до ширины обыкновенной улицы, и чтобы удобнѣе окинуть взглядомъ главный фасадъ месджиди Калянъ, надо взобраться на террасу и отойти къ порталу Миръ-Араба, а еще лучше подняться на плоскую кровлю праваго крыла этой медрессе. Отсюда вполнѣ открывается высокий продлиноватый фронтонъ въ формѣ четырехъугольника, весь облицованный разноцвѣтными кафлями. Продольные бока его обрамляются двумя широкими плоскими ниластрами, разделенными поперекъ на пять равныхъ частей, обведенныхъ бордюрами, и въ каждой изъ нихъ обчерчено по одной фальшивѣнишѣ, слегка заостренной кверху. Площади этихъ фальшивѣнишъ продольно покрыты зигзаговидными узорами, контуры коихъ ближе всего можно бы сравнить съ цѣпью бубновыхъ троекъ, а внутри ихъ располагаются мелкія арабески. Въ общемъ вся эта кафельная мозаика походить на громадный пестрый коверъ, прорѣзанный по срединѣ высокую и тоже слегка заостренную нишей портала, въ глубинѣ которой темнѣеть открытый портикъ такой же формы, но меньшихъ раз-

мѣровъ, ведущий въ притворъ мечети. Боковыя крылья зданія на три пятыхъ ниже фронтона и представляютъ собою галлерею нишъ такой же формы, отдѣленныхъ одна отъ другой плоскими пиластрами, вдоль которыхъ идутъ такие же зигзаговидные узоры, какъ и на главныхъ пиластрахъ. Порталъ своею вышиной совершенно маскируетъ тамбуръ высокаго купола, находящійся позади его надъ центральною частью мечети, такъ что надъ верхнимъ его карнизомъ вы видите въ перспективѣ только голубую шапку этого купола въ формѣ азиатскаго шлема, какъ бы висящую въ воздухѣ. Внѣшний видъ месджиди Калянъ, благодаря ея куполу и продлинчатой вышины портала, въ общемъ производить своеобразное и очень эффектное впечатлѣніе массивности, соединенной съ легкостью: это иѣчто монументальное, но въ то же время какъ бы несущееся вверхъ, въ небесныя выси.

Къ сожалѣнію, намъ не удалось проникнуть внутрь мечети. Когда мы изъявили на то желаніе, мнѣ показалось, что нашъ приставъ, какъ будто иѣсколько замялся, но затѣмъ, сейчасъ же сообразивъ что-то, сказалъ, что постарается устроить это дѣло и съ посѣщеніемъ самъ пошелъ куда-то разыскивать муллу-мутевалія. Минутъ пять спустя онъ возвратился и, съ видомъ притворнаго сожалѣнія, извиняясь объяснилъ, что къ крайней его досадѣ мутевалія иѣть дома—ушелъ-де не то въ гости, не то на базарь и ключи унесъ съ собою, и когда вернется домой—неизвѣстно. Очевидно, это была только паскоро придуманная отговорка, а сущность въ томъ, что приставъ стѣснялся ввести въ мечеть кляфыровъ на глазахъ у всей правовѣрной базарной публики, среди которой всегда шатается множество всевозможныхъ дувана и каландарей, которые легче легкаго могли бы изъ-за этого поднять въ толпѣ ропотъ на правительство за допущеніе такого поруганія религіи.

При месджиди Калянъ, на той же площадкѣ, находится круглая столпообразная башня манари Калянъ—великій минаретъ. Она построена изъ жженыхъ кирпичей, оттѣнки ко-

ихъ подобраны такимъ образомъ, что изъ нихъ выходятъ разные узоры. Минаретъ стоитъ въ концѣ узенькой площадки, вымощенной ровными каменными плитами, и имѣть въ окружности при основаніи 35 шаговъ, а высоты 70 газей, или $87\frac{1}{2}$ арш.¹), но высота эта значительно скрадывается ближайшимъ сосѣдствомъ съ обѣихъ сторонъ такихъ высокихъ и громадныхъ зданій, какъ месджиди Калянъ и Миръ-Арабъ. Надъ верхнимъ карнизомъ минарета устроена кирпичная вышка съ четырьмя продлинноватыми окнами, изъ которыхъ по пятницамъ четыре муэдзина въ одинъ голосъ кричатъ призывъ къ молитвѣ на всѣ четыре страны свѣта. Но въ то же время эта самая вышка служить еще и для другой, вовсе уже не божественной цѣли: съ нея по пятницамъ иногда свергаютъ внизъ головой преступниковъ, приговоренныхъ къ этому роду казни. Палачъ ставить осужденного на подоконникъ, скручиваетъ ему веревкой руки назадъ, туда связываетъ у щиколокъ ноги, затѣмъ даетъ хороший подзатыльникъ, и человѣкъ летить на мостовую. Послѣдняя изъ такихъ казней, говорятъ, была совершена въ 1871 году надъ двумя разбойниками.

Хотѣли мы было съ высоты Манари Каляна полюбоваться общимъ видомъ города à vol d'oiseau, но... оказалось, чтоключи все у того же мутевалія, который ушелъ не то на базарь, не то въ гости, а дѣло въ томъ, что всходить на эту вышку, какъ узнали мы потомъ, имѣютъ право только муллы главной городской мечети да палачи его высокостепенства.

Отъ месджиди Калянъ препроводили насъ въ сѣверо-восточную часть города, гдѣ находится Гузари-Писанъ, или иначе Махала-Пись—кварталъ прокаженныхъ, который намъ хотѣлось видѣть тоже какъ одну изъ мѣстныхъ достопримѣчательностей.

Расположенъ онъ между мазарскими и самарканскими воротами, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ большими клад-

¹) Бухарский газъ равняется $1\frac{1}{4}$ аршина.

бывшемъ Ходжа-Нуръ-Абадъ, и не отдаленъ отъ остальныхъ частей города ни валомъ, ни стѣной, такъ что не предупреди нась приставъ, мы и не догадались бы, что находимся уже въ чертѣ запретнаго мѣста.

Особенность квартала сказывалась только въ полной тишинѣ его. Городской шумъ остался гдѣ-то позади насъ и вскорѣ совершенно замеръ. Тихая улица, по которой мы ходили, отличалась отсутствиемъ людскаго движения, намъ не попадалось навстрѣчу ни одного прохожаго, даже собакъ не было видно. Ведеть она къ кладбищу и называется такъ же какъ и оно — Ходжа-Нуръ-Абадъ. Небольшія приземистыя мазанки ютились въ ней за низкими глиняными стѣнками, подъ сѣнью обнаженныхъ вѣтвей тутовыхъ и урюковыхъ деревьевъ, по которымъ перепархивали сороки. И около этихъ мазанокъ, точно такъ же какъ и среди улицы, не замѣчалось никакого людскаго движения и домашней жизни. Кое-гдѣ только куры копались на сметы, да тощая, бѣлая, длинношерстная кошка осторожно пробиралась по крышѣ¹⁾). Вообще по этой тишинѣ и отсутствію жизни можно было бы подумать, что мы вдругъ попали куданибудь за городъ, въ опустѣлую деревню.

Вотъ въ сторонѣ надъ квадратнымъ прудкомъ выглядываетъ изъ-за деревьевъ маленькая мечеть съ айваномъ и болтающимся на шесть конскихъ хвостовъ, но и около нея все пусто, не видать ни уродливыхъ нищихъ, ни молящихся. Вотъ слѣва на нѣсколько десятковъ саженъ потянулось вдоль улицы кладбище, но и тамъ ви души. Это, впрочемъ, не удивительно, такъ какъ въ Бухарѣ, совсѣмъ въ противность Стамбулу, кладбища обыкновенно пусты: ни играющихъ дѣтей, ни группы закутанныхъ женщинъ ни разу здѣсь не встрѣтилъ я между могилами, тогда какъ въ Турціи посѣщеніе кладбищъ и мечтательный отдыхъ подъ кипарисами составляютъ даже своего рода удовольствіе, пріятную прогулку.

¹⁾ Въ Бухарѣ все кошки бѣлыя.

Устроено это кладбище довольно своеобразно, аршина на четыре выше уровня улицы, какъ бы на террасѣ, такъ что ряды острогрудчатыхъ гробницъ, торчащихъ на высотѣ кирпичной стѣнки, приходятся вровень съ кровлями жилыхъ строеній, а то и выше. Въ городѣ встрѣчается нѣсколько подобнымъ же образомъ устроенныхъ кладбищъ, и ужъ не знаю, послужили ли для этого ровныя площадки естественныхъ возвышений почвы, коихъ бока были срѣзаны и для подпоры обведены потомъ кирпичною стѣной, или эта послѣдняя, какъ увѣряетъ нашъ приставъ, послужила какъ бы ящикомъ для нарочно патасканий и утрамбованной земли. Думаю, впрочемъ, что таъ какъ городѣ стоять на плоскомъ днищѣ высохшаго озера, то и послѣднее предположеніе не совсѣмъ невѣроятно.

Но вотъ съ тихой улицы повернули мы въ не менѣе тихій переулокъ, по имени Джаафаръ-Ходжа, и здѣсь у нѣкоторыхъ калитокъ впервые стали попадаться намъ сидящія дѣти и согбенные фигуры взрослыхъ, удрученныхъ своею ужасною болѣзнью. Тѣ и другіе тихо просили милостию, но чуть лишь бросили мы имъ нѣсколько мелочи, какъ въ ту же минуту, словно по сигналу, изо всѣхъ калитокъ вдругъ нахлынула къ намъ толпа прокаженныхъ разныхъ половъ и возрастовъ, и съ молящими криками, указывая на свои отвратительныя язвы и протягивая руки за подаяніемъ, жадно бѣжала у нашего стремени. Новыя пригоршни выброшенной имъ мелочи, казалось, еще усилили ихъ жадность и стремленіе къ погонѣ за нами, такъ что намъ оставалось только поскорѣе выбраться отсюда за черту, далѣе которой не смѣютъ проходить прокаженные.

Въ самомъ дѣлѣ ужасная болѣзнь, и надо видѣть ее воочію, чтобы постичь весь ея ужасъ. Эти изъязвленныя руки съ гниющими и отпадающими суставами, эти пупырчатыя, волдырявые и рубцоватыя лица и головы, нерѣдко превратившіяся въ одну сплошную язву, покрытую корой, на которой чуть видны гноящіеся глаза, а носъ и ротъ обозначаются

лишь провалившимися дырами, все это такъ ужасно и отвратительно, что не всякие нервы выдержать безъ содроганія одинъ видъ такого больнаго. Называется здѣсь эта болѣзнь махао-пись, и начинается она обыкновенно съ того, что тѣло покрывается сыпью, а затѣмъ пѣкоторыя части, преимущественно конечности, приобрѣтаютъ неестественно матовый, молочно-блѣлый цвѣтъ кожи; которая мѣстами иногда твердѣеть въ родѣ ногтеваго рога, а иногда шелушится и при этомъ получаетъ чешуйчатый видъ, словно змѣиная шкура. Пятна эти, распространяясь все далѣе и далѣе, покрываютъ наконецъ все тѣло. Вмѣстѣ съ этимъ, голова и лицо покрываются уродливыми пупырями, рубцами и шишками, которые трескаются и изъязвляются; лимфатическая железа припухаютъ, отдѣленія кожи прекращаются, мускулы атрофируются, ноги начинаютъ пухнуть отъ отека и утолщаться бугристыми желваками до того, что становятся слонообразными; чувство осозанія въ организмѣ притупляется, такъ что больной не ощущаетъ даже обжоговъ, ногти крошаются, слизистыя оболочки рта, носа и глазъ поражаются утолщеніями и изъязвленіями, вслѣдъ за которыми начинаютъ гнить гортань, кости нѣба, носовые хрящи и суставы пальцевъ, въ ранахъ заводятся черви; затѣмъ посѣ проваливается, а суставы постепенно отпадаютъ, дыханіе становится крайне зловоннымъ, и больной чувствуетъ, что ему все болѣе и болѣе не хватаетъ воздуха. Вмѣстѣ съ этимъ идетъ полное разстройство нервной системы и желудочныхъ отправлений, причемъ первое проявляется судорогами и корчами, а второе сильными запорами, и наконецъ болѣзнь эта всегда сопровождается лихорадкой и часто сведеніемъ конечностей и позвоночника. Но замѣчательнѣе всего то, что пораженные проказой, эти смердащіе ходачіе трупы, обреченные заживо на постепенное разложение, могутъ жить очень долго и нѣрѣдко дотягиваютъ до глубокой старости. Больѣзнь передается заразой отъ больнаго или менѣе продолжительной совмѣстной съ больнымъ жизни и поражаетъ безразлично какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей, муж-

чинъ и женщины, и недаромъ зовутъ ее здѣсь страшнымъ наказаніемъ Божіимъ, потому что прокаженный тотчасъ же становится отверженцемъ, лишается въ обществѣ всѣхъ своихъ правъ, какъ бы умираетъ гражданской смертью. Пройдя мимо прокаженного и бросая ему милостыню, мусульманинъ всегда произносить съ покаяннымъ вздохомъ: „тоба, тоба!“ — т. е. каюсь въ грѣхахъ своихъ — до такой степени сильное впечатлѣніе, какъ бы кары небесной, производить одинъ видъ несчастнаго. При первыхъ признакахъ болѣзни, прокаженного тотчасъ же изгоняютъ изъ города въ особый кварталъ, за черту которого онъ уже никогда болѣе не смѣеть переступить. За этимъ зорко и строго наблюдаетъ постоянная стража въ устьяхъ улицъ, впадающихъ въ Гузари-Пись, да и сами жители этого квартала весьма ревнивы къ своимъ собратамъ по несчастью. Чуть только прослышишь они, что кто нибудь въ городѣ заболѣлъ проказой, избранная депутацией прокаженныхъ тотчасъ же является на границу своей территории и требуетъ немедленной выдачи себѣ такого-то на водвореніе. Часто ближайшіе родственники больнаго, изъ чувства состраданія и семейной привязанности, стараются скрыть поразившее ихъ несчастіе и держать больнаго гдѣ нибудь у себя дома въ изолированномъ помѣщеніи, но это вообще строго преслѣдуется, и рѣдкія исключенія допускаются только въ пользу знатныхъ и богатыхъ. Въ семь послѣдній случаѣ депутатія прокаженныхъ требуетъ за больнаго въ свою пользу ежегодный выкупъ въ размѣрѣ отъ 250 до 500 тенговъ¹⁾.

У нихъ въ кварталѣ есть свой выборный ахъ-сакалъ (старшина) и свой казій для разбора тяжебныхъ дѣлъ и споровъ, оба изъ числа прокаженныхъ, а также особая мечети, мечети, бани и базаръ, гдѣ обязанности муллъ, учителей, банщиковыхъ и торговцевъ исполняютъ сами же прокаженные.

Торговое общеніе съ городомъ происходитъ у нихъ обык-

¹⁾ Отъ 50 до 100 руб. металлическихъ.

новенно такимъ образомъ, что на границѣ квартала въ извѣстное время сходятся базарные ахъ-сакалы и торговые приказчики съ городскихъ базаровъ и съ базара прокаженныхъ, причемъ эти послѣдніе заявляютъ, что имъ нужно такихъ-то и такихъ-то продуктовъ и товаровъ въ такомъ-то количествѣ. Цѣна уже извѣстна, а если нѣть, то тутъ же сторговываются, и въ слѣдующей сходкѣ имъ доставляется все нужное изъ города. Кромѣ того, многие родные и благотворители обыкновенно по четвергамъ приносятъ имъ туда подаяніе въ видѣ хлѣбныхъ лепешекъ, кебабовъ и палау, а также и старое носильное платье.

Прокаженные вообще очень заботятся о продолженіи своего потомства и потому охотно вступаютъ между собою въ бракъ. Дѣти, происходящія отъ такихъ браковъ, разумѣется, еще въ утробѣ матери обречены на ту же болѣзнь и потому, подобно своимъ родителямъ, не пользуются за чертой квартала никакими гражданскими правами. Но замѣчательно, что чаще всего рождаются они безо всякихъ внѣшнихъ признаковъ болѣзни, которая обнаруживается у нихъ только впослѣдствіи, нерѣдко уже на пятнадцатомъ и даже на восемнадцатомъ году жизни.

Впрочемъ, случаи заболеванія проказой, относительно общей цифры городского населенія, можно назвать довольно рѣдкими. Несравненно болѣе терпитъ Бухара отъ другой, весьма распространенной здѣсь болѣзни, называемой риштой, и отъ яра-афгани, то есть афганской язвы.

Ришта является прямымъ послѣдствіемъ употребленія въ питье сырой воды изъ здѣшнихъ арыковъ и хаузовъ въ особенности и развивается преимущественно лѣтомъ, отъ мая до августа. По наблюденіямъ покойнаго А. П. Федченко, зародыши ришты находятся въ циклонахъ, едва замѣтныхъ глазу водяныхъ ракахъ, массами водящихся въ стоячей водѣ. Наблюденія же доктора М. Клопотовскаго привели его къ заключенію, что ришта проникаетъ въ тѣло чрезъ кожу. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ уже въ тѣлѣ человѣка, ришта пре-

вращается въ длиннаго (свыше полутора аршина) тесемчатаго глиста, похожаго съ виду на отварную вермишелину, на ощупь довольно плотнаго и эластичнаго; головка у него овальная, а хвостикъ вертенообразный. Мѣстомъ своего пребыванія въ человѣческомъ организмѣ глистъ этотъ избираетъ преимущественно поги, но попадается и въ другихъ частяхъ тѣла. Гнѣздится онъ въ подкожной или междุมускульной клѣтчаткѣ, обыкновенно вытянувшись во всю свою длину или же свернувшись въ клубокъ; но въ послѣднемъ, болѣе рѣдкомъ случаѣ клубокъ состоитъ изъ нѣсколькихъ переплетшихся между собою особей. Нерѣдко въ человѣкѣ живетъ по нѣскольку особей въ различныхъ частяхъ тѣла, и Н. Ханыковъ приводитъ примѣръ одного хивинца, у котораго ихъ было сто двадцать. Присутствіе ришты обнаруживается общею опухолью пораженнаго члена, и если глисты свернулись въ клубокъ, то къ опухоли присоединяются узловатые волдыри, а надъ тѣмъ мѣстомъ, где лежать ихъ головки, образуется красный нарывчатый прыщъ. Явленіе это сопровождается сильнымъ зудомъ и дерганьемъ; человѣкъ испытываетъ постоянный внутренній жаръ, сухость во рту и жажду, и освободить его отъ такой напасти можно не иначе, какъ только извлекши глиста совсѣмъ изъ тѣла. Мѣстные врачи (тебибъ) и даже цирюльники производятъ эту операциѣю очень искусно: когда нарывъ назрѣваетъ, они осторожно вскрываютъ его бритвой или ножницами и, увидѣвъ головку ришты, подпускаютъ подъ нея маленький крючечекъ, съ помощью коего и вытягиваютъ ее пальцами наружу. Тогда головка ущемляется между двумя деревянными спичками, которые затѣмъ накрѣпко связываются между собою ниткой или шелковинкой. Если же головка не найдена, то можно ущемить между спичками и тѣло, просунувъ подъ него одну изъ таکовыхъ, и разъ все это продѣлано, начинается самая трудная часть операциї, состоящая въ томъ, что тебибъ осторожно и постепенно вытягиваетъ глиста наружу, наматывая его на спички какъ на катушку, а его помощникъ медленно третъ,

нажимая ладонью, вдоль пораженного члена по направлению къ ранкѣ, чтобы подгонять ришу къ выходу. Если глистъ наматывается легко, то все дѣло кончается въ нѣсколько минутъ, и тогда остается лишь заживить ранку. Но если онъ идетъ очень туго или вовсе не подается впередъ, тогда операциію на нѣкоторое время прекращаютъ, оставляя вымочанную часть риши на спичкахъ, которая забинтовывается на пораженномъ членѣ до другого раза. Операциія наматыванія требуетъ большой осторожности и сноровки, потому что при своей эластичности тесьма риши легко можетъ оборваться, и тогда больному бѣда. Тутъ уже начинаются серьезныя страданія на всю жизнь, иногда и со смертельнымъ исходомъ, вслѣдствіе того, что тѣло риши разлагается и производитъ злокачественное нагноеніе въ занимаемомъ имъ каналѣ. Страданія эти выражаются опухолями и сильною ломотой въ костяхъ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда тѣло глиста проходило между сочлененіями или въ непосредственномъ сопѣствіи съ ними. Еще хуже бываетъ, когда головка остается въ человѣкѣ. Тогда, сохранивъ въ себѣ достаточно жизненности, потерпѣвшій паразитъ немедленно ищетъ себѣ другого мѣста и забирается куда нибудь поглубже, внутрь организма, откуда его уже невозможно вытянуть. Тамъ онъ отростаетъ снова, поражая своимъ приосновеніемъ жилы и нервы, вслѣдствіе чего у больного сводить руки и ноги, которая послѣ того начинаютъ сохнуть, и человѣкъ либо остается на всю жизнь калѣкой, либо умираетъ отъ истощенія. Бухарцы приписываютъ эту болѣзнь исключительно водѣ своихъ арыковъ и хаузовъ и потому стараются употреблять ее только прокипяченую; въ сырость же видѣ она опасна настолько, что фрукты, обмытые ею, нерѣдко служатъ причиной заболеванія.

Въ той же хаузной водѣ вроется причина и другой обще-распространенной въ Средней Азіи язвы, которую бухарцы называютъ афганской, а русскіе сартовской болѣзнью, и которая иначе еще называется ша-хурда, то есть злая или Ѣдкая муха. Рѣдкій человѣкъ въ Бухарѣ избѣжалъ этой не-

опрятной и продолжительной болѣзни, которая болѣе всего случается въ дѣтствѣ, поражая преимущественно лицо и руки. Дѣлается она, повидимому, безъ всякой замѣтной причины: просто образуется на лбу или на щекѣ розоватое пятно, постепенно принимающее болѣе сильную окраску до сине-багровой включительно. Пятно это оплотняется и становится узловатымъ, а затѣмъ на немъ открывается мокрая язва. Иногда простой царапинѣ или нечаянно сорванного прыщика на лицѣ бываетъ достаточно, чтобы такая ничтожная ранка перешла вскорѣ въ яря-авгани. Болѣзнь, если ее предоставить самой себѣ, обыкновенно длится болѣе года, иногда даже до двухъ лѣтъ, и потомъ проходить сама собою, но, къ сожалѣнію, навсегда оставлять по себѣ довольно глубокій шрамъ, нерѣдко безобразящій очень красивыя лица. Сарты лечатъ ее вытравливаніемъ посредствомъ Ѣдкой мази, составленной изъ мѣднаго купороса, уксуса и меда. М. А. Терентьевъ¹⁾ полагаетъ, что названія яря-авгани и ша-хурда указываютъ только на попытку объяснить происхожденіе болѣзни, но что во всякомъ случаѣ, гдѣ бы ни была ея родина, это есть одинъ изъ видовъ лепры (прооказы), который распространяется по арыкамъ. „Вода, говоритъ онъ, проходя чрезъ весь городъ и омывая на каждомъ дворѣ всякие секреты, несетъ ихъ далѣе и, чистая на видѣ, заражаетъ употребляющихъ ее для умыванія“. И дѣйствительно, язва эта болѣе всего развивается на лицѣ и рукахъ, какъ на наиболѣе омываемыхъ частяхъ тѣла.

Въ заключеніе должно упомянуть еще объ одной мѣстной болѣзни, которая лѣтомъ особенно поражаетъ новопрѣзжихъ и состоять въ томъ, что больной, не чувствуя никогда ни малѣйшей боли, впадаетъ въ общее разслабленіе, становится до крайности вялымъ, сонливымъ, самая легкая работа возбуждаетъ въ немъ величайшее отвращеніе, аппетитъ пропадаетъ, каждое движеніе становится въ тягость. При стараніи пересилить себя и не спать, съ больнымъ дѣлаются обмо-

¹⁾ Материалы для статистики Туркестанского края, т. II, 113.

роки; неодолимая спячка овладывает имъ все больше и больше, пока наконецъ не переходить въ смерть. Способъ лечения только одинъ: немедленное бѣгство изъ Бухары куда-нибудь подальше, въ горы, гдѣ воздухъ свѣжъ и не такъ жарко. Мѣстное название этой болѣзни представляетъ довольно любопытное тождество съ однимъ изъ нашихъ народныхъ кушаний: называется она лапшой.

Хотѣлось намъ осмотрѣть дворецъ, его внутреннее расположение, его залы и убранство, вообще видѣть обстановку, въ какой обыкновенно живетъ его высокостепенство, но пристава возразили, что безъ особаго разрѣшенія хазрета сдѣлать этого никакъ невозможно. Желали мы также видѣть Зинданъ (тюрьму) и Кана-хане—знаменитый клоповникъ, но пристава и отъ этого уклонились, сославшись на необходимость опять же особаго разрѣшенія, а эсаулъ-бashi при этомъ простосердечно принялъ даже увѣрять, что тамъ, ей-ей, нѣть ровно ничего хорошаго и смотрѣть совсѣмъ не на что, одна гнусность, преступники и мошенники, которые вполнѣ заслужили свою участъ, и только! „И что, моль, за охота порядочнымъ людямъ омрачать свои благородные мозги не то что зрѣлищемъ, а даже одною мыслью о такой мерзости!“

Замѣтили мы также, что сегодня пристава наши старательно обѣзжаютъ регистанъ и вообще мѣстность около урды, каждый разъ сворачивая на кружные пути, вместо того, чтобы проѣхать иногда кратчайшимъ, прямо чрезъ площадь. И когда ихъ спрашивали, отчего-де не ѿдѣмъ прямую дорогу, то они либо отмалчивались, какъ бы не замѣтивъ вопроса, либо вскользь бросали отвѣтъ, что такъ лучше.

— А знаете причину? обратился ко мнѣ маиръ Байтоковъ: тамъ у нихъ сегодня, я слышалъ, кому-то голову рѣзали, а по здѣшнему закону трупъ казненного долженъ пролежать на площади не менѣе какъ до заката солнца. Поэтому они и обѣзжаютъ регистанъ, не желая, вѣроятно, чтобы мы видѣли такое зрѣлище.

Предположеніе весьма возможное, и по-моему хорошо уже и то, что здѣсь начинаютъ стыдиться показывать постороннимъ такія вещи, какъ трупы казненныхъ, и такія достопримѣчательности, какъ Зинданъ и клоповникъ. Лѣтъ десять тому назадъ не постыдились бы.

А кушъ-беги, оказывается, и сегодня не былъ у насъ съ визитомъ:

26 января.

Свѣтлый, теплый день; морозъ не болѣе $\frac{1}{2}$ градуса по Реомюру.

Князь никого изъ насъ не посвятилъ въ сущность своихъ вчерашнихъ переговоровъ о телеграфѣ съ Магометъ-Шерифъ-инакомъ, но, кажется, остался доволенъ ихъ результатомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, сказывалъ Байтокову его ординарецъ Асланбекъ, служившій вчера за переводчика.

Вечеромъ посыпалъ меня довѣренный фірмы братъевъ Каменскихъ, молодой человѣкъ, постоянно живущій здѣсь вместе со своею женой. Жалуется, между прочимъ, что непріятно жить изъ-за мелочныхъ придирокъ здѣшнихъ властей. Крупной непріятности, какъ бывало въ прежніе годы, теперь, конечно, сдѣлать не смѣютъ, боятся; но зато на мелочахъ отводятъ себѣ душу, и все это подъ видомъ крайнаго благожелательства; сдѣлать за каждымъ шагомъ; безъ разрѣшенія, напримѣръ, нельзя отлучиться по дѣломъ въ какой нибудь другой городъ: надо напередъ сказать, что ѿду, моль, туда-то, за такимъ-то дѣломъ и настолько-то времени. Вообще, русскіе здѣсь окружены цѣлою системой шпіонства: куда ходилъ, гдѣ былъ, съ кѣмъ видѣлся, о чёмъ говорилъ, что сдѣлалъ — все это выслѣдываютъ, выматриваютъ, выспрашиваютъ тайкомъ у конторской прислуги изъ туземцевъ и немедленно обо всемъ пишутъ арзы (донесенія) по принадлежности. Ужасно подозрительный и хитрый народъ эти чиновники, хотя и увѣряютъ безпрестанно въ своей дружбѣ.

Женился этотъ молодой человѣкъ назадъ тому около года, въ Россіи, куда нарочно затѣмъ и ѿзилъ. Вернулся обратно

В. В. Крестовскій.

съ молодою женой, и жили они тут сначала внутри города, въ томъ каравань-сарай, гдѣ помѣщается контора, но теперь пришлось перебраться за городъ, по той причинѣ, что правовѣрные скандализовались присутствиемъ среди нихъ иноzemной женщины, которая ходить съ открытымъ лицомъ. Претендовали даже на то, зачѣмъ она появляется безъ покрывала внутри своего двора и на внутреннемъ айванѣ собственной квартиры; требовали, чтобы соотечественница наша отказалась отъ европейскихъ костюмовъ, а приняла бы паранджу и чиметъ, но понятно, что безъ особенной привычки не только европейская женщина, а и степная киргизка не въ состояніи этого сдѣлать: при здѣшнемъ зноѣ, отъ духоты невозмождо дышать подъ мелкою волосяною сѣткой, не говоря уже о томъ, что сѣтка жестка и колется. Съ своей точки зрѣнія они быть можетъ и правы, но во всякомъ случаѣ подобное существованіе очень стѣснительно, и такимъ образомъ, бѣдная женщина обречена какъ бы на заточеніе, не смѣя показаться за порогъ своего дома, и даже во дворѣ-то можно ей выйти не иначе, какъ подъ густымъ вуалемъ. Жаловался также на беспрестанныя проявленія мелочного произвола здѣшнихъ чиновниковъ по поводу всякаго пустяка, какой иногда и въ голову не придетъ, на ихъ придирки, изобрѣтательное крючтоворство и прижимки, отъ которыхъ каждый разъ надо откупаться какимъ-либо силу, то есть взяткой въ видѣ подарка, безъ чего тутъ шагу ступить невозможно, и выражалъ общее желаніе русско-подданныхъ, проживающихъ въ бухарскихъ предѣлахъ, что они-де ждутъ не ждутъ когда-то, наконецъ, будетъ назначенъ сюда нашъ постоянный правительственный агентъ, который бы ихъ естественнымъ защитникомъ и покровителемъ. Но этому желанію, казись, не скоро еще суждено осуществиться...

А кушъ-беги все еще не отдаетъ намъ визита. Что могло бы это значить?...

27 января.

Въ три часа дня посольство въ полномъ своемъ составѣ

отправилось съ прощальнымъ визитомъ къ кушъ-беги. Это было повтореніе почти тѣхъ же церемоній, что и въ прошлый разъ, какъ съ бухарской, такъ и съ нашей стороны; такой же картечь по улицамъ, такой же подъемъ съ регистрацией урду по образу пѣшаго хожденія, такой же достарханъ и завтракъ, и варианты все того же разговора насчетъ „большой“ Россіи и „маленькой“ Бухары; затѣмъ взаимныйувѣренія въ дружественныхъ чувствахъ и взаимные комплименты— и Бухара-то намъ очень понравилась, и весело-то намъ безконечно, и всѣмъ-то мы по горло довольны и благодаримъ ото всей души за радушное гостепріимство, а насть благодарятъ за честь посѣщенія,—словомъ, все какъ и быть надлежитъ по обычному шаблону, а потому распространяться объ этомъ не стану. Закончилось, конечно, поднесеніемъ подарковъ, но не взаимнымъ, такъ какъ у насть дарить было уже нечего, то есть въ распоряженіи старшаго посла не нашлось болѣе подарка, соотвѣтственнаго высокому положенію кушъ-беги; дарить же несоответственно сану и достоинству лица здѣсь считается за верхъ неприличія и въ некоторомъ родѣ даже за обиду. Правда, имѣлось еще въ запасѣ нѣсколько хорошихъ вещей, но тѣ еще въ Ташкентѣ были предназначены генераль-губернаторомъ для сына и наслѣдника эмира, Сеидъ-Абдуль-Агатъ-хана, бека Керминенскаго. Отправляясь съ прощальнымъ визитомъ къ кушъ-беги, мы надѣялись, что авось-либо сегодня обойдется дѣло безъ подарковъ и мы будемъ избавлены отъ неловкости принимать ихъ не отдавая, но не тутъ-то было!...

Впрочемъ, кушъ-беги на сей разъ ограничился подарками довольно скромныхъ качествъ и размѣровъ, а именно: въ концѣ завтрака его слуги предъ каждымъ изъ насть положили на полъ по маленькой связкѣ канавуса и адряса, въ сложности по девяти кусковъ на человѣка, а князю сверхъ того прибавили нѣсколько кусковъ бухарского бархата. Мы, конечно, очень благодарили, но, говоря откровенно, нельзѧ не сознаться, что кушъ-беги гораздо бы лучше сдѣлалъ, еслибы нашелъ

возможнымъ не дѣлать намъ вовсе никакихъ подарковъ и тѣмъ избавилъ бы и себя и нась отъ обоюдной неловкости. Таковъ, по крайней мѣрѣ, мой взглядъ.

Вообще, возвращаясь еще разъ къ весьма щекотливой темѣ о подаркахъ, нахожу не лишнимъ высказать на этотъ счетъ еще нѣсколько мыслей. Всѣ эти торги и переторжки, покупки и продажи подарочныхъ вещей на мѣстѣ просто неприличны, хотя это въ некоторомъ родѣ и освящено уже здѣсь обычаемъ и практикуется съ тѣхъ поръ, какъ между Ташкентомъ и бухарскимъ правительствомъ завязались постоянные официальные сношения посредствомъ особыхъ посланцевъ. Мы, конечно, не виноваты, если къ намъ назойливо пристаютъ и понуждаютъ къ тому сами же бухарцы, да и въ самомъ дѣлѣ не везти же съ собой въ Ташкентъ цѣлый транспортъ ни къ чему ненужныхъ халатовъ, что во всякомъ случаѣ и грузно, и дорого, и затруднительно по условиямъ перевозки. Но если уже необходимо продавать подарки, то слѣдовало бы, мнѣ кажется, сдѣлать для русскихъ пословъ и членовъ посольства обязательнымъ: всѣ деньги, что будутъ выручены отъ распродажи подарочныхъ вещей (за исключениемъ, разумѣется, тѣхъ вещей, которыхъ посолъ и члены пожелаютъ оставить себѣ на память) жертвовать въ самой же Бухарѣ на благотворительныя цѣли, о чёмъ и заявлять при прощальной аудіенціи самому эмиру и непремѣнно ему самому, вручая тутъ же и деньги, потому что иначе, при передачѣ пожертвованія кому-либо изъ чиновниковъ безъ вѣдома хазрета, оно легко можетъ и не достичь своего предназначенія. Тогда авось - либо мы и отучили бы бухарцевъ отъ обычая дѣлать намъ подарки или, по крайней мѣрѣ, значительно сократили бы размѣры этихъ подарковъ. Тогда, можетъ быть, и бухарцы, въ родѣ совѣтниковъ Каршинскаго бека, отказались бы отъ усвоенного ими себѣ убѣжденія, будто русскимъ посламъ нужны не почести и внимание, а только подарки да деньги. А то вѣдь это давнѣмъ-давно уже дошло у насъ просто до скандала; иными словами я этого и опредѣлить не

могу. Прокутится, напримѣръ, въ Ташкентѣ какойнибудь господчикъ изъ „фазановъ“ и начинаетъ всяческими лазейками пронырствовать, какъ бы ему попасть въ посольство въ Бухару „на поправку“. Сама Бухара его нисколько не интересуетъ, онъ и знать ее не хочетъ, и видѣть въ ней ничего не желаетъ, а интересна ему только „поправка“ на продажѣ подарковъ. И бухарцы чрезъ своихъ негласныхъ ташкентскихъ агентовъ все это прекрасно знаютъ. Судите же сами, чѣмъ, въ сущности, должны казаться въ ихъ глазахъ подобные господа и какого уваженія къ русскимъ посламъ послѣ того мы въ правѣ отъ нихъ требовать! Мнѣ горько высказывать это, и я знаю, что слова мои не понравятся многимъ, но въ то же время убѣжденъ, что люди безпристрастные не найдутъ ихъ несправедливыми.

Остатокъ дня мы провели въ сборахъ къ отѣзду, который назначенъ на завтра.

А кушъ-беги такъ и не отдали намъ визита. Впрочемъ не пріѣдетъ ли завтра на проводы?

виязъ со свитой верхомъ въ самарканскія, а я съ Асланбекомъ въ колясѣ въ мазарскія (кладбищенскія) ворота. Причина такого раздѣленія заключалась въ томъ, что я, въ качествѣ „любознательного путешественника“, хотѣлъ видѣть самое священное мѣсто Бухары, а Асланбекъ, въ качествѣ доброго мусульманина, не только видѣть, но и поклониться тамъ гробу святаго Богуеддина Накшбенди, который считается патрономъ города Бухары, какъ Кусамъ-Шахи-Зинда и Ходжа-Ахаръ патронами Самарканда. Насъ сопровождали одинъ изъ приставовъ, эсауль-бashi, двое полицейскихъ, четверо казаковъ посольского конвоя и мой Сайфуддинъ, котораго я взялъ для того, чтобы онъ, въ случаѣ надобности, могъ послужить мнѣ за переводчика.

Къ мазарскимъ воротамъ непосредственно примыкаетъ обширное, густо захороненное кладбище съ полуразрушенными мавзолеями и гробницами. Оно относится къ тѣмъ древнимъ временамъ, когда бухарцы считали еще нужнымъ заботиться о прахѣ своихъ близкихъ и хранить о нихъ воспоминанія въ видѣ надгробныхъ памятниковъ. Съ тѣхъ поръ мавзолеи и гробницы давнымъ-давно уже успѣли завалиться, обрушиться и прийти къ полное запущеніе, такъ какъ никто не заботится о поддержаніи ихъ въ приличномъ видѣ.

Мѣстечко Богуеддинъ лежитъ къ востоку отъ Бухары, въ девяти verstахъ разстоянія. Дорога ведеть къ нему широкая, гладкая. По сторонамъ ея тянутся густо заселенные кишлаки и отдельные хутора или фермы (чербахи), утопая во фруктовыхъ садахъ и виноградникахъ, среди старорослыхъ тополей и платановъ. Тутовые, хлопковые, табачные и иные плантации идутъ въ перемежку съ селеніями. Часто къ самой дорогѣ вдругъ выбѣгаютъ веселыя лужайки и рощицы. Все это разбито правильными четырехъугольниками на отдельные участки, по одному, по два танана и болѣе, обмежевано арыками и глиняными стѣнками и обсажено по межамъ рядами тутовыхъ, таловыхъ и тополевыхъ деревьевъ. Снѣгъ совсѣмъ уже стаялъ, и на сырой землѣ начинаетъ

IX.

Отъ Бухары до русской границы.

Отъѣздъ изъ Бухары.—Дорога предиѣздили до Богуеддина и характеръ мѣстной культуры.—Бухарскіе ледники.—Мѣстечко Богуеддинъ и его обитатели.—Корпорація богуеддинскаго интихъ.—Мавзолей Даіяръ-аталыка и могила Абдузахъ-хана.—Гробница Богуеддина.—Значеніе числа семь въ жизни сего святаго.—Казачыи грошники.—Особенности бухарскихъ угощений и гостепріимства.—Сельское населеніе въ празднике.—Вон перепеловъ.—Молотильные курганы.—Мѣстечко Пангадъ.—Почлегъ въ мѣстечкѣ Бустанъ.—Вазенъ въ Бустанѣ.—Обращиви сартовской поэзіи, мадригали и романсы.—Мерьескій танецъ и другія иляски.—Единственное въ своемъ родѣ мѣрило общественной благосостоятельности.—Зеравшанъ и его значеніе для бухарского ханства.—Степь Дашты-Малекъ.—Стенное марево.—Мѣстечко Малекъ и его древнія развалины.—Ватчи въ почетномъ караулѣ.—Почетные посланцы отъ наследнаго принца Бухарскаго.—Городъ Кермине, его цитадель, мечеть и легендарное гиѣздо аистовъ.—Наше помѣщеніе.—Визитъ къ наследному принцу.—Парадная встреча.—Дворецъ принца и его обстановка.—Принцъ Сендъ-Абдуль-Агатъ-ханъ, его наружность и характеръ.—Что его интересуетъ.—Смотръ нашимъ казакамъ.—„Керминенская“ политическая партія и ея планы.—Неожиданная любезность кавказскаго человѣка.—Комнатный холодъ.—Дорога отъ Кермине до Зіаеддина.—Послѣдствія каршиинскаго урока.—Городъ Зіаеддинъ и его фальшивая крѣость.—Обстановка дома зіаеддинскаго бека.—Неудобный почетный караулъ.—Обличительная надпись.—Отъѣздъ изъ Зіаеддина.—Характеръ мѣстности.—Мѣстечки Миръ и Касагаранъ.—Послѣднее бухарское угощеніе посольства.—Русская граница.—Памятникъ на мѣстѣ Зираулакскаго боя.—Видъ на Зеравшанскую долину.—Русскіе полицейскіе джигиты.—Новая страсть домашнаго хозяйства у русскихъ сартовъ.—Городъ Катта-Курганъ.—Мы дома.

28 января.

Выѣхали мы изъ Бухары безо всякой помѣхи и официальныхъ провожаній, въ восемь часовъ утра и направились —

кое-гдѣ пробиваться свѣжая травка. Около домовъ на улицѣ соръ подметенъ, арыки не загажены, стѣны во многихъ мѣстахъ подблѣны, всюду замѣтна чистота и порядокъ, такъ что, повидимому, предметы содержатся здѣсь гораздо чище города. Вообще, все пространство между городомъ и Богуеддиномъ представляетъ мѣстность сплошна и хорошо культивированную, за исключеніемъ кое-гдѣ разбросанныхъ кургановъ, служащихъ кладбищами, и эта культурность производить отрадное впечатлѣніе, въ особенности когда вы знаете какого упорного и постоянного труда, какой вѣчной борьбы съ природой стоять она здѣшнему земледѣльцу.

По дорогѣ я имѣлъ случай видѣть, какъ устраиваются въ Бухарѣ ледники. Способъ весьма оригинальный: расчищается гладкая площадка, ровно усыпается крупнымъ пескомъ и затѣмъ покрывается барданами и чіями¹⁾. На эту подстилку накладываются сплошными рядами большие куски льда, привозимаго съ большихъ арыковъ, озеръ и хаузовъ, такъ что получается четырехъугольникъ, въ длину шаговъ тридцать, въ ширину пятнадцать и въ высину до двухъ съ половиной аршинъ. Съ боковъ и сверху этотъ ледъ обкладывается опять же чіями и барданами въ нѣсколько рядовъ, которые снаружи покрываются плотнымъ слоемъ глины. Затѣмъ, отступя на пол-аршина, чтобы оставить извѣстное пространство, какъ бы въ видѣ пазухи, для свободнаго тока воздуха, выводятся вкругъ ледника толстыя наружныя стѣнки изъ глины, смѣшанной съ саманомъ²⁾ и покрываются плоскою глиняною кровлей по обыкновенному сартовскому способу, какъ для сараевъ и наѣсовъ. Говорятъ, что въ ледниѣ, устроеннымъ подобнымъ образомъ, ледъ, не тая, можетъ сохраняться сколько угодно лѣтъ, несмотря на самые убийственные и продолжительные

¹⁾ Плетеные дранчатыя цѣновки и маты изъ длинныхъ, ровно обрѣзанныхъ и прошитыхъ сурою ниткой тростниковыхъ стеблей.

²⁾ Саманъ — солома изъ-подъ обмолоченного хлѣба и соломенная рѣзка.

жары здѣшняго лѣта. Ледникъ, который мы видѣли, строился для эмира.

Чрезъ полчаса мы уже вѣзжали въ Богуеддинъ.

Это небольшое мѣстечко, съ двумя, тремя заѣзжими дворами, нѣсколькими чайна-ханѣ и небольшимъ базаромъ. Строенія эти съ западной и южной стороны окружаютъ стѣнку небольшаго кладбища, которое, въ свой чередъ, окружаетъ со всѣхъ сторонъ стѣны двора, гдѣ находится гробница святаго, составляющая какъ бы центральный пунктъ всего мѣста. При кладбищѣ, которое носить название „Священнаго“ (Мазари-Шерифъ), находится монастырь (ханкакъ) съ нѣсколькими мечетями, большая медрессе, построенная родоначальникомъ нынѣшней династіи, Даніаръ-аталыкомъ¹⁾, и садъ Сайми-гули-сурхъ, гдѣ культивируются прекрасныя розы и бываетъ разъ въ годъ большое весеннее гулянье, когда розы только что распустятся. Вся Бухара и самъ эмиръ со всѣмъ своимъ дворомъ и сановниками съезжаются тогда въ Сайми-гули-сурхъ любоваться на пышные кусты разнообразныхъ розъ и наслаждаться ихъ ароматомъ.

Надо замѣтить, что населеніе мѣстечка состоитъ исключительно изъ потомковъ святаго Богуеддина, которые давно уже присвоили себѣ титулъ ходжей²⁾ и право селиться около могилы своего знаменитаго предка. Кроме ихъ, никто и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть поселенъ ни въ самомъ мѣстечкѣ, ни на земляхъ, ему принадлежащихъ.

Мы подѣхали къ высокой аркѣ каменныхъ монастырскихъ

¹⁾ Аталаикъ былъ самый высокій чинъ въ государствѣ, выше которого никто изъ подданныхъ не могъ уже возвыситься. Онъ былъ равносчитавленъ вице-королю и совмѣщалъ въ себѣ обязанности визиря, главнокомандующаго и мажордома.

²⁾ Надо отличать часто у насъ смѣшиваемыя слова ходжа и хаджи. Первое принадлежитъ какъ родовой титулъ потомкамъ Абубекра-Садыка и Омаръ-Уль-Фарука, первыхъ послѣдователей Магомета, а второе составляетъ только почетное прозвище поклонниковъ, побывавшихъ въ Меккѣ и равносильно нашему „странникъ“, „паломникъ“.

воротъ, на которыхъ мирно высится большое гнѣздо аистовъ, гдѣ вывелося уже много поколѣй этой, въ нѣкоторомъ родѣ, тоже священной птицы. Но тутъ оказалось, что ворота эти совсѣмъ особенные, и особенность заключается въ томъ, что въ нихъ невозможно пройти иначе, какъ только согнувшись, что называется, въ три погибели. Дѣло въ томъ, что въ стѣны пролета, на высотѣ въ половину человѣческаго роста, наглухо вѣлано поперечное бревно, въ родѣ мертваго барьера; перелѣзать черезъ — высоко, подлѣзать подъ него — низко; надо стоять на колѣно, чтобы перебраться, и хорошо еще, что на сей разъ погода была сухая, а то въ грязь совсѣмъ бы плохо пришлось. Это, какъ намъ пояснили, устроено затѣмъ, „да не внедѣтъ никто въ святое мѣсто съ дерзновенно поднятою головой, но всакъ да преклонится до земли въ преддверіи гробницы святаго“. Нечего дѣлать, преклонились и вошли.

Отъ самыхъ воротъ начинается длинный, вымощенный булыжнымъ камнемъ проходъ, по бокамъ которого идутъ сплошные ряды низенькихъ конурообразныхъ мазанокъ, каждая съ дырой, замѣняющею и дверь и окно. Все это сѣро, закопчено, грязно и либо голо, либо наполнено какимъ-то отребьемъ и лохмотьями, вообще неприглядно въ высшей степени. Весь проходъ по обѣ стороны усыпанъ тѣсными группами нищихъ — слѣпыхъ, калѣкъ, убогихъ и паршивыхъ. Тутъ вы встрѣчаете стариковъ и дѣтей разныхъ возрастовъ, и молодыхъ женщинъ, и безобразныхъ старухъ съ открытыми лицами. И тутъ же, къ удивленію, между дѣйствительно убогими, протягиваютъ къ вамъ руки за подаяніемъ здоровенные, мускулистые парни лѣтъ двадцати, тридцати, которымъ бы только работать да работать, а они милостию кличатъ. Вся эта орава разными голосами скороговоркой канючитъ, поетъ и верещитъ вамъ въ уши на известный нищенскій речитативъ и тягается за подаянной монеткой. Не подавалъ можно еще кое-какъ пройти; за вами только будетъ слѣдовать съ боковъ и сзади толпа попрошачекъ, которая, по мѣрѣ

дальнѣйшаго вашего движенія по проходу, будетъ все прибывать, иногда забѣгаю впередъ и надѣдая своимъ попрошайствомъ. Но Боже избави подать имъ что-либо! Чуть только увидятъ, что вы дали одному, на васъ тотчасъ же со всѣхъ сторонъ нахлынутъ цѣлые шайки и, обступивъ вплотную, затолкаютъ, затискаютъ, чуть съ ногъ не сшибутъ, чуть не разорвутъ васъ на части, а руки ужъ наявърное исцарапаютъ. Все это съ лютою жадностью напираетъ одинъ на другаго, отстраняетъ и давить другъ друга, продирается впередъ, тягется къ вашему лицу съ закорузлыми, грязными ладонями, выставляя напоказъ свои зіючія раны и смердящія язвы, хватаетъ васъ за руку, чтобы разжать пальцы и вынуть изъ горсти мелкія монетки и при этомъ галдить, ореть и вопіеть немилосердно. Мы съ Асланбекомъ просто жизни не рады были, что вздумали подавать имъ, и ужъ не знаю чѣмъ бы все это кончилось, если бы не нагайки нашихъ полицейскихъ, которыхъ безъ всякой церемоніи пошли гулять по спинамъ нападающихъ нищихъ. Первое было только противно, послѣднее же возмутительно до нравственной боли, такъ какъ и безъ того уже жалко было гладѣть на этихъ несчастныхъ, но, къ сожалѣнію, безъ этой крайней мѣры не было иной возможности выручить насть изъ насьвѣщей на обоихъ оравы. Это не люди, а какая-то стая голодныхъ псовъ, среди которой мы вдругъ появились съ костью. Здоровенные парни, какъ наиболѣе сильные, отталкивали калѣкъ, стараясь сами заступить ихъ мѣсто, и если какая копѣйка перепадала дѣйствительно убогому, лишенному возможности подняться съ земли, то здоровяки просто накидывались на такого и отнимали деньги грабежомъ, употребляя тотъ же приемъ насильственного разжатія пальцевъ или душенія за горло. Одна старуха, подхвативъ на-лету мѣдную цулу, быстро отправила ее къ себѣ за щеку; но въ тотъ же мигъ какой-то, подмѣтившій это, дѣтина еще быстрѣе залѣзъ дальцемъ въ ротъ, и сколько ни сопротивлялась старуха, сколько ни мотала головой, какъ ни сжимала губы и какъ ни мычала при этомъ,—дѣтина все-таки вытащилъ у

иная монетка. Гамъ и ругательства, давка и драка, хриплые крики и пронзительные взвизги, дѣтскій ревъ и этотъ юношій, назойливый речитативъ, и эти щелкающіе по чѣмъ ни попадя нагайки, все это являло одну изъ такихъ отвратительныхъ картинъ, которыхъ поневолѣ заставляютъ съ гадливымъ чувствомъ относиться къ человѣку. Тутъ уже утраченъ всякий образъ человѣческій и осталось одно лишь „подобіе звѣрино“.

Вся эта компания составляетъ привилегированную корпорацію богуеддинскихъ нищихъ. Они живутъ на иждивеніи монастыря, который даетъ имъ ежедневную пищу и даровое помѣщеніе въ этихъ самыхъ конурахъ, что тянутся вдоль прохода, и многіе, какъ особаго благополучія, думаютъ попасть сюда на монастырскіе хлѣба. Но для этого необходимо нужна протекція со стороны какого либо изъ жителей сего мѣстечка. Если есть кому походатайствовать за желающаго у шейха-мутевалія, то бѣднякъ записывается въ кандидаты и ждетъ, пока не умретъ кто-либо изъ членовъ корпораціи, ибо только въ такомъ случаѣ можетъ онъ попасть на очищющееся мѣсто.

Влѣво отъ прохода высится четырехсторонній мавзолей съ мавританскимъ порталомъ и куполомъ, построенный изъ обожженаго кирпича, но не оштукатуренный. Внутри его погребенъ Даніаръ-бекъ, отецъ эмира Маассума, всевластный аталаѣкъ послѣдняго изъ Аштарханидовъ, Абдуль-Гази-хана, котораго Даніаръ держаль въ такомъ страхѣ предъ собою, что тотъ безъ его согласія не смѣлъ даже выйти изъ дома. Неподалеку отъ мавзолея, у самыхъ стѣнъ кладбища, находится и медрессе имени аталаѣка, новой, довольно красивой постройки.

Кладбище усыпано камогильными плитами изъ сѣраго мрамора и кирпичными гробницами, облицованными алебастромъ. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе одинъ памятникъ, имѣющій форму квадратной ограды, сажень около двухъ въ длину и столько же въ вышину, такъ что въ цѣломъ онъ походитъ на кубъ, увенчанный сквозною каменною балюстрадой. Какъ решетка балюстрады, такъ и самая ограда сложены изъ боль-

шихъ, грубо обтесанныхъ кусковъ сѣраго мрамора и какого-то крупно зернистаго, съ блестящимъ изломомъ на поверхности, чернаго камня. Ограда доверху наполнена землей, гдѣ и погребенъ Абдуллахъ-ханъ, память о которомъ живеть и до нашихъ дней во множествѣ его, еще удѣлѣвшихъ, монументальныхъ построекъ, въ особенности степныхъ сардобъ и рабатовъ. Глядя на его скромную могилу, невольно приходитъ на мысль, что не грѣшило было бы бухарцамъ почтить достойнымъ мавзолеемъ прахъ того, кто былъ однимъ изъ лучшихъ ихъ государей и оказалъ своей странѣ столько благодѣяній.

Наконецъ подошли мы къ высокой бѣлой стѣнѣ, около которой росло нѣсколько раскидистыхъ деревьевъ. Изъ-подъ ихъ сѣни выглядывали большія ворота, коихъ массивныя деревянныя створы были украшены бронзовыми скобами и нѣсколькими висячими ручками, въ видѣ массивныхъ серегъ, старинной работы и очень красиваго рисунка. Глубоко рельефная узорчатая рѣзьба этихъ створъ также очень хороша, но, къ сожалѣнію, новѣйшее безвкусіе выкрасило ихъ зеленою и красною краской. Надъ воротами красуется цѣлая коллекція маральихъ, туриныхъ и оленыхъ роговъ, какъ символъ величія и силы святаго. Это все приношенія поклонниковъ изъ горныхъ странъ, гдѣ водятся такія животныя.

На извѣщательный ударъ пристава сергой о скобу, изнущи три послышались старческие шаги, и черезъ минуту одна изъ тяжелыхъ створъ медленно раскрылась предъ нами. Мы переступили порогъ и очутились въ закрытомъ со всѣхъ сторонъ дворикѣ или садикѣ, подъ раскидистою сѣнью нѣсколькихъ высокихъ древнихъ карагачей и чинаровъ. Лѣтомъ здѣсь должно быть прелестно. Дворикъ не великъ, въ длину шаговъ пятьдесятъ съ небольшимъ, имѣть форму четырехъугольника и довольно тщательно выложенъ въ шашку квадратными кирпичными плитками. Съ сѣверной и южной стороны замыкаютъ ег҃ боковые фасады двухъ мечетей, а съ западной и восточной—высокія стѣны ограды. Въ западной стѣнѣ находятся тѣ главныя ворота, въ которыхъ нась сюда впустили.

Проходъ изъ-подъ нихъ пересѣкаеть собою возвышенную широкую веранду съ навѣсомъ на рѣзныхъ колонкахъ, которая пристроена со внутренней стороны къ западной стѣнѣ и соединяетъ въ видѣ галлереи обѣ мечети, изъ коихъ выходятъ на нее двѣ боковыя двери. Правая или южная мечеть носить название Хакимъ-кушъ-беги, въ честь своего строителя. Она не велика, но очень изящно украшена лѣпною работой изъ алебастра и расписана по фризамъ и на потолкѣ *al fresco*. Сѣверная же обширная мечеть сооружена ханомъ Абдуль-Акисомъ¹⁾, въ противоположность своей сосѣдкѣ, отличается характеромъ несолько суровой простоты, безъ всякихъ украшений. Часть ея глубокаго купола со внутренней стороны или осталась недостроеною, или обрушилась впослѣдствіи, обнаживъ переборки деревяннаго каркаса, да такъ и осталась безъ поправки, вѣроятно, въ ожиданіи дальнѣйшаго разрушенія.

Осмотрѣвъ обѣ мечети, мы вернулись на веранду внутренняго дворика и только тутъ обратили вниманіе на ея оригинальный украсенія. Потолокъ и задняя стѣна ея расписаны пестрыми арабесками, среди коихъ на стѣнѣ выдѣляются большия черныя надписи изъ Корана, а съ потолка спускаются ряды люстръ, паникадилъ, лампадъ и затѣйливыхъ фонарей съ цветными стеклами. Всѣ эти паникадила и люстры совершенно такія же, какія можно встрѣтить и теперь во многихъ нашихъ старинныхъ церквяхъ, да они и были въ разное время вывезены изъ Россіи благочестивыми поклонниками изъ нашихъ богатыхъ татаръ и изъ здѣшнихъ купцовъ, что наѣзжаютъ къ намъ на Макарьевскую ярмарку.

Гробница святаго Богуеддина находится прямо противъ главныхъ воротъ въ юго-восточномъ углу дворика. Она представляетъ четырехсторонній массивный фундаментъ, сложенный изъ большихъ, грубо обтесанныхъ плитокъ мрамора и по внешнему виду походитъ на гробницу Абдуллахъ-хана. Вы-

сота ея два съ половиной аршина, а длина по двѣнадцати шаговъ съ каждого бока. Въ головахъ гробницы находится выступъ изъ глыбы бѣлаго мрамора, покрытый узорчатыми изваяніями, а въ ногахъ, въ видѣ продолговатой доски, длиной около аршина съ четвертью, вѣланъ черный камень, называемый бухарцами сянги-мурадъ. Точно такого же вида плитки чернаго камня вѣланы въ мавзолей подъ верхнимъ карнизомъ и съ правой, и съ лѣвой руки. Съ этой послѣдней стороны, прислоненная къ карниzu, торчить цѣлая связка бунчука, а въ головахъ, на высокомъ шестѣ, качается по вѣтру большой бунчикъ, подвѣшеннаго подъ металлическое яблоко, которое, будучи полымъ внутри, издается при каждомъ колебаніи тихій звонъ, какъ бубенчикъ. Головная часть гробницы обращена къ сѣверу, и въ двухъ шагахъ отъ нея, рядомъ съ высокимъ шестомъ, находится священный ключъ прекрасной воды, а еще далѣе — бассейнъ, обложенный плитой, и около него, по ту сторону — небольшой кіоскъ, внутри котораго также есть водоемъ въ большомъ чанѣ.

Вдоль южной стѣны дворика, начиная отъ юго-западнаго угла гробницы, по направлению къ главнымъ воротамъ, идутъ въ рядъ еще семь другихъ гробницъ обыкновенной здѣшней формы, въ видѣ двускатныхъ, слегка округленыхъ саркофаговъ, облицованныхъ алебастромъ. Тутъ почиваютъ семь главнѣйшихъ учениковъ и послѣдователей Богуеддина, принявшихъ послѣдній вздохъ своего пира¹⁾, при его кончинѣ.

Вдоль изголовьевъ этихъ гробницъ постланъ на помостѣ большой паласовый коверъ, а надъ нимъ сверху, въ наклонномъ положеніи, протянутъ на шестахъ паметъ отъ большой палатки, сверху зеленый, а съ исподу пестрый, узорчато составленный изъ кусковъ различныхъ матерій. Подъ этимъ паметомъ преважно возсѣдаютъ на собственныхъ пяткахъ семь чалмоносныхъ шейховъ, представителей рода Накшбенди. Предъ каждымъ изъ нихъ лежитъ по небольшой кучкѣ мѣдныхъ,

¹⁾ Сынъ Обайдуллаха, изъ династіи Шейбанидовъ, царствовалъ въ 948 (1541) по 958 (1551) годъ.

¹⁾ Пиръ — духовный наставникъ.

серебряныхъ и золотыхъ монетъ, которыхъ съ утра, съ приходомъ сюда на дежурство, они выкладываютъ изъ собственныхъ кармановъ, въ видѣ приношенія, якобы собранного отъ доброхотныхъ дателей уже сегодня, и тѣмъ приглашаютъ новыхъ посѣтителей къ дальнѣйшимъ пожертвованіямъ.

Я уже сказаъ, что право селиться въ мѣстечкѣ около Мазари-Шерифа принадлежитъ исключительно потомкамъ Богуеддина, присвоившимъ себѣ титулъ ходжей. Община этихъ потомковъ сдаетъ могилу своего святаго предка въ аренду тридцати двумъ шейхамъ, представителямъ или старшинамъ своего рода, за 11,000 тенговъ (2,200 р. металля.) въ годъ. Деньги эти идутъ въ раздѣлъ между всѣми жителями мѣстечка, и за это шейхи обязаны содержать въ чистотѣ и порядкѣ не только гробницу съ дворикомъ и мечетями, но и весь Мазари-Шерифъ. Остальной доходъ отъ поклонниковъ поступаетъ уже сполна въ пользу шейховъ-откупщиковъ, которые изъ своей среды назначаютъ по очереди ежедневное дежурство въ числѣ семи человѣкъ при гробницахъ святаго. Доходы же ихъ бываютъ не малые, потому что хазрата-Богуеддинъ Накшбенди—одинъ изъ самыхъ популярнѣйшихъ святыхъ не только въ Бухарѣ, но и во всей Средней Азіи, и троекратное хожденіе на поклоненіе его гробу замѣняетъ для мусульманина странствіе къ далекой Каабѣ въ Мекку. Поэтому можете себѣ представить сколько сюда набирается пилигримовъ. Для Бухары душеспасительныя прогулки въ Богуеддинъ составляютъ одно изъ самыхъ любимыхъ развлечений; и такъ какъ въ мѣстечкѣ каждую среду бываетъ базарь (отъ которого извѣстная часть торговой пошлины тоже поступаетъ въ пользу богуеддинцевъ), то сюда обыкновенно въ этотъ день сѣѣжаются изъ города и со всѣхъ окрестностей масса народа. Самъ эмиръ какъ бы въ обязательный долгъ поставляетъ себѣ посѣтить ханкахъ и сотворить намазъ предъ могилой святаго каждый разъ какъ выѣзжаетъ въ путешествіе по Каршинской дорогѣ, а равно и при возвращеніи изъ путешествія. А каждое такое посѣщеніе его высокосте-

пенства непремѣнно сопряжено со щедрымъ приношеніемъ. Равно и каждый поклонникъ обязательно долженъ положить что-либо по возможности, но никакъ не менѣе семи пуль, за прикосновеніе къ сянги-мураду, да столько же за глотокъ воды изъ священнаго колодца. Этотъ колодецъ шейхи уже отъ себя сдааютъ на откупъ одному изъ своей среды, и откупщикъ тоже пользуется большими доходами, въ особенности лѣтомъ, въ жаркую пору, когда каждый отъ жажды не прочь и нѣсколько разъ напиться холодной, чистой и вкусной воды. Въ эту пору, по средамъ и пятницамъ, а также и въ праздничные дни, когда въ ханкахъ набираются массы гулящаго люда, откупщикъ взимаетъ плату и за воду изъ хауза, и за воду изъ чана, что находится въ кіоскѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что она-де изъ одного и того же источника. Наконецъ и самое кладбище приносить очень хороший доходъ за мѣста, уступаемыя подъ могилы. Люди благочестивые и въ то же время состоятельные часто еще при жизни выражаютъ желаніе быть погребенными въ сосѣдствѣ съ досточтимъ ими праведникомъ и для этого покупаютъ себѣ на кладбищѣ мѣсто, или оставляютъ въ подобномъ смыслѣ завѣщанія своимъ наследникамъ, и такъ какъ на монастырскую землю нѣть опредѣленной таксы, то это каждый разъ зависитъ отъ взаимнаго соглашенія, причемъ шейхи, разумѣется, не упускаютъ случая сорвать какъ можно больше въ свою пользу. Превыгодное дѣло быть родственникомъ такого святаго!

Но эксплуатируя память своего предка, эти шейхи знаютъ о немъ очень мало. Не только никто изъ нихъ не позаботился составить его „житіе“, но и устныя преданія о немъ весьма скучны и сбивчивы. Извѣстно только, что жилъ онъ и подвизался при ханѣ Тимурѣ, основалъ и донынѣ здравствующій монашескій орденъ Накшбенди и умеръ семнадцати лѣтъ отъ роду, оставилъ по себѣ нѣсколько послѣдователей, въ числѣ которыхъ былъ и ходжа Обейдуллахъ-Ахраръ, самый ревностный распространитель его ученія, пользовавшійся такимъ почетомъ, какъ ученый и писатель, что современные ему

ханы и члены царственных домов наперерывъ другъ предъ другомъ заискивали его расположения. Самъ же Богуеддинъ не оставилъ по себѣ никакого написанного имъ самимъ сочиненія, онъ училъ только устно, и учение его записано было уже ходжей Обайдуллахомъ. Шейхи увѣряютъ, что жилъ онъ 514 лѣтъ тому назадъ, стало быть въ 1369 году, но были ли то годъ его рождения или кончины, неизвѣстно. Вообще, относительно года его смерти показанія не отличаются точностью. Такъ, Ханыковъ говоритъ, что умеръ онъ въ 1303 (703), а Вамбери относить время его смерти къ 1388 (791) году.

Каждый мусульманинъ, приблизясь къ южному фасу гробницы, непремѣнно останавливается, благоговѣйно прикладываетъ ладони къ сянги-мураду и третъ ихъ о камень, а затѣмъ обтираетъ ими себѣ лицо и бороду. Всѣдѣствіе этихъ прикладываній, поверхность сянги-мурада лоснится какъ полированная. Мои спутники-мусульмане также исполнили этотъ обычай, въ результатѣ чего на ихъ физіономіяхъ остались черные слѣды, какъ отъ карандашной пыли. Муллы и шейхи увѣряютъ, что сянги-мурадъ совсѣмъ особенный камень, чуть ли не небеснаго происхожденія и чудодѣйственнаго свойства, и что поэтому одно уже прикосновеніе къ нему производить на душу и тѣло приятное впечатлѣніе.

Зная, что по осмотрѣ гробницы придется сдѣлать приношеніе „въ пользу святаго“, я еще въ Бухарѣ отложилъ въ особый мѣшечекъ пятьдесятъ новенькихъ четвертаковъ, изъ числа отпущеныхъ мнѣ при отѣздѣ изъ ташкентскаго казначейства. Теперь я положилъ этотъ мѣшечекъ предъ старшимъ шейхомъ, занимавшимъ первое, ближайшее ко гробницѣ мѣсто. Онъ неторопливо развязалъ его и начался пересчитывать монеты. Остальные внимательно слѣдили за нимъ глазами, словно опасаясь, какъ бы онъ не скраль чего либо въ свою пользу. Пересчитавъ шейхъ деньги и вдругъ не совсѣмъ-то довольнымъ тономъ обращается къ нашему эсаулъ-бashi съ какими-то объясненіями, словно гутъ

недоразумѣніе какое вышло и онъ заявляетъ претензію на что-то. Спрашиваю у эсаулъ-бashi черезъ переводчика въ чемъ дѣло.

— Да вотъ шейхъ заявляетъ, что надо еще шесть монетъ добавить.

— Почему это „надо“?

А для того, чтобы выходило число семь.

— Ровно ничего не понимаю. Какое число семь? И почему именно семь?

Потому что число семь угодное святому Богуеддину.

— Опять-таки ничего не понимаю. Что значитъ „угодное святому“?

— Это значитъ, что Богуеддинъ любить число семь.

— Любить?.. Гм!.. Почему же это онъ его „любить“?

— А потому что оно всегда имѣло большое значеніе въ его жизни.

— То есть?

— То есть, онъ родился въ седьмомъ вѣкѣ Геджры, въ седьмомъ мѣсяцѣ года, въ седьмой день недѣли, въ семь часовъ дня; на седьмомъ году жизни изучилъ уже весь Коранъ, семь лѣтъ поучалъ какъ духовный наставникъ и семнадцати лѣтъ отъ рода скончался, оставивъ по себѣ семь главныхъ учениковъ, которые и погребены тутъ, съ нимъ рядомъ, въ семи могилахъ.

— Прекрасно. Но все-таки почему я долженъ добавить еще шесть монетъ? Такса есть у нихъ на это какаянибудь, что ли?

— Нѣтъ, таксы не имѣются, каждый жертвуетъ по возможности, но такъ, чтобы въ эту жертву непремѣнно входило число семь, то есть надо положить либо единожды семь монетъ, либо дважды—семь, либо трижды—семь, словомъ, чтобы все по семи выходило.

— Да тутъ, говорю, у меня не дважды и не трижды, а всѣ семь-семью выходятъ, да еще съ излишкомъ.

— Вотъ, вотъ оно и есть! обрадовался эсаулъ-бashi, видя,

что я какъ будто начинаю нѣчто понимать.—Оно и есть, тюра! Въ этомъ-то излишкѣ и все дѣло. Если бы тюра положилъ ровно семью-семь, то есть сорокъ девять монетъ, все было бы какъ слѣдуетъ; но тюра далъ пятьдесятъ,—одною монетой больше,—стало быть по ихнему выходить, что надо добавить еще шесть.

Эта наивная наглость показалась мнѣ довольно забавною, такъ что я не могъ не засмѣяться.

— Скажите ему, порѣшилъ я, — что если его стѣсняетъ лишняя монета, пусть отдастъ ее въ пользу бѣдныхъ.

— О, тюра! Я ужъ и то говорю ему, чтобы онъ прочистилъ мозги свои, такъ какъ языкъ его болтаетъ вздоръ, а онъ все свое... Ну, да не стоитъ обращать на нихъ вниманія, они всѣ вообще большие наглецы и къ тому же очень жадны.

Затѣмъ эсауль-бashi перевелъ шейху мое предложеніе по-жертвовать излишкѣ въ пользу бѣдныхъ и уже протянулъ было руку чтобы изѣять изъ кучки лишній четвертакъ, какъ вдругъ шейхъ, испуганный возможностью такого исхода, за-бормотавъ что-то, отрицательно замоталъ головой и поспѣшилъ загородить и прикрыть деньги обѣими пятернями,—точно насѣдка, защищающая свои яйца.

— Ну, пріятель, сотри тыль жадности съ зеркала твоего сердца! махнувъ рукой, порѣшилъ со смѣхомъ эсауль-бashi.—Будеть съ тебя и того что дали. Будь благополученъ.

Я повернулся уже чтобы идти, какъ вдругъ гляжу — наши конвойные казаки раскошелелись и тоже пресеріозно кладутъ свои грошки къ изголовью гробницы.

— Вы что это, братцы?

— А мы тоже, ваше высокоблагородіе, жертвовать, значить, желаемъ; пущай и отъ насъ будетъ ихнему святому. Вѣдь онъ у нихъ Богу-то единъ выходить, такъ вотъ за это за самое...

И ничего же сумяся, отъ чистаго сердца казаки положили каждый по серебряной тенгѣ, — нужды вѣтъ что святой бусурманскій.

Покинувъ мѣстечко Бугуеддинъ, мы сѣхались съ остальными членами посольства уже за четыре таша (32 версты) отъ Бухары, въ кишлакѣ Куюэ-Мазаръ, гдѣ былъ приготовленъ намъ завтракъ.

Ужасно много эти бухарцы готовятъ для насъ всякихъ кушаньевъ! Садимся мы за столъ только впятеромъ, а у нихъ настрапано каждый разъ человѣкъ на пятьдесятъ, по крайней мѣрѣ, не считая достархана и того, что наготовлено для конвоя и прислуги. Подаютъ множество всякихъ сидѣй, — правда, очень вкусныхъ, — причемъ всѣ блюда и миски переполнены до невозможности. Всѣ эти кавардаки, кебабы и палау насыщены на нихъ не иначе какъ грудами, цѣлою горой, и все это ужасно жирно, парѣзано громадными кусками и плаваетъ въ растопленномъ курдючномъ салѣ. Каждый разъ идетъ цѣлая процессія слугъ и вносить всѣ блюда сразу, загромождая ими сплошь весь столъ, такъ что одно приходится вскинуть и вкось на другомъ; густой, толлений жиръ поэтому проливается чрезъ край блюдъ, течетъ по скатерти, каплетъ на дорогой коверъ и стынетъ, и вновь наплываетъ цѣлыми слоями и вновь стынетъ. Пока вы ёдите что нибудь одно, оставшее все уже застыло на морозѣ, обвѣтилось, покрылось толстымъ слоемъ сала и, конечно, есть его въ такомъ видѣ невозможно. Но таковъ уже законъ здѣшняго гостепріимства: непремѣнно, чтобы много, и непремѣнно все сразу. И это, вотъ уже цѣлый мѣсяцъ, изо дня въ день, постоянно, неукоснительно въ одни и тѣ же часы, по два раза въ сутки, и все одно и то же, одно и то же, безъ малѣйшей перемѣны. У князя взять съ собою свой поваръ, и мы пытались было — нельзя ли приспособить его, чтобы готовиль намъ по-русски то, къ чему мы привыкли, но оказалось нельзя: обижаются, — «наши, моль, повара не хуже готовятъ, притомъ мы де назначили вамъ лучшихъ поваровъ, знатоковъ своего дѣла, такъ ужъ кушайте пожалуйста и не мудрите, а то вы этимъ нарушите законы нашего гостепріимства и опечалите сердце хаз-

рета, который будет думать, что не угодилъ въцъ". Ну, и ничего не подѣлаешь!

Князь въ этотъ день продолжалъ путешествіе верхомъ, я же послѣ завтрака поѣхалъ впередъ одинъ въ коляскѣ. Страна, по которойѣхалъ я, населена густо. Все время вдоль пути танется въ садахъ рядъ кишлаковъ и хуторовъ, перемежающихся полосами огороженныхъ плантаций, клеверныхъ лужаекъ и пашень. У жилыхъ мѣсть, на улицахъ вездѣ стмѣнная чистота, все прибрано, вычищено, подметено, — быть можетъ потому, что сегодня пятница. Вѣроятно по этой же причинѣ встрѣчалось на улицахъ и при дорогѣ много незнакомаго народа, исключительно мужчинъ. Собираются они кучками человѣкъ въ двадцать, въ пятьдесятъ, и тихо прогуливаются по своему околодку, или сидятъ, разговаривая между собою, на какомънибудь придорожномъ бугоркѣ, либо на перекресткѣ, либо надъ арыкомъ подъ группой старорослыхъ деревьевъ. Не мало такихъ же кучекъ располагается и около лавочекъ съ сушенымъ урюкомъ и фисташками, гдѣ надъ входомъ подвѣшены оплетенные лыкомъ большія, сладкія дыни и влѣній виноградъ, и около сельскихъ чайныхъ, гдѣ на первомъ планѣ непремѣнно представительствуетъ блестящее вычищеній, пузатый, русскій самоваръ. Многіе предаются при этомъ любимѣйшей здѣшней игрѣ — бою перепедовъ, причемъ зрители держать пари за того или другаго бойца. Этихъ птицъ такъ ужъ нарочно къ тому и воспитываютъ, и холятъ, и пріучаютъ, и рѣдкій мальчуганъ выходитъ въ праздникъ на улицу безъ собственнаго ручного перепела за пазухой. Тамъ, за пазухой, обыкновенное мѣсто ихъ пребыванія вѣдь домашней клѣтки. Многіе взрослые любители, увлекаясь примѣромъ подростковъ, выносить и своихъ перепеловъ, и тогда игра начинается уже въ серіозное: въ ставку идутъ не пулы, а тенги и кованы¹⁾. Сельскій народъ одѣть безъ роскоши, но вообще

¹⁾ Кокандская серебряная монета, по вѣсу вѣсколько менѣе тенги, но принимаемая у насъ въ равной съ нею цѣнѣ. Бухарцы же считаютъ

очень чисто и отличается своимъ степеннымъ видомъ. Нерѣдко отцы, гуляя по улицѣ, исполняютъ обязанности нянекъ, держа на рукахъ маленькихъ закутанныхъ дѣтей, преимущественно дѣвочекъ, съ разрисованными бровями, а женщины почти совсѣмъ не видно. Встрѣтилось по дорогѣ вѣсколько верблюжьихъ каравановъ: позвякивая колокольцами и бубенцами, идуть себѣ неторопливо, гуськомъ изъ Россіи въ Бухару, и предъ каждымъ непремѣнно щѣдетъ на маленькомъ добродушномъ осликѣ самъ караванъ-бashi, чуть не касаясь до земли болтающимися ногами. Иногда, впрочемъ, вместо ослика идеть подъ нимъ лохматая киргизская лошадь.

Около селеній, время отъ времени, попадались намъ осо-баго рода курганы, которые можно назвать молотильными, такъ какъ служать они мѣстнымъ жителемъ для обмолачива-нія пшеницы. Къ этому назначенію приспособляются обыкно-венно древніе могильные курганы изъ наиболѣе высокихъ, находящихся по возможности среди самыхъ пашень, чтобы недалеко было таскать снопы. Избирается же для молотбы вершина кургана, какъ мѣсто болѣе возвышенное и потому болѣе доступное правильному току вѣтра, который легче от-носилъ бы отбивающую отъ зерна шелуху и солому (саманъ). Для того, чтобы приготовить себѣ такой курганъ, жители того или другаго кишлака сообща сносятъ всѣ неровности на его вершинѣ, разравниваютъ ее въ совершенно горизонтальную площадку и для большей прочности хорошенъко утрамбовы-ваютъ, постепенно и ровно поливая водой, чтобы на ея гли-нистой почвѣ, подъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей, образова-лась совершенно твердая и достаточно толстая корка, на ко-торой удобнѣе молотить. Скаты кургана, обращенные къ югу и юго-западу, срываются отъ подошвы и до края площадки, такъ что съ этой стороны образуется отвесный обрывъ, и

коканъ смотря по вѣсу и достоинству металла, отъ 15 до 20 копѣекъ. Надпись на монетѣ гласитъ что она чеканена „въ очаровательномъ Ко-кайдѣ“ (Хоканди лятифѣ), какъ надпись на тенгахъ свидѣтельствуетъ, что онѣ выпущены въ свѣтъ „въ Бухарѣ благороднѣйшей“ (Бухари шерифѣ).

дѣлается это для того, чтобы при господствующихъ здѣсь сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтрахъ саманъ не разносился по полю, а падалъ на подвѣтреную сторону въ одну кучу¹⁾. Сѣверной же и восточной стороны иногда, смотря по надобности, разравниваются всходные тропы, чтобы ишакамъ, нагруженнымъ снопами, легче было взбираться на молотильную площадку. Сорные растенія и кусты совсѣй поверхности кургана или начисто выжигаются, или выдергиваются, чтобы въ ихъ вѣткахъ и сучьяхъ не застривала и такимъ образомъ не пропадала напрасно солома: здѣсь все имѣть свою цѣну въ хозяйствѣ и все пригодно для той или другой надобности. Въ центрѣ площадки вбивается кольцо, къ которому во время молотьбы привязываются на чумбурахъ нѣсколько паръ воловъ (для обмолачиванія ихъ гоняютъ шагомъ по кругу; вѣютъ же лопатами). Послѣ такой разработки курганъ является уже совершенно приспособленнымъ къ своему специальному назначенію; глина же, вынутая изъ него, идетъ на кирпичи, на обмазку стѣнъ и на устройство полевыхъ оградъ, а если въ ней оказывается достаточно жирности и органическаго перегноя, то и на удобрение своихъ огородовъ.

На пути проѣхали чрезъ большое мѣстечко Пангадъ²⁾, съ весьма оживленнымъ крытымъ базаромъ. Немного въ сторонѣ отъ дороги, среди садовъ, возвышается въ томъ же мѣстечкѣ красная кирпичная мечеть, увѣнчанная большимъ куполомъ, а рядомъ съ ней стоитъ высокій минаретъ оригинальной формы, нѣсколько въ родѣ извѣстной башни Сераскириата въ Стамбулѣ. По наружнымъ карнизамъ и поясамъ этой мечети и минарета идутъ крупные рельефные узоры „городками“, составленные изъ красныхъ же кирпичныхъ плитокъ. Въ общемъ пейзажъ довольно красивъ и оригиналъ.

¹⁾ Этотъ материалъ подавляется здѣсь иногда въ лицу скоту, если зимой не хватитъ клеверу, но главнѣйшимъ образомъ, смѣщанный съ глиной, употребляется для выѣлки сырцовыхъ кирпичей.

²⁾ На нашей картѣ Тамахабъ.

На почлегъ прибыли въ шестомъ часу вечера въ большое базарное мѣстечко Бустанъ, въ трехъ ташахъ пути отъ Куюкъ-Мазара. Въ этотъ день проѣхали мы съ небольшимъ семью ташемъ (49 верстъ) и все по густо и широко заселенной мѣстности. Дорога все время идетъ людными селеніями и большими садами, гдѣ нерѣдко очень съживается и пересѣкается арыками, чрезъ которые, впрочемъ, большую частію устроены жердяные мостики, покрытые хворостомъ, камышемъ и землей. На завтра до города Керминѣ остается четыре таша.

Бустанъ славится у бухарцевъ своими искусственными плясунами батчами; поэтому сопровождавшіе насъ пристава не упустили, конечно, удобнаго случая задать себѣ „баземъ“, подъ благовиднымъ предлогомъ доставить развлеченіе посольству. Словомъ баземъ или базимъ обозначается здѣсь либо вообще кутежъ, либо праздничное удовольствіе, развлеченіе, вечернее собраніе въ дружеской компании, сопровождаемое угощеніями, пѣніемъ и плясками батчей. Пристава, при содѣйствіи мѣстнаго начальства и почетныхъ лицъ, устроили это вечеромъ въ большой цветной палатѣ, растянутой на выходившей во дворъ террасѣ, для того, чтобы сдѣлать предстоящій празднику недоступнымъ толпѣ постороннихъ зрителей, такъ какъ иначе это былъ бы уже не баземъ, а томаша, публичное зрѣлище. Волей-неволей пришлось сидѣть и глядѣть, потому что пристава принялись увѣрять, будто мѣстные акъ-саляки¹⁾ устраиваютъ баземъ именно ради посольства, желая этимъ оказать намъ свое любезное вниманіе и гостепріимный почет, а потому-де еслибы мы отказались отъ зрѣлища, то этимъ

¹⁾ Акъ-салякъ въ буквальномъ смыслѣ значить белая кость, то есть родовитый человѣкъ, почетное лицо. Такъ вообще называются сеиды, ходжи, люди чиновные и влиятельные, образованные и богатые въ отличіе отъ кара-саляковъ или черной кости, то есть простонародной черни. У киргизовъ акъ-саляками называются ихъ дворянѣ, члены сultанскихъ родовъ, но, какъ у нихъ, такъ и у сартовъ название это употребляется лишь въ просторѣчіи.

нанесли бы имъ большую обиду. Палатка внутри была освящена нѣсколькими фонарями, да кромѣ того пять-шесть челядинцевъ держали въ рукахъ пучки зажженныхъ сальныхъ свѣчъ, каждая по крайней мѣрѣ вершокъ въ диаметрѣ.

Когда мы вышли на террасу, тамъ собирались уже всѣ мѣстные аѣз-саики, въ числѣ около десяти или двѣнадцати человѣкъ, въ нарядныхъ мѣховыхъ халатахъ (пустунъ), крытыхъ либо тонкимъ сукномъ, либо яркоцвѣтными шелковыми матеріями. На болѣе важныхъ и зажиточныхъ было надѣто даже по нѣскольку халатовъ, а потомъ уже поверхъ всего—пустунъ. Въ дальнемъ углу семь батчей сидѣли отдельно отъ остальной публики, спиной къ зрителямъ, собравшихись въ свой особый кружокъ, и занимались чаепитіемъ, ни на кого не обращая ни малѣйшаго вниманія.

Мѣстный амлякдаръ, реисъ, аѣз-саакы и аѣз-саики встали намъ навстрѣчу, и каждый, бормоча какое-то привѣтствіе, сначала протягивалъ намъ руку, а потомъ сейчасъ же съ поклономъ проводилъ обѣими ладонями по своимъ щекамъ и бородѣ въ знакъ почтенія. Пришлося совершить всѣмъ поочередно дружеское рукопожатіе, и затѣмъ насъ пригласили сесть на путешествующіе съ нами кресла и стулья, разставленные въ рядъ въ глубинѣ палатки.

Подали чай и достарханныя угощенія: яичные бѣлки, взбитые съ мелкимъ сахаромъ, халву изъ кундаутнаго сѣмени, мучнисто-хрупкія сахарныя колечки (парварда), обсахаренные фисташки (руста) и фисташки каленныя, мелкие шарики, называемые богарсакъ—пѣчто въ родѣ пышекъ величиной съ горошину, и россійскіе леденцы съ билетиками: „Мила ты мнѣ, мила вѣкъ будешь и была“ и т. п.

Вначалѣ все шло очень чинно и даже натянуто, какъ требуютъ того условія мѣстнаго этикета. Всѣ хранили самый серіозный видъ и больше все помалчивали или перекидывались сосѣдъ съ сосѣдомъ словомъ, другимъ, тише чѣмъ вполголоса. Наши амфітритоны съ важностью усѣлись на коврѣ vis-à-vis—одинъ по правую, другой по лѣвую руку отъ на-

шихъ стульевъ, а позади ихъ у стѣнъ стали челядинцы съ пучками горящихъ свѣчъ, отъ которыхъ, благодаря оплывающему салу, не мало страдали не только ковры, но и спины иныхъ нарядныхъ халатовъ. Впрочемъ, это такая мелочь, на которую порядочный человѣкъ не долженъ здѣсь обращать никакого вниманія, а то, пожалуй, другіе могутъ подумать, что ему какого нибудь халата жалко!

Но вотъ, съ низкими поклонами вошли одинъ за другимъ четыре бубенщика (дангарадчи) и усѣлись на коврикѣ всѣ рядомъ, впереди кучки батчей. Предъ ними тотчасъ же поставили плоскую круглую жаровню съ раскаленными угольями, и дангарадчи поочередно подержали и расправили надъ горячимъ паромъ свѣи бубны для большей звучности. Ихъ баши (старшій) медленными ударами пальцевъ о бубень даль знать, что музыка готова къ дѣйствію. Но батчи, повидимому, пропустили это мимо ушей и продолжали заниматься своими собственными разговорами и угощеніями.

Тогда одинъ изъ нашихъ аѣз-саиковъ, не вставая съ места, обратился къ нимъ съ любезною просьбой—нельзя ли, моль, приступить къ началу. Но тѣ только на минутку повернули къ нему головы и сейчасъ же смѣшиливо отвернулись съ лукаво-каризмными минами. Они видимо насчетъ аѣз-саика перекидывались между собою какими-то критическими замѣчаніями и подсмѣшивались надъ нимъ. Тотъ еще деликатнѣе повторилъ свою просьбу, дескать, уши и глаза наши алчуть насладиться прелестями вашего благороднаго искусства,—но на сей разъ со стороны батчей это не вызвало даже и мимолетнаго вниманія. Видя, что просьба одного не дѣйствуетъ, стали просить уже нѣсколько аѣз-саиковъ, и просить усиленно, даже умиленно; но результатъ былъ столь же безуспѣшенъ. Дангарадчи-бashi между тѣмъ время отъ времени медлительцо похлопывали пальцами о бубень. Тогда двое изъ нашихъ амфітритоновъ нарочно отправились въ уголъ къ батчамъ и очень почтительно открыли съ ними заискивающіе переговоры. Мальчишки очевидно ломались, желая, чтобы ихъ упрашивали

больше и усерднее, и наконец добились-таки своего. Въпринципе оно такъ нужно, такъ слѣдуетъ по этикету. Здѣсь вѣдь на все этикетъ.

Батчи поднялись со своихъ мѣстъ и вышли на середину террасы, сопровождаемые взрывомъ радостно торжествующихъ кликовъ и возгласовъ, даже какимъ-то восторженнымъ рычаніемъ и мычаніемъ своихъ ретивыхъ поклонниковъ.

— Э-э-э!.. Якши!.. бай-бай якши!.. Куллукъ!.. Рахметъ куллукъ, таксыри! ¹⁾ неслись со всѣхъ сторонъ разнообразная восклицанія и воздушные поцѣлуи.

Изъ сегодняшнихъ наблюдений надъ приемами батчей, по сравненію ихъ съ прежде видѣнными, я вывелъ заключеніе, что они всегда руководятся болѣе или менѣе общими и единообразными правилами. Такъ, обыкновенно начинается съ того, что, выступивъ предъ зрителей, они всегда становятся въ рядъ нечетнымъ числомъ, то есть по три, по пяти или по семи. Болѣе искусный танцовъ или запѣвало всегда въ серединѣ. Ординарный костюмъ — легкій ситцевый халатикъ, не-премѣнно красного цвѣта съ какими нибудь разводами и красный большой поясъ; на головѣ парчевая съ золотомъ или серебромъ тюбетейка, изъ-подъ которой надаютъ на плечи длинныя кудри; передняя же половина темени плотно выстрижена или выбрита. О женскихъ костюмахъ не говорю, такъ какъ тутъ уже вѣдь известной условности и допускается болѣе фантазіи, роскоши и разнообразія; но надо замѣтить, что бухарцы вообще предпочитаютъ и ставятъ гораздо выше пляску въ мужскомъ костюмѣ, чѣмъ въ женскомъ. Танцуютъ всегда босикомъ, подъ аккомпанементъ бубенъ и собственного пѣнія. Начинается всегда съ хорового величанія присутствующихъ, гдѣ каждому поется соответственный комплиментъ и похвала красотѣ или достоинствамъ. Затѣмъ идетъ обыкно-

¹⁾ То есть: хорошо! благодаримъ, усиленно благодаримъ повелителей нашихъ! Восклицаніе „э-э“ вообще служитъ для выраженія похвалы, удовольствія, торжества и удивленія.

венная пляска, то есть медленное движение гуськомъ по кругу съ откинутой нѣсколько назадъ и въ сторону головой, съ легкими пригибаньями колѣнъ и плавнымъ выносомъ рукъ, то правой, то лѣвой, чтобъ похоже какъ бы на повелительные жесты. При этомъ всѣ зрители, сидя на пяткахъ, бываютъ такъ въ ладони и мѣрно поводятъ въ стороны головами. Танцоры нѣсколько разъ меняютъ свое направление по кругу, беруть направо назадъ и налево назадъ, принимаютъ въ ту или другую сторону, отступаютъ отъ зрителей пятясь затылкомъ и снова наступаютъ на нихъ всею шеренгой. Затѣмъ такъ учащается, движенія плясуновъ становятся живѣе, рѣзче, порывистѣе и наконецъ переходятъ въ быстрое круженіе волчками, иногда въ присядку, подъ аккомпанементъ усиленной дроби на бубнахъ. Послѣ этого вновь начинается пѣніе, иногда хоромъ, иногда соло, или дуэтомъ въ унисонъ и съ перекликами, въ которыхъ принимаютъ участіе и дангарачи. Потомъ опять плавные движения руками, станомъ и бедрами, опять прогулка гуськомъ по кругу и такъ далѣе до новаго бѣшенаго аллегро и волчкообразнаго круженія. Такъ повторяется нѣсколько разъ, вѣроятно до известнаго условнаго количества однихъ и тѣхъ же приемовъ, послѣ чего первое дѣйствіе или такъ-называемая „катта-уинъ“ кончается ¹⁾). Тогда челядинцы простираются предъ зрителями на коврѣ полотенца и ставятъ на нихъ блюда съ дымящимся палау и чашки съ кумысомъ и бузой ²⁾). Во время этого угощенія батчи пользуются некоторымъ отдыхомъ, но не всѣ, а поочередно, такъ какъ одинъ или двое задаютъ во время забуски концертъ и распѣваютъ разные нѣжные романсы и мадrigалы. Мне удалось добыть здѣсь нѣсколько такихъ, и чтобы дать читателю нѣкоторое понятіе о томъ, что это такое, я предлагаю ихъ въ

¹⁾ Катта-уинъ значитъ сильная, большая или главная игра.

²⁾ Буза — хмѣльной напитокъ, въ родѣ молодаго пива, замѣняющій сартазъ вино, запрещенное Кораномъ. Приготавливается буза преимущественно изъ проса, которое заваривается и заквашивается, а затѣмъ, при броженіи, разбавляется водой. Дѣлаютъ ее также изъ риса и кукурузы.

переводъ: Вотъ, напримѣръ, какъ вамъ понравиится хотя бы этотъ:

Глаза твои какъ у газели,
А носъ какъ гордый Аракатъ,
Уста твои лишь для улыбокъ
И поцѣлуевъ созданы,
А зубы, чтобъ вкушать кишмишъ,
Отборный, первый сортъ, кишмишъ,
Чтѣ подаютъ къ столу у шаха.

А вотъ совсѣмъ въ другомъ родѣ:

Когда я былъ маленьkimъ,
Всему на свѣтѣ предпочиталъ я яблоки;
Когда я сталъ юношой,
Всему на свѣтѣ стала предпочитать женщина;
Теперь, когда я старъ и ни къ чему негоденъ,
Всему на свѣтѣ я опять предпочитаю яблоки.

Вотъ мадригалъ, обращенный къ мирзѣ¹⁾:

Еслибъ ты, мой мирза, превратился въ калямъ,
Я желала-бы сдѣлаться твою калямданъ²⁾.

Въ томъ же родѣ, но въ болѣе поэтической формѣ:

Еслибъ ты былъ книгой (къ табѣ),
Я желала бы служить для нея рахилью³⁾.
Я желала бы, чтобъ эта книга,
Раскрытая на свѣтлой страницѣ любви,
Всегда, всегда лежала на своей рахили.
Тогда всякий смыслящій цѣнитель,
Взглянувъ на нее, сказалъ бы:
„Какая славная поэма любви!
Какъ хороша эта книга

¹⁾ Мирза — секретарь, писецъ, вообще письменный человѣкъ.

²⁾ Тростинка, замѣняющая на мусульманскомъ Востокѣ перо, называется калямъ, а линаль для письменныхъ принадлежностей и чернильница калямданъ.

³⁾ Рахиль, это створчатая подставка на шарнирѣ, въ родѣ пюпитра или анала, на которую кладется книга. Въ вертикальномъ разрѣзѣ раскрытая рахиль имѣеть видъ буквы X. Верхнія щеки ея охватываются, какъ бы обнимаютъ, переплетъ развернутой для чтенія книги.

И какъ счастлива должна быть рахиль,
Которой въ удѣль досталась честь
Всегда держать въ своихъ объятьяхъ эту книгу!⁴⁾

Вотъ романсь, обращенный къ соловью:

О, соловей, любимецъ розы,
Соловей!
Душа моя омрачена печалью,
Соловей!
Какъ страстно любишь розу,
Соловей!
Такъ громко пой ты пѣсни,
Соловей!
Пой громче эту пѣсню,
Соловей!
Чтобъ ее разбудить сердце моего зилаго,
Соловей!
Я жажду умереть въ его объятьяхъ,
Соловей!
И роза бы не сохла, кабы не ты,
О, соловей!
И человѣкъ не сохъ бы, кабы не любовь,
О, соловей!

Иногда весь романсь вертится на разнообразныхъ и, таѣъ сказать, футическихъ повтореніяхъ одного и того же слова или фразы, но такъ, чтобы въ общемъ все-таки выходилъ извѣстный смыслъ и являлось бы нѣчто цѣльное, законченное. Такъ, напримѣръ, пѣвецъ-дандарачи, тихо аккомпанируя себѣ на ситарѣ⁵⁾ или на бубнѣ, обращается къ батчѣ и поетъ:

Одну улыбку и больше мнѣ не надо!
Всего лишь одну и больше не надо,
И ничего мнѣ больше не надо,
И совсѣмъ ничего, ничего мнѣ больше не надо,
И не думай, что мнѣ надо,—
Мнѣ не надо!

Не надо!

⁴⁾ Ситара — струнный инструментъ; корпусъ его какъ у мандолины, но только съ длиннымъ грифомъ. Ситара всегда бываетъ о трехъ струнахъ, а дутара о двухъ. Корпусъ дутары треугольный; отчасти напоминаетъ нашу балалайку. Это преимущественно инструментъ киргизовъ.

Но батча не внемлетъ его мольбъ и дѣлаетъ видъ, что надменно отъ него отворачивается. Пѣвецъ оскорблѣнъ такимъ презрительнымъ отношеніемъ къ его чувству и потому вдругъ съ азартомъ переходитъ въ высокій фальцетъ. На тоиенъкую нотку взвивается его гортанный, какъ бы сдавленный голосъ — и ужъ какихъ только трелей не выводить онъ на этой курьезной ноткѣ! — и поеть съ укоромъ:

А-а-а! Ты злой мальчики! Ты думалъ, что мнѣ надо,
А мнѣ вотъ не надо, не надо!
И ничего мнѣ больше не надо,
И совсѣмъ ничего, ничего мнѣ больше не надо!
И не думай, что мнѣ надо,—
Мнѣ не надо!

Не надо!

Послѣ этой строфы батча становится благосклоннѣе и медлительно поворачивается къ пѣвцу съ лукаво-кокетливою улыбкой, но тотъ уже вошелъ въ полный азартъ и продолжаетъ теперь все больше и больше его подразнивать:

Желалъ дарить тебѣ кинжалъ,
А теперь не надо, не надо!
И ничего тебѣ больше не надо!
И совсѣмъ ничего, ничего тебѣ больше не надо!
И не думай, что тебѣ надо,—
Тебѣ не надо!

Не надо!

Батча становится еще благосклоннѣе и начинаетъ уже слегка заискивать въ пѣвца, который между тѣмъ продолжаетъ подразнивать и высчитывать, что и сколько желалъ ему дарить, но теперь ничего этого уже не надо. Такъ онъ высказываетъ, что думалъ было подарить ему всѣ сласти, всѣ лучшія лакомства міра, а теперь не надо; желалъ дарить коня въ бирюзовомъ уборѣ съ сердоликами и золотыми подвесками, желалъ дарить парчевый сарнай (почетный халатъ), унизанный жемчугомъ и самоцвѣтными камнями, желалъ отдать турсукъ, набитый золотыми тилями, и все это за одну

лишь улыбку, а теперь не надо, „и ничего тебѣ больше не надо, и не думай, что надо — тебѣ не надо!“ По мѣрѣ высчитыванія этихъ подарковъ въ возрастающей прогрессіи ихъ значенія и цѣнности, батча становится все благосклоннѣе, все искательнѣе и наконецъ самъ уже просить пѣвца вмѣсто всѣхъ сокровищъ подарить ему въ свой чередъ одну улыбку — улыбку примиренія, послѣ которой ему „совсѣмъ ничего, ничего уже больше не надо“.

Всласть накушавшись жирнаго палау, послѣ чего собственныя пальцы, служившіе вмѣсто ложекъ, потребовалось облизать и обтереть о чѣмбары, а затѣмъ принявши за кумысъ и бузу или чай, смотря, что кому больше нравилось, наши амфитріоны потребовали продолженія плясокъ. Теперь батчи уже не заставили упрашивать себя и по первому призыву выступили на сцену. Такъ какъ „главная игра“ — каттауинъ, составляющая, такъ сказать, ядро, важнѣйшую и какъ бы официальную часть ихъ представлениія, была уже кончена, то во второмъ отдѣленіи обычай допускаетъ болѣе варіантовъ игриваго характера и вообще болѣе фантазіи. Это все разно что легкій водевиль послѣ серьезной комедіи. Тутъ-то вотъ и развернулись наши угощатели.

Началось съ очень граціознаго легкаго танца, называемаго мориги, то есть мервскимъ. Танцевали его впятеромъ, для чего танцоры расположились въ такомъ порядке, какъ очки на пятеркѣ домино. У каждого изъ нихъ было въ рукахъ по двѣ палочки длиной около аршина, которыя они держали предъ собой за нижніе концы. Танцоры, ставъ лицомъ каждый къ своему vis-à-vis и кружась какъ въ вальсѣ, двигались по кругу на встрѣчу другъ дружѣ, и въ то же время, если можно такъ выразиться, крестъ на крестъ выливались восьмерки вокругъ среднаго батчи, который кружился на одной точкѣ. Тутъ, кроме трудности самыхъ фігуръ, главное искусство состоять въ томъ, чтобы въ очередь скрещивать удары палочки о палочку у себя и съ противникомъ, да кроме того еще и со среднимъ батчей, а этотъ

В. В. Крестовский.

послѣдній долженъ отбивать поочередно удары всѣхъ четырехъ танцоровъ; но удары должны быть наносимы и отбиваемы не иначе, какъ въ таѣтъ, который съ теченiemъ пляски все учащается, что и было между прочимъ въ совершенствѣ продѣлано бустанскими батчами. Говорятъ, что по настоящему танецъ мориги должно танцевать съ обнаженными саблями, какъ и исполняется онъ у туркменъ, но бухарцы не употребляютъ сабель изъ опасенія, чтобы батчи какъ-нибудь не поранились.

Затѣмъ пошли разныя другія пляски съ пѣнiemъ и безъ пѣнія, о которыхъ скажу лишь въ общихъ чертахъ, такъ какъ приемы ихъ весьма мало разнятся между собой. Напримѣръ, трепетаніе приподнятыхъ и распростертыхъ рукъ, дрожь въ плечахъ, или то, когда батча „поводить“ плечами и бедрами, или когда онъ схватываетъ себя за концы будрэй и пропускаетъ ихъ между пальцами, какъ бы приглашая — „полюбуйтесь, дескать, шелкъ, а не волосы!“ Всѣ эти приемы и повадки вполнѣ напоминаютъ характеръ цыганской пляски, какую вы можете видѣть въ любомъ хорѣ „московскихъ цыганъ“. Это даже, можно сказать, совершенно то же самое. Затѣмъ слѣдуетъ уже иѣчто вполнѣ своеобразное, но не красивое, а именно кувырканье чрезъ голову и запрокидываніе всѣмъ корпусомъ назадъ, причемъ верхъ искусства состоить въ томъ, чтобы, стоя въ такомъ изломанномъ положеніи на своихъ рукахъ и ногахъ, поцѣловать собственную пятку. Другая поза: скрестивъ подъ собою голени и сидя на нихъ что называется „калачикомъ“, запрокинуться назадъ въ такой мѣрѣ, чтобы привести корпусъ почти въ лежачее положеніе и начать имъ вращательное движение слѣва направо, а затѣмъ справа налево, смотря по тому, въ какую сторону „вынызываютъ“ гуськомъ остальные танцоры. Это требуетъ очень большой гибкости и въ особенности развитія поясницы. Третья поза — почти то же самое, только стоя на одномъ колѣнѣ, чтѣмъ сколько напоминаетъ испанскую качуцу, тѣмъ болѣе, что другой танцоръ, обжавая въ припляску колѣнопреклонен-

наго батчу, звонко подщелкиваетъ въ это время надъ своею головой пальцами сведенныхъ вмѣстѣ какимъ-то мудренымъ образомъ рукъ. Въ остальномъ же всѣ эти пляски состоять изъ подрыгиваній и мѣрного сѣмененія ногами на мѣстѣ съ прихлопываньемъ въ ладоши, что уже мы видѣли еще въ Шаарѣ и чего никакъ не могу я назвать красивымъ. Лица пѣвцовъ и танцоровъ и здѣсь, какъ въ Шаарѣ, освѣщаются съ обѣихъ сторонъ пучками сальныхъ свѣчъ, чтобы дать возможность зрителямъ лучше видѣть ихъ выраженіе во время пѣнія или танца. Впрочемъ, всѣ видѣнія наши до сихъ поръ батчи обыкновенно танцевали съ самыми безстрастными, ровно ничего не выражающими физіономіями, словно они вовсе не веселятся, а только по неволѣ отправляютъ скучную, давно имъ надѣвшую обязанность; но здѣсь, у бустанскихъ батчей и въ особенности у одного изъ нихъ впервые замѣтили мы довольно выразительную мимику. Позы, движенія, взглядъ, улыбка — все это порой выражало у нихъ истому и страданія страсти, ея экзальтациѳ, и видимо зажигательнымъ образомъ дѣйствовало на нашихъ акѣ-саиковъ, даже на самыхъ старыхъ, бѣлобородыхъ, которые въ такие моменты вдругъ приходили въ чисто-азіатскій восторгъ. Лихорадочно оживленные движения, порывистыя вскакивания съ мѣста, гогочущіе взрывы одобреній, стенающіе вздохи и даже какое-то звѣриное рычанье, съ какимъ произносилось это ихнее э-э-э, все это служило проявленіями необузданнаго восторга. Въ обыкновенномъ положеніи всегда степенные, всегда серіозные и очень сдержанніе, эти люди были просто неузнаваемы: электризующее присутствіе батчей совершенно ихъ переродило, и не только акѣ-саики, но сами дангарачи, люди, казалось бы, привычные, профессиональные, и тѣ не могутъ удержаться отъ увлеченія: аккомпанируя на своихъ бубнахъ, съ развитиемъ страстныхъ перепитій пляски они постепенно входятъ въ азартъ, въ какое-то изступленное неистовство и, стоя на колѣняхъ, всѣмъ своимъ корпусомъ съ вытянутыми впередъ руками, и всѣмъ лицомъ своимъ, и дико пылающими взорами,

и задыхающимися отрывистыми взгласами выражают порывисто-страсное стремление къ танцорамъ:

— Э-э-э!.. Тассадукъ!.. Ай-бай!.. Бай-бай! Пропадаемъ! Погибаемъ! Ай, горе! и тому подобные взгласы цѣлыми взрывами оглашали всѣ концы террасы.

Самые почтенные старцы изъ числа нашихъ амфитріоновъ время отъ времени съ подобострастнымъ видомъ собственно ручно подносили тому или другому изъ батчей раскуренный чилимъ, чтобы „затянуться“ табачнымъ дымомъ, или приставали къ нимъ съ чашкой чая, усиленно и нѣжно прося пригубить изъ нея для освѣженія. А батчи при этомъ кокетливо ломаются, отѣкиваются, заставляютъ себя упрашивать и наконецъ пригубливаютъ съ гримасой, какъ бы нехотя, но ужъ такъ и быть! въ знакъ особаго снисхожденія къ угощателю. И что за улыбка расплывается въ эту минуту по лицу старца, торжествующаго удовлетвореніе собственнаго самолюбія — дескать „таксиръ изволили уважить мою просьбу, они предо всѣми отличили меня своимъ благосклоннымъ вниманіемъ“.

Видѣть все это конечно было любопытно, какъ характерныя черты нравовъ; но въ концѣ-концовъ все же выносишь изъ такого базема брезгливое впечатлѣніе чего-то противного, неестественного, и таъ какъ бухарцы не знаютъ ни мѣры, ни предѣла своимъ удовольствіямъ этого рода, то видя, что дѣло затягивается надолго, я поспѣшилъ улучить удобную минутку и незамѣтно ушелъ въ свою комнату.

По истинѣ надо удивляться, какъ могутъ эти плясуны въ теченіе трехъ-четырехъ часовъ выдерживать почти безъ малѣйшей передышки такія хореографическія упражненія, соединенные со столь порывистыми и технически трудными тѣлодвиженіями.

Кстати: я узналъ, что мѣстечко Бустанъ для собственнаго увеселенія содержитъ на общественный счетъ семь батчей съ обучателемъ и даңгарачами. Не смотря на всю дешевизну жизни, надо быть очень зажиточными людьми, чтобы позволять себѣ подобныхъ прихоти. И дѣйствительно, говорятъ, что

количество и материальное положеніе батчей служить какъ бы мѣриломъ благосостоятельности того или другого мѣстечка.

29 января.

Изъ Бустана выѣхали въ восемь часовъ утра. Ясное утро. Морозъ не великъ, но при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ казалось очень холодно: стыли ноги, руки и плечи. Не мало-таки даль себя знать холода и на бустанскомъ почлегѣ: усы, волосы на вискахъ и край одѣяла были покрыты инеемъ отъ дыханія.

Проехавъ верстъ пять между прекрасно воздѣланными участками земли и кишлаками, выѣхали наконецъ на открытую, слегка волнистую степь (чуль). Впереди, южнѣе города Кермине виднѣлись скалистыя горы, не обозначенныя впрочемъ на нашей карте; туземцы же называютъ ихъ Карнаштау. Тянутся онѣ хребтомъ отъ востока прямо на западъ, а срединная вершина ихъ обращаеть на себя вниманіе своею оригинальною формой: она значительно возвышается надъ остальными вершинами хребта въ видѣ тонкаго, продольно заостреннаго кряжа, словно лезвіе сѣкиры. Съ выѣздомъ на чуль, долина Зеравшана осталась въ сторонѣ, верстахъ въ восьми лѣвѣ нашего пути, и таъ какъ темя широкой степной волны шло между рѣкой и дорогой, то намъ и не было видно садовъ, окаймляющихъ берега этой рѣки, о которой нѣсколько словъ не будуть лишними въ виду ея важнаго, жизненнаго значенія для Бухарскаго ханства.

Ханство это, кроме юго-восточной своей половины, изрѣзанной хребтами высокихъ горъ, состоитъ изъ глинисто-солонцеватыхъ степей, а такая почва, какъ известно, можетъ быть подвергаема успѣшной обработкѣ только въ тѣхъ мѣстахъ, где есть вода — все равно будетъ ли то вода рѣкъ, источниковъ или колодцевъ, лишь бы эти послѣдніе не были слишкомъ солоны¹⁾. Солнце, при помощи хорошаго орошенія,

¹⁾ Пространства степи, не орошенныя ручьями и потоками, нельзя принимать ни въ какое соображеніе при точномъ опредѣленіи экономически производительныхъ силъ этой страны, такъ какъ тамъ возможно

довершает остальное, и бухарская поля поэтому всегда приносят хорошие урожаи. Самыми живоносными водными артериями Бухары являются горные потоки, которые съ выходомъ на равнину обращаются въ рѣки, но не достигаютъ своихъ естественныхъ устьевъ въ Аму-Дарью, вслѣдствіе того, что вся масса ихъ воды уходитъ въ оросительные арыки. Самыми значительными изъ такихъ рѣвъ являются: Зеравшанъ, отъ водъ которого, благодаря обладанию Самаркандомъ, всегда находится теперь въ нашихъ рукахъ, и рѣка Кашка, иначе называемая Шахрисебесской рѣкой (Аби-Шахрисебсъ). Но протяженіе послѣдней по крайней мѣрѣ вчетверо короче Зеравшана, который протекаетъ болѣе шестисотъ верстъ, оплотворяя слишкомъ 4.075,4 квадратныхъ верстъ или 83,17 квадр. геогр. миль прекрасно обработанной земли, коей наибольшая и наилучшая часть въ настоящее время принадлежитъ Россіи¹⁾. Въ силу послѣдняго обстоятельства, Кашка-Дарья, несмотря на незначительность ея протяженія, стала теперь для Бухары весьма важной жизненной артеріей, тѣмъ болѣе, что бухарцы владѣютъ не только главнымъ ея течениемъ, но сполна и всѣми ея истоками. Въ руслѣ Зеравшана попадаются частицы золота, вымытаго изъ конгломератовъ въ его верховьяхъ. Но не по этой только причинѣ обитатели страны назвали его златоноснымъ²⁾, а главнейшимъ обра-

лишьnomadное существование, легко ускользающее изъ-подъ всякаго правительственного контроля, какъ въ административномъ, такъ и податномъ отношеніяхъ.

¹⁾ Въ пашахъ предѣлахъ рѣка протекаетъ 380 верстъ, причемъ ея среднее теченіе и въ особенности островъ Міанкамъ (то есть „Срединная земля“, въ длину слишкомъ 100, въ ширину отъ 8 до 13 верстъ) представляютъ самую богатую часть долины, покрытую роскошными садами.

²⁾ Зеръ-авшанъ по-таджикски значитъ раздаватель золота (см. Л. Ф. Костенко Туркестанский край, т. I, 132). Золото попадается по всему течению рѣки въ видѣ мелкихъ зеренъ и тонкихъ пластинокъ, но разработка его приносить ничтожныя выгоды. Такъ, напримѣръ, артель изъ четырехъ рабочихъ вымываетъ его въ день, среднимъ счетомъ, на 60 коп. Поэтому золотымъ промысломъ занимаются только безземельные бѣдняки.

зомъ потому, что онъ, благодаря избытку своихъ водъ и периодическимъ разливамъ, дѣлаетъ почву плодородную и тѣмъ вносить благосостояніе въ жизнь ея обитателей¹⁾. Берега Зеравшана представляютъ большія удобства для земледѣлія, въ особенности правый; лѣвый же лежитъ выше уровня водъ и орошается арыкомъ Нарыпаемъ, который вытекаетъ изъ Карадарьи, лѣваго рукава Зеравшана, въ нашемъ Катта-Курганскомъ округѣ, и вливается обратно въ Зеравшанъ близъ предмѣстія города Кермине, называемаго Касымъ-Шайръ. И действительно, правый берегъ представляетъ непрерывный рядъ потонувшихъ въ садахъ селеній, такъ что все протяженіе рѣки съ выхода ея на равнину представляетъ одинъ сплошной садъ и даетъ понятіе о томъ видѣ, какой имѣла нѣкогда вся страна отъ Ташкента до Хивы и, какъ увѣряютъ здѣсь, даже до Каспія, когда Аму еще не поворачивала въ Араль и когда, по словамъ мѣстного преданія, котъ могъ дойти изъ Ташкента до моря, перепрыгивая только съ крыши на крышу, и соловей совершилъ то же путешествіе, перепархивая съ вѣткій на вѣтку. По маздейской легенѣ, Согда (впослѣдствіи Когиѣ, нынѣ Зеравшанъ) есть „второе благословленное мѣсто, сотворенное зиждительнымъ словомъ Ормузда“, и не даромъ

¹⁾ Л. Ф. Костенко (т. I, 226) замѣчаетъ, что зеравшанская вода не только орошаетъ поля, но и дѣлаетъ такъ же и какъ удобрение: быстрый токъ Зеравшана въ двухсотверстномъ теченіи (верхнемъ) увлекаетъ множество землистыхъ частицъ, отчего вода его дѣлается совершенно мутной. Наводнія поля, вода оставляетъ на нихъ этуъ пиль, позидимому, весьма плодородный. Въ этомъ отношеніи Зеравшанъ сравниваются съ Ниломъ, подобно которому онъ еще издревле привлекалъ къ себѣ жителей. Зеравшанъ въ теченіе года подвергается нескольки разливамъ. Первый разливъ, зависящій отъ таянія снѣговъ на горахъ и въ ущельяхъ, а также и отъ дождей, начинается съ середини марта и кончается въ послѣднихъ числахъ апрѣля; второй начинается вскорѣ вслѣдъ за первымъ и кончается въ юлѣ; это самый полный разливъ; онъ происходитъ въ таянія вѣчныхъ снѣговъ на главныхъ хребтахъ. Третій разливъ, происходящій въ октябрѣ, незначителенъ и причину его слѣдуетъ искать въ таяніи вновь выпадающаго снѣга и отчасти въ осеннихъ дождяхъ.

по степени значенія для туземцевъ сравниваютъ его съ пло-
дотворнымъ Ниломъ. Полоса полей, орошаемыхъ арычною си-
стемой Зеравшана, не вездѣ равномѣрна: мѣстами она сужи-
вается до восьми, даже до четырехъ верстъ (въ Хатырчин-
скомъ бекствѣ), а мѣстами ширится на тридцать, на сорокъ
и болѣе верстъ.

Необычайно быстрый и многоводный въ началѣ, Зерав-
шанъ чѣмъ далѣе углубляется въ степь, тѣмъ становится все
мельче и, оросивъ посредствомъ Шахри-руды городъ Бухару,
течетъ еще верстъ на семьдесятъ въ юго-западномъ напра-
влении, за городъ Каракуль, а затѣмъ поворачиваетъ на юго-
востокъ параллельно Аму-Дарье и теряется въ озерѣ Сун-
гурѣ¹⁾, не дойдя до Аму всего какихъ нибудь сорока верстъ,
у города Наразыма, гдѣ находится его естественное устье.

Владѣя Самаркандомъ и Катта-Курганомъ, мы теперь ре-
гулярнымъ образомъ снабжаемъ водой всю принадлежащую
Бухарѣ часть Зеравшанскаго оазиса, и бухарцы понимаютъ,
что „Урусь“ держитъ въ своихъ рукахъ „ключъ ихъ жизни“,
ибо стоять ему не дать имъ воды только двѣ недѣли и—Бу-
хара погибла.

Песчаная степь, по которой мы теперьѣ хали, называется
Дашты-Малекъ. Съ сѣвера она ограничена Зеравшаномъ, а
къ югу простирается до подножія Карнацкаго кряжа. Пески
однако въ ней, на мой взглядъ, вовсе не глубоки и нисколько
не увеличиваютъ трудностей движенія. По крайней мѣрѣ $3\frac{1}{2}$
таша отъ Бустана до поселка Малекъ, гдѣ назначень былъ
привалъ для завтрака, мыѣ хали не тише, чѣмъ всегда, и
прибыли на пунетъ въ урочную пору, то есть въ началѣ двѣ-
надцатаго часа утра.

¹⁾ За озеромъ Сунгуромъ, въ разстояніи трехъ-четырехъ верстъ одно
за другимъ, лежать еще два озера, Каранга и Денгизъ, которые своимъ
 происхожденіемъ обязаны Зеравшану и служили иѣкогда его естествен-
 нымъ продолженіемъ. Въ большую полулу воду они и теперь соединяются
 иногда между собою протоками. Отъ Денгиза до Аму-Дары всего только
 около 28 верстъ.

Не дойдя верстъ пяти до Малека представилась намъ
довольно рѣдкая зимой возможность любоваться степнымъ
миражемъ. Поселокъ Малекъ, состоящій не болѣе какъ изъ
тридцати домовъ, скучился на совершенно открытой и плос-
кой мѣстности, около развалинъ древняго караванъ-сарайа и
красивой сторожевой башни въ формѣ минарета. Съ того
пункта, откуда поселокъ впервые открылся предъ нами, его
деревья и развалины съ башней казались какъ бы висящими
въ воздухѣ выше черты горизонта, которая между тѣмъ была
видна совершенно ясно. Нѣсколько минутъ спустя стало ка-
заться, что все это висить уже не въ воздухѣ, а надъши-
рокою полосой воднаго пространства, какъ бы надъ большимъ
озеромъ, въ которомъ смутно и совершенно какъ въ водѣ
отражались очертанія древесныхъ группъ, высокихъ разва-
линъ и низенькихъ саклей. Все это представлялось такъ
ясно, такъ реально, что человѣкъ незнакомый съ данною
мѣстностью могъ бы съ полной увѣренностью подержать какое
угодно пари, что Малекъ стоитъ надъ очень большимъ и
широкимъ степнымъ озеромъ, чрезъ которое путнику пред-
стоитъ неизбѣжная переправа. Съ дальнѣйшимъ приближе-
ніемъ однако марево постепенно тускнѣло, расплывалось и
наконецъ, когда мы очутились верстахъ въ двухъ отъ Ма-
лека, мѣстность и предметы приняли свою действительную
форму.

Подъ Малекомъ снова открылись для глаза сады насе-
ленія прирѣчного района, тянущіеся полосою верстахъ въ
пяти влѣво отъ поселка. Самый же поселокъ состоитъ пре-
имущественно изъ завзжихъ дворовъ съ лавочками для прохо-
дающихъ каравановъ.

И здѣсь, такъ же какъ нѣсколько дней тому назадъ на Ка-
раулѣ-базарѣ, опять пришлось намъ испытать грустное чув-
ство при видѣ этихъ жалкихъ мазанокъ, обступившихъ вели-
колѣпныя развалины двухъэтажнаго зданія съ порталомъ и
боковыми вышками, построенаго Абдуллахъ-ханомъ специально
ради удобства путешественниковъ и каравановъ. Груды кир-

ничей, навоза и мусора среди его двора и вокруг еще не развалившихся стѣнь краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о мудрой „государственной экономіи“ Аштарханидовъ и Мангытовъ, и въ то же время стѣны эти, построенные изъ хорошо обожженаго кирпича и никогда не носившия на себѣ мозаичной облицовки, еще разъ служатъ живымъ доказательствомъ благороднаго вкуса Абдуллаха. Всѣ украшения ихъ выведены изъ простыхъ кирпичей, а размѣры линій и контуровъ зданія полны изящной простоты и величія. Въ особенности хорошо уцѣлѣвшая часть минарета, съ вышки котораго сторожевые сипай нѣкогда наблюдали за безопасностью степи, а по ночамъ зажигали на ней огокъ, служившій маякомъ для путниковъ, запоздавшихъ или заблудившихъ въ степной пустынѣ.

При вѣзда въ поселокъ нась неожиданно встрѣтилъ „почетный караулъ“ совсѣмъ особаго рода, составленный изъ вчерашнихъ батчей въ бѣлыхъ чалмахъ и нарядныхъ пестрыхъ халатахъ. Выстроившись въ шеренгу, они отдали честь по военному и прокричали намъ что-то. Оказалось, что это знакъ предупредительности со стороны нашихъ приставовъ, вызванный якобы тѣмъ, что князь, только впервые присутствовавшій вчера на баземъ, похвалилъ пласку батчей, разумѣется, изъ вѣжливости, а пристава приняли это за наличную монету и, желая угодить посольству, распорядились отправить всю эту честную компанию впередъ, въ Кермине, где она будетъ задавать намъ представления вмѣстѣ съ таможними батчами. Я вирочемъ подозрѣваю, что желаніе „угодить“ было только удобнымъ предлогомъ, а въ сущности пристава-любители имѣли въ виду не столько посольство, сколько свое собственное, да добавокъ еще и даровое удовольствіе.

Еще до вѣзда въ Малекъ къ намъ выѣхали на встрѣчу двое придворныхъ чиновъ наслѣдного принца Сеидъ-Абдуль-Агата, сидящаго на Керминенскомъ бекствѣ. Одинъ изъ нихъ былъ михмандарь-бashi (старший камергеръ), на обязанности коего лежитъ приемъ почетныхъ гостей, а другой—адъютантъ

бека. Оба были одѣты въ форменные парчевые халаты при сабляхъ и сидѣли верхомъ на прекрасныхъ, легкихъ и богато убранныхъ карабаирахъ. Въ Малекъ они угостили нась завтракомъ, послѣ котораго въ полдень мы тронулись далѣе.

До Кермине оставалось еще два таша. Дорога шла гладкою степью, на которую порой выбѣгали на перерѣзъ нашему пути окраины зеравшанскихъ садовъ и селеній. Непрерывная полоса культурной мѣстности уже не скрывалась отъ взора, а напротивъ, подходила къ намъ все ближе и ближе. Мы проѣзжали мимо крайнихъ строеній и глиняныхъ оградъ этихъ кишлаковъ, затѣмъ снова выѣзжали на степь и проѣхавъ версту, другую, снова перерѣзывали заселенныя вѣтви оазиса на ихъ окраинахъ, и такъ до самаго Кермине, куда прибыли около двухъ часовъ пополудни.

Городъ расположень среди открытой плоскости, верстахъ въ трехъ отъ Зеравшана. Общая панорама его весьма картино обставлена горами Акъ-тау и Нуратинскимъ хребтомъ, коихъ синѣюще-скалистые вершины даютъ ему очень эффектную декорацию съ сѣверо-востока. Съ западной стороны, откуда мы выѣхали, не предшествуютъ городу ни сады, ни предметы: выѣзжаешь сразу въ людную, торговую и довольно широкую улицу, въ перспективѣ которой вскорѣ открывается впереди уголъ цитадели.

Четырехсторонняя цитадель (урда) занимаетъ площадь въ $1\frac{1}{2}$ квадр. верстъ¹⁾). Ея подновленныя глинобитныя стѣны съ отчетливо нарѣзанными зубцами имѣютъ приблизительно до восьми аршинъ вышины и снабжены навѣсными бойницами, которыхъ сначала мы приняли было по сходству за востоки. Бойницы эти расположены на одинаковой высотѣ, въ разстояніи около двухъ сажень одна отъ другой, иглядятъ внизъ своими треугольными форточкиами, чрезъ которыхъ

¹⁾ По сѣверному и южному фасадамъ по 500, а по восточному и западному по 300 конскихъ шаговъ, считая шагъ лошади въ $1\frac{1}{4}$ человѣческаго шага.

производится стрѣльба по „мертвому пространству“, а надъ ними, въ каждомъ промежуткѣ, по три обыкновенныхъ бойницы между зубцами. Кромѣ того, стѣны снабжены еще бурджами — на сѣверномъ и южномъ фасадахъ по семи, а на восточномъ и западномъ по пяти, считая въ томъ числѣ и приворотныхъ полубашни. Воротъ трое: сѣверный, южный и восточный. Нѣкоторое подобіе рва имѣется только на восточномъ фасѣ, да и тотъ похожъ скорѣе на простую водомоину, изъ которой выбираютъ, между прочимъ, глину, чѣмъ на сколько нибудь правильный крѣпостной ровъ. Тѣмъ не менѣе цитадель видимо содержится въ большомъ порядкѣ, хотя стѣны ея и могутъ быть легче легкаго разнесены въ прахъ одною лишь артиллерией. Вокругъ урды расположены лавки, а крытый базарь помѣщается въ самой урдѣ, прорѣзывая ее отъ воротъ до воротъ съ сѣвера на югъ, но никакими мѣстными произведеніями базарь этотъ не славится и, кромѣ обыкновенныхъ товаровъ для общеднаго потребленія, не нашли мы на немъ ничего выдающагося ни по красотѣ, ни по богатству, ни по оригинальности — самый заурядный азіатскій базарышка.

Городъ не великъ. Въ самой урдѣ, которая застроена очень тѣсно, помѣщаются, кромѣ базара, 400 домовъ съ дворами, да около того же количества въ цитадели. Но здѣсь, въ стѣнѣ, уже болѣе просторное расположение: дворы и сады обширнѣе, улицы шире и не столь кривы и закоулочны; хотя при этомъ должно замѣтить, что во вѣнчайшей части города болѣе встречается кладбищъ, чѣмъ жилыхъ строеній, и кладбища эти производятъ прежалкое впечатлѣніе: это беспорядочные кучи могильныхъ бугорковъ безъ всякихъ знаковъ, которые свидѣтельствовали бы объ уваженіи къ праху усопшихъ и о томъ, что оставшіеся въ живыхъ друзья и родные еще сохраняютъ о нихъ какую нибудь память.

Кермине не блещетъ избыткомъ богатыхъ или красивыхъ мечетей и можетъ похвастаться только одною, которая дѣйствительно достойна названія храма. Это большое каменное зданіе, гдѣ могутъ помѣститься тысячи двѣ народу. Высокій

куполь вѣкогда мозаично былъ облицованъ разноцвѣтными изразцами, отъ которыхъ теперь уцѣлѣли вое-гдѣ лишь ни-чтоожные кусочки. Роща старорослыхъ тѣнистыхъ деревьевъ съ трехъ сторонъ окружаетъ стѣны зданія, а съ четвертой, сѣверо-восточной, примыкаетъ къ его паперти дворъ, мощеный плитой и обнесенный каменною оградой. Мечеть принадлежитъ къ числу построекъ Абдуллахъ-хана, но внутри не имѣтъ никакихъ украшеній, кроме готически скрещивающихся между собою граней и выпуклыхъ бороздокъ въ углахъ сводовъ и на карнизахъ. Внутрення облицовка вся алебастровая. Это зданіе составляетъ единственную историческую достопримѣчательность города, но въ немъ едва ли не замѣчательнѣе всего является гнѣздо аистовъ, которое, по увѣреніямъ керминенскихъ жителей, считается ровесникомъ самой мечети. Мѣстное преданіе повѣствуетъ, что какъ только была отстроена и впервые открыта для всенародной молитвы эта мечеть, на макушкѣ ея купола вдругъ появилась пара аистовъ и стала строить себѣ гнѣздо. Съ тѣхъ подъ каждую весну въ немъ непремѣнно появляется пара этихъ птицъ, и каждое новое поколѣніе той же семьи непремѣнно дѣлаетъ себѣ новое гнѣздо, но не иначе какъ въ видѣ надстройки на старомъ, такъ что теперь оно имѣть уже около полуторы сажени вышины и торчить на куполѣ словно труба или башенка. Много и много послѣдовательныхъ поколѣній этой птицы вывелось уже на этомъ самомъ мѣстѣ, и керминенцы думаютъ, что пока завѣтное гнѣздо существуетъ и не покинуто на лѣто своими обитателями, не оскудѣвать и милость Божія надъ городомъ.

Помѣщеніе посольству отведено въ самой цитадели, рядомъ съ дворцовыми садами, въ домѣ, принадлежащемъ ко дворцовымъ же пристройкамъ. Каждому изъ насъ досталось по хорошей, просторной комнатѣ; ис и холодъ же въ нихъ такой, что просто хоть волковъ морозить!.. Большія широкія окна-двери и наддверные оконки, по три въ каждой комнатѣ, вместо стекольчатыхъ рамъ затянуты бѣлою кисеей, что было

бы прелестно для лѣтней ночи, когда отъ комаровъ и мошекъ нѣть иначе спасенія, но теперь, въ инварѣ, провести ночь на „дачномъ положеніи“ не очень-то пріятно. Каминовъ и печей, разумѣется, нигдѣ нѣть и въ поминѣ, а отъ мангаловъ избави насъ Господи! Мы тогтасъ же приказываемъ вытаскивать вонъ это вѣрнѣйшее средство отравы угаромъ. Дворъ нашъ заполненъ чиновниками и челядинцами тюря-джана — все это къ нашимъ услугамъ, но для услугъ ихъ слишкомъ много. У воротъ выставленъ взводъ красныхъ сарбазовъ, въ видѣ безсмѣнаго почетнаго караула.

Въ три часа пополудни, одѣвшись въ полную парадную форму, отправились верхомъ съ визитомъ къ Сеидъ-Абдуль-Агатъ-хану. Живеть онъ почти рядомъ съ нами, но для пущаго парада, чтобы видѣть народъ, повели насъ дальнѣйшимъ путемъ чрезъ базарь и другія улицы.

Самый дворецъ (аркъ) построенъ на насыпномъ курганѣ и составляеть какъ бы редкоть этой цитадели. Къ его воротамъ ведеть подъемъ шаговъ въ семьдесятъ шириной. На площадѣ предъ подъемомъ былъ выстроенъ въ одну шеренгу почетный караулъ со знаменемъ (красное съ бѣлою каймой и баҳрамой) на правомъ флангѣ. Правѣе знаменоносца стояли, тоже въ одну шеренгу, музыканты: горнисты, флейтисты, сурнисты и два барабанщика — одинъ съ обыкновеннымъ лубковымъ, а другой съ громаднымъ турецкимъ барабаномъ, который, ради пущей красоты, обтянутъ былъ пестрымъ ситцемъ. Командовалъ всею этою ратью какой-то кавказецъ — не то Шалсугъ, не то Абадзехъ — разжій дѣтина въ высокой выдровой шапкѣ съ цветнымъ верхомъ, наряженный въ желтый мундирный кафтанъ съ серебряными позументами и русскими генеральскими эполетами. Командныя слова, какъ и повсюду въ бухарскихъ владѣніяхъ, произносились по-русски. При нашемъ приближеніи, по командѣ кавказскаго человѣка, посольству была отдана воинская почесть съ музыкой и даже съ некоторымъ наклономъ знамени.

Вдоль подъема, у парапетовъ, съ обѣихъ сторонъ стояли

въ рядъ придворные челядинцы въ праздничныхъ халатахъ, удайчи съ посохами и чиновники съ айбалтами и прочими знаками своихъ отличій.

Отдавъ своихъ лошадей джигитамъ, мы по принятому нами обыкновенію, пѣшкомъ поднялись къ воротамъ, за которыми продолжается тотъ же подъемъ, но идетъ уже онъ широкимъ крытымъ коридоромъ, гдѣ въ стѣнныхъ нишахъ устроены особыя приспособленія въ видѣ дивановъ, для помѣщенія на ночь караульныхъ сарбазовъ. Въ каждомъ такомъ альковѣ надъ постелью висить на стѣнѣ фитильное ружье съ подпорочнымъ развилкомъ, а у самыхъ воротъ подвѣшена громадная деревянная булава; но плети, подобной знаменитой на гайкѣ Рустема, здѣсь мы не замѣтили. Изъ коридора вывели насъ на первый дворъ, пройдя который мы вступили во вторыя крытыя ворота, имѣющія внутри видъ квадратной комнаты, откуда выходъ находится не противъ входа, а въ лѣвой стѣнѣ. Комната эта, должно быть, служить чѣмъ-то въ родѣ кладовой или склада: въ ней стояло въ углахъ, одинъ на другомъ, десятка два или три большихъ русскихъ сундуковъ съ оковкой и было сложено вдоль стѣнъ до самого потолка множество свернутыхъ зеленыхъ и цветныхъ палатокъ. Въ проходѣ стояло около десятка какихъ-то чиновниковъ съ посохами и сѣкирками. Отсюда вступили мы во второй дворъ, уже значительно меньшихъ противъ первого размѣровъ, замѣненный со всѣхъ четырехъ сторонъ стѣнами дворцовыхъ строеній. Здѣсь наши церемоніймейстеры, съ михмандаромъ-бashi во главѣ, молча, но со всевозможными знаками благоговѣнаго почтенія къ кому-то незримому, указали намъ въ правый уголъ, гдѣ находилась узкая алебастровая лѣсенка съ тремя-четырьмя высокими ступенями, а сами, согнувшись, отпалились къ воротамъ.

Поднявшись по этой лѣсенкѣ, мы очутились въ узкой, полутемной прихожей, гдѣ стояли въ рядъ трое дежурныхъ маҳрамовъ тюря-джана. Двое изъ нихъ молча и какъ-то автоматически растворили предъ нами обѣ половинки дверей, ве-

дущихъ слѣва въ небольшую приемную. Это была начисто выбѣленная комната безъ всякихъ стѣнныхъ и потолочныхъ украшеній, какъ бы съ видимымъ намѣреніемъ устранить изъ нея всякий намекъ на малѣйшую роскошь, и даже глино-битный полъ ея, вмѣсто ковра, застланъ былъ самыми обыкновенными дешевыми паласами. Трое оконъ-дверей, раскрытыхъ настежъ и даже ничѣмъ не затянутыхъ, выходили на внутренній дворикъ, предоставляемый полный просторъ холодному сквозному вѣтру, такъ какъ дверь, въ которую мы вошли, осталась не затвореною. Вся мебель этой приемной состояла изъ шести самодѣльныхъ, крытыхъ краснымъ кумачемъ, табуретовъ, въ родѣ извѣстныхъ дѣтскихъ стульевъ на очень высокихъ косыхъ ножкахъ, съ маленьkimъ узкимъ сидѣніемъ и низенькою спинкой, устроенныхъ словно бы нарочно для того, чтобы сидѣть на нихъ было какъ можно неудобнѣе. Стояли они скученно и безъ всякаго порядка по срединѣ комнаты, а предъ ними стоялъ самъ тюря-джанъ, Сеидъ-Абдуль-Агатъ-ханъ. Сдѣлавъ къ намъ два шага на встрѣчу, онъ каждому радушно протянулъ руку, затѣмъ молча указалъ на табуреты и самъ, не безъ труда отъ непривычки, усѣлся на одномъ изъ нихъ, предварительно передвинувъ его къ стѣнѣ между дверями; мы же на остальныхъ размѣстились около него полу-кругомъ.

На видъ это мужчина лѣтъ около двадцати пяти, росту выше средняго, крѣпко сложенный. Красивое смуглолатое лицо его опущено черною, средней величины бородкой; небольшие усы отѣняютъ его тонкія, энергично поджатыя губы съ нѣсколько приподнятыми углами. Черные большие глаза очень выразительны. Взоръ ихъ остеръ и произителенъ. Дуги бровей очень характерно слегка приподымаются со внутренней стороны надъ переносцемъ, примыкая къ двумъ небольшимъ продольнымъ морщинамъ. Въ общемъ все это сообщаетъ его лицу серьезное выраженіе пытливаго ума и сильнаго характера. Въ немъ какъ-то невольно сказывается большой запасъ энергіи, силы воли и настойчивости. Нельзя сказать, чтобы лицо

Эмир Бухарскій Сеидъ-Агадъ-Ханъ-Богадуръ.

это было изъ числа добрыхъ въ смыслѣ мягкосердечія, хотя въ немъ нѣть и ничего отталкивающаго — напротивъ, оно скорѣе даже симпатично; вы только сразу чувствуете, что имѣете дѣло съ человѣкомъ внутренно сильнымъ, который не призадумается ни предъ чѣмъ для достиженія поставленной себѣ цѣли, и мнѣ кажется, что еслибъ этому человѣку дано было известное образовательное развитіе, которое расширило бы его умственный кругозоръ, изъ него могъ бы выйти далеко не дюжинный правитель. Но этого не случилось, такъ какъ онъ посаженъ на Керминенское бекство еще въ четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ и тогда же снабженъ достодолжнымъ количествомъ гаремныхъ дамъ, причемъ, конечно, ему было уже не до заботъ о своемъ дальнѣйшемъ умственномъ развитіи и образованіи. Впрочемъ, говорить, онъ вовсе не склоненъ къ гаремной распущенности и у него только одна законная жена, а прочія дамы содержатся, такъ сказать, обязательно, въ силу условій высокаго положенія. Въ житейской своей обстановкѣ онъ предпочитаетъ простоту, даже съ нѣсколько суровымъ оттенкомъ, что могли замѣтить и мы, хотя бы по обстановкѣ его приемной. Говорить, что теперь онъ временно страдаетъ риштой въ ногѣ, но что до болѣзни любимѣйшимъ его занятіемъ было участіе въ кокъ-бури¹⁾, соколиная охота и укрощеніе полудикихъ, горячихъ

¹⁾ Кокъ-бури значитъ сѣрый волкъ. Такъ называется игра, известная у русскихъ подъ названіемъ „коzла дратъ“. Это любыѣйшая игра у узбековъ и состоитъ она въ томъ, что собирается до ста и болѣе всадниковъ. Одинъ изъ нихъ беретъ въ стадѣ коzла или барана и, перерѣзъ ему горло, перекидываетъ его черезъ переднюю луку, крѣпко держа правою рукой за обѣ заднія ноги, и мчится съ нимъ въ степь. Остальные со всѣхъ сторонъ пускаются преслѣдоватъ „сѣраго волка“, стараясь па лету выхватить у него изъ руѣвъ зарѣзанное животное. Эта лихая скачка, несмотря ни на какія мѣстныя препятствія, продолжается до тѣхъ поръ, пока комунибудь не удастся выдрать хотя часть коzла, и кончается она не всегда благополучно; но по адату, нельзя требовать возмездія съ убийцы, если погибшій нашелъ смерть въ кокъ-бури. Въ этой игрѣ нерѣдко, въ особенности у туркменъ, участвуютъ и дѣвушки-невѣсты: кто вырвѣтъ у нея коzла, тотъ можетъ взять ее себѣ въ жены.

и злыхъ жеребцовъ, которыхъ онъ самъ подъ себя обѣзжаетъ. Не мало также занимается онъ и мунитровкой своего гарнизона. Равно его заботливости надо приписать исправный видъ и упорядоченное состояніе Керминенской цитадели. Хотя на вѣсны бойницы конечно и вздоръ для серьезнаго противника, но уже самое существованіе ихъ здѣсь показываетъ направление мыслей и заботъ молодаго принца, который сообразно своимъ средствамъ самъ додумался до приспособленій и способа обороны мертваго пространства подъ стѣнами своей крѣпости¹⁾.

При приемѣ нашего посольства одѣтъ онъ былъ очень просто, въ обыкновенный адресовый халатъ; на головѣ бѣлая кисейная чалма безъ всякихъ вышивокъ и украшений. Во время разговора сидѣлъ онъ нѣсколько наклонившись впередъ и засунувъ кисти сложенныхъ рукъ въ опущенные мѣхомъ просторные рукава халата. Говорить пріятнымъ темпоромъ и тихимъ голосомъ, но быстро и отрывисто, слушаетъ очень вдумчиво, какъ бы стараясь уловить и запечатлѣть въ себѣ каждое слово, каждый малѣйшій оттенокъ обращенной къ нему рѣчи. Разговоръ съ нимъ впервые за все время нашего пребыванія въ бухарскихъ предѣлахъ обошелся безъ стереотипныхъ изъявленій дружественныхъ чувствъ „маленькой“ Бухары къ „великой“ Россіи и соображеній о томъ, насколько нужны для первой неизмѣнная дружба и покровительство послѣдней. Онъ просто заявилъ, что очень радъ видѣть насъ у себя, что отецъ уже заранѣе писалъ ему о предстоящемъ прибытии русскаго посольства, поручая принять его членовъ какъ можно лучше; затѣмъ спросилъ, какъ мы нашли здоровье его отца, хорошо ли совершили нашъ путь и долго ли пробыли въ Бухарѣ, а въ заключеніе просилъ погостить у него дня три, если можно. Но когда князь заявилъ, что въ силу телеграммы генераль-губернатора посольство должно торо-

¹⁾ До сихъ поръ ни въ одной изъ бухарскихъ крѣпостей мы такихъ бойницъ не встрѣчали.

питься въ Ташкентъ и долѣе однѣхъ сутокъ оставаться въ Кермине не можетъ, то тюря-джанъ не сталъ настаивать и поднялся съ мѣста, подавъ тѣмъ знакъ къ окончанію аудіенціи.

Послѣ поочереднаго рукопожатія мы уже выходили было изъ комнаты, какъ вдругъ, словно вспомнивъ что-то, онъ обратился къ маюру Байтакову:

— Ахъ, да, мнѣ сказывали, что съ вами есть команда казаковъ?

— Есть, ваше степенство.

— Могу я просить князя, чтобы мнѣ ее показали? Мнѣ очень бы хотѣлось ихъ видѣть.

Байтаковъ перевелъ это князю, который, конечно, изъявилъ полную готовность удовлетворить желаніе тюря-джана, а этотъ послѣдній отъ души поблагодарилъ его за это и на томъ мы разстались.

Наша конвойная команда немедленно представилась тюря-джану подъ начальствомъ браваго урядника Толстова, который ввелъ свой спѣшенній взводъ во внутренній дворикъ справа рядами и выстроилъ его во фронтъ противъ оконъ приемной. Сейдъ-Абдуль-Агатъ-ханъ, показавшись въ окнѣ, привѣтствовалъ казаковъ движениемъ правой руки, приподнявъ ее къ чалмѣ. Тѣ дружно гаркнули ему на это „здравія желаемъ вашему степенству!“ и затѣмъ по командѣ вынули шашки, взяли „на плечо“, „на крауль“, онять „на плечо“ и вложили ихъ въ ножны. Этимъ и кончилось представление конвоя, который въ заключеніе пропарадировалъ мимо оконъ справа рядами. Но замѣчательно, что изо всѣхъ бековъ и высшихъ военныхъ чиновъ бухарскихъ единствено Сейдъ-Абдуль-Агатъ-ханъ поинтересовался нашими казаками.

У него есть тоже своя политическая партія; неизвѣстно лишь, насколько самъ онъ причастенъ ея планамъ и мечтаніямъ. Это все та же партія бухарскихъ такъ-сказать „националовъ“, о которой я упоминалъ уже раньше. Ея завѣтное стремленіе заключается въ возстановленіи полной независимости Бухары во всемъ ея прежнемъ величіи. Къ сожалѣ-

ию, при этомъ только упускается изъ виду взаимное отношение средствъ и силъ Бухары и Россіи, что впрочемъ и немудрено при совершенномъ невѣжествѣ ходжей и ишановъ, изъ коихъ и состоять партія „націоналовъ“, живущихъ мыслю въ прошломъ и закрывающихъ глаза на настоящее. Имъ кажется, что эмиру стоило бы только захотѣть и съ помощью Аллаха возрожденіе могущественной Бухары совершилось бы какъ по щучьему велѣнію; но эмиръ-де не хочетъ, потому что продалъ Бухару русскимъ. Кунцы, напримѣръ, особенно изъ тѣхъ, чтоѣздятъ на Макарьевскую, никакихъ такихъ иллюзій не питаютъ и ни къ какимъ подобнымъ партіямъ не принадлежать, но это именно потому, что они практически, съ взглядами могутъ соразмѣрять и взвѣшивать силы и средства Бухары и Россіи. Впрочемъ, какое дѣло высокомудрымъ ишанамъ и ходжамъ до аршинниковъ-купцовъ, и станутъ они еще „преклонять свой благородный слухъ на нихъ низменныя рѣчи“!

Одна фракція „національной“ партіи, извѣстная подъ извѣстіемъ „Каршинской“, придерживается (разумѣется втайне) малежнаго Катты-тюра, старшаго сына эмира; другая же, „Керминенская“, упованія свои возлагаетъ на Абдулъ-Агата. Еще въ Бухарѣ было мнѣ доставлено секретное свѣдѣніе о надеждахъ и планахъ керминенскихъ націоналовъ, которые въ личномъ характерѣ Абдулъ-Агата усматриваютъ залогъ ихъ осуществимости. Не касаясь вопроса о томъ, насколько эти планы разумно цѣлесообразны и вообще осуществимы, я только ради курьеза раскажу ихъ сущность, какъ мнѣ самому ихъ передавали.

Исходная точка керминенскихъ плановъ, это кончина нынѣшняго эмира, когда, по извѣстному средне-азіатскому обыкновенію, неминуемо возникаетъ между его сыновьями и родственниками борьба и усобица за захватъ власти. Изгнанный Катты-тюря, какъ известно, лишенъ отцомъ всѣхъ правъ не только на ханство, но и на какое бы то ни было наслѣдіе въ бухарскихъ предѣлахъ. Это однако не устрашаетъ для него

возможности домогаться ихъ всѣми путями послѣ смерти эмира, при помощи своей партіи. Для этого потребуется свергнуть какимъ бы то ни было способомъ Абдулъ-Агата, когда послѣдній займетъ тронъ Бухары, къ чему нынѣшній эмиръ и прочитъ его уже заранѣе. Но вступая законнымъ путемъ въ Бухару, Абдулъ-Агатъ, для успѣшной борьбы со старшимъ братомъ, долженъ будетъ обратиться къ помощи Россіи, а это такой шагъ, который неминуемо возстановить противъ него всѣхъ „націоналовъ“ безъ различія партій. Притомъ же „Керминенцы“ знаютъ, что если возьметъ верхъ Катты-тюря, то всѣ вліятельныя, выгодныя мѣста и высокія должности въ ханствѣ сполна перейдутъ въ руки „Каршинцевъ“, и тѣмъ самымъ ихъ собственная партія будетъ устранина отъ дѣлъ и обречена на ничтожество, если даже не на „прирѣзъ“. Они полагаютъ, что для Россіи безразлично, кто бы ни сидѣлъ на Бухарскомъ ханствѣ, лишь бы сидящій былъ всегда и во всемъ ея покорѣйшимъ слугой; они полагаютъ также, что если сядетъ даже Катты-тюря, то и онъ волей-неволей долженъ будетъ слѣдовать въ отношеніи къ русскимъ нынѣшней политикѣ своего отца, такъ какъ самостоятельно держаться противъ Россіи на равнинахъ, да еще при томъ условіи, что она владѣеть водой Зеравшана, невозможно. Поэтому вся равнинная, степная часть Бухарского ханства для будущей борьбы за независимость ни въ какой разсчетъ не принимается. Планъ этой борьбы разсчитывается на хорошо населенную, хлѣбородную горную бекства, то-есть на всю вообще юго-восточную часть ханства, которая представляетъ собою обширную страну, вдоль и поперекъ изрѣзанную горными узлами, высокими хребтами, отѣсными скалами, глубокими пропастями, словомъ, такую мѣстность, где по выражению нашихъ казаковъ, бывавшихъ тамъ съ учеными экспедиціями, „самъ чортъ глину мѣсилъ“. Въ случаѣ смерти эмира, Сейдъ-Абдулъ-Агатъ, по плану „Керминцевъ“, долженъѣхать не въ Бухару, а какъ можно скорѣе пробираться въ горы, куда-нибудь въ родѣ Бальджуана или Дарваза, и тамъ, опираясь

свободнымъ тыломъ на пограничную съ Афганистаномъ рѣку Пянджъ, объявить „газаватъ“ — священную войну за вѣру противъ „Урусь-кафыровъ“, словомъ, устроить намъ новый Кавказъ, и тогда „Каршинцы“ потеряютъ свою *raison d'être*, такъ какъ вокругъ гази Сеидъ-Абдулъ-Агатъ хана, во имя его принципа, должны будуть смотреться всѣ правовѣрные безъ различія партій. Предполагается, что русскіе либо не захотятъ повторять свой опытъ съ новымъ Кавказомъ, и потому, войдя съ бухарцами въ добровольное соглашеніе, возвратятъ имъ Самарканѣ съ истоками.. Зеравшана; либо что они будутъ много лѣтъ истощаться безъ всякой для себя пользы на веденіе трудной горной войны, при невозможности обойти противника съ тыла, откуда, между тѣмъ, противникъ будетъ получать всѣ свои средства для веденія этой войны; въ концѣ концовъ, все это надоѣсть русскимъ, они плонутъ и уйдутъ изъ Туркестана, и тогда Бухара снова возсіаетъ всѣмъ блескомъ своего благо величія.

Это, конечно, не болѣе какъ пылкія мечтанія, тѣмъ труднѣе осуществимыя, что самыи характеръ горныхъ таджиковъ, наклонныхъ къ мирной культурѣ, совсѣмъ не представляетъ тѣхъ элементовъ, какіе составляли главную силу хищническо-воинственныхъ племенъ Кавказа въ ихъ долголѣтней борьбѣ съ русскимъ оружіемъ. Тѣмъ не менѣе, на всякий случай не мѣшаетъ принимать къ свѣдѣнію даже и иѣкоторыя мечтанія, если они характеризуютъ собою отношенія къ намъ той или другой изъ соседнихъ политическихъ партій¹⁾.

¹⁾ Это писано еще до поѣздки Сеидъ-Абдулъ-Агатъ-хана въ Москву на коронаціонныя торжества 1888 года. По возвращеніи изъ Москвы, онъ въ Ташкентѣ высказывалъ, между прочимъ, что эта поѣзда привнесла ему большую пользу въ томъ отношеніи, что онъ имѣлъ хороший случай воочію убѣдиться въ громадныхъ силахъ и средствахъ Россіи. Признаніе же Государемъ Императоромъ въ правахъ наслѣдного принца совершенно разбиваетъ въ прахъ всѣ мечты „кершиенской партії“, такъ какъ теперь Абдулъ-Агату нечего больше заботиться объ увеличеніи своихъ силъ еще и „каршинскою партіей“: какъ законнаго наслѣдника, санкционированнаго Бѣлымъ Царемъ, его всегда поддержать русскіе штыки не

Послѣ визита къ тюря-джаву, при обратномъ слѣдованіи посольства чреѣплощадь, почетный карауль опять отдалъ ему воинскую почтность, но на сей разъ уже безъ музыки. За то неожиданно распотѣшилъ насъ желтокафтаный командиръ-кавказецъ. Стоя предъ фронтомъ и держа въ правой руцѣ саблю, опущенную „на краулъ“, а лѣвую всею растопыренною пятерней поднявъ къ шапкѣ для отданія чести, въ то время какъ князь проѣзжалъ мимо него, онъ вдругъ съ важностью и размѣреннымъ голосомъ, чтобы слышно было каждое слово, крикнулъ ему по-русски:

— И какъ ваши здоровья?... И здоровъ ли доѣхалъ, князь, ваши приватхадытельство?

Очевидно ему хотѣлось поддержать этимъ свое значеніе, въ глазахъ своей рати, — десказать вотъ какой я важный человѣкъ, и по-русски знаю, и какъ тонко всѣ приличія и долгъ любезности понимаю, и даже съ какимъ важнымъ лицомъ разговаривать могу, — поймите моль это!

Обмѣнъ подарковъ послѣдовалъ уже по окончаніи визита: они были присланы къ намъ на домъ. Вечеромъ былъ баземъ съ томашой, но я на немъ не присутствовалъ, такъ какъ надо было многое занести въ свой дневникъ, а когда легъ въ постель, то всѣ эти батчи и дангарачи своими пѣснями и гудѣньемъ долго спать не давали.

30 января.

Холодъ ночью въ моей комнатѣ былъ такой, что я нѣсколько разъ просыпался съ ледяными сосульками на усахъ. Принимаютъ насъ бухарцы, конечно, съ большимъ почетомъ, но нельзя сказать чтобы особенно тепло. Что до меня, то я охотно

только противъ Катты-тюра, но и вообще противъ какихъ бы то ни было претендентовъ. Если вмѣстѣ съ тѣмъ отъ него отшатнутся бухарскіе „националы“, то это уже ихъ домашнее дѣло, и намъ изъ то нечего обращать вниманіе. Признанный въ своихъ правахъ Императоръ Всероссійскимъ, онъ не нуждается болѣе ни въ какихъ партіяхъ для достиженія власти и, безъ сомнѣнія, въ случаѣ надобности, скъмѣть самъ справляться съ „недовольными“.

предпочел бы теперь немножко меньше почета, но за то хоть маленькую желѣзную печку въ моей комнатѣ.

Въ три часа пополудни состоялся нашъ прощальный визитъ къ тюря-джану. По обстановкѣ это было точное повтореніе вчерашняго, даже до крика желтокафтаннаго капитана „здоровъ ли доѣхалъ“ включительно.

Вечеромъ насъ опять угостили безконечнымъ баземомъ. Мальчишки и бубенщики неистово вопятъ во всю глотку давленными голосами, ибо по здѣшнему чѣмъ громче и криклиwie, тѣмъ значить голосъ лучше и достойнѣе-восхищенія.

Но до чего все это надобло!...

31 января.

Выѣхали изъ Кермине въ восемь часовъ утра. Мѣстность хорошо населена и обработана. Въ полутишѣ отъ города проѣхали мимо развалинъ прекрасной медрессе, построенной Абдуллахъ-ханомъ. Сквозныя дыры выѣсто оконъ уныло и словно съ укоромъ смотрятъ на путника, массивныя стѣны разрушаются все болѣе и болѣе... вокругъ бурьяны, грязь, мусоръ... Просто смотрѣть досадно, когда чуть не на каждомъ шагу видишь, сколько прекрасныхъ и благодѣтельныхъ учрежденій прежнихъ временъ уже погибло и сколько другихъ, которыя можно бы еще поддержать, обречены на запустѣніе и съ каждымъ днемъ все больше рушатся и гибнутъ отъ невѣжественного небреженія и общей апатіи. Какъ посравнить, что было здѣсь два-три столѣтія назадъ и что сталоось теперь, видишь, что жизнь этой страны, которая уже достигла было такихъ блестящихъ результатовъ, вдругъ остановилась и пошла назадъ, попутнымъ движениемъ. Мусульманство отжило свое время и ничего не даетъ болѣе человѣчеству въ смыслѣ самостоятельного творчества. Его поэзія вся въ прошломъ, какъ и его поэты, его Гафизы, Фирдусси, Саади... Альгамбра въ Гренадѣ, джамія Селима въ Адріанополѣ и полуразрушенные дворцы и памятники въ Самаркандѣ—это альфа и омега мусульманскаго искусства: въ нихъ оно дало все, что только могло дать и новаго ничего больше не скажетъ.

Вотъ въ сторонѣ еще какія-то развалины... Но мимо! Это все одна и та же картина запустѣнія и Авгіевыя конюшни.

Мѣстность ровная. Карапаскія горы, что тянутся южнѣе верстахъ въ тридцати параллельно нашему пути, начинаютъ теперь все болѣе подходить къ Зеравшану. Наивысшая ихъ точка, лезвіеобразная вершина, находится какъ разъ противъ селенія Гурь-углы.

Переѣхали въ бродъ чрезъ большой арыкъ Нарыпай.

Разстояніе отъ Кермине до города Зіаеддина четыре съ небольшимъ таша, или собственно $33\frac{1}{2}$ версты. На половинѣ пути встрѣтилъ насъ молодой человѣкъ, сынъ зіаеддинскаго бека, высланный своимъ отцомъ со свитой изъ нѣсколькихъ человѣкъ на границу бекства для привѣтствованія посольства, а за полѣ-таша отъ города встрѣтилъ и самъ бекъ съ чиновниками. На немъ былъ надѣть халатъ изъ лиловой парчи, затканной золотыми разводами и серебряными травами, а на головѣ чалма бѣлая съ золотомъ. Всѣ они выѣхали верхомъ и при налѣмѣ приближеніи слѣзли съ лошадей. Мы тоже вышли изъ экипажей и обмѣнялись привѣтствіями и разспросами о здоровье и благополучіи. Значитъ урокъ, данный княземъ каршинскому беку, подействовалъ и очевидно принять бухарцами къ свѣдѣнію.

Зіаеддинъ носить громкое название города, но на мой взглядъ это просто ничтожная деревня, избранная почему-то подъ административный пунктъ. Она гораздо меньше и невзрачнѣе многихъ сосѣднихъ кишлаковъ и отличается отъ нихъ только тѣмъ, что обладаетъ фальшивою крѣпостью безъ малѣйшей возможности ея обороны. Эта крѣпость, расположенная между Нарыпаемъ и обрывистымъ берегомъ Зеравшана, представляетъ, по обыкновенію, четырехстороннюю площадку, обнесенную глинябитною стѣнкою около двухъ сажень высоты. Снаружи оно какъ-будто и крѣпость, даже зубчатыя бойницы наверху подѣланы, но только стрѣлять изъ-за нихъ нельзя, потому что со внутренней стороны стрѣлкамъ стоять не на чемъ: у этихъ стѣнъ нѣтъ валганга, и онѣ не

болѣе какъ высокій заборъ аршина въ полтора шириной. Ни рва, ни брустверовъ, ни даже бурджея; но ворота съ фальшивыми башенками есть, и предъ ними вдоль дороги былъ выставленъ почетный караулъ со знаменемъ; только люди были разставлены шпалерой въ одну ширенгу на значительно разомкнутыхъ дистанціяхъ, вѣроятно для того, чтобы ихъ казалось больше чѣмъ въ наличности.

Домъ бека помѣщается въ крѣпости и обстановка его, быть можетъ въ зависимости отъ близости русской границы, отчасти смахиваетъ уже на русскій ладъ. Тутъ нашли мы и переносныя желѣзныя печи, и плотно затворяющіяся двери, и рамы со стеклами въ окнахъ, и стекла эти были вставлены какъ слѣдуетъ, съ замазкой, а рамы приложены къ филенкамъ вплотную, безъ щелей, въ которыхъ удобно можно просовывать пальцы, какъ было у насъ въ Шаарѣ и въ Бухарѣ. Нашлись тутъ и столы, устроенные на европейскій ладъ, на высокихъ ножкахъ, и нѣсколько буковыхъ стульевъ, и оттоманки съ шелковыми мутаками и подушками, устроенный изъ эластическихъ сартовскихъ кроватей и покрытыя богатыми коврами. По всему замѣтно было, что хозяинъ любить жить чистоплотно и по возможности комфортабельно, а впослѣдствіи оказалось, что онъ и на счетъ тонкостей персидской кухни вое-что понимаетъ. По происхожденію онъ персіанинъ и приходится какимъ-то родственникомъ кушьбеги, чрезъ котораго получилъ и настоящее свое мѣсто; самъ же по себѣ это человѣкъ очень любезный, обходительный, радушный и даже съ нѣкоторымъ какъ бы европейскимъ лоскомъ,— вѣроятно понатерся около нашихъ, вслѣдствіе частыхъ сношеній съ пограничными властями.

Все это было прекрасно, и только одинъ почетный караулъ не переставалъ смущать насъ за все время пребыванія въ Зіаеддинѣ. Угораздило же ихъ выставить его на дворѣ, какъ разъ противъ нашихъ оконъ и выходной двери, гдѣ и цару открытыхъ палатокъ рядомъ поставили, одну для офицера, другую для сарбазовъ. Чуть только подойдешь къ окну,

сейчасъ, по вызову часового, весь караулъ выскакиваетъ воинъ и становится въ ружье для отданія чести. Машешь имъ рукой, уйдите моль, не надо, а они все стоять и держать „на краулъ“, пока не отойдешь отъ окна. То же самое, но только еще стѣснительнѣе и комичнѣе выходило, когда кто-либо изъ насъ проходилъ чрезъ дворъ за какою-либо надобностью. Чуть завидятъ это сарбазы, тотчасъ же выстраиваютъ фронтъ въ томъ направленіи, куда отлучился вышедший и стоять такъ съ ружьями „на краулъ“ все время, пока толь не пройдетъ обратно въ комнаты.

— Уберите вы пожалуста этихъ сарбазовъ, совсѣмъ они тутъ ни къ чему не нужны, убѣждали мы приставовъ.

— О, нѣтъ, какъ это возможно! Мы вѣдь понимаемъ этикетъ и военную дисциплину. Это вы настѣнко испытать хотите? Нѣтъ, мы свое дѣло до тонкости знаемъ!

Вотъ поди тутъ и разговаривай съ ними!

Послѣ обѣда, оглядѣвшись въ своей комнатѣ, вижу на стѣнѣ нацарапана карандашемъ русская надпись. Чѣмъ такое? Читаю:

„1881 года апрѣля 29 были уральские казаки здѣсь № 1го, 50 человѣкъ спалковникомъ К—ымъ...“

А рядомъ приписка уже другою рукой:

„Тутъ мы получили троя одинъ халатъ, а то все самъ польковникъ“.

Протестъ, значитъ, на память „будущимъ“. Охъ ужъ эти халаты!..

Вечеромъ опять былъ баземъ, но мы уже не ходили смотрѣть его.

1 февраля.

Размѣнялись съ бекомъ подарками и выѣхали въ дальнѣйшій путь въ семь часовъ утра. Бекъ лично провожалъ посольство до конца садовъ своего города. До Катта-Кургана остается только пятьдесятъ верстъ. Слава Богу!..

Дорога все время идетъ по густо заселенной мѣстности между кишлаками, орошаемыми изъ Нарыла, но она гораздо

стала принимать всхолмленный характеръ еще не доѣзжая Мира, а теперь чѣмъ далѣе, тѣмъ все холмистѣе. Съ нѣкоторыхъ возвышеностей открывается порою широкая панорама на Міанкаль и зарѣчную часть Зеравшанской долины, замыкаемой въ дымкѣ легкаго тумана силуэтами скалистаго хребта Акъ-тау. Сады этой роскошной долины, точно сплошной громадный лѣсъ, простираются въ глубь и ширь за Акъ-Дарьею¹⁾ на нѣсколько десятковъ верстъ въ поперечнику, до самыхъ горъ, на нижнихъ склонахъ коихъ чернѣютъ свѣжія полосы пашень—богара²⁾. Это одна изъ прелестныхъ картинъ, какія когда-либо я видѣлъ.

На границѣ ожидали насъ мѣстный волостной съ акъ-сакалами и нѣсколько полицейскихъ джигитовъ, высланныхъ къ намъ на встрѣчу начальникомъ Катта-Курганского отдѣла. Джигиты были одѣты въ форменные чеки изъ желтаго верблюжьяго сукна, съ форменными шашками черезъ плечо и въ бѣлыхъ чалмахъ. На груди у вѣкоторыхъ красовались медали и знакъ военнаго ордена. На вѣрткіхъ, поджарыхъ лошадяхъ, они смотрѣли истинными молодцами и даже добровольно усвоили себѣ русскую военную выправку. Очевидно, ихъ самолюбію лѣстять и эти знаки отличія и то, что русское начальство удостоило ихъ довѣрія, избравъ на полицейскія должности.

Въ первомъ попутномъ кишлакѣ на нашей территории обратило на себя вниманіе значительное количество домашней птицы, именно индюшекъ и гусей, чего въ бухарскихъ предѣлахъ за все время мы нигдѣ ни разу не встрѣчали. Это нововведеніе въ домашнемъ хозяйствѣ заимствовано нашими сартами у русскихъ поселенцевъ. Оказывается, что уже нѣсколько лѣтъ какъ они поразводили у себя гусей да индю-

1) Акъ-Даръя или, по-таджикски, Даръя-Сафитъ (блѣлая рѣка) съставляетъ правый или сѣверный рукавъ Зеравшана.

2) Богара—то же что лильми. Такъ въ Зеравшанскомъ оазисѣ называются пашни засѣваемыя ишеницей подъ дождь, безъ искусственного орошенія.

хуже степной: тычки, ухабы и глубокія колеи даютъ себѣ знать на каждомъ шагу, а въ особенности чувствительно приходится на переѣздахъ въ бродъ чрезъ канавы. Въ двадцати верстахъ отъ Зіаеддина лежитъ на пути торговое мѣстечко Миръ съ большимъ, незабраннымъ сверху базаромъ, населенное наполовину сартами, наполовину евреями, которые занимаются торговлей шелкомъ, то есть главнѣйшимъ образомъ его скучкой и перепродажей, а сарты торгуютъ преимущественно путевыми принадлежностями для проходящихъ каравановъ.

Въ селеніи Касагаранъ остановились для завтрака. Это было уже послѣднее „испытаніе“, какому подвергло насъ бухарское гостепріимство, ради чего собственно и повезли насъ не по хорошей степной, а по самой отвратительной кишлакной дорогѣ. Прощайте же всѣ достарханы, шруны, кебабы и жирные палау! По доброй охотѣ вѣроятно не скоро мы теперь за вѣсъ примемся, хотя, слова пѣть, вкусны вы очень.

По выѣздѣ изъ Касагарана, свернули вправо въ открытую степь, и степью же, въ виду кишлаковъ, остававшихся въ лѣвой руѣ, выѣхали въ русскіе предѣлы. На высокомъ бугрѣ, носящемъ имя Рамаджанъ, стоялъ пограничный столбъ, окрашенный въ спираль тремя знаками „казенными“ цвѣтами, который и возвѣстилъ намъ съ полною точностью, что въ эту минуту мы уже въ Россіи. О, наконецъ-то!..

Чѣмъ ближе къ нашимъ границамъ, тѣмъ все болѣе приближается къ Зеравшану Карналская гряда, постепенно все понижаясь, пока не переходитъ наконецъ въ незначительные холмы, которые сливаются съ нашими Зерабулакскими и Каттакурганскими высотами. На одномъ изъ такихъ холмовъ, въ виду дороги, высится каменный памятникъ съ крестомъ, поставленный надъ братской могилой русскихъ воиновъ, павшихъ въ происходившемъ на этой мѣстности сраженіи 2 июня 1868 года, гдѣ бухарскіе сарбазы на голову были разбиты отрядомъ генерала Головачева. Мѣстность

шечь и теперь отлично сбываются ихъ въ Бухару въ видѣ живности. У бухарцевъ же этихъ домашнихъ птицъ почему-то не разводятъ.

Вскорѣ поднялись мы на гребень послѣдней возвышенности, и съ этого пункта, предъ спускомъ, вдругъ открылся предъ нами внизу веселый, оживленный видъ: чистенький русскій городъ совершенно тонуль въ садахъ среди долины, по которой быстротечный Нарыпай сверкаль на солнцѣ своими излучинами, то скрываясь въ чащѣ прибрежныхъ садовъ, то выбѣгая изъ луговины. Влѣво, верстахъ въ двухъ впереди, выглядывала макушка холма, на которомъ бѣлѣлась казарма. Тамъ расположено наше укрѣпленіе.

До сихъ поръ мнѣ не доводилось еще быть въ Катта-Курганѣ, и онъ на первый разъ произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе: крестъ надъ православною церковью, чистенькие одноэтажные домики европейской архитектуры, съ уютными крылечками, тесовыми воротами и свѣтлыми окнами, въ которыхъ видныются цветы и бѣлые кисейные занавѣски; широкія шоссированныя улицы и фонари на улицахъ, въ порядке торчащіе „на узакопенныхъ дистанціяхъ“; кирличные тротуары и бульварныя аллеи, исправные мостки чрезъ канавы; русскія лавки и магазины, русскія выѣзди и русскіе люди — извощики на парахъ въ пристажку, приказчики въ картузахъ и сапогахъ съ „бураками“, бойкіе солдатики и румяные молодицы, и чай-то песь лягавый, какихъ нѣть въ Бухарѣ, и солнце,—солнце, которое сегодня впервые свѣтить и грѣть совсѣмъ по-весеннему. Капель съ крышъ, словно зерна алмазовъ сверкая на солнцѣ, падаетъ въ подоконныя лужицы съ какимъ-то звонкимъ шелестомъ; шумно и весело журчить вода въ арыкахъ, радостно трещать вертлявыя сороки и задорно чирикаютъ въ садахъ воробы... Совсѣмъ весной пахнетъ.

У начальника Катта-Курганского отдѣла, подполковника Я. А. Войцеховича, нашли мы чистое, комфортабельное помѣщеніе, теплую, просторную, свѣтлую комнаты, вкусный,

хорошо сервированный столъ. О, какъ мы все это теперь оцѣнили!..

Конечно, спасибо бухарцамъ,—они старались всячески угодить намъ и дѣлали для этого все, что лишь было въ ихъ возможности; тѣмъ не менѣе я радъ, что все это кончилось.

Нѣтъ, право, въ гостяхъ хорошо, а дома все-таки лучше.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВЫ:

СТРАН.

- I. Отъ Ташкента до Самарканда. Посольство въ Бухару, причины его отправления, его состав и подарки эмиру Бухарскому.—Выѣздъ изъ Ташкента.—Дорога ташкентскими предиѣстѣями.—Старый Ташкент и форть Чиназъ.—Переправа черезъ Сыръ-Дарью.—„Голодная степь“ и ея обитатели.—Степные курганы.—Станція Малекъ.—Орель-стервятникъ.—Цистерна Тамерлана.—Соленая вода и жизнь на стенихъ станціяхъ.—Ливень и морозъ.—Обмерзлые шакалы.—Городъ Джизакъ и укрѣпленіе Ключевое.—Джизакское ущелье и Тамерлановы ворота.—Янм-курганъ.—Теплый вѣтеръ и буря.—Перекати-поле.—Каменій мостъ.—Заравшанская долина.—Абдуллаховы арки и переправа черезъ Заравшанъ.—Общий видъ города Самарканда.—Афросіабъ и самарканскія кладбища.—Легенды єсть основанія города и о происхождении имени Самарканда . . . . .
- II. Въ Самарканда. Самаркандъ въ картинахъ Верещагина.—Хазрата Шахи-Зинда, усыпальница Тимуридовъ.—Братья-ревуны и дервиши-дуваны.—Нижний порталъ Шахи-Зинда, ее лѣстница и мавзолей.—Рѣзные двери мечети Кусама.—Часовня и гробъ св. Кусама.—Зажокъ-рыба и его эмблематическое значение.—Легенда о св. Кусамѣ и пророчество Хазрата-Езеви о пришествіи русскихъ.—Бунчукъ Кусама, какъ талисманъ противъ неплодія.—Покаянное подземелье и кающійся добровольный заточникъ.—Коранъ, писанный рукой отца цынѣшаго эмира бухарского.—Священное дерево Камчинъ.—Мечеть Виби-ханымъ и падающіе минареты Улугъ-бека.—Эстетический вкусъ средне-азіатовъ, ихъ страсть къ грандюзному и ихъ художественные традиціи.—Кладбище Чиль-Духтарамъ.—Куфическая, сульская и магалинскія надписи Самарканда.—Слои цивилизаций древняго и новаго мира, погребенныхъ на почвѣ Самарканда . . . . .
- III. Отъ Самарканда до Шахрисебса. Выѣздъ изъ Самарканда.—Чѣчто о святомъ Ходжа-Ахгарѣ.—Даргамъ.—Древній лагерь.—По-четная встреча со стороны акъ-сакаловъ.—Ночлегъ въ Сазангапѣ.—Достарханъ и обѣдъ изъ мѣстныхъ блюдъ.—Способъ отопленія въ юртахъ.—Путь до Джамиа.—Сухія русла.—Шарсабзій горный краjkъ.—Видъ на бухарскія степи и на горы Акъ-тау.—Мѣстечко

ГЛАВЫ.

Джамъ и его мечеть.—Узбеки-сараевцы и ихъ нравы.—Бѣлый мрамор.—За русской границей.—Степные колодцы.—Обработка степныхъ полей.—Путь Александра Македонского.—Встрѣча съ посланцами эмира.—Экипажи его высокостепенства.—Посланцы чиракчинского бека.—Угощеніе и почлегъ на урочищѣ Вишь-Чешма.—Путь до города Чиракчи.—Русло Казганъ-бузаръ.—Роздыхъ у кишлака Ковь-ташъ и новые посланцы-чиновники.—Долина Кашка-Дарьи и видъ на городъ Чиракчи.—Характеръ города.—Ночлегъ въ чиракчинскомъ замкѣ.—Веки, почетные посланцы отъ эмира.—Пріемъ у тюря-джана, бека чиракчинского.—Обмынь взаимныхъ подарковъ.—Путь отъ Чиракчи до Шаара.—Характеръ страны, курганы, селенія и жители.—Завтракъ въ Урта-курганѣ.—Знакомство съ первыми синовниками эмира, перваначи и топчи-баши.—Бухарская конная гвардія и ее музыка.—Что такое Шахрисебъ.—Торжественный выездъ посольства въ Шааръ.—Посольский домъ и его устройство.—Условія мѣстного этикета.—Сѣна русского часового бухарскаго.—Казачья зоря и караульные сарбазы . . . . .

74

IV. Въ Шаарѣ. Выѣздъ аудіенціи въ баню.—Базарная публика.—Прелести восточныхъ бань.—Верхомъ или въ коляскѣ?—Торжественное слѣдованіе посольства на „селямъ“ къ эмиру.—Придворные чины.—Первая аудіенція у эмира.—Музаффаръ-Эддинъ Богадуръ-ханъ, эмиръ Бухарскій, и его наружность.—Его тронъ и пріемная зала.—Его разговоръ съ первымъ посломъ.—Особенности мѣстного придворного этикета.—Визитъ къ перваначи.—Размынь взаимныхъ подарковъ.—Нѣчто о жалованныхъ золатахъ и о царедворцахъ вообще.—Томаша при возвращеніи посольства изъ дворца.—Театръ марionетокъ и пляски батчей.—Цѣлебныя свойства гранатового соха.—Казнь скоршона.—Переговоры относительно телеграфной линіи.—Визитъ къ беку Бальджуанскому.—Шаарскій базаръ и нѣчто о нашей среднеазіатской торговлѣ.—Исчезновеніе токсабы.—Посѣщеніе бека Дарвазскаго.—Путешествующіе стулья.—Скупщики подарочныхъ вещей.—Историческая достопримѣчательности Шаара: могила Хазрати-Шейха и Аль-Сары Тимурлена.—Визитъ къ беку Кулябскому.—Во что обходятся населенію посѣщенія различныхъ бекствъ эмиромъ.—Глазная болѣзнь.—Оригинальный концертъ.—Депеша М. Г. Черниева.—Вторая аудіенція у эмира и его рѣчь.—Достарханъ и томаша въ зеркальной залѣ.—Придворные батчи и яснарабазы.—Муниципальная зоря съ церемоніей въ Шаарѣ.—Третья аудіенція у эмира.—Въ чёмъ заключается шаткость положенія бухарского владыки.—Отношеніе къ намъ горожанъ-бухарцевъ и евреевъ.—Лагерь бухарскихъ войскъ.—Ихъ одѣждъ, вооруженіе, снаряженіе, продовольствие, расквартированіе и способъ рекрут市场化.—Визитъ къ топчи-баши.—Смотръ и ученье баталюна гвардейскихъ сарбазовъ.—Парадный выездъ эмира въ городскую мечеть.—Прощальная аудіенція у эмира.—Отѣзданіе посольства изъ Шаара . . . . .

123

V. Отъ Шахрисебса до Карши. О бухарскомъ климатѣ и морозахъ.—Землетрасеніе на почлегѣ.—Еще нѣчто по поводу хорошихъ манеръ и гостепріимства азіатовъ.—Гнилая вода.—Роздыхъ въ Чимъ-курганѣ.—Степные хутора.—Степь и Кашкинскій оазисъ.—Наше неумѣніе путеш-

ГЛАВЫ.

шествовать съ восточной важностью.—Неудачная переправа.—Каршинская степь.—Городъ Карши.—Его ковровые фабрики, мѣдночеканнныи и ткацкія издаѣlia.—Посольский домъ.—Политикаинскія продѣлки мѣстныхъ чиновниковъ.—Нѣсколько словъ по поводу обычая дѣлать взаимные подарки.—Каршинскій бекъ и его визитъ въ посольство.—Характеръ города.—Мостъ на Кашка-Дарьѣ.—Каршинскія предмѣстія.—Мазаръ Ишанъ-Шаида и городское кладбище.—Какъ относятся нынѣшніе сарты къ своимъ мотиламъ.—Покоронные обряды у сартовъ . . . . .

191

VI. Отъ Карши до Бухары. Характеръ мѣстности за Карши, по дорогѣ въ Бухару.—Развалины древнаго города Шулюкъ.—Опять курганы.—Кишлакъ Касанъ.—Лютый холодъ.—Въ лабиринтѣ арыковъ и въ бездорожной степи.—Кишлакъ Ходжа Муборакъ.—Умирающій верблюдъ.—Овечи стада и степные коши.—Урочище Куль-Магіанъ.—Ночлегъ въ степномъ дворцѣ на урочищѣ Какыръ-сардоба.—Волнистая степь.—Кошъ-сардоба и ея дворецъ.—Карауль-рабатъ.—Къ чему иногда приводить „государственная экономія“.—Каменистая степь.—Перевалъ Мама-Джурчаты и видъ съ него на Зареншанскій оазисъ.—Кишлакъ Зировать.—Встрѣча съ бухарскими синовниками.—Магомедъ-Шерифъ-инакъ и Абдуль-Гаффаръ-перваначи.—Окрестности Бухары и Каганское предмѣстіе . . . . .

241

VII. Въ Бухарѣ. Ворота Каула и городская стѣна съ ее оборонительными приспособленіями.—Городскія улицы и характеръ уличной толпы.—Факиры и нищіе.—Бухарская мужская мода.—Бреи, парсы, пидусы, киргизы, каракалпаки, цыгане, русские татары, афганцы, туркмены, узбеки и персы.—Бухарская женщина, ихъ моды и косметическая сродства.—Нѣсколько средне-азіатцы, дѣйствительно добрые мусульмане.—Ихъ обрядовый формализмъ.—Привилегія нищихъ женщинъ.—Посольский дворъ и покваръ въ посольскомъ домѣ.—Визитъ къ кунь-беки.—Значеніе и функции его должности.—Путь ко дворцу эмира.—Регистрантъ и его зданія.—Дворецъ эмира въ цитадели и его подворотный музей.—Кунь-беки Мулла-Магометъ-бей.—Особенности его пріемной.—Разговоръ о политикѣ и о каршинскомъ бекѣ.—Обмынь подарковъ и наше заключеніе о личности Мулла-Магометъ-бека.—Бухарскіе базары и предметы ихъ торговли.—Оружейный лавочки и мѣдно-чеканная утварь.—Встрѣча съ батчею и нѣчто по этому поводу о здѣшнихъ общественныхъ нравахъ.—Визитъ къ Магометъ-Шерифъ-инаку и разговоръ съ имъ о торговлѣ Бухары съ Индіей.—

267

VIII. Въ Бухарѣ. Осмотръ городскихъ достопримѣчательностей.—Царское кладбище.—Медрессе-Заргерянъ и Иръ-Назаръ (императрицы Екатерины II).—Начальная школа (мектебъ).—Мечети: Бадаандъ, Миръ-Арабъ и Каланъ.—Столъ Манари-Каланъ.—Кварталъ прохожденій и болѣзни, свойственные Бухарѣ.—Чего намъ показать не хотѣли.—Отношенія къ Русскимъ бухарскимъ чиновникамъ и завѣтное желаніе проживающихъ тутъ русско-подданныхъ.—Прощальный визитъ . . .

337

IX. Отъ Бухары до русской границы. Отѣзданіе изъ Бухары.—Дорога предмѣстіями до Багуеддина и характеръ мѣстной культуры.—Бухарские лекари.—Мѣстечко Богуеддинъ и его обитатели.—Корпо-

✓

раціа богуеддинскихъ ищахъ.—Мавзолей Даніаръ-аталыка и могила Абдуллахъ-хана.—Гробница Богуеддина.—Значение числа семь въ жизни сего святаго.—Казачьи грошки.—Особенности бухарскихъ угощений и гостеприимства.—Сельское население въ праздники.—Вони перепеловъ.—Молотильные курганы.—Мѣстечко Пайнадъ.—Ночлегъ въ мѣстечкѣ Бустанъ.—Базокъ въ Бустанѣ.—Образчики сартовской поэзии, мадригали и романсы.—Мервский танецъ и другія пляски.—Единственное въ своемъ родѣ мѣрило общественной благосостоятельности.—Зеравшанъ и его значение для бухарского ханства.—Степь Даши-Малекъ.—Степное марево.—Мѣстечко Малекъ и его древнія развалины.—Батчи въ почетномъ караулѣ.—Почетные посланцы отъ наследника принца Бухарского.—Городъ Кермине, его цитадель, мечеть и легендарное гробѣще аистовъ.—Наше помѣщеніе.—Визитъ къ наследнику принцу.—Парадная встреча.—Дворецъ принца и его обстановка.—Принцъ Сенгъ-Абдуль-Агатъ-ханъ, его наружность и характеръ.—Что его интересуетъ.—Смотръ нашихъ казаковъ.—«Керминская» политическая партия и ея планы.—Неожиданная любезность кавказскаго человѣка.—Комнатный холода.—Дорога отъ Кермине до Зіаеддина.—Послѣдствія каршинского урока.—Городъ Зіаеддинъ и его фальшивая крѣпость.—Обстановка дома зіаеддинскаго бека.—Неудобный почетный караулъ.—Обличительная надпись.—Отѣздъ изъ Зіаеддина.—Характеръ мѣстности.—Мѣстечки Миръ и Касагарантъ.—Послѣднее бухарское угощеніе посольства.—Русская граница.—Памятникъ на мѣстѣ Зирабулансаго боя.—Видъ изъ Зеравшанскую долину.—Русские полицейскіе джигиты.—Новая страсть домашнаго хозяйства у русскихъ сартовъ.—Городъ Катта-Кургачъ.—Мы дома 374

ИЗДАНІЯ А. С. СУВОРИНА

въ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“ А. С. Суворина: въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и на станціяхъ жел. до] Главнаго Общества:

- АВЕРКІЕВЪ, Д. В. Жи-
хь. Историческая по-
вѣстка. Спб. 1866 г. Ц. 1 р.
— Хълмская ночь. Ист-
орической романсъ. Спб.
1886 г. Ц. 1 р.
- АНДРЕЕВСКІЙ, С. А.
Стихотворенія. 1878—
1885. Спб. 1886. Ц. 2 р.
- АРСЕНЬЕВЪ, А. В.
Карта для наглядного
обозрѣнія исторіи и хро-
нологіи русской литературы,
для классическаго упо-
требленія. Къ картѣ при-
лагается особою книгою
«Словарь писателей древ-
него периода русской ли-
тературы» (362—1700 г.).
Издан. подъ ред. О. Ф.
Миллера, проф. Спб.
уна. Ц. 2 р. 50 к.
- АХМАРОВЪ, Н. Д.
Во что бы то ни стало.
Романъ. Ц. 2 р. 25 к.
- БАРАНЕНЦКІЙ, П. В.
Лѣсоохраненіе. Книгадля
лѣсомѣдъльцевъ, лѣсни-
чихъ ислушателей учебы.
Харь. зав. Ц. 2 р. 50 к.
- БІЕЛЛЯ въ картинахъ
знаменитыхъ мастеровъ.
Новый Завѣтъ. 60 сним-
ковъ, посрѣд. гемографіи,
съ знаменитыхъ гра-
вюръ, передающихъ кар-
тины величайшихъ ху-
дожниковъ, и текстъ къ
картинахъ. In-folio. Цѣна
25 р., въ роскош. пер.
съ зол. обр. 30 р.
- ВІЛЬРОТЪ, ТЕОДОРЪ,
д-ръ. Общая хирургиче-
ская патология и терапія.
Руководство для учащих-
ся и врачей, обработанное
А. Вильвортеромъ,
проф. хирургомъ въ Лют-
тихѣ. Со шток. рисунками.
Изд. 5-е. Ц. 4 р. 50 к.
- ВОГОСЛОВСКІЙ, Н.
Аракчеевщина. Ц. 2 р.
- ВЛАГОВО, Д. Рассказы
бабушки изъ воспоминаний
мати покойной. Съ
портретомъ. Ц. 3 р.
- ВОРОЗДИНЪ, К. А. За-
кавказская воспоминанія.
Мингрелия и Сванетія съ
1854 по 1861 г. Съ 5 пор-
трет. Ц. 2 р.
- ВОРОВІКОВСКІЙ, А.
и ГЕРАРДЪ, Н. Систе-
мат. сборникъ ученій
Гражданскаго кассацион-
наго департ. прав. Сената за 1877 г. Т. I.
Материальное право. Т. II.
Судопроизводство. Ц. 6 р.
- БОРОВІКОВСКІЙ, А.
Л. Женская доля по но-
вѣрьоссийскимъ пѣснямъ.
Ц. 50 к.
- Законы гражданск.
(Сводъ законовъ т. X.
ч. I). Съ объясненіями по
рѣшеніямъ Гражданскаго
кассацион. департ. прав.
Сената. Изд. 3-е, исправлен.
и дополн. Ц. 6 р.
- Дополненіе къ 1-му
изданію «Законовъ гра-
жданскаго кас-
сажи-
ческаго искушателей учебы.
Харь. зав. Ц. 2 р. 50 к.
- Систематич. Сборн.
рѣшений Гражданскаго кас-
сажионнаго департамента
правительствующаго Сен-
ата за 1879 г. Материально
право. Ц. 3 р.
- Уставъ гражданскаго
судопроизводства съ объ-
ясненіями по рѣшеніямъ
Гражд. кас. деп. пр. Сен-
ата. Вып. 1-й. (Общепопу-
лярн.). Ц. 1 р. 60 к.
- Тоже. Вып. 2-й (по-
рядокъ производства въ
мировыхъ судебн. уста-
новленіяхъ). Ц. 1 р. 50 к.
- Тоже. Вып. 3-й (по-
рядокъ производства въ
общихъ судебн. мѣ-
стахъ. Кн. I, разд. I.
Гл. I—IX). Ц. 2 р. 25 к.
- Тоже. Вып. 4-й (по-
рядокъ производства въ
общихъ судебн. мѣ-
стахъ. Изд. (ст. 566—
791). Ц. 1 р. 50 к.
- ВУЛГАКОВЪ, Ф. И. Ху-
дожественная энциклопе-
дія. Иллюстрирован-
ный словарь искусствъ
и художествъ). Т. I. Спб.
1886 г. Ц. 3 р.
- БУРЕННИЦЪ, В. Ли-
тературн. дѣятельн. Турге-
нева. Съ портрет. Изд. 2-е.
Ц. 1 р. 25 к.
- Критические очерки
и памфлеты. Ц. 1 р. 25 к.
- Изъ соврем. жизни.
Фельстон. рассказы Ма-
ститаго Балестриста. Ц.
1 р. 50 к.
- Бытове. Стихотворе-
ния. Ц. 1 р. 75 к.
- Страны. Стихотворе-
ния. Ц. въ пер. 2 р.
- Нѣсси и Шарж. Новый стихотворенія. Ц.
1 р. 50 к.
- Мертваго нюга. Та-
инственный процессъ.—
Романъ въ Кисловодѣ.
Рассказъ. Ц. 1 р.
- БІЖЕНІКІЙ, А. Н. Пу-
теки на брошки. Въ страй-
нѣ мастильки и каста-
ньють. (За Ниринеемъ —
Мадридъ — Севилья —
Гранада — Баррицъ —
Парижъ). Ц. 1 р. 25 к.
- Восенние на войнѣ.—
Святочные рассказы. Ц.
1 р. 50 к.
- ВІЛЛЕВЪ, А. П. Запи-
ски хекабиста (1803—
1850). Ц. 2 р.
- БѢКЕРЪ, САМУЭЛЬ.
Выброшен. хоремъ. Романъ
для юношества. Пере-
водъ съ англ. Съ ил-
люстраціями. На велен.
бумагѣ. Ц. 2 р.
- ВАГНІКРЪ, Н. П. Сказ-
ки Кота-Мурлыки. Изд-
ніе 4-е, пересмотрѣн., въ
дополнен. вѣсколькими
новыми сказками. Съ
самыми рисунками худож-
никовъ: Зичи, Клодта, Ку-
лиджа, Мишельшина, Савиц-
каго и Шашки. Ц. 2 р.
- ГЕЛЬВАЛЬДЪ, Ф. Р. В
области вѣчнаго лѣса. И-
сторія путешествій къ сѣ-
верному полюсу съ дре-
вѣній временъ до из-
стоянаго времени. Изд-
съ пѣмци. Со множествомъ
рисунковъ и картъ. Изд-
второе. Ц. 5 р.
- Естественная ис-
торія плакунъ и народовъ.
Со множествомъ иллюстра-
ций. Сочлененіе это, за-
ключающее въ собѣ ис-

сива, въ Верхней типографии, 1680 г., въ листъ. Съ заставками (заглавными въ нѣсколько красокъ) и друг: украшениями. Печатано въ дѣлѣ краски. Ц. 2 р.

СКАЛЬКОВСКИЙ, К. А. У скандиавськъ и фландинцевъ. Путевыя вспомогательныя по Швейціи, Данії и Вельгії. Ц. 1 р.

СМІРНОВА, С. У пристави. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

СОЛОВЬЕВЪ, Н. Я. На порогѣ къ дѣлу. Деревенскія сцены. Ц. 75 к.

СТОЮНІНЪ, В. Историческія сочиненія. Ч. I. Алем. Сем. Шинківъ. Ц. 1 р. 50 к. Часть II. А. С. Пушкінъ. Ц. 1 р. 50 к.

СУВОРИНЪ, А. и В. БУРЕНІНЪ, Медея. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ въ стихахъ и прозѣ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

— ? — ТАНЦЫ, базогъ, ихъ исторія и хѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ. Изданіе 2-е. Ц. 2 р.

ТВЕНЬ, МАРКЪ (Самуэль Клеменсъ). Принцъ и нищий. Историч. ром. для юношества всѣхъ возрастовъ. Съ 150 рисун. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

— Приключения Тома. Перев. съ англ. съ 109 рис. Ц. 2 р.

ТРИРОГОВЪ, В. Община и подать. Собрание изъбодателей. Ц. 2 р.

УМАНЕЦЪ, Ф. Изъ множества наблюдений по крестьянскому дѣлу. Ц. 1 р. 50 к.

УЭЛЬКЕНСЪ. Древнеримская жизнь. Переводъ съ англ. (съ примѣчаніями М. Стратилатова). Съ 14-ю грав. Ц. 60 к.

ФРЕНЦЕЛЬ, К. Людикферъ. Ром. изъ врем. Наполеона I. Ц. 3 р.

— Въ золотомъ блѣкѣ. Истор. ром. Ц. 2 р.

ФРИМАНЪ, Э. А. Очеркъ исторіи Европы. Перев. Стратилатова. Съ 6-ю карт. Ц. 60 к.

ФУРМАНЪ, Н. Р. Дочь шута. Ром. изъ врем. Императрицы Анны Иоакиновны. Ц. 1 р. 50 к.

— Русский граверъ. Истор. пов. 1725 и 1726 гг. Ц. 75 к.

ХМЫРОВЪ, И. Азбука языка. Задачникъ по алгебре, геометрии, съ подр. рѣш. и отвѣтами. Ц. 2 р. 50 к.

ХРУЩОВЪ, И. П. Изъ исторіи русскихъ почтъ. Очеркъ ямскіхъ и почто-

выхъ учрежденій отъ древнихъ временъ до царствованія Екатерины II. Съ портретами, снимками и картами. Ц. 2 р. 50 к.

ЧЕРКАСОВЪ, А. Записки охотника Восточной Сибири. Изд. 2-е, испр. и доп. Съ рисун. Ц. 4 р.

ШАШКОВЪ, С. С. Исторія русской женщины: Изданіе 2-е, испр. и доп. Ц. 1 р. 75 к.

ШОНЕНГАУЭРЪ, А. Свобода воли и основы королії. Две основные проблемы этики. Ц. 3 р.

— Житейская мудрость. Афоризмы и максимы. Ц. 2 р.

ШПАЖИНСКИЙ, И. В. Драматическія сочиненія. Томъ I (Майорша.—Легкое средство.—Кручица.—Фофанъ.—Прахомъ пошло!). Ц. 1 р. 50 к.

ШТЕРНЪ, А. Всеобщая исторія литературы. Перев. съ франц. дополн. библиограф. указ. Ц. 2 р.

ЭБЕРСЪ, Дочь египетскаго царя. Истор. ром., рассказанный для юношества О. Шапиръ. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к.

ФЕДОТОВЪ, А. Ф. Проблаго бычка. Комедія въ 4-хъ дѣйств. Ц. 1 р.

ДЕШЕВАЯ БИБLIOTEKA.

АНЕКДОТЫ и островы империи изречения, выбраны изъ сочинений лучшихъ древнихъ писателей. Ц. 10 к.

ВОГДАНОВИЧЪ, И. Душевина. Древоника повѣсть въ вольныхъ стихахъ. Ц. 15 к.

ВЕНЕВИТИНОВЪ. Полное собрание стихотворений. Съ биографіей и портретомъ Д. В. Веневитинова. Ц. 15 к.

ГРИВОДОВЪ, А. С. Горе отъ ума. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ въ стихахъ. Съ биографіей и портретомъ автора. Изд. 7-е. Ц. 10 к.

ДАНИЛЕВСКИЙ, Г. П. Историческіе разсказы. I. Царь Алексій съ склономъ. — II. Вечеръ въ теремѣ царя Алексія. — III. Екатерина Великая на Дубровѣ. Ц. 20 к.

— Українскія сказки. 6-е изданіе. Ц. 20 к.

ДІККЕНСЪ, Ч. Однажды въ Таунѣ. Ром. въ 2-хъ частяхъ. Ц. 50 к.

КАПНІСТЬ, В. Яб-

да. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Съ портр. и биографіей автора. Ц. 15 к.

КАРАМІЗІНЪ, Н. М. Повѣсть. Ц. 20 к.

— Письма русскимъ гоместамъ. Со статью Ф. И. Буслаева, съ портр. автора и рисун. 2 т. Ц. 1 р., на вел. бум. 2 р.

ШАШКОВЪ, С. С. Исторія государства россійскаго. Великий кн. Дмитрій Ioannovitchъ, прозваніемъ Донской. Ц. 10 к., на вел. бум. 20 к.

— Царствованіе Федора Ioannovitsa. (Правление Бориса Godunova. — Убѣдіе царевича Дмитрія. — Состоаніе Россіи въ концѣ XVI вѣка). Ц. 15 к.

— Царствованіе Бориса Федоровича и Дмитрія. Ц. 20 к.

— Царствованіе Василия Ioannovitsa Shуйскаго и междуцарствіе. Ц. 20 к.

КОСАВЪ де МЕСТРЪ. Нараша Сибирячка. Разсказъ. Ц. 10 к.

МЕРЗЛЯКОВЪ и ЦЫГАНОВЪ. Русскія песни. Съ очеркомъ жизни обоихъ поэтовъ. Изд. 3-е. Ц. 10 к., на вел. бум. 20 к.

НАРВЖНЫЙ. Бурнакъ. Романъ. I т. Ц. 35 к., на вел. бум. 65 к.

ПОЛЕВОЙ, Н. А. Повѣсть Суздалскому князю Сакеону. Историческая повѣсть. Ц. 15 к.

ПОГОРѢЛЬСКИЙ, А. Монастырка. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Ц. 25 к.

СОЛОГОБЪ, В. графъ Попѣсти и разсказы. Книга I. Аптекарина. — Мастеръ. — Неоконченная повѣсть. Ц. 20 к., на вел. бум. 30 к.

— Историческая повѣсть. Книга 2-я. (I. Сказание о синемъ и зеленомъ сундѣ. — II. Часовѣй). Съ портр. князя Я. Ф. Долгорукова. Ц. 15 к., на вел. бум. 30 к.

— Историческая повѣсть. Книга 3-я. (Позументы. — Новый годъ). Съ гравюрою: Солдаты петровского времени. Ц. 15 к., на вел. бум. 30 к.

— Историческая повѣсть. Книга 4-я. (Чернышевскій миръ. — Остапъ и Ульяна. — Старый хламъ). Ц. 15 к., на вел. бум. 30 к.

ФОНВІЗИНЪ, Д. И. Две комедіи: I. Брагадиръ. Ком. въ 5-ти дѣйствіяхъ. — II. Недоросль. Ком. въ 5-ти дѣйствіяхъ. Съ биографіей Фонвизина, его портретомъ и объяснительнымъ словаремъ изъ его комедій. Изд. 5-е.

ХЕМНИЦЕРЪ, И. Полное собрание басенъ и сказокъ. Съ биографіей и портр. автора. Ц. 15 к.

ШЕНКСНІРЪ, В. Гамлетъ. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Перев. съ англ. Н. А. Полового. Съ дополн., вариантами по другимъ переводамъ. Ц. 25 к. Ц. 15 к.

— Историческая повѣсть. Книга 6-я (Сержантъ Ivanov, или всѣ заодно. — Большой гетманъ Пакъ Савва. — Староста Механья). Ц. 15 к.

ИЗДАНІЯ А. С. СУВОРИНА

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“ (А. С. СУВОРИНА) ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, ВЪ МОСКВѢ, ВЪ ХАРЬКОВѢ И ВЪ ОДЕССѢ.

Карновичъ, Е. П. Историческіе разсказы и бытовые очерки. Съ 50 гравюрами и портретами. Ц. 3 р. 50 к.

— Замѣчательный богатства частныхъ лицъ въ Россіи. 2-е исправлен. и дополн. изданіе. Ц. 2 р.

— Родовые прозвания и титулы въ Россіи и славные иноzemцевъ съ русскими. Ц. 1 р.

Симеонъ Полоцкій. Мѣсяцесловъ въ стихахъ (перепечатка изъ Псалтыря съ мѣсяцесловомъ), переложенный стихами іеромонахомъ Симеономъ Полоцкимъ. Москва, въ Верхней типографіи, 1860 г., въ листъ. Съ заставками (заглавными въ нѣсколько красокъ) и друг. украшениями. Печатано въ дѣлѣ краски. Ц. 2 р.

Лейкнеръ, Отто. Нашъ вѣкъ. Общий обзоръ важнейшихъ явлений въ области исторіи, искусства, науки и промышленности въ теченіе послѣдняго столѣтія. Со множ. портретами государей, полководцевъ, госуд. людей, ученыхъ, поэтовъ, литераторовъ, путешественниковъ, изобрѣтателей, рисунокъ, снимковъ съ картинъ известныхъ художниковъ, автографовъ и проч. Пер. съ нѣм. in-8. Два большихъ тома; 152 стр. текста и 104 стр. указателей. Ц. за 2 т. 18 р.

Любие. Иллюстрированная исторія искусствъ. Архитектура.—Скульптура.—Живопись.—Музыка. (Для школьнаго самообученія и справокъ). Съ 134 рисунк. Ц. 2 р. 50 к.

Милюковъ, А. Царская свадьба. Историческая повѣсть изъ временъ Иоанна Грознаго. Изд. 2. Ц. 1 р.

— Разсказы изъ обыденного быта. (На улицѣ и еще кое-гдѣ). 3-е испр. и дополн. изд. Ц. 1 р.

Млекопитающія въ описанияхъ Карла Фогта и картинахъ Шпехта. Переводъ съ нѣм. Большой томъ in-folio. 454 стр. Съ 448 отдѣльными рис. Ц. въ роскошномъ тисненомъ золотомъ и краск. перепл. 23 р. Роскошные велен. экз. по 30 р., въ коленк. тиснен. зол. и краск. пер., съ зол. обрѣз. по 34 р.

Русская портрет. галлерей. Собрание портретовъ замѣчательныхъ русскихъ людей, начиная съ XVIII стол.

Хрущовъ, И. П. Къ исторіи русскихъ почтъ. Очеркъ. Ямскіе и почтовыя учрежденія отъ древнихъ временъ до царствованія Екатерины II. Съ портретами, снимками и картами. Ц. 2 р. 50 к.

Симеонъ Полоцкій. Мѣсяцесловъ въ стихахъ (перепечатка изъ Псалтыря съ мѣсяцесловомъ), переложенный стихами іеромонахомъ Симеономъ Полоцкимъ. Москва, въ Верхней типографіи, 1860 г., въ листъ. Съ заставками (заглавными въ нѣсколько красокъ) и друг. украшениями. Печатано въ дѣлѣ краски. Ц. 2 р.

Саймъ, Джемисъ. Краткая исторія ирландской литературы. Пер. съ англ. Ц. 60 к., въ перепл. 80 к.

Саласъ Графъ. Петербургское дѣйствіе. Исторический романъ. 3 т., изданіе 2-е. Ц. 4 р.

— Los Novios. Повѣсть изъ современныхъ ирландцевъ. Ц. 1 р.

— На Москву. Исторический ром. (Изъ временъ чумы 1771 г.) 2 т. Ц. 4 р.

— Атаманъ Устя. Поволжская быль. Ц. 2 р.

— Пoetъ-намѣстникъ 1755—1788 г. Ц. 1 р.

— Свадебный бунтъ. Исторический романъ (1705 г.) Ц. 2 р.

Сахаровъ, П. Сказания русского народа. Народный дневникъ. — Праздники и обычай. Ц. 75 коп.

— Сказания русского народа. Русское народное чернокнижіе — Русская народная игра, загадки, присловья и притчи. Ц. 75 коп.

Хрущовъ, И. П. Къ исторіи русскихъ почтъ. Очеркъ. Ямскіе и почтовыя учрежденія отъ древнихъ временъ до царствованія Екатерины II. Съ портретами, снимками и картами. Ц. 2 р. 50 к.

ИЗДАНИЯ А. С. СУВОРИНА

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“ (А. С. СУВОРИНА) ВЪ С.-ПЕТЕРВУРГѢ, ВЪ МОСКВѢ, ВЪ ХАРЬКОВѢ И ВЪ ОДЕССѢ.

— Аверкиевъ, Д. Либо. Историч. поэма. Ц. 1 р.

— Хмѣлевая ночь. Ист. романъ. Ц. 1 р.

Библія въ картинахъ знаменитыхъ мастеровъ. Новый Завѣтъ. 50 снимковъ, посрд. гелографії, съ знаменитыхъ гравюре, передающихъ картины величайшихъ художниковъ, и текстъ къ картинамъ. In-folio. Ц. 25 р., въ роскош. пер. съ зол. обр. 30 р.

Бороздинъ, К. А. Закавказскія воспоминанія. Мингрелия и Сванетія съ 1854 по 1861 г. Съ 5-ю портр. Ц. 2 р.

Благово, Д. Разсказы бабушки изъ посломинаний пяти поколѣй. Съ портретомъ. Ц. 3 р.

Гельвальдъ, Фр. Въ области вѣчнаго льда. Исторія путешествій къ сѣверному полюсу съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени. Пер. съ франц. Со множеств. рисунковъ и картъ. Изд. второе. Ц. 5 р.

— Естественная исторія племенъ и народовъ. Со множеств. иллюстрацій. Сочиненіе это, заключающее въ себѣ исторію развитія культуры племенъ и народовъ земного шара, иллюстрировано художникомъ Келлеръ Лейцинеромъ: типы расъ, предметы ихъ домашнаго быта, и пр. 2 большихъ тома, 1418 стр. Ц. 15 руб.

Грибоѣдовъ, А. С. Горѣ отъ ума. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Съ предисловіемъ „Горѣ отъ ума и его критики“ А. С. Суворина, съ послѣдовательствомъ и вариантами. Роскоши. издание на слоновой бум. Напечатано всего 400 экз. Всѣ экз. нумерованы. Повторенія этого изданія не будетъ. Ц. 4 р., въ роскоши. пер. въ зол. обрѣгомъ 6 р. 50 к.

Гречъ, Н. И. Записки о моей жизни. Съ портретомъ. Ц. 3 р. 50 к.

Данилевскій, Г. П. На Индію при Петрѣ I.—Потемкинъ изъ Дунаѧ. Историч. романъ. Ц. 1 р. 50 к.

— Княжна Тарасанова. Истор. романъ. — Уманская рѣзня (Послѣдніе запорожцы). Истор. повѣсть. Ц. 1 р. 50 к.

— Мировичъ (1762 — 1764). Историч. романъ. Ц. 2 р.

Иллюстрированная исторія Петра Великаго. Текстъ А. Г. Бриккера, профессора Дерптскаго университета. Гравюры на деревѣ Панемакера и Матте въ Царикѣ, Кезеберга и Эртелья въ Лейпцигѣ, Клосса и Хельма въ Штутгартѣ, Зубчанинова, Рашевскаго, Шлипера и Бинкера въ Петербургѣ. Заглавный листъ, заглавные буквы и украшенія художника Панова. Ц. 15 р.

Иллюстрированная исторія Екатерины II издана по тому же плану, какъ изданная уже „Ил. Исторія Петра Вел.“, и заключаетъ въ себѣ до 300 портретовъ, типовъ, бытовыхъ сценъ и проч., воспроизведенныхъ преимущественно съ рѣдквхъ подлинниковъ Екатерининскаго времени. Текстъ А. Г. Бриккера; профес. Дерптскаго универ. 3 тома Ц. 18 р.

Историческая портретная галлерея. Собрание портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 года, съ краткими ихъ биографіями. Фототипіи съ лучшихъ образцовъ. Изданіе выходитъ выпусками, до 8 портретовъ въ каждомъ. Цѣна каждому вып. 2 р.

Историческіе разсказы и анекдоты изъ жизни русскихъ государей и замѣчательныхъ людей XVIII и XIX столѣтій. Ц. 1 р. 50 к.

Карновичъ, Е. П. Замѣчательныя и загадочные личности XVIII и XIX столѣтій. Съ 13 гравюрами. Ц. 3 р.